

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Целунов Алексей Борисович

**Социально-экономическое развитие поствизантийской
Италии. Романья во второй половине VIII–X вв.**

Раздел 07.00.00 — исторические науки

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история (история Средних веков)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., доц. Филиппов Игорь Святославович

Москва – 2019

Оглавление

Введение	4
Содержание научной проблемы.....	4
Степень разработанности темы.....	16
Глава 1. Равеннские акты как исторический источник.....	45
§ 1. История изучения и издания документов Равенны.....	45
§ 2. Равеннские акты.....	54
§ 3. «Баварский кодекс»	62
§ 4. Язык, грамотность и письменная культура.....	66
Глава 2. Территориальное устройство Романьи в VIII–X вв.	74
§ 1. Границы региона.....	74
§ 2. Территориальная организация и поселенческая структура.....	81
§ 3. Политическая география бывшего Экзархата и Пентаполей.....	96
Глава 3. Сельское хозяйство и аграрный пейзаж региона в VIII–X вв.	108
§ 1. Природно-хозяйственная специфика региона.....	108
§ 2. Сельскохозяйственное производство.....	126
§ 3. Аграрный пейзаж Романьи в VIII–X вв.....	140
Глава 4. Крупное хозяйство и вотчина в VIII–X вв.	191
§ 1. Вводные замечания.....	191
§ 2. Эволюция крупного хозяйства в VI–X вв.	197
§ 2. Архиепископское хозяйство в IX–X вв.	209
§ 4. Монастырские патримонии	265
§ 5. Крупное светское землевладение.....	271
Глава 5. Сельское население Романьи VIII–X вв.	289
§ 1. Вводные замечания.....	289
§ 2. Крестьянская аренда.....	294
§ 3. Социально-экономическое и правовое положение арендаторов-либелляриев.....	315
§ 4. Организационные формы сельского производства и проблема общины... ..	331
§ 5. Мелкие трудовые собственники и промежуточные группы.....	346
Глава 6. Городская среда Романьи	359
§ 1. Материальный облик города Романьи	359

§ 2. Функции и социальная природа города Романьи VIII–X вв.	364
§ 3. Ремесленное и торговое население	378
Глава 7. Формирование и консолидация господствующего класса Романьи	404
§ 1. Социальные источники классовообразования.....	404
§ 2. Этапы складывания правящей элиты.	438
§ 3. Отношения собственности.....	448
§ 4. Механизмы легитимации власти и «стратегии выживания» знати	491
Заключение.....	524
Список сокращений	533
Библиография	536
Источники.....	536
Исследования.....	540
Приложение 1. Неиталийское население Романьи в IX–X вв.....	581
Приложение 2. Перевод Carta Piscatoria (943 г.).....	582

Введение

Содержание научной проблемы. Переходные эпохи издавна привлекают внимание историков. Одним из наиболее исследуемых и объективно наиболее важных для понимания истории переходов является переход от античного общества к средневековому. Обычно эта проблема изучается на материале варварских королевств, возникших на территориях Юго-Западной Европы после падения Западной Римской империи.

История западноевропейских областей, оказавшихся в VI в. под властью Восточной Римской империи и утраченных ею в VII–XI вв., во многом выпадает из контекста позднеантичных штудий. Границу между Восточной Римской империей и Византией обычно проводят по VII в. Это переломное столетие увидело закат античного муниципального строя, рождение новых общественных структур и падение константинопольской власти в большинстве византийских владений как на Западе, так и на Востоке. Но вопросы, поднимаемые исследователями византийского наследия в Юго-Западной Европе, Африке и на Балканах, по большей части все те же, что задают себе историки собственно римского наследия. Как меняются местные сообщества после распада централизованной государственной инфраструктуры, налаженных коммуникаций и товарного обмена? Как выживают, воспроизводятся и развиваются социумы, лишившиеся политической субъектности? Как они адаптируются к новым социально-политическим условиям?

В этом отношении большой интерес представляет общественная трансформация византийских регионов Италии: Сицилии, Сардинии, Южной Италии, округи Рима, прибрежных районов Венето, Истрии и, конечно же, Романьи. При этом развитие бывших византийских владений в Западном Средиземноморье и судьба византийского наследия на этих землях изучены заметно хуже анатолийских и балканских владений Империи и даже некоторых областей «византийского содружества». Можно сослаться хотя бы на известную книгу румынского историка Николае Йорги «Византия после Византии», в

которой рассматривается многоплановое влияние Византии на развитие Дунайских княжеств¹.

В V–VI вв. в Западном Средиземноморье на руинах Римской империи, стягивавшей разнородные по этническому, хозяйственному, социальному и культурному облику регионы сетью морских и сухопутных коммуникаций, механизмами обмена, системой правовых практик и военно-политического контроля, возникают варварские *regna*, принципиально отличающиеся от имперских административных структур. Однако некоторые итальянские регионы Византии, в течение VIII–IX вв. постепенно выпавшие из орбиты константинопольского контроля, но не знавшие сколько-нибудь масштабной германской или славянской колонизации, развивались существенно иначе, чем их соседи. Настоящая диссертация посвящена одному из этих регионов.

В данной работе предпринято комплексное исследование социально-экономического строя поствизантийских областей северо-восточной Италии в VIII–X вв., в один из самых малоизученных и темных периодов их истории. В поствизантийскую эпоху, в период, предшествовавший зарождению синьорий и коммунального строя, они образовывали автономную политику, управлявшуюся архиепископами Равенны и формально входившую в состав более крупных государственных образований – Папского государства, Итальянского королевства, империй Каролингов и Оттонов.

Актуальность темы исследования. До недавнего времени изучение социально-экономического строя этого региона в докоммунальную эпоху сдерживалось ограниченным доступом к архивным фондам церковных учреждений Равенны и неудовлетворительным состоянием имевшихся публикаций источников. Из-за слабого знакомства как российских, так и зарубежных медиевистов с поствизантийскими областями западного побережья Адриатики раннесредневековая Италия изучена крайне неравномерно. Даже беглый взгляд на монументальные «кембриджские истории» средневековой

¹ Iorga N. *Bizanț după Bizanț*. București, 1972.

Европы² или работы таких авторитетных медиевистов, как К. Уикхэм, посвятившего раннесредневековой Италии добротную монографию³, позволяет понять, что романьольский материал явно недостаточно учтен и интегрирован в соответствующие региональные и страноведческие разделы. Сегодня, во многом благодаря недавнему появлению современного издания равеннских архивных документов, выполненного Р. Бенеричетти, ситуация понемногу выправляется.

В советской исторической литературе недостаточное внимание к истории бывших византийских владений Италии обусловлено также избыточным германизмом, воспринятым от националистической немецкой историографии рубежа XIX–XX вв. Характерным примером служат работы А. И. Неусыхина и А. Р. Корсунского, которые уделяли преимущественное, если не исключительное внимание роли германцев, прежде всего готов и лангобардов, в общественном развитии Юго-Западной Европы⁴. Этот крен преодолен, но, к сожалению, и в постсоветский период раннесредневековой историей романской Италии занимались очень мало. Исключением является О. Р. Бородин – автор двух серьезных книг о византийской Италии.

В историографии региона долгое время преобладал интерес к церковно-политическим сюжетам, изученным, в целом, достаточно хорошо. Гораздо менее исследованы отношения собственности, аграрное производство и общественная структура – многообразное социальное поле, которое остается в тени монументального зодчества Равенны, очаровывавшего целые поколения историков. При этом немногочисленным исследованиям по социально-экономической, социально-правовой и социально-политической истории Романьи остро недостает теоретической и методологической базы и широты исторического

² The New Cambridge Medieval History. Vol. II: c. 700 – c. 900 / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1995; The New Cambridge Medieval History. Vol. III: c. 900 – c. 1024 / Ed. T. Reuter. Cambridge, 1999.

³ Wickham C. Early Medieval Italy: Central Power and Local Society, 400–1000. London, 1981.

⁴ Неусыхин А. И. От античности к средневековью / История Италии. Том 1 / Под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. М., 1970. С. 9–71; Корсунский А. Р. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. М., 1985. С. 178–216.

контекста, которые позволили бы составить полноценное представление об особенностях развития региона в изучаемый период.

Итак, **объектом исследования** является исторический регион Романья, совпадающий с бывшими владениями Равеннского экзархата в его узком значении, в первые два с половиной столетия после падения константинопольской власти в 751 г.

Предмет исследования составляют социальные и экономические аспекты трансформации поствизантийского общества в указанном регионе с середины VIII по рубеж X и XI вв.

Непосредственной **целью** исследования является изучение процессов складывания регионального политического сообщества, сформировавшегося на базе итало-византийских провинциальных институтов.

Для достижения этой цели были поставлены следующие исследовательские **задачи**:

Первая задача – выявить пути развития и функционирования различных форм организации производства, являющихся материальной базой существования социальных групп, структурированных в консортерии, квазисемейные сообщества и корпорации. Для этого нужно выявить внутреннюю логику основных агентов производства, экономическую природу и типологию крупных хозяйств, модели распределения ренты среди разных категорий и группировок господствующего класса (светской знати и духовных учреждений). Самостоятельную проблему представляют эволюция форм организации городского неземледельческого населения региона и его место в структуре городского землевладения.

Вторая задача – изучить основные хозяйственные занятия сельского населения, формы общинной кооперации земледельцев, дать характеристику их стратификации и статусам, механизмам перераспределения ренты, степени их вовлеченности в крупное хозяйство. Для этого, в свою очередь, важно изучить материальные условия аграрного производства с акцентом на аграрном пейзаже изучаемого региона.

Третья задача – определить пути формирования господствующего класса, его социальные источники, внутреннюю динамику и ключевые этапы развития, охарактеризовать владельческие и потестарные структуры, обеспечивавшие реализацию стратегий регионального экономического и политического господства. В рамках этой задачи следует уделить особое внимание отношениям собственности, правовому и социальному содержанию господствовавших в регионе форм крупного землевладения, процессам концентрации и мобилизации крупных церковных и светских патримониев.

Хронологические и географические рамки диссертационного исследования охватывают период со второй половины VIII в. (падение Равеннского экзархата в 751 г.) по рубеж X–XI вв. (завершение поэтапной интеграции Равеннской архиепископии в политическую структуру Священной Римской империи). Обоснованность выделения этого периода в истории Романья обусловлена важностью, сложностью и содержательностью процессов, имевших место в регионе в этот период.

Романья, представлявшая собой, по сути, государственное образование под управлением равеннских архиепископов, находилась в составе Патримония св. Петра, затем Итальянского королевства (887–962), и, наконец, в 60–70-х гг. X в. вошла на правах крупного феода в состав Священной Римской империи. Важной вехой стал 999 г., когда равеннский архиепископ Герберт при содействии Оттона III был избран на папский престол под именем Сильвестра II. Несмотря на то, что вызревание качественно новых социально-политических и социально-экономических отношений растянулось еще как минимум на одно столетие, контуры реорганизации романьольского общества определяются именно в этот период.

Географические рамки исследования соответствуют исторической области Романья (в составе нынешнего региона Эмилия-Романья), с примыкающей к ней с югу северной частью современного региона Марке, который, в целом, совпадает с исторической провинцией Анконская Марка. Эти области примерно соответствуют территориям бывших византийских анклавов на побережье

Адриатики – Равеннского экзархата в его узком значении и северной части Морского и Сухопутного Пентаполей.

Теоретические и методологические основы исследования обусловлены спецификой изучаемой проблемы. Методологическая основа включает в себя основные принципы исторической науки: историзм, объективность, системность. Применяются как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специально-научные (историко-генетический, историко-сравнительный) методы. Наглядность и, главное, проверяемость и прозрачность исследовательских операций обеспечена иллюстративным материалом (таблицами, схемами) и цитированием источников в оригинале.

Работа с историческими источниками требует тщательного отбора методик, поскольку от определения и корректного использования исследовательских процедур напрямую зависят строящиеся на их основе историко-социологические обобщения. Междисциплинарный характер исследования обусловил необходимость задействования целого арсенала средств и методов, относящихся к вспомогательным и смежным дисциплинам, таким, как история права, лексикология, ономастика, просопография, архонтология, метрология, дипломатика, археология, эпиграфика. О некоторых из них следует сказать особо.

При работе с документальными памятниками, особенно с массовым актовым материалом, незаменимы методы дипломатики. Они позволяют анализировать формуляр документов, распознавать анахроничные и не вполне адекватные эпохе социальные и правовые реалии, оценивать информативность встречающихся в документах сведений.

Методы ономастики, относящиеся в первую очередь к важнейшим разделам этой дисциплины (антропонимике, топонимике и этнонимике), незаменимы для изучения многих аспектов удаленных от нас обществ, оставивших о себе не так уж много свидетельств. Антропонимика способствует пониманию общего и особенного в системах имянаречения отдельных индивидов, родов, семейств и целых локальных сообществ. Имя было важным маркером семейных, а также квазисемейных коллективов, выстраивавших свою идентичность в новых

общественных условиях. Оно способно многое прояснить в культурных привычках и горизонтах, политических и культовых предпочтениях различных социальных групп. Топонимика незаменима для воссоздания картины распределения земельных богатств, природной среды, хозяйственных занятий, системы поселений и географии владельческих прав. Этнонимика способствует пониманию этнической истории изучаемого региона, позволяет выявлять иноэтничные анклав и следы миграционных процессов.

Методы просопографии помогают реконструировать генеалогии крупнейших родов романьольской знати. Изучение карьер отдельных представителей итало-византийской элиты позволяет систематизировать большие массивы данных, на основе которых выявляется общее и особенное в стратегиях элит по сохранению своего имущественного положения, политического и идеологического влияния, а в некоторых случаях – локального и регионального господства.

Терминологический анализ очень важен для изучения институтов, обычаев и представлений, запечатленных в письменных памятниках. Он способствует адекватному переводу терминов и понятий, их раскрытию без существенных потерь для понимания их социокультурного содержания. Наконец, методы исторической метрологии позволяют работать с хозяйственными документами, оценивать размеры земельных владений, масштабы цен, примерный уровень эксплуатации и материального благополучия сельских жителей.

В изучении городских поселений и сельских сообществ, где наблюдается высокая густота общественных связей, незаменим инструментарий case-study, особенно продуктивный при работе с судебными документами и частными актами. Он позволяет видеть судьбы отдельных индивидов, а также локальных сообществ и семейств, фиксировать изменения их социального и правового состояния, отмечать особенности поведения контрагентов, а также вписывать каждый конкретный казус в поле типичных для своего времени общественных практик. С помощью этого инструментария формируются карты семейных и соседских сообществ, изучается удельный вес горизонтальных и вертикальных

связей внутри них. Это, в свою очередь, открывает путь для социологически значимых обобщений, способствующих пониманию функционирования романьольского социума.

Теоретической основой настоящего исследования послужил историко-материалистический метод. Я ориентируюсь на идеи, развивавшиеся в советской медиевистике (Е. А. Косминский, Ю. Л. Бессмертный) византистике (М. Я. Сюзюмов, Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан), антиковедении (Е. М. Штаерман, К. К. Зельин) и востоковедении (В. И. Илюшечкин, И. М. Дьяконов, И. П. Петрушевский, Л. Б. Алаев). Развернувшиеся в советской византистике начиная с 50-х гг. дебаты о природе налогообложения и верховной собственности в Византии вращались вокруг таких вопросов, как степень и темпы феодализации византийского общества и экономики и сама характеристика общественного строя Византии в целом. Эта проблематика важна и для данного исследования.

На новый уровень теоретического осмысления эти проблемы были подняты в трудах медиевистов т.н. «Бирмингемской школы», сформировавшейся в среде учеников и последователей влиятельного британского историка-марксиста Р. Хилтона. Дистанцируясь от пятичленной модели, исследовательский и эвристический потенциал которой к 1950–60-м гг. был в значительной мере исчерпан, К. Уикхэм, Дж. Хэлдон и Х. Берктай в 80-х гг. подхватили и развили мысль неомарксистского теоретика С. Амина об особом трибутарном способе производства как универсальной стадийной модели, предшествовавшей зарождению и экспансии капиталистической системы в XVI в.⁵ В советской науке такой подход в наиболее полной и развернутой форме представлен в трудах В. И. Илюшечкина (1915–1996). Он выдвинул теорию «рентного способа

⁵ *Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. New York, 1976. P. 13–58; Wickham C. The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism // Past and Present. 1984. Vol. 103, № 1. P. 3–36; Wickham C. The Uniqueness of the East // The Journal of Peasant Studies. 1985. Vol. 12. № 2–3. P. 166–196; Bertay H. The Feudalism Debate: The Turkish End – Is «Tax – vs. Rent» Necessarily the Product and Sign of a Modal Difference? // The Journal of Peasant Studies. 1987. Vol. 14. № 3. P. 291–333; Haldon J. The State and the Tributary Mode of Production. London–New York, 1993; Wickham C. Productive Forces and the Economic Logic of the Feudal Mode of Production // Historical Materialism. 2008. № 16. P. 3–22.*

производства» и попытался обосновать ее в понятиях марксистской политэкономии⁶.

В основе развиваемой этими учеными парадигмы – идея, что сложные налоговые режимы Востока и феодальные экономики Европы объединяет единый способ производства, основанный на принудительном изъятии ренты (coercive rent-taking) в ее различных (в т.ч. централизованных) формах. Такой подход никак не нивелирует качественных различий между обществами, построенными на разном соотношении рентной и налоговой эксплуатации в их морфологической структуре. Несмотря на глубинное сходство, налицо серьезные различия в отношениях собственности, сословной и классовой структуре, принципах организации политической власти и правовых системах.

Уход с исторической сцены сильного централизованного государства, осуществляющего налоговую эксплуатацию подконтрольных ему территорий, серьезным образом меняет социально-политический и экономический ландшафт провинциальных сообществ бывшей Империи. Именно под этим углом стала изучаться в последнее время трансформация позднеантичного общества и государства. В свою очередь, сосуществование ренты и налога в государствах докапиталистической эпохи многое объясняет в их внутренней динамике. Плодотворность этой объяснительной модели на византийском материале показал Дж. Хэлдон. Она важна и для осмысления общественного развития итальянских регионов Византии, в том числе после их выхода из-под власти Константинополя, поскольку, в частности, может во многом объяснить развивавшиеся в VI–IX вв. в его западных владениях автономистские и сепаратистские тенденции⁷.

Выбор в пользу историко-материалистической методологии определен поставленными и решаемыми в ходе исследования теоретическими вопросами и задачами. Далек не каждый выработанный в общественных науках метод

⁶ *Илюшечкин В. П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования). М., 1990.

⁷ *Salazar I. S.* Las transformaciones de la fiscalidad en el territorio de Rávena entre los siglos V y VIII // *Between Taxation and Rent. Fiscal Problems from Late Antiquity to Early Middle Ages* / Ed. P. C. Díaz, I. M. Viso. Bari, 2011. P. 107–146.

пригоден для описания и систематизации исторических явлений и фактов. У историко-материалистического метода в этом смысле есть ряд важных преимуществ. Его применение существенно углубляет наши представления о прошлом и возвращает холистическое видение истории как всемирно-исторического процесса. Он позволяет видеть общественные процессы в их тотальности, преодолевая традиционное деление общественных отношений на экономическую, политическую и социальную сферы. Кроме того, эта стратегия обладает существенным эвристическим потенциалом, особенно ценным для исторической социологии и компаративистики.

Но выдвижение и апробация гипотез не должны опережать работу с историческим материалом. Ни один метод не содержит готовых теоретических решений для описания морфологии и внутренней динамики удаленных от нас обществ. Подмена истории теорией закрывает путь к углубленному пониманию социальной и экономической динамики социумов, рациональности действий и решений основных агентов общественного производства, логики движения и распада сложных общественных систем. Разворачивание метода происходит в процессе углубленной работы с конкретным эмпирическим материалом. Это касается и более глубинных пластов исторической действительности, далеко не полностью осмысленных марксизмом. Здесь я ориентируюсь на идеи, развивавшиеся А. Я. Гуревичем, В. М. Смирным, И. С. Филипповым, которые показали специфику правоимущественных отношений в картине мира древнего и средневекового человека и в социумах соответствующих эпох⁸.

В заключение – несколько слов о понятийном аппарате. Большинство терминов и понятий («класс», «эксплуатация», «собственность», «прибавочный продукт» и т.д.) используются в их классическом марксистском значении. Исключением является понятие «феодализм». В настоящей работе я использую

⁸ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 139–192; *Смирин В. М.* Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // *Культура Древнего Рима. Т. 2* / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985. С. 5–79. *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 550–691.

этот термин (и производные от него) в его классическом значении – как характеристику социально-правовых отношений вассально-бенефициарного типа и, шире, «одного из типов политико-правовой организации»⁹. Это согласуется с немарксистским пониманием феодализма в западноевропейской науке, лучше всего описанным Ф. Л. Гансхофом, а на итальянском материале – «мэтром» итальянской медиевистики Дж. Табакко¹⁰.

Структура работы. Цели и задачи исследования во многом определили структуру работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, построенных по тематическому принципу, библиографии и нескольких приложений.

В первой главе освещается история выявления, изучения и издания основных документальных памятников Равенны, дается характеристика корпуса равеннских актов, их типология, оценивается их репрезентативность, информативность и достоверность, а также состояние грамотности и письменной культуры в Романье VIII–X вв.

Во второй главе определяются границы изучаемого региона, освещаются основные вопросы его территориальной организации и поселенческой структуры. Здесь же разбираются ключевые вопросы политической географии региона, прежде всего, связанные с изучением потестарных и землевладельческих структур Равеннской церкви.

Третья глава посвящена аграрному пейзажу и сельскохозяйственному производству региона. В ее задачи входит уточнение и корректировка представлений о континуитете в хозяйственном развитии региона, определение

⁹ *Илюшечкин В. П.* О происхождении и эволюции понятия «феодализм» // Народы Азии и Африки. 1987. № 6. С. 72–85.

¹⁰ См. об этом: *Tabacco G.* Il feudalesimo // Storia delle idee politiche, economiche e sociali. Vol. 2. Torino, 1983. P. 55–115; *Wickham C.* Le forme del feudalesimo // Il feudalesimo dell'alto Medioevo (Atti della XLVII Settimana di studio del Centro italiano di Studi sull'Alto Medioevo). Spoleto, 2000. P. 15–45; О трудностях с марксистским пониманием феодализма см.: *Filippov I. S.* The Notion of Feudalism in Russian Historiography // El temps i l'espai del Feudalisme. Lleida, 2004. P. 149–165; *Филиппов И. С.* Б. Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма // Французский ежегодник. 2007. С. 87–129; *Abels R.* The Historiography of a Construct: «Feudalism» and the Medieval Historian // History Compass. 2009. Vol. 7. № 3. P. 1008–1031.

места позднеримских по происхождению аграрных структур в новых общественных условиях.

В четвертой главе речь идет об организации крупного производства и вотчинных моделях организации хозяйства. Показаны как особенности регионального развития, так и черты, роднившие Романью с другими областями и регионами Италии и Юго-Западной Европы в целом.

Пятая глава посвящена земледельческому населению региона, его социально-экономическому облику и социально-правовому статусу, самоорганизации, характеру его отношений с собственниками земли. Особое место занимает община и ее роль в жизни сельских обитателей Романьи.

В шестой главе изучается природа раннесредневекового города Романьи и его место в складывающемся региональном сообществе. В центре внимания – городское неземледельческое население и формы его социальной и профессиональной кооперации. Показана принципиальная комплементарность здешних городов новым региональным владельческим структурам.

Седьмая, завершающая, глава, посвящена складыванию господствующего класса. Предметом изучения являются светские элиты региона, ее этнические и социальные истоки, внутренняя структура, взаимодействие с церковными и монастырскими учреждениями, «стратегии выживания» в новых общественных условиях, обеспечившие переход к феодальной модели функционирования землевладельческой элиты на рубеже X–XI вв.

Источниковой базой исследования является корпус опубликованных документов, созданных между серединой VIII и рубежом X и XI вв., из Архиепископского архива Равенны и архивов некоторых других церковных учреждений. Кроме того, используется актовый материал из архивов ряда пограничных областей Экзархата, например, из Имолы и Феррары. Логика исследования вынуждает активно обращаться к разнообразным дополнительным источникам. Это документальные, нормативные, нарративные, эпистолярные памятники, а также данные этнографических, археологических и краеведческих исследований. Среди них – папские и императорские дипломы, корреспонденция,

жития святых и другие источники. Помимо этого, привлекается материал римского, византийского и коммунального периодов, а также источники из соседних областей.

Важнейшим нарративным источником для данного исследования является «Книга понтификов Равенны», составленная в 830–840-е гг. равенским историком Агнеллом. Она представляет собой оригинальное многоплановое сочинение, посвященное церковной истории Равенны начиная с раннехристианской эпохи и до правления архиепископа Георгия (837–846).

Степень разработанности темы. Историографические сюжеты, касающиеся тех или иных частных проблем романьольского средневековья, будут освещены в соответствующих разделах настоящей работы. В этом разделе дается оценка общему состоянию историографии региона.

Обращаясь к историографии социально-политического и социально-экономического развития поствизантийской Романьи в VIII–X вв., следует с сожалением признать, что общий объем исторических исследований, непосредственно посвященных этим аспектам, сравнительно невелик. Он едва ли может сравниться с богатой историографической традицией изучения византийской Италии, в рамках которой историки последних трех столетий достигли больших успехов в изучении социально-политической и экономической жизни региона в VI–VII вв.¹¹ В популярных, в том числе энциклопедических

¹¹ Изучение византийского периода имеет глубокие традиции в итальянской, немецкой и французской историографии XVIII–XIX вв. Подлинный расцвет приходится на конец XIX в., когда вышли в свет фундаментальные исследования историков-позитивистов. См. об этом: *Vespignani G.* Bibliografia dell'Italia bizantina (secc. VI–XI). Storia, società, istituzioni. Parte I // *Reti Medievali – Rivista*. 2009, № 10. P. 1–49. Наиболее важные работы: *Calisse C.* Il governo dei bizantini in Italia // *Rivista Storica Italiana*. 1885. Vol. XI. P. 265–335; *Hartmann L. M.* Untersuchungen zur Geschichte der Byzantinischen Verwaltung im Italien (540–750). Leipzig, 1889; *Diehl C.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne. Paris, 1888; *Cohn H.* Die Stellung des byzantinischen Statthalter in Ober- und Mittelitalien (540–751). Berlin, 1889; *Gay J.* L'Italie Meridionale et l'Empire Byzantin depuis l'avènement de Basile 1er jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867–1071). Paris, 1904; *Stein E.* Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit // *Klio*, 16. 1920. S. 40–71; *Guillou A.* Régionalisme et indépendance dans l'Empire byzantin au VIIe siècle: l'exemple de l'exarchat et de la Pentapole d'Italie. Rome, 1969; *Brown T. S.* Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic Power in Byzantine Italy. A. D. 554–800. London, 1984; *Martin J. M.* Byzance et l'Italie méridionale. Paris, 2014; *Deliyannis D. M.* Ravenna in Late Antiquity. Cambridge, 2010. Из советских и российских исследований см. в

очерках историко-краеведческого характера, история Романьи нередко обрывается на падении Экзархата, после чего возобновляется уже с XII–XIII вв. Период между этими эпохами долгое время считался темными веками в истории региона¹². Раннесредневековая Романья часто рисовалась полем противостояния различных политических сил: пап, итальянских королей, франкских, а затем и германских королей и императоров. Такая позиция отказывает населению региона в политической субъектности, сводит все многообразие местной социально-политической жизни к главе из истории дипломатических отношений.

В историографии Равенны, бесспорного регионального центра, первое и наиболее почетное место занимают историко-культурные и искусствоведческие исследования, имеющие весьма древнюю традицию¹³. Уникальный статус Равенны в позднеантичную и раннесредневековую эпоху (*sedes regia* в 404/405–489 гг., столица Остготского королевства в 493–540 гг., центр византийских владений в 540–751 гг.) на века определил облик города, прежде всего благодаря интенсивному монументальному строительству, в частности, всемирно известных культовых сооружений.

Историки, тем самым, оказываются в плену у довлеющей над ними мощной искусствоведческой традиции. Сама эта традиция, восходящая к равеннскому историку IX в. Агнеллу, закладывалась и развивалась столетиями, пережив расцвет в XVII–XVIII в. в трудах Дж. Фабри и Д. Чьямпини¹⁴. При этом материальный облик города в целом долгое время оставался в тени

первую очередь: *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959; *Бородин О. Р.* Византийская Италия в VI–VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991; *Он же.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001.

¹² См., например, обзорную статью, написанную для «Итальянской энциклопедии» в 1936 г. (URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/romagna_%28Enciclopedia-Italiana%29; дата обращения 07.04.2019)

¹³ См. классические монографии К. Риччи и Ф. В. Дайхмана: *Ricci C.* Raccolte artistiche di Ravenna. Bergamo, 1905; *Deichmann F. W.* Ravenna. Hauptstadt des spätantiken Abendlandes Bd. 1–3. Wiesbaden, 1969–1989.

¹⁴ *Fabri G.* Le sagre memorie di Ravenna antica. Parte prima. Venetia, 1664; *Ciampini G.* Vetera monimenta: in quibus præcipuè musiva opera sacrarum, profanarumque ædium structura, ac nonnulli antiqui ritus, dissertationibus, iconibusque illustrantur. T. 1–2. Roma. 1690–99; *Buonamici G.* Metropolitana di Ravenna, co' disegni dell'antica Basilica, del Museo Arcivescovile, e della Rotonda fuori delle mura della città. Bologna, 1748–1754; *Barozzi G. A.* Descrizione della chiesa di S. Vitale. Bologna, 1782; *Guastazzi G. M.* Storia della Basilica di Classe. Ravenna, 1775.

позднеантичных памятников церковного зодчества. Одним из лучших обобщающих исследований по истории его светских зданий и учреждений до сих пор остается сочинение «Древние светские сооружения Равенны» равеннского историка XVIII в. Антонио Цирардини¹⁵. Этот тематический перекоп выправляется лишь в последние десятилетия, во многом благодаря активному сотрудничеству историков, археологов и архивистов.

Историографическая традиция Равенны восходит к IX в., когда в 830–840-х гг. равеннский клирик Агнелл (р. между 794 и 799/804 гг.) по образцу римской «Книги понтификов»¹⁶ составил оригинальное многожанровое сочинение, включающее агиографические элементы. Структура и жанровые особенности «Книги» на несколько веков вперед определили основные направления работы локальных историографов XVI–XIX вв.

Сочинение посвящено церковной истории Равенны начиная с раннехристианской эпохи¹⁷. Труд включает жизнеописания местных епископов от полулегендарного св. Аполлинария (46–74) до Георгия (834–846), современника Агнелла. Сочинение содержит ценные сведения о перипетиях церковно-политической жизни, непростых взаимоотношениях равеннских «понтификов» с римской курией и собственным клиром, а также подробные описания строительных работ и архитектурных памятников. «Книга» основывалась на ряде письменных источников, среди которых – проповеди епископа Петра Хрисолога (ок. 431–450), хроника архиепископа Максимиана (546–556), «История лангобардов» Павла Дякона (ок. 720–799), некоторые публичные акты и эпитафические материалы. Не меньшим она обязана и богатой устной традиции, дошедшей до автора, главным образом, через информантов старшего поколения¹⁸.

¹⁵ Zirardini A. Degli antichi edifizj profane di Ravenna libri due. Faenza, 1762.

¹⁶ Бородин О. П. Средневековые «Книги понтификов» — формирование историографического жанра // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 64–72.

¹⁷ Deliyannis D. M. Ravenna in Late Antiquity. P. 6. Цитаты и ссылки на Агнелла в тексте приводятся по изданию: *Agnelli Ravennatis Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis* / Ed. D. M. Deliyannis. Turnhout, 2006 (далее – Agnellus).

¹⁸ Pizarro J. M. Writing Ravenna. The Liber Pontificalis of Andreas Agnellus. Ann Arbor, 1995. P. 71–81.

«Книга понтификов Равенны» замышлялась автором как альтернативная, равеннская версия итальянской истории. Это тенденциозное по содержанию сочинение красной нитью проводит мотив независимости Равеннской архиепископии от Римской церкви, особенно остро воспринимавшийся автором в годы, когда Равенна с утратой автокефалии практически лишилась бывшего церковно-политического значения, а Равеннская церковь, к 830-м гг. фактически подчинившись Риму, только копила силы для нового витка противостояния с папами в 50–80-е гг. IX в.

Томас Браун видит в этом произведении яркое проявление крайнего регионализма (ит. *campanilismo*)¹⁹, который можно без труда обнаружить и в творчестве позднейших равеннских историков. Будучи человеком, в равной мере принадлежащим «клиру» (он был «аббатом» двух равеннских церквей – св. Марии *ad Blachernas* и св. Варфоломея) и «народу» (он был выходцем из влиятельного и знатного семейства), Агнелл был проводником настроений аристократической части духовенства, оппозиционной автократии местных понтификов. Бичуя нравственную деградацию последних равеннских архиепископов, он отстаивает древние привилегии клира²⁰.

«Книга понтификов Равенны», по-настоящему открытая лишь в XVI в.²¹, легла в основу всей долгой историографической традиции Равенны XVII–XIX вв. Но в Средние века, не в последнюю очередь благодаря своему антиримскому пафосу, сочинение оказалось надолго погребенным в библиотеках. Судя по всему, до XVI в. оно получило очень ограниченное хождение, хотя и повлияло на традицию городского историописания. За исключением некоторых сочинений конца XIII в., посвященных главным образом позднеантичному периоду и

¹⁹ *Brown T. S. Romanitas and Campanilismo: Agnellus of Ravenna's View of the Past // The Inheritance of Historiography, 300–900 / Ed. C. Holdsworth, T. P. Wiseman. Exeter, 1986. P. 107–114; Бороздин О. Р. Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 49–66.*

²⁰ *Deliyannis D. M. The Book of Pontiffs of the Church of Ravenna (Medieval Texts in Translation). Washington, 2004. P. VII.*

²¹ *См. Vasina A. La fortuna di Agnello ravennate fino al XVI secolo // Lineamenti culturali dell'Emilia-Romagna: Antiquariato, erudizione, storiografia dal XIV al XVIII secolo / Ed. A. Vasina. Ravenna, 1978. P. 79–129.*

монументальному строительству, равеннская историография долгое время не была представлена крупными трудами. В свою очередь, дошедшие до нас хронографические памятники, такие, как анонимная «Хроника города Равенны» (после 1346 г.), к сожалению, почти никогда сколько-нибудь серьезно и не изучались. Лишь в последние годы предпринимаются попытки восполнить эту досадную лакуну²².

Начиная с XV в. стали появляться первые сочинения местных антикваров и эрудитов, создававшиеся на основе разнообразных источников, в первую очередь – агиографических и биографических памятников. Труд Агнелла, практически неизвестный за пределами Равенны, серьезно повлиял лишь на историков последующих столетий. Несмотря на то, что «Книга» была скомпилирована в рамках т.н. «Codex Estensis» в 1413 г., ее влияние еще долгое время было эфемерным. Так, историк-гуманист Дезидерио Спрети (1414–1474), автор труда по истории Равенны, вышедшего в свет в 1489 г., был плохо знаком с текстом Агнелла. В своем трехтомном труде, написанном на гуманистической латыни, историк опирается почти исключительно на эпиграфический материал, в частности, на надгробные надписи, хорошо сохранившиеся в Равенне²³. Подлинное открытие LPR произошло уже в XVI в. и было связано с появлением труда наиболее значительного историка Равенны эпохи Ренессанса Джироламо Росси.

Начиная с XVI в. история Равенны и Романьи стали предметом размышлений ряда ученых клириков, эрудитов и краеведов. Это и понятно: XVI–XVII вв., ознаменованные всплеском интереса к истории, были чрезвычайно важным периодом в становлении не только «национальных», но и региональных и

²² См. проект <http://www.cronachevenezianeravennati.it> (дата обращения 07.04.2019). См. также: Torre A. Considerazioni sulla storiografia di Ravenna medievale // Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per la Romagna. N.S. 1951. Vol. II. P. 97–108.

²³ *Desiderii Spreti historici Ravennatis. De amplitudine, vastatione et instauratione urbis Ravennae libri III. Venetiis. 1588.* Это сочинение было частично переведено на итальянский язык и издано в 90-х гг. XVIII в.: *Idem. Dell'origine e della magnifenza, della decadenza e del risorgimento della città di Ravenna libri tre. Venezia, 1793–1796.*

городских исторических нарративов²⁴. Рефлексия местных интеллектуалов подпитывалась и сравнительно недавними для эрудитов XVI и XVII вв. трагическими событиями, а именно разрушением города французско-фerrarскими войсками в 1512 г. в ходе Войны Камбрейской лиги, от последствий которых Равенна так и не сумела оправиться в полной мере.

Эти сочинения исключительно полезны: нередко они содержат пересказы или прямые заимствования из утерянных документов и эпиграфических памятников. Некоторые из этих источников, особенно надписи на стенах культовых сооружений, иначе до нас не дошли. В числе этих сочинений нужно упомянуть труд Дж. Ферретти (1482–1557), равеннца, епископа Лавелло, занимавшегося историей Равенны²⁵. Среди его сочинений – труд об истории Равеннского экзархата от его основания до 1530 г., посвященный папе Клименту VII. Из письма его племянника Эзусперанцио Ферретти Сенату Равенны от 29.12.1582 г. следует, что сочинение в расширенном и переработанном виде включало в себя биографии всех архиепископов Равенны и зодчих городских церквей, а также описания хранящихся в них реликвий. Но Э. Ферретти безуспешно пытался обосновать выделение средств на публикацию этого труда перед лицом его главного соперника – Джироламо Росси (1539–1607).

Труд Джироламо Росси (латинизированное имя – Hieronymus Rubeus) «История Равенны в десяти книгах» является наиболее выдающимся ренессансным сочинением, посвященным истории города²⁶. Обеспечивший своему автору славу и признание городских властей, труд увидел свет в 1572 г. и был повторно переиздан в 1587 г. по распоряжению городского Сената.

²⁴ См. об этом: *Vasina A.* Lineamenti culturali dell'Emilia Romagna. Antiquaria, erudizione, storiografia dal XIV al XVIII secolo. Ravenna, 1978; *Varanini G. M.* Ecclesiastici e storiografia locale in età moderna (prima approssimazione). Scritture storiche «civili» di ecclesiastici (XVI–XVII sec.) // *Storiografia e identità dei centri minori italiani tra la fine del medioevo e l'Ottocento (Atti del XIII Convegno di studi)* / A cura di G. M. Varanini. Firenze, 2013. P. 4–28.

²⁵ *Benericetti R.* Il Pontificale di Ravenna. Studio critico. Faenza, 1994. P. 45–47; *Pasolini G.* L'opera sull'esarcato di G. P. Ferretti, vescovo di Lavello, e le sue vicende // *Atti e memorie della R. Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna.* 1922. Ser. IV, Vol. XII. P. 101–119.

²⁶ *Rubeus H.* Historiarum Ravennatum libri decem. Venetiis, 1589.

Росси не только опирается на сочинение Агнелла, но и в определенном смысле стремится воспроизвести его метод, широко пользуясь данными эпиграфики. Именно с него начинается работа по систематическому сбору и изучению источников по истории Равенны. Росси отмечал, что архиепископская библиотека и архив находились в плачевном состоянии и что многие документы испорчены или украдены²⁷.

Его труд не утратил своей ценности и по сей день, поскольку содержит ценную информацию о не дошедших до настоящего времени источниках. Так, Р. Бенеричетти отмечает, что ряд грамот, упоминаемых Росси, отныне утерян, и мы можем составить о них представление исключительно по его книге²⁸. Еще в конце XVIII в., с появлением в Равенне т.н. «Литературного общества», высказывались предположения о необходимости написать новую историю Равенны в виде переработанного и аннотированного издания Росси, очищенного от ошибок и снабженного добавлениями с учетом новейших на тот момент данных²⁹.

Другим примером ранней историографической традиции Равенны является сочинение клирика и врача Томмазо Томаи (ум. 1593) «История Равенны», увидевшее свет в 1574 и переизданное в 1580 г.³⁰ Несмотря на то, что сочинение изобилует ошибками и неточностями, оно предваряет многие позднейшие труды по истории города с характерным для них уклоном в церковно-политические сюжеты и пространные историко-искусствоведческие экскурсы. Помимо этого, «История» Томаи, написанная на итальянском языке, подчеркнуто политизирована с целью прославить Равенну. При реконструкции ее ранней истории автор пользуется исключительно античными и средневековыми нарративными источниками (в частности, географическими описаниями), не пренебрегая при этом фантастическими сведениями.

²⁷ *Ibidem.* P. 708, 749.

²⁸ *Benericetti R.* Le carte del decimo secolo nell'archivio arcivescovile di Ravenna. Vol. I (900–957). Ravenna, 1999. P. XX.

²⁹ *Tarlazzi A.* Appendice ai monumenti ravennati del conte Marco Fantuzzi. Ravenna, 1872. P. VIII.

³⁰ *Tomai T.* Historia di Ravenna. Ravenna, 1580.

Судя по библиографическим сводам, составленным в XVIII–XIX вв., в образованных кругах того времени сложился читательский канон из сочинений трех авторов – Спрети, Томаи и Росси. Наибольшим авторитетом среди них пользовался труд Росси. О популярности книг этих историков среди тогдашних читателей говорит и их упоминание в бюллетенях для путешественников³¹. Более поздние работы, например Дж. Фабри³², содержат сведения, основанные на данных этих историков, а зачастую и пересказывают их. В частности, Фабри подчеркивает, что информация об античном периоде была почерпнута им из сочинений Росси и Спрети. Труд Росси был хорошо знаком и М. Фантуцци, который пользовался им при написании истории некоторых культовых сооружений Равенны³³.

Между 1575 и 1583 гг. равенцем В. Каррари (1539–1596) была создана «История Романьи». Написанная на вольгаре и предназначенная для широкого читателя, она, тем не менее, увидела свет лишь в 2007–2009 гг. благодаря усилиям современных исследователей, прежде всего У. Дзаккерини³⁴. В XVII в. появляются «истории» и некоторых других городов Романьи, среди которых можно отметить «Историю Чезены» С. Кларамоти (1565–1652) и «Историю Форлимпополи» М. Веккьяццани (1568–1674)³⁵. В последней трети XVII в. С. Пазолини (1646–1715), равеннский историк и эрудит, публиковал запущенную им в 1677 г. серию «Знаменитые равеннцы» («*Lustri Ravennati*»)³⁶.

Стимулом к дальнейшей разработке истории Равенны стало еще одно знаковое событие. В 1708 г. ученый бенедиктинец Бенедетто Баккини (1651-

³¹ *Lichtenthal P.* Manuale bibliografico del viaggiatore in Italia. Milano, 1834. P. 170–171. Курьезно, что в тот же библиографический перечень, составленный, видимо, далеким от истории человеком, попал и «Баварский кодекс», со всей очевидностью, не представляющий интереса для рядового путешественника.

³² *Fabri G.* Le sagre memorie di Ravenna antica. T. 1–2. Venezia, 1664; *Idem.* Ravenna Ricercata overo compendio istorico delle cose più notabili dell'antica città di Ravenna. Bologna, 1678.

³³ *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati dei secoli di mezzo per la maggior parte inediti. Vol. I. Venezia, 1801 (далее). P. XIX.

³⁴ *Carrari V.* Istoria di Romagna. Vol. I–II / A cura di U. Zaccarini. Ravenna, 2007–2009.

³⁵ *Claramotio S.* Caesenae historia. Caesenae, 1641; *Vecchiazzani M.* Historia di Forlimpopoli con varie revolutioni dell'altre città di Romagna. Parte prima. Rimini, 1647.

³⁶ *Pasolini S.* Lustri Ravennati dall'anno seicento doppo l'universal diluvio sino all'anno 1713. Parte VI. Ravenna, 1689.

1721), придворный библиотекарь герцога Модены, наряду с другими текстами, опубликовал «Книгу понтификов Равенны», основанную на «Codex Estensis»³⁷. Позднее Лодовико Муратори включил это сочинение в свою знаменитую серию «*Regum Italicarum Scriptores*». Несмотря на то, что Баккини относился к памятнику неоправданно скептически, именно этот эрудит заложил традицию, продолженную впоследствии во 2-й половине XVIII в. Дж. Амадези, М. Фантуцци и Г. Марини. Желая уточнить и прояснить некоторые темные места в сочинении Агнелла, они предприняли попытку систематического издания документов архиепископского архива.

Вплоть до конца XIX в. церковно-политические нарративы апологетической направленности оставались единственной формой рефлексии по поводу прошлого Равенны³⁸. Однако в это время начинают появляться и исследования по генеалогии знатных семейств Равенны, таких, как дом Траверсари, угасший к XV в.³⁹ Актовый материал все активнее привлекается для прояснения тех или иных политических событий истории города, однако вплоть до последних десятилетий XIX в. историки были далеки от систематического его изучения. Характерным примером служит трехтомная «История Романьи» чезенского историка А. Вези (1845 г.), выход которой в свет сопровождался публикацией избранных документов⁴⁰. Прямым продолжателем историко-искусствоведческой традиции Дж. Фабри считал себя эрудит и священник А. Тарлацци (1802–1888). Показательно, что в своем труде 1852 г. он посвятил византийскому периоду лаконичный очерк, который обрывается на 755 г., после чего следует изложение

³⁷ *Deliyannis D.M.* Ravenna in Late Antiquity. P. 8.

³⁸ Уместно привести суждение А. Тарлацци: «... Агнелл, Томаи, Пазолини, Спрети и Фабри много писали о своей родине, но, по всей видимости, никто из них не может называться историками: их труды представляли исключительную ценность для тех, кто приступал к написанию истории». См. *Tarlazzi A.* Appendice ai monumenti ravennati dei secoli di mezzo del conte Marco Fantuzzi. T. 1. Ravenna, 1869. P. XVI.

³⁹ *Spreti C.* Memorie della famiglia Traversari // *Idem.* Notizie spettanti all'antichissima Scuola de' Pescatori in oggi denominata Casa Matha. Ravenna, 1820. P. 105–128.

⁴⁰ *Vesi A.* Storia di Romagna dal principio dell'era volgare ai giorni nostri. T. 1. Bologna, 1845; *Idem.* Documenti editi e inediti che servono ad illustrare la storia di Romagna. Vol. 1. Bologna, 1845 (далее – Vesi 1845).

событий с 1198 г.⁴¹ Заслуживает интерес также работа Л. Тонини об истории Римини, увидевшая свет в 1856 г. и по ряду параметров не утратившая значения по сей день⁴². Как и многие другие исторические сочинения, она снабжена приложением из разнообразных грамот и дипломов, некоторые из них использованы в настоящем исследовании.

С объединением Италии изучение истории Романьи получило, наконец, государственную поддержку и вышло из орбиты частных инициатив краеведов и их сообществ. В 1860 г. была основана «Королевская Депутация отечественной истории провинций Романьи», под эгидой которой издавался журнал с материалами краеведческих изысканий. Там публиковались разнообразные статьи по источниковедению, литературе, архитектуре и археологии региона, правда, с большим перевесом в сторону соседней Болоньи. В это время к изучению равеннских архивов подключаются исследователи историко-правовой школы, находившиеся под сильным влиянием Ф. К. фон Савиньи, Г. Бруннера, Ф. Шупфера и других представителей немецкой *Rechtsgeschichte*. Среди них следует выделить, в первую очередь, работы Н. Тамассиа и А. Пальмиери⁴³. Н. Тамассиа хорошо знал как текст Агнелла, так и актовый материал церковных учреждений города. Заслуживают интерес его очерки о церковном эмфитевзисе Равенны и дарениях *more salario* как инструментах феодализации, выросших на «бессинтезных» римско-правовых основах⁴⁴.

⁴¹ *Tarlazzi A.* Memorie sacre di Ravenna. Ravenna, 1852. P. 18.

⁴² *Tonini L.* Della storia sacra e civile riminese. II. Rimini dal principio dell'era volgare all'anno 1200. Rimini, 1856.

⁴³ *Palmieri A.* Le carte giudiziarie ed i documenti privati ravennati dei secoli di mezzo // Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia Patria per la Romagna. 1901. Ser. III, Vol. XIX. P. 394–416; *Idem.* Un probabile confine dell'Esarcato di Ravenna nell'Appennino bolognese (Montovolo – Vimignano) // Atti e Memorie della R. Deputazione di storia patria per le province di Romagna. 1913. Ser. IV, Vol. 3. P. 38–88; *Tamassia N.* Reliquie di un decreto giustiniano a favore della Chiesa ravennate // Atti e Memorie della R. Deputazione di storia patria per le province di Romagna. 1898. Ser. III, Vol. 16. P. 1–6.

⁴⁴ *Tamassia N.* La donazione *more salario* nei documenti ravennati e romani // Atti e Memorie della R. Deputazione di storia patria per la Romagna. 1901. Ser. III, Vol. XIX. P. 213–223; *Idem.* L'enfiteusi ecclesiastica ravennate e un racconto di Agnello // Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le Province di Romagna. 1920. Ser. IV, Vol. 10. P. 109–121.

Изучение богатого фонда документальных источников IX–XI вв. медленно, но верно пробуждало интерес к проблемам социально-политического и социально-экономического развития региона в каролингскую и оттоновскую эпоху. Их успешной разработке мешало неудовлетворительное состояние основных публикаций актового материала. Не способствовали ей и трудности с доступом к оригиналам и копиям грамот, рассеянных по архивным учреждениям Равенны и других городов Эмилии-Романьи.

На фоне повышенного интереса к истории византийской Италии, в которой в конце XIX в. усматривали параллели с периодами французской и австрийской оккупации⁴⁵, история поствизантийской Романьи оставалась в тени. Она считалась временем упадка Равенны и игнорировалась большинством исследователей. Например, в англо-американской историографии на многие десятилетия вперед единственной в своем роде оставалась работа Э. Хаттона 1913 г., в которой история Равенны после падения византийского режима обрисована мрачными мазками⁴⁶. Потребовалось целое столетие для пересмотра этих представлений, и произошло это под напором все новых и новых публикаций источников и археологических находок.

Событийная канва политической истории Равеннской архиепископии в период 751–967 гг. была воссоздана в 1-й трети XX в. немецкими историками Г. Шмидтом, К. Бранди и М. Улирцем⁴⁷. Важной вехой стала вышедшая в 1915 г. статья историка-позитивиста и дипломатиста Дж. Буцци «Исследования по истории Равенны и Рима в 850–1118 гг.», сопоставимая с полноценным монографическим исследованием. В этой работе на основе огромного корпуса

⁴⁵ Негативное восприятие византийского периода как «далекого, чуждого и дурного» чужеземного господства отражено, в частности, в сочинениях пьемонтского историка и публициста Чезаре Бальбо (*Balbo C. Pensieri sulla storia d'Italia*. Firenze, 1858. P. 21).

⁴⁶ *Hutton A. Ravenna: A Study*. London, 1913.

⁴⁷ *Schmidt H. I. Die Kirche von Ravenna im Frühmittelalter (540–967). Ein Beitrag zur Geschichte des Verhältnisses von Kirche und Staat // Historisches Jahrbuch*. 1913. Bd. 34. S. 729–780. Источниковедческий аспект проблемы был углублен в исследованиях 20–30-х гг. См.: *Brandi K. Ravenna und Rom. Neue Beiträge zur Kenntniss der römisch-byzantinischen Urkunde // Archiv für Urkundenforschung*. 1924. Bd. 9. S. 1–38; *Uhlirz M. Die Restitution des Exarchates Ravenna durch die Ottonen // Mitteilungen der österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. 1936. Bd. 50. S. 1–34.

источников, главным образом, публично-правовых актов и папской корреспонденции, предпринята успешная попытка реконструкции социально-политической истории региона в переходный период раннего Средневековья, намечены основные этапы феодализации региона в IX–X вв., составлены генеалогии большинства аристократических родов Равенны, сохраняющие свое значение и по сей день⁴⁸.

Не менее важна и другая его статья «Архиепископская и городская курии Равенны в 850–1118 гг.», вышедшая в том же году и задуманная как очерк, предваряющий публикацию раннесредневековых равеннских актов, которую он выполнил в сотрудничестве с В. Федеричи⁴⁹. Работа посвящена истории делопроизводства Равеннской церкви, в первую очередь – коллегиям нотариев и табеллионов и характерным особенностям их документальной продукции. Изучив колоссальный актовый материал, Буцци воссоздал биографии, генеалогии и карьеры подавляющего большинства известных нам равеннских нотариев. В конце XX в. эта работа будет продолжена Р. Бенеричетти. Несмотря на отдельные ошибки в датировке ряда грамот и дублировании некоторых персоналий, выполненное им исследование во многом расчистило путь для дальнейшей разработки проблем социально-политической истории Равенны и ее округи в докоммунальный период. На ниве дипломатики его работу впоследствии продолжат П. Де Лоренци и Дж. Работти⁵⁰.

В 1911 г. был запущен выходящий и по сей день журнал «Felix Ravenna» с уклоном в искусствоведческую и археологическую проблематику. На протяжении

⁴⁸ *Buzzi G.* Ricerche per la storia di Ravenna e di Roma dall'850 al 1118 // Archivio della R. Società Romana di Storia Patria. 1915. Vol. 38. P. 107–215. См. также: *Buzzi G.* Per la cronologia di alcuni pontefici dei secoli X–XI // Archivio della R. Società Romana di Storia Patria. 1912. Vol. 35. P. 611–622.

⁴⁹ *Idem.* Le curie arcivescovile e cittadina di Ravenna // Bullettino dell'Istituto Storico Italiano. 1915. Vol. 35. P. 7–189.

⁵⁰ *De Lorenzi P.* Storia del notariato ravennate. Vol. 1: L'organizzazione del notariato. Ravenna, 1961; *Rabotti G.* Osservazioni sullo svolgimento del notariato a Ravenna tra XI e XII secolo // La memoria delle chiese. Cancellerie vescovili e culture notarili nell'Italia centro-settentrionale (secoli X–XIII). Torino, 1995. P. 113–130; *Idem.* L'Archivio Arcivescovile di Ravenna e la tradizione delle istituzioni tra Tardo Antico e Medio Evo // Ravenna capitale. Società, diritto e istituzioni nei papiri ravennati (V–VIII secolo). Ravenna, 2010. P. 1–10.

1-й половины XX в. выходило немало статей и очерков, публиковавшихся в нескольких провинциальных периодических изданиях и посвященных разным проблемам истории отдельных местностей и городов региона, а также вопросам политической истории. Заслуживает упоминания историко-географическое исследование А. Кампаны, посвященное топографии пригородного аграрного округа Равенны – зоны Дечимано⁵¹. Тем не менее, общее количество таких работ в сравнении с объемом публикаций, посвященных коммунальной эпохе и позднесредневековым сеньориям, оставалось ничтожно малым.

В послевоенное время Равенна и Романья стабильно остается в фокусе историко-правовых и церковно-политических исследований. В 1949 г., через год после формального образования региона Эмилия-Романья, было основано «Общество романьольских исследований» («Società di Studi Romagnoli»), созывающее регулярные собрания и публикующее результаты своих исследований в нескольких периодических изданиях. В его деятельности с первых лет основания участвовали такие видные исследователи, как А. Кампана, О. Бертолини, А. Торре. Изучению церковно-административных институтов Романьи посвятил свои труды А. Вази́на (1929–2016). На протяжении тридцати лет он возглавлял департамент палеографии и медиевистики Болонского университета, где заложил традицию критического изучения корпуса письменных памятников Романьи. Круг его исследовательских интересов был чрезвычайно широк: работая в русле политической и институциональной истории, он изучил огромный круг сюжетов средневековой Романьи, в том числе коммунальный и сеньориальный строй, приходскую организацию, взаимоотношения церковных иерархов со местными светскими властями и Империей⁵².

⁵¹ *Campana A.* Decimo, Decimano, Dismano. Ricerche di topografia romana e medioevale della pianura romagnola // Emilia Romagna. 1941. Vol. I. P. 1–38.

⁵² *Vasina A.* Possessi ecclesiastici ravennati nella Pentapoli durante il medioevo // Studi romagnoli. 1967. Vol. 18. P. 333–367; *Idem.* Romagna medievale. Ravenna, 1970; *Idem.* Ravenna e la Romagna nella politica di Federico II // Friedrich II. Tagung des Deutschen Historischen Instituts in Rom im Gedenkjahr 1994 / hg von A. Esch, N. Kamp. Tübingen, 1996. P. 404–424. *Idem.* Le pievi dell'Esarcato ravennate fra società civile ed ecclesiale // Mediterraneo, Mezzogiorno, Europa. Studi in onore di Cosimo Damiano Fonseca / A cura di G. Andenna, H. Houben. Bari, 2004. P. 1069–1080.

О. Бертолини (1892–1977) принадлежит заслуга обстоятельного изучения международных контактов Равенны в период 476–774 г. с акцентом на Римскую церковь и ее взаимоотношения с империей, лангобардами и Экзархатом. Последнему он посвятил несколько специальных публикаций⁵³. Большую ценность представляют исследования топонимии и аграрного пейзажа средневекового Пентаполя, предпринятые Э. Балдетти и А. Полверари⁵⁴. Продолжаются краеведческие и историко-географические изыскания.

Ко второй половине XX в. был накоплен огромный эмпирический материал, находящийся на стыке истории и ряда вспомогательных и смежных дисциплин (дипломатики, ономастики, исторической географии, археологии, климатологии, гидрологии и т.д.). Необходимость обработки и систематизации этих данных с применением новейшего методологического инструментария была осознана новыми поколениями итальянских медиевистов, на которых заметное влияние оказали марксистский метод и наработки т.н. «Школы Анналов». Это диктовалось и объективными потребностями национальной исторической науки.

Реформатором романьольских штудий в последней четверти XX в. стал В. Фумагалли (1938–1997), один из крупнейших итальянских медиевистов столетия и инициатор углубленного изучения аграрной истории. В отличие от А. Вазины, он работал с раннесредневековым материалом, и его интересовали не институты, а история «безмолвствующего большинства». Начав с особенностей эксплуатации земледельческого населения Романьи, где норма ренты оказалась гораздо скромнее ее лангобардских аналогов, он сделал далеко идущие выводы о своеобразии социального развития средневековой Романьи. Вслед за ним его коллеги по Болонскому университету А. Кастаньетти, М. Монтанари, Б. Андреоли и Дж. Паскуали приступили к разработке сложных проблем развития Экзархата и

⁵³ *Bertolini O.* Sergio arcivescovo di Ravenna e i papi del suo tempo // *Studi Romagnoli*. 1950. Vol. 1. P. 43–88; *Idem.* Le prime manifestazioni concrete del potere temporale dei papi nell'esarcato di Ravenna (756–757) // *Idem.* Scritti scelti di storia medievale / A cura di O. Banti. Livorno, 1968. Vol. 2. P. 569–612.

⁵⁴ *Polverari A.* Una Bulgaria nella Pentapoli. Longobardi, bulgari e slavini. Senigallia, 1969; *Baldetti E.* Per una nuova ipotesi sulla conformazione spaziale della Pentapoli // *Istituzioni e società nell'alto medioevo marchigiano*. Ancona, 1983. Vol. II. P. 779–894.

Пентаполя поствизантийского периода с акцентом на аграрном производстве, территориальной организации, землевладельческих, в том числе вотчинных, структурах и формах эксплуатации производителей, впервые в итальянской (и европейской) историографии посвятив этим сюжетам истории Романьи специальные монографии⁵⁵.

Все эти темы, конечно, не были новыми для итальянской исторической науки. За каждой из них стояла солидная историографическая традиция. Так, пионерами в изучении крупной собственности и вотчинного хозяйства были итальянские историки П. С. Лейхт, Дж. Вольпе, Дж. Луццатто и С. Пивано, работавшие на рубеже XIX и XX столетий. П. С. Лейхт, выдающийся историк права, еще в начале XX в. обратил внимание на качественные отличия аграрных контрактов византийского ареала от их аналогов в лангобардских регионах северной и центральной Италии⁵⁶. Но лишь в конце прошлого столетия все эти сюжеты были объединены в комплексную картину, в которой слились производственные отношения, материальная культура, природная среда и формы взаимодействия с ней человеком. В эту канву была органично вплетена политическая и институциональная история, что, безусловно, было важным шагом вперед для понимания природы раннесредневекового общества Романьи.

Важно подчеркнуть, что впервые был выдвинут и обоснован тезис о структурных особенностях крупного землевладения в Романье, отличающих его от других итальянских регионов. Исследователи, в частности, обратили внимание на слабость и неразвитость системы прямого (домениального) управления в равеннском церковном хозяйстве VIII–X вв., что, в конечном итоге, вынудило их рассматривать регион как совершенно особую хозяйственную зону, своеобразную

⁵⁵ *Fumagalli V.* Terra e società nell'Italia Padana. I secoli IX e X. Torino, 1976; *Castagnetti A.* L'organizzazione del territorio rurale nel Medioevo. Circostrizioni ecclesiastiche e civili nella «Langobardia» e nella «Romania». Bologna, 1982; *Montanari M.* Contadini e città tra «Langobardia» e «Romania». Firenze, 1988; *Idem.* Contadini di Romagna nel Medioevo. Bologna, 1994. *Pasquali G.* Agricoltura e società rurale in Romagna nel Medioevo. Bologna, 1984; *Idem.* Le forme dell'organizzazione del territorio rurale nella Pentapoli altomedievale // Atti e memorie della Deputazione di Storia Patria per le Marche. 1981. № 86. P. 647–682.

⁵⁶ *Leicht P. S.* Livellario nomine. Osservazioni su alcune carte amiatine del secolo nono. Torino, 1905.

pars massaricia в масштабах целого региона, выпадающую из континуума пусть и «неклассических», но все же узнаваемо вотчинных форм хозяйствования.

Концептуальной основой многих таких исследований 1980–90-х гг. стало представление о Романье (Romània) и Лангобардии (Langobardia) как о разных цивилизациях (civiltà). Предполагалось, что в раннесредневековой Романье долгое время бытовали римские формы землевладения и организации пространства, которые были прерваны в соседних областях вторжением и расселением лангобардов в VI в. Тезис о глубоком структурном отличии между Романией и Лангобардией, впервые выдвинутый и обоснованный В. Фумагалли в публикациях 70-х - начала 80-х гг., был впоследствии развит в статьях и монографиях А. Кастаньетти, Б. Андреолли и М. Монтанари. М. Монтанари, широко известному классическими работами по структуре питания в Европе, мы обязаны разработкой проблем сельской экономики раннесредневековой Романьи и особенностям эксплуатации крестьянского труда в церковных имениях Экзархата VIII–XII вв.

Итогом этой исследовательской программы стал второй том коллективной монографии «История Равенны», вышедший в 1991 г. под редакцией известного византиниста А. Кариле и объединивший усилия ведущих исследователей региона, включая А. Кастаньетти, Дж. Фазоли и М. Монтанари⁵⁷. Это фундаментальный труд, в котором представлены результаты изучения различных сторон социально-экономической и социально-политической жизни Равенны докоммунальной эпохи. Он наметил дальнейшие ориентиры в изучении этого микрорегиона, в том числе для историков-архивистов и археологов. Сам А. Кариле написал для этого тома важную статью, посвященную равеннскому обществу между византийской и оттоновской эпохами. К сожалению, вопреки названию, в этой статье не видно самого главного – собственно общества Равенны. Перед нами – качественный очерк дипломатических, богословских и

⁵⁷ Storia di Ravenna. Vol. 2/1: Dall'età bizantina all'età ottoniana. Territorio, economia e società / A cura di A. Carile. Venezia, 1991.

идеологических коллизий, в обрамлении которых жила Равенна и ее обитатели после ухода Византии из региона.

Первым с аргументированной критикой парадигмы, заложенной В. Фумагалли, выступил еще в 1984 г. Дж. Паскуали⁵⁸. Он справедливо обратил внимание на то, что историки, работавшие в русле этой исследовательской программы, существенно преувеличивали особенности социального и экономического развития региона, которые, по его мнению, находились в русле эволюции общественных отношений северной Италии и, в целом, Юго-Западной Европы. Впоследствии он изложил свою точку зрения в развернутой форме в двух главах коллективной монографии под редакцией А. Кортонези, а также в нескольких других работах⁵⁹.

По мнению Паскуали, противопоставление Романии и Лангобардии некорректно. С одной стороны, в силу качественного различия между источниками (Романья, например, не знала инвентарных описей), с другой стороны, – ввиду непроясненности реалий, стоящих за лексикой актов VI–XI вв. По сути, он первым указал на то, к чему может привести излишнее доверие к документальным источникам, изучаемым вне их культурного и политического контекста. Добавлю также, что на качестве работы его коллег неизбежно сказывалась и опора на довольно фрагментарный корпус источников, опубликованных в устаревших и зачастую малонадежных изданиях.

С критикой этой парадигмы выступили и археологи. Так, одним из следствий «цивилизационного» подхода Фумагалли стал тезис о запаздывающих темпах инкастелламенто и складывания крупных вотчинных хозяйств в этой зоне Италии. Проблемы инкастелламенто выносились на обсуждение еще в 1970–80-х гг.⁶⁰, но долгое время в их разработке не было заметно серьезного прогресса. В

⁵⁸ *Pasquali G.* Agricoltura e società rurale in Romagna nel Medioevo. Bologna, 1984; *idem.* Una signoria rurale assente o silente? Il caso anomalo dalla Romagna // *La signoria rurale nel medioevo italiano* / A cura di A. Spicciati, C. Violante. Vol. 1. Pisa, 1997. P. 63–80.

⁵⁹ *Cortonesi A., Pasquali G., Piccinni G.* Uomini e campagne nell'Italia medievale. Bari, 2000; *Pasquali G.* Sistemi di produzione agraria e aziende curtensi nell'Italia altomedievale. Bologna, 2008.

⁶⁰ *Vasina A.* Note sulla storia dei castelli romagnoli e sull'insediamento di Castrocara nel Medioevo // *Studi Romagnoli*. 1981. Vol. XXXI. P. 175–189.

этом пришлось расписаться даже скептически настроенному Дж. Паскуали, который был вынужден признать отсутствие замков в регионе вплоть до XI–XII вв. Но идея запаздывающего инкастелламенто, датируемого, самое раннее, рубежом XI–XII вв., была впоследствии пересмотрена в работах А. Сеттия, основанных на новейших археологических данных и критическом прочтении ряда источников⁶¹. Итог многолетним дискуссиям подвело исследование М. Сасси, которое отодвинуло инкастелламенто на два столетия ранее, поместив его в традиционно «нефеодалное» X столетие⁶². Таким образом, было доказано, что по крайней мере в этом аспекте Романья развивалась вполне в «нормальном» темпе относительно других регионов северной и средней Италии.

Важные и ценные наблюдения формулирует Дж. Веспиньяни, посвятивший Романье IX–X вв. специальную монографию⁶³. Как и его старший современник А. Кариле, в силу своей профессиональной подготовки в области византистики он далек от идей коллег-медиевистов по «болонской школе». В региональном развитии раннесредневековой Романьи он отмечает качественный сдвиг – стабилизацию романьольского общества начиная с 60-х годов X в. под воздействием имперской политической практики. С поствизантийским равеннским материалом давно и плодотворно работает и другой византист – С. Козентино. Благодаря своей эрудиции и хорошему знанию археологии, нумизматики и просопографии он добился впечатляющих успехов в изучении многих аспектов общества Равенны VIII–X вв.⁶⁴

Начиная с 80-х гг. сообщество исследователей средневековой Романьи и Равенны активно пополняется зарубежными по отношению к Италии историками.

⁶¹ *Settia A.* L'incastellamento in Romagna – Montefeltro e le concordanze «padane» // *Studi Montefeltrani*. 2007. Vol. XXIX. P. 7–18; *idem.* Castelli e «Tombe» di Romagna. Possibilità e cautele // *Castelli e fortificazioni del Riminese*. Bologna, 2008. P. 17–25.

⁶² *Sassi M.* Castelli in Romagna. L'incastellamento tra X e XII secolo nelle provincie romagnole e nel Montefeltro. Cesena, 2005.

⁶³ *Vespignani G.* La Romània italiana dall'Esarcato al Patrimonium. Il Codex Parisinus (BNP, N.A.L. 2573). Testimone della formazione di società locali nei secoli IX e X. Spoleto, 2001.

⁶⁴ *Cosentino S.* Potere e autorità nell'Esarcato in età post-bizantina // *L'héritage byzantin en Italie (VIIIe–XIIe siècle)*. II. Les cadres juridiques et sociaux et les institutions publiques. Roma, 2012. P. 279–295.

Важной вехой стало вышедшее в свет в 1984 г. классическое исследование Т. Брауна, посвященное военной и бюрократической элите византийской Италии. В нем поднимается ряд вопросов, касающихся трансформации правящего класса региона в поствизантийскую эпоху.

Продолжают множиться просопографические и ономастические исследования, представленные в статьях С. Лазард, В. Хаубрихса, С. Козентино⁶⁵. Они очень ценны и полезны для прояснения многих реалий регионального развития, хотя, в ряде случаев анализ личных имен, топонимов и титулатуры оставляет немало вопросов, нередко встречаются и досадные ошибки.

Отмечу также монографию Д. М. Делианнис о раннесредневековой Равенне, исключительно полезную в качестве справочной работы по городскому развитию в позднеантичную и раннесредневековую эпоху. К сожалению, Равенне после 751 г. в ней отведено очень мало места. Заслуживает упоминания также недавняя работа американского исследователя Э. Скулмана о святости в средневековой Равенне⁶⁶. Вскользь она касается и некоторых сюжетов политической и социальной истории города X–XI вв. Наконец, стоит отметить сборник, посвященный различным вопросам экономической, политической и культурной истории раннесредневековой Равенны до X в. включительно, изданный Лондонским университетом в 2016 г.⁶⁷

Таким образом, количество частных исследований по истории Равенны и Романьи докоммунальной эпохи множится и уже с трудом поддается учету. При этом с ревизией историографических представлений в последние десятилетия все активнее выступает бурно развивающаяся средневековая археология. Начиная с

⁶⁵ *Lazard S.* Les byzantinismes lexicaux de l'Exarchat de Ravenne et de la Pentapole // *Byzantion*. 1986. Vol. 56. P. 354–426; *Cosentino S.* Antroponimia, politica e società nell'Esarcato in età bizantina e post-bizantina // *L'héritage byzantin en Italie (VIIIe–XIIIe siècle)*. II. Les cadres juridiques et sociaux et les institutions publiques. Roma, 2012. P. 173–185; *Haubrichs W.* The Early Medieval Naming-world of Ravenna, Eastern Romagna and the Pentapolis // *Ravenna: its Role in Earlier Medieval Change and Exchange* / ed. J. Herrin and J. Nelson. London, 2016. P. 257–297.

⁶⁶ *Schoolman E. M.* Rediscovering Sainthood in Italy. Hagiography and the Late Antique Past in Medieval Ravenna. New York, 2016.

⁶⁷ *Ravenna: its Role in Earlier Medieval Change and Exchange* / Ed. J. Herrin and J. Nelson. London, 2016.

60-х гг. она исследует не только традиционно значимые для региональной науки культовые объекты, но и поселенческую структуру, аграрный пейзаж, плотность населения, внутренний и дальний обмен. Археологи постепенно преодолевают «позднеантичное проклятие», заключающееся в преимущественном внимании к столичной эпохе в истории Равенны и ее монументальным памятникам, в ущерб другим эпохам и сюжетам. Эти исследования дали значительный прирост знаний, особенно заметный на фоне постепенного истощения потенциала письменных источников.

На пути к полной интеграции археологических данных в историографию лежит ряд препятствий. Во-первых, среди историков только в последние годы установился консенсус о необходимости интеграции археологических, геоморфологических, историко-топографических и документальных материалов для воссоздания комплексной картины общественного развития региона. Часто дело не идет дальше деклараций и пожеланий. Во-вторых, сведения, добытые в результате многочисленных полевых исследований, сами по себе нуждаются в интерпретации, а некоторые из них настолько противоречат историографическим клише, что попросту оставляют историков в растерянности.

Количество ученых, работающих в русле такой комплексной методологии, все еще невелико, но они есть. Помимо Дж. Паскуали и С. Козентино можно назвать историка и археолога Н. Манкассолу. Опираясь как на актовый материал (на документальных источниках построена его докторская диссертация 2002 г. о крупном хозяйстве в Эмилии-Романье IX–X вв., выполненная под руководством М. Монтанари и легшая в основу монографии⁶⁸), так и на новейшие археологические данные, он выступил с корректировкой ряда выводов своих предшественников. Его главная заслуга – в переоценке степени и темпов развития вотчинного хозяйства в Романье. Он доказал, что в Романье IX–X вв. была вотчина, пускай и отличавшаяся сильной региональной спецификой.

⁶⁸ *Mancassola N.* La gestione delle campagne tra Langobardia e Romania in età carolingia e postcarolingia. La struttura delle aziende fondiarie in Emilia e Romagna. Tesi di dottorato. Bologna, 2005. *Idem.* L'azienda curtense tra Langobardia e Romania. Rapporti di lavoro e patti colonici dall'età carolingia al Mille. Bologna, 2008.

В археологическом изучении Романьи ведущая роль принадлежит специалистам из Болонского университета, работающим при поддержке государства и фонда «Древняя Равенна» («Fondazione Ravenna Antica»). Начатый в 2002 г. проект по изучению Дечимано (особой зоны к юго-востоку от Равенны), в котором приняли участие ведущие специалисты по средневековой Эмилии и Романье (А. Аудженти, Н. Манкассоло, Н. Г. Майоли и др.), дал впечатляющие результаты⁶⁹.

Сам выбор объекта отнюдь не случаен. Несмотря на существенные потери от промышленного производства и инфраструктурных проектов, эта «срединная земля», расположенная между четырьмя крупными городами Романьи, на протяжении последних четырех тысяч лет не знала существенных геологических изменений. Проведенные исследования показали, что в этой зоне Романьи поселенческая организация не знала в раннее Средневековье природных катастроф и существовала непрерывно с позднеримской эпохи. Судьба других регионов, в т. ч. и тех, что после лангобардского вторжения были удержаны в орбите константинопольской власти, сложилась существенно иначе.

В 2001–2007 гг. проводились комплексные археологические исследования Классиса, бывшего морского порта Равенны. В числе изученных объектов оказался и расположенный в его пределах монастырский комплекс св. Севера (2006–2007). В районе Римини изучается другая древняя сельскохозяйственная зона – долина Валконка. Наконец, в 2009 г. университет Болоньи запускает проект «Басса Романдиола» под руководством профессора А. Аудженти, нацеленный на комплексное изучение одноименного микрорегиона к северо-западу от Равенны⁷⁰.

С 2006 г. к раскопкам подключаются исследователи из северных областей провинции Марке, спонсируемые местными властями. В том же году стартует четырехлетний проект по изучению эмпория Комаккьо в VII–X вв. Активно

⁶⁹ *Maioli M. G.* Il territorio Decimano alla luce degli ultimi rinvenimenti // *Orme nei campi. Archeologia a sud di Ravenna. Atti della Giornata di Studi (S. Pietro in Campiano, 2 aprile 2006)* / A cura di M. Ficara, V. Manzelli. Firenze, 2008. P. 37–50.

⁷⁰ *Cavalazzi M., Abballe M., Benato A., De Felicibus M.* Archeologia dei passaggi in Bassa Romagna. Il progetto «Bassa Romandiola» (2009–2013) // *Storiografia e Archeologia nella «Romandiola». Tradizione e nuove ricerche sul territorio. Atti del Convegno. Lugo, 2012.* P. 129–175.

изучается и городская среда, в особенности пространство Равенны и Классиса⁷¹. Одновременно заговорили о необходимости комплексного исследования археологическими методами городской среды самой Равенны для изучения трансформации городского пейзажа и социальной жизни на протяжении всего Средневековья (VI–XV вв.)⁷².

Данные, полученные в рамках всех этих исследований, еще не вполне осмыслены историками, отчасти потому, что для этого требуется пересмотр представлений о континуитете и позднеантичном/византийском наследии. Разрыв в отношениях собственности, управленческих структурах и цепочках обмена действительно произошел где-то между VI–VII вв., и даже такие стабильные зоны региона, как область Дечимано, претерпели в это время серьезные изменения, пусть и локальные. Континуитет, скорее, следует понимать как поле, в котором разворачиваются сложные, динамические и длительные по времени процессы. Унаследованные от античности аграрные и владельческие структуры, даже с кризисом и упадком позднеантичной виллы в VI–VII вв., могут с успехом функционировать и даже воспроизводиться в иных общественных условиях, в новых, по сравнению с позднеантичной эпохой, формах организации хозяйствования. Археология, безусловно, еще скажет свое слово в изучении регионального развития в раннесредневековый период.

В российской историографии к равеннским источникам VIII–XI вв. прибегали нечасто. Акты, опубликованные в собрании М. Фантуцци, активно привлекались М.М. Ковалевским (1851–1916) для реконструкции социально-экономической истории раннесредневековой северной Италии. Речь идет о первом томе его знаменитого исследования «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства»⁷³, переведенного на ряд европейских языков и по некоторым вопросам не утратившего актуальности и по

⁷¹ *Cirelli E.* Ravenna: archeologia di una città. Firenze, 2008.

⁷² *Cirelli E., Augenti A., Mancassola N., Manzelli V.* Archeologia medievale a Ravenna: un progetto per la città e per il territorio // Atti del III Congresso Nazionale di Archeologia Medievale. Salerno, 2003. P. 271–278.

⁷³ *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1. М., 1898.

сей день. К сожалению, внимательное изучение его метода работы с хорошо знакомыми мне документами равеннского происхождения оставляет двойное впечатление. С одной стороны, желание вписать полученные из них сведения в широкий контекст экономической истории Италии заслуживает высокой оценки. С другой стороны, обнаруживается поверхностное, избирательное, а иногда и небрежное обращение с источниками. Более того, его исследование изобилует ошибками и неточностями в интерпретации многих важных документов, на основе которых Ковалевский выстраивал свою доказательную базу. На эту особенность его стиля работы с источниками в свое время указал Н. П. Грацианский⁷⁴.

В воссоздании социальной и экономической жизни региона в византийскую эпоху (VI–VIII вв.) ряд документов каролингской и оттоновской эпохи, в частности, «Баварский кодекс», использовались в ретроспективном плане О. Р. Бородиным в многочисленных статьях и в специальных разделах монографий, посвященных экономической истории Равеннского экзархата⁷⁵. Его выводы, основанные на хорошем знании историографии и превосходном владении огромным объемом разнообразных источников, позволили пересмотреть и скорректировать негативную оценку византийского периода, сформулированную ранее З. В. Удальцовой⁷⁶. Кроме того, он сделал ряд ценных наблюдений об эволюции потестарных институтов и муниципального устройства региона. Многие его выводы подтверждаются и уточняются в настоящей работе.

К сожалению, внимание других советских и российских историков-итальянистов (в первую очередь, Л. А. Котельниковой), занимавшихся интересующей меня эпохой, было почти всегда обращено к «лангобардским» районам Италии, притом, как правило, с акцентом на заметно более позднем

⁷⁴ Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. М., 1960. С. 112–113, 117, 128–129.

⁷⁵ См. его основные монографические исследования в прим. 12. См. также: Бородин О. Р. Аграрная топография Равеннского экзархата и Пентаполя в раннее средневековье // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья / Под ред. Т. С. Осиповой. М., 1985. С. 60–78.

⁷⁶ Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

периоде. Исключение составляет история южноитальянских владений Византии, в особенности Апулии и Сицилии, плодотворно изучавшаяся М. Л. Абрамсон, А. П. Кажданом и М. А. Курышевой, а также история Феррары, разными аспектами которой активно занимается Н. Б. Срединская, правда, на материале XII-XIV вв.⁷⁷ В этом есть своя внутренняя логика. Как для российских, так и для зарубежных, в первую очередь итальянских историков наибольший интерес представляли, прежде всего, те регионы, где впоследствии зародились наиболее значимые в политическом и экономическом отношении городские коммуны. Романье изучаемого периода повезло куда меньше: долгое время она оставалась слаборазвитым и застойным аграрным регионом, где вплоть до 50-х гг. прошлого века существовали такие формы эксплуатации, как печально известная медзадрья, или испольщина.

Научная новизна работы. Настоящая работа является первым в российской историографии комплексным исследованием регионального развития поствизантийских областей севера Италии. Ее научная новизна определяется также постановкой новых для региональной проблематики вопросов и решением ряда старых проблем с опорой на большую и достаточно репрезентативную базу источников, многие из которых ранее почти не привлекались для изучения. В данной работе впервые ставятся и исследуются проблемы социально-экономических, владельческих и потестарных структур в Романье в их системном охвате.

Теоретическая значимость. Настоящая работа важна для понимания процессов трансформации раннесредневековых регионов, испытавших на себе влияние византийских административных структур. Она позволяет глубже подойти к пониманию принципов организации отношений власти и собственности в переходных обществах в контактных зонах Европы, коей, вне всяких сомнений, являлась раннесредневековая Романья, с ее пестрым, полиэтничным населением и причудливым переплетением византийских и заальпийских социальных и политико-правовых порядков.

⁷⁷ Срединская Н. Б. Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017.

Полученные результаты позволяют скорректировать и в ряде моментов обогатить представления об общественной трансформации позднеантичных обществ, об альтернативных и переходных вариантах развития.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут использоваться в преподавании, в частности, при подготовке учебных пособий, лекционных курсов и семинаров по истории Средних веков и истории Италии, экономической истории, истории права и историографии. Полученные результаты могут привлекаться также при проведении компаративных исследований социального и экономического развития средневековой Европы.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. В региональном развитии поствизантийской Романьи и примыкающих к ней областей период VIII–X вв. являлся качественно определенной и самостоятельной эпохой. Ввиду специфической конфигурации общественных сил особенности сформировавшегося здесь в IX–X вв. общественного строя не позволяют безоговорочно считать его феодальным (в классическом значении слова). Несмотря на уход с исторической сцены сильного бюрократического государства, осуществлявшего налоговую эксплуатацию подконтрольных ему территорий, и повсеместное распространение рентных отношений, установившийся здесь социально-политический режим слабо напоминал соседние раннефеодальные политии. Равеннская церковь, располагавшая многочисленными кадрами и большим административным опытом, опередила других крупных собственников и землевладельцев в формировании владельческих и потестарных структур, на два столетия установив свое региональное господство.

2. Это был особый вариант организации классового общества, в котором члены корпоративного и иерархически организованного эксплуататорского класса получают от верховной власти, ставшей также крупнейшим региональным собственником, те или иные доли недвижимости, которые регулярно перераспределяются внутри этой корпорации, обнаруживая тенденцию к кристаллизации автономных владельческих ячеек. Этот правовой режим, построенный на римскоправовых началах, конечно, допускал существование и

«полной» собственности. Вместе с тем степень прочности собственнических прав знати, уходящих корнями в римско-византийскую эпоху, оставался нестабильным и зависел от отношений с Церковью, ставшей наследницей равенских экзархов. Частнособственническая стихия, лежащая в основе римского права, ограничивалась публичной властью архиепископов, которые старались не допустить усиления реальных владельческих прав семейных сообществ знати, выступающих, главным образом, в качестве эмфитевтов – долгосрочных арендаторов церковных имуществ.

3. Эту социально-политическую ситуацию можно охарактеризовать как своеобразный компромисс архиепископии – главного в регионе собственника земли, присвоившего крупные хозяйства фиска, и знати, представлявшей собой корпорацию политически и экономически подчиненных архиепископу землевладельцев. В этом компромиссе совпали интересы Церкви, заинтересованной в формировании клиентских сетей среди имущих и знатных горожан для реализации своих политических амбиций, и линияжей военизированной итало-византийской служилой знати. Последние, хотя и утверждали себя через греко-византийскую титулатуру и номенклатуру, отныне видели свой главный источник доходов в земельной ренте, доступ к которой открывала аренда церковных земель.

4. Особенности сложившегося в Романье общественного строя во многом определили своеобразие экономического развития этой области. Земельный комплекс Романьи в IX–X вв. представлял собой единый хозяйственный организм со сходными методами и способами эксплуатации лично и поземельно зависимого населения. Не позднее 50–70-х гг. IX в. земли бывшего Экзархата были превращены в одну большую вотчинную систему, объединенную единой инфраструктурой и логистическими маршрутами, сходящимися в Равенне. Ее появление было вызвано к жизни нарушением налаженных веками хозяйственных связей и регионализацией экономики, что, однако, не предполагало ни сворачивания рыночных связей, ни глубокой деградации денежного обращения, ни радикальной перекройки аграрного пейзажа. Напротив, она успешно

приспособила под свои нужды старую топографическую сеть (*fundus – massa – casale*), основанную на римском аграрном межевании и служившую удобной матрицей для перераспределения земли и доходов между духовными учреждениями, светскими корпорациями рентополучателей и сообществами производителей-колонов.

При этом главные компоненты этой вотчинной системы – домениальные земли и наделы крестьян-держателей – были слабо интегрированы друг в друга. Вплоть до рубежа IX–X вв. церковный домен, представлявший собой многопрофильную структуру с выраженным преобладанием лесо-выпасных зон и угодий, держался, по-видимому, преимущественно на труде рабов. Надельный сектор (*pars massaricia*) являлся источником вспомогательной рабочей силы. Занятые в нем домохозяйства поселенцев в основном были задействованы в создании продовольственных (преимущественно зерновых и винных) резервов, формировавшихся из оброчных платежей в пользу Церкви. Выявленный тип вотчины позволяет соотнести ее с одной из неклассических моделей вотчинного хозяйства, описанной П. Тубером и, в целом, достаточно характерной для центральной и северной Италии. Главная особенность романьольской вотчины заключалась в том, что это была система регионального масштаба.

6. Стабилизация экономической конъюнктуры в IX–X вв. создала внутренние условия для кристаллизации крупной собственности в рамках автономных хозяйственных ячеек с дальнейшим обособлением их от архиепископского домена. Эти процессы были главным содержанием тлеющего внутриклассового конфликта, являвшегося оборотной стороной компромисса, достигнутого в VIII–IX вв. на верхних этажах местного политического сообщества. Кульминацией противостояния стал конфликт архиепископа Петра IV с графами Гуидами в 963–967 гг. Его итогом, при формальной победе архиепископии, достигнутой за счет арбитража Империи, стала интеграция Романьи в политическую систему державы Оттонов, начавшаяся еще в начале 50-х гг. X в.

Этот конфликт, поколебавший хрупкий баланс политических сил, стал порогом, после преодоления которого образование автономных владельческих ячеек на землях архиепископского патримония и складывание феодальной общественной структуры стали необратимыми процессами. Именно в этот период появляются характерные для феодального общества владельческие, социальные и потестарные структуры, происходит сближение корпоративных и клиентских отношений, появляются частные замки и соответствующая терминология с феодальной окраской.

В это время знать, закрепив свои имущественные права над арендуемой у Церкви землей, начинает претендовать на административный контроль над проживавшими на ней людьми, в том числе посредством возведения замков, а архиепископы постепенно устраняются от прямых рентных отношений с земледельческим населением, делегируя это право крупным эмфитевтам. В Романье складывается региональный вариант феодального общества, процесс формирования которого растянется еще на столетие и приведет в XI–XII вв. к образованию замковой аристократии, сельских синьорий и городских коммун.

Степень достоверности и обоснованности диссертационного исследования высока благодаря использованию обширных и разнообразных письменных источников, многие из которых опубликованы совсем недавно и вводятся в активный научный оборот впервые. Автором изучены и критически осмыслены практически все известные на сегодняшний день письменные источники по истории Романьи VIII – начала XI вв., а также обширная научная литература по теме диссертации, позволившая, помимо прочего, учесть и достижения археологии и исторического ландшафтоведения.

Апробация результатов исследования. Основные положения научно-квалификационной работы изложены в 5 публикациях автора, 4 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности «Всеобщая история» (07.00.03). Общий объем публикаций по теме – 4,5 п.л.

Работа была обсуждена на заседании кафедры истории средних веков МГУ имени М.В. Ломоносова и получила рекомендацию к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Глава 1. Равеннские акты как исторический источник

Источниковой базой данного исследования служат разнообразные тексты, созданные между серединой VIII и рубежом X и XI вв., как в изучаемом регионе, так и за его пределами. В их числе разнообразные нарративные источники, в т. ч. папская корреспонденция, агиографические и хронографические сочинения. Среди них выделяется богатством и конкретностью сведений «Книга понтификов Равенны» аббата Агнелла, подробно охарактеризованная в историографическом разделе. Важная информация содержится также в памятниках римского и византийского права, в частности в «Эклоге» Льва III Исавра (726 г.), во франкских капитуляриях и дипломах германских королей. Однако подавляющее большинство исторических свидетельств, проанализированных в диссертации, содержится в опубликованном актовом материале, происходящем в подавляющем большинстве из архивов Романьи и прилегающих к ней областей. Это обстоятельство, как и некоторые особенности этого материала, обусловили необходимость уделить наибольшее внимание исследованию различных аспектов изучаемого документального комплекса. В диссертации достаточно часто используются в ретроспективном плане документы более раннего времени, написанные на папирусе, но они составляют особый комплекс источников, давно изданных и давно изученных, и в этом разделе не рассматриваются.

§ 1. История изучения и издания документов Равенны. Пробелы и лакуны в историографии региона, с моей точки зрения, во многом обязаны неудовлетворительному состоянию научных изданий основных письменных источников. Вплоть до последних десятилетий историки вынуждены были пользоваться устаревшими, неполными и изобилующими ошибками и неточностями публикациями конца XVIII – начала XIX в. Кроме того, несмотря на то, что грамоты время от времени публиковались в приложениях к историческим исследованиям, историография региона и издание документальных источников, к сожалению, долгое время развивались в известной мере отдельно друг от друга.

Издание раннесредневековых равеннских документов имеет длительную традицию. Ее начало было положено деятельностью Мабильона и эрудитов из конгрегации мавристов. Их работа стимулировала изыскания многих итальянских антикваров и краеведов. Воссоздать хронологию всех публикаций равеннских грамот практически невозможно. На это справедливо указывал уже М. Фантуцци. Отдельные документы эпизодически публиковались в небольших работах (*opusculi*) местных антикваров. Таких работ множество, поэтому я остановлюсь лишь на основных вехах публикации равеннских грамот в XVIII–XXI вв.

Вплоть до 80–90-х гг. XX в. шеститомное собрание М. Фантуцци (1740–1806) служило основным источником для исследователей раннесредневековой истории Равенны. Но Фантуцци не был первооткрывателем грамот равеннских церковных архивов. Эти документы попадали в поле зрения многих его предшественников и старших коллег. Среди них – пионеры итальянской дипломатики Ш. Маффеи (1675–1755) и А. Фумагалли (1728–1804). Отдельные документы публиковались даже историками-эрудитами XVI–XVII вв., включая Дж. Росси, но их интересовали в первую очередь папские буллы и другие публично-правовые акты.

Ряд папирусов из равеннских архивов был включен в «Историю дипломатики» – фундаментальный труд, опубликованный в 1727 г. выдающимся эрудитом, писателем и драматургом Шипионе Маффеи⁷⁸. Некоторые документы в 1-й половине XVIII в. издал Лодовико Муратори в рамках своей многотомной серии «Средневековых итальянских древностей», однако перепечатанные им акты практически не снабжены справочным материалом. По замыслу антиквара, они служили лишь иллюстрациями к тезисам различных тематических глав⁷⁹. Кроме того, известно, что Муратори так и не получил доступ к подлинникам документов архиепископского архива.

⁷⁸ *Maffei S. Historia diplomatica che serve d'introduzione all'arte critica in tal materia. Mantua, 1727.*

⁷⁹ Например, дарственная грамота 767 г. полностью издана Муратори в третьем томе его сочинения (*Muratori L. A. Antiquitates Italicae Medii Aevi. T. III. Mediolani, 1740. P. 889–893*) для демонстрации живучести римского права (в частности, Дигест Юстиниана) в раннесредневековую эпоху: в этом документе имеется ссылка табеллиона на Веллеянов сенатусконсулт.

Среди итальянских ученых в то время разворачивалась дискуссия о природе равеннских папирусов. Не последнюю роль в ней сыграл Джузеппе Луиджи Амадези (1701–1773). В 1718 г. вместе с отцом он перебрался из Ливорно в Равенну, где в 1734 г. стал приходским священником (он служил в церкви св. Никандра). В том же году Амадези получил должность архивиста при равеннском архиепископе, что открыло ему доступ к богатому собранию папирусов и пергаменов в церковных архивах города. Какое-то время Амадези переписывался с Муратори по поводу датировки правления равеннских архиепископов, но вскоре возникшая между ними полемика привела к разрыву между эрудитами.

Большинство сочинений Амадези посвящено защите местной церковной исторической традиции. За это он подвергался нападкам своих более скептических оппонентов. Например, он отстаивал подлинность привилегии, якобы выданной Григорием Великим архиепископу Мариниану (позже она была признана фальшивкой), и защищал легенду о св. Аполлинарии как прямом ученике апостола Петра, восходящую к житию, составленному на рубеже VI–VII вв. Однако его заслугой можно считать защиту сочинения Агнелла от нападок критически настроенных антикваров, таких, как Б. Баккини.

В планы Амадези входило комплексное издание документального материала Равенны, но этот замысел так и не был реализован. Лишь немногие грамоты были включены в приложение к его трехтомному «Исследованию по хронологии равеннских архиепископов», опубликованному посмертно⁸⁰.

Планы по изданию равеннских документов были и у А. Цирардини (1725–1785), его старшего современника, юрисконсульта и историка, однако, по словам М. Фантуцци, сложность работы в конце концов вынудила того оставить это дело. После смерти Амадези оно было продолжено его другом аббатом Гаэтано Марини (1742–1815), который и опубликовал папирусы в 1805 г.⁸¹

⁸⁰ *Amadesii J. A. In Antistitum Ravennatum Chronotaxim ab antiquissimae ejus ecclesiae exordiis ad haec usque tempora perductam disquisitionis perpetuae. T. 2. Faventiae, 1783. P. 205–364.*

⁸¹ *Marini G. I papiri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini. Roma, 1805 (далее – Marini).*

Марини проделал большую работу, собрав документы, рассеянные по разным архивам Италии. Некоторые из них были впоследствии утеряны или уничтожены. Историки высоко оценивают издание Марини, которое по меркам начала XIX в. выполнено образцово. Имеющийся в нем солидный научно-справочный аппарат и по сей день способен оказать помощь исследователю. Сбор и публикация равенских папирусов была завершена во 2-й половине XX в. шведским дипломатом Яном-Олофом Чедером (1921–1998)⁸². По глубине проработки материала и научному аппарату этому изданию нет равных в равенской дипломатике.

Решающим вкладом в публикацию грамот Равенны VIII-X вв. является фундаментальный труд графа Марко Фантуцци (1740–1806), выполненный в мураторианской традиции⁸³. Это шеститомное издание, опубликованное в Венеции в 1801–1804 гг., изначально задумывалось как масштабный дипломатический кодекс, снабженный обширным справочным материалом, но в реальности оказалось куда более скромным собранием.

Фантуцци, опубликовавший грамоты на свои средства, по собственному признанию, вынужден был ограничиться более скромным форматом из-за нехватки времени. В эти годы он выполнял должностные обязанности в Венеции, а в Равенне бывал лишь время от времени⁸⁴. Всю сознательную жизнь до этого он работал чиновником в равенском магистрате и папском правительстве, где отвечал за фискальные и аграрные дела. Будучи разносторонне образованным человеком, он с ранней юности интересовался равенскими документами, но лишь на закате жизни и карьеры сумел найти время для реализации своего проекта. На качестве его работы сказалось то, что к тому времени он был уже немолод и надломлен неудачами в попытках оживить хозяйственную жизнь

⁸² *Tjäder J.-O.* Die nichtliterarische lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700. Bd. I. Lund, 1955 – Bd. II. Stockholm, 1982 (далее – Tjäder).

⁸³ *Fantuzzi M.* Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti. T. I. Venezia, 1801 (далее – Fantuzzi 1801); t. II, id., 1802 (далее – Fantuzzi 1802); t. III, id., 1802 (далее – Fantuzzi 1802a); t. IV, id., 1802 (далее – Fantuzzi 2802b); t. V., id., 1803 (далее – Fantuzzi 1803); t. VI, id., 1804 (далее – Fantuzzi 1804).

⁸⁴ Fantuzzi 1801. P. VII.

нищей Романьи, а вслед за тем и революционными потрясениями 1790-х гг. Поселившись под конец жизни в Венеции, он стал исследователем выходного дня.

Большая часть документов его шеститомника (в особенности грамоты XI–XII вв.) издана в виде регест довольно посредственного качества. Издание грешит многочисленными ошибками и неточностями. Текст многих грамот, в особенности либеллярных контрактов, произвольно обрывается на «etc.» без видимых на то оснований. Так он поступает, например, со сведениями, касающимися рентных платежей, – и это при том, что он совсем не был чужд вопросов экономики. Несмотря на составленные им топографические, терминологические и ономастические индексы, прочий справочный материал, сопоставимый с публикацией Марини, его друга и наставника, в его издании часто отсутствует. Работу с изданием затрудняет и отсутствие систематизации. По остроумному замечанию Р. Бенеричетти, документы сначала были изданы, а уже после были организованы в слабое подобие системы.

Ф. Бонаини (1806–1874), тосканский палеограф и архивист, составивший каталог архивов Эмилии, сообщает о значительных трудностях, с которыми сталкивался Фантуцци в попытках получить доступ к тем или иным грамотам⁸⁵. Нередко он получал отказ и вынужден был довольствоваться неточными и ненадежными выписками (*spogli*). Таким образом, несмотря на все усилия Фантуцци, огромное количество документов так и не попало в его свод⁸⁶.

Публикация Фантуцци, конечно, не осталась незамеченной историками и литераторами, в круги которых он был вхож, однако очень скоро недостатки проделанной им работы вынудили заговорить о переиздании или, во всяком случае, обстоятельном комментарии к изданным им грамотам. Кроме того, интерес к равеннским грамотам неуклонно возрастал, к их изучению подключались и зарубежные (в первую очередь, германские) историки. В 1872 г. вышло в свет двухтомное дополнение к изданию Фантуцци, выполненное

⁸⁵ *Bonaini F.* Gli archivi delle provincie dell'Emilia e le loro condizioni al finire del 1861. Firenze, 1861. P. 30.

⁸⁶ *Tarlazzi A.* Appendice ai monumenti ravennati... T. 1. P. VIII.

префектом Равеннской архиепископии А. Тарлацци (1802–1888). К сожалению, качество этой публикации оказалось не очень высоким.

Важной вехой в освоении богатого документального наследия Равенны после более чем векового перерыва стала публикация регест грамот монастырского архива Сан-Аполлинаре-Нуово, увидевшая свет в 1907 г. в рамках известной серии «*Regesta Chartarum Italiae*»⁸⁷. Она была выполнена под редакцией коллеги Дж. Буцци дипломатиста Винченцо Федеричи (1871–1953). Публикация представляет значительный интерес в силу того, что документы, относящиеся к периоду до 1000 г., в отличие от позднейших грамот, опубликованы целиком. Большую роль в изучении архиепископского архива сыграла и работа самого Дж. Буцци. В сотрудничестве с Федеричи он издал регесты актов ААРа (около 100 грамот), хранившихся в архивах герцогов д'Эсте в Модене⁸⁸.

Следующей вехой стала публикация грамот монастыря Сан-Андреа-Маджоре, выполненная в 1961 г. Дж. Муцциоли, учеником Федеричи (второе издание вышло в 1987 г.)⁸⁹. Тем не менее, 13 тысяч документов Архиепископского архива за IX–XIV вв., лишь некоторые из которых попали в публикации М. Фантуцци и А. Тарлацци, все еще оставались неопубликованными. Только в 1991 г. в рамках первой части второго тома «Истории Равенны» были опубликованы регесты документов за 430–1000 гг.⁹⁰, значительно упростившие дальнейшую работу дипломатистов.

Решающий вклад в переиздание документов поствизантийской Равенны был выполнен доном Руджеро Бенеричетти (р. 1962). Начиная с 1990-х гг. он занимался публикацией раннесредневековых грамот Равенны⁹¹. Он также написал

⁸⁷ *Federici V.* Regesto di S. Apollinare Nuovo (*Regesta Chartarum Italiae*, 3). Roma, 1907 (далее – Federici).

⁸⁸ *Federici V., Buzzi G.* Regesto della chiesa di Ravenna. Le carte dell'archivio Estense. Vol. I. Roma, 1911.

⁸⁹ *Muzzioli G.* Le carte del monastero di S. Andrea Maggiore di Ravenna. I (896–1000). Roma, 1987 (далее – Muzzioli).

⁹⁰ Gli archivi come fonti della storia di Ravenna. Regesto dei documenti / A cura di B. Cavarra, G. Gardini, G.B. Parente, G. Vespignani // *Storia di Ravenna. II. Dall'età bizantina all'età ottoniana. 1. Territorio, economia e società.* Venezia, 1991. P. 401–547.

⁹¹ Le carte ravennati dei secoli ottavo e nono / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2006 (далее – Benericetti 2006); Le carte del decimo secolo nell'Archivio arcivescovile di Ravenna. I. 900–957 A

монографию и ряд статей, посвященные церковно-политической истории Равеннской архиепископии⁹². Сфера его интересов, помимо архивистики и палеографии, ограничена церковно-политической историей, что вполне понятно в силу его профессии (в 1988 г. он был рукоположен в священники и с тех пор совмещает служение с руководством епископальным архивом Фаэнцы).

Вышедшая благодаря его усилиям в свет серия публикаций уступает по качеству изданию Я.-О. Чедера, во всяком случае в том, что касается научно-справочного аппарата. Тем не менее, она была высоко оценена специалистами. К сожалению, в издании Бенеричетти недостает глоссария, что досадно, поскольку богатый исследовательский опыт автора мог бы помочь в прояснении ряда трудных и темных мест в публикуемых грамотах. Его работа по публикации грамот была доведена до 1025 г., после чего дело продолжил его коллега, директор епископальной библиотеки Равенны Массимо Рончини⁹³.

«Баварский кодекс». Составленный в конце X в. и вскоре на долгое время забытый, т.н. «Баварский кодекс» (лат. *Breviarium Ecclesiae Ravennatis*, сокращенно – BER) вплоть до XVI в. хранился в архиепископском архиве. В XVI в. им впервые заинтересовались ученые-гуманисты. С этого времени «Кодекс» кочевал по собраниям разных коллекционеров, пока не оказался в библиотеке герцога Баварии Альберта V (1550–1579).

cura di R. Benericetti. Ravenna, 1999 (далее – Benericetti 1999); *Le carte ravennati del decimo secolo. Archivio arcivescovile. II (aa. 957–976) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2002 (далее – Benericetti 2002); Le carte ravennati del decimo secolo. Archivio arcivescovile. III (aa. 976–999) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2002 (далее – Benericetti 2002a); Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. I (aa. 1001–1024) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2003 (далее – Benericetti 2003); Le carte ravennati del secolo decimo. IV. Archivi minori (monasteri di Sant’Andrea Maggiore, San Vitale e Sant’Apollinare in Classe) / A cura di R. Benericetti. Faenza, 2010 (далее – Benericetti 2010); Le carte ravennati del secolo undicesimo. VII. Archivi minori (Monasteri di Sant’Apollinare in Classe, San Giovanni Evangelista, Canonica di Santa Maria in Porto) / A cura di R. Benericetti. – Faenza, 2011 (далее – Benericetti 2011).*

⁹² *Idem. Il Pontificale di Ravenna: studio critico. Faenza, 1994; Idem. L'eremo e la cattedra: vita di san Pier Damiani (Ravenna 1007 – Faenza 1072). Milano, 2007; Idem. La cronologia dei papi del secolo IX e le carte di Ravenna // Archivium Historicae Pontificiae. 1998. Vol. 36. P. 49–58; Idem. La cronologia di alcuni papi dei secoli VIII–IX secondo le carte ravennati // Archivium Historiae Pontificiae. 1999. Vol. 37. P. 13–24.*

⁹³ *Ronchini M. Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. II. Aa. 1025–1044. Faenza, 2010 (далее – Ronchini 2010).*

Памятник оставался неопубликованным в течение нескольких столетий и был открыт лишь в XVIII в. Ш. Маффеи, который, вероятно, даже получил его впоследствии утерянную копию. Копии кодекса безрезультатно добивался от заведующего Мюнхенской библиотекой А.Ф. Офеле Дж. Амадези. О находке стало известно канонику Дж. Гарампи, который выполнил копию в 1763 г. при содействии аббата К. Марини. Впрочем, М. Фантуцци усомнился в чистоте проделанной работы. По его мнению, сделанная Гарампи копия может содержать ошибки и искажения⁹⁴. Как бы то ни было, с того времени в кругах антикваров начинают ходить списки с копии «Кодекса» Гарампи-Марини. Они использовались в основном для воссоздания хронологии епископов Анконской Марки.

Наконец, в самом начале XIX в. «Кодекс» выдержал первое издание. В 1801 г. он был опубликован графом М. Фантуцци с копии, переданной ему аббатом Г. Марини, в рамках первого тома его собрания равеннских грамот. Он опубликовал практически все регесты «Кодекса», за исключением первых девяти наименее уцелевших записей⁹⁵. О.Р. Бородин справедливо отмечает, что публикация Фантуцци даже по меркам начала XIX в. находится на весьма низком уровне. Поэтому в 1810 г. «Кодекс» был повторно издан немецким ученым И. Бернхартом, знакомым с копией Гарампи-Марини⁹⁶. Во многом превосходя публикацию Фантуцци, работа Бернхарта, тем не менее, также не лишена огрехов⁹⁷.

Несмотря на недостатки обоих изданий, «Кодекс» не переиздавался вплоть до 80-х гг. XX в., а критические исследования, ему посвященные, исчерпываются немногочисленными этюдами, основанными, главным образом, на публикации Бернхарта. Выписки BER, например, привлекались риминийским историком Л. Тонини для реконструкции быта и материальной культуры раннесредневекового

⁹⁴ Fantuzzi 1801. P. XI.

⁹⁵ Ibidem. P. 1–84.

⁹⁶ Bernhart I. B. Codex traditionum ecclesiae Ravennatensis in papyro scriptus et in Regia Bibliotheca Bavarica asservatus, quem ex autographo descripsit et cum praefatione ac indicibus edidit I. B. Bernhart eiusdem Regiae Bibliothecae custos. Monachii, 1810. P. 1–160.

⁹⁷ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 65.

Римини⁹⁸. В конце XIX – XX вв. к «Кодексу» эпизодически обращались Дж. Вольпе и Д. Луццато⁹⁹; особого внимания заслуживает опубликованная в 1890 г. статья Л. М. Гартманна¹⁰⁰, который предпринял солидный текстологический разбор юридических формул «Кодекса» и интересный, хотя и несколько поверхностный анализ отраженных в регестах экономических реалий. С «Кодексом» работал и А. Вазина¹⁰¹.

В 1957 г. немецкими специалистами была осуществлена успешная реставрация этого текста¹⁰². Наконец, в 1983–1985 гг. вышли в свет сразу два научных издания «Кодекса»¹⁰³. В настоящем исследовании я пользуюсь последним изданием 1985 г., вышедшим под редакцией Дж. Работти, и лишь в редких случаях прибегаю к работе с факсимильной копией, представленной в электронном виде на сайте Баварской государственной библиотеки¹⁰⁴. Благодаря обращению к оригиналам и копиям грамот, хранящихся в AARa, в публикации 1985 г. были уточнены прочтения многих антропонимов, агронимов и темных мест формуляров, а также датировка ряда регест. В качестве дополнения к «Кодексу» отдельным изданием был выпущен сборник статей, посвященных различным аспектам этого источника¹⁰⁵.

⁹⁸ *Tonini L.* Della storia sacra e civile riminese. II. Rimini dal principio dell'era volgare all'anno 1200. Rimini, 1856. P. 295.

⁹⁹ *Luzzatto G.* I servi nelle grandi proprietà ecclesiastiche italiane dei secoli IX e X. Pisa, 1910; *Volpe G.* Aziende agrarie medievali // Storia dell'economia italiana. T. 1 / A cura di C. M. Cipolla. Torino, 1959. P. 29–50.

¹⁰⁰ *Hartmann L.M.* Bemerkungen zum Codex Bavarus // *Idem.* Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens in frühen Mittelalter. Analekten. Gotha, 1904. S. 1–15.

¹⁰¹ *Vasina A.* Possessi ecclesiastici ravennati nella Pentapoli durante in Medioevo // Studi Romagnoli. 1967. Vol. 18. P. 333–367.

¹⁰² См. об этом: *Fischer A.* Die Wiederinstandsetzung des Codex Traditionum ecclesiae Ravennatis der Bayerischen Staatsbibliothek Muenchen (CIm 44). Ein Fall neuartiger Papyrus-Konservierung. Mit Werkzeugzeichnungen von Karl Jaeckel und einem Arbeitsbericht von Rolf Ibscher // Zeitschrift fuer Bibliothekswesen und Bibliographie. 1958. Vol. 5. Heft 4. S. 291–305.

¹⁰³ *Codice bavaro: Codex traditionum Ecclesiae Ravennatis / A cura di E. Baldetti e A. Polverari.* Ancona, 1981; *Breviarium Ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro). Secoli VII–X / A cura di G. Rabotti.* Roma, 1985.

¹⁰⁴ См. http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00012890/image_1 (дата обращения 07.04.2019).

¹⁰⁵ *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro).* Roma, 1985. См. также: *Guillou A.* La nuova edizione del Codice Bavaro // *Bullettino dell'Istituto storico italiano per il medioevo e Archivio muratoriano.* 1986. Vol. 92 (a. 1985/86). P. 355–365.

§ 2. Равеннские акты. Главным источником для моего исследования служит опубликованный актовъый материал, хронологически охватывающий период со второй половины VIII в. вплоть до рубежа X–XI вв. К исследованию я привлек публикации грамот, в разное время выполненные М. Фантуцци, П. Федеричи, Г. Марини, А. Вези, А. Тарлацци, В. Федеричи, С. Гаддони и Д. Дзаккерини, Дж. Муцциоли, А. Польверари, Р. Бенеричетти, М. Ронкини и другими исследователями.

Все эти документы происходят из нескольких исторических архивных учреждений, среди которых основное – Архиепископский архив Равенны (Archivio arcivescovile di Ravenna, AARa) и его фонд в монастыре Сан-Андреа-Маджоре. Я также использовал архивные собрания нескольких церковных учреждений Равенны и ее окрестностей. Это, в первую очередь, грамоты упраздненного монастыря Сан-Аполлинаре-Нуово, вошедшие в состав архива базилики Сан-Паоло фуори-ле-Мура в Риме, а также собрания из монастырей св. Марии *in Palaciolo*, Сан-Витале и Сант-Аполлинаре-ин-Классе. Кроме того, я привлек около сто актов монастыря Помпоза (Комакьо) за 876–1045 гг., опубликованные П. Федеричи под названием «Дипломатического кодекса Помпозы» в приложении к первому тому его «Истории Помпозы» в 1781 г.¹⁰⁶, и несколько документов из Имолы.

Всего в исследовании задействовано свыше 1000 грамот. Вошедшие в издания акты в оригиналах и копиях рассеяны по библиотекам и архивам разных городов Италии и других европейских стран. В частности, их можно найти в государственных архивах Болоньи и Модены, коммунальной библиотеке Форли, Национальной библиотеке Франции в Париже¹⁰⁷. Существенным ограничением для моего исследования стало привлечение исключительно опубликованного материала: работа по систематическому изданию документов раннесредневековой Романьи и поныне далека от завершения. Многие неопубликованные акты по сей

¹⁰⁶ *Federicio P. Codex Diplomaticus Pomposianus // Idem. Rerum Pomposianarum Historia monumentis illustrata. T. 1. Romae, 1781. P. 397–591 (далее – CDP).*

¹⁰⁷ См. об этом: *Buzzi G. La curia arcivescovile e la curia cittadina... P. 8.*

день хранятся в Сан-Паоло фуори-ле-Мура и в Монтекассино. С другой стороны, большинство этих актов – оригиналы, что нетипично для многих регионов раннесредневековой Европы.

Архиепископский архив и городская курия. Равеннское делопроизводство в раннее Средневековье отличалось высокой степенью унификации. Из существовавших в городе трех крупных исторических институций – канцелярий экзарха, архиепископа и городской курии, – фактически мы имеем дело лишь с актами, составленными в последних двух учреждениях. Речь идет о городской курии (*curia publica*), где трудились муниципальные писцы-табеллионы, и об архиепископской канцелярии, где работали нотариусы, главным образом, духовные лица. В XII в. эти коллегии были объединены в единую корпорацию публичных нотариусов¹⁰⁸. Грамоты, составленные в других городах Романьи и Анконской Марке и по разным причинам вошедшие в состав AARa, исчерпываются считанными единицами¹⁰⁹, и даже в таких случаях они нередко составлялись равеннскими табеллионами¹¹⁰. Случаи составления актов людьми, не принадлежащими к корпорациям нотариусов и табеллионов, крайне редки.

Архиепископская канцелярия имеет длительную историю, восходящую к V в., когда Равенна была еще столицей Западной Римской Империи. Первое документальное подтверждение ее существования содержит письмо 530 г. папы Феликса IV архиепископу Равенны Экклесию (521–534). Таким образом, архиепископский архив Равенны является одним из самых древних архивов Западной Европы. Начиная с VI в. нотариусы были объединены в иерархизированную корпорацию во главе с примицерием. Архиепископский архив стал местом складывания уникальной нотариальной традиции¹¹¹.

Несмотря на то, что большая часть (ок. 74%) документов X в. в хранилищах AARa составлена нотариусами, а не табеллионами (это объясняется первоочередной заботой архиепископии о грамотах собственной канцелярии), вплоть до слияния

¹⁰⁸ Benericetti 2002. P. X.

¹⁰⁹ Benericetti 2006, № 23 (a. 868), 24 (a. 853–869); Benericetti 1999, № 85 (a. 955) etc.

¹¹⁰ Benericetti 2006, № 20 (a. 858–859); Benericetti 1999, № 88 (a. 955).

¹¹¹ *Rabotti G.* Osservazioni sullo svolgimento del notariato a Ravenna ... P. 113–130.

корпораций документальная продукция городской курии абсолютно преобладала. Причина тому – в исключительной компетенции табеллионов по составлению целого ряда разновидностей частных и публичных актов. К их услугам постоянно прибегали частные лица, а также церковные и монастырские учреждения города.

Материал и сохранность. Наиболее древним материалом, использовавшимся в составлении частных и публичных актов в канцеляриях Равенны, был папирус. Папирусы встречаются наравне с пергаменами вплоть до IX в., хотя с середины этого столетия роль папируса как менее надежного материала начала неуклонно снижаться. Из дошедших до нас 44 грамот, датированных между 850 и 900 гг., на папирусе составлено лишь 7 актов. Последний папирус приблизительно датируется 853–869 гг. и находится в довольно скверном состоянии¹¹².

Пергамены восходят к более поздней традиции. Первый известный нам акт, составленный на этом материале, относится только к 783 г., однако пергамен довольно быстро завоевал популярность и вытеснил папирус уже к середине следующего века¹¹³. Важным исключением является «Баварский кодекс», документальный свод, составленный на папирусе во второй половине X в. К нему примыкают несколько других документов X в., собранных Г. Марини¹¹⁴.

К сожалению, широкое использование папируса в итальянских областях римско-византийского ареала (в папской канцелярии – вплоть до XI в.) сыграло с документами злую шутку. Папирус подвергался двойному разрушительному воздействию как со стороны мягкого и влажного климата, так и в силу своей хрупкости и ненадежности¹¹⁵. Если учесть неизбежную гибель документов в результате стихийных бедствий, несчастных случаев, транспортировок, и добавить сюда целенаправленные уничтожения и порчи грамот, то картина окажется удручающей. О погибших и утерянных документах мы можем составить

¹¹² Benericetti 2006, № 24 (a. 853–854–868–869).

¹¹³ Rabotti G. L'Archivio Arcivescovile di Ravenna... P. 1–10.

¹¹⁴ Marini, № 127, 134, 135.

¹¹⁵ Carbonetti C. V. Il sistema documentario romano tra VII e XI secolo: prassi, forme, tipologia della documentazione private // L'héritage byzantine en Italie (VIIIe – XIIe siècle). I. La fabrique documentaire / Ed. J.-M. Martin, A. Peters-Custot, V. Prigent. Roma, 2011. P. 87–115.

представление, основываясь на косвенных и прямых упоминаниях их в уцелевших источниках. Большую роль в установлении приблизительного объема утерянного материала, несомненно, играет «Баварский кодекс», который содержит данные о 186 документах AARa.

Таблица 1. Регесты BER и документы AARa

Раздел BER	Количество регест	Кол-во оригиналов (AARa)
Всего	186	36 (19%) (14 оригиналов)
Римини	79	2
Сенигаллия	32	4
Озимо	52	5
Монтефельтро	7	3
Губбио	6	1

Приведенным цифрам, конечно же, нельзя доверять полностью. По тем или иным причинам составители «Кодекса» проигнорировали массу документов, касающихся земельных сделок в округах Римини, Сенигалии и Озимо; из поля зрения нотариев по неясным причинам полностью выпали документы из округов Пезаро, Фано и Анконы. Тем не менее, эти цифры вполне могут служить адекватным ориентиром.

Из рассказа Агнелла нам известно о катастрофах, постигавших архиепископский архив. В правление архиепископа Дамиана (691–708) случился пожар, в ходе которого «... пламя пожрало множество документов, и много [грамот] было расхищено и спрятано дурными людьми»¹¹⁶. Ряд важных папских привилегий, в частности, понтифика Мавра, был утерян после пленения архиепископа Георгия в битве при Фонтенуа в 841 г. Намеренная порча и хищение документов были естественны в условиях острой конкуренции за землю в Романье¹¹⁷. Восстание диакона Райнерия из рода графов Гуидов в 965 г., сопровождавшееся расхищением архиепископской казны и пленением самого архиепископа Петра IV, скорее всего, сопровождалось конфискацией или

¹¹⁶ Agnellus. P. 311.

¹¹⁷ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 396.

уничтожением некоторых документов архива. Гуидам, действительно, было что сжигать: уцелевшие источники фиксируют затяжной политический конфликт этого дома с архиепископами, формально связанный с неуплатой графами ренты за арендуемые земли¹¹⁸. Наконец, по итогам битвы при Равенне 1512 г. в ходе войны Камбрейской лиги герцог Альфонс I д'Эсте включил часть документов в состав своего частного архива.

Монастырские архивы сильно пострадали в результате политических событий конца XVIII в. Так, во время преследования монастырских общин в 1797 г. документы оказались рассеянными по соседним городам. Многие грамоты осели в архивах Форли. По данным Франческо Бонаини, палеографа и архивиста, которому мы обязаны первым описанием архивов провинции Эмилии в 1860 г., в коммунальной библиотеке Форли находилось около 1500 пергаменов равеннского монастыря Сан-Витале¹¹⁹.

Судьба муниципальных хранилищ Равенны, связанных с работой т. н. «городской курии», также не была безоблачной. В грамоте 1003 г. я встретил упоминание о заброшенном участке земли (*vacuamentum terre*) в Равенне, «где некогда находился дом под названием *Cartulario*, ныне пребывающий в руинах», примыкающий к капелле св. Марии¹²⁰. По всей вероятности, речь идет о разрушенном здании бывшего городского архива.

Возможным утерям способствовало и несовершенное состояние архивной инфраструктуры Равенны. Сложная система церковных, государственных и муниципальных архивов региона уже к середине XIX в. остро нуждалась в реорганизации. Один из самых значительных документальных архивов, содержащий 550 документов, датируемых 959–1681 гг., находился вплоть до начала XVI в. в монастыре Сан-Аполлинаре-Нуово, который в последние годы своего существования пребывал в глубоком упадке. После 1516 г., согласно распоряжению папы, он был перемещен в Сан-Паоло фуори-ле-Мура вслед за

¹¹⁸ Benericetti 2002, № 109 (a. 963).

¹¹⁹ *Bonaini F. Gli archivi delle provincie dell'Emilia...* P. 33.

¹²⁰ Benericetti 2003, № 14 (a. 1003).

расформированием монастыря. Исследование, предпринятое в XVII в. архивистом и аббатом Монтекассино Корнелием Маргарином (1605–1681), показало, что в архиве изначально хранилось 650 документов. По всей видимости, какая-то часть из них была утеряна в начале XIX в. Следует добавить, что, помимо документов, собранных в архиве базилики Сан-Паоло, около 20 грамот оказались в архиве Классиса¹²¹. Все это крайне усложняет работу исследователям.

Как бы то ни было, ААРа сохранил колоссальный материал. Помощник М. Фантуцци, известный нумизмат и эпиграфист Бартоломео Боргези, еще в начале XIX в. насчитал в нем 24 000 древних документов (по последним данным – 28–29 000), среди которых самым древним он (ошибочно) считал грамоту 755 г. Известно, что в XIX в. ААРа сильно разросся за счет включения грамот некоторых других упраздненных архивов. Тем не менее, из всех бывших византийских регионов раннесредневековая Равенна лучше других обеспечена документальными источниками. Так, среди всего документального корпуса Рима, рассеянного по 30 архивам различных церковных учреждений, до нас дошло лишь около 17 полных актов за VIII–IX вв.¹²²

Критерии классификации актового материала. Дошедшие до нас документы можно условно разделить на частные и публичные акты. Публичные акты представляют собой *placita* (судебные грамоты), составлявшиеся исключительно табеллионами, а также отказные грамоты, *cartae refutationis*, которые Дж. Буцци склонен считать актами реинвеституры¹²³. К отдельным публично-правовым актам следует относиться с осторожностью. Есть основания считать некоторые из них позднейшими фальсификациями, так как они не соответствуют критериям формуляров, использовавшихся в документации

¹²¹ Federici. P. XI.

¹²² Wickham C. Medieval Rome. Stability and Crisis of a City, 900–1150. Oxford, 2015. P. 8.

¹²³ Buzzi G. La curia arcivescovile e la curia cittadina... P. 100. Как показал К. Уикхэм на лангобардском материале (Wickham C. Land disputes and their social framework in Lombard-Carolingian Italy, 700–900 // The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe / Ed. W. Davies, P. Fouracre. Cambridge, 1992. P. 105–125), этот тип документа является отнюдь не редким, и далеко не самым неблагоприятным исходом затянувшегося на месяцы судебного процесса, финальным результатом которого и является фиксация деталей в тексте *placitum*. Иными словами, такие грамоты можно назвать «полюбовными соглашениями».

Каролингов и Итальянского королевства. К частным актам относятся либеллярные и эмфитевтические контракты, пакты, дарения, купчие, завещания и обменные грамоты.

Кроме того, документы Равенны VIII–XI вв. можно разделить еще на две другие большие группы. Это акты, составленные табеллионами городской курии, и грамоты, вышедшие из-под пера нотариев архиепископской канцелярии. Уровень профессиональной подготовки и деловой культуры работников этих учреждений отличался. Неудивительно поэтому, что в этих двух институциях были выработаны собственные принципы делопроизводства. Важнейшей особенностью документации архиепископской канцелярии являются элементы публично-правового характера, на которые обратил внимание еще Н. Тамассиа¹²⁴. Лучшие образцы, вышедшие из-под пера нотариев, сознательно ориентировались на протоколы папской и имперской канцелярии, подчеркивая тем самым высокий политический статус равеннских архиепископов.

Общими чертами документальной продукции нотариев и табеллионов следует считать консервацию ряда элементов формуляра, не менявшихся с VI–VII вв. вплоть до XI–XII вв. К примеру, в текстах грамот VIII–XI вв. нередко можно встретить восходящую к III в. формулу, использовавшуюся в определении соседних владений того или иного земельного объекта по принадлежности к частным (*ager privatus*) или общественным (*ager publicus*) землям: «*qua quemque tangit et populum*»¹²⁵. Другим примером может служить древнее выражение *inter adfines*, знакомое еще по римским алиментарным таблицам и предваряющее описание границ земельных наделов. С течением времени оно слилось в единое слово *interrafines*, а затем превратилось в выражение *in terra finibus*.

Большинство частных актов аренды архиепископских имуществ (либеллярные и эмфитевтические договоры) составлялись нотариями архиепископской канцелярии; именно эти грамоты являются основой исследуемого мной корпуса документов архиепископского архива. Судебные

¹²⁴ Federici. P. IX.

¹²⁵ Benericetti 2006, № 8 (a. 783); Benericetti 2002a, № 238 (a. 987).

грамоты, купчие, обменные, дарственные и другие акты, а также некоторые аренды, в которых арендодателями выступают церкви и монастыри Равенны, находились в компетенции табеллионов.

Таблица 2. Типология документальной продукции AARa (VIII-X вв.)

Тип д-та	Нотарии	Табеллионы
Либеллы	78	22
Эмфитевзисы	125	29
Пакты	3	3
Дарственные	4	18
Купчие	–	9
Обменные	–	2
Судебные грамоты	–	7

Наконец, арендные договоры (либеллы и эмфитевзисы) можно формально подразделить на акты «пожалования» (*concessio, preceptio*) и «прошения» (*petitio*). Либеллы составлялись в двух экземплярах («*uno tenore conscripti*»), называемых *libelli* (о терминологических нюансах пойдет речь ниже). Очень часто текст актов того или иного типа содержит путаницу в лицах и числах, что связано с неизбежными ошибками нотариев, вынужденных при составлении одной из грамот сверяться с другим ее вариантом¹²⁶. Абсолютное большинство дошедших до нас либелл представляет собой прошения-*petitiones*¹²⁷. В отличие от эмфитевтических контрактов, в либеллах в большом количестве случаев отсутствуют подписи свидетелей и т.н. *completio*.

Типология документальной продукции за несколько столетий серьезно изменилась. За период 446–700 гг. до нас дошло свыше 50 документов, из которых 11 купчих, 16 дарений, 7 завещаний, несколько церковных аренд (преимущественно от VII в.), описей церковного имущества, судебных протоколов, а также часть инвентария архива префекта претория. В течение 200

¹²⁶ Характерным примером являются прошение и пожалование консулу Иоанну либеллярной аренды в 896 г. См. Venericetti 2006, № 51–52 (а. 896).

¹²⁷ Здесь уместно привести объяснение, данное Л.-М. Гартманном: с определенного момента, когда получила распространение упрощенная процедура составления акта, *petitiones* начали дублироваться (*uno tenore*), и один экземпляр сдавался на хранение в архиепископский архив, в то время как *concessiones*, вручавшиеся арендаторам, в силу отсутствия у крестьян условий для хранения документов оказывались утерянными с течением времени.

последующих лет (700–900 г.) возрастает количество аренд, число которых к 900 г. доходило до половины всего актового материала.

За весь X в. в Архиепископском архиве сохранилось 286 документов, подавляющее большинство которых (84%) составляли церковные аренды: эмфитевзисы и либеллы. Исчезают завещания: об их существовании нам известно лишь из текстов других грамот, как правило, дарственных¹²⁸ и купчих¹²⁹. Однако необходимость составления письменного завещания для передачи в наследство арендуемого имущества оговаривается в некоторых эмфитевзисах¹³⁰. Наконец, один оригинал от 982 г. сохранился в бывшем архиве базилики Сан-Аполлинаре-Нуово¹³¹. Снижается количество и купчих, однако, как и в случае с завещаниями, мы нередко узнаем о них из других актов¹³². Редкость этих документов не говорит об исчезновении земельного рынка. Причина заключается в плохой сохранности этих грамот. Именно в таком состоянии до нас дошло завещание 982 г., чему, скорее всего, немало способствовали влажный климат и несовершенные условия хранения, а также незаинтересованность в нем церковных служащих.

§ 3. «Баварский кодекс» (*Breviarium Ecclesiae Ravennatis*, BER, также известный как *Liber*, или *Codex Traditionum*) – документальный свод VII–X вв., составленный на папирусе в конце X в. в архиепископской канцелярии¹³³. Долгое время он хранился в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене,

¹²⁸ Benericetti 2006, № 54 (a. 896): *seu et testamentario iure quondam Martini glorioso duci dulcissimi et suavissimi viri mei.*

¹²⁹ Benericetti 2002, № 196 (a. 977): *quas ipse suo fidei comisario mihi instituit rebus suis dandum et venundandum et distribuendum pro eius anima, quod ita atinplere cupio ipso coque pressente atstantes mihi que dictantes et consentjentes in omnibus... que subter manus sua propria firmavi et testibus ut suscribere vel signum sancte crutjs facere conrogavi.*

¹³⁰ *Ibidem*, № 131 (a. 967): *et duobus successoribus meis cui ego relinquere aut designare voluero per meum testamentum.*

¹³¹ Federici, № 6 (a. 982).

¹³² Benericetti 1999, № 3 (a. 903): *idest omnes sortes et porcionem principales in integro quantascunque iam ante[a nobis obvenit] a quondam domna Angelrada gloriosa comitissa genetricis mea per comparatjonem paginam a Ro[mano qui vocatur de] Trarivo.*

¹³³ Названием *Codex traditionum* источник обязан Андреа Феличе Офеле (Oefele), работнику Мюнхенской библиотеки XVIII в. В свою очередь, термин *breviarium* является более предпочтительным, так как восходит к записи на переплете Кодекса, сделанной курсивом XIII в. Наконец, название *Liber traditionum* встречается в статье Дж. Буцци (*Buzzi G. La curia arcivescovile e la curia cittadina... P. 15*).

благодаря чему и получил свое название. Это один из самых известных раннесредневековых картуляриев северо-восточной Италии. «Кодекс», содержащий 186 регистрационных записей об эмфитевтических и либеллярных контрактах, а также дарениях, является ценнейшим источником по социально-экономической истории поствизантийской Марке. Он содержит и немало уникальных сведений о внутреннем устройстве некоторых городов Пентаполя, в особенности Римини. Ему близок «Register traditionum» владений Архиепископской курии в Ферраре, составленный в Равенне в XI в. и дошедший до нас лишь в незначительных фрагментах.

О природе «Кодекса» ведутся споры. Его наиболее древнее, восходящее к XIII в. название – бревиарий – на сегодняшний день неадекватно. Одни исследователи (О. Р. Бородин, Я. О. Чедер) предпочитают считать его полиптиком¹³⁴, другие (Р. Бенеричетти) видят в нем картулярий. В пользу последнего говорит то, что к его составлению привлекались только акты, поступавшие в архив архиепископской курии. С другой стороны, как и некоторые другие, менее известные равеннские документальные своды, «Баварский кодекс» создавался с фискальными целями¹³⁵, что, несомненно, сближало его с полиптиком. Кроме того, этот памятник близок т. н. панкартам – сводным грамотам, содержащим сведения о сделках, заключенных в течение определенного периода времени.

Генетически «Кодекс» восходит к фискальным описям римской эпохи. Среди т. н. равеннских папирусов есть интересный документ 489 г. из Сиракуз, названный *polyptichis publicis*. Я.-О. Чедер называет его реестром земельной собственности. Этот интересный документ устанавливает для каждого объекта недвижимости имя владельца, размер и взимаемые с него налоги¹³⁶. Сходным образом организован материал и в регестах «Баварского кодекса». Эксерпты «Кодекса» аккуратно фиксируют имена земельных съемщиков, тип аренды,

¹³⁴ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 20.

¹³⁵ Baldetti E. La Pentapoli Bizantina d'Italia tra Romania e Langobardia / Atti e memorie della Deputazione di Storia Patria per le Marche. Ancona, 2003. Vol. 104. P. 22.

¹³⁶ Tjäder I. P. 442.

объект сделки и размер ренты. Такая структура сближает «Баварский кодекс» с фискальными документами римско-византийского времени и позволяет характеризовать его и как картулярий, и как полиптик.

На протяжении XIX–XX вв. высказывалось множество гипотез о времени его составления. Его точной датировке посвящен практически вековой труд исследователей-дипломатистов. Л. М. Гартман датировал «Кодекс» X в. (не позднее 971 г.). В 1961 г. Дж. Муцциоли, издатель актов монастыря Сан-Андреа-Маджоре, пришел к выводу, что крайней датой следует считать 949 г., поскольку эмфитевзис, датируемый этим годом, совпал с одной из регест ВЕР. К сожалению, это неверно. ВЕР содержит немало регест уцелевших оригиналов ААРа, составленных и в более позднее время. Отталкиваясь от датировки ряда регест, соответствующих оригиналам ААРа, Дж. Работти предлагает считать верхней датой 966 г., а нижней – 983 г. (год смерти архиепископа Онеста). Эта гипотеза мне кажется наиболее обоснованной. Э. Балдетти считал, что составление «Кодекса» потребовалось для легитимации собственных прав архиепископов после вхождения Экзархата во главе с архиепископом Онестом в состав Священной Римской Империи на правах феода. На связь составления картулярия с *renovatio imperii* указывает и А. Вазина¹³⁷.

«Кодекс» содержит регесты архиепископских актов от Дамиана (688–705) до Онеста II (971–983), в правление которого, скорее всего, он и был составлен. Два эксцерпта приблизительно датируются 1-й половиной VII в.¹³⁸, но большинство регест относятся к IX–X вв. Они воспроизводят содержание по большей части утраченных аренд далеких пограничных владений Равеннской

¹³⁷ Vasina A. Il Breviarium nella storia della chiesa ravennate // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro). Roma, 1985. P. 9–32.

¹³⁸ ВЕР, № 170 (Губбио). Здесь упоминается дарственная знатного неаполитанца, сохранившаяся в собрании Марини, который датировал ее серединой VII в. Marini, № 92 (sec. VII): Φλ() Στεφανος ἰλλουστρις κομμα[νε]ν[ς] [. . .] εν κιβιτατε Νεα[π]ολιτ[α]υ[. . .] υικ 20[καρ]τουλε α διε πρεσεντι δονατ[ιου]ις δε σοπρα ισκριπτα ομνια ενμοβιλια πρεδια και σουντ territorio Αγου- [β]ινο ουβι ουβι σεου εντρο κιβιτατε σεου φορι κιβιτατε ιουρις μει α με 25φακτε εν σανкта εκκλησια Ραβεν- вате ad ομνυα σοπρα ισκριπτα ρε- λεγι κονσενσι ет σουσκριψи ет τεστес και σουσκριβερενт роγαβι. См. ВЕР, № 170: quae ovenerunt sanctae Ravennati ecclesiae a quondam Stephano magnifico viro qui mansit in civitate Neapoli; 174 (Перуджа): tempore Heraclii imperatoris.

церкви: округов Римини, Сенигаллии, Озимо, Иези, Фоссомброне, Урбино, Монтефельтро и Перуджи. Таким образом, они покрывают территорию южной Романьи, северной Марке и восточной Умбрии. Среди наиболее полных секций – округа Римини, Сенигаллии, Озимо и Монтефельтро.

Регистрационные записи расположены не в хронологическом порядке. Они распределены по нескольким городским округам бывшего Пентаполя спустя 200 лет после его фактического исчезновения как административной единицы. Дипломатический порядок также соблюден плохо, хотя закономерность здесь есть. В секциях картулярия либеллярным арендам, заключавшимся с крестьянами, предшествуют более престижные эмфитевтические, являвшиеся прерогативой знати.

Материал «Кодекса» достаточно информативен. Конечно, его выписки опускают имена нотариев, а иногда даже архиепископов, что делает точную датировку регест невозможной. Тем не менее, его записи, в целом, аккуратно передают сущностную характеристику каждой сделки. Сведения из эксцерптов особенно важны, если оригинальный документ утерян или серьезно испорчен¹³⁹. Некоторые записи могут даже помочь в восстановлении лакун в некоторых оригиналах¹⁴⁰. Вместе с тем «Кодекс» не всегда точно отражает содержание документа, поэтому обращение к сохранившимся оригиналам необходимо. В нем есть как ошибки, так и сознательные искажения. В одном случае знатные эмфитевты должны вносить *pensio* за арендуемые участки земли в размере 3 золотых солидов, хотя в оригинале значится 1 солид¹⁴¹. В другом месте знатный эмфитевта Урс назван *sclavino* («славянин»)¹⁴², что вполне правдоподобно (в

¹³⁹ О качестве предоставляемой кодексом информации можно судить, например, исходя из сравнения дошедшей до нас грамоты 891 г. (Venericetti 2006, № 41) и соответствующей записи Кодекса (BER, № 101). Регеста аккуратно фиксирует имена контрагентов (арендаторы Астольф и Эрменберга и арендодатель архиепископ Доминик), тип аренды (либелла), объект сделки (различные *porciones* от *massa Merolaria*) и его расположение (округ Озимо), ренту (*de omnibus modio decimo; vino arfara quarta; 15 денариев* в качестве коммутации *exenio* и *erbatico*). Следует добавить, что М. Фантуции в составлении регест актов равенских архивов был куда более небрежен, опуская, например, важные сведения о земельной ренте.

¹⁴⁰ BER, № 12, 68, 87, 90, 107, 113, 114, 115, 122, 161, 180, etc.

¹⁴¹ BER, № 91 = BER App. II, № 5.

¹⁴² *Ibidem*, № 186.

Пентаполе проживали славянские и болгарские поселенцы), однако из оригинала становится ясно, что речь идет лишь об искаженном написании должности скабина (*scavino*)¹⁴³.

§ 4. Язык, грамотность и письменная культура. Представляется важным коснуться темы языка наших источников. Документы открывают нам яркую панораму бурной языковой трансформации. Уже сами по себе они служат бесценным источником для филологов-романистов¹⁴⁴. Язык равенских актов разительно отличается как от более или менее чистого языка папирусов V–VII вв., так и от относительно стандартизированных делопроизводственных оборотов XI и последующих столетий.

В грамотах вплоть до XI в. встречаются следы греческих дериватов и лексических конструкций, например, в выражении «*iuris monasterii Sancti Iohannis Cata Paterie*»¹⁴⁵. Едва ли они были понятны самим составителям актов: в грамоте X в. уже слившиеся предлог и топоним управляются теперь латинским предлогом *ad*¹⁴⁶. Другим примером может служить устойчивая формула с использованием греческого предлога *ἀνά*, которая использовалась для оценки солида как денежно-счетной единицы: «*et pro unumquemque solidos ana denarios duodecim*». Она встречается в документах вплоть до XI в. включительно¹⁴⁷.

Несмотря на то, что грецизмы, скорее всего, широко бытовали в обиходе равенцев¹⁴⁸, знание греческого языка среди образованных кругов того времени было минимальным. Хотя в тексте «Книги понтификов Равенны» Агнелла можно найти немало греческих заимствований, сомнительно, что ее автор владел греческим языком¹⁴⁹. Более того, сам Агнелл говорит о знании его предком

¹⁴³ Benericetti 1999, № 63 (a. 949).

¹⁴⁴ См. *Lazard S.* De quelques attestations anciennes trouvées dans des documents ravennates // *Revue de linguistique romane.* 1973. Vol. 37, Cah. 147–148. P. 398–418.

¹⁴⁵ BER, № 110.

¹⁴⁶ BER App. III, № 6: *abate monasterii Sancti Iohannis ad Cata Pate[ria]*.

¹⁴⁷ Benericetti 2003, № 61 (a. 1004/1019): [... *id es*]t in arientum solidos viginti anna denarios duodetjm.

¹⁴⁸ См. об этом: *Lazard S.* Les byzantinismes lexicaux de l'Exarchat de Ravenne et de la Pentapole // *Byzantion.* 1986. Vol. 56. P. 354–426.

¹⁴⁹ *Deliyannis D. M.* The Book of Pontiffs of the Church of Ravenna. Washington, 2004. P. 10.

Иоанницем греческого как о выдающемся достижении. После падения Экзархата ситуация вряд ли изменилась в лучшую сторону.

Безыскусный язык грамот IX–X в. лишен какого-либо подобия синтаксической и грамматической логики. Перевод некоторых документов и их фрагментов в ряде случаев может быть лишь приблизительным. Некоторые антиквизированные конструкции и вовсе лишены всякого смысла. Налицо выраженный отход от норм классической латыни, которая постепенно забывалась, и растущее влияние вульгарного языка и его региональных особенностей. Это, в частности, заметно по отмиранию именной и глагольной флексии. Каролингские нововведения, как утверждает Р. Бенеричетти, не имели особенного влияния на язык делопроизводства¹⁵⁰.

Документы, составленные нотариями архиепископской курии, отличаются значительно меньшим количеством синтаксических, грамматических и орфографических отклонений, чем грамоты, созданные городскими табеллионами. М. Штейнхоф куда более критичен в своей оценке профессиональной подготовки табеллионов. В них он видит носителей сравнительно «низкой» деловой культуры. Что же касается актов, вышедших из-под пера табеллионов других городов, приходов и местечек, то, вслед за Р. Бенеричетти не было бы особенным преувеличением считать, что они составлены на латинизированном местном наречии¹⁵¹. В тех случаях, когда в канву формуляра вторгаются древние юридические формулы (например, уже известное нам клише «*qua quemque tangit et populum*»), есть подозрение, что их смысл не был вполне ясен составителям. Вместе с тем некоторые такие акты, как, скажем, несколько купчих из Комакьо¹⁵², содержат более древний формуляр, восходящий к римским временам и встречающийся в некоторых папирусах VI в.¹⁵³

В лексиконе частных актов того времени очень широко распространены хорошо знакомые филологам и характерные для этой эпохи аналитические

¹⁵⁰ Benericetti 2002. P. XXXVI.

¹⁵¹ Ibidem, № 111 (а. 963, Ровиго), 118 (а. 965, Феррара), 121 (а. 966, Феррара).

¹⁵² Ibidem, № 112 (а. 963), 134 (а. 967); Benericetti 2002a, 196 (а. 977).

¹⁵³ Tjäder 29, 35, 37.

конструкции (например, в таком выражении, как «quando imperati fuerimus»). Повсеместным явлением становится деградация падежной системы. Это объясняет произвольное использование различных окончаний и суффиксов в грамматически сходных ситуациях. Ряд слов, в том числе множество постклассических неологизмов, утрачивает флексивность, по крайней мере, в единственном числе (*canale, casale, radule*). В то же время показателем множественного числа косвенного падежа очень часто служит лишь суффикс – *ibus*. Таким образом, налицо упрощение норм склонения и спряжения. Наконец, исчезают дифтонги (*forma/ae > forme, terra/ae > terre*).

Источники фиксируют огромное количество слов и выражений из вульгарной латыни, факт, на который обратили пристальное внимание еще филологи конца XIX в.¹⁵⁴ В делопроизводство проникло множество германской лексики: *gualdo* (лангоб. «лес»), *broilo* («*proilo*», «*broilum*», имеющий латинский аналог «*vacuamentum*» в значении «пустырь»), *sala* («дом», «двор»), *gastaldo*, *scabino* (должностные лица), *harimannus* («ариманн»), *exercitalis* и др.

В регестах «Баварского кодекса» и грамотах Архиепископского архива встречаются и постлатинские неологизмы романского происхождения, например, *braidia* («пригородное поле», «роща»), возможно, восходящая к латинскому *praedium* и означающая, согласно устоявшемуся классическому определению, «*campus vel ager suburbanus in Gallia Cisalpina*». Появляются такие существительные, как *albaro* («тополь»; например, в топониме *Albarito*), *ronco* («распаханная новь», «корчевка») и производного от него глагола *roncare*: к последнему термину с учетом его огромной важности для изучения аграрной колонизации я еще вернусь в тексте работы.

Наконец, проявляются и локальные особенности местной латыни. Распространены случаи подмены звука *j* на согласный *z*, которые встречаются в написании имен (мы встречаем, например, рыбака Иоанн по прозвищу *Zaccula*,

¹⁵⁴ *Gloria A. Del volgare illustre dal secolo VII fino a Dante: studj storici. Venezia, 1880. P. 112.* В целом, равенские акты IX–X вв., в отличие от папирусов римско-византийского периода, сравнительно редко становились объектом специального филологического анализа. См. *Mundó A. M. Un document de Ravenna del segle X a Barcelona // Medievalia. 1990. Vol. 9. P. 169–177.*

вероятно, от «jacula», «невод»), топонимов (fundo Zanula) и даже в торжественных оборотах («zurata voce dico per Deum omnipotentem»). Появляется и звук «ч» (dutj, tjvitate), указывающий на постепенное превращение латыни в диалект итальянского языка.

К VIII–IX вв. равеннское общество сильно провинциализировалось. Это заметно по культурному кругозору Агнелла, автора местной «книги понтификов»¹⁵⁵. Но грамотность и развитая культура письменного делопроизводства, восходившая ко временам *gesta municipalia*¹⁵⁶, были прочно укоренены в Равенне. Преимущественно мы имеем дело с «прагматической грамотностью»¹⁵⁷, распространенной среди светских и церковных управляющих, мелкой знати и торгово-ремесленных кругов. В Равенне сохранялись профессиональные ассоциации писцов: нотариев и, в первую очередь, табеллионов, пользовавшихся *fides publica* и восходящих к *scola forensium* VI–VII в. Последние были тесно связаны с имущими горожанами и деловой средой. На всем протяжении изучаемого периода в Равенне преобладает светское делопроизводство: акты, составленные городскими табеллионами за 751–1200 гг., по самым приблизительным подсчетам, требующим дальнейших уточнений, составляют до 70% всего корпуса документов¹⁵⁸.

В городе было, впрочем, немало людей, чьи навыки выходили за рамки умения составлять, подписывать и использовать документ. В различных актах

¹⁵⁵ Pizarro J. M. *Writing Ravenna...* P. 24.

¹⁵⁶ Современная историография переживает настоящий бум в изучении различных форм грамотности, при этом к изучению привлекается внушительный документальный материал. Замечательным примером может служить коллективный труд *Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages* / Ed. W. Brown, M. Costambeys, M. Innes, A. Kosto. Cambridge, 2013 (см. Филиппов И. С. Рецензия на: *Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages* / Edited by W. Brown, M. Costambeys, M. Innes and A. Kosto. Cambridge: Cambridge University press, 2013 // СВ. 2014. Вып. 75, №1–2. С. 492–497). К работе над ним были привлечены и документы Архиепископского архива Равенны. Решающим вкладом в изучение равеннского нотариата, и, шире, всей письменной культуры Равенны и по сей день остается диссертация американского исследователя М. В. Штейнхофа (*Steinhoff M. W. Origins and Development of the Notariate at Ravenna (Sixth through Thirteenth Centuries)*). Dissertation. New York, 1976).

¹⁵⁷ Devroey J.-P. *Ordering, measuring and counting: Carolingian rule, cultural capital and the economical performance in Western Europe (750–900)*. Manuscript draft. Bruxelles, 2009. P. 21.

¹⁵⁸ Steinhoff M. W. *Origins and Development...* P. 120.

конца X – начала XI вв. мы встречаем специфическую должность *magister*¹⁵⁹, а с первых десятилетий XI в. – *scolasticus* и *scolasticissimus*¹⁶⁰. Вероятно, они были профессиональными юристами и являлись светскими лицами. Нам не известно, в каких областях знаний трудились интеллектуалы докоммунальной эпохи, однако не вызывает сомнений, что в городе еще в X в. изучалось римское и лангобардское право, грамматика, арифметика и, вероятно, риторика. Хронист Рауль Глаубер (985–1047) оставил любопытный анекдот о некоем обвиненном в конце X в. в ереси равеннце Вильгарде, «... более неутомимом, нежели прилежном в изучении искусства грамматики», которого по ночам посещали демоны в облике Вергилия, Горация и Ювенала¹⁶¹. Несмотря на полуфантастичность этой истории, она хорошо иллюстрирует сравнительно высокий уровень культуры некоторых представителей городского населения раннесредневековой Равенны. Известно, что в X в. в Равенне было составлено несколько житийных сочинений, посвященных местным святым.¹⁶²

Не стоит, впрочем, обольщаться, принимая за безусловную грамотность лишь умение самостоятельно подписывать документ, пусть даже это и является, в какой-то мере, атрибутом определенного культурного уровня. Кроме того, более удручающая картина вырисовывается при изучении актов, составленных за пределами Равенны, особенно в Форлимпополи и Комаккьо. Здесь привлеченные в качестве свидетелей лица гораздо чаще оказываются неграмотными. В таких

¹⁵⁹ Benericetti 2002, № 146 (a. 969): *Dominicus vir magnificus filio item Dominicus magister sumiatore*; Benericetti 2002a, № 226 (a. 982): *casalem in integro quem tenet Martinus magister*; Benericetti 2010, № 342 (a. 984) = Fantuzzi 1801, № 64 (a. 984): *heredes quondam Iohannis de Leo magister*.

¹⁶⁰ Fantuzzi 1802, № 27 (a. 1023): *ego Petrus scolasticus*; 31 (a. 1036): *ego Arardus scolasticus*; Ronchini 2010, № 130 (a. 1030): *ego Petrus scolasticissimo*; 166 (a. 1035/36): [...]*asticus*

¹⁶¹ *Rodulfus Glaber. Historiarum libri quinque // Rodulfus Glaber. Opera / Ed. J. France, N. Bulst, P. Reynolds. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 92 (II. 12. 23): Ipso quoque tempore non impar apud Ravennam exortum est malum. Quidam igitur Vilgardus dictus, studio artis grammaticae magis assiduus quam frequens, sicut Italis mos semper fuit artes negligere caeteras, illam sectari. Is enim cum ex scientia suae artis coepisset, inflatus superbia, stultior apparere, quadam nocte assumpsere daemones poetarum species Virgilii et Horatii atque Juvenalis, apparentesque illi, fallaces retulerunt grates quoniam suorum dicta voluminum charius amplectens exerceret, seque illorum posteritatis felicem esse praeconem.*

¹⁶² *Schoolman E. M. Rediscovering Sainthood in Italy. P. 56.*

случаях за них подписывается табеллион по формуле «*signum + manus*»¹⁶³. Это говорит об упадке грамотности в провинциальных городах Романьи.

Как бы то ни было, понимание важности и даже необходимости фиксации юридического акта на бумаге и его дальнейшего хранения было само собой разумеющимся явлением. Конечно, не все деловые операции непременно сопровождалось заключением письменного акта. Из назидательного рассказа Агнелла, попутно раскрывающего происхождение городского топонима *Ad Brachium Forte*, становится ясным, что знакомые равенцам кредитно-денежные операции, в особенности заключаемые лицами, состоящими в реальном или фиктивном родстве, регулировались устными процедурами. Но люди, вступавшие в те или иные правоотношения, особенно выходцы из среды знати, даже не умея читать и писать, хранили акты и при случае могли использовать их в судопроизводстве или при заключении других сделок. Источники оставили множество примеров.

Неграмотная собственница Анна из Форли, продающая в 948 г. землю аристократу Лиуто, указывает, что отчуждаемое имущество, приобретенное, купленное или доставшееся ей каким-либо иным способом, обеспечено соответствующей документацией¹⁶⁴. Эсхатоколы большинства эмфитевтических *petitiones* VIII–XI вв. содержат характерную формулу: «... это прошение (*petitio*)..., составленное по нашей просьбе [нотарием святой Равеннской церкви], в котором мы поставили свои подписи, а также попросили подписаться

¹⁶³ Как правило, составитель документа (табеллион или нотариус) оставляет подпись за неграмотного человека, пользуясь формулой *signum + manus* [имя] *s(uprascripto)ta et eis relect(um) est*. В грамотах из Комаккьо, восходящих к более древнему формуляру, это выражение получает расшифровку добавлением характерного оборота *littere nesciens* (или *scribere nesciens* в равенских актах 1-й половины XI в.): Benericetti 1999, № 66 (а. 949, Комаккьо); Benericetti 2002, № 134 (а. 967). Оно лишь незначительно отличается от соответствующего ранневизантийского формуляра. Ср. Marini, № 90: ... *atque ad singula relecta est consentiens in omnibus mano propria propter ignorantia litterarum signum s(an)c(t)ae Cricus feci*. Benericetti 1999, № 58 (а. 948, Форли-Мополи), 69 (а. 949–950, Равенна): здесь нотариус Георгий I поставил подписи за двух неграмотных лангобардов; 88 (а. 956, Комаккьо).

¹⁶⁴ Benericetti 1999, № 58 (а. 948): *hides omnes res vel portiones mea principalis in integro de quantacumque mihi ad super et suprascripta Anna ovenit da Cipriano et Petronilla iugalis genitoris meis et qui mihi ovenit per quodves monitionis cartarum mearum adquisites vel conparate abemus da gen[.]me et qui mihi ovenit per quialives modis cumque vel cartule scriptura nos abemus.*

привлеченных нами свидетелей, мы отдаем на хранение на будущие времена в архив вашей святой Равеннской церкви... »¹⁶⁵.

Большинство эмфитевзисов прямо вменяет в обязанность хранить договор в изначальном виде («*inviolabiter modis omnibus conservare*»), что скрепляется благочестивой клятвой¹⁶⁶. *Cartula* (грамота) часто служит синонимом для какой-либо сделки с недвижимостью вообще. Аренда дарственной 986 г., составленной монахами Помпозы, содержит пространное рассуждение о необходимости письменной фиксации контракта со ссылкой на правовую норму, конкретнее, на место в «*secundo libro codicis*» Юстинианова законодательства¹⁶⁷. Ряд грамот отмечает, что эмфитевты вправе передавать в наследство арендуемое имущество «по завещанию или какому-либо другому письменному документу»¹⁶⁸. В преамбулах пактов 975 и 992 гг. мы читаем, что «существует множество пактов, обеспеченных лишь устной договоренностью» («*plura enim existent pacta que solo verbo manere possunt*»), но далее поясняется, что «... важно облечь договор в письменную форму» («*necesse est scripture vinculi anotari*») «... во избежание забвения или каких-либо конфликтов»¹⁶⁹.

Заключение. Равеннские документальные источники, безусловно, адекватны заявленной теме. Речь идет о значительном и типологически

¹⁶⁵ Benericetti 2006, № 42 (a. 891): *quam petitionis nostrae cartulam Constantinum primicerium notariorum sancte Ravennatis ecclesie scribendum rogavimus, in qua nos suscripsimus, testibusque a nobis rogatis obtulimus subscribendum, quamque et in arcivo sancte vestrae Ravennatis ecclesiae pro futuris temporibus radidimus recondendum.*

¹⁶⁶ Benericetti 1999, № 80 (a. 955): *inviolabiter modis omnibus conservare promittimus, iurantes per divina omnia misteria sedemque sanctam apostolicam et vitam suprascriptorum domnorum nostrorum hatestatjonem*; Benericetti 2002, № 136 (a. 967): *inviolabiliter modis omnibus conservare et custodire promittimus etc.*

¹⁶⁷ CDP, № 16 (a. 986): *Cum itaque... quum enim confirmat tua actoritas et divalium institutionum ita munit preceptio et agustorum divorum sic precipiunt sanctione ut ea que traduntur et usum capionibus ponuntur plus legem teneat vigorem quam illam que nudis pactis transferunt quasi simulate concipiunt itcirco cum ex quibus rebus corporaliter fiunt tradicionem necessarium est ut ea scriptis mandentur et testium in eorum fuint presencia scriptionibus roborentur sicut quondam bone memorie dominus Iustinianus Augustus et primis legislatoribus in constitutionibus suis inter ceteras in secundo libro codicis [...].*

¹⁶⁸ CDP, № 18 (a. 988): *et si filiis et nepotibus non abueritis in doubus subcessoribus vestries cui vos per vestrum testamentum aut per qualibet scriptum designaverit*; Benericetti 2002, № 96 (a. 958): *aut cui ego significare voluero per scriptjonis cartulam*; 150 (a. 970): *et si filios [vel filias non] abuerimus, licentjam habeamus re[linquere] per testamentum aut per aliam scriptjonem.*

¹⁶⁹ Muzzioli, № 28 (a. 975); Benericetti 2002a, № 255 (a. 992), 274 (a. 998), etc.

достаточно разнообразном корпусе грамот. В диссертации учтены и использованы практически все известные романьольские акты второй половины VIII – начала XI вв. Не исключено, что в архивах и рукописных собраниях из других районов Италии могут быть обнаружены некоторые другие документы, относящиеся к Романье этой эпохи, но это чисто гипотетическая возможность. Несмотря на утраты, лакуны и относительно неравномерное географическое распределение, анализируемые документы вполне репрезентативны и содержат конкретные и надежные сведения по самым разным аспектам городской и сельской жизни раннесредневековой Романьи. Их ценность в сравнении с документами этой эпохи, сохранившимися в архивах большинства других регионов Европы, повышается тем, что большинство дошедших до нас грамот – подлинники. С учетом сведений, содержащихся в нормативных и нарративных памятниках эпохи, они открывают широкую и сравнительно полную панораму общественного развития Романьи.

Глава 2. Территориальное устройство Романьи в VIII–X вв.

§ 1. Границы региона. В центре моего исследования находится сравнительно небольшая область Адриатического побережья на северо-востоке Италии. До 751 г. она пребывала под все более номинальной властью Константинополя в рамках особой провинции – Экзархата с центром в Равенне. После коллапса византийской администрации она трансформировалась, по меткому выражению Дж. Фазоли, в «автономный политико-административный организм»¹⁷⁰. Его социальный и экономический облик в VIII–X в. я попытаюсь воссоздать по документальным материалам Архиепископского архива Равенны и прочих учреждений.

Эта зона, включавшая значительные территории прежней римской провинции Эмилия и севера провинции Пицен, приблизительно совпадает с восточными районами современного региона Эмилия-Романья и северными областями региона Марке¹⁷¹. После раздела Италии на византийские и лангобардские территории она стала называться Романьей. С юга к ней примыкают приморские города Пентаполя («пятиградья»), позже вошедшие в состав Анконской Марки – церковной провинции в составе Папского государства. В нынешних границах она совпадает с современными провинциями Римини и Пезаро.

Романьи (*Romània*, *Romaniola*) как административной единицы на современной карте Италии не существует. Это исторический регион, практически никогда не обладавший ни политической субъектностью, ни внутренним единством. Начиная с XII в. Романья пребывала в состоянии хронического конфликта, заслужив репутацию нестабильного региона, «*mai senza guerra*», по меткому выражению Данте. Некоторые местности Романьи ныне покрывают границы сразу многих административных единиц. Так, горный регион Монтефельтро находится на пересечении нескольких административных областей

¹⁷⁰ *Fasoli G.* Il dominio territoriale degli arcivescovi di Ravenna fra l'VIII e l'XI secolo // I poteri temporali dei vescovi in Italia e in Germania nel Medioevo. Bologna, 1979. P. 91.

¹⁷¹ *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. С. 8.

центральной Италии: регионов Марке, Тоскано и Эмилии-Романьи, а также владений республики Сан-Марино.

На протяжении истории, вплоть до XXI в., границы Романьи постоянно менялись. И поныне отсутствует ясность, что же, собственно, следует подразумевать под Романьей. Наиболее лаконично и удачно ее границы обозначил Данте. Он очертил ее рубежи по «[реке] По, горе, побережью и [реке] Рено»¹⁷². Таким образом, это был, в сущности, небольшой регион, зажатый в междуречье По и Рено, между Аппенинами и Адриатическим побережьем. В предельно узком смысле под Романьей, действительно, подразумевают в основном лишь две современные провинции – Равенны и Форли. Иногда к ним добавляют восточные коммуны провинции Болонья и небольшие части Тоскано¹⁷³.

Романья всегда была небольшим, компактным регионом, который даже в XIII в. можно было пересечь по Эмилиевой дороге всего за один день пути¹⁷⁴. Однако из-за особенностей ее ландшафта сухопутные коммуникации с соседними регионами повсеместно были затруднены. Когда Ромуальду, монаху и будущему святому, потребовалось в конце X в. отправиться в Венето, чтобы учиться отшельнической жизни, он предпочел плыть туда морем¹⁷⁵. Еще в конце XIV в. речные и морские маршруты предпочитались сухопутным трактам.

Известное единство этой зоне придавал статус церковной провинции Рима. В 1278 г. Романья окончательно вошла в состав владений Святого престола в качестве церковной провинции *Romandiola*. В 1371 г. кардинал Англик, действуя по поручению папы, составил так называемое «Описание провинции Романья», служившее интересам папской казны. Согласно этому документу, церковная «Провинция Романьи» (*Provincia Romandiolae*) была ограничена Тусцией,

¹⁷² «E non pur lo suo sangue è fatto brullo / tra 'l Po e 'l monte e la marina e 'l Reno, / del ben richesto al vero e al trastullo». Canto XIV, 92–93. *Dante. La divina commedia. Purgatorio. Vol. 2 / A cura di N. Sapegno. Firenze, 1985. P. 156.*

¹⁷³ *Rosetti E. La Romagna: geografia e storia. P. 7–12.*

¹⁷⁴ *Larner J. The Lords of Romagna. Romagnol Society and the Origins of the Signorie. New York, 1965. P. 2.*

¹⁷⁵ *Vita Sancti Romualdi IV, 431 // PL CXLIV. P. 958: Consensu itaque ab abate et fratribus nimirum facilime impetrato, ad praedictum venerabilem virum navigo discurrante pervenit.*

Анконской Марке, Масса-Трабарьей (Центральные Аппенины), Ломбардией, и, наконец, Адриатическим морем¹⁷⁶, что сближает ее границы с описанием Данте.

Запутанная история с границами региона осложняется тем обстоятельством, что географически Романья также не представляет собой единую зону. На юге она охватывает часть риминийских Апеннин, на севере же включает небольшой кусок паданской долины. Помимо преимущественно горных регионов, таких, как Монтефельтро, современные провинции Форли и Равенны сочетают в себе черты горного и равнинного ландшафта.

Не является Романья и культурно однородной областью. В XV в. оформляются контуры особого историко-географического микрорегиона Романдиолы, или Романьи Эстенсе (*Romagna Estense*) в треугольнике Равенна – Фаэнца – Имола. Своему появлению он обязан включению этих земель (Луго, Баньякавалло, Котиньола, Фузиньяно, Альфонсине, Конселиче, Сант-Агата-суль-Сантерно, Масса-Ломбарда) в орбиту политического влияния феррарского дома д'Эсте¹⁷⁷. Особенностью этой зоны в раннее Средневековье, когда она входила в состав округа *Faventino acto Corneliense* и его восьми церковных приходов, являлось отсутствие античных городских центров (*civitates*)¹⁷⁸. Сеть городских поселений здесь вырастает значительно позже, преимущественно на рубеже X-XI вв., и даже в XIII в. этот регион славился не самыми хорошими дорогами. Еще в 919 г. будущее поселение (а ныне коммуна) Котиньола (ром. *Cudgnöla*) упоминается лишь как «поле» (*fundus*) *Cotoniola*. Систематическое изучение Романдиолы началось лишь во 2-й половине XX в. и, несмотря на достигнутые успехи, еще очень далеко от завершения.

Представление о Романье раннего Средневековья неразрывно связано с понятием «Экзархат», в узком смысле подразумевавшем владения византийцев на западном побережье Адриатики в северо-восточной Италии, а в широком – всю

¹⁷⁶ Fantuzzi 1804, № 1 (a. 1371): usque ad terminus et confines Provinciae Tusciae, Marchiae Anconitanae, Massae Trabariae, Lombardiae, et Maris Adriatici.

¹⁷⁷ См.: Vasina A. La Romagna Estense. Genesi e sviluppo dal Medioevo all'Età Moderna // Studi Romagnoli. 1970. № 21. P. 47–68.

¹⁷⁸ Mascanzoni L. Romagna Romandiola. Le istituzioni religiose nella storia del territorio // Rivista di storia della Chiesa in Italia. 2005. Vol. 59. № 1. P. 88.

совокупность византийских владений на полуострове (кроме Сицилии и Сардинии)¹⁷⁹. Говоря об Экзархате, я всегда буду подразумевать именно узкое значение слова. В его состав, скорее всего, не входил Феррарский дукат, бывший особым военно-административным образованием. Принадлежность Феррары к Романье до сих пор вызывает споры у историков и краеведов. С юга к Экзархату примыкал Пентаполь с центром в г. Римини.

Этимологии термина «Экзархат» посвящено немало работ¹⁸⁰. На всем протяжении докоммунального периода сохранялось представление об Экзархате и Пентаполе как об особых, но тесно связанных друг с другом областях. Эти зоны, в целом, совпадали с территорией компактного расположения земельных владений Равеннской церкви. Но они понимались и как особый культурный регион, который В. Фумагалли и М. Монтанари не побоялись назвать даже особой «цивилизацией» (*civiltà*)¹⁸¹. Действительно, в раннее Средневековье его отличало единство социально-политических, социально-экономических и социально-правовых обычаев и отношений, отмеченных печатью греко-византийских порядков. «*Ut soliti sunt modo Romani facere*» – по меткому выражению историка Агнелла.

Важно отметить, что понятие «*exarchatus Ravennis*» (*Ravennae, Ravennatis, Ravennantium*), по иронии судьбы, появилось в источниках уже после краха византийской власти¹⁸². В обоих своих значениях (широком и узком), в том числе в документообороте, оно употреблялось вплоть до XII в., а в краеведческой литературе и публицистике – еще много позже. Так, амбициозный равеннский архиепископ Ансельм (1155–1158) в документах своей канцелярии именовал себя

¹⁷⁹ Подробнее об этом см.: *Бородин О. П.* Равеннский экзархат. С. 8, 346 (прим. 1–2).

¹⁸⁰ *Heidrich I.* Ravenna unter Erzbischof Wibert (1973–1100). Untersuchungen zur Stellung des Erzbischofs und Gegenpapstes Clemens III. in seiner Metropole. Sigmaringen, 1984. S. 23–33.

¹⁸¹ *Montanari M.* Campagne e contadini nell'Italia bizantina (Esarcato e Pentapoli) // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Age.* 1989. Т. 101/2. P. 598.

¹⁸² *Bertolini O.* Gli inizi del governo temporale dei papi sull'Esarcato di Ravenna // *Archivio della Società romana di Storia patria.* A. LXXXIX. Roma, 1966. P. 25–35; см. *Benericetti* 2006, № 3 (а. 759): *p(ro)vincia(m) illa(m) videlicet Exarchatu(m) Ravennanciu(m) a iugo servitutis dictionis genciu(m) D(e)i p(ro)videncia redemit.*

«*Dei gratia sancte Ravennatis ecclesie archiepiscopus et eiusdem civitatis exarchus*»¹⁸³. В антиравеннской политической риторике папские круги намеренно употребляли понятие «экзархат» в узком смысле слова. «Экзархату Италии» архиепископа Льва папы противопоставляли «Равеннский экзархат», чьи западные рубежи, согласно договору 774 г., ограничивались, самое большее, Болоньей и Имолой.

Каковы были границы Экзархата в VIII-IX вв.? Из описания Агнелла следует, что еще архиепископ-«экзарх» Сергей (744–769) «... правил (*iudicavit*) от Персичеты всем Пентаполем до границ Тосканы и Волано (*ad mensam Walani*)»¹⁸⁴. Его наследник Лев (770–777), как следует из письма папы Адриана I, тем более надежного, что оно написано противником Равенны, контролировал собственно Равенну, Фаэнцу, дукат Феррары, Комаккьо, Форли, Форлимпополи, Чезену, *Vobium*¹⁸⁵, трибунат Дечимано (*Decimo*)¹⁸⁶. Все это более-менее совпадает с границами Экзархата в его узком значении. В похожем смысле термин «экзархат» употребляется и в дипломе Оттона I от 962 г. Здесь он включает, собственно, Романью с центром в Равенне, часть Эмилии и Венето: упоминаются населенные пункты *Vobium*, Чезена, Форлимпополи, Форли, Фаэнца, Имола, Болонья, Феррара, Комаккьо, Адрия и Гавелло¹⁸⁷. Диплом Оттона III от 999 г. в пользу равеннского архиепископа Герберта инвестировал его всеми «*res et possessiones*», конфискованными у графа Ламберта «*a mari usque ad Alpes, a fluvio Reno usque ad Folia*»: границы, вполне совпадающие с географией архиепископских владений в Экзархате и Пентаполе и в будущем увековеченные в строках Данте.

Понятие Пентаполя (*Pentapolis*) как административного единства двух приморских пятиградий (Пентаполя Морского и Пентаполя Сухопутного)

¹⁸³ *Muratori L. A. Antiquitates italicæ medii ævi*. T. VI. Mediolani, 1742. P. 441–444.

¹⁸⁴ *Agnellus*. P. 337.

¹⁸⁵ Поселение, которое Ш. Диль идентифицирует с Сарсиной, центром диоцеза, расположенным на юге Экзархата (совр. провинция Форли-Чезена) на р. Савио (*Diehl C. Etudes sur l'administration byzantine...* P. 58).

¹⁸⁶ *Codex Carolinus* / Ed. W. Gundlach. Berlin, 1892 (MGH Epp., 3). Nr. 55 (a. 755). P. 578–580.

¹⁸⁷ *Conradi I Henrici I et Ottonis I Diplomata* / Ed. Th. Sickel. Hannoverae, 1879–1884 (MGH DD O I). Nr. 235 (a. 962). P. 322–325.

исчезает во второй половине IX в.¹⁸⁸ Его политическая целостность оказалась со временем сведена на нет действиями различных политических сил. Термин традиционно всплывает лишь в императорских или папских привилегиях, где нередко становится жертвой путаницы. Различие «Морского» и «Сухопутного» пятиградий стирается к началу IX в. Согласно договору короля Лотаря с папой от 817 г., «Пентаполь» включает в себя уже все города этих зон и некоторые другие территории, хотя в последовательности их перечисления все же можно разглядеть контуры обоих Пятиградий¹⁸⁹. Позже приморская зона Пятиградий войдет в состав Анконской Марки.

Исходя из всего этого, в тексте данного исследования понятия «Романья» и «Экзархат», с одной стороны, и «Пентаполь» и «Анконская Марка», с другой, будут использоваться как полные синонимы. С учетом того, что термин «Экзархат» появляется в документах уже после падения византийской власти, использование его в тексте не является анахронизмом. Конечно, все эти термины употребляются здесь исключительно для удобства, поскольку патримоний Равеннской церкви выходил далеко за пределы Романьи и Пентаполей. На севере владения архиепископии, помимо округа Феррары, доходили до Ровиго, центра одноименной современной провинции в составе Венето, на западе – до Болоньи. В диссертации часто привлекаются материалы из южного Пентаполя, а также из долины нижнего течения реки По, покрывающей округа Феррары, Комаккьо и Адрии. Обоснованность периодического выхода за пределы собственно Романьи обусловлена высокой интеграцией этих регионов во владельческие и потестарные структуры Равеннской церкви. Сведения из этих областей изучаются не иллюстративно, а аналитически. Наличие этого материала в исследовании

¹⁸⁸ Fasoli G. La Pentapoli fra il Papato e l'Impero nell'alto Medio Evo // Atti e memorie della Deputazione di storia patria per le Marche. 1981. Vol. 86. P. 55–88.

¹⁸⁹ Pactum Hludovici Pii cum Paschali Pontifice / Ed. A. Boretius. Hannover, 1883 (MGH Capit., 1). P. 353. Здесь перечислены по порядку города Римини, Пезаро, Фано, Сенигаллия, Анкона (Приморское пятиградье), затем следуют города и области Сухопутного пятиградья: Озимо, Нумана, Иези, Фоссомброне, Монтефельтро, Урбана, territorium Balnense, Кальи, Luciolis (совр. Канчиано), Губбио.

обеспечивает более адекватное и глубокое понимание региональной специфики прежде всего самой Романьи.

Побережье Адриатики представляло собой высокоурбанизированный регион с центром в Равенне. Некогда агломерация Равенны включала порт Классис и поселение Цезарею (исчезнувший к тому времени древний прибрежный город). Порт, расположенный в 5 км от Равенны, пережил свой расцвет в V–VII вв., однако уже в VIII в., не в последнюю очередь благодаря лангобардскому разорению и естественным процессам обмеления, пришел в упадок. В актах X в. он, как и у Агнелла, назван не иначе как «бывший город» (*dudum civitas*), от которого остались лишь укрепления.

В византийский период вся система городских поселений была приспособлена для обороны стратегически важных коммуникаций, в частности, Фламиниевой дороги и ее маркийского ответвления, связывавших Равенну с Римом¹⁹⁰. Наследием военного времени была сеть византийских крепостей (*castra*), некоторые из которых (например, *castrum Cesubeum*) позже стали крупными населенными пунктами. Среди городов Романьи, помимо Равенны, большую роль играл Римини (*Ariminum*), некогда (с 591 г.) административный центр Пентаполя Морского под управлением дукса и важный торговый порт, служивший перевалочным пунктом для транспортировки продукции, поставлявшейся в Равенну из Сицилии. Порт сохранял свое значение в X–XI вв.: так можно объяснить особенное внимание, которое уделено прибрежной полосе (*litus maris*) в императорских привилегиях в пользу местного диоцеза¹⁹¹.

За исключением Равенны и Червии, все города античного происхождения, такие, как Имола (*Forum Cornelii*), Фаэнца (*Faventia*), Форли (*Forum Livii*), Форлимпополи (*Forum Popilii*), Чезена (*Caesena*), Римини (*Ariminum*) были расположены вдоль так называемой Эмилиевой дороги, проведенной еще во II в. до н.э. вдоль предгорий Апеннин, в то время как Фламиниева дорога (и ее

¹⁹⁰ *Vespignani G. La Romagna italiana... P. 94–96.*

¹⁹¹ *Fantuzzi 1804, № 10 (a. 996): medietatem districtu de littore maris cum porticio suo p. q. itur ad mare; 22 (a. 1144): medietatem totam ex integro ripae littoris maris, cum medietate de districtu suo, quae ad ripas littoris pertinent, sive de Judeis, sive de Christianis.*

маркийское ответвление) связывала порты Римини, Пезаро, Фано, Сенигаллию, Анкону и Озимо (Auximum). Анклав Пентаполя Морского связывался с территорией Экзархата через Римини и Червию – небольшой прибрежный город, экономически значимый за счет прибыльных соляных прудов, активная разработка которых началась в XI–XII вв.

В стороне от крупных дорог к западу от Римини расположен горный округ Монтефельтро с церковной столицей в Сарсине. Равенна связывалась с Чезеной существующей и поныне провинциальной дорогой Дизмано¹⁹² (Dismano, диал. e' Dsman, Smân). Она проходила с севера на юг через земледельческую долину, пересеченную впадающими в море реками Савио, Ронко и Монтоне. Часть ее получила название Дечимано (Decimano, Decimo). С течением времени вырастали новые центры, которые теснили старые античные муниципии. Так обстояло дело с Castrum Cesubeum (с XI в. – Бертиноро¹⁹³), вероятно, византийской по происхождению крепостью, расположенной в пределах Форлимпополи и фигурирующей впервые в акте 988 г. как приходской центр¹⁹⁴. Впоследствии это поселение потеснило Форлимпополи как стратегически важный военно-политический центр, а с XIII в. стало центром диоцеза.

§ 2. Территориальная организация и поселенческая структура. Частные акты, богатые на мелкие детали, являются ценнейшим источником для изучения социального пространства поствизантийской Италии. При изучении территориальной организации региона особенно бросается в глаза его выраженная урбаноцентричность. Территориальное устройство Романьи и северной Марке, как и многих других бывших византийских анклавов полуострова, сохранило строгое очарование римских административных структур. Они строились на трехуровневой системе «fundus – pagus – territorium civitatis». В своем первоначальном виде такая система, восходящая к

¹⁹² Benericetti 2003, № 6 (a. 1001): ab uno latere Detjmano percurrente.

¹⁹³ Гипотетически дату можно отодвинуть на век назад: в *placitum* 994–995 гг. (Benericetti 2002a, № 265) среди присутствовавшей на суде знати назван некий Fulcuinus inluster vir filio quondam Lamberti q. vocabatur de Betinoro.

¹⁹⁴ Benericetti 2002a, № 241 (a. 988).

республиканской эпохе, просуществовала, самое большое, до IV в. н.э.¹⁹⁵ В изучаемый период (VIII–XI вв.), с распространением приходской сети, эта система в несколько модифицированном виде представляла собой «трехэтажную» сеть «fundus [реже – locus] – plebe – territorium civitatis»¹⁹⁶. С этого времени в актовом материале локализация любого земельного объекта выполняется по формуле «constituto territorio... plebe...», первая часть которой восходит к формуляру V в., откуда впоследствии исчезает pagus¹⁹⁷. Несмотря на исчезновение пагов и появление (в конце VIII в.) приходов, эта формула во многом воспроизводит модель римской forma censualis¹⁹⁸.

Состояние перманентной войны с лангобардами наложило свой отпечаток на физический облик Романьи. Сеть византийских укреплений (castra и castella)¹⁹⁹, защищавших стратегически важные коммуникации Экзархата после стабилизации границы в 642 г., наиболее рельефно проступает на пограничье²⁰⁰, например, в пределах Болоньи²⁰¹, но в особенности в Пентаполе. Достаточно сказать, что «Равеннский аноним» и географ Гуидо назвали внутренний Пентаполь «провинцией крепостей» (provincia castellorum)²⁰². О густой сети укрепленных пунктов и аванпостов свидетельствуют и данные топонимии. В Пентаполе, в

¹⁹⁵ Castagnetti A. Organizzazioni del territorio rurale dall'età romana al medioevo nella «Romania» e nella «Langobardia», particolarmente nel Modenese // Misurare la terra: centuriazione e coloni nel mondo romano. Modena, 1984. P. 59.

¹⁹⁶ См. об этом: Castagnetti A. L'organizzazione del territorio rurale nel Medioevo. Circostrizioni ecclesiastiche e civili nella «Langobardia» e nella «Romania». Bologna, 1982; Fumagalli V. Langobardia e Romania: l'occupazione del suolo nella Pentapoli altomedievale // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro). Roma, 1985. P. 95–107.

¹⁹⁷ Marini, № 130–132 = Tjäder 12: positus territorio Ariminensis. См. также Marini, № 114; 84 (a. 491): casam iuris mei cui vocabulum est Domicilium in Corneliensi territorio constituta.

¹⁹⁸ Pasquali G. Sistemi di produzione agraria e aziende curtensi nell'Italia altomedievale. Bologna, 2008. P. 84–85.

¹⁹⁹ Об итальянских castra см.: Martin J.-M. L'«incastellamento»: mutation de l'habitat dans l'Italie du Xe siècle // Occident et Orient au X siècle. Actes du IXe Congrès International de la Société des Historiens Médiévistes (Dijon, 2–4 Juin 1978). Paris, 1979. P. 235–249.

²⁰⁰ О пограничных castra см.: Diehl C. Etudes sur l'administration byzantine... P. 58.

²⁰¹ Lazzari T. «Comitato» senza città: Bologna e l'aristocrazia del territorio secoli IX–XI. Torino, 1998. P. 28.

²⁰² Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica / Ed. M. Pinder et G. Parthey. Berlin, 1860. P. 247–248: item Annonaria Pentapolensis est super ipsam Pentapolim, id est provincial castellorum, quae ab antiquis ita vocabatur. Ср. у географа Гвидо (X в.): quinta provinciarum Italiae Annonica Pentapolensis est, super quam regio est quae castellanorum appellata est ab antiquis (Ibidem. P. 502).

особенности в районе Римини, грамоты AARa и регесты BER содержат сведения о нескольких агронимах, образованных от *turtis* (башня) и во многих случаях связанных с системой воинских держаний²⁰³. Такие агронимы можно встретить и во внутренних областях Экзархата – в округах Чезены, Форли и даже Дечимано²⁰⁴. Возможно, некоторые такие укрепления имели и не византийское происхождение. Где-то в пределах Чезены, судя по оттоновскому диплому от 981 г., находилась *armania de Turri*, по всей видимости, аванпост или пограничный воинский надел лангобардов²⁰⁵, выделенный ариманнам, скорее всего, в годы лангобардской оккупации.

Большинство из этих объектов органично вписалось в местную топографическую сеть. Они стали центрами будущих приходов и поселений, а подчас и целых городов. Скорее всего, на базе таких *castra* в разное время возникли города Феррара²⁰⁶, Чезена и Червия²⁰⁷. Авторам римской «Книги понтификов» Комаккьо известен как *castrum*²⁰⁸. Серьезные изменения пережила Имола (*Forum Cornelii*), в пределах которой выросло целых два укрепленных поселения. Рядом с прежним античным центром, сохранившим, в соответствии с центуриацией, свою квадратную планировку, на рубеже IX–X вв. возникли два

²⁰³ BER, № 24: *Turicclas*; 76: *Turtis*; Benericetti 1999, № 8 (a. 907, Римини): *Turriano*; Benericetti 2002a, № 212 (a. 979, Римини): *Turiano*; BER, № 115, 133, 169 (округ Губбио); интересно отметить, что *fundus Turrita* стал владением воина Петронакса, который позднее подарит его архиепископу.

²⁰⁴ Benericetti 2002a, № 210 (a. 979), 271 (a. 997); Federici, № 2 (a. 973).

²⁰⁵ Muzzioli, № 37 (a. 981): *videlicet castellum de Taibano, Carbonaria Maiorem et Minorem et Salleptum et armania de Turri et Bibanum et Alfianum que est in comitatu Cinate*.

²⁰⁶ Бург, куда в византийское время из соображений безопасности переместился диоцез Вогенцы, стал основной для будущего города Феррары. Наличие укреплений подтверждается и актовыми источниками. См. Benericetti 2002, № 151 (a. 970): *in mansione pedeplana que est posita in ipsius burgo Ferrariensis*. См. по этой теме: *Bocchi F. Note di storia urbanistica ferrarese nell'alto medioevo // Atti e Memorie della Deputazione Provinciale Ferrarese di Storia Patria. S. III. Vol. XVIII. 1974. P. 9–88.*

; *Patitucci S. U. Il «castrum Ferrariae» // Insediamenti nel Ferrarese. Dall'età romana alla fondazione della cattedrale. Firenze, 1976. P. 153–158.*

²⁰⁷ *Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 304.*

²⁰⁸ *Liber Pontificalis. T. 1. P. 453: restituit ipsas praelatas civitates, addends et castrum qui cognominatum Comiaculum; CDP, № 14 (a. 981): et insuper monasterium Sanctae Dei genitricis Mariae in loco Pomposo constructum, et omnes Salinas, quae in Comaclo eidem monasterio pertinentes tam infra castrum quam extra.* См. по этой теме: *Uggeri S. P. Testimonianze archeologiche del «Castrum Comiaculum». Relazione preliminare degli scavi 1975 // Archeologia medievale. 1976. Vol. III. P. 283–291.*

новых укрепленных центра, *Castrum Ymolae* и *Castrum Sancti Cassiani*. Последний, как минимум, с 1019 г. превратился в центр диоцеза²⁰⁹. Из грамоты 964 г. мы узнаем, что находящийся в собственности имолийского диоцеза *monte castro Imola* уже тогда был полноценным центром поселения. Там были жилые постройки, сдававшиеся в субаренду, а рядом с ним находились держания диакона и кузнеца²¹⁰.

В центре административного деления Романьи находилась *civitas*²¹¹, прямой наследник римского *municipium*. Это был защищенный укреплениями населенный пункт, где находился центр диоцеза, как правило, подчиненный Равеннской метрополии. Античная система городов и административно подчиненных им округов (*territoria*), начинавшихся сразу вслед за субурбием, сравнительно безболезненно пережила процессы дезурбанизации, охватившей в раннее Средневековье многие регионы Северной Италии. С. Козентино оценивает общую численность Равенны VIII–IX вв. в 7–7,5 тыс. человек: в сравнении с римским периодом (9–10 тыс.) можно сказать, что город, в отличие от городов лангобардских регионов, отделался малой кровью²¹². В отличие от лангобардских регионов, где, по данным Л. Котельниковой, в течение раннего Средневековья *territoria civitatis* приобрели самостоятельное значение²¹³, в Романье городские округа продолжали находиться в подчинении у *civitates*, что говорит о прочном континуитете с римским временем. Система городских округов просуществовала

²⁰⁹ Ch. Im. 4 (a. 1019, n.d.): *infra castro in domo episcopii S. Cassiani*.

²¹⁰ Ch. Im. 1 (a. 964): *mansione que est edificata in monte castro Imola, quem modo detinet Iohannes Balbo, que est comanes in Aguciano cum suis iustis et certis lateribus: ab uno latere tenente Raimbaldo diacono, ab alio latere muro ipsius castro, a tercio latere tenente Iohannes faber per livello de ipsius iura, adque a quarto latere exoito percurrente*.

²¹¹ В некоторых публично-правовых документах, например, в *placitum* 967 г. или папской булле 998 г., Равенна именуется *urbs*, однако этот термин, иногда в составе торжественного выражения *urbs felicissima*, встречается и в частных актах. См. Muzzioli, № 14 (a. 953).

²¹² Цит. по: *Deliylannis D. M. Ravenna in Late Antiquity*. P. 290.

²¹³ Котельникова Л. А. Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма. // СВ. М., 1974. Вып. 38. С. 104.

здесь вплоть до XI в., когда оттоновские власти окончательно не упразднили ее в ходе административной реформы, заменив на графства (*comitatus*)²¹⁴.

Самостоятельную проблему представляет соотношение округа и диоцеза. Еще в позапрошлом веке высказывались мнения, что территории диоцезов Болоньи, Клатерны и Имолы совпадали с границами *agri* этих римских колоний²¹⁵. У Агнелла также можно обнаружить путаницу диоцеза и *territorium* города Имолы (*Forum Cornelii*)²¹⁶, которая проникла и в общественное сознание. Он приводит две равноправные этимологии имолийского округа (*territorium Corniliense*). Отдавая предпочтение легендарной церковной версии, согласно которой округ получил название в честь епископа Корнилия, воспитателя Петра Хрисолога, он, тем не менее, считает нужным привести и альтернативную («историчную») точку зрения, в соответствии с которой *Corniliense* образовано от городского топонима *Forum Cornelii*.

Скорее всего, сходная ситуация наблюдалась в Форли и Форлимпополи: здесь диоцез вполне мог совпадать с границами их городских округов. Но в других случаях связь «территории» и диоцеза не подтверждается: некоторые округа представляли собой особые административные образования (вроде *Faventino acto Corniliense* или трибуната Дечимано), церковная власть над

²¹⁴ *Baldetti E.* La Pentapoli bizantina... P. 23. На периферии экзархата *territorium* исчез как административная единица уже в XI–XII вв. Либелла 783 г., локализирующая арендуемые объекты в имолийском округе (*territorium Corniliense*) и приходе св. Проспера (*plive S. Prosperi*), содержит характерную ремарку на полях, датируемую XII в.: *carta com(itatus) Cornoliense plebe Sancti Properi*. С другой стороны, Равеннский и некоторые другие округа продолжали называться *territorium* еще длительное время. *Benericetti* 2002, № 92 (а. 956–957, курсивом XII в.): *t(erri)t(orio) Raven(nate) in Decimo*; *Benericetti* 1999, № 7 (а. 907, курсивом XII в.): *territorio Ariminensi*; *Benericetti* 1999, № 9 (а. 908, курсивом XII в.): *territorio Pensaurensi* etc. То же самое касается и некоторых частнопроводных актов. *Fantuzzi* 1802a, № 24 (а. 1132): *tam in hac civitate Rav. quamque et foris in comitatu Ancon. et in civitate Fani in cloca et in civ. Arimini et in territ. ejus toto.... et in territorio Ficocleni et in comitato (?) Jesin. et in territorio Popul.*

²¹⁵ *Casini T.* Sulla costituzione ecclesiastica del Bolognese, I. L'elenco nonantolano del 1366 // *Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per le Province di Romagna*. 1916. Ser. IV, Vol. VI. P. 97.

²¹⁶ *Agnellus.* P. 208: *natione ex Corneliense territorio, nutritus et doctus a Cornelio illius sedis antistite; et pro sui nutritoris amore Petrus iste beatus quod dudum Imola praedictum vocabatur territorium ab illo iam tempore Corneliense nominavit.*

которыми, в частности, в Дечимано, могла разделяться метрополией с другими епархиями²¹⁷.

Territoria civitatis постепенно покрывались сетью новых и более мелких культовых центров, сохранявших, впрочем, тесную связь с городами. Речь идет о приходах (plebe)²¹⁸. Они появляются в источниках сравнительно поздно, с конца VIII в., и встречаются далеко не во всех документах VIII–IX вв. Повсеместным явлением они стали лишь к X столетию.

Историки давно обратили внимание на связь локальной церковной организации с кадастровой системой. Некоторые ученые усматривают преемственность приходского устройства более древним викам (vici) и пагам (pagi), образовавшимся еще в доримскую эпоху. Паги, единицы сельской местности²¹⁹, изначально возникшие для нужд культовой организации лигурийского и кельтского населения, практически полностью исчезают со страниц наших документов уже к VIII в. В последний раз в источниках паг фигурирует в «Баварском кодексе» в регесте № 34, датируемой временем правления архиепископа Сергия (744–769). Речь идет о паге Acervolano (совр. Сантарканджело) в риминийском округе. Следы пагов угадываются в топонимии округа Фаэнцы конца IX в.: Pago Inferiore, Pago Superiore²²⁰.

Признавая, что появление приходов более-менее совпало с исчезновением пагов, я все же не нахожу достаточных оснований видеть здесь каузальную связь. По мнению Дж. Паскуали, исчезновение пагов, скорее всего, было связано с депопуляцией деревни в результате Готских войн и лангобардских нашествий. Восстановление сельской жизни началось много позже, после заключения мира в 680/681 гг. Приходская сеть начинает экспансию лишь с конца VIII в., уже после коллапса константинопольской власти. Ее появление связано с ростом населения

²¹⁷ Venericetti 2002a, № 207 (а. 978).

²¹⁸ Другой термин – *pagoschium* – применительно к этому региону употребляется только в делопроизводстве папской канцелярии. См. Venericetti 2006, № 9 (а. 819).

²¹⁹ *Штаерман Е. М.* История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 147–148.

²²⁰ Venericetti 2006, № 42 (а. 891).

и растущей потребностью в промежуточных звеньях сообщения между *territorium* и *fundus*²²¹.

Формирование приходской сети, по данным археологии, приходится на VIII–IX в.²²² Первым письменным актом, фиксирующим появление прихода, является дарственная от 767 г. В источниках 2-й половины X в. мы встречаем уже сравнительно мало новых приходов, а после 1000 г. интенсивность их появления резко снижается. Например, в источниках IX–X вв. я насчитал уже семь из общего числа в 11 приходов диоцеза Чезены, известных в позднейшее время. По моим подсчетам, наиболее развитой приходская сеть была в земледельческих округе Фаэнцы (18 приходов), а также Римини (15) и Феррары (10), в то время как небольшие округа прибрежных городов Пентаполя насчитывали в это время лишь около трех приходских центров (например, в округах Пезаро и Фано). Объяснить это нетрудно. По данным многочисленных арендных договоров, церковь контролировала здесь лишь узкую полосу прибрежных земель, тяготевших к пригородным зонам.

Принадлежность к приходу, наряду с городским округом (*territorium*), с VIII в. становится неперенным атрибутом локализации того или иного земельного участка, что, несомненно, отражает укрепление административной власти Церкви²²³. В пределах многих городов Экзархата некоторые местности были подчинены в церковном отношении городским приходам (*plebe ipsius*): они существовали, в частности, Форли, Форлимпополи, Пезаро, Озимо²²⁴. Как минимум два городских прихода существовало в Фаэнце²²⁵, но большинство

²²¹ *Pasquali G.* Sistemi di produzione agraria e aziende curtensi nell'Italia altomedievale. Bologna, 2008. P. 94.

²²² *Augenti A., Cirelli E., Fiorini A., Ravaioli E.* Insediamenti e organizzazione del territorio in Romagna (secoli X–XIV) // *Archeologia Medievale*. 2010. Vol. 37. P. 61–92.

²²³ История раннесредневековых приходов Романьи изучена достаточно подробно. См. об этом: *Curradi C.* Pievi del territorio riminese nei documenti fino al mille. Rimini, 1984; *Torricelli M. P.* Centri plebani e strutture insediative nella Romagna medievale. Bologna, 1989; *Ronchini M.* Le pieve del territorio di Forlimpopoli nei documenti anteriori al mille // *Forlimpopoli. Documenti e studi*. 2005. Vol. 16. P. 71–102.

²²⁴ *Benericetti* 1999, № 75 (а. 954, Пезаро); *Benericetti* 2002а, № 207 (а. 978, Форли), 243 (а. 988, Форли); *BER*, № 156 (Озимо).

²²⁵ *Muzzioli*, № 7 (а. 943), 45 (а. 991).

располагалось за городскими стенами, в пределах *territorium civitatis*, нередко – в церковных *massae*²²⁶. Не вызывает сомнений, что сеть приходов в большом количестве случаев совпадала с топографией прежних культовых зон, что демонстрирует как преемственность, так и понятную зависимость от прежней дорожной сети²²⁷.

Реконструкция приходской сети на основе дошедших до нас документальных памятников представляет собой трудновыполнимую задачу. Лишь сравнительно небольшое количество округов в достаточной мере обеспечено письменными источниками. Скажем, у нас практически нет данных о приходах большинства округов Пентаполя. Это объясняется распределением земельных богатств Равеннской церкви. Регионы, в которых архиепископская курия почти не располагала недвижимостью, гораздо хуже обеспечены актовым материалом, состоящим, главным образом, из поземельных сделок.

Первое систематическое описание приходской организации Романьи было выполнено лишь в XIV в. в знаменитых «*Rationes decumarum Italiae*». Вслед за М. Торричелли²²⁸, посвятившего приходам Романьи специальную монографию, приходы Экзархата IX–X вв. можно подразделить на несколько типов. Во-первых, это уже известные нам городские приходы. Во-вторых, это приходы, центры которых находились вдоль дорог (*in Strata*) или совпадали с римским милевым межеванием (*in Quinto, in Octavo*)²²⁹. По подсчетам историка, в Романье насчитывается до 40% приходов подобного типа. Попутно это разрешает загадку прихода св. Касьяна *in Decimo*, расположенного в 15 км от Равенны в Дечимано – особой пригородной зоне. Проблема заключается в том, что приход в Романье никогда не назывался по крупным административным единицам, в то время как здесь эта ситуация как будто бы налицо. Но, по справедливому предположению А. Кампаны, речь, скорее всего, идет не о трибунате Дечимано, охватывавшим

²²⁶ Fantuzzi 1803, № 24 (a. 957): *uti massa in integrum, que vacatur Centum Lisinia... constituta territorio Corneliense plebe Sancte Marie qui vocatur Centum Lisinia.*

²²⁷ *Augenti A., Cirelli E., Fiorini A., Ravaoli E.* Insediamenti e organizzazione del territorio... P. 64.

²²⁸ *Toricelli M.P.* Centri plebani e strutture insediative... P. 11.

²²⁹ Benericetti 1999, № 13 (a. 909): *plebe sancti Iohannis in Octavo.*

несколько (по моим подсчетам – не менее 5) приходов, а о расстоянии до ближайшего населенного пункта, вероятно, Форли, в пользу чего говорит присутствие в *Decimo* двух приходов, названных *in Quinto* (совр. диал. *Pidevénta*) и расположенных на юге зоны²³⁰.

В-третьих, это приходы, расположенные рядом с водоемами и реками (*in Aquaviva, in Isola, in Fonti, in Lacuna, contra Pado, in Pado Vetere, in Rubigone* и т.д.). В-четвертых, это приходы, центры которых находились в пределах тех или иных имений-*fundi*. Обращает на себя внимание, что очень часто к агиотопониму добавляется название какое-либо местного агронима. Скажем, приход св. Стефана в Монтефельтро называется также *ad Murulo* – по названию одного из близлежащих «полей»-*fundi*²³¹, а приход св. Андрея в районе Римини – по названию *fundus Casariola*²³². Таким образом, здесь очевидна связь приходской сети с кадастровой системой. Наконец, это укрепленные приходы (*in castro Rontano, castro Tausiniano, in castro Cesubeo* и т.д.), о которых будет сказано подробнее в разделе о т.н. «инкастелламенто».

В сельской округе городов могли располагаться и другие, неприходские церкви, часовни и капеллы, подчинение которых приходским центрам остается дискуссионным вопросом. У нас почти нет данных в пользу того, что приходы были центрами административной власти, хотя в дальнейшем я покажу, что укрепленные приходы, возникавшие в пределах византийских *castra*, со временем могли становиться центрами поселений. Но ввиду рассеянного характера поселений приходские церкви долго не становились местами притяжения земледельческого населения. Мало что известно и о внутренней жизни прихода. Как правило, приходы возглавлялись архипресвитерами²³³. Равеннский капитулярый Ламберта Сполетского 898 г. постановляет, чтобы каждый приход

²³⁰ Federici, App., 1 (a. 980): *sitas terri. Rave., in Decimo, pleve S. Petri qui v. in Quinto.*

²³¹ Benericetti 1999, № 85 (a. 955).

²³² Ibidem, № 7 (a. 907).

²³³ Benericetti 2002, № 111 (a. 963): *Leo archiprosbitero de plebem Sci Stefani de Rudigies (Ровиго); Benericetti 2002a, № 207 (a. 978): в округе Форли архипресвитеры четырех приходов в 978 г. получают инструкции от епископа Уберта; 214 (a. 980): архипресвитер Урс в 980 г. арендует небольшой приход в Сенигаллии.*

имел архипресвитера. Некоторые приходские священники в конце X в., по всей видимости, имели определенный объем властных полномочий в отношении зависимого крестьянского населения округа. Священники могли арендовать там недвижимость и становиться местными землевладельцами. В одном случае грамота фиксирует наличие в одном феррарском приходе табеллиона²³⁴. Церкви, служившие приходскими центрами, могли иметь собственность в пределах своей юрисдикции²³⁵. Но и сами приходы, начиная со второй половины X в., могли сдаваться в эмфитевтическую аренду знатым клирикам²³⁶, а также в либеллярную аренду архипресвитерам²³⁷, главным образом, в округе Феррары. Эта особенность приходов округа Феррары, несомненно, скрывает какие-то локальные обстоятельства, неизвестные нам в силу молчания источников.

При всем несомненном урбаноцентризме в организации пространства Романьи, можно отметить тенденции к обособлению некоторых областей, отдалению их от городских центров. В источниках упоминается нескольких особых зон, выпадающих из привычной административной сетки. Во-первых, в актах встречается пограничный и несовпадающий с городскими центрами Фаэнцы и Имолы округ *Faventino acto Corneliense*, располагавшийся к западу от Равенны. Этимология этого термина, восходящего, вероятно, к управляющему им должностному лицу (*actor*), не вполне ясна²³⁸. Согласно предположению Дж. Паскуали, эта обширная и дикая область, обильно покрытая лесами, изначально была выделена королем Лиутпрандом в особую административную единицу, подчиненную гастальду, располагавшемуся в Имоле. В свою очередь, приставке *Faentino* она обязана последовавшему пожалованию этой зоны в пользу диоцеза Фаэнцы. Тем не менее, эта гипотеза основана исключительно на источниках позднейшего времени.

²³⁴ Benericetti 2006, № 25 (a. 870): *Iohannis tabellio plebe Sancte Marie qui vocatur in Trenta*.

²³⁵ Benericetti 1999, № 78 (a. 954, pl. S. Cassiani): *ab uno latere iura Sancti Cassiani*; Benericetti 2002, № 91 (a. 957): *possidente plebe Sci Gervasii*; 167 (a. 972), etc.

²³⁶ Benericetti 2002, № 118 (a. 965).

²³⁷ Benericetti 2002a, № 214 (a. 980), 216 (a. 980).

²³⁸ См. *Pasquali G. Dal «magnum forestum» di Liutprando ai pievati del Duecento: l'enigma del territorio «Faventino acto Corneliense»*. Bologna, 1993.

Во-вторых, речь идет о расположенной к северу от Чезены зоне Дечимано²³⁹, с древности получившей название *Ager Decimanus*. В отличие от *Faventino acto Cerneliense*, это была хорошо заселенная и освоенная область. Эта пригородная по отношению к Равенне территория была с запада ограничена рекой Савио и дорогой Дизмано (*Dismano*), сохранившей свой топоним и поныне.

Дечимано, уникальная в археологическом отношении область, сохраняющая следы непрерывного присутствия человека начиная с железного века, не знала, в отличие от многих других позднеантичных регионов, серьезной цезуры в поселенческой организации и способах хозяйствования. Одно из первых косвенных упоминаний Дечимано в письменных источниках можно найти в повествовании Агнелла: среди восставших против Византии в 711 г. *civitates* Экзархата историк называет социальную группу *coloni decumani*²⁴⁰. Скорее всего, речь идет о жителях упомянутой зоны, получившей, в свою очередь, название от одноименной дороги, а не от «десятой части» урожая, уплачиваемой колонатами, как полагают многие исследователи²⁴¹. Последней гипотезе, кстати, противоречат

²³⁹ *Campana A.* Decimo, Decimano, Dismano. P. 1–38; Ныне в этой зоне ведутся интенсивные археологические раскопки, результаты которых представлены в многочисленных статьях итальянского историка и археолога Н. Манкассола и его коллег: *Mancassola N.* Le forme del popolamento rurale nel territorio Decimano dalla caduta dell'Impero Romano all'anno Mille // *Orme nei Campi. Archeologia a sud di Ravenna. Atti della Giornata di Studi (S. Pietro in Campiano, Ravenna, 2 aprile 2006)* / A cura di M. Ficara, V. Manzelli. Firenze, 2008. P. 89–103; *Augenti A., Mancassola N., Manzelli V.* Il territorio Decimano (Ravenna) // *Scoprire. Scavi del Dipartimento di Archeologia* / A cura di M. T. Guaitoli, N. Marchetti, D. Scagliarini. Bologna, 2004. P. 65–68.

²⁴⁰ *Agnellus.* P. 318: *Sarxena excubet; Ceruia aequoris ad nouas papia armis flauia instet, quae curua vocatur Cesena; Pipilienses uiri adhaereant Sapis portus, iuxta conscendant fluctusque marinos; coloni decumani speculentur iuxta portus Candiani.*

²⁴¹ О происхождении топонима Decimo с XVIII в. высказывалось множество мнений, разбор которых выполнен в статье А. Кампаны (*Campana A.* Op. cit. P. 3–5). Самое древнее толкование, восходящее к концу XVI в., возводит этимологию топонима к расположенным вдоль дороги языческим захоронениям – местам поклонения богам-манам (*diis manibus*). К XVIII в. стало общепризнанным считать, что топоним был образован от *decimanus*. Это породило немало различных предположений, среди которых – гипотезы о происхождении топонима от *porta decumana* равеннского порта Классис, от десятой доли урожая (*Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. С. 214), и, наконец, от *decumanus* — единицы кадастровой агрименсуры. А. Кампана полагает, что возведение этимологии к центуриации наталкивается на молчание археологических данных и сведений, полученных с помощью аэрофотосъемки: здесь отсутствуют следы кардов и декуманусов. Более того, при взгляде на карту становится очевидным, что зона в большей степени соотносится с кардо (*cardo*), демаркационной линией, проходящей с севера на юг, чем с декуманусом (*limes decumanus*), проходящим, соответственно, с востока на запад. Но агрименсоры, в целом, не считали этот вопрос

данные о рентах, взимаемых с колонов в этой области: церковные арендаторы уплачивали здесь не десятую, а пятую часть зерна и половину вина.

Как бы то ни было, речь идет об альтернативной (негородской) единице организации пространства, сохранявшей, впрочем, связь с городом: в источниках она то включается в состав Равеннского округа, то упоминается отдельно, в том числе как особая *territorium*²⁴². Другое название этой зоны – трибунат (*tribunatum decimo*) – появляющееся впервые еще в письме папы Адриана I от 775 г.²⁴³, указывает на то, что Дечимано была особой административной единицей, знакомой также Венето и Далмации. Вероятно, в какой-то степени, она соотносилась с лангобардским гастальдатом. Вероятно, еще в конце X в. зона управлялась трибуном, имевшим там земельные владения²⁴⁴. С 70-х гг. X в. она стала все чаще именоваться *comitatus*²⁴⁵, и уже в этом качестве будет упомянута в дипломе Оттона от 999 г.

Основными собственниками земли в Дечимано были архиепископы и тесно связанные с архиепископской курией городские монастыри, в первую очередь, монастырь Сан-Аполлинаре-Нуово. Их земли активно арендовались городской знатью, ремесленными и торговыми кругами, выходцами из сельских элит²⁴⁶, а также проживавшими там земледельцами. Скорее всего, это была зона развитых коммерчески-ориентированных хозяйств.

Помимо церковных земель, здесь в конце IX–X вв. были владения крупных светских собственников, в первую очередь, герцогов Траверсариа. Зона сохраняла

принципиальным, поскольку такое межевание не создавало конфликтных ситуаций для посессоров. Нечто подобное было и в Сицилии.

²⁴² Benericetti 1999, № 78 (a. 954): *constituto territorio Decimano*; Benericetti 2002, № 92 (a. 956–957): *sitas in suprascripto territorio Ravennate in Decimo*; 156 (a. 971): *constituto territorio Ravennate in Decimo*; Federici, № 1 (a. 959), 2 (a. 973), 5 (a. 982), 7 (a. 982–983), 11 (984) etc. Fantuzzi 1802a, № 56 (a. 1249): *in Decimano*.

²⁴³ *Ibidem*, № 66. P. 579.

²⁴⁴ Benericetti 2002, № 156 (a. 971): *a singulis lateribus iura quondam Theophilacti tribuni*.

²⁴⁵ Benericetti 2002a, № 207 (a. 978): *et medietatem de districtione Cumiaci et medietatem comitato Decimano*.

²⁴⁶ Federici, № 1 (a. 959).

рассеянную структуру поселений, и, по данным археологии, процессы концентрации населения шли здесь медленно²⁴⁷.

Итак, территориальная организация Романьи и Пентаполя в VIII–XI вв. обнаруживает известную преемственность с византийской эпохой. Это подтверждается результатами археологического изучения некоторых областей Романьи. Такая организация пространства, практически полностью исключавшая кучные деревни и прочие полнокровные поселения²⁴⁸, отличала и другие регионы римско-византийского ареала. Кроме северо-восточной Италии, она господствовала также и в округе Рима, в частности, на знаменитом *Ager Romanus*. Конечно, в раннесредневековой Романье археология также отмечает некоторое движение в сторону концентрации домохозяйств в полноценные деревни. Но местным поселениям было далеко до соседней Эмилии.

Эмилия уже в VI в. пережила радикальную ломку поселенческой структуры. Связь деревни с городом здесь значительно ослабла, а фрагментация социального пространства зашла гораздо дальше. Земельные объекты локализуются здесь по различным, подчас укрепленным центрам (*curtes, vici, casalia*), от которых они зависели административно и к которым тяготели экономически. Церковные и светские вотчины (*curtes*), поселения (*vici*) и укрепления (*castra, castella*) играли здесь важную роль в организации пространства. В равнинных и предгорных областях округа Болоньи, на западной периферии Экзархата, уже в X–XI вв. было множество деревень-*vici*, на базе некоторых из которых позже вырастут бурги и замки²⁴⁹.

Нечто похожее можно обнаружить и на северной периферии Экзархата. Речь идет о зоне нижнего течения р. По, охватывающей округ Феррары, а также

²⁴⁷ *Mancassola N.* Le forme del popolamento rurale nel territorio Decimano... P. 89–100.

²⁴⁸ Наиболее рельефно и безапелляционно эта точка зрения выражена у В. Фумагалли: «В сельской местности не существовало настоящих деревень» (*Fumagalli V.* «Langobardia» e «Romania»: L'occupazione del suolo nella Pentapoli altomedievale // *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis»* (Codice Bavaro). Roma, 1985. P. 104).

²⁴⁹ *Cosentino S.* Aspetti dell'economia di Bologna tra l'VIII e l'IX secolo // *Bologna e il secolo XI. Storia, cultura, economia, istituzioni, diritto* / A cura di G. Leo e F. Roversi Monaco. Bologna, 2011. P. 493–494.

район Ровиго (Венето). Там мы также находим деревни-вики²⁵⁰, некоторые из которых, например, *Vico Aventino* (*Vicus Habentiae*, *Vicoventura*, совр. Вогьера) и *Vico Argento* (совр. Арджента)²⁵¹ восходят к поздней Античности. Нередко они служат промежуточными звеньями (наряду с городом и приходом) для локализации земельных объектов, что, скорее всего, говорит о сохранении ими административно-территориальных функций. *Vicoventura* со временем стала полноценным населенным пунктом и центром диоцеза, которому были подчинены приходы ее округа²⁵². Аграрные контракты здесь заключаются с крупными территориальными объединениями крестьянских семейств, часто заселявших целые *massae*, что предполагает определенную степень концентрации земледельческого населения. Неслучайно в XII–XIII вв. *massae* начинают фигурировать в источниках под термином *villae*, а *fundus* становится синонимом для сельского поселения вообще²⁵³.

На сегодняшний день возможности терминологического анализа письменных памятников практически исчерпаны. Решающее слово в спорах о социальном пространстве раннесредневековой Романьи предстоит сказать археологии. В целом, подтверждая тезис о дисперсной поселенческой модели в V–XI вв., она способна, тем не менее, существенно обогатить наши представления о системе поселений региона, процессах расселения и концентрации населения.

В Романье составители частных актов не испытывали потребности в упоминании промежуточных между городом и «полем» центров. Локализация земельного надела, помимо округа и прихода, ограничивалась нормативами кадастровой системы (чаще всего – по *fundi*), а демаркация его границ –

²⁵⁰ Benericetti 2006, № 44 (a. 892): *Vico qui dicitur in Mecterio*; Benericetti 2002, № 91 (a. 957): *Maria de Gregorius de Vico Variana*; 111 (a. 963, Ровиго): *vico Coppi*; 118 (a. 965): *Vico Bariano*; BNF 2606 (a. 1017): *Vico Caput de Reda* (совр. Codrea, район Феррары); CDP, № 18 (a. 988): *vico Rere*; 22 (a. 998): *vico Sepurio*.

²⁵¹ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984), 263 (a. 995).

²⁵² Ibidem, № 234 (a. 985): *territorio Vico Adventino, plebe Sancte Marie Porto*.

²⁵³ *Castagnetti A. Continuità e discontinuità nella terminologia e nella realtà organizzativa agraria: «fundus» e «casale» nei documenti ravennati altomedievali // Medioevo rurale. Sulle tracce della civiltà contadina. Bologna, 1980. P. 209.*

соседними «полями»-*fundi*, а также естественными или искусственными (дороги) рубежами безотносительно текущего владельца земли.

Дело здесь отнюдь не в отсутствии адекватных лексических средств для распознавания таких поселений. В документе середины X в., относящемся к округу Губбио (Умбрия), среди привычных полей-*fundi* и публичных дорог фигурируют и *villae*²⁵⁴. С учетом того, что грамота была составлена равенским нотариусом, мы можем, по крайней мере, допускать, что в изучаемый нами период грамотным людям был знаком спектр значений слова *villa*, и его отсутствие в равеннской документации, относящейся к Романье и северной Марке, отнюдь не случайно. В актах бывшего Экзархата *villae* массово появляются значительно позже и лишь с XI в., что адекватно отражало рост концентрации сельских поселений, для обозначения которых потребовался соответствующий латинский аналог. Пожалуй, единственный известный мне случай упоминания *villa* до 1000 г. относится к *villa Taibano*, населенному пункту в округе Фаэнцы, упомянутому в акте 991 г. и выросшему, судя по всему, вокруг одноименного укрепления или замка²⁵⁵.

Обоснованный вывод о континуитете в пространственно-территориальной организации раннесредневековой Романьи и примыкающих к ней зонах, таких, как Пентаполь, не говорит, тем не менее, в пользу инертности или застойности региональной поселенческой структуры. Во-первых, устойчивость структуры как таковой и ее конституирующих признаков не означает при этом устойчивости ее отдельных элементов. В течение V–XI вв., по данным археологии, имело место постоянное движение населения, основание новых центров, нередко в пределах прежних имений, и запустение старых вилл. Поля и наделы регулярно дробились на фоне сравнительной стабильности местных «управленческих центров»,

²⁵⁴ Benericetti 1999, № 55 (a. 945): *nec non et de fundo Tribianum ab uno latere silva qui dicitur Barungia, ab alio latere villa qui dicitur Guregiae, tercio vero latere villa qui dicitur Fussianum, atque a quarto latere rivo percurrente qui vocatur Molinione; BER, № 168: Peticio quam petivit Georgius presbiter... de casa in integro cum curte et orto posita in loco qui vocatur Ful[lonic]a.*

²⁵⁵ Muzzioli, № 41 (a. 991).

контролировавшихся собственниками²⁵⁶. Об оттоке и притоке населения говорят исчезновение пагов и складывание приходской сети (во 2-й пол. VIII в.). Местная топографическая сеть приспособилась и под феномен «инкастелламенто».

Во-вторых, сама устойчивость того или иного типа расселения уводит нас далеко за рамки физико-географических условий и технических возможностей ведения хозяйства и вводит в поле общественных отношений, определяющих физический облик сельского поселения²⁵⁷. Этот вопрос будет подробно разобран в разделе, посвященном сельскому населению Романьи, формам его общинной организации и хозяйственной кооперации.

§ 3. Политическая география бывшего Экзархата и Пентаполей.

Консерватизм делопроизводственной практики нотариев и табеллионов и устойчивость формуляров грамот могут навести на мысль о застойном развитии региона. Действительно, за унифицированной и местами откровенно архаичной лексикой равеннских актов довольно сложно разглядеть меняющиеся контуры политической географии нашего региона. С другой стороны, трудно отделаться от впечатления, что консерватизм нотариальной лексики уже сам по себе являлся актом политическим – манифестацией *potestas* Равеннской церкви, не желавшей считаться с новыми политическими реалиями. В то же время, VIII–X вв. были переходной, формативной эпохой, в которой сосуществовали старые и новые формы социально-политической организации в рамках одной политики с нестабильными границами, запутанными отношениями собственности и разным уровнем присутствия центральной (архиепископской) власти по мере удаления от центра.

В этом разделе речь идет о географии власти Равеннской архиепископии. Она покоилась, во-первых, на контроле над обширным церковным патримонием, во-вторых, на церковной юрисдикции над подчиненными ей диоцезами. Эти зоны

²⁵⁶ *Mancassola N.* L'evoluzione dell'insediamento rurale nella pianura a sud di Ravenna (IV–XI secolo) // *Forme del popolamento rurale nell'Europa Medievale: l'apporto dell'archeologia* / A cura di P. Galetti. Bologna, 2006. P. 45–47.

²⁵⁷ *Hamerow H.* *Early Medieval Settlements. The Archaeology of Rural Communities in North-West Europe 400–900.* Oxford; New York, 2002. P. 52–53.

не совпадали друг с другом. Так, суфраганские диоцезы Равенны на западе уходили далеко в Эмилию, включая Модену, Парму и Пьяченцу, где у архиепископской курии практически не было земельных богатств; в то же время, архиепископы и связанные с ними церковные учреждения Равенны располагали обширным патримонием в Пентаполе, города которого были в церковном отношении подчинены Риму, а также в Умбрии, Истрии, Сицилии.

Быстрая монополизация институтов публичной власти архиепископами, предпринятая сразу после выхода региона из орбиты контроля Византии, воспрепятствовала появлению вакуума власти, ускоренной феодализации и «обьячеивания» Экзархата. Напротив, престиж архиепископской власти в Равенне и бывших византийских владениях примыкающих к ней областей Италии резко возрос. Центр политической власти на многие века вперед остался закрепленным за Равенной. Здесь он переместился из дворца Теодориха в архиепископскую резиденцию (*episcopium*). Кроме нее, в северо-восточной Италии долгое время не было иных центров публичной власти: дворец императора Оттона в пределах бывшей Цезареи был завершён лишь в 967 г.

Равеннские понтифики, унаследовав административные структуры Экзархата, по крайней мере, в первые десятилетия своего существования под номинальной властью римских пап копировали или пытались копировать многие его институты. Архиепископ Сергей (744–769) правил, согласно сообщению Агнелла, «как экзарх» («*veluti exarchus*»). Возможно, в этом ему помогал административный опыт, накопленный им во время исполнения должности консула до принятия духовного сана. Архиепископ Лев (770–777), если верить сообщению Дж. Росси, помимо титула «*servus servorum dei*», который традиционно принадлежал римским папам, именовал себя «*Italiae exarchus*», что отражает фактическую узурпацию Церковью светской власти изгнанного к тому времени экзарха²⁵⁸. Кроме того, он правил, как следует из сообщения римской

²⁵⁸ *Rubeus H.* *Historiarum Ravennatum libri decem.* P. 228: *Leo servus servorum Dei, divina gratia sancta Catholica Ecclesia Ravennatis Archiepiscopus et Italiae exarchus.*

«Книги понтификов», опираясь на трех трибунов²⁵⁹. Не следует, конечно, забывать, что мы имеем здесь дело лишь с официозной пропагандистской риторикой, необходимой архиепископам для легитимации собственной власти, в то время как в реальности они нередко были заложниками интересов италийских и заальпийских суверенов и местной знати и неоднократно оказывались вовлеченными в бесконечную череду поземельных и церковных конфликтов. Как бы то ни было, в 774 г., согласно соглашению, достигнутому между Адрианом I и Карлом Великим, Рим получал «universum exarchatum Ravennantium sicut antiquitus erat», что говорит в пользу сохранения политико-административного единства этих земель.

Церковная юрисдикция равеннских архиепископов заключалась в контроле над выбором подчиненных Равеннской метрополии суфраганных епископов в ряде крупных городов северо-восточной Италии, в первую очередь – Эмилии-Романьи²⁶⁰. Помимо этого, архиепископы могли по своему усмотрению призывать в Равенну некоторых местных клириков, совершать объезды диоцезов, размещая на постой свою многочисленную конную свиту. В правление Иоанна X (850–878) получила распространение практика *tricesimalis*, осужденная собором 861 г., согласно которой епископы местных диоцезов обязаны были один месяц в году пребывать в Равенне.

Иногда неясно, где проводить грань между притязаниями Равенны и реальным положением вещей. Известно, что сведения о 14 городах под властью Равеннской метрополии, якобы относящиеся ко времени правления архиепископа Иоанна Ангелопта (ум. 494), восходят к сфальсифицированной привилегии Валентиниана III²⁶¹, составленной в середине VII в. Несмотря на то, что, по мнению Агнелла, такое положение вещей сохранилось «usque in praesentem diem»,

²⁵⁹ Liber Pontificalis. T. 1. P. 488: Et dum nulla remansisset spes vivendi neque Leoni archiepiscopo neque prefatis Ravinianis, in magna angustia et famis inopia positi direxerunt hic Roma suos missos, scilicet Iulianum, Petrum et Vitalianum, tribunos, deprecantes cum magno fletu eundem sanctissimum pontificem, ut qualiter potuisset eis subveniret.

²⁶⁰ См. об этом в первую очередь: Schwarz G. Die Besetzung der Bistümer Reichsitaliens unter den Sächsischen und Salischen Kaisern mit den Listen der Bischöfe. 951–1122. Berlin; Leipzig, 1913.

²⁶¹ Marini, № 57.

то есть до 40-х гг. IX в., такие заявления отражают лишь церковно-политические аппетиты Равенны. В реальности, по данным других источников, в церковном подчинении Равенны находились Вогьера (Vico Aventino, Vicohabencia), Феррара, возможно, Форли, Форлимпополи, Чезена, Сарсина, Фаэнца, Имола, Болонья и Модена. Диоцезы Форлимпополи, Чезены и Сарсины были подчинены Равенне еще во времена Григория Великого в связи с трудностью коммуникаций по Фламиниевой дороге из-за наступления лангобардов. Вероятно, в VII в. в числе диоцезов, если верить «привилегии» Валентиниана III, оказалась и Адрия. С VIII в. список суфраганных диоцезов пополнился Комаккьо, а в 948 г. – Червией²⁶².

К X в. в церковном подчинении Равеннской архиепископии в Романье находились Феррара и Вогьера, оспариваемые у равеннской метрополии Римом²⁶³, Форли, Форлимпополи, Сарсина, Фаэнца, Комаккьо, Чезена и Имола²⁶⁴. Диоцезы городов обоих Пентаполей в X в., впрочем, сохраняли тесные связи с Равенной и Экзархатом. Епископ Фано Герард (Gerardus), в частности, происходил из Фаэнцы²⁶⁵. Многие иерархи, в частности, епископы Монтефельтро, Фано, Фоссомброне, Губбио, Иези, Озимо, Римини и Нуманы бывали на отдельных мероприятиях в Равенне, например, на синоде 967 г., хотя и находились в подчинении у Римского престола.

Итак, большинство городов, находившихся под церковной властью Равенны, располагалось в Романье. В церковном подчинении у Равеннской церкви, конечно же, находились и земли за пределами Романьи, в первую очередь, Адрия, а также ряд диоцезов Эмилии, переподчиненные Риму в 1106–1118 гг.²⁶⁶ Речь идет о Модене, Парме и Пьяченце. Положение последней в составе Равеннской метрополии было крайне нестабильным и зависело от политической конъюнктуры. Так, папская привилегия 890 г. единолично рукополагает некоего

²⁶² Schwarz G. Die Besetzung der Bistümer Reichsitaliens... P. 166.

²⁶³ Ibid. P. 172.

²⁶⁴ Benericetti 2002, № 86 (a. 955): епископы Феррары, Комаккьо, Чезены, Форлимпополи, Имолы, Форли, Фаэнцы участвуют в равеннском синоде 955 г.

²⁶⁵ Schwarz G. Op. cit. P. 142.

²⁶⁶ Ibid. P. 181.

Бернарда в епископы Пьяченцы, хотя и ставит его в подчинение Равенне²⁶⁷, но в 988 г. диоцез был изъят из подчинения Равенны²⁶⁸.

В правление Оттона III последовало значительное укрепление церковной власти архиепископии. В 997 г. папа восстанавливает права Равеннской церкви над епископатам Пьяченцы и жалует ей диоцез Монтефельтро с правом назначения туда епископов («episcopii consecrandi»). Наконец, в 999 г. Равенна получает Реджо²⁶⁹.

Таким образом, положение церковной власти Равенны за пределами Романьи было достаточно нестабильным. Прочные позиции Равеннской церкви были именно там, где располагались зоны компактного расположения архиепископского патримония. Политическое влияние архиепископов, по сути, покоилось на контроле над обширной церковной собственностью. Природу власти равеннских понтификов в принципе невозможно понять независимо от ее правовой и экономической основы, которая получила даже соответствующее идеологическое оформление в локальной церковной традиции. На протяжении IX–X вв. в местных церковных кругах бытовало представление о *ius sancti Apollinari*. О нем вспоминали не только тогда, когда Равеннской церкви приходилось отстаивать свои владельческие права у покушавшихся на церковную собственность частных лиц. Он мыслился и как исключительное право на патримониальный комплекс, отличное от *ius sancti Petri*²⁷⁰.

Помимо рычагов публично-правовой власти, таких, как периодические мобилизации на публичные работы (*angariae*), власть архиепископов покоились на союзе с местной аристократией, опосредованном арендой церковных земель.

²⁶⁷ Benericetti 2006, № 37 (a. 890): *predictum Ber[nar]dum in eadem Placentina ecclesia providimus consecrare episcopum, dantes illi in mandatis atque iubentes expresse ut in omni subiectione et fidelitate se sub iu[re sancte Ravennatis o]bservaret ecclesie, quia sic nobis placuit.*

²⁶⁸ Schwarz G. Op. cit. P. 188. Benericetti 2002a, № 270 (a. 997): *Placentina aeclesiam iniuste tibi a me[o antecessore ab]lata ac contra ca[nones sub nomin]e archiepiscopatus locatam tibi tuisque successoribus refutantes in perpetuum.*

²⁶⁹ *Otonis II et III Diplomata* / Ed. T. Sickel. Hannover, 1893 (MGH DD O II / DD O III). Nr. 330 (a. 999). P. 758.

²⁷⁰ Savigni R. I papi e Ravenna. Dalla caduta dell'esarcato alla fine del secolo X // *Storia di Ravenna*. II, 2. dall'età bizantina all'età ottoniana. Ecclesiologia, cultura e arte / A cura di A. Carile. Ravenna; Venezia, 1992. P. 343; Benericetti 2003, № 42 (a. 1016): *a iura sancti Apollinari urbe Ravenantjo.*

Широкие экономические возможности архиепископии как крупнейшего собственника земель в северо-восточной Италии сделали возможным (на основе эмфитевтического контракта) формирование архиепископской клиентелы среди военно-служилой знати и широкого круга городских собственников. Опираясь на аристократическую клиентелу, чье содействие было незаменимо в политическом, дипломатическом и военном противостоянии с Римом²⁷¹, архиепископы экспроприировали имущества соседних диоцезов в Эмилии и оказывали давление на проримских иерархов и их союзников среди местной знати. Следует при этом понимать, что положение Равенны, сильно зависевшее от внешнеполитической конъюнктуры, требовало от архиепископов взвешенных и осторожных политических решений, в успехе которых немалую роль играли взятки, подкупы и интриги.

Таким образом, можно выделить, во-первых, относительно стабильный хинтерлянд, где суфраганские диоцезы, расположенных в древних муниципиях вдоль Эмилиевой дороги, совпадали с зонами компактного расположения земельных богатств Равеннской курии и в той или иной мере зависимых от нее церковей и монастырских учреждений. За пределами Романьи такой областью был лишь округ Феррары, который, впрочем, очень скоро стал развиваться самостоятельно. Во-вторых, можно отметить «зоны влияния», гравитационно тяготевшие к Равенне, где архиепископская курия располагала землями и недвижимостью, но не контролировала церковную жизнь. Таковой зоной были прибрежные города Пентаполя. Здесь интересы Равенны постоянно сталкивались с интересами папской власти, а также местных светских и церковных властей, а владельческие права оказались довольно хрупкими.

Романья, хинтерлянд Равенны, где позиции Церкви были наиболее прочными, оказалась устойчива к нововведениям каролингской администрации – графствам (*comitatus*). Первоначально это были судебно-административные округа под управлением графов (*comites*), нередко – заальпийского происхождения, которые выполняли там определенный объем публично-правовых полномочий

²⁷¹ *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 138.*

(*districtio*). В Итальянском королевстве и в германских владениях Священной Римской Империи отчуждение графства на правах бенефиция означало, как правило, отчуждение и юрисдикции. Но как обстояло с этим дело в Романье? Конечно, в этих зонах графская власть в полном соответствии с инструкциями, озвученными еще в «равеннском» капитулярии Ламберта 898 г., была заинтересована в осуществлении некоторых фискально-административных прерогатив над свободным населением (*armania, functio publica*), однако о пределах реальных полномочий графов нам мало что известно; ряд судебных процессов X в. показал, что попытки внедрения поселившимися здесь графами нероманьольских порядков, таких, как, *arimannia*, наталкивались на противодействие Церкви и неизменно терпели неудачу.

Бросается в глаза и неопределенность, и произвольность используемой в источниках терминологии. Сам термин *comitatus* встречается уже в знаменитой дарственной графини Ингельрады 896 г., где он обозначает округу городов Комаккьо, Гавелло и Феррары. Причудливое смешение терминологии разных традиций наблюдается в том, что Комаккьо обозначен в ней одновременно как *comitatus, territorium* и *ducatus*²⁷². Вполне возможно, что эти термины являлись полными синонимами, отражая, таким образом, характерные для раннего Средневековья зыбкие и нечеткие терминологические грани. Этим, во всяком случае, можно объяснить превращение ряда дукатов и трибуната Дечимано в одноименные *comitati*. Все попытки возможной интерпретации наталкиваются на молчание источников, осложняющееся тем, что нигде *comitati* не были закреплены за определенным графом: повсеместно в Экзархате преобладали дуксы, являющиеся, наравне с графами, высшими представителями публичной власти («*rei publice exactor*»). Там же, где ее следы прослеживаются наиболее отчетливо вплоть до образования местных династий, как обстоит дело в Имоле и

²⁷² Benericetti 2006, № 54 (a. 896): *in comitatu Comiaclo et in territorio e ducato ejus*.

Болонье, наблюдается высокая фрагментация юрисдикции между местными графами, архиепископами Равенны, локальными диоцезами и Римом²⁷³.

Положение серьезно меняется с интеграцией Равеннской метрополии в политическую систему империи Оттонов. С одной стороны, владельческие права Равеннской церкви в Романье были официально признаны Оттонами на судебном собрании 967 г., решившим вопрос политического противостояния с местной знатью в пользу архиепископа Петра IV. Впоследствии эти права были подтверждены папскими буллами от 997 и 998 г. и императорской привилегией 999 г.²⁷⁴ С другой стороны, «графства» теперь действительно стали что-то значить, и они постепенно перетекали в руки Равеннской церкви. «Графства», дублирующие прежние городские округа, начинают систематически появляться в источниках со 2-й половины X в. Определенное недоверие вызывает их появление исключительно в документах публично-правового характера – буллах, привилегиях, а также многочисленных *placita* – иными словами, в актах, составленных под влиянием иной административной и правовой традиции. Таким образом, настораживает сама ограниченность словоупотребления определенной профессиональной средой. Но со временем термин вошел и в обиход табеллионов²⁷⁵.

В то же время за каждым из «графств» теперь закреплялся определенный объем судебных и административных прав. Так, *comitatus* Феррары в *placitum* 970 г. упомянут в связи с *districtio* – понятием, связанным с реализацией на определенной территории судебных полномочий. О значении этого термина красноречиво сказано в обменной грамоте 1001 г., где архиепископ Равенны Фредерик уступает императору монастырь Помпозу в обмен на домениальный

²⁷³ См. об этом: *Lazzari T.* «Comitato» senza città: Bologna e l'aristocrazia del territorio nei secoli IX–XI. Torino, 1998.

²⁷⁴ *Vespignani G.* La Romagna Italiana... P. 55–56.

²⁷⁵ CDP, № 22 (a. 998): *tabellio de comitatu Gavello*; Federici, № 96 (a. 1164): *quinque petias terrarium in comitatu Arimini et in plebe Conce*.

комплекс (*corte*) под названием *Creti*. Здесь *districtio* оказался рядоположенным такому характерному слову, как *bannum*²⁷⁶.

С укреплением территориальной власти архиепископов с 70-х годов X в. под сенью Империи Оттонов юрисдикция (*districtio*) в «графствах» последовательно передавалась в руки архиепископии, ревностно отстаивавшей свои публично-правовые прерогативы у местной аристократии. В 981 г. епископ Форли Уберт вместе с архипресвитерами четырех приходов округа дарит архиепископу Равенны Онесту 20 *manentes*, по всей видимости, зависимых лиц, обязанных местным приходом какими-то повинностями, вместе с их землями и виноградниками и всем, что они владеют «*ad iura ipsius plevium et nostra*»²⁷⁷. Исполняя волю папы и императора, епископ вместе со своим братом, графом Ламбертом, передает Равеннской церкви половину *districtiones* Равенны и Комаккьо и «комитата» Дечимано под залог держаний этих *manentes*.

Папская булла 998 г. жалует Равеннской церкви во главе с архиепископом Гербертом целые округа и области Романьи, которые возвращаются архиепископам после смерти императрицы Аделаиды. В первую очередь это, конечно, *districtum* над городом Равенна с ее побережьем, таможней, монетным двором, рынком, стенами и воротами. Равеннская церковь получает также права на «графство» Комаккьо. Булла подтверждает ранее выданную архиепископу Иоанну привилегию на диоцезы Монтефельтро и Червии²⁷⁸. Вдобавок к этому Равеннская церковь получает округ Чезены, *monasterium* св. апостола Фомы и св. Евфимия Мученика со всеми принадлежащими ему владениями в городе и округе Римини, а также в соседних «комитатах» Пезаро и Монтефельтро. Наконец, она получает и целый ряд крепостей и замков. В этом случае показательным, что отчуждение публичной власти в «графствах» в пользу архиепископа санкционируется папской, а не императорской властью, хотя императоры, в целом, на всем протяжении X–XI вв. обладают исключительными правами в

²⁷⁶ Benericetti 2003, № 9 (a. 1001): *idest omnia platja et districtum et bannum de omnia terra sancte Ravennatis hecclesie*.

²⁷⁷ Benericetti 2002a, № 207 (a. 978).

²⁷⁸ *Ibidem*, № 275 (a. 998).

инвестировании архиепископов юрисдикцией над *comitati*. Эта привилегия была вскоре продублирована императорским дипломом. Через год, в 999 г., Оттон III подтверждает права архиепископа Льва на «графство» Монтефельтро с диоцезом и монастырем св. Спасителя, «комитат» Чезены с его укреплениями, Червии с диоцезом и побережьем (*ripa*), «комитаты» Дечимано, Траверсариа, Имолы. Кроме того, Равеннская церковь получает права на «комитаты» Комаккьо и Феррары «*cum ripa et piscariis suis*», то есть с побережьем и рыболовными угодьями, а также поселениями *massa Fiscalia* и Корначервина и монастырем Помпоза. Равеннские понтифики получают, кроме этого, монастырь св. Илария в Галеате неподалеку от Форли. Наконец, вновь признаются права архиепископов над «округом» (*districtum*) Равенны с воротами, публичными стенами, таможенными (*teloneis*), монетным двором (*moneta*), и, что важнее, «*omnem potestatem in [omnibus] infra et extra civitatem Ravenne*», а сверх этого – всеми бывшими владениями диакона Петра, сына дукса Мартина и франкской графини Ингельрады. В 1001 г. архиепископ был реинвестирован во владение имуществами бывших вассалов Ингельрады во всем «графстве» Римини²⁷⁹. Итогом этих действий стало укрепление территориальной власти архиепископов над всеми округами, однако в XI в. начнется и обратный процесс инвестирования архиепископами графов во владение *comitati*.

В завершение темы я коротко коснусь судьбы бывших военно-административных образований византийской власти, созданных в разное время на периферии Экзархата. Перманентное состояние войны и растущая милитаризация общества наложили отпечаток на территориальное устройство этих регионов. За исключением Равенны, находившейся в прямом подчинении у экзархов, ряд областей управлялся дуксами и магистрами армии (*magistri militum*), а на локальном уровне – трибунами (*tribuni*) и комитами (*comites*), наделенными военной и гражданской властью над жителями поселения и его округой. С этой целью в разное время были организованы крупные военно-территориальные единицы – дукаты. За пределами Экзархата (в узком смысле) и Пентаполя дукаты

²⁷⁹ Fantuzzi 1801, № 71 (a. 1001).

были созданы в Риме, Истрии, Венеции, Лигурии, Неаполе и других византийских анклавах. Но интересно отметить, что источники (правда, позднейшего времени) нередко называют центрами дукатов и разные города Экзархата. Сведения о дукатах Эмилии-Романьи отрывочны, и, судя по всему, едва ли надежны, а сами они, охватывая нестабильные территории пограничья, вряд ли обладали четкой структурой. Встречаясь лишь в публично-правовых актах и корреспонденции, они никогда не включались в традиционную трехчастную модель «fundus/locus – plebe – territorium» локализации земельных объектов и едва ли совпадали с административными границами *territoria civitatis*.

В источниках неоднократно упоминается дукат Феррары, контролировавший земли к северу от Экзархата в нижнем течении реки По. Некоторые источники, например, римская «Книга понтификов», включают его в состав Экзархата²⁸⁰, но, скорее всего, это было самостоятельное образование. Отмечу также дукат Пентаполя с центром в Римини (*ducatum Ariminum*)²⁸¹, в подчинении у которого находилась узкая прибрежная полоса к югу от Равенны²⁸². Помимо риминийского и феррарского дуката, некоторые источники VIII-X вв. периодически называют центрами дукатов Комаккьо, а также Имолу и Болонью. Несмотря на всю путаницу, здесь можно найти закономерность. Почти все дукаты локализованы на пограничье, на стыке сфер влияния лангобардских герцогств и зон константинопольской администрации. Это подтверждается письмом папы Адриана I к Карлу Великому от 774 г., где к одноименным дукатам отнесены Феррара, Имола и Болонья, в то время как они отсутствуют во внутренних регионах Экзархата, например, в Фаэнце, Форли-Импольи, Форли и Чезене²⁸³.

²⁸⁰ *Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire par L. Duchesne. T. 1. Paris, 1886. P. 488: iamfatus Desiderius abstulisset civitatem Faventinam et ducatum Ferrariae seu Comiacum de exarchato Ravennate.*

²⁸¹ *Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. 1 / Ed. L. Weiland. Hannover, 1893 (MGH Const., 4:1). № 450 (a. 963–965). P. 675: ducatum Ariminum, Concam, montem Feretrum, et montem Carpinum, seu Olympicum castrum, Exforum, Bobium, Eugobium, Urbinum, et Forum Symphronii, Galli, et Senegalli, et Ancona, et Oximanum, Firmano, et Hesi.*

²⁸² *Bertolini O. Gli inizi del governo temporale dei papi... P. 26.*

²⁸³ *Codex Carolinus / Ed. W. Gundlach. Berlin, 1892 (MGH Epp., 3). Nr. 49 (a. 774). P. 568: ducatum Ferrariae seu Imulas atque Bononias.*

Впоследствии эти дукаты станут участниками противостояния римских и равеннских иерархов. Когда в 879 г. дукат Комаккьо начал проводить самостоятельную политику, выйдя из подчинения Рима, для восстановления папской власти потребовалось вмешательство фриульского графа Беренгария, который по поручению папы в сопровождении равеннского дукса Иоанна, сторонника «папской» партии и потому опальной фигуры среди равеннской знати, отправился туда с военной экспедицией. Папский ставленник епископ Стефан, по замыслу понтифика, должен был взять на себя *cura ducatus* – очевидно, объем административных полномочий, унаследованных от дуксов города²⁸⁴.

Таким образом, зона территориальной власти равеннских архиепископов в изучаемый период, в целом, совпадала с границами нынешней Романьи. К этой зоне тяготели пограничные Романье области с высокой долей концентрации потестарных и владельческих структур Равеннской церкви – в первую очередь, Пентаполь, пограничье восточного Экзархата (города Имолы и Болоньи) и долина нижнего течения р. По, где располагались города Феррара и Комаккьо.

²⁸⁴ *Registrum Iohannis VIII papae* / Ed. E. Caspar. Berlin, 1928 (MGH Epp., 7). Nr. 175 (a. 879). P. 141: *ut adiutores fuissetis Stephano venerabili episcopo, quem nos in Comiaclo preordinavimus, quatenus vestro auxilio adiutus ecclesie sue iura et possessiones atque ipsius curam ducatus retineret securus.*

Глава 3. Сельское хозяйство и аграрный пейзаж региона в VIII–X вв.

§ 1. **Природно-хозяйственная специфика региона.** Понимание особенностей земледелия и землепользования раннесредневековой Романьи невозможно без учета природно-хозяйственной специфики региона – важнейшего условия материального производства. Равеннские аграрные контракты VIII–XI вв. являются первоклассным источником по изучению природной среды и сельскохозяйственного производства в Романье и северной Марке докоммунальной эпохи. Они значительно превосходят по информативности недокументальные памятники, например, житийную литературу или церковные сочинения. Например, св. Петр Дамиани (1007–1072) в своих сочинениях нигде не упоминает виноград и вино, возможно, сознательно, хотя они играли в экономике и культовой практике жителей Средиземноморья очень большую роль. Напротив, аграрные контракты в массе своей достаточно точно характеризуют особенности каждой конкретной местности и производимой там продукции.

Конечно, допустимо считать, что некоторые промыслы, регулировавшиеся только обычаем, не фиксировались на бумаге. Верно и то, что формулы, описывающие хозяйственную типологию имений-fundi, оставались стабильными на протяжении VI–XII вв., в связи с чем их нельзя понимать буквально. С незначительными отличиями они совпадают с формулами из многих других регионов, не исключая и Южную Италию²⁸⁵. Тем не менее, нет оснований сомневаться, что они реально отражали природно-хозяйственные реалии Романьи. В стандартной формуле перечисления угодий неизменной, как правило, являлась лишь ее первая часть (cum vineis, terris...), в то время как остальной текст может меняться в зависимости от наличных условий каждой конкретной местности, что

²⁸⁵ Типичная формула выглядит следующим образом: cum vineis, terris, campis, pratis, pascuis, silvis, salectis, satjonalibus, cum rivis, fontis, aquis, arbustis, arboribus pumiferis et infructiferis diversisque generibus [Benericetti 2002a, № 192 (a. 976)]. Ср.: Cum curtis et hortilibus, vineis, territoriis, aquis, cisternis puteis, campis, silvis, pratis, olivetis, arboribus fructiferis atque infructiferis (цит. по: *Абрамсон М. Л.* Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX–XI вв.) // ВВ. М.–Л., 1953. Вып. 7. С. 164). Все перечисленные объекты в разной степени, но регулярно встречаются в актах Романьи и смежных с нею областей.

порой подтверждается говорящими топонимами или составом продуктовой ренты.

Так, можно обратить внимание, что в обычном перечне угодий (*terris, campis, pratis, pascuis, silvis, salectis, satjonalibus, rivis, fontis*) в арендуемых в 912 г. колонами имениях в Монтефельтро не названы виноградники; при этом вино (редкий случай!) отсутствует и в составе натуральной ренты²⁸⁶. В другой грамоте заросший лесом и кустарником *fundus Tesuria* не включал ни виноградников, ни пастбищ, ни пахотных земель²⁸⁷. В описаниях местечек Инсула и Тректо, расположенных неподалеку от Комаккьо, названы холмы (*vallibus*) – характерный атрибут ландшафта этого микрорегиона²⁸⁸. В риминийских Аппенинах гораздо чаще, чем где бы то ни было, упоминаются водные объекты – ручьи, водоемы, источники. Это вполне соответствует природно-географическим особенностям этого округа.

Натуральные платежи также довольно точно отражают природно-хозяйственные условия местности. Например, в перечень натуральных поставок с имения *Sereniana*, расположенного на территории округа Феррары в заболоченной дельте По, входит просо (*mileo*). Этот редкий для остальной Романьи злак требует, как известно, обильной влаги. В этой области он выращивается, например, в заболоченных *fundi Ruvina* и *Granagio*, изобилующих водоемами и реками²⁸⁹.

Начнем с общих черт природной среды Романьи и северной Марке. Природные условия этих областей Италии с самого начала римской колонизации обеспечивали плодородие только при условии приложении постоянных усилий по мелиорации заболоченных земель²⁹⁰. В VI в. земли Романьи разительно изменили свой облик. Это было связано как с ужасами военного времени и последовавшей

²⁸⁶ Аналогичная ситуация воспроизводится в Benericetti 1999, № 53 (a. 944).

²⁸⁷ Fantuzzi 1802, № 23 (a. 1001).

²⁸⁸ Benericetti 1999, № 88 (a. 956): *in locum qui vocatur Trecto, una cum casalibus et campis, [pascui]s, silvis, salectis, [sacionalibus...] vallibus seo padulibus, necnon piscatjonibus atque venatjonibus et aucupatjonibus suis...*

²⁸⁹ Benericetti 1999, № 5 (a. 906); CDP, № 12 (a. 976).

²⁹⁰ Ruggini L. *Economia e società nell'Italia annonaria...* P. 65.

депопуляцией, значительно понизившей антропогенный фактор, так и с геологическим процессом – постоянным проседанием почвы. Следствием последнего стали серьезные гидрологические изменения, вызвавшие повсеместное наступление болот и затопление суши. Известно, что синхронно с этим временем имело место знаменитое наводнение (*diluvium*), описанное Павлом Диаконом²⁹¹, которое радикально изменило облик соседнего региона Венето.

Неблагоприятная климатическая, гидрологическая и эпидемиологическая картина, по мнению некоторых специалистов, на какое-то время разрушила хозяйственную и экологическую систему региона²⁹². Наступивший прохладный и влажный период, получивший в англоязычной литературе название *Vandal Minimum*, охватил большие территории от Калифорнии до Китая и продлился приблизительно до 850 г.²⁹³; несомненно, он тоже оказал серьезнейшее воздействие также на население и социальный строй византийской Романьи. Лишь с середины IX в., с наступлением благоприятного климата, роль антропогенного фактора возрастает, и начинается аграрная колонизация, о которой пойдет речь ниже. При этом гидрологические изменения время от времени продолжали беспокоить местное население на всем протяжении Средневековья и Нового времени: достаточно сказать, что важные для региона реки Савио и Монтоне радикально изменили свое русло приблизительно в 1733 г.²⁹⁴

Аграрный пейзаж Экзархата и Пентаполя в VIII–XI вв., как и в предыдущие столетия, характеризовался высокой неоднородностью. Пахотные участки, виноградники и огороды чередовались с лесистыми и заболоченными зонами, лугами и водоемами. Это контрастирует с нынешним унылым и монотонным пейзажем, где практически все пригодные для обработки земли заняты

²⁹¹ *Paulus Diaconus*. *Historia Langobardorum* / Ed. L. Bethmann et G. Waitz. Hannover, 1878 (MGH SS rer. Lang., 1). P. 104 (III, 23): *Eo tempore fuit aquae diluvium in finibus Veneciarum et Liguriae seu ceteris regionibus Italiae, quale post Noe tempore creditor non fuisse.*

²⁹² *Deliyannis D. M.* *Ravenna in Late Antiquity*. P. 203.

²⁹³ *Delogu P.* *L'ambiente altomedievale come tema storiografico // Agricoltura e ambiente attraverso l'età romana e l'Alto Medioevo. Atti della Giornata di Studio per il 50 Anniversario della «Rivista di storia dell'agricoltura» / A cura di P. Nanni. Firenze, 2011. P. 67–109.*

²⁹⁴ *Campana A.* *Decimo, Decimano, Dismano*. P. 1–2.

посевными злаковыми культурами, повсеместно вытеснившими виноградники и оливковые рощи. Романья, будучи преимущественно горно-холмистым регионом, лишь на 29% состоящим из равнин, отличалась большим природным разнообразием. Как правило, в равнинных зонах уровень плодородия был выше, чем в холмистых областях и в наиболее возвышенных зонах равнин, где преобладали грубые каменистые и песчаные почвы²⁹⁵. С другой стороны, такой тип почв в Эмилии-Романье в большей степени благоприятен для культивации винограда²⁹⁶. Вина, полученные из виноградников, выращенных на холмистых склонах, отличаются особым качеством. Не следует при этом забывать, что плодородие холмистых земель было в те времена значительно выше, чем в развитое Средневековье, когда их затронули процессы дефорестации и, как следствие, неизбежной эрозии почв.

Источники пестрят упоминаниями о пустующих и невозделанных участках. Нередко, особенно в описаниях крупных земельных комплексов, мы можем встретить оппозицию *cultum vel incultum*²⁹⁷, которая в аллегорической и неявной форме проступает и в повествовании Агнелла. Большинство *fundi*, помимо пашни (*terra agresta/laboratoria*), виноградников (*vineis*) и различных фруктовых деревьев, непременно включают и необрабатываемые земли и лесные участки. Наряду с землей, пригодной для засева злаков (*terra sacionale*), в перечнях угодий обязательно присутствуют луга (*pratis*), пастбища (*pascuis*), заросли ивняка (*salectis*). Места эти были далеко не безопасны. Вплоть до XIV века здесь водились волки, досаждавшие местным обитателям. Так, между Фано и Пезаро, на хуторе (*casale*) рядом со свежераспаханной новью обитал в 973 г. некий держатель Мартин со звучным прозвищем *Perdilurum* («убийца волков»).

Леса, болота, небольшие водоемы и ручьи составляли неотъемлемую часть аграрного пейзажа западного побережья Адриатического моря, где располагались анклав архиепископских владений в Пентаполе, и заболоченной долины северо-

²⁹⁵ *Tirone L.* Les grands traits de la culture et de l'économie de la vigne en Emilie-Romagne // *Méditerranée*. Nouvelle série. 1971. № 5. P. 504.

²⁹⁶ *Ibidem*. P. 505.

²⁹⁷ *Benericetti* 1999, № 63 (a. 949), 88 (a. 956); *Benericetti* 2002, № 111 (a. 963).

востока, сформированной дельтой реки По. Обширный фронт невозделанных земель располагался в IX–X вв. и в равеннском округе. Он нашел здесь отражение даже в топонимике местных приходов²⁹⁸. Остров Палаццоло, находившийся в непосредственной близости от Равенны, у побережья в шести милях от города²⁹⁹, включал, по всей видимости, *incultum*, и был подарен монастырю св. Марии в 850–877 гг., скорее всего, для дальнейшего хозяйственного освоения. Приблизительно через столетие там все еще оставалось достаточно невозделанных земель: в 965 г. пустующий участок земли (*tenimentum terre*), частично покрытый водой и заросший камышом, сдается в аренду вместе с болотами и лугами для солепромышленности предприимчивому семейству поселян³⁰⁰. Архиепископский акт 974 г. уступает школе певчих и чтецов *Curtis Molino*, окруженный реками и болотами, «...до недавнего времени пребывавший в запустении»³⁰¹. Местечко *Трискло* неподалеку от территории, занятой славянской общиной, примыкавшее к акведуку и арендованное неким торговцем в 943 г., включало пустоши и леса³⁰². Совсем близко от Равенны, близ ворот *Teguriensis*, находились луга, окаймляемые болотами и одноименной рекой³⁰³.

Несколько плотнее была заселена и возделана пригородная зона *Дечимано*, от которой, правда, за этот период до нас дошло сравнительно мало либеллярных контрактов, а среди топонимов здесь абсолютно преобладают *fundi* и водные объекты³⁰⁴. О плотности заселения косвенно говорит и то, что мы не встречаем тут сведений об аренде колонами и другими либелляриями целиковых *fundi*. Тем не менее, и здесь время от времени можно встретить леса, в пользу чего говорит

²⁹⁸ Federici, № 26 (a. 1058): *terri. Rave., plebe S. Petri, qui v. Intram silva.*

²⁹⁹ Agnellus. P. 196: *non longe ab Rauenna miliario .vi.*

³⁰⁰ Fantuzzi 1801, № 43 (a. 965) = Benericetti 2010, № 337 (a. 965): *unum terrenarium terre in integro, aquis et erbis, seo canetis coperta, et omnia in desertis possita, ad una area salinarum in integrum faciendum cum alitis et vasis atque morario suo.*

³⁰¹ Benericetti 2002, № 181 (a. 974): *curtem nostrum in integro que antiquitus vocabatur de Molino, que ante hos dies in desertis redacta fuit et modo Xpisto auxiliante noviter roncora facta esse videtur.*

³⁰² Benericetti 1999, № 50 (a. 943): *que predicto loco aliud incolom]e et aliud in desertis reia[c]ere videtur.*

³⁰³ Benericetti 1999, № 2 (a. 901).

³⁰⁴ Federici, № 1 (a. 959), 2 (a. 973), 5 (a. 982), 7 (a. 982–983); Muzzioli, № 11 (a. 950).

повсеместное распространение «желудевой» повинности *glandaticum*³⁰⁵, а также нередкое упоминание *cultum vel incultum*³⁰⁶. Например, *fundus* с говорящим названием *Balneolo* включал заболоченные зоны и заросли (*vepretis*), а неподалеку от него находилось болото *Aquelonga*³⁰⁷.

Гидрологическая картина характеризовалась обилием водных объектов. Помимо естественных потоков, рек, ручьев, ручейков и источников (*fontis, aquis per(h)ennis*), впадающих в Адриатику и практически не образующих озер³⁰⁸, повсеместно упоминаются искусственные водные пути (*fossa*, крупные каналы, и, возможно, *aqua*). В прибрежной полосе Адриатического моря, в холмисто-равнинной зоне получили распространения специфические искусственные водоемы (*forme*)³⁰⁹, известные также и заболоченным приморским территориям близ Равенны и Комаккьо³¹⁰.

Акватории рек использовались для создания искусственных заводей или запруд (*rupta*) для разведения или ловли рыбы. Активное сооружение запруд (*ruptas sive incisiones*) монахами и слугами монастыря св. Марии на реке Бадарено даже спровоцировало вмешательство со стороны архиепископа в 1221 г.³¹¹ В рамках микроэкономики отдельных домохозяйств широко использовались каналы (*canales*), по всей видимости, оросительного и сточно-дренажного назначения³¹², в особенности необходимые для культивации винограда с целью поддержания почвы в сухом состоянии. Каналы использовались и в хозяйствах крестьян Равеннского округа, в частности, в Дечимано³¹³. Водная энергия использовалась в

³⁰⁵ Federici, № 7 (a. 982–983), 11 (a. 984), 13 (a. 1000), 15 (s. X–XI), 33 (a. 1073) etc.

³⁰⁶ Muzzioli, № 11 (a. 950); Federici, № 13 (a. 1000).

³⁰⁷ Muzzioli, № 11 (a. 950).

³⁰⁸ *Rosetti E.* La Romagna: geografia e storia. P. 12. Среди наиболее крупных и важных рек региона в источниках упоминаются Ламоне, Савио, Монтоне, Ронко, Ауза, Конке.

³⁰⁹ Benericetti 2002a, № 226 (a. 982): atque a quarto latere via que pergit ad formam.

³¹⁰ Fantuzzi 1801, № 43 (a. 965): venationibus, atque arcupationibus suis, et se [...] vel formas [...]; Benericetti 2003, № 20 (a. 1004).

³¹¹ Fantuzzi 1802b, № 112 (a. 1221).

³¹² Benericetti 1999, № 35 (a. 922): interrafines ab uno latere possidente sanctae Adriensis ecclesie, ab alio latere canale de supradicto Gauro, seu a tercio latere via qui dicitur Pullus, atque a quarto latere fluvio iamdicto Gauro percurrente.

³¹³ Federici, № 33 (a. 1073).

работе водяных мельниц (*aquimulis*, позднее – *molendina*)³¹⁴, а реки и водоемы как рыболовные угодья (*piscationes*) играли огромную роль в хозяйстве городского и крестьянского населения. О назначении некоторых озер говорят такие названия, как, например, *laco Piscatorio* («Рыболовное озеро»), встречающееся в округе Форлимпополи³¹⁵. Тем не менее, разливы крупных рек, таких, как Монтоне, не говоря уже о По, представляли постоянную опасность для человека на протяжении всего Средневековья. Весенние и осенние дожди постоянно грозили обернуться настоящей катастрофой...

Все эти земли еще далеко не полностью были освоены человеком. Наличие значительного фронта невозделанных земель, разросшегося в VI–VII вв., нельзя списывать на деградацию сельскохозяйственного производства. Эти территории представляли огромную ценность с точки зрения промыслов и присваивающего хозяйства. Оценивать уровень развития сельского хозяйства по степени освоенности *incultum* является в высшей степени непродуктивным. Эти зоны не находились в оппозиции. Скорее, они органично дополняли друг друга, являясь равноправными компонентами сельского производства. Например, в 942 г. вилик Виталий с семьей переарендует *fundus Vuxitulo* («самшитовый»), «полностью заросший лесом»³¹⁶. Очевидно, десятилетиями находясь в распоряжении владельца, он уже сам по себе представлял для него большую ценность как источник лесозаготовок, кормовая база и охотничье угодье.

Эта ситуация отразилась и в аграрной топографии. Так, в «диком» округе *Faventino acto Corneliense* в приходе св. Петра *in Transilva* не позднее 960 г. образовался владельческий комплекс из пограничных имений *Granatico* («зерновой»), *Casa Galando* («желудевый») и *Crivilario* (по всей видимости, от ит.

³¹⁴ *Ibidem*: et quoniam speramus uti locus qui dicitur Rivata, qui est possitus super fluvio qui vocatur Gauro... ut suprascripta Rivata cultare, fodere, laborare, aquimulus Christo auxiliante edificare et in omnibus meliorare; Fantuzzi 1804, № 19 (a. 1106): in fundo Noceto cum molendino infra se in rivo Cesinula; Benericetti 2003, № 42 (a. 1016): ripis, rupini, aqui, etq(ui)moli, molendini.

³¹⁵ Benericetti 2003, № 13 (a. 1003): *laco Piscatorio*.

³¹⁶ Muzzioli, № 6 (a. 942): et nunc omnino in silvis reiacere videntur.

«crivellare», «просеивать»)³¹⁷. Нужно добавить, что болота, водоемы и пустоши Романьи также нередко становились объектами аренды³¹⁸.

Значительную долю *incultum* составляли лесные пространства. Леса непременно указываются в описаниях практически каждого земельного объекта. В непосредственной близости от Равенны, у побережья, располагалось множество хвойных лесов: достаточно упомянуть восходящие к римским временам знаменитые сосновые рощи (пинеты), образованные пиниями, соснами с зонтикообразной кроной. Одна из таких рощ, примыкающая к обмелевшему порту Классису, упоминается Павлом Диаконом, а затем и Данте³¹⁹. Пинеты упоминает и Дж. Боккаччо (nov. VIII, giog. V). Другой крупный лесной массив, получивший еще в VIII в. название «*Forestum magnum*», был уступлен королем Лиутпрандом в 744 г. фавентийскому диоцезу под давлением папы³²⁰. Многие другие, более мелкие леса также получали собственные названия, нередко – по своему прямому (промысловому или промышленному) назначению³²¹.

Без помощи археологии очень сложно установить даже примерное соотношение тех или иных типов лесов, распространенных на территории раннесредневековой Романьи. Кроме того, всегда есть опасность принять уникальную характеристику *fundus*, легшую в основу фитотопонима, за типичное для данной местности³²². Тем не менее, складывается впечатление, что всюду преобладали дубовые рощи – типичные леса раннего Средневековья. Они проступают как в топонимике многих имений-*fundi* (Cerro, Cerrito, Cerritolo,

³¹⁷ Muzzioli, № 20 (a. 960).

³¹⁸ Fantuzzi 1801, № 43 (a. 965): et concedisti nobis porcionem de camporis seo de padulibus [...] venationibus atque arcupationibus suis et se [...] vel formas [...].

³¹⁹ См. о пинетах в первую очередь: *Ginanni F. Istoria civile e natural delle Pinete ravennati*. Roma, 1774.

³²⁰ *Strocchi A. Serie cronologica storico-critica dei vescovi Faventini*. Faenza, 1841. P. 41. В этой же зоне располагается приход св. Петра, получивший «говорящие» названия *in Transilva* и *in Silva*: Muzzioli, № 13 (a. 951), 20 (a. 960), 22 (a. 964), 47 (a. 993). Здесь, в частности, локализуются говорящие агронимы, такие, как *Casa Galandi* (Muzzioli, № 13).

³²¹ Benericetti 2002, № 123 (a. 966): *Silva de Carterio*; 134 (a. 967): *Silva qui vocatur Sfrondora Bove*, *silva qui vocatur Frontoni*; 167 (a. 972): *silva qui vocatur Antelena*; 168 (a. 972): *silva qui vocatur Maderaria*.

³²² *Montanari M. Il paesaggio rurale della Pentapoli nell'alto medioevo. Osservazioni suggerite dal «Breviarium» e della documentazione coeva // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro)*. Roma, 1985. P. 147.

Cerquitum, Ceritulum и т.д.) из всех регионов бывшей византийской северо-восточной Италии, так и в географии повинности *glandaticum*, в особенности популярной в округах Римини и Монтефельтро. О широком распространении дубов свидетельствует и отраженная в топонимии развитая классификация дубовых деревьев (*Rovorata*³²³, от «*robur*», «дуб», *Liciniano*³²⁴, возможно, от «*ilex*, -*icis*, «каменный дуб»).

Помимо дубов, чье присутствие в Пентаполе заметно редет при движении вдоль побережья к югу, нам известно о сосновых лесах, которые покрывали, помимо равнинного побережья, пригородную территорию города, зону Дечимано³²⁵, но встречаются также и в пределах Форлимпополи³²⁶, Римини³²⁷ и Сенигаллии³²⁸. Нам также известно о вязах (*Ulmitulo*)³²⁹, тополях (*Albareto*)³³⁰, ясенях (*Fraxinitulo*)³³¹, возможно, *Farneto*, от лат. *farnus*), ивовых зарослях (*Salecta*), грабах (*Carpinio*)³³², березах (*Betulati*)³³³, буках (*Fagito*)³³⁴. Всюду, от Адрии до Озимо, встречаются лавровые деревья³³⁵. Повсеместно в источниках встречаются заросли ивняка (*salectis*): скорее всего, они имели утилитарную ценность, например, в качестве естественных опор для виноградных лоз, о которых говорил еще Катон.

На территории риминийских Апеннин, в горной зоне Монтефельтро и в холмистой долине внутренних регионов Экзархата были широко распространены

³²³ Benericetti 2002, № 199 (а. 977, Римини): *in fundo Rovorata qui vocatur Regossa*; BER, № 12 (Римини): *Roverata*.

³²⁴ Benericetti 1999, № 67–68 (а. 950).

³²⁵ *Ibidem*, № 165 (а. 972): *fundus Pino*.

³²⁶ Benericetti 2006, № 50 (а. 894): *casus, casinulis et ortis, pineis etc.*

³²⁷ *Ibidem*, № 14 (mid. IX s.): *et porsione de silvas positas sub Pinna*.

³²⁸ Benericetti 2002a, № 221 (а. 981): *a tertio latere via que vadit inter Pinnitulam et Alfianum*.

³²⁹ Benericetti 1999, № 25 (а. 904–914): *Ulmitula*; 37 (а. 927): *Olmitulo*; Benericetti 2002, № 123 (а. 966): *Ulmito*.

³³⁰ *Ibidem*, № 133 (а. 967).

³³¹ Muzzioli, № 29 (а. 977).

³³² Benericetti 1999, № 67 (а. 950).

³³³ Benericetti 2006, № 42 (а. 891).

³³⁴ Benericetti 2002, № 159 (а. 972).

³³⁵ Benericetti 2006, № 11 (а. 838, Ровиго); Benericetti 1999, № 47 (а. 941, Римини): *Laurianum*; Benericetti 2002, № 147 (а. 970, Форли): *Laureta*; 164 (а. 972, Фаэнца): *fundus Laurito*; BER, № 139 (817–834, Озимо): *fundo Laurito*.

каштаны. Их плоды непременно включались в натуральный оброк местных крестьян. Каштановые леса и рощи отражены в ряде агренимов, таких, как *Castanieto*, *Castagnetulo* и т.д.³³⁶ Можно предположить, что ареал распространения каштановых деревьев был шире, поскольку они могли включаться в более широкую категорию «плодовых деревьев» (*arbores pomiferis*)³³⁷.

Леса можно подразделить на две категории. Во-первых, это лес, предназначенный для охоты, выпаса скота и прочих промыслов (*silva*, *galdum*, *galdiciolo*); во-вторых, это лес, определенный под вырубку или лесозаготовки (*spiscia*)³³⁸. Леса имели огромную хозяйственную ценность в экономике региона, о чем говорят сделки купли-продажи³³⁹ или аренды³⁴⁰ лесных участков, причем в самых разных регионах Романьи. Кроме того, судя по житию св. Ромуальда, пригородные леса Равенны служили охотничьими угодьями для городской знати. Там охотились на мелкую дичь (*venacio*) и птицу (*aucupacio*).

Леса служили источником древесины (часто архиепископы позволяли крестьянам неограниченно пользоваться лесом для своих нужд), а также (в случае с дубовыми лесами) местом выпаса свиней. Кроме того, топонимия подсказывает, что леса могли служить источниками сырья для производства древесного угля³⁴¹. Древесина, несомненно, служила и сырьем для домашних промыслов. Интересно, что, в соответствии с традицией, вино и масло продолжало измеряться римскими амфорами, притом, что емкости для хранения этих продуктов стали деревянными (об этом нам рассказывают несколько арендных договоров из округа Римини в X в.).

³³⁶ Benericetti 1999, № 30 (a. 918); Fantuzzi 1804, № 19 (a. 1106).

³³⁷ Benericetti 2006, № 49 (a. 893): *pomas de castanetis modio eptimo*; Benericetti 1999, № 39 (a.929): *de pomas domesticas inter nuces et castanea siccas et bene studitas*; Benericetti 2002a, № 239 (a. 987): *castanea [sicca] et bene studita quartaria sex et de fitjbus aridis et bene studitas restes statuales dupplices duas, reliqua poma sint nobis collo[nis] concessi*.

³³⁸ BER, № 117 (Озимо): *atque campo uno una cum spiscia sua*; Benericetti 1999, № 55 (a. 945): *terra sacionale capientes modiorum viginti, cum pascuis et spissia infra ipsa terra esse videntur*.

³³⁹ Benericetti 2002, № 134 (a. 967): *duas uncias printjpalis in integro de terra cum silva sua*.

³⁴⁰ Ibidem, № 168 (a. 972): *et concedistis nobis porcionem de silva qui vocatur Maderaria*.

³⁴¹ Benericetti 2002a, № 219 (a. 981, Озимо): *fundo Carbonaria*; 273 (a. 983–998, Римини): *fundo Carboniano*.

Особенностью аграрного пейзажа Романьи в изучаемую эпоху является высокая заболоченность почв. Этот факт, отмеченный еще Страбоном, не ускользнул от внимания и писателей и путешественников XVIII в.³⁴² Редкий путник мог удержаться от комментариев по поводу «нездорового» воздуха Равенны и ее окрестностей. В интересующий нас период болота активно наступали. Наиболее ярко это проявилось в обмелении и последующем заболачивании зоны порта Классис. На это неоднократно обращали внимание еще историки-эрудиты.

Десятый век стал свидетелем дальнейшего расширения заболоченных территорий за счет постоянного проседания почвы, продолжающегося, к слову, и по сей день. Образование знаменитой лагуны Валли-ди-Комаккьо между Феррарой и Равенной, одного из самых крупных болот Европы, специалисты относят именно к изучаемому нами периоду. Анонимная «Хроника города Равенны» 1346 г. сообщает, что Комаккьо к тому времени «был затоплен морскими волнами». «Описание провинции Романья», выполненное кардиналом Англиком в 1371 г., подтверждает это: в описи отмечено, что Комаккьо, расположенный в холмах, примыкающих к городу Ферраре, «... запружен водой с этих холмов»³⁴³.

Конечно же, болота встречались не только в прибрежной зоне Романьи. Здесь они составляли лишь часть малую обширного заболоченного фронта, в римское время простиравшегося, по сообщениям Витрувия, до Альтинума и Аквилеи. Огромные заболоченные зоны находились во владениях равеннских архиепископов в дельте реки По, в районе Феррары. Обработка местных почв требовала постоянного поддержания в хорошем состоянии дренажных систем. Ремонт рвов (*fossa*, *fossado*) и каналов (*canale*) является непременным условием всех либеллярных договоров. Надо сказать, мало что изменилось и к XVIII–XIX вв...

³⁴² Description historique de l'Italie en forme de Dictionnaire. T. 2. Avignon, 1790. P. 211.

³⁴³ Fantuzzi 1804. P. 98: Submersa propter inundationes aquarum dictarum valium.

Борьба со стоячими водами и регулирование орошения требовали постоянного приложения немалых усилий вне зависимости от сезона. С наступлением болот боролись, как могли... Известно, что такую масштабную попытку предпринял король Теодорих в Умбрии, Кампании и, что интересно, в районе Равенны, где остготский правитель, согласно одной надписи, повелел осушить болота и высадить на их месте плодовые сады³⁴⁴. Но к VI в. времена масштабных мелиорационных работ уже были в прошлом, и отношение к болоту с наступлением раннего Средневековья изменилось.

После коллапса природно-хозяйственного баланса в результате эпидемий и войн середины VI в. трудящееся население и крупные хозяйственные комплексы быстро адаптировались к новой экологической конъюнктуре. Об этом я подробнее напишу в 5 и 6 главах. Здесь лишь необходимо отметить, что болото стало органической частью хозяйства местных жителей. В отличие от римского времени, когда такие объекты считались *lota relicta*, некоторые из болот уже в ранневизантийскую эпоху (скорее всего, не позднее VI в.) получили собственные названия и оказались в собственности Церкви и частных лиц³⁴⁵.

Так же, как и леса, болотистые территории представляли значительную промысловую ценность. По всей видимости, болота вблизи Комаккьо были богаты торфом. У Агнелла мы встречаем любопытный топоним *Ignis et Baias*, который он неверно интерпретирует как названия языческих идолов³⁴⁶, положив начало множеству полуфантастических спекуляций местных краеведов. В действительности же топоним обязан своим появлением частым случаям возгорания торфа в низинах Комаккьо, отмечавшихся там вплоть до XIX в.

Северо-восточные районы византийских территорий Италии не представляли собой единого природно-хозяйственного континуума. Здесь можно

³⁴⁴ CIL XI, 10: *fabricis suis amoena coniungens, / sterili palude siccata, hos hortos / suavi pomorum fecunditate ditavit.*

³⁴⁵ Tjäder 3. В наших источниках болота также иногда имеют собственные названия. *Venericetti* 2002, № 106 (a. 961): *padule q.v. de Crespana.*

³⁴⁶ Agnellus. P. 218–219.

условно выделить несколько регионов, отличавшихся по климатическим, гидрологическим и орографическим характеристикам, определявшим особенности земледелия и землепользования и, в конечном итоге, характер сельских поселений и складывавшихся в их рамках общинных отношений.

На севере Пентаполя, в районе Риминийских Апеннин, господствовал особый хозяйственный тип, сильно напоминавший особенности хозяйствования на соседних лангобардских территориях. Этот горно-холмистый регион, обильно поросший лесом (*gualdo*), в особенности дубами³⁴⁷ и каштанами³⁴⁸, характеризуется сильной пересеченностью местности, которая отразилась в соответствующей топонимии и описаниях отдельных местностей и владений³⁴⁹. Эти места изобиловали естественными и искусственными (*fossa, aqua*) водными путями и водоемами, реками и ручьями³⁵⁰, источниками³⁵¹ и, конечно же, болотами.

Небольшие рукотворные водоемы или пруды (*formis*), расположенные на побережье, могли служить местами разведения рыбы и охоты на птиц. Об их значении говорит, например, то, что *fundus Vincoragia* упоминается в документе «*cum lacora sua*»³⁵²; в другом месте нераспаханная земля арендуется «*cum prato et*

³⁴⁷ Леса оставили заметный след в топонимии этой области. Характерны такие топонимы, как *Gualdo, Gualdiciolo* (Benericetti 2006, № 14); *Gualdello* (Benericetti 1999, № 72). Во владениях Вальбезднды, матери дукса Мартина, содержится упоминания, как минимум, о семи лесах и рощах (*silvas, gualdo*), расположенных в нескольких *fundi*.

³⁴⁸ Benericetti 1999, № 28–30 (a. 918): *fundus Castanieto*.

³⁴⁹ *Ibidem*, № 82 (a. 955): *cum aquis, rivis, ropinis, fontis perrennis*; Benericetti 2002, № 139 (a. 968): *seu a tertio latere carrariola que pergit de Laco Maiore usque ad strata publica*; Benericetti III, 273 (a. 983–998): *ab uno latere monem (montem?) qui vocatur de L[or]niano et rivo percurrente de ipso monte exiente et perveniente in fluvio Conca... seu a tertio latere serra de Petralata et via publica... atque a quarto latere monte qui vocatur Avenino*.

³⁵⁰ Benericetti 2002a, № 267 (a. 997): *ab uno latere rivo de Sculcule, ab alio latere fundo Cellule, seu a tertio latere rivo Perfecti, atque a quarto latere fluvium Concae*.

³⁵¹ Benericetti 1999, № 28–30 (a. 918): *cum vineis, terris... rivis, fontis*. Benericetti 2002, № 137 (a. 968): *ab uno latere fontana que vocatur Guillari, ab alio latere Fontana de Padule, seu a tertio latere fossa Luparia percurrente in columnello de Flaviano atque a quarto latere predicte braide vestre et fontanella de Broineto... cum terris et vineis, campis... salectis, rivis, fontis*; Benericetti 2002, № 177 (a. 973): *cum terris, vineis... fontis, aquis perennis*; Benericetti 2002a, № 268 (a. 997): *seu a tertio latere rivo percurrente qui vocatur de Murta, atque a quarto latere Bruinetulo, Carcavallo et fontana de Lodolo*.

³⁵² Benericetti 2006, № 14 (сеп. 850-х гг.).

forma sua habentem infra se»: несомненно, озера и рыбные пруды имеют немалое функциональное значение в его хозяйстве.

Свиноводство в противовес традиционно римскому овцеводству играло здесь заметную роль в крестьянской экономике. Этот «выпасно-лесной» хозяйственный тип, об элементах которого мы можем судить по повсеместному распространению «желудевого сбора» (*glandaticum*), связанного с правом выпаса стад свиней (*greges porcorum*) в господских лесах, получает широкое распространение в районе Римини и Монтефельтро. В одном случае *glandaticum*, обычно платившийся свиньей, заменен на выражение «*de silva*»³⁵³, что указывает на выпасной тип свиноводства в этой зоне. Леса здесь нередко были объектом держания и аренды. Например, колон *Mingulo* держал «*terras et silvas*» в *fundus Furiano*³⁵⁴. В другом случае лесистый участок земли (*pecia silve*) стал объектом аренды группой колонов в 940 г.³⁵⁵ В 968 г. колоны снимают участок пахотной земли и леса от *fundus Bruinita*³⁵⁶. Ничего подобного за пределами риминийского округа, за исключением разве что Сенигаллии, мы не наблюдаем.

До некоторой степени исключением следует считать горно-холмистую долину реки Конке в округе города Римини. Здесь, главным образом, в приходах св. Савина и св. Эразма, было развито овцеводство, о распространении которого мы можем судить по поборам *circuitus* (*circata, circoita, circoitus*)³⁵⁷ и *herbaticum*³⁵⁸, правда, из либеллы 973 г. следует, что коммутированный размер последнего в два раза ниже «желудевого сбора»³⁵⁹, а в некоторых либеллах в счет *herbaticum* и

³⁵³ Benericetti 1999, № 56 (a. 947).

³⁵⁴ Benericetti 2006, № 14 (m. sec. IX).

³⁵⁵ Benericetti 1999, № 45 (a. 940).

³⁵⁶ Benericetti 2002, № 138 (a. 968).

³⁵⁷ Benericetti 1999, № 6 (a. 905–906, pl. S. Sabini): et pro circata dare debeamus arietem; 8 (a. 907, pl. S. Savini): pro circoitu vero annualiter dare debeamus denarios bonos sex; 28–30 (a. 918, pl. S. Savini): pro circoitu vero dare debeatis omni annualiter denarios bonos sex; 47 (a. 941, pl. S. Savini): pro circuitu vero omni annualiter dare debeatis arietem velosum optimum unum; 49 (a. 943, pl. S. Savini): et pro circoitum omni anno dinariis sex, manuto ad curte domni suscipiendum; Benericetti 2002a, № 259 (a. 993, pl. S. Savini): pro circoitu dare debeamus omni annualiter denarios sex.

³⁵⁸ Benericetti 2002, № 171 (a. 972, pl. S. Savini): pecoram una; Benericetti 2002a, № 268 (a. 997, pl. S. Savini): glandaticum et herbaticum in domnico proficiat.

³⁵⁹ Benericetti 2002, № 177 (a. 973, pl. S. Savini): [et pro glandatico dare debeamus] denareos sex et pro erbatico dare debeamus denareos tres.

circuitus могли вносить и поросенка (*fersinga*)³⁶⁰. За пределами Валконке *herbaticum*, уплачивавшийся каким-то животным (*pecora*), по одному разу встречается лишь в приходах св. Еремия и св. Лаврентия³⁶¹, а *circuitus* – в приходе св. Андрея *in Casariola*³⁶².

Плотность лесистых зон снижается при движении к югу от Римини вдоль холмистых равнин Адриатического побережья, влажной зоны, обильно поросшей тростником; уже в районе Сенигаллии *glandaticum* встречается реже³⁶³, хотя в этом округе лесные массивы продолжают играть определенную экономическую роль³⁶⁴. В частности, согласно одному из контрактов колонны обязуются поставлять в Сенигалию две тележки древесины³⁶⁵; в другой либелле крестьяне снимают 40 модиев распаханной земли «*cum modico silvario*»³⁶⁶. Ок. 800 г. здесь зафиксирован топоним *Gualdisiolo*. В 966 г. эмфитевты снимают здесь «*pecia de silva et de terra*» в *fundus Aragusto*³⁶⁷. Знаменателен и древний топоним *Porclanum*, скорее всего, образованный от *porca* («свинья»)³⁶⁸. Тем не менее, в пределах Сенигаллии «травный сбор» повсеместно преобладает над «желудевым»³⁶⁹.

³⁶⁰ Benericetti 1999, № 53 (a. 944, S. Savini): pro erbatico et circuitu fersinga bona una; Benericetti 2002a, № 259 (a. 993, S. Savini): herbatico fersin[ga...] usque civitatem Ravenne.

³⁶¹ Benericetti 2002a, № 266 (a. 997, S. Laurentji): glandaticum et herbaticum in domnico profitjat; 267 (a. 997, pl. S. Heremi): pro herbatico pecora quattuor.

³⁶² Benericetti 1999, № 7 (a. 907, pl. S. Andrea in Casariola): pro circoita dare debeamus annualiter secundum ister locis;

³⁶³ BER 81: glandatico et herbatico in integro in domnico proficiat; 83: pro herbatico et glandatico et exenio et opera denarios treginta; 103: pro glandatico dare promittimus omni annualiter mancoso uno; 107: pro opera et exenio et glandatico denarii viginti quattuor. 109: pro erbatico et opera et exenio seu glandatico denareos treginta; 111: glandatico in integro in domnico proficiat.

³⁶⁴ BER 103: ab uno latere terra et silva domnico et de Martino... atque a quarto latere terra et silva ipsi dominatore.

³⁶⁵ BER 106: lignas carra dua in civitate Sinogaliensem.

³⁶⁶ BER 108: de terra culta capiente modiorum plus minus quadraginta ex fundo Sproniano cum modico silvario.

³⁶⁷ Benericetti 2002, № 125 (a.966): pecia de silva et de terra qui reiacet in fundo Aragusto.

³⁶⁸ BER 80.

³⁶⁹ BER 81, 83, 98: pro erbatico *arietes duos*; 100: pro exenio et erbatico et opere dare debeatis denarios decem et octo; 101: pro exenio et erbatio denarios quindecim; 102: pro exenio et erbatico denarii decem et octo; 103: pro exenio et herbatico et opera dare promittimus denareos bonos; 108: pro herbatico agnum unum; 109; 111: pro opera et exenio et herbatico [d]enarios bonos duodecim.

Южнее, в горно-холмистом³⁷⁰ округе Озимо, *glandaticum* не встречается вовсе, а *herbaticum* практически не коммунуируется³⁷¹, что свидетельствует в пользу широкого распространения овцеводства с преобладанием пастбищ, отраженного и в топонимии региона³⁷², хотя и здесь можно встретить следы лесных массивов³⁷³: в одном случае (*campo cum spiscia sua*) подразумевается, что речь идет о лесе, который может идти под вырубку.

Совершенно иная хозяйственная конфигурация была характерна для северной периферии Экзархата, владений патримония св. Аполлинария в округах Феррары и Комаккьо. Речь идет о восточной части паданской долины на северо-востоке Романьи, образованной рекой По и множеством мелких рек и притоков. Она была затронута процессами проседания и последующего заболачивания почвы. Болота (*padules, paludes*) постоянно упоминаются здесь в перечнях угодий и земельных наделов³⁷⁴. Примечательно, что в дипломе Оттона III от 999 г. «графства» Феррары и Комаккьо упоминаются вместе с водными и рыболовными угодьями («*cum ripas et piscariis*»)³⁷⁵.

Несмотря на сравнительно неблагоприятные условия для хозяйствования, здесь наиболее активно протекали процессы аграрной колонизации, которые

³⁷⁰ BER, № 113: *in fundo qui vocatur Valle... via quae pergit a monte qui dicitur Bolonici*; 122: *ab alio latere Monte Corano*; 148: *loco qui dicitur Monticello*; 155: *porcione fundi Montaniati*; 163: *tercio latere Montale*.

³⁷¹ *Ibidem*, № 141: *erbaticum arietem unum vellosum deductum per nos colonos Ravennam*; 142: *sub pensione arietes tres cum lana sua in festivitate sancti Apollinaris et pro salutacione arietem unum similiter cum lana sua in festivitate sancti Apollinaris*; 144: *sub pensione solidos III et arietem unum vellosum*; 147: *erbatico arietem unum*; 150: *pro erbatico agno anotino uno*.

³⁷² *Ibidem*, № 113: *terra massana perveniente usque in Campo Maiore*; 117: *tercio latere Aqua Vivola qui vocatur Campo Longo... atque campo una una cum spiscia sua, in terra fines prati [Stepha]ni de Medana*; 147: *in valle quae vocatur Campo Maiore*.

³⁷³ *Ibidem*, № 116: *fundo in integro qui vocatur Cerrum Longum*; 121: *fundus Roborata*; 122: *fundo Carbonaria*; 126: *fossato qui est posito inter ipsum gualdum qui vocatur de Fico*; 139: *fundo Foroniano qui vocatur Cerrito... et porcione de fundo Laurito*; Benericetti 2002a, № 231 (a. 971–983): *fundo Gualdo Maiore*.

³⁷⁴ Benericetti 2006, № 25 (a. 870): *cum vineis, terris... silvis, salecti, sacibilibus, paludibus*; Benericetti 1999, № 32 (a. 919), 43 (a. 933), 66 (a. 949), 70 (a. 952); Benericetti 2002, № 91 (a. 957), 106 (a. 961): *atque a quarte latere padule qui vocatur de [Cr]espana descendente usque in argele qui vocatur Lucerius. Nec non ultra Pado omnia que de ipsa massa pertinent pa[dule v]el silva... cum vineis, terris... padulibus*; 118 (a. 965), 155 (a. 971); Benericetti 2002a, № 216 (a. 980).

³⁷⁵ *Ottonis II et III Diplomata* / Ed. Th. Sickel. Hannover, 1893 (MGH DD O II / DD O III). Nr. 341 (a. 999). P. 771.

облегчались обилием земли и редкостью населения. Анонимная хроника XIV в., рассказывающая об истории феррарской знати, сообщает, что в те времена долину населяли «очень немногие земледельцы» (*perpauci cultores*)³⁷⁶.

Заболоченная почва в этих местах отнюдь не способствовала развитию корневой системы многих культурных растений, в особенности, винограда. Паданская долина, помимо всего прочего, отличается и сравнительно неблагоприятным климатом и низкими температурами, которые, правда, компенсируются близостью к морю. Почвы в этой зоне, судя по всему, давали сравнительно небольшие урожаи, в пользу чего косвенно говорит и высокая норма натуральной ренты. Распаханная новь (*ronco*), напротив, могла не облагаться рентой здесь довольно долго, от трех³⁷⁷ до девяти³⁷⁸ или даже десяти лет³⁷⁹. Кроме того, в пользу бедности почв может свидетельствовать и практика смешанного посева, т.н. *mixtura*³⁸⁰, знакомая многим регионам Юго-Западной Европы, в частности соседнему округу Адрии³⁸¹. Она была нацелена на эксплуатацию почвы на разных уровнях корневых систем³⁸². Кроме того, здесь прибегали к посевам просяных культур (*mileo, panico*), хорошо приспособленных к влаге и известных своим быстрым вегетативным периодом.

Пригодные для обработки земли, нередко сгруппированные в *massae*, возделывались здесь крупными многосемейными коллективами, что, вероятно, говорит о трудности в обработке специфических почв и большой уязвимости перед разливами По. Источники отмечают наличие в этой зоне специфического

³⁷⁶ *Chronica parva Ferrariensis // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratori. – Mediolani : Ex Typographia Societatis Palatinæ in Regia Curia, 1726. Т. VIII. P. 479.*

³⁷⁷ Benericetti 2002, № 155 (a. 971).

³⁷⁸ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984).

³⁷⁹ Benericetti 2003, № 26 (a. 1006): *si vineam pastenaverimus fruire debeamus annis decem, post intorta pervenerit, postea rendere debeamus sicut supra legitur, si roncaverimus fruire debeamus anni septem, postea rendere debeamus sicut de cetera terra.*

³⁸⁰ Benericetti 2006, № 48 (a. 893): *brachiaticam persolvere mesturia modium unum*; Benericetti 2002a, № 216 (a. 980): *ordeo seo et misturia et minuto in area modio sexsto*; 232 (a. 984): *mixtura granata in haream modium quintum.*

³⁸¹ CDP, № 12 (a. 976).

³⁸² За исключением паданской долины, *mixtura* в Романье этой эпохи больше нигде не встречается: исключением можно считать лишь один контракт из округа Сенигаллии: Benericetti 2002a, № 202 (a. 977).

обычая, связанного с рассортировкой на гумне (area) злаков перед их молотью³⁸³, который был также известен и в районе Комаккьо³⁸⁴.

Наряду с зафиксированным в некоторых источниках присутствием здесь пастбищного овцеводства³⁸⁵ и свиноводства³⁸⁶, в заболоченных и лесистых зонах получили распространение охота на мелкую дичь (feramen) и птиц (aucellos), рыболовство и связанные с этими промыслами охотничьи (venaciones), рыболовные (piscaciones, piscarias, а также более мелкие заводи, rupti и ruptuli), лесо-выпасные (missiones) и птицеловные (aucupaciones) угодья³⁸⁷. В одном случае, в либелле 906 г., в состав продуктовой ренты колонов заболоченного и пересеченного ручьями fundus Ruvina входит пятая часть всей пойманной в пределах арендуемых угодий рыб, птиц и прочей дичи³⁸⁸. Кроме того, в этом же договоре особо оговорен размер ренты с потенциально отвоеванной у болота территории³⁸⁹. Крестьяне, обрабатывающие massa Castellione, уплачивают в 957 г., помимо всего прочего, третью часть улова или его денежный эквивалент³⁹⁰.

В этой зоне можно встретить и группы церковных арендаторов, специализирующихся только на рыболовном промысле. В 995 г. несколько супружеских пар арендуют «rupta de Loduria... cum ruptulis suis» в piscaria de Argenta³⁹¹. Взамен они обязуются уплачивать архиепископу 10 солидов

³⁸³ Benericetti 2010, № 333 (a. 955); Benericetti 2002, № 91 (a. 957): hoc est terraticum grano, sica[le] in campo cappas quartas, trahendas per nos ad aream et triturandam.

³⁸⁴ Benericetti 1999, № 10 (a. 908): terraticum triticum ordeo sicale farre iunicula vel omni maiore in campo cappas quinta, trahendas per nos ad aream et triturandas.

³⁸⁵ Benericetti 2002a, № 216 (a. 980): erbatico dare promittimus si abuerimus secundum ister locis.

³⁸⁶ Benericetti 2006, № 48 (a. 893): herbaticum de viginti porcis porcum unum; Benericetti 2003, № 45 (a. 1016): pro erbatico dare debeamus porc[o ...]um.

³⁸⁷ Benericetti 1999, № 66 (a. 949): cum pad[ulibus, piscacio]nibus et occupatjonibus; 70 (a. 952): cum... padulibus, piscatjonibus; Benericetti 2002, № 91 (a. 957): cum... padulibus, piscatjonibus; 106 (a. 961): piscaria, missionibus; 118 (a. 965): cum... piscacionibus, venacionibus, aucupacionibus, fossis, missionibus; CDP, № 11 (a. 972): cum aquis padulibus piscacionibus venacionibus atque occupacionibus suis; 12 (a. 976): cum venacionibus et piscacionibus seu et aucupacionibus suis; 19 (a. 988): una cum arbustis arboribus et padulibus cum piscacionibus et venacionibus atque ocupacionibus; 22 (a. 998): cum... padulibus piscacionibus venacionibus.

³⁸⁸ Benericetti 1999, № 5 (a. 906): piscandum, venandum... pisces vero vel aucellos seu alia coetera feramen que in ibidem capta fuerint redder vobis exinde debeamus quintum.

³⁸⁹ Ibidem: si voluntas nostra fuerit ipsam palude aqua in terra devenerit.

³⁹⁰ Benericetti 2002, № 91 (a. 957).

³⁹¹ Benericetti 2002a, № 263 (a. 995).

(значительная сумма) и, сверх того, символический взнос из 2 неводов (*amisses*) с 10 рыбами в каждом.

Сходный хозяйственный тип господствует и в расположенном к юго-востоку от Феррары приморском регионе Комакьо, где наблюдается аналогичная конфигурация с сопутствующими ей промысловыми занятиями и специализированными хозяйствами³⁹². В 977 г. большая группа либелляриев во главе с виликом арендует здесь *piscaria* с охотничьими угодьями, включающими мелкую дичь и птицу³⁹³. В 1004 г. группа либелляриев арендует целое болото для организации там угодий для ловли уток (*forme anatrarie*)³⁹⁴. Здесь также получила распространение добыча соли, рассредоточенная по соляным прудам (*fundamento*, диал. *fondamenta*), в которой были задействованы церковные учреждения, крупные собственники и мелкие соледобытчики, часто выступающие арендаторами.

Этот хозяйственный тип доходил и до северных пригородов Равенны. В восьми километрах от Равенны находился остров Палаццо, землями которого владел монастырь св. Марии *in Palaciolo*. В 965 г. предприимчивое семейство эмфитевтов, связанное с торговыми кругами Равенны, снимает здесь участок поросшей травой и камышом земли, чтобы расчистить ее под соляной пруд. Кроме того, семья также арендует участки луга и болота, чтобы ловить там уток, и просит в пользование лес, который был нужен ей для строительства пруда³⁹⁵.

§ 2. Сельскохозяйственное производство. Изучение природы сложившихся в обществе производственных отношений уместно начать с той фундаментальной категории общественной системы, его субстанциальной формы,

³⁹² Benericetti 1999, № 46 (a. 940): *uti Torculo [...] in [...] padule et pascuis cum ingress et egress suo; 88 (a. 956): tam culta vel in[culta ... in loco] qui vocatur Insula... una cum casalibus et campis, [pascui]s, silvis, salectis, [sacionalibus ...] vallibus seo padulibus necnon piscatjonibus atque venatjonibus et aucupatjonibus suis;*

³⁹³ Benericetti 2002a, № 195 (a. 977): *piscaria in integro que vocatur Augusta, cum fossis et missionibus seu venacionibus et aucellatjonibus... tenendum, piscandum, cacandum, aucellandum.*

³⁹⁴ Benericetti 2003, № 20 (a. 1004).

³⁹⁵ Benericetti 2010, № 337 (a. 965).

которой является материальное производство³⁹⁶. Традиционно аграрная экономика византийской Италии противопоставляется выпасно-лесной экономике соседних лангобардских регионов, которая, в свою очередь, порывала с римскими хозяйственными порядками, некогда господствовавшими в паданской долине. Действительно, ассортимент культур Романьи и Марке, как и система землепользования, многое унаследовали от римских времен, реалии которых отражены в римских сельскохозяйственных трактатах. Но это была уже совершенно другая система, в которой значительную роль играют промысловые занятия, собирательство и животноводство.

Преобладающим хозяйственным типом Романьи и северной Марке является локальный вариант «средиземноморской триады» с преобладанием злаковых культур (в особенности пшеницы в противовес ржи и просу северной и средней Италии), виноградников и, в меньшей степени, оливковых деревьев. Основными компонентами многоотраслевых крестьянских хозяйств являлись посевы зерновых, виноградники и технические культуры (лен, выращивавшийся здесь с римских времен, и конопля). Зерновые и виноград, несомненно, составляли львиную долю культур, выращивавшихся в большинстве хозяйств Романьи и Пентаполей. Неслучайно началом распространенной (и мало изменившейся с VI в.) формулы, использовавшейся для описания земельных угодий, служат слова «*cum vineis et terris...*».

В каком соотношении находились посевы этих культур, достоверно неизвестно. Любопытный либеллярный договор 888-889 гг. содержит интересные данные об отраслевой типологии арендуемой земли: две супружеские пары колонов арендуют в фавентийском округе 40 торнатур пахотной земли и 23 торнатуры виноградника. При этом одна семья получает землю в пропорции 20:10, другая – 20:13. Таким образом, пашня превышала площадь виноградников практически в 2 раза. В ином случае, в этом же регионе в 943 г. колоны арендуют

³⁹⁶ Филиппов И. С. Земельная рента и проблема феодальной собственности (сравнительно-исторические наблюдения) // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации. М., 1988. С. 53.

торнатуры запашки и виноградника в соотношении 2:6³⁹⁷. В округе Форли эмфитевты в 979 г. арендуют parcelлы монастырской земли, среди которых – 4 торнатуры виноградника и 13 торнатур пахотной земли. Принимая во внимание всю опасность абсолютизации этих локальных данных, замечу, что подобное отношение может адекватно отражать приоритеты как непосредственного производителя, так и собственника земли.

Что касается технических культур, то важнейшую роль в экономике Романьи и Марке играют посевы льна, являющиеся составной частью натуральной ренты всех аграрных контрактов VIII–XI вв. Еще в развитое Средневековье Фаэнца славилась своим текстилем³⁹⁸. В округе Озимо, на юге Пентаполя, были широко распространены посадки конопли (*kanafa*). Они встречаются, наряду со злаковыми культурами, практически повсеместно на всем протяжении изучаемого периода. Еще в начале XIX в. под коноплю в Романье выделялись особые поля.

Зерновые составляли далеко не единственный компонент питания крестьянских семей. Огромную роль в хозяйстве романьольских крестьян играли бобовые культуры (*faba*, *ligumina*), возможно, компенсировавшие за счет содержания растительных белков распространенный на всем протяжении раннего Средневековья белковый дефицит в пищевом рационе крестьян. Поставки бобов являлись практически повсеместными в рамках натуральной ренты.

Термины *faba* и *ligumina* вызывают некоторые сложности. В «Этимологиях» Исидора (вслед за Колумеллой) бобовые (*legumina*) являются родовым понятием (*leguminum plurima genera*), в то время как собственно бобы (*faba*), представляя конкретную и самую распространенную зернобобовую культуру, являются, наряду с другими культурами (*pisum*, «горох», *faselum*, «фасоль», *lupinum*, «волчий боб», и т.д.) понятием видовым³⁹⁹. Судя по всему, похожая ситуация отражена и в романьольских аграрных контрактах: например, в акте 870 г.

³⁹⁷ Muzzioli, № 7 (a. 943): *idest duabus turnaturie vinee in integro cum solo terre et vacuamenta sua... et insuper concedisti nobis... sex turnaturie terre in integro.*

³⁹⁸ *Larner J. The Lords of Romagna. P. 8.*

³⁹⁹ *Isidorus Hisp. Etymologiae, 16.4.*

встречается выражение «*fava vel qualive legumina*»⁴⁰⁰. Кроме того, *faba* непременно входила в состав *labore maiore*, в то время как прочие бобовые (*ligumina*) нередко указаны наряду с *arestitio* и *minuto* в широкой категории второстепенных культур⁴⁰¹. Без сомнения, в Романье были распространены и иные огородные культуры, в частности, овощи, однако, ввиду того, что они не представляли интереса для церковного собственника, они почти не упоминаются на страницах аграрных контрактов.

В хозяйствах колонов во всех регионах бывшего Экзархата культивировались и плодовые деревья, о которых, к сожалению, нам известно меньше всего. Хотя они часто упоминаются в либеллярных контрактах, они повсеместно называются «*arbustis arboris pomiferis*» или «*fructiferis et infructiferis diversisque generibus*». Из этого неясно, о каких именно деревьях идет речь, и очень часто такими выражениями исчерпываются все сведения о фруктовых деревьях в хозяйствах колонов. Известно, впрочем, что в Экзархате выращивались каштаны⁴⁰², вишни и черешни⁴⁰³, ореховые деревья⁴⁰⁴, сливы⁴⁰⁵, а также смоква⁴⁰⁶, культивировавшаяся преимущественно в округах Пезаро и Фано, но встречающаяся и в Романье⁴⁰⁷. Об их хозяйственной важности, в частности, свидетельствует запрет на вырубку этих деревьев, встречающийся в некоторых либеллах⁴⁰⁸. Каштаны служили не только важным источником растительного

⁴⁰⁰ Benericetti 2006, № 25 (а. 870).

⁴⁰¹ Benericetti 2010, № 279 (а. 928): *terratico de tritico, faba, sicale, vel omnem labore maiore et ligumina modio septimo*.

⁴⁰² Benericetti 2006, № 39 (Фаэнца), 49 (а. 893, Фаэнца); Benericetti I, 39 (а. 929, Чезена), 40 (а. 931, Чезена); Benericetti 2002а, № 239 (а. 987, Форлимпополи), 242 (а. 988, Форли); Muzzioli, № 4 (а. 916, Чезена); Fantuzzi 1801, № 114 (а. 1069, Имола).

⁴⁰³ Muzzioli, № 17 (а. 958, Форлимпополи), 18 (а. 958, Форлимпополи); Benericetti 1999, № 39 (а. 929, Чезена); Benericetti 2010, № 306 (а. 975, Фаэнца), 338 (а. 970).

⁴⁰⁴ Muzzioli, № 41 (а. 986–988, Фаэнца), 44 (а. 991, Фаэнца); Benericetti 2006, № 35 (а. 883, Фаэнца): *fundus Nucito*; Benericetti 2010, № 301 (а. 965), 306 (а. 975).

⁴⁰⁵ Benericetti 2003, № 59 (а. 1018): *qui est posito in fundum qui vocatur Prugnario*.

⁴⁰⁶ Benericetti 2006, № 53 (а. 896, Фано); Benericetti 1999, № 9 (а. 908, Пезаро), 18 (а. 911, Пезаро); Benericetti 2002а, № 239 (а. 987, Форлимпополи).

⁴⁰⁷ Benericetti 2010, № 306 (а. 975), № 338 (а. 970): *cum arbor fitjs*.

⁴⁰⁸ Benericetti 2006, № 49 (а. 893); Benericetti 1999, № 33 (а. 920): *arborem fructiferam non habeamus licenciam incidere nec in alia fine transmeare sine iussione [ab acto]ribus vel ministeriales sanctae vestre Ravennatis ecclesie*; Benericetti 1999, № 47 (а. 941)

белка: каштановая мука была ингредиентом в изготовлении хлеба. В огородах выращивались овощи. В частности, на юге Пентаполя высаживали лук-порей (porro)⁴⁰⁹.

Кроме того, в северо-восточной Италии разводили крупный рогатый скот, домашнюю птицу, овец и свиней, которых держали в стадах (greges) количеством не менее двадцати голов. Быки и волы использовались как для пахоты, так и для перевозки грузов и продуктов.

Злаковые культуры. Зерновые (labores), несомненно, составляли основную отрасль сельскохозяйственного производства большинства хозяйств Экзархата и имели приоритет в структуре продуктового чинша. Терраж включал здесь labore maiore, куда входили, в первую очередь, пшеница, ячмень, рожь, бобы, iunicula/junicla (овес?), а также прочие (arestitium, minuto) злаки, которые могли в редких случаях также называться labore minore⁴¹⁰. К зерновым относятся основные хлебные растения: пшеница твердых сортов (triticum) и двузернянка (farra/e), ячмень (ordeo), рожь (sicale), овес, некоторые кормовые культуры (mileo, panico, trisico), а также зернобобовые (legumina, fava). Как нам известно из сочинений античных авторов, все эти растения, включая пшеницу, рожь, ячмень, просо и бобовые, в той или иной степени, шли на изготовление муки, однако пшеничный хлеб, вне всяких сомнений, преобладал в пищевом рационе. Проводя аналогии с аграрными контрактами соседних регионов, можно было бы предположить, что зерновые входили в широкую и многозначную категорию granum⁴¹¹, однако мы можем встретить достаточно случаев⁴¹², когда параллельно упоминаются grano, ordeo, sicale и другие злаки, в частности, iunicula и, что

⁴⁰⁹ BER, № 106 (Сенигаллия), 147 (Озимо).

⁴¹⁰ CDP, № 7 (a. 957).

⁴¹¹ Comet G. Les céréales du bas-Empire au Moyen Age // The making of Feudal agricultures? / Ed. M. Barceló, F. Sigaut. Leiden; Boston, 2004. P. 134.

⁴¹² Benericetti 1999, № 32 (a. 919): de grano modium unum, de sicale m[o]dium unum, et de fava modium unum, de panico vero modium unum, de trisicum autem modium dua; 50 (a. 943): grano, sicale, ordeo, fava, farre, iunicula seu trisico, milio, panico et omni arestio; 72 (a. 952): de labore maiore modia tres, hoc est de grano modium unum et de ordeo modium unum et de iunicula modium unum; Benericetti 2002, № 91 (a. 957): terraticum grano, sica[le] in campo cappas quartas; Benericetti 2002a, № 200 (a. 977): de grano modios duos, et de sicale modium unum; 214 (a. 980): idest de grano et ordeo modium decimum; 262 (a. 994): grano, sicale, ordeo, farre, iunicula modium septimum.

важнее, *farre*. С учетом того, что в других случаях в этом ряду место *grano* занимает *triticum*⁴¹³, скорее всего, *grano* лишь служит синонимом для голозерной пшеницы (*triticum*). С другой стороны, термин *grano* мог использоваться и в расширенном значении как синоним для всех злаковых, что становится ясным из распространенной формулы льготной ренты *pro omnes fruges aridos et humido grano quartarias...*⁴¹⁴. Уже к XIII в., как следует из инвентарной описи хозяйств в Баньякавалло, *grano* означало исключительно пшеницу (*frumento*) и в таком качестве сохранило свое значение и в современном романьольском языке.

Важнейшей сельскохозяйственной культурой, как и в позднеимперский период, являлась пшеница. В источниках чаще всего встречаются упоминания о *triticum* и, реже, *farra* (*farre*), вероятно, лущеной пшенице или двузернянке⁴¹⁵. Эти культуры входили в состав т.н. «*labore maiore*»⁴¹⁶. Без сомнений, *farra* соответствовала *far* из «*De re rustica*» Колумеллы, в свою очередь, являющейся, согласно мнению римского агронома, разновидностью *ador* (двузернянки)⁴¹⁷. Это значение закрепилось за словом и в современных итальянском (*farro*) и романьольском (*gran far*) языках. Согласно тому же Колумелле, *ador* был более неприхотлив к влаге, в то время как *triticum* предпочитал засушливую почву. Тем не менее, двузернянка сохранялась в ассортименте полевых растений, пусть и значительно уступала пшенице и ржи.

Не менее важным злаком являлась рожь (*sicale*), находящаяся на втором месте по числу упоминаний после пшеницы (*triticum*). Ее растущая популярность

⁴¹³ Benericetti 1999, № 70 (a. 952): *terraticum triticum, sicale, ordeo, farre, iunicula vel omni maiore*.

⁴¹⁴ Benericetti 2006, № 57 (a. 899).

⁴¹⁵ The Cambridge Economic History. Vol. 1 : The Agrarian Life of the Middle Ages / Ed. M. M. Postan and H. J. Habakkuk. Cambridge, 1966. 2d edition. P. 127.

⁴¹⁶ Интересна классификация пшеницы, предложенная Колумеллой, согласно которой «*prima et utilissima sunt hominibus frumenta triticum et semen adoreum*» (Colum. 2.6), причем под последним, как мы уже сказали, следует понимать четыре разновидности *ador*, каждая из которых имеет название *far*. В несколько искаженном смысле эти сведения отражены и у Исидора. Несомненно, что сохранение подобной терминологии отражало хозяйственные реалии, демонстрирующие высокую устойчивость культурного ассортимента.

⁴¹⁷ Colum. 2. 6. Надо сказать, в Средние века это слово не выходило за пределы актового материала и сохранилось лишь в нескольких романских языках (португальском, каталонском и итальянском), в которых оно означает разные культуры (*Comet G. Les céréales du bas-Empire...* P. 135).

была обусловлена неприхотливостью и высокой урожайностью этой культуры. Распространение ржи говорит и о важных культурных переменах: в римское время этот злак не пользовался особенным успехом.

Пшеница сохранила огромное значение в пищевом производстве Романьи. Пшеницей, отобранной вручную, уплачивался, в частности, символический взнос *exenium*. Св. Ромуальд, по сообщению Петра Дамиани, три года питался лишь пшеницей (*triticum*), возделывая землю мотыгой и «...живя за счет собственного труда»⁴¹⁸. Отсюда, кстати, следует важный вывод, что пшеничный хлеб входил в основной рацион всех общественных классов, включая земледельцев. Пшеница повсеместно преобладала даже в скромных запасах беднейших хозяйств двух крестьянских общин (*scholae*) XIII в. в Баньякавалло, пораженных кризисом аграрного перенаселения⁴¹⁹.

Важное место в зерновом производстве занимал и ячмень (*ordeo*). В паданской долине выращивались также овес (*panico*) и просяные культуры (*mileum*), входившие в состав специфического платежа *triscicum*: этот сбор эпизодически можно встретить и в других регионах, например, в округах Сенигаллии, Равенны и Форли: в последнем случае он не подлежит обложению терражом⁴²⁰. О распространении просяных культур в районе Фаэнцы можно судить и по топониму *Panicale*, расположенному в приходе св. Стефана⁴²¹, не позднее 1003 г. ставшего центром отдельного прихода⁴²².

Специфика многоотраслевых зерновых хозяйств. Если не принимать во внимание случаи, когда в аграрных контрактах, наряду с *minuto*, указан лишь общий термин *labore maiore*, получивший распространение с середины X в.,

⁴¹⁸ Vita Sancti Romualdi VI, 434. P. 961–962: Tribus vero annis ipse et Johannes Grandenicus, sarculis terram frangentes, et triticum seminantes, ex manuum suarum labore vixerunt.

⁴¹⁹ Fantuzzi 1804, № 26.

⁴²⁰ Benericetti 1999, № 50 (a. 943, Равенна); Benericetti 2002a, № 242 (a. 988, Форли): *escepto trissico et milleo et panico sit nobis ipsum terraticum concessum.*

⁴²¹ Benericetti 1999, № 31 (a. 919).

⁴²² Benericetti 2003, № 14 (a. 1003): *et plebe Sancti Andree in Panigale.*

либеллы, где под *grano* подразумевается весь набор злаковых культур⁴²³, и, наконец, договоры, где характер культур не оговорен вовсе⁴²⁴, то можно попытаться выстроить картину многоотраслевого зернового хозяйства VIII – X вв. В сумме мы имеем, таким образом, 27 контрактов за 700–1000 гг. из Экзархата, 23 – из Пентаполя (преимущественно округа Римини) и 13 – из долины реки По (района Феррары-Вогенцы-Ардженто и Комаккьо, включая один контракт из Адрии).

Таблица 3. Структура многоотраслевых зерновых хозяйств Экзархата (783-1000 гг.)

Кол-во хозяйств	Triticum / grano /	sicale	farra	ordeo	arestitio	minuto	iunicula	legumen / faba
27	26	25	7	8	16	23	8	23

Структура многоотраслевых зерновых хозяйств Пентаполя (VII-X вв.)

Кол-во хозяйств	Triticum / grano /	sicale	farra	ordeo	arestitio	minuto	iunicula	legumen / faba
23	21	18	17	21	18	18	18	19

Структура многоотраслевых зерновых хозяйств паданской долины (870-1000 гг.)

Кол-во хоз-в	Triticum / grano /	sicale	farra	ordeo	arestiti	minuto	iunicula	trisiko	legumen / faba
13	13	12	5	8	7	6	6	7	10

Таким образом, важнейшими структурными компонентами зернового хозяйства Экзархата являлись голозерная пшеница, рожь, зернобобовые и *minuto*. При этом хозяйства Пентаполя (главным образом, округа Римини) выглядят в наибольшей мере сбалансированными, в то время как в Экзархате, где отдавалось предпочтение голозерной пшенице, реже культивировались ячмень и двузернянка. В исторической перспективе пшеница сохраняла здесь ведущие

⁴²³ Benericetti 2006, № 57 (a. 899): pro omnes fruges aridos et humido grano quartarias duos; Benericetti 2002, № 130 (a. 967): pro omnia et ex omnibus de grano modio unum, et de vino amphoram unam.

⁴²⁴ Benericetti 2002, № 177 (a. 973): de quicquit Dominus ibi condonare iusserit rendere beamus modio detjmo; Muzzioli, № 15 (a. 957): et de ipsa terra vacua de quiquid inibi sementaverimus redere vobis debeamus modio quinto; 41 (a. 986–988): terratico de qualive labore que inibi sementatum fueri redere debeamus modio quarto.

позиции: в 60 хозяйствах двух деревенских общин (*scholae*) Баньякавалло (Романья) в годы предположительного аграрного кризиса XIII в. пшеница хранилась в амбарах 41 хозяйств, в то время как рожь – лишь 2-х.

Виноград. Виноград, являясь одной из важнейших сельскохозяйственных культур и важным источником доходов обитателей Равенны, встречается в перечне угодий и культур того или иного земельного комплекса почти во всех документах. Как я уже упоминал, помимо сельской местности, виноградники разводились и в пределах городских стен. Страбон (как и впоследствии путешественники Нового времени) отмечал, что равеннские виноградники, несмотря на заболоченность почв, давали большие урожаи, но, в силу особенностей климата, а возможно и сорта, не жили дольше четырех лет.

Вино было важной составляющей повседневного рациона, особенно в условиях острого дефицита чистой питьевой воды, отмеченного еще Марциалом⁴²⁵. Как известно, широко использовалось оно и в литургических целях. О важности этого продукта для церковной экономики говорит и то, что большинство контрактов содержат конкретные императивные указания на способы изготовления вина. В большинстве либеллярных договоров, начиная с самых ранних (конца VIII в.)⁴²⁶, встречаются туманные формулы «*arbore pecto ponente semel...*»⁴²⁷ или «*arbore pecto ponente duabus vicibus picolo inciso postea sit nobis colonis cesso*»⁴²⁸, описывающие, скорее всего, процесс давления образовавшегося виноградного сусла (*peciolum*) деревянным прессом (*pecto*), после того, как оно прошло однократную обработку первоначальной

⁴²⁵ *Marci Valerii Martialis Epigrammata*. 56 // *Collectio latinorum scriptorium*. Т. 1. Taurini, 1833. P. 340: *Sit cisterna mihi quam vinea malo Ravenne: quum possim vino vendere pluris aquam.*

⁴²⁶ Benericetti 2006, № 8 (a. 783): *arbor pectus – ponente semel inciso.*

⁴²⁷ Benericetti 2006, № 45 (a. 892); Benericetti 1999, № 1 (a. 900), 31 (a. 919), 39 (a. 929), 59 (a. 948); Benericetti 2002a, № 212 (a. 979), 234 (a. 985), 242 (a. 988), 245 (a. 989), 249 (a. 991), 262 (a. 994), 271 (a. 997).

⁴²⁸ Benericetti 2006, № 27 (a. 872), 56 (a. 899); Benericetti 2002, № 91 (a. 957), 127 (a. 967), 147 (a. 970), 155 (a. 971); Benericetti 2002a, № 210 (a. 979), 233 (a. 984), 239 (a. 987), 251 (a. 991).

выжимкой⁴²⁹. Как правило, сусло, таким образом, пропускается через пресс 1-2 раза; гораздо реже встречается тройная выжимка⁴³⁰.

Практически все *fundī* имели виноградники, и практически все либеллярные грамоты упоминают поставки вина (в амфорах) в рамках натуральной ренты. Редко, но все же можно встретить случаи, что рента (*iusticia*) с арендуемых земель или какого-либо отдельного надела выплачивалась исключительно вином, что свидетельствует о наличии специализированного хозяйства. Так, в 1057 г. крупное семейство арендует значительный по своим размерам огороженный виноградник (*clausura vinearum*) размером более чем 5 торнатур (югеров)⁴³¹.

Кое-что мы знаем и об организации хозяйства в виноградниках. Нередко виноградники высаживались на огороженных участках земли (*clausurae vinearum*), где была прорыта сеть каналов для необходимого орошения и утилизации стоячих вод⁴³². В одном документе 2-й половины IX в. мы узнаем о наличии в составе отчуждаемых владений *canali ad uso vindimie*⁴³³. С этой же целью в виноградниках могли сооружаться колодцы или цистерны⁴³⁴. Возможно, в качестве естественных опор для виноградных лоз могли использоваться ивовые деревья.

В Романье так же, как и во всем средиземноморском регионе практиковался обычай высадки разных плодовых деревьев в виноградниках⁴³⁵. По дарственной 959 г. субдиакона базилики св. Аполлинария получает «огороженный участок (*clausura*) виноградника с плодовыми деревьями»⁴³⁶. Сенигалльский собственник, подаривший церкви 21 модий земли, посчитал нужным оговорить, что там

⁴²⁹ *Pasquali G.* La vitivinicoltura in Romagna nell'alto medioevo // *Studi Romagnoli*. 1974. Vol. 25. P. 229.

⁴³⁰ Benericetti 2006, № 48 (a. 893); Benericetti 1999, № 43 (a. 933); Benericetti 2002a, № 232 (a. 984).

⁴³¹ Federici, № 24 (a. 1057).

⁴³² Fantuzzi 1801, № 82 (a. 1014): *clausura vineam in integrum cum solo terre et vacuamenta sua et fossata sua [...] cum mansione et canals infra se habente, et cum ingressu [...] qui est posita in fundum qui vocatur Galiano de Subto.*

⁴³³ Benericetti 2006, № 23 (a. 868).

⁴³⁴ Muzzioli, № 28 (a. 975).

⁴³⁵ *Каждан А. П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. С. 46; *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 292, 296; Fantuzzi 1802b, № 77 (a. 1192): *peciam vinearum cum arbustis arboribus.*

⁴³⁶ Benericetti 2010, № 336 (a. 959) = Fantuzzi 1801, № 35 (a. 959): *clausura vinearum vitibus exornata cum pomareatas suas.*

располагается «виноградник, высаженный на этой земле, с камышовыми зарослями и всеми плодами (pomae)»⁴³⁷. В виноградниках могли высаживать и смокву⁴³⁸.

Виноградные кусты высаживались рядами в определенном порядке. Сильно разрушенный эмфитевтический контракт, датируемый Р. Бенеричетти серединой IX в., Г. Марини – X в., а дипломатистами из «Школы хартий» в 1857 г. – VI в., и дарственная из Помпозы от 988 г. фиксируют в качестве объекта сделки «*pecia abente talpus vinearum*»⁴³⁹. Термин *talpus* имеет весьма туманное значение. Марини счел нужным процитировать мнение другого дипломатиста, согласно которому *talpus* (правильно *tarpus*) есть не что иное, как «*ordine di viti*», иными словами, группа виноградных деревьев, высаженных в определенном порядке. Таким образом, в документе речь идет о парцеллах с высаженными на них 450, 260 и 300 рядами кустов соответственно. Ретроспективно используя данные агрономии, можно предположить, что расстояние между рядами кустов составляло около 1,5-2 м. Очевидно, что виноградники были самых разных размеров и, по всей видимости, занимали разный, но, вне всяких сомнений, значительный удельный вес в хозяйстве производителей.

Оливковые деревья в аграрных контрактах VIII–XI вв. упоминаются значительно реже прочих пищевых культур, однако, без сомнения, сохранялась ценность оливкового масла как продукта питания (*holeo at bibendum*), так и атрибута культовой практики. Сравнительная редкость упоминания маслинников в источниках не может объясняться какими-то особенными трудностями в уходе за этими деревьями. Из выкладок Катона, определившего оптимальное число работников для оливкового сада размером 240 югеров в 13 чел. (в противовес винограднику, требовавшему не менее 16 чел. на 100 югеров) следует, что

⁴³⁷ BER 93: *vinea qui infra ipsa terra pastenata est cum canetas et qualibet pomae.*

⁴³⁸ Benericetti 1999, № 76 (a. 954): *uti unum spatium terre modicum ubi vite c[um] p(er)gula et ficum esse [vi]d[e]tur.*

⁴³⁹ Benericetti 2006, № 15 (s. IX): *prima pecia abente talpus vinearum plus minus in desertis reiacentes una cum vacuamento et orto... tercia pecia abentem talpus vinearum plus minus duocenta sexaginta, una cum vacuamento [suo]; CDP, № 17 (a. 988): una pecia terre cum tulpas vinearum supra se abentem.*

оливководство, требовавшее при прочих равных условиях в 2 раза меньше работников, было далеко не самой трудоемкой отраслью⁴⁴⁰.

Из этнографических наблюдений XVIII – начала XIX вв. нам известно, что романьольские крестьяне ухаживали за деревьями круглый год, включая зимнее время, когда с деревьев удалялась плесень и срезались мертвые ветви⁴⁴¹, однако это условие было далеко не обязательным и, во всяком случае, необременительным⁴⁴². Вероятно, мог иметь место общий упадок культуры в регионе, особенно, если учесть широкое распространение масличных культур в римскую эпоху, когда оливковые деревья входили в состав «идеальной» катоновской виллы⁴⁴³.

Определенную сложность представляет тот факт, что источники содержат упоминания о фруктовых (плодовых) деревьях (*arbores pomiferis*) без какого-либо намека на раскрытие содержания этого термина. Известный в сельскохозяйственной практике Средиземноморья обычай выращивать оливковые деревья в виноградниках или иных рощах может, в какой-то степени, адекватно объяснить молчание документов. Косвенно в пользу этого свидетельствуют данные из эмфитевзиса 892 г., согласно которому объектом сделки, помимо всего прочего, являлся и городской земельный участок с высаженным на нем оливковым садом вкупе с другими «плодоносящими деревьями»⁴⁴⁴. Тем не менее, в других актах эти типы посадок, как и их плоды, могут различаться⁴⁴⁵. Наконец, оливковые рощи, как следует из либеллы 891 г., могли, вероятно, из-за своих

⁴⁴⁰ Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С. 90.

⁴⁴¹ Placucci M. Usi e pregiudizij de' contadini della Romagna. Palermo, 1885. P. 84.

⁴⁴² Battarra G. A. Pratica agraria distribuita in varj dialoghi. T. 1. Cesena, 1782. P. 173.

⁴⁴³ О. Р. Бородин обратил внимание, что в актах VII в. присутствуют все хозяйственные типы, присущие идеальной вилле (запашка, виноградник, заросли ивняка, луга и лес), за исключением посадок масличных деревьев. (Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 193). В литературе даются разные объяснения этому явлению, однако масштабы упадка, как кажется, преувеличены. См.: Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 284–294, особенно 292–294.

⁴⁴⁴ Benericetti 2006, № 46 (a. 892): [...or]to in integro... cum holivetis infra se haben[te, cu]m pomiferis sui.

⁴⁴⁵ Muzzioli, № 14 (a. 953);

скромных размеров, и вовсе не облагаться поборами, а значит, и не представлять интереса для составителей актов⁴⁴⁶.

Тем не менее, при достаточном внимании можно со всей долей условности выделить главные зоны культивирования оливковых деревьев в Романье и северной Марке. В подавляющем большинстве случаев речь идет об узкой приморской полосе, тянущейся вдоль Адриатического побережья с севера на юг от Римини через Пезаро, Фано и Сенигаллию к Озимо. За исключением Озимо, расположенного на некотором удалении от побережья, эта зона совпадает с границами Пентаполя Морского. Это хорошо согласуется с наличием здесь наиболее благоприятных природно-географических условий для масличных культур, предпочитающих холмистую местность. Отсутствие сколько-нибудь значимых посадок оливковых деревьев на севере Экзархата в районе Феррары и Комаккьо, среди заболоченных и влажных почв, также обусловлено плохой переносимостью оливой высокой влажности; исторически культивирование оливок в Паданской долине было довольно ограниченным явлением. Здесь маслинники встречаются лишь в монастырском хозяйстве Помпозы⁴⁴⁷. За пределами очерченной зоны культивация оливок также угадывается в топониме Olivetullo в округе Фаэнцы⁴⁴⁸; в одном случае оливки входят в состав ренты в пределах Форли⁴⁴⁹.

Возвращаясь к Пентаполю, следует начать с риминийского округа. Здесь одним из главных центров выращивания оливок был приход св. Сабина⁴⁵⁰, расположенный в холмистой и сильно пересеченной долине реки Конка, и в частности, в находящейся на его территории церковной *massa Maratjana* (ныне – в границах коммуны Джеммано). Известно, что масло там производилось на месте,

⁴⁴⁶ Benericetti 2006, № 40 (a. 891): *de vinea palo quinto, de pomas quarta possione studitas, esceptis olivis quas ad vestries man[ibus] [...]na[...]*.

⁴⁴⁷ CDP, № 14 (a. 981); 23 (a. 999): *omnes Salinas et oliveta, quae vel omnia iam dicto monasterio... pertinent.*

⁴⁴⁸ Benericetti 2002, № 124 (a. 966).

⁴⁴⁹ Benericetti 2002a, № 217 (a. 980).

⁴⁵⁰ Benericetti 1999, № 6 (a. 905–906), 7 (a.907), 8 (a. 907), 28–30 (a. 918), 49 (a. 943); Benericetti 2002, № 171 (a. 972).

в крестьянских хозяйствах⁴⁵¹. Там же, в прибрежной части, в местечке Arcioni в пределах четырех имений в середине IX в. располагалась маслодавильня (facturio)⁴⁵². В пределах риминийских Апеннин оливки выращивались и в других приходах. В частности, в приходе св. Архангела *in Acerbolis* находились целые оливковые рощи⁴⁵³.

Как бы то ни было, и по сей день 56% площади сельскохозяйственных угодий Эмилии-Романьи, выделенных под оливковые деревья, приходится на провинцию Римини. Любопытна связь культивации оливок с некогда расселившимся на территории Пентаполя славянским или болгарским населением. Отдельный оливковый сад или роща (oliveto), расположенный в местечке с любопытным названием *Bulgaria Nova*⁴⁵⁴, стал объектом продажи в одной из грамот середины IX в.⁴⁵⁵ Приблизительно через 100 лет находящаяся на побережье сенигалльская *massa*, включающая *Ioco* под названием *Oliva de Bulgari*, арендуется аристократом Севером: на ее территории культивировались оливковые деревья и производилось масло⁴⁵⁶. Южнее оливки выращивались в округе Пезаро⁴⁵⁷, зачастую в непосредственной близости от города⁴⁵⁸, причем в натуральной ренте поставки оливок (1/2 урожая) заменяют обычное для аграрных контрактов вино. Крупным (если не крупнейшим) центром был округ Фано⁴⁵⁹, где в середине X в. целая *massa Famulata* специализировалась на производстве одного

⁴⁵¹ Benericetti 1999, № 8 (a. 907): *olivas autem medietatem et oleo per nos inde facto.*

⁴⁵² BER 76: *fundos Straciano, Cellulas, Quadraginta, Fortunati in integris quoherentes cum facturio uno.*

⁴⁵³ Benericetti 2002a, № 267 (a. 997); Fantuzzi 1801, № 16 (a. 919) = Benericetti 2010, № 328 (a. 919): *omnia cum terris et vineis, ollivs.*

⁴⁵⁴ В пределах Римини локализуется также топонимы *terra Bulgarorum* (BER 73) и *fine Bulgarisca* (BER 43). К сожалению, их точное местонахождение неизвестно. Об их возможной локализации см. *Baldetti E. La Pentapoli bizantina...* P. 64–107. Не позднее 1144 г. там был основан приходской центр (Fantuzzi 1804, № 22).

⁴⁵⁵ Benericetti 2006, № 14 (s. IX): *atque oliveto posito in Bulgaria Nova.*

⁴⁵⁶ Benericetti 2002, № 93 (a. 956–957): *et in loco qui vocatur Oliva de Bulgari... et sextaria de olea dua ad ipsa mensura que in predicto territorio Sinogaliense decurrit.*

⁴⁵⁷ Benericetti 2010, № 353 (a. 912/987).

⁴⁵⁸ Benericetti 1999, № 9 (a. 908), 18 (a. 911), 22 (a. 912).

⁴⁵⁹ Оливковые рощи несколько раз упоминаются в грамотах, относящихся к округу Фано: Benericetti 2006, № 53; Benericetti 2002, № 113 (a. 963), 162 (a. 972): *у побережья (ad litus maris), 176 (a. 973), 226 (a. 982), 229 (a. 983), Muzzioli, № 14 (a. 953).*

лишь оливкового масла; в округе также располагались церковные оливковые рощи⁴⁶⁰. Здесь мы встречаем редкие случаи уплаты эмфитевтической ренты оливковым маслом⁴⁶¹. Южнее, в районе Сенигаллии, оливки занимали важную долю в *fundus Cissiani*, а либеллярии, арендующие *fundus Serbiniano*, уплачивают ренту исключительно маслом⁴⁶². Наконец, в округе Озимо, замыкающем плотную структуру южных владений Равеннской церкви, существовали хозяйства, производящие значительные объемы продукции, и *fundi*, включающие оливковые деревья⁴⁶³.

Суммируем изложенные сведения. Сельское хозяйство в изучаемый период характеризовалось, с одной стороны, унаследованными от римского времени производственными практиками, отразившимися в предпочтении определенных видов культур (т.н. «средиземноморская триада»), с другой стороны, новой природно-хозяйственной ситуацией, в которой колоссально возросла роль *incultum* – лесо-выпасных и заболоченных зон, органично интегрированных в сельскохозяйственное производство. Следствием этого стало повышение роли животноводства (в первую очередь свиноводства) и промысловых занятий, охоты и собирательства. Необычайно высокая роль неземледельческих занятий заставляет критически оценить тезис о континуитете с античными порядками. Перед нами – существенно иная производственная система, мало похожая на римские сельскохозяйственные распорядки. Посмотрим теперь, как эта система сочеталась с унаследованными от римской эпохи формами землепользования.

§ 3. Аграрный пейзаж Романьи в VIII–X вв. Одной из самых характерных черт аграрного пейзажа равнинной части региона было сохранение римской

⁴⁶⁰ Benericetti 2002a, № 226 (a. 982): *casalem in integro quem tenet Martinus magister cum oliveto domnico*.

⁴⁶¹ Muzzioli, № 14 (a. 953): *et de ipsa holivetas quas nunc nobis largistis et [bi]bendum holeo libras sex et dimidiam aut precium que valuerit ipsum holeo*.

⁴⁶² BER 92: *de quattuor unciis principales in integro fundi Cissiani cum olivetis*; BER 110: *sub pensione de oleo sestaria treginta quinque secundum ister loci*. Среди прочих документов Сенигаллии, упоминающих оливки: Benericetti 2002, № 143 (a. 968), 169 (a. 972); Benericetti 2002a, № 214 (a. 980).

⁴⁶³ BER 143: *de oleo libras centum quinquaginta*; также Benericetti 2006, № 40 (a. 891); Benericetti 2002, № 135 (a. 967).

кадастровой системы, в частности, центуриации⁴⁶⁴, результатом которой, как известно, был квадратный участок (центурия) со стороной 20 актусов (710 × 710 м). Такое деление было наиболее типичным для зоны между Болоньей и Римини, где важным структурным элементом являлась Эмилиева дорога, образовавшая, по всей видимости, «*decumanus maximus*»⁴⁶⁵. Еще во 2-й половине XIII в. диалектное слово *desmanus* (от лат. *decumanus*) использовалось для обозначения границы между полями⁴⁶⁶. Геометрическая правильность полей, ныне сведенная на нет агроиндустрией, производила сильное впечатление и на путешественников. По точному выражению одного внимательного наблюдателя, «наша равнина казалась необъятной математически правильной шахматной доской»⁴⁶⁷.

Эта система, отразившаяся в некоторых документах эпохи, оказалась довольно устойчивой, хотя и отличалась определенной спецификой. Одной из самых известных и наиболее однородных зон является прибрежная область к северу от Чезены, ограниченная с запада рекой Савио, однако следы центуриации наблюдаются и в пределах Форлимпополи, где можно отметить значительные отклонения, а также в зоне Луго–Масса–Ломбарда–Баньякавалло. Интересно, что при реколонизации отвоеванных у болот земель, расположенных в области Луго (в долине между Фаэнцей и Равенной), в IX-X вв. имело место возрождение системы центуриации, вероятно, не в последнюю очередь благодаря усилиям Равеннской церкви⁴⁶⁸. Ее сетка, правда, несколько отличалась от оригинальной римской в связи с некоторыми гидрологическими изменениями и, в частности, из-

⁴⁶⁴ В Романье, как и в ряде других провинций Италии, наблюдаются отклонения от «теоретического принципа» межевания. Кардо максимум в Чезене и Болонье, равным образом, как и в Падуе, обнаруживает лишь незначительное отклонение приблизительно на 5 градусов, что полностью соответствует классической ориентации на север. Система межевания в других зонах Романьи в большей мере отклоняется от этого правила. В частности, Эмилиева дорога определяет лимитацию зоны вблизи Форли с отклонением на северо-восток, которое наблюдается и к юго-востоку, в пределах Форлимпополи, где отклонение к востоку прослеживается даже сильнее (*Campana A. Decimo, Decimano, Dismano. P. 4*).

⁴⁶⁵ *Chouquer G. Les centuriations de Romagne orientale. Étude morphologique // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité. 1981. Vol. 93. № 2. P. 823–824.*

⁴⁶⁶ *Ibidem. P. 417.*

⁴⁶⁷ *Ercolani L. Vocabolario romagnolo-italiano. Ravenna, 1960. P. 157.*

⁴⁶⁸ *Dall'Aglio P. L. Centuriazione e geografica fisica // Agri centuriati. An international journal of landscape archeology. 2009. № 6. P. 287–289.*

за заболачивания почвы, которое сделало невозможным точное восстановление прежних границ.

Следы центуриации можно обнаружить и в письменных источниках. Например, очень вероятно, что в квадратных участках длиной в 250×250 пертик ($\approx 739 \times 739$ м), расположенных, соответственно, в двух *fundi*, находящихся в сенигалльском округе, отражены следы центуриации. Если это так, то перед нами, таким образом, две центурии, размер которых лишь незначительно отклоняется от площади «классической» центурии в 200 югеров. В источниках можно обнаружить и следы другого способа межевания – «стригации-скамнции», образовывавшей прямоугольные наделы земли⁴⁶⁹. Эта система была более чуткой к особенностям рельефа⁴⁷⁰. Такова, возможно, природа топонима *Scamno de Candatjo*, хотя эта этимология все же спорна.

От системы межевания и лимитации осталось множество топонимов: *Surpitula* (от *surpus*, «межевой знак»), *Arcella* (термин, также обозначающий «межевой камень» и знакомый аграрному межеванию Пицена; он встречается в сочинениях агрименсоров⁴⁷¹), *Casa Radia* (от *radius*), «числовые» названия *Decimella*, *Quinto*⁴⁷², *Limitjunclo* (от лат. *limes*)⁴⁷³ и т.д. Аграрному пейзажу известны и милевые камни (*miliario*), располагавшиеся вдоль дорог⁴⁷⁴. Очень интересна ремарка «Баварского кодекса», отмечающая, что границы *fundus Ronpiano* доходят до *Petram Fictam qui vocatur Quarto Fagio* («Четвертый Бук»). Топонимы, образованные от *petra ficta*, известны и другим областям⁴⁷⁵.

⁴⁶⁹ Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. *Strigatio–scamnatio* – этап развития римского земельного права // Современный юрист. 2015. № 4 (13). С. 98–108.

⁴⁷⁰ Филиппов И.С. Наследие римских землемеров в Средние века // *Ius Antiquum = Древнее право*. 2007. № 1 (19). С. 237.

⁴⁷¹ *Die Schriften der römischen Feldmesser (Gromatici Veteres)* / Hrsg. von F. Blume, K. Lachmann, A. Rudorff. Vol. 1. Berlin, 1848. P. 227 (3): *Ager Asculanus locis uariis limitibus intercisus est adsignatus, et terminis Claudianis, qui in modum arcellae facti sunt; Benericetti 2002, № 101 (a. 960): atque a [quarto latere ...] qui vocatur Arcella; BER 81: fundus Arcilione.*

⁴⁷² Benericetti 2002, № 164 (a. 972).

⁴⁷³ Benericetti 2003, № 4 (a. 1001); Benericetti 2011, № 574 (a. 1020): *et ab alio latere Milliaro Albo.*

⁴⁷⁴ BER, № 176: *et fundo Ortus Patagrasi sive quibus aliis vocabulis nuncupantur, constitutes [via] Fl[am]inea miliario ab urbe Roma sep[ту]ageno seu oct[ог]e[но]; Benericetti 1999, № 80 (a. 955): fundus qui vocatur Miliare.*

⁴⁷⁵ BER, № 175: *a tercio latere Petra Fixa.*

Ярким свидетельством континуитета служит бытование римских мер длины, в частности, пертикации, в основе которой лежала пертика, состоявшая из 10 римских футов (*pedes*) – отсюда, в частности, словосочетание *pertica decimpeda*, частое в равеннских памятниках. Но здесь же мы наблюдаем и изменения. Результатом развития классического югера – одной из главных единиц измерения площади – с конца IX в. становится торнатура (диал. *tornadùra*, от «*tornare*», «возвращаться», глагола, описывающего разворот в обратную сторону упряжных волов, дошедших до края вспахиваемого поля). Как и югер, она означала площадь, которую может вспахать за день упряжка из двух волов. Она также могла измеряться в пертиках. В частности, в районе Червии в XI-XIII вв. 10 пертик *pro omni parte* (вероятно, речь идет о квадрате со стороной 10 пертик) составляли одну торнатуру⁴⁷⁶. Еще в XII в. торнатуры полей близ Равенны мерялись «древней пертикой»⁴⁷⁷. Тем не менее, подчас проступали серьезные локальные отличия⁴⁷⁸, обусловленные как неточностями подсчетов (пертикация проводилась буквально «шагами», «*a rodismum*», и нередко выражала лишь приблизительные значения, «*plus minus*»), так и качеством полей каждой конкретной местности. На момент введения единой метрической системы в Итальянском королевстве торнатура в среднем составляла 2685 м² – величина, недалеко ушедшая от классического римского югера (2525 м²).

Дальнейшей эволюцией римского скрупула в XII-XIII вв. стала *tavula*⁴⁷⁹. Естественно, при этом появлялись локальные меры длины, такие, как *cantherius*, мера измерения полей, получившая распространение в X-XI вв. в округах Римини

⁴⁷⁶ Federici, № 30 (a. 1068): *centum turnaturias terre a perticas decimpedas mensurate per unamquamque turnaturias, habentem ec omni parte perticas decem*; Fantuzzi 1802b, № 91 (a. 1204): *et insuper concede tibi centum tornaturas terre integras ad perticas decimpedas mensuratas per unamquamque tornaturam habentes decem perticas pro omni parte*.

⁴⁷⁷ Federici, № 43 (a. 1112): *quod est undecim turnaturie a[d perticam antiquam], in fundo Puzo Ornato*; 120 (a. 1181): *in fundo qui dicitur Dolo, que est duodecim turnaturie, ad perticam antiquam*.

⁴⁷⁸ Приведу данные из «Итальянской энциклопедии» 1937 г.: Болонья: 2080,44 м²; Имола: 1933,02 м²; Форли: 2384,4505 м²; Чезена: 2899,5272 м²; Римини: 2947,9293 м²; Равенна: 3417,66 м²; Фаэнца: 2301,80 м²; Луго: 1681,43 м². См. также: *Guidi G. Ragguaglio delle monete, dei pesi e delle misure attualmente in uso negli stati italiani e nelle principali piazze commercianti d'Europa*. Firenze, 1839. Tav. 54. P. 182–185.

⁴⁷⁹ Fantuzzi 1802b, № 92 (a. 1206): *que pecia est tres tornaturie, et mediam, et unam tavlam, et dimidiam*.

и Чезены, отраженная даже в его топонимии (Canterio)⁴⁸⁰. Позже, в XIII в., она появилась и в области Дечимано⁴⁸¹.

Трансформация аграрного пейзажа, характеризующаяся, как известно, большой длительностью и медленным вызреванием качественно новых форм взаимодействия человека со средой, слабо зависела от конкретных политических событий. Принято поэтому считать, что сельская экономика обладала известной автономией по отношению к политическим процессам. Однако недифференцированность экономических и властно-собственнических отношений в докапиталистических обществах в научной литературе стала практически трюизмом. В Романье римские по своему происхождению аграрные структуры стали полем для разворачивания существенно иных по сравнению с римской эпохой моделей хозяйствования.

Для того, чтобы оценить потенциал аграрного пейзажа Романьи и Пентаполя, нужно раскрыть содержание ключевых понятий, используемых в источниках для описания топографии региона в раннее Средневековье. Это – *fundus*, *casale*, *massa* и *locus*. Эта топографическая сеть, известная нам по папирусам VI–VII вв., просуществовала как минимум до XI–XII вв.⁴⁸² Помимо северо-восточной Италии, такая номенклатура бытовала на землях патримония св. Петра в Лации⁴⁸³, а также в Сицилии.

В основе кадастровой системы лежала утратившая свое первоначальное хозяйственное значение единица мелкой собственности республиканской эпохи – *fundus* («поле»). Она примерно соответствовала классической римской вилле. Термин *fundus* к VII–VIII вв. практически полностью вытеснил старые наименования, такие, как *praedium* и *villa*, хотя последнее в значении загородного

⁴⁸⁰ Fantuzzi 1801, № 117 (a. 1082).

⁴⁸¹ Federici, № 370 (a. 1293): *per libellum medietatis confirmas nobis duos canterios terre*.

⁴⁸² О бытовании этой системы в том или ином виде свидетельствует императорский диплом 1177 г., устанавливающий «покровительство» над монастырем св. Лаврентия в Цезарее. Он упоминает многочисленные *fundi*, *massae* и *casalia*, возможно, воспроизводя содержание более ранних грамот (Friderici I Diplomata. Т. 10. Pars 3 / Ed. H. Appelt. Hannover, 1985 (MGH DD F I, 3). Nr. 670. P. 182).

⁴⁸³ Marazzi F. I «Patrimonia Sanctae Romanae Ecclesiae» nel Lazio: secoli IV–X: struttura amministrativa e prassi gestionale. Roma, 1998.

дома еще используется в сочинении Агнелла и периодически встречается в топонимике имений. Что касается термина *praedium*, который в широком значении «имение» часто встречается в алиментарных таблицах и актах византийского времени, то он исчезает со страниц поствизантийских грамот и сохраняется лишь в публично-правовых документах, обычно – неравеннского происхождения, например, в папских буллах, императорских привилегиях, а также в некоторых судебных грамотах⁴⁸⁴. Не исключено, правда, что он продолжал бытовать в повседневном обиходе. Агнелл, составлявший свою «Книгу понтификов» для чтения вслух в кругу клириков и горожан, прибегает к этому термину довольно часто.

Многие *fundi* в фискальных и административных целях сводились в *massae* и *curtes*, огромные комплексы земель, внешне, по всей видимости, напоминавшие латифундии эпохи Принципата. В пределах же самих *fundi* развивались хутора и микророселения (*casale*, мн. ч. *casalia*), часто выроставшие в пограничных и слабо освоенных зонах с целью их дальнейшего хозяйственного освоения. Меньше всего ясности с термином *locus* (*loco*). В римскую эпоху он означал фиксированную долю *fundus* и четко от него отличался. Это различие было ясно проведено римским юристом Ульпианом⁴⁸⁵.

В равеннских актах *locus* обозначал уже как местность⁴⁸⁶, так и любой автономный земельный объект: чаще всего – *fundus*⁴⁸⁷, но также и *massa*, *curtis*, *casale*⁴⁸⁸ или их группы⁴⁸⁹. Однако нередко он употреблялся и в своем старом

⁴⁸⁴ Benericetti 2002, № 178 (а. 973); Fantuzzi 1804, № 10 (а. 996).

⁴⁸⁵ Ulpianus. Lib. 69 ad edictum: Locus est non fundus, sed portio aliqua fundi, fundus autem integrum aliquid est (D.50.16.60).

⁴⁸⁶ BER, № 18 (а. 810–816): de fundis Scaciano, Cellulas et Quadraginta seu Fortunati... in loco qui vocatur Arcionis; BER, № 52 (834–846): in loco qui dicitur Conke: в последнем случае речь идет о местности вокруг укрепления Конке в прибрежной зоне риминийских Апеннин.

⁴⁸⁷ Benericetti 2002, № 134 (а. 967): in fundo et in locum qui cognominatur Montone de Albaro; 151 (а. 970): in locis que locatur Curolo et Tammara et da Caput Sandali. По другим источникам Tamara известен нам в качестве *fundus*; 156 (а. 971), 170 (а. 972); Benericetti 2002a, 269 (а. 997); BER 86: de loco qui dicitur Casa Vetere; ср. BER, № 89: de fundo in integro qui vocatur Casa Vetere.

⁴⁸⁸ Fantuzzi 1804, № 98 (а. 681); Benericetti 2006, № 28 (а. 873): loco qui vocatur Casale et Granariolo; Benericetti 2002a, № 208 (а. 979): in locum qui vocatur Casale Causo.

⁴⁸⁹ Fantuzzi 1801, № 92 (а. 1028).

классическом значении доли *fundus*⁴⁹⁰. Кроме того, он мог обозначать надел, в силу разных причин (как правило, особенностей местности) отличавшийся от обычного *fundus*⁴⁹¹. Например, согласно акту 947 г., к *fundus Maseratula* примыкает *loco Puplitulo*: очевидно, составитель хорошо различал термины, использовавшиеся в характеристике участков⁴⁹². Наконец, описание хозяйственной структуры некоторых *loci* полностью совпадает с инфраструктурой *fundi*⁴⁹³ или (реже) *massae*⁴⁹⁴, что, до определенной степени, делает их синонимами.

Вслед за К. Уикхэмом, изучавшим этот вопрос на материалах римской округи, уместно предположить, что термин *locus* получил распространение в связи с возрастающей путаницей между *fundus* и *casale*, которые с течением времени стали обозначать сходные единицы землепользования⁴⁹⁵. Нет никаких оснований идентифицировать *locus* с каким-либо особенным типом сельского поселения.

Fundus и его хозяйственная природа. Как уже говорилось, *fundus* лежал в основе кадастровой системы⁴⁹⁶. В республиканский период *fundus* являлся

⁴⁹⁰ Benericetti 2002, № 165 (a. 972); Benericetti 2002a, 269 (a. 997); Muzzioli, № 14 (a. 953).

⁴⁹¹ Benericetti 1999, № 63 (a. 949); Benericetti 2002, № 109 (a. 963): *curtes seu locas atque fundos*; № 118 (a. 965): *et in aliis de ceteris fundoras vel loca saltum vel planum*; 140 (a. 968): *atque a quarto latere fundo qui vocatur Firmilinum, cum apendicibus suis et locum qui dicitur Cintjanicus cum omnibus sibi pertinentibus*; BER 99: *de loco in integro ubi monasterium Sancti Martini in Ruinis posito esse videtur... a doubus lateribus rivore duo... reliquis duobus lateribus limite publico*. Границы объекта, ограниченного ручьями и проселочными дорогами, едва ли напоминают регулярную демаркацию *fundus*.

⁴⁹² Benericetti 1999, № 57 (a. 947): *uti quatuor uncias principales in integro fundo qui vocatur Maseratula et medietatem de locus qui dicitur Puplitulo coherente se*.

⁴⁹³ Benericetti 2006, № 51 (a. 896).

⁴⁹⁴ Benericetti 2002, № 188 (a. 974–975): *locum qui dicitur Salectaria cum fundis et casalibus seu apendicibus suis*.

⁴⁹⁵ Wickham C. *Medieval Rome*. P. 63.

⁴⁹⁶ Для удобства и благозвучия, там, где это необходимо, термин может переводиться как «имение». Тем не менее, с учетом всей семантической неоднозначности, я стараюсь, насколько это возможно, оставлять его без перевода. В российской и зарубежной исторической литературе «имение» (итал. *azienda*) означает компактную производственную единицу, находящуюся в чьей-либо собственности или владении. В полной мере сохраняя этот характер во II–III вв., *fundus* утратил ключевые характеристики имения к VI в., в связи с чем чрезмерное использование этого термина может привести к путанице и искажению смысла. Определение *fundus* см. у О. Р. Бородина (*Бородин О. Р. Равеннский экзархат*. С. 192).

единицей мелкой и средней собственности⁴⁹⁷. Во времена Принципата он был единым хозяйственным комплексом и, по остроумному и точному замечанию О.Р. Бородина, соответствовал идеальной вилле из трактатов римских агрономов⁴⁹⁸.

В изначальном своем смысле *fundus*, как и *praedium*, представлял собой участок земли (поле), принадлежащий той или иной вилле (*villa rustica* или *marittima*); семантически термин не был привязан к какой-либо постройке⁴⁹⁹. Самое известное правовое определение *fundus*'у было дано римским юристом II в. Флоренцием. Согласно ему, понятие *fundus* включает в себя «любое здание или земельный участок» («*omne aedificium et omnis ager*»). Впоследствии это определение войдет в «Дигесты» Юстинианова законодательства⁵⁰⁰. С другой стороны, в повседневном речевом обиходе, *in usu*, *fundus* означал «*ager cum aedificiis*», иначе говоря, земельный участок с инфраструктурным комплексом, который в сельской местности назывался «виллой», то время как простой земельный участок без постройки («*locus sine aedificiis*») назывался *ager*. Эти термины со временем сближаются, а различия между ними стираются. Так, в одном акте начала XI в. мы встречаем *fundus* под названием *Villa Magna*⁵⁰¹. Интересен в этом отношении и чудом сохранившийся древний топоним *Villa Rustica*, который носит один из *fundi* в документе XII в.⁵⁰²

В римский период *fundus* включал фамилию собственника, в том числе рабов и либертинов, а также колонии (*colonia*) – небольшие изолированные домохозяйства и микророселения обрабатывающих землю крестьян-колонов. Вплоть до византийского времени имения имели управляющих (*auctores*), уже исчезнувших из актов каролингского периода. Колонии, известные, например, по алиментарным таблицам из Велейи 105 г. и хорошо знакомые нам по папирусам византийского времени, изредка встречаются и в грамотах второй половины VIII

⁴⁹⁷ *Montanari M.* Campagne e contadini nell'Italia bizantina (Esarcato e Pentapoli) // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age.* 1989. Vol. 101. P. 599. Сходное мнение высказывает и О. Р. Бородин (*Бородин О. Р. Указ. соч. С. 196*).

⁴⁹⁸ *Бородин О. Р. Указ. соч. С. 194.*

⁴⁹⁹ *Marzano A.* Roman Villas in Central Italy: A Social and Economic History. Boston, 2007. P. 83.

⁵⁰⁰ *Dig.*, 50. 16. 211.

⁵⁰¹ *Benericetti* 2003, 19 (a. 1004): *in fundo qui vocatur Villa Magna.*

⁵⁰² *Fantuzzi* 1804, № 19 (a. 1106, Чезена): *et duodecim tornaturie... in fundo Villa Rustica.*

в., но не позднее. Например, арендаторы из округа Озимо снимают в 748–769 гг. fundus Sibiano ...una cum colinia[n]is suis⁵⁰³. Во II в., по данным алиментарных таблиц, fundi еще в полной мере являлись фискальными единицами, а некоторые из них имели хозяйственную специализацию: мы встречаем «fundi sive agri» (имения с преимущественно пахотными землями), «fundus sive saltus» (имение-пастбище). Топонимика имений содержит множество сведений и отсылок к прежней хозяйственной специализации римских fundi. Об этом подробнее пойдет речь ниже.

Изначально fundus стремился сочетать в себе разные виды хозяйственной деятельности⁵⁰⁴. Отражением его многоотраслевого характера остается кочующий из грамоты в грамоту унифицированный перечень хозяйственных зон и угодий, среди которых – пахотные участки, виноградники, луга, леса, земли, выделенные под посевы (satjionali), пастбища (pascuis), заросли ивняка (salectis), плодовые и неплодоносящие деревья, источники и прочие водные объекты. Кроме того, fundi имели примыкающие к ним участки (apendiciae) неясного хозяйственного назначения, вероятно, какие-то угодья.

Fundus имел собственное название, в большинстве случаев образованное суффиксальным способом от родового имени собственника, а также определенные границы (fines, limites)⁵⁰⁵, межевые линии, являвшиеся важнейшими элементами лимитации и превратившиеся еще в римские времена в публичные и частные проселочные дороги (limites, viae publicae)⁵⁰⁶, некоторые из которых имели собственные названия⁵⁰⁷.

Межевые камни (termini), наследие терминации, второго важнейшего (вслед за лимитацией) этапа центуриации, упоминавшиеся еще в VI в. (а в ряде соседних регионов, например, в актах Лация, и позже), продолжают иногда традиционно

⁵⁰³ BER, № 129.

⁵⁰⁴ Грацианский Н. П. Система полей у римлян по трактатам землемеров // ВДИ. 1940. Вып. 1 (10). С 61.

⁵⁰⁵ Dig. 50.16.60.2.

⁵⁰⁶ Benericetti 2006, № 8 (a. 783): a tertjo latere limite publice percorente.

⁵⁰⁷ Benericetti 2006, № 4 (a. 767): hoc est fundum Mignonis integrum et fundum qui vocatur Quingemri et Capsicaria seu fundum Fabrigo et fundum Custeduda pertinentem usque ad litem Mundum.

появляться в формулярах аграрных контрактов⁵⁰⁸. В частности, в описании 988 г. границ fundus Cornito мы сталкиваемся с объектом *Pire qui vocatur Pillara ubi termine esse videtur*⁵⁰⁹.

Необходимо добавить, что fundus, будучи объектом фиксированной площади, всегда имел прямоугольную форму, возможно, восходящую к межеваниям в рамках центуриации или стригации-скамнации: в описаниях рубежей отчуждаемых имений практически всегда называются граничащие с четырех сторон соседние имения, а иногда и дороги. Когда папа пожаловал в 980 г. монастырю св. Руфилло в пригороде Форлимпополи шесть fundi, в тексте буллы было специально оговорено, что «каждое имение с четырех сторон ограничено дорогами»⁵¹⁰.

Каков был средний размер fundus? По предположению О.Р. Бородин, основанному на внимательном изучении записей «Баварского кодекса» с привлечением выкладок из античных источников, средний fundus тяготел к «идеальной вилле» авторов римских земледельческих трактатов, составляя приблизительно 100 югеров (или 25 га)⁵¹¹. Нечто подобное можно встретить и в актах конца X в. В одной грамоте 987 г. зафиксирован обмен землей между Петронией, дочерью консула, и нобилем Ракко. С одной стороны, это – ¼ fundus, с другой – 30 торнатур (югеров) от massa Decimello. Если допустить, что собственники обменивались равноценными наделами, то размер fundus Lutjoli мог составлять около 120 торнатур, что приближает его к средней величине fundus. В эксцерпте BER под номером 38 указаны два пограничных fundi: Centum Viginti («сто двадцать») и Nonnigiano, в котором угадывается числовое значение

⁵⁰⁸ Benericetti 2006, № 8 (a. 783): qui nunc sunt et si quis alius fini sunt vel ab originem fuerunt quemque tangit et populum finibus terminis; Fantuzzi 1801, № 68 (a. 992): qui nunc sunt, et si quis alius fines sunt, vela b origine fuerunt q. q. certis et proprijs lateribus, finibus, terminis. Сама формула восходит к III в.

⁵⁰⁹ CDP, № 19 (a. 988).

⁵¹⁰ Vecchiazani M. Historia di Forlimpopoli. P. 90: et insuper concedo tibi praescripto Abbati sex integros fundos <...>, uno quoque fundo quattuor vijs praecurrentibus.

⁵¹¹ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 193.

(nonaginta, «девяносто»)⁵¹². Таким образом, они могли включать 120 и 90 югеров соответственно.

В целом справедливые выводы Бородина нужно дополнить некоторыми существенными соображениями. Во-первых, повсеместно дают о себе знать региональные отличия. На основе археологических данных установлено, что размер среднего fundus в Валконке (холмистая долина в округе Римини) мог колебаться от 20 до 70 югеров⁵¹³. С другой стороны, в районе Фаэнцы «средний» размер имения колебался около 300 югеров (75 га)⁵¹⁴. Действительно, в источниках нередко можно встретить такие «числовые» топонимы, как Duocenta («двести»), Trecenta («триста»), Quadraginta («сорок»), которые говорят о самых разных размерах имений. Новейшие данные, основанные на археологических раскопках и аэрофотосъемке, также свидетельствуют в пользу значительной локальной специфики в размерах и организации пространства римской виллы. Обращаясь к источникам, относящимся к сенигалльскому округу, где сохранились следы центуриации, можно заметить, что подобный идеальный fundus (Centum Iugera), справедливости ради, встречается нам лишь один раз. В той же Сенигаллии мы встречаем агеллария Мартина, арендующего 350 модиев (117 югеров) от одного fundus⁵¹⁵. С учетом того, что арендуется лишь часть имения, его размер, вероятно, превышал площадь среднего fundus. В этом же округе находился и огромный fundus Mila Iugera, размер которого (1000 югеров), по В.И. Кузищину, соответствует размеру классической латифундии.

Необходимо также обратить внимание и на другие обстоятельства. Широко известна практика дробления имений на самостоятельные единицы собственности, по-разному парно именуемые maior и minor (Albutjano Maiore и

⁵¹² Не исключено, впрочем, что топоним может происходить и от имени собственника Nunnedius. См. *Lazard S. Studio onomastico del «Breviarium» // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro). Roma, 1985. P. 51.*

⁵¹³ *Lepore G., Cirelli E. Il territorio di Valconca tra tarda antichità e alto medioevo // Morciano in Romagna. Forum Vetus. Luogo, comunità, pratica dello scambio / a cura di M. L. De Nicolò. Rimini, 2014. P. 24.*

⁵¹⁴ *Pasquali G. Strutture fondiari, insediamenti e paesaggio agrario nei territori di Lugo, Fusignano e Cotignola (secc. X–XII) // Studi Romagnoli. 1978. Vol. XXIX. P. 295.*

⁵¹⁵ BER, № 111.

Minore⁵¹⁶, Tunisiano Maior и Minor⁵¹⁷ и множество других⁵¹⁸), superior и inferior, de supra и de subta⁵¹⁹, очевидно, части некогда единого имения, ставшие самостоятельными fundi. Вероятно, логика дробления по итогам наследования объясняет появление и таких топонимов, как Paterno, Avolli (уменьш. от avus (?)), Aviano⁵²⁰.

Процессы дробления продолжались на протяжении всего изучаемого периода, как следует, скажем, из завещания 982 г.: согласно документу, две дочери составителя получают omnes res et porciones в 2-х fundi, которым надлежит быть «поровну поделенными между собой» (dividas inter se equalentes)⁵²¹. Они, образованные с помощью casa или casale, также свидетельствуют о сходных процессах: обособлении участков с домовладениями, наделенными определенной хозяйственной автономией и, в конечном итоге, образовавшими новые fundi. При этом такие fundi, естественно, имели неодинаковые размеры. Несомненно, аналогичным образом появилось имение Unciano (а также Unciniano, Uniano, Auciniano, Auciniani и т.д.), топоним которого образован от термина uncia, «12-я часть»⁵²².

Можно предположить, что использование в образовании названий ряда fundi уменьшительных суффиксов *-icellus*, *-iculus*, *-illus*, *-inus*, *-itulus*, и, в особенности, *-ulus*⁵²³ (например, Attigianulo⁵²⁴), вероятно, также свидетельствует о дроблении первоначального имения или, во всяком случае, отражает его скромные размеры. Вряд ли такие топонимы, как Quarantula, Quadragintula и др., отделившиеся от «большого» имения, адекватно отражают его размер в югерах,

⁵¹⁶ Benericetti 2002, № 120 (a. 965).

⁵¹⁷ BER, № 80: Tunisiano Maiore et Tunisiano Minore quohentes.

⁵¹⁸ Ibidem, № 183: Basi Maiore, Basi Minore.

⁵¹⁹ Muzzioli, № 24 (a. 964): Galiano de supra, Galiano de subto; Il «Libro Biscia» di S. Mercuriale di Forlì. Vol. I (aa. 894–1178) / A cura di S. Tagliaferri e B. Gurioli. Forlì, 1982. № 2 (a. 962): Casale de Subto, Casale de Supra.

⁵²⁰ BER, № 15, 29, 41, 43, 49, 59, 76, 77, 125, 128, 180, 184, etc.

⁵²¹ Federici, № 6 (a. 982).

⁵²² BER, № 83, 103, 105, 107.

⁵²³ Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. 3. Sintassi e formazione delle parole. Torino, 1969. P. 406–407; Lazard S. Studio onomastico del «Breviarium». P. 54.

⁵²⁴ Benericetti 2002, № 153 (a. 969–970).

заложенный в топониме. Нередко топонимы такого типа соседствуют с более крупными: fundus Fabricula граничит с fundus Fabrica⁵²⁵, Clusurula – с Clusura⁵²⁶, Plega – с Casa Plegula⁵²⁷, Noalia – с Noaliclo⁵²⁸ и т.д. Наконец, могут соседствовать имения с идентичными названиями⁵²⁹. В свою очередь, они могли также разделиться. Видимо, такова логика появления fundi Lulianulo и Luliano Maiore, Ulmitula Maiore и Minore, Preturiolo Maiore и Minore⁵³⁰. Расположенный в чезенском округе fundus Decimanula, скажем, граничит с fundi Decimano и Decimanula Minore, что может косвенно свидетельствовать о нескольких этапах дробления⁵³¹. Интересен пример имений Casanovula и Casavetere в Дечимано. Образовавшись, по всей видимости, в результате дробления какого-то имения с образованием casa, с течением времени новообразованное имение снова разделилось на две части, дав имена этим двум имениям. В свою очередь, в 1007 г. четвертая часть обоих соседствующих имений была арендована торговцем Мартином, образовав, тем самым, новую владельческую единицу⁵³².

Наконец, о природе fundi многое могут рассказать их названия – основные источники по топонимии Романьи. Изучение аграрной топонимии, в свою очередь, имеет огромное, а в ряде случаев – и решающее значение в изучении экономической истории Экзархата и Пентаполя. Историки и филологи давно обратили внимание на то, что топонимия имений византийского пограничья на Адриатическом побережье обнаруживает известную преемственность с такими античными памятниками, как алиментарные таблицы из Велейи (II в.).

В топонимии Романьи и северной Марке VIII–X вв. абсолютно преобладают три категории онимов⁵³³. 1) дескриптивные топонимы (характеризующие

⁵²⁵ BER, № 63.

⁵²⁶ Ibidem, № 164–165.

⁵²⁷ Benericetti 2002a, № 215 (a. 980).

⁵²⁸ Benericetti 2002, № 168 (a. 972).

⁵²⁹ Benericetti 2003, № 3 (a. 1001).

⁵³⁰ Muzzioli, № 11 (a. 950); Benericetti 2002, № 154 (a. 970–971); BER, № 24.

⁵³¹ Benericetti 2002, № 224 (a. 982): fundum unum in integro qui vocatur Decimacula... interafines ipsius fundo, ab uno latere Decimano, ab alio latere fundo Buliano, seo a tertjo latere Decimacula Minore.

⁵³² Benericetti 2003, № 27 (a. 1007).

⁵³³ Lazard S. Studio onomastico del «Breviarium». P. 45.

земельный объект с точки зрения его формы, назначения, климатогеографических особенностей, характерных черт флоры и фауны местности, почв, гидрологической среды и т.д.), 2) онимы, образованные от имени владельца и 3) онимы культурно-религиозного происхождения, указывающие на связь с (до)христианским культом (т.н. агиотопонимы). Все три группы включают агронимы из различных хронологических пластов. Так, в от дохристианского культа до нас дошли лишь *fundi* и другие земельные объекты под названием *Iovis*, встречающиеся, в частности, в округах Форли и Сенигаллии⁵³⁴.

Все три категории включают долатинские, латинские и постлатинские топонимы. Абсолютное большинство латинских онимов образовано с помощью суффиксов *-anus* и *-acus*⁵³⁵. Суффикс *-anus* (а также долатинский, вероятно, кельтский суффикс *-acus*), утративший продуктивность еще в императорскую эпоху⁵³⁶, однозначно свидетельствует о том, что топоним происходит от родового имени собственника или, реже, какого-либо характерного объекта местности или хозяйственной специализации имения (*Altigiano*, *Campaniano*, *Pistriniano*). Во всяком случае, восходят такие названия к наиболее ранней эпохе: нет ни одного случая образования топонима от постлатинского имени таким способом. Таким образом, с суффиксом *-anus/-acus* однозначно связан наиболее древний слой топонимов.

К однозначно римской номенклатуре относятся топонимы, образованные от родового имени собственника, такие, как *Iuliano*, *Flaviano*, *Corneliano*⁵³⁷, *Antoniano*⁵³⁸, *Octaviano*, *Appiano*⁵³⁹, *Petroniano*, *Freganiano*, онимы, обязанные своим происхождением агрименсуре (*Centum*, *Mille Iugera*), милевому межеванию (*Miliare*, *Quinto*, *Septimo*, *Decimano*, *Decimanula*, *Roda Decimi*) или древнему

⁵³⁴ Benericetti 2002a, 193 (a. 976, Сенигаллия): *locum qui vocatur Iovis*; Muzzioli, 32 (a. 978): *fundo Iovis*.

⁵³⁵ Такие топонимы характерны для всех регионов с прочными традициями римского землевладения. См. Грацианский Н. П. Бургундская деревня в X–XII столетиях. М.–Л., 1935. С. 25–31; Филиппов И.С. Средиземноморская Франция... С. 224.

⁵³⁶ Lazard S. *Studio onomastico del «Breviarium»*. P. 60.

⁵³⁷ Federici, № 5 (a. 982).

⁵³⁸ Benericetti 2002a, № 239 (a. 987).

⁵³⁹ Muzzioli, № 40 (a. 986).

этническому субстрату (*fundus Galli*⁵⁴⁰). Топонимы, связанные с галльским населением, наиболее характерны для Пентаполя, в особенности округа Сенигаллии (*Sena Gallica*), соответствовавшего древнему *Ager Gallicus*, зоне расселения общности сенонов. Очень часто римские по своему происхождению агронимы впоследствии получали второе имя дескриптивного характера, присовокупляемое к основному имени посредством связки *qui vocatur*.

Значительная часть онимов включает топонимы, образованные от имени собственника. По подсчетам С. Лазард, от личных имен классической эпохи при помощи суффиксов *-anus/acus* образовано 172 из 468 (36,7%) всех топонимов «Баварского кодекса». В тех немногочисленных случаях, когда *fundus* унаследовал имя собственника или владельца постклассического периода, агроним образуется бессуффиксальным способом (*Teodoti, Fortunati, Rotarici*⁵⁴¹) или же с добавлением существительного с параллельной постановкой имени в родительный или винительный падеж (*Casale Mauri, Casale Ursoli, Clausura Batali, Casa Luliani*⁵⁴²).

Что касается дескриптивных агронимов, то их можно подразделить на несколько подкатегорий. Во-первых, это ландшафтно-географические особенности. Сюда следует отнести топонимы, отражающие топографические, гидрологические, климатические и прочие особенности местности. Со временем они вытесняли более древние названия, все более далекие и непонятные для жителей Экзархата.

Впервые такие двойные названия, когда к старым римским онимам добавлялись новые имена, появляются в грамоте от 767 г., и продолжают встречаться на всем протяжении изучаемого периода. Так обстояло дело с именем *Furiano*, за которым, судя по грамоте середины IX в., закрепилось говорящее название *Colina Lunga* («длинный холм»)⁵⁴³. Имение *Sibolianum*

⁵⁴⁰ Muzzioli, № 35 (a. 979).

⁵⁴¹ BER, № 76; Benericetti 2002a, № 219 (a. 981).

⁵⁴² Benericetti 2002a, № 192 (a. 976); Benericetti 2002, № 141 (a. 968); Benericetti 2002a, № 217 (a. 980).

⁵⁴³ Benericetti 2006, № 14 (s. IX).

называется Prato Longo («долгий луг»)⁵⁴⁴, fundus Postiniano именовался Transrivulo⁵⁴⁵, а с ним, в свою очередь, соседствует fundus Ponticello: в обоих случаях угадывается связь с речным побережьем. За fundus Martianum закрепилось имя Montone, fundus Tranquiliano получил название Valle⁵⁴⁶, а имение Liziano – Pruneta («сливовый»)⁵⁴⁷. Интересен гибридный топоним Valle Terentjana⁵⁴⁸. Многие топонимы, вероятно, более позднего происхождения, видимо, полностью вытеснили прежние. Сюда относятся агронимы Montone de Albaro («тополиная гора»), Valle («долина»), Ripulis («прибрежный»), Maritima («приморский»), Marmorario («мраморный»), Calanco («низменный»), Lama («обрывистое место»), Altigiano («возвышенность»), Campiano (возможно, от «campus planus», «плоское поле»), Inter Duas Ripas («между двух берегов»)⁵⁴⁹. К ним можно добавить такие названия, как Monte Rubeum («красная гора»), Monte Cavallo, Monticclo, Serra Mediana, Campetellus («небольшое поле»), Saxo («скала») и т.д.⁵⁵⁰ Fundus La Luna (намек на форму имения?) встречается в округе Форли⁵⁵¹.

Множество топонимов образовано от petrus («камень»): Petritulo, Petriolo, Petrilata, Pitrianula и т.д.⁵⁵² Сюда же можно отнести целый блок топонимов, имеющих в названии слово lacuna («впадина», «болотистая местность»): Lacuna, Lacuna Villicosa, Lacuna Candatja⁵⁵³. Большой блок топонимов образован от водных объектов (рек, ручьев, водоемов и болот). Имение Caput Aquis, ограниченное ручьем, скажем, включало водные источники, а также небольшие

⁵⁴⁴ BER, № 20.

⁵⁴⁵ Benericetti 2002, № 124 (a. 966)

⁵⁴⁶ Ibidem, № 147 (a. 970).

⁵⁴⁷ Benericetti 2003, № 13 (a. 1003).

⁵⁴⁸ Benericetti 2002, № 153 (a. 969–970).

⁵⁴⁹ Ibidem, № 134 (a. 967); BER, № 113; Benericetti 2002, № 156 (a. 971); Federici, № 2 (a. 973); Benericetti 2002, № 124 (a. 966), 164 (a. 972); Benericetti 2002a, № 221 (a. 981); Muzzioli, № 38 (a. 981); Benericetti 2010, № 279 (a. 928).

⁵⁵⁰ Benericetti 2002a, № 192 (a. 976), BER, № 80; Benericetti 1999, № 14 (a. 909).

⁵⁵¹ Federici, № 21 (a. 1043).

⁵⁵² Muzzioli, App. 1; Benericetti 2002, № 108 (a. 963); Muzzioli, № 25 (a. 975); Benericetti 1999, № 47 (a. 941); Benericetti 2006, № 50 (a. 894).

⁵⁵³ Benericetti 2006, № 50 (a. 894); Benericetti 1999, № 14 (a. 909); Benericetti 2002a, № 241 (a. 988).

водоемы (*formis*); на его землях находились водяные мельницы⁵⁵⁴. К такого рода гидронимам также относятся *Aquaviola*, *Aqui*, *Palude*, *Padule* («болото»), *Flumisiana* (от *flumen*), *Rivolo* (от «*rivus*», «ручей», «канал»), *Fontanella* («источник»), *Scanno de Candatjo* (либо от новолат. *scannum* – «брод», «мелководье»⁵⁵⁵, либо от классического лат. «*scannum*», «скамья», в значении прямоугольного надела земли, образованного в результате межевания и имеющего вид скамьи).

Топонимов, отражающих климатические особенности местности, сравнительно немного. Таковы, например, *Nebulini* (от «*nebula*», «туман»)⁵⁵⁶, *Solariolo* («солнечный»)⁵⁵⁷, *Humori* («влажный»)⁵⁵⁸, *Lubia* (возможно, от «*pluvium*»)⁵⁵⁹, *Orago* (от «*oracus*», «тенистый»)⁵⁶⁰. В других случаях этимология и вовсе неясна. Интересно поэтическое название имения *Sol et Luna*, происхождение которого можно объяснить лишь причудой собственника⁵⁶¹.

Некоторые *fundi* получили название от особенностей флоры и сельскохозяйственных культур местности. Эти фитотопонимы имеют исключительную ценность для реконструкции древнего аграрного пейзажа и системы землепользования ряда регионов северо-восточной Италии. Множество «лесных» агронимов образовано от «*silva*» (*Silvare*, *Silva Prati* и т.д.⁵⁶²) или его аналога – германизма «*gualdo*»⁵⁶³, некоторые другие – от конкретных типов деревьев, кустарников и трав. Например, целый блок агронимов связан с каштанами (*castanea*)⁵⁶⁴. Сюда можно отнести такие топонимы, как *Cerrito* («дубовый»), *Nucito* («ореховый»), *Olmo*, *Ulmita*, *Ulmitula* («вязовый»), *Spino Albo*

⁵⁵⁴ Benericetti 2006, № 50 (а. 894).

⁵⁵⁵ Benericetti 1999, № 31 (а. 919); Benericetti 2002, № 135 (а. 967), 156 (а. 971), 157 (а. 971); Benericetti 2002a, № 241 (а. 988); Federici, № 2 (а. 973).

⁵⁵⁶ Federici, № 2 (а. 973), Muzzioli, № 40 (а. 986).

⁵⁵⁷ Benericetti 2002a, № 257 (а. 993).

⁵⁵⁸ Benericetti 1999, № 67–68 (а. 950).

⁵⁵⁹ Ibidem, № 10 (а. 908).

⁵⁶⁰ Benericetti 2002, № 144 (а. 968).

⁵⁶¹ BER, № 73.

⁵⁶² Benericetti 2006, № 10 (а. 823–824); Benericetti 1999, № 6 (а. 905–906); Benericetti 2002, № 120 (а. 965).

⁵⁶³ Benericetti 2002a, № 231 (а. 971–983): Gualdo Maiore.

⁵⁶⁴ BER, № 179; BER App. III, № 8; Benericetti 1999, № 30 (а. 918), 67 (а. 950).

(«белый шиповник»), Erbaluparia («борец»), Cominico («тминовый»), Salectare, Saucito (от «saucia», «salicetum», «ивовый»), Pino («сосновый»), Rovorata («дубовый»), Herbosa («поросший травой»), Murta («миртовый»), Fraxinita, Fraxinitulo (fraxinus, «ясень»), Arbustello, («кустарник»), Busso («заросли»), Sambucitulo (от «sambucus», «бузина»), Florie («цветочный»), Albaretulo («тополевый»), Agrifolium («остролист»)⁵⁶⁵. Подробнее эти топонимы будут разобраны в соответствующем разделе. Что касается зерновых, плодовых и технических культур, то к таким топонимам следует отнести Grananico, Graniano, Grananico (от «granum»), casale Canaphanaria («конопляный»), Olivetulo, Vinioli, Vineale, Vinee Maioris, Ficariola, Casa Ficaria («фиговая роща»)⁵⁶⁶. Бывают и гибридные формы, например, Melario Verucia («плодовый холм»).

К группе топонимов, отражающих размер имений, восходит наиболее древний блок топонимов, раскрывающий особенности агрименсуры: Centum, Mille Iugera, Centum Iugera, Duocenta, Tricenta, Tregintula, Quadraginta, Quarantula, Septuaginta⁵⁶⁷. О чуждости этой топонимии жителям IX–X вв. ярко свидетельствует сильно искаженное написание топонима Melo Iuguli в тексте одной из грамот⁵⁶⁸.

Значительно больше агронимов указывают на формы хозяйствования. Сюда относятся такие топонимы (включая гибридные формы), как Agello («небольшое поле»), Pratule, Prato Longo, Prato Agellis, Prato («луг»), La Luna, Lunis («серповидный?»), Ronco, Runco, Roncadelle (от «roncum», «расчистка, корчевка»), fossa Ursaria («канал, ров»), Noalia, Noaliclo (вероятно, от «ager novalis», «поле под паром»), Pastinello («выпасной»), Ar(e)gusto (возможно, от «aragium», «ager aratorius», «пахотная земля», но не исключено, что происходит от

⁵⁶⁵ Benericetti 1999, № 44 (a. 896–933), 67 (a. 950), 80 (a. 955); Muzzioli, № 24 (a. 964); Benericetti 2002a, № 241 (a. 988), 266 (a. 997); Muzzioli, № 20 (a. 960), 32 (a. 978), Benericetti 2003, № 6 (a. 1001); Benericetti 2011, № 586 (a. 1022).

⁵⁶⁶ Benericetti 2002, № 124 (a. 966), 159 (a. 972); Benericetti 2002a, № 193 (a. 976), 251 (a. 991), 269 (a. 997); BER, № 34.

⁵⁶⁷ BER, № 18, 20, 23, 49, 88; Benericetti 2006 App.; Benericetti 1999, № 17 (a. 910); Benericetti 2002a, № 203 (a. 977); Fantuzzi 1801, № 98 (a. 1034).

⁵⁶⁸ Benericetti 1999, № 26 (a. 904–914).

«ара», «возвышение», «алтарь»⁵⁶⁹), Clusure («огороженное место»), Ortus Patagrasii («сад», «огород»)⁵⁷⁰, Polito (возможно, от «fundus cultura politus» Терренция Варрона, «хорошо возделанное имение»). Интересен топоним Salto Colo⁵⁷¹, восходящий к saltus, комплексу, обозначавшему, согласно трактату Варрона, огромную площадь в 800 югеров (или 4 центурии), предназначенную под пастбище. В алиментарных таблицах Велейи saltus (20 упоминаний) соответствовал имению с преобладанием пастбищных земель (fundus sive saltus). Этот топоним, по одному разу встречающийся нам в округах Больньи и Форлимпополи, в большей степени характерен для восточной Эмилии и в Романье практически не встречается.

Текущее хозяйственное состояние fundi и их инфраструктуры описывают такие топонимы, как Vecclo («старый»), Anticus, Rovinato, Ruvina («разрушенный»), Centucolonna («сто колонн») и т.д. Целый ряд топонимов связан с ремесленной и хозяйственной специализацией. Сюда относятся Fabrica, Fabri, Fabrigo, Fabriaco, Fabro Canteri, Fusina («кузница»), Tiniano, Tiniliano («tino», «хранилище для вина»), Fructa, Cisterna, Scandolario (от «scindola», «кровельная дрань»), Pistriniano («pistrina», «пекарня»), Farinita («farina», «мука»), Maceratula, Mazello (от «macellum», «скотобойня»), Ovilia, Camariani (вероятно, от «carnarium», «место для разделки мяса»), Fornaria («furnus», «хлебопекарня»), Foloniano (возможно, от «fullonica», «сукновальня»), Figliulle («figlina?»), Porcile, Porclanum (от «porca», «свинья», но, возможно, и от «porcillaca», «портулак»)⁵⁷², Casa Pecoris и другие. Интересно отмеченное в грамоте 1011 г. из округа Форлимпополи соседство имений Portjle («свиной») с fundus Vacario (от «vaccaria», имения, специализирующегося на выращивании коров) и Salto,

⁵⁶⁹ С. Лазард допускает реконструкцию Ara Augusti (*Lazard S. Studio omonastico del «Breviarium»*. P. 48).

⁵⁷⁰ Benericetti 2006, № 11 (a. 838); Benericetti 1999, № 24 (a. 914): Pastinello; BER 57; Benericetti 2002, № 168 (a. 972); Fantuzzi 1804, № 13 (a. 1033); BER, № 168, 176.

⁵⁷¹ Benericetti 2006, № 32 (a. 880).

⁵⁷² Ibidem, № 4 (a. 767); Benericetti 1999, № 8 (a. 907), 49 (a. 943), 60 (a. 948); Benericetti 2002, № 153 (a. 969–970), 159 (a. 972), 165 (a. 972), 170 (a. 972), 174 (a. 973); Benericetti 2002a, 217 (a. 980), 243 (a. 988), 253 (a. 992); Federici, № 2 (a. 973), 19 (a. 1028); Muzzioli, № 22 (a. 964), 40 (a. 986).

свидетельствующее о некогда существовавшей или существующей животноводческой специализации⁵⁷³.

Огромное множество топонимов получило название от обособившихся земельных наделов с домохозяйствами (*casa, casale*): *Casa, Casale, Casa Vetere, Casa Maggiore, Casa Episcopana, Casa Merati, Casa Pullaria* («куриная?»), *Casaliclo, Casalillo, Casaveccla, Casella, Casapetri, Casanobula, Caserella, Casanovula, Casasa Maggiore, Casale Pauli, Casariolo, Casule, Casula, Casanise, Casalino, Casa Ratja, Casa Mezana, Kasahulianula, Casasilva, Casamaurelli* и т.д.⁵⁷⁴ Большой популярностью в разных регионах, в частности, пользовался топоним *Casalicclo*: так могли называться даже соседние *fundi*⁵⁷⁵. *Fundi* могли получить название и от простых инфраструктурных объектов: *Domitjlii, Ategianula* (от *ategium*, «крестьянский дом»), *Senaclata* (от *coenaculatus*, «многоэтажный»), *Balnearia, Balneariola* (от *balneum*), *Maseria, Maserata* (возможно, от *masura, mansio*), *Ponticello*⁵⁷⁶. К ним можно добавить *Cella, Cellula* («келья», «церковь»), *Cisterna, Cisternula, Canava* («склад?»), *Caprilla* («загон»), *Pusterula* («задние ворота»), *Murulo, Columnata*⁵⁷⁷, все топонимы, образованные от *turris* («башня»), *castrum, castello* (*Castellione*), *curtis* (*Cortina*)⁵⁷⁸.

Онимы, отражающие этническое своеобразие округа, крайне редки и обычно относятся к периферии изучаемого региона. Таковы *fundi Casale de Gota*⁵⁷⁹, *Barbariano*⁵⁸⁰, *Longobaldie*⁵⁸¹, *Bulgaria Nova, Casa Iudayca*⁵⁸². Характерно

⁵⁷³ Benericetti 2003, № 31 (a. 1011).

⁵⁷⁴ Benericetti 1999, № 63 (a. 949), 85 (a. 955), 90 (a. 957); BER, № 49, 89; Benericetti 2002, № 125 (a. 966), 127 (a. 967), 153 (a. 971), 164 (a. 972); Benericetti 2002a, № 239 (a. 987), 241 (a. 988), 251 (a. 991); Muzzioli, № 21 (a. 962), 40 (a. 986); Federici, № 1 (a. 959), 13 (a. 1000).

⁵⁷⁵ Benericetti 2002, № 148 (a. 970); Muzzioli, № 22 (a. 964); Federici, № 20 (a. 1031); Benericetti 2002, № 161 (a. 972): *et interrafines predicto fundum qui vocatur Casalicclo... ha quarto latere alio fundum qui vocatur Casalicclo.*

⁵⁷⁶ Benericetti 2002, № 149 (a. 970), 156 (a. 971), 124 (a. 966), 164 (a. 972); Benericetti 2002a, № 203 (a. 977); Federici, № 2 (a. 973).

⁵⁷⁷ Benericetti 2006, № 14 (a. 850); BER 76; Benericetti 1999, № 18 (a. 911), 37 (a. 927), 49 (a. 943); Benericetti 2002, № 156 (a. 971); Benericetti 2002a, № 245 (a. 989).

⁵⁷⁸ Benericetti 2002, № 103 (a. 960), 140 (a. 968), 164 (a. 972); Federici, № 2 (a. 973).

⁵⁷⁹ Muzzioli, № 39 (a. 982)

⁵⁸⁰ Benericetti 2006, № 7 (a. 782); Benericetti 2002a, № 271 (a. 997).

⁵⁸¹ BER, № 119.

⁵⁸² Benericetti 2003, № 27 (a. 1007).

общегерманское слово *sala* («большой одноэтажный дом», «двор»), закрепившееся в названиях ряда *fundi*⁵⁸³. Некоторые из них могли образоваться от лангобардских антропонимов: ярким примером может служить *fundus Rotarici*⁵⁸⁴. Абсолютное меньшинство восходит к совсем уж архаическим временам. Такова, по всей видимости, этимология *fundus*'а *Gamillaria* (*Gamelaria*, *Gambellaria* в XII в., совр. ром. *Gamblēra*), возможно, происходящая от наименования соответствующей римской трибы (*Camillia*). Редкие названия имеют социальную или правовую характеристику: *fundus Colonia*, *fundus Publicus*, *fundus Armandini* (вероятно, от «*arimannia*»), *fundus Ecclesiastico*, *fundus Dutjs* (от «*dux*»)⁵⁸⁵.

Эволюция *fundus*'а в раннее Средневековье. Несмотря на то, что целостность *fundus* как родовой признак подтверждалась на законодательном уровне⁵⁸⁶, Юстинианово законодательство допускало, что его часть (*locus*) могла иметь определенные границы (*latera*), и, сверх того, по желанию собственника также именоваться *fundus*⁵⁸⁷. Более того, закон добавляет, что «...не величина отличает *locus* от *fundus*, но только наше усмотрение».

Судя по алиментарным таблицам, какая-то часть *fundus* могла обособиться в виде автономного домохозяйства (*casa*). Это явление получит наибольшее распространение в VI–X вв. и выразится в термине *casale*. Другим способом дробления имений был раздел *fundus* на две части, каждой из которых присваивалось прилагательное *maior* или *minor*. Наконец, уже во II в. деление *fundi* на двенадцатые части (унции), судя по данным алиментарных таблиц, не было столь уж редким, однако *fundus*, несомненно, все еще сохранял хозяйственное и фискальное значение.

Ситуация меняется к VI–VII вв., когда наблюдался кризис мелкого и среднего землевладения. То, что в наших источниках, вслед за актами

⁵⁸³ Benericetti 2006, № 7 (а. 782), 10 (а. 819), 53 (а. 896); Benericetti 2002, № 147 (а. 970); Muzzioli, №40 (а. 986).

⁵⁸⁴ Benericetti 2002a, № 219 (а. 981).

⁵⁸⁵ Benericetti 2002, № 92 (а. 956–957), 174 (а. 973); Muzzioli, № 32 (а. 978); BER, № 125; Benericetti 2003, № 21 (а. 1004).

⁵⁸⁶ Dig 50.16.60: *fundus autem integrum aliquid est.*

⁵⁸⁷ *Ibidem*: *non magnitudo locum a fundo separat, sed nostra affectio.*

византийского времени, *fundus* часто отчуждался не целиком, а частями-унциями⁵⁸⁸ (гораздо реже – семиунциями, или просто *semis*, 1/24 от целого, а также скрупулами⁵⁸⁹, 1/24 унции, или 1/228 от целого), говорит об утрате именными хозяйственного значения, как отмечал еще О.Р. Бородин на материале византийского периода. П.-С. Лейхт, изучив источники лангобардских регионов Италии, также отмечал дробление *fundi* между собственниками, в том числе и на мелкие parcelлы⁵⁹⁰. Равеннские акты демонстрируют наиболее полную картину данного явления в раннесредневековую эпоху.

Следует понимать, что в источниках необходимо отличать реальное деление (*pars divisa*) от деления виртуального (*pars indivisa*). В последнем случае речь идет лишь о разделе доходов, поступаемых с земли или иной недвижимости, измеренной в унциях. Унциальное деление, просуществовавшее в Романье до конца XII в., бытовало и в других регионах с прочными традициями римского землевладения: в Венето, районе Аквилеи, и, в особенности, на землях патримония св. Петра, в частности, в Лации⁵⁹¹. Повсеместно встречающееся в источниках словосочетание *uncia principalis* свидетельствует, скорее всего, о регулярном характере деления *fundi*⁵⁹². Тот факт, что составители документов не уточняли размер унций и parcelл от тех или иных *fundi*, также свидетельствует о высокой устойчивости системы агрименсуры. Постепенно это понимание стиралось. С IX-X вв. прилагательное *principalis* начинает употребляться в

⁵⁸⁸ На эту тему писали сравнительно немного. См. *Lécrivain C. Le partage oncial du fundus romain // Mélanges d'archéologie et d'histoire. 1885. Т. 5. P. 15–24; Savigny H. von. Ueber die Unzialeintheilung der römischen Fundi // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin. Aus den Jahren 1814–1815. Berlin, 1818. S. 55–61. Коротко этой темы касался и О.Р. Бородин.*

⁵⁸⁹ BER, № 137; Benericetti 2006, № 45 (a. 892). Колумелла определяет скрупулу как 1/288 югера = 8, 75 м², но то, что эта мера встречается в актах вместе с унциальным делением, говорит об относительном, а не абсолютном характере этой величины.

⁵⁹⁰ *Leicht P. S. Studi sulla proprietà fondiaria nel Medio Evo. I. La curtis e il feudo nell'Italia Superiore fino al secolo XIII. Verona; Padova, 1903. P. 12.*

⁵⁹¹ *Bruzza L. Regesto della chiesa di Tivoli. Roma, 1880. № 2 (a. 945): de sex uncie fundum Afloru... sex uncie fundum Gregiano... de sex uncie fundum qui ponitur Satorano.*

⁵⁹² *Savigny H. von. Ueber die Unzialeintheilung... P. 59.*

отношении крестьянских парцелл и наделов – *sortes et porciones*⁵⁹³, *fundi*⁵⁹⁴ и даже *res*⁵⁹⁵, что говорит о его механическом воспроизводстве в устойчивом формуляре. Правда, нельзя при этом допускать, что составители уже не вполне понимали значение термина «унция»: в X–XI вв. унциальное деление без труда переводится в долевое⁵⁹⁶. Как бы то ни было, унция уже не поддавалась реальному дроблению⁵⁹⁷.

В пределах отдельных *fundi* повсеместно выделялись особые хозяйственные объекты: самостоятельные наделы (*casale*), пахотные участки (*terra*), выпасные луга (*campo*) и *loci*, которые, в свою очередь, отчуждались по унциям⁵⁹⁸. Например, *fundus Centum*, расположенный в Дечимано, в середине X в. включал в себя целый луг *Apollinis*, очевидно, автономный объект, названный по имени прежнего держателя, позже, судя по грамоте 971 г., «превратившийся» в самостоятельный *fundus*⁵⁹⁹.

Яркий пример утраты *fundus* своей первоначальной хозяйственной роли – судьба *fundus Versiniaca*, расположенного в округе Форли, в приходе св. Панкратия (к юго-западу от Равенны). Это древнее имение, название которого, скорее всего, происходит от личного имени *Versinius*. Значительная часть этого *fundus*, судя по всему, была засажена виноградниками и принадлежала монастырю св. Мартина *post Ecclesiam Maiorem*. В 975 г. «три части» от двух унций этого имения арендуются на условиях пакта священником Андреем и

⁵⁹³ Benericetti 1999, № 28 (a. 918): *idest sortes et portiones nostras principales*; BER, № 110: *sorte et portione principale*.

⁵⁹⁴ Benericetti 2006, № 50 (a. 894): *idest fundum unum principalem in integro qui vocatur Caput Aquis*.

⁵⁹⁵ Federici, № 13 (a. 1000): *id. omnia terciam partem in int. de omnes res illa principale*.

⁵⁹⁶ Benericetti 2002, № 148 (a. 970) *sex uncias principales in integro quod est omnia medietatem*; Muzzioli, № 19 (a. 959): *tres uncias principales quod est omnem quartam partem*; Benericetti 2002a, № 252 (a. 992): *tres huntjas... qui sunt quarta pars*; Benericetti 2003, № 12 (a. 1003).

⁵⁹⁷ В эмпитевтических контрактах встречаются случаи деления унций поровну между арендаторами, но, учитывая характер этих договоров, речь идет о доле доходов с того или иного участка земли. См. Benericetti 2002, № 165 (a. 972).

⁵⁹⁸ *Ibidem*, № 152 (a. 969–970): *duodecim unsas p[incipales in integro qui] [su]nt possito in locum qui vocatur Purjtje*.

⁵⁹⁹ Benericetti 1999, № 78 (a. 954, pl. S. Cassiani): *medietatem de fundo qui vocatur Centum et medietatem de campo suo Apollinis*; Benericetti 2002, № 156 (a. 971, pl. S. Cassiani): *fundo Apollinis*.

Доминицей, вдовой Андрея де Картерио. Помимо этого, Доминиция продлевает аренду «трех частей» от другого надела, представлявшего собой землю, пригодную к высадке винограда (*pastenum vinearum*). Ею владел ее покойный супруг с братьями в этом *fundus*, где он успел вырыть колодец, и в граничащих с ним имениях. В свою очередь, священник Андрей снимает два *pastenum vinearum* с участком пустыря рядом с другим крупным виноградником (*vinea maiore*).

Через три года какая-то часть имения, некогда доставшаяся монастырю от Андрея де Картерио, арендуется «магистром армии» Родуальдом, который спустя пару месяцев сдает их Сергии, матери покойного Андрея. В этом же году она уступает монастырю ранее снимаемые ею две унций этого *fundus*. В следующем, 979 г., эфитевта Ардуин с сестрами Эрментрудой и Равенной арендует в *fundus* четыре торнатуры винограда и 13 торнатур пахотной земли, а спустя несколько дней девять торнатур винограда и 12 торнатур запашки снимаются Иоанном де Картерио с супругой, по всей вероятности, родственниками покойного супруга упомянутой Сергии. Речь идет, скорее всего, о представителях промежуточных групп и знати, а не крестьянах. Оставляя в стороне мотивы перераспределения земли в интересах «магистра армии» Родуальда, отмечу лишь высокую парцеллированность *fundus Versiniaca*, уже давно не представляющего собой целостную хозяйственную единицу. Конечно, перед нами крайний случай, по-своему уникальный для данного корпуса источников, однако он может служить наглядной иллюстрацией процессов, которые переживала средняя и мелкая римская собственность в раннем Средневековье.

Юг Пентаполей, в особенности округа Озимо, Сенигаллии и Анконы⁶⁰⁰ активно осваивались лангобардскими и франкскими поселенцами, что отразилось даже в топонимии региона (*fundus Longobaldie* и т.д.). Здесь появляются новые обычаи агрименсуры, возможно, связанные с изменением этнического облика региона. Их внедрение значительно ускорило распад *fundi*. Наряду с традиционным унциальным делением, распространенным, в основном, на землях

⁶⁰⁰ Benericetti 2002, № 184 (а. 974).

немногочисленных официалов⁶⁰¹, церковных чиновников⁶⁰², военных⁶⁰³ и прочих съемщиков итаलो-византийского происхождения⁶⁰⁴, здесь распространяется такая мера измерения площади, как модий (*modio, moiola*)⁶⁰⁵. Как и в римское время, он измеряется количеством зерна, которым можно засеять поле, выделенное под посев. Об этом говорят такие формулы, как «*terra sacionale carientes modiorum viginti*», встречающиеся в грамотах ААРА и большинстве регест «Баварского кодекса»⁶⁰⁶.

Разумеется, размер модия зависел от конфигурации полей и качества почв каждой конкретной местности. Поэтому не вызывает удивления уточнение «*mensura ipsi loci*»⁶⁰⁷. Новые правила межевания могли быть привнесены и германскими поселенцами. Так, в округе Озимо неподалеку от леса *ualdum de Fico* (совр. *Castelfidardo*) в измерении участка земли величиной 103×370×20×377 пертик (неправильная форма объясняется естественными границами), судя по всему, используется лиутпрандовский модий⁶⁰⁸.

С большой долей вероятности некоторые из съемщиков, земли которых измерены модиями, судя по данным антропонимии, имели франкское или лангобардское происхождение⁶⁰⁹. В отдельных случаях это указано прямо. Например, в приписке к регесте BER 86 держатели названы не иначе как *pacione Langobardorum*, а арендаторы, разделившие полученную землю пополам по 200

⁶⁰¹ BER, № 88 (а. 846–850, Сенигаллия): *Iuliano vir magnificus dativus civitatis Sinogaliensis et Petronie iugalis seu Stefano sitque Leone et Constantina iugalis atque Stefano filio nostro.*

⁶⁰² *Ibidem*, № 93 (Сенигаллия): *Leoncio clerico et cartulario predicta sancte Ravennatis ecclesiae et Barbara iugalis.*

⁶⁰³ *Ibidem*, № 80 (а. 748–769, Сенигаллия): *Gloriosa et Mara relicta quondam Eleotherio glorioso magistro militum Sinogalliensium*; 95 (Сенигаллия): *Anestadius tribunus et Campana iugalis seu Zenone et Leoparda iugalis*; 125 (а. 846–850, Озимо): *Stefanus diaconus sancte Ausimane ecclesie et Iohannes dux et Ottiperga iugalis.*

⁶⁰⁴ *Ibidem*, № 92, 129, 130, 137, 138, 143, 158.

⁶⁰⁵ *Ibidem*, № 83, 91, 93, 103, 105, 107, 108, 111, 126, 155, etc.

⁶⁰⁶ Benericetti 1999, № 55 (а. 955, Губбио).

⁶⁰⁷ Benericetti 2002a, № 200 (а. 977).

⁶⁰⁸ BER, № 126. См. *Baldetti E. Il maggio altomedievale nelle Marche centrali // Proposte e ricerche. 1984. Vol. 13. P. 7–17.*

⁶⁰⁹ BER, № 107, 109, 112, 113 = Benericetti 2002, № 183 (а. 974); BER 160; Benericetti 2002, № 184 (а. 974).

модиев, указаны как франки⁶¹⁰. Тем не менее, есть и такие контракты, где среди родственников или соседских групп арендаторов отсутствуют германские имена⁶¹¹, что, впрочем, само по себе еще мало о чем говорит, а также аренды земли франко-лангобардскими съемщиками, где используется унциальное деление⁶¹², среди которых – ариманн и гастальд⁶¹³.

Как бы то ни было, в регионах с менее выраженным германским элементом, например, в округе Римини на севере Пентаполя Морского, где германские имена составляют лишь 19% именного фонда, модий полностью отсутствует. Важно подчеркнуть, что арендуемые земли на юге Пентаполей нередко охватывали площади сразу нескольких соседних *fundi*, образуя, тем самым, новую хозяйственную единицу. Например, *loco Casa Vetere*, названное в ином документе *fundus*, включает 150 модиев от двух *fundi Calaciano Minor* и *Maior*⁶¹⁴. Документы с юга Пентаполя содержат множество примеров раздела соседних *fundi* несколькими группами съемщиков⁶¹⁵.

Имеет смысл задаться вопросом, мог ли *fundus* сохранять при разделах значение как производственной единицы? В грамотах повсеместно встречаются сведения о дроблениях *fundi* и включении парцелл от разных *fundi* в земельные фонды отдельных мелких крестьянских хозяйств. Это говорит об утрате *fundus* своего первоначального хозяйственного значения. Так, супруги Григорий и Анастасия, арендующие в 908 г. два *fundi* в округе Фаэнцы, оговаривают, что не претендуют на парцеллы трех церковных либелляриев, уже держащих свои доли от этих имений⁶¹⁶. С учетом того, что семья, в свою очередь, обязуется заселить *fundus* субарендаторами или зависимыми работниками (*homines*), неизбежно его

⁶¹⁰ Benericetti 2002a, № 221 (a. 981).

⁶¹¹ BER, № 103, 105, 108, 145, 147, 148, 151.

⁶¹² Ibidem, № 117, 128.

⁶¹³ Ibidem, № 132, 135.

⁶¹⁴ Ibidem, № 86, 89.

⁶¹⁵ Ibidem, № 83: *de terra modiorum trecenti, posita in fundo Olenano et Unciniano; 103: de terre modiorum centum quinquaginta in integro, posito in fundo Casale Mauri et in fundo Olenano et fundo Uniano; 105: de modiorum quadringenti nonaginta posita in duorum fundorum qui vocantur Auciniano et Alenano.*

⁶¹⁶ Benericetti 1999, № 12 (a. 908): *exceptis quantas tres residentes in ipsis fundis per libellum a iura predicate vestrae ecclesie.*

дальнейшее дробление на наделы. Очевидно, что подобную ситуацию можно наблюдать и в других *fundi*, заселенных *homines*. Дробления были неизбежны и при аренде *fundi* несколькими крестьянскими семьями или отдельными держателями, не связанными родственными узами. Иногда парцелляция никак не оговаривается в источниках⁶¹⁷, однако в ряде грамот она предусмотрена условиями договора⁶¹⁸. Например, два колона в 997 г. делят арендуемый *fundus* пополам (*in omni medietate*). Как видно из таблицы № 4, к концу X в. потенциал *fundus* как хозяйственной единицы был уже полностью исчерпан.

Впрочем, в источниках можно найти сведения и о сохранении тем или иным единичным *fundus* статуса хозяйственной единицы. По крайней мере, встречаются долгосрочные аренды целиковых *fundi* земледельцами. Так обстояло дело с *fundus Sereniana*, арендуемым в 870 г. супружеской парой колонов в округе Феррары. Некоторые такие случаи будут подробно разобраны в главе о земледельческом населении. Тем не менее, хочется отметить, что магистральная линия эволюции аграрного пейзажа все же заключалась в дальнейшей парцелляции старых римских полей и имений.

Таблица 4. *Fundus* как хозяйственная единица трудовой либеллярной аренды

Год	Гор. округ	Владельцы	Название объекта и прочая информация
870	Феррара	1 супр. пара колонов	f. Sereniana
872	Имола	4 несемейных колона и 6 супр. пар	2 f. (Beriniano, Sariliano) и 1 campo
882	Форли	1 супружеская пара колонов	f. Tausaria
893	Феррара	3 супружеские пары + священник + <i>homines</i>	f. Sablonarias
889-98	Сенигаллия	Вилик с супругой + 3 чел.	f. Agillione

⁶¹⁷ Benericetti 2006, № 26 (a. 872), 48 (a. 893); Benericetti 1999, № 47 (a. 941), 49 (a. 943); Benericetti 2002a, № 210 (a. 949), 273 (a. 983–998); BER, № 97, 98.

⁶¹⁸ Benericetti 2002a, № 237 (a. 986): *uti vobis Martino qui vocatur Martello et Cristoduli iugalis in tribus partis, in quarta vero parte Petro qui vocatur de Everaldu et Maria iugalis; 266 (a. 997): uti vobis Urso filio quondam Leonis cum fratribus tuis de uno complex in omne medietate, et in alia medietate Leo filio quondam Andreas cum fratribus et consortibus tuis; 267 (a. 997): uti nobis Leo qui vocatur de Deodato, cum f[ratribus et] sororibus meis in omnia medietate, et in alia medietate Laurentjo filio quondam Iohannis cum fratribus et sororibus meis; 268 (a. 997): uti vobis Urso qui vocatur de Dominico cum fratribus et sororibus et consortibus tuis, seu filiis vestris unusquisque in sua portjone; 271 (a. 997).*

889-98	Сенигаллия	Famuli: 2 несем., 2 супр. пары, 2 брата с сестрой	2 f. Altigiano, Aragusto
908	Фаэнца	1 супружеская пара колонов + homines	2 f. (Galigatula Maiore, Minore), за исключением участков 3-х либелляриев
912	Монте-фельтро	4 несемейных колона	3 f. (Plegule, Monte Erculi, Addita de Apisio)
918	Римини	1 супружеская пара колонов	f. Castanieto (в массе Maratjana)
941	Римини	3 супружеские пары колонов с братьями	f. Frontinianum
943	Римини	2 супружеские пары либелляриев + несем. арендатор с братьями и сестрами.	f. Canava
948	Монте-фельтро	2 брата-колона с homines	2 f. (Rofello, Romiano)
952	Римини	2 брата на правах совместного владения и льготной ренты	f. Libanum
963	Чезена	2 супружеские пары	f. Casaliclo
970	Форли	1 супружеская пара колонов	2 f. (Tranquiliano, Casa Pullaria) + 8/12 f. Sala + longario terre (в Pullaria)
972	Римини	1 колон	f. Casaliclo
972	Монте-фельтро	Как минимум 2 либеллярия	2 f. (Peritus, Calbianella)
976	Феррара	7 колонов	f. Granario
979	Чезена	3 супружеские пары колонов + cognati	2 соседних f. (Cipalonis, Casa Arsicla)
986	Сенигаллия	2 семьи либелляриев + homines	1 f. Petritulo (разделен в пропорции 3:1)
987	Форлим-пополи	2 брата-колона с супругами	2 соседних f. (Casella, Casale Georgii)
991	Чезена	Как минимум 2 колона (документ испорчен)	1 f.
997	Римини	2 колона с братьями и consortes	1 f. Bosanicus (в пропорции 1:1)
997	Римини	1 колон с братьями, сестрами и консортами	1 f. Casaliclo unusque in sua porcione
983-98	Римини	4 арендатора с братьями, сестрами и консортами	1 f. Carboniano (по парцеллам)
1017	Феррара	8 колонов с братьями и консортами	1 f. Puteo Franco (по парцеллам и casalia)

Что касается эволюции fundus в раннее Средневековье, то наиболее трудным вопросом аграрной истории Романьи VIII–IX вв. является толкование неоднозначного термина casale. В Романье в подавляющем большинстве случаев casale не тождественен простому объекту жилой или хозяйственной

инфраструктуры, на что однозначно указал О.Р. Бородин⁶¹⁹. Практически всегда он обозначает земельный надел: в противном случае невозможно понять логику упоминания в его пределах сельских жилищ, *casa* или *ateguum*. В конце концов, сам топоним того или иного *casale* мог включать слово «*casa*»⁶²⁰. Таким образом, необходимо проследить его употребление в актовом материале, не ограничиваясь рамками изучаемого периода.

Этот термин на равеннском материале и в сопоставлении с данными лангобардских регионов (включая Эмилию) изучался В. Фумагалли, А. Кастаньетти, М. Монтанари и, среди российских исследователей – М. М. Ковалевским и О. Р. Бородиным, которые пришли к различным выводам. Сам термин с трудом поддается точному переводу. З. В. Удальцова перевела *casale* словом «мыза», что нельзя признать в полной мере удачным⁶²¹. На мой взгляд, ближе к истине был М. М. Ковалевский, который, изучив некоторые равеннские акты, перевел *casale* как «хутор», отождествляя его, тем самым, с «*coloniae*»⁶²². Действительно, в историко-этнографическом смысле *casale*, если верить этимологическому словарю В. Мейер-Любке, имел исходное значение «принадлежности к дому» («*zu Hause gehörig*»), означая «деревню», «хутор» («*der Weiler*»), и имел параллели в ряде романских языков, включая далматский и провансальский⁶²³. В этом же значении («хутор», «усадыба») термин употребляется и в современном итальянском и испанском языках.

⁶¹⁹ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 194.

⁶²⁰ Benericetti 2002a, № 259 (а. 993): *casale in integro qui vocatur De Casa*. Далее в тексте следует характерное для либеллярных контрактов условие *ateguum et canale ibidem faciendum et restaurandum*. Нечто подобное можно встретить и в актах некоторых других регионов Италии. В частности, в одном из дарений в пользу монастыря Фарфы (*Il regesto di Farfa compilato da Gregorio di Catino / A cura di I. Giorgi, U. Balzani. Vol. II. Roma. 1879. № 28 (а. 898). P. 39*) можно прочесть: *casale qui dicitur porculae cum casis, terries et vineis et cum ipsa ecclesia sancti silvestri quae est aedificata in ipso casale porculae*. В некоторых случаях *casale* мог называться *casa* (Op. cit. Vol. III. № 352, а. 959). Тем не менее, здесь *casale* означал полнокровное сельское поселение, что, напротив, нехарактерно для Романьи.

⁶²¹ Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке. С. 445.

⁶²² См. Ковалевский М. М. Экономический рост Европы... Т. 1. С. 111, 242.

⁶²³ Meyer-Lübke W. Romanisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1911. S. 137.

Предпринятый О.Р. Бородиным анализ этого явления отталкивался от значений, предложенных Дю Канжем⁶²⁴. Однако Дж. Работти в своем издании BER утверждает, что термин *casale* в том значении, в котором он бытовал в равеннских актах VIII–X вв., в словаре не встречается. В самом деле, топонимия Романьи, как нам известно, не знает термина *villa*, а все предложенные в словаре аналогии в виде *mansus* или *praedium rusticum* далеко не в полной мере проливают свет на особенности *casalia* в византийской Италии. В этом смысле предложенный О. Р. Бородиным перевод термина *casale* как «сельское поселение с принадлежащими ему угодьями», являясь, в строгом смысле, корректным, не в полной мере раскрывает его специфику. Опасными представляются параллели с другими регионами северной Италии, поскольку, по мнению Ж.-П. Девруа, там *casale* соответствовал *sors* и, в какой-то степени, германскому *hoba*, что приблизит его к крестьянскому наделу⁶²⁵, что, как мы убедимся, также не всегда справедливо в отношении Романьи.

Обратимся к источникам. Во II в. н.э., судя по данным алиментарной таблицы Велейи, ряд имений включал то или иное количество особых наделов – *casae*⁶²⁶. Но лишь в очень немногих случаях *casae* имели самостоятельное значение, представляя собой автономные хозяйственные единицы. Так, например, обстоит дело среди *praedia rustica* некоего Гая Вибия Проба⁶²⁷. Обычно же они названы как составные части того или иного *fundus*.

Семантика термина *casa* в алиментарных таблицах приближалась к *casale* VII–XI вв. В актах раннего Средневековья этот термин оставил прочный след в региональной топонимии огромного количества *fundi*⁶²⁸. Думается, что такова

⁶²⁴ См. *Du Cange Ch.-D. Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Т. II. Paris, 1842. P. 212.

⁶²⁵ *Devroey J.-P. Puissants et misérables. Système social et monde paysan dans l'Europe des Francs (VIe–IXe siècles)*. Bruxelles, 2006. P. 420.

⁶²⁶ *Tav. alim. I, 12: et fundum Manlianum Hostilianum cum casa; IV, 41: item fund(um) Anneianum cum casa; VII, 95: fund(um) Staniacum totum cum casa Valeriana, etc.*

⁶²⁷ *Tav. alim. II, 32–33: item casas Pago, et adfinibus suprascriptis et fundos Veccalenium, Cottasianum pro parte dimidia Pago suprascripto adfinibus Atilio Attielao, et Vellejo Ingenuo.*

⁶²⁸ *Benericetti 2002, № 173 (a. 972): Casa Campo; BER, № 180: fundo Ticiano qui vocatur Casa Campo... fundo Casa Mez[ana]; 186: fundo Casa Merati... fundo Casa Campo; Benericetti 2002, № 125 (a. 966): fundum Casa Ratja; Muzzioli, № 13 (a. 951): fundo Casa Galandi; Benericetti 1999, № 90 (a. 957): fundo qui vocatur Casapetri.*

природа и тех топонимов довизантийской эпохи (V–VI вв.), которые содержат слово *casa* и имеют, судя по всему, сравнительно молодой возраст. Скорее всего, в этом значении следует понимать топоним *Casanova*, который, наряду с другими *fundi*, граничит с *fundus Concordiacos* из акта 539 г.⁶²⁹ В инвентарной описи (*breve*) 564 г.⁶³⁰, касающейся собственности сироты Стефана, находящегося под опекой субдиакона Грациана, среди прочих *praedia rustica*, помимо *fundi*, назван *casa qui appellatur Casa Nova*, размер которого, как и прочих земельных объектов, указан в унциях.

Важно отметить, что термины *casa* и *domus* не синонимичны. Второй термин означал, как и в позднейшие века, городскую постройку. В этом же документе мы впервые встречаем *casale Petroniano*, расположенный в округе Болоньи и исчисляемый в две унции: очевидно, он также означает единицу земельной собственности, объединенную, наряду с иной недвижимостью (*fundus, casa*), в широкую категорию *praedia rustica*. В другом случае, в акте продажи имущества 572 г., *casale Bassianum* структурно принадлежит к *fundus Custinis*⁶³¹. В том же значении термин *casale*, принадлежащий *fundus Geniciano*, используется и в купчей 575–591 гг.

Все указывает на происхождение *casale* в результате «отпочкования» или автономизации в рамках более крупного объекта (*fundus*), возможно, разделенного на колонатные держания – такое происхождение угадывается в топониме *Casale Colonis*⁶³² – а также на прочную смысловую связь с более древним термином *casa*. Ситуация обособления наделов наиболее ярко отражена в регесте BER 34, где риминийский *fundus Maraciana* включает более 21 *casalia*, два из которых уже успели разделиться. При всем при этом, запись содержит краткое указание на то, что перечислены лишь наиболее важные *casalia*, а сам *fundus* включал множество других неназванных наделов (*et cum multis aliis casalibus*).

⁶²⁹ Marini, № 114.

⁶³⁰ Tjäder 8.

⁶³¹ Marini, № 120.

⁶³² BER, № 136.

Встречающийся в другой регесте BER fundus Curdinianum включал 9 casalia⁶³³. Следы этих процессов оставила и топонимия. Документ 1018 г. фиксирует любопытный топоним Casale Septimo («седьмой»), превратившийся к тому времени в самостоятельное имение⁶³⁴. Кроме того, уже в VI в. наблюдается утрата casalia хозяйственной целостности, о чем свидетельствует их дробление и отчуждение по частям-унциям.

Со временем семантическая близость casa и casale постепенно утрачивается. Термин casa стал обозначать простое сельское жилище, а несколько позже, с XI–XII вв. – любой дом вообще⁶³⁵. Согласно грамоте 894 г., на территории fundus Casalicclo расположены дома (casis) и домики (casinulis)⁶³⁶. Таким образом, к IX–X вв. термин casale полностью вытесняет casa в значении обособившегося в рамках fundus земельного надела. Важным исключением является север Романьи: в долине р. По casale мог означать домохозяйство колона, вероятно, являясь синонимом для mansio или fumans⁶³⁷. Кроме того, здесь casale мог означать и простой жилой комплекс. Арендный в 966 г. casale, располагавшийся в замке

⁶³³ BER, № 62.

⁶³⁴ Benericetti 2003, № 59 (a. 1018): in fundum qui vocatur Casale Septimo.

⁶³⁵ С XII в., с проникновением в документооборот термина mansus в значении «земельного надела» семантика casa и casale вновь начинает сближаться. Fantuzzi 1802a, № 27 (a. 1159): quinquaginta turnaturias terre per uno manso et duodecim alias turnaturias terre per uno casale cum introitu et exitu suo et cum arbustis arboribus... et dare debeatis nobis albergariam per duodecim suprascriptis turnaturiis de casale ubicunque abitaveritis.

⁶³⁶ Benericetti 2006, № 50 (a. 894): et insuper donamus et transactamus tibi predicto abbati duorum fundorum integrorum quorum vocabula sunt Lacuna Villicosa que vocatur Pitrianula et fundum integrum qui vocatur Casalicclo, coherentes se, cum vineis, terries, campis, pascuis, silvis, sacionalibus, arbustis, arboribus pumiferis et infructiferis diversisque generibus, et cum omnibus ad iamdictis fundis pertinentibus, casis, casinulis et ortis, pineis et cum omni integritate earum.

⁶³⁷ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984): cum terris, vineis, campis, pratis, pascuis. Silvis, salectis, satjonalibus, padulibus, piscatjonibus, venatjonibus, casis et casalibus... pullaticam vero pro unumquemque casale pullos duos, ova decem. BNF, n.a.l. 2573, № 17 (a. 1017): et dedistis nobis per unumquemque fraters et consortes [...]bere casalibus singulis... et omni annualiter dare debeamus per unumquemque casalem grano quartarium unum, gallina una. Ср. Benericetti 1999, № 43 (a. 933): pullaticam per unumquemque fumantem, pullum par unum, ova decem; 88 (a. 956, Комаккьо): omnes res, qui est posito in locum qui vocatur Trecto, una cum casalibus et campis, [pascui]s, silvis, salectis; Benericetti 2002a, № 216 (a. 980): per singulas locas, cum vineis, steris, campis, silvis, salectis, sacionabilibus, casalibus, padulibus. Benericetti 2002, № 118 (a. 965): et in aliis de ceteris fundoras vel loca saltum vel planum, cum vineis, teris, campis, pratis, pascuis, silvis, salectis, sacionabilibus, casisquu et casalibus, arboribus et arbustis; CDP, № 22 (a. 998): cum terris et vineis campis pratis... caseteum et casalibus.

св. Марии в Вогьере, включал дом («casa candulata et colomniata») с прочими постройками (dificiis), размер которого исчисляется в 20×23,5 футов. Неудивительно, что подписавшийся в грамоте епископ Вогьеры ограничился здесь простым выражением «casa de castello».

Теперь коротко остановимся на топонимии casalia. Наиболее репрезентативный массив данных содержится в выписках «Баварского кодекса». Здесь мы изучим материал трех «территорий» Пентаполя – Римини, Сенигаллии и Озимо.

Таблица 5. Топонимия casalia Пентаполей (по разделам Римини, Сенигаллии и Озимо «Баварского кодекса»).

Casalia в составе fundi	Rosario, Figlinas (fundus Dulia); Iovis (fundus Acciano), Silvas Scura/Lacus (f. Centum): Alticiano, Paones, Corbiliano, Cellulas, Cabriano, Suprana Minore, Suprana Maiore, Lusurio, Barbarico, Latroniano, Carfiano, Petroniano, Acrifoliano, Sorbiliano, Luciano, Ciciliano, Canaphanaria, Furiano, Tribuniano, Puciano (f. Maraciano); Casale (f. Ticiano); Ariano (f. Mariniano). Curciano, Caputniano, Macriniano, Coroniano, Variano, Rubiano, Appiano, Cliviniano, Tavelliani (f. Curdinianum); Obliciano (f. Fabricula).
Casalia, о структурной принадлежности которых нет данных	Istriano; Basiano; Viciano/Duo Lacora; Camariano; Galeriano; Advenciola; Cypitula; Insula; Viginti; Pulliolus; Presbiteri; Puerorum/Romalde; Casale diaconiae S. Leopardi.
Casalia, отчуждаемые по частям (унциям)	Galeriano; Coriliano; Turiano.

Итак, в регестах BER, относящихся к владениям архиепископии в Пентаполях, встречается всего 52 casalia, из них 36 (71%) входят в состав fundi. Среди них некоторые образованы от имени собственника: Latroniano, Petroniano, Luciano, Ciciliano, Appiano, Corbiliano, Coroniano (от Coronius), Basiano (от когномена Bassus). Среди них встречается лишь одно постлатинское название (Romalde). Еще несколько топонимов указывает на ландшафтные особенности и гидрологическую среду (Alticiano, Suprana, Tavelliani, Duo Lacora, Obliciano, Silvas Scura/Lacus, Insula), культуры (Rosario, Canaphanaria, Pulliolus, от «pullus», Paones, Acrifoliano, от «aquifolia», «остролист»), ремесленную специализацию (Figlinas, от «figlina», «гончарная мастерская»), инфраструктуру (Casale, Cellula, Turiano), этническое (Barbarico) или территориальное (Istriano) происхождение

владельца, дохристианский культ (Iovis) или социальный критерий (Puerorum, в котором угадываются наделы рабов), а также размер (Viginti) и, наконец, аграрное межевание (Cupitula).

Важно здесь то, что топонимы наиболее древнего пласта (суффикс *-anus*) составляют 32 единицы (или 62%). Это свидетельствует об их появлении еще в позднеримское время. *Casalia*, таким образом, являлись порождением римской кадастровой системы и были непосредственно связаны с *fundi*.

Таблица № 5 ясно иллюстрирует три этапа эволюции этого надела – образование *casale* в составе «материнского» *fundus*, его обособление в самостоятельную землевладельческую единицу и, наконец, дальнейший раздел и парцелляцию этих *casalia*. Все эти процессы протекали на протяжении VII–X вв. После обособления и выделения *casale* его дальнейшая судьба связана с эволюцией в полноценный земельный надел, независимый от *fundus*. Случаи, когда нет указаний на структурную принадлежность *casale* к тому или иному *fundus*, отражены, в частности, в регестах BER 22-23. Важно обратить внимание, что последняя регистрационная запись относится к довольно раннему времени, а именно к годам правления архиепископа Дамиана (692–708). В таких случаях *casale* приравнивается к *fundus*. Это подтверждается тем, что нередко сам *fundus* мог иметь составной оним, включающий *Casale*⁶³⁸. Объект *Caput Aquis*, в 948 г. названный *casala*, в 967 г. фигурирует уже в качестве *fundus*⁶³⁹. В другом случае

⁶³⁸ Benericetti 2006, № 4 (a. 767): *fundum Casal[e] Pauli qui est Conio*; 42 (a. 891): *fundum Casale Pauli*. Benericetti 2002, № 95 (a. 958): *fundo qui vocatur Casale Gemmi*. Fantuzzi 1804, № 8 (a. 962): *fundum q.v. Casale*. Benericetti 2002, № 184 (a. 974): *fundo Casale*. Benericetti 2002a, № 241 (a. 988): *fundo Casale*; 239 (a. 987): *duos fundos integriter eorum vocabula sunt Casella et Casale Georgii quoeren[te se...]*. Muzzioli, № 39 (a. 982): *fundo Casale de Gota*; Benericetti 2003, № 60 (a. 1018): *fundo qui vocatur Casalapidea*; Fantuzzi 1801, № 107 (a. 1055): *in fundo q. v. Casale...et in fundo Casale et in fundo Agusano q. v. Casalis*; Mem. Osim. № 4 (a. 1061): *fundus Casale*. BER, № 16: *sex unciis fundi qui vocatur Casale Basilii*. BER 29: *fundo Atiliano qui Paternus et Casale vocatur*; 76: *sex unciis fundi Casale qui vocatur Casalis*; 94: *fundus Emiliano qui et Casale Torti vocatur*; 103: *fundo Casale Mauri*.

⁶³⁹ Benericetti 1999, № 59 (a. 948, округ и приход г. Форли): *Casala qui vocatur Caput Aquis*. Benericetti 2002, № 127 (a. 967, округ и приход г. Форли): *fundum qui vocatur Caput Aquis*. В соседнем округе Форлимпополи есть еще один объект под названием *Caput Aquis*. Benericetti 2006, № 50 (a. 894, Форлимпополи, приход *Civitas Rupta*): *fundum unum principalem in integrum qui vocatur Caput Aquis*.

такой объект назван *locus*⁶⁴⁰, как мы знаем, зачастую синонимичная *fundus*’у единица. Надел *Casa (Casale) Vetere*, фигурирующий в одной из регест BER как *locus*, в другом случае назван *fundus*⁶⁴¹.

Как и многие *fundi*, некоторые *casalia* оказались впоследствии разделенными на две части⁶⁴² или отчужденными по унциям. Таким образом, справедливо предположение А. Кастаньетти, полагавшего правомерным приравнивать *casale* и *fundus* в тех случаях, когда ничто не указывает на структурную принадлежность *casale* к *fundus*. Тем не менее, во многих случаях сохраняется понимание различия между этими терминами, особенно тогда, когда *fundi* и *casalia* входят в состав более крупных латифундий (*massae* и *curtes*)⁶⁴³. Например, в дарении 855 г. *casalia* входят, наряду с *fundi*, в состав *curtis* в Балнеарее и двух *massae*. В IX–X вв. *casalia* чаще всего, наряду с *apendiciae*, являются единственными составными частями *massae* и *curtes*. Тем не менее, связь с *fundus* сохраняется вплоть до конца X в.⁶⁴⁴

Большинство *casalia* VI–X вв. представляли собой относительно небольшие в сравнении с *fundus* наделы. Так, в одном случае с *fundus Centum* граничит *casale qui vocatur Viginti*, из чего можно заключить, что *casale* в данном случае составлял 1/5 *fundus*, насчитывая, тем самым 20 югеров. В римское время этого было достаточно для циклического воспроизводства семьи из пяти человек. Некоторые из них, действительно, могли находиться в одиночном держании отдельных лиц. Об этом говорят данные топонимии: многие *casalia* названы по именам своих

⁶⁴⁰ Benericetti 2002a, № 208 (a. 979): in locum qui vocatur Casale Causo.

⁶⁴¹ BER, № 89.

⁶⁴² Fantuzzi 1804, № 8 (a. 962): fundum unum integrum q.v. Casale de Subto... ab uno latere alio fundo q.v. Casale de Supra.

⁶⁴³ Benericetti 1999, № 67–68 (a. 950): massa Mariana cum apendicibus in f. Cominico in f. Rontano in f. Erbaluparia <...> et alia fundora vel casalie. BER 162: massa Afraniana vo[cata Ausi]mo in integro cum fundis et casalibus seu apendicibus s[uis]. Benericetti 2002a, № 259 (a. 993): casale in integro qui vocatur De Casa... ex corpore masse...

⁶⁴⁴ В купчей 948 г., насколько позволяет понять сильно испорченный временем и лишенный грамматической логики текст, можно прочесть, что *loci*, называемые *casalia*, входят в числе прочих объектов в состав *fundi*: Benericetti 1999, № 58 (a. 948): seo et qui alies coterie locos casalibus corum luocabola sunt et ubiubidem nostra u potueris pertinere infra inn ipses locet cum casis, terries et vineis. Benericetti 2002a, № 198 (a. 977): casale in integro qui vocatur Campo de Ravenna, posito in fundo Statiliano. См. также Benericetti 2002, № 176 (a. 973).

держателей, некоторые из которых имеют постлатинское происхождение. Характерны такие агронимы, как *casale Mauri*, *casale Pauli*, *casale Basillii*, *casale de Lutja*, *casale Ursoli*⁶⁴⁵. Во владениях Ингельрады в 896 г. безымянный *casale* держал некто *Leo qui vocatur Albo*. В некоторых случаях эти наделы совпадают с трудовыми крестьянскими держаниями⁶⁴⁶.

В то же время в пределах Римини *casale de Casa* обрабатывает целые семейные группы колонов, включающие братьев и *consortes*⁶⁴⁷. Это, скорее всего, объясняется обширным фронтом доступных для колонизации земель: в риминийском округе нередки ситуации аренды группами колонов и отдельными семьями целых *fundi* – явление, нехарактерное для более плотно заселенных и освоенных регионов вроде Дечимано.

Какова природа *casale*? Ответить на этот вопрос непросто. Обратим внимание на то, что в сочинениях римских агрименсоров *casale* мог означать как небольшое сельское жилище с угодьями, включенное в состав *fundus* («*multa casalia fundum constituent*»)⁶⁴⁸, так и небольшой участок земли с домом, расположенный на границе имения (*casa*)⁶⁴⁹. В актах IX–X вв. *casalia* соседствуют с неясным термином «*appendix*» («*apenditjo*», «*appendices*», ср. с ит. «*arpezzamento*»). Он, по всей видимости, представлял собой примыкающий к *fundus*⁶⁵⁰ или *massa* участок местности, вероятно, связанный с его пограничными и слабо освоенными территориями, лугами и лесами, возможно, выделенными

⁶⁴⁵ Benericetti 1999, № 66 (а. 949, Комаккьо): *Casale de Lutja*; Benericetti 2002a, № 192 (а. 976, Форлимпополи): *casale Ursoli*.

⁶⁴⁶ Fantuzzi 1804, № 8 (а. 962): *fundum unum integrum q.v. Casale de Subto quod ante dies hos tenere et laborare viso fuit Johannes q.v. Vacario*.

⁶⁴⁷ Benericetti 2002a, № 259 (а. 993): *iohannes qui vocatur de Marino cum fratribus et consortibus meis, Iohanne qui vocatur de Dominico cum fratribus et sororibus seu consortibus nostris*.

⁶⁴⁸ Gromatici Veteres. Vol. 1. P. 315.

⁶⁴⁹ Ibidem. P. 311–312: *de latus se pratum, versus casa vineam positam. Proximum vineam casalem habens, quae praemit finem eius. Casalis ipse in limite positus versis finibus casa hoc habens de lateris ipsius finem grandem habens, sub se autem finem proximum coherentem* («На одной стороне имения расположен луг, сбоку от него высажен виноградник, а рядом с виноградником расположен *casale*, стягивающий его границы. Сам *casale* расположен на лимите (*limes*), а само имение, имея широкую границу, граничит за ней с ближайшим соседним лимитом»); P. 315: *limes eius in longum fit pedes CCCL, et hoc in alio casale impinget, partiens miliarum in sinistra*. («Его лимит в длину составляет 350 футов, и граничит с другим *casale*, отсекая слева милю»).

⁶⁵⁰ BER, № 1; 38: *decem unciis Savigiani sibi invicem quoherentes cum apendicibus earum*.

под корчевку или выпасные угодья. Например, *fundus Sala* в 964 г. имел в качестве *appendix* луг (*campo*) под названием *Casanobula*⁶⁵¹.

Формула «*cum casalibus et apendicibus*» является распространенной характеристикой некоторых *fundi*⁶⁵² и большинства *massae* X в.⁶⁵³, являющихся, как станет ясным из последующего изложения, инструментами аграрной колонизации. В структуре *massa Aternana* (округ Озимо) заложено различие между существовавшими там наделами колонов (*sortes et porciones*), с одной стороны, и *casalia* и *apendicia* – с другой⁶⁵⁴.

Состояние источников, действительно, позволяет связать природу некоторых *casalia* с процессами колонизации, на что в свое время обратили внимание А. Кастаньетти и Дж. Паскуали. Регеста BER 26 (814–834) фиксирует аренду *casale Istriano*, включающего луг и пригодную для возделывания землю (*terra sacionale*). В некоторых случаях на их природу проливают свет и данные топонимии: *fundus Centum* в округе Римини, в частности, включал *casalia Silvas Scura* и *Lacus*, расположенные близ леса с двойным названием *Casale* и *Ulmito*⁶⁵⁵. И если фитотопоним *Ulmito* («вязовый») не вызывает вопросов, то совпадение леса или, как минимум, его участка с *Casale* весьма показательно.

Casale Viciano, упомянутое в регесте BER 24, получило название *Duo Lacora*, а неподалеку от него находилось *casale Insula*: в обоих случаях, скорее всего, речь идет о заболоченных участках: в одном случае включающем два

⁶⁵¹ Muzzioli, № 22 (a. 964): *decem uncias principales ... et scripulos novem ex fundum Sala qui vocatur Lutioli, cum hapendice sua campo qui vocatur Casanobula.*

⁶⁵² BER, № 43: *sex unciis fundo Paterno cum casalibus et apendicibus suis; 76: fundum Cisterna qui et Iulianus vocatur in integro cum casalibus et apendicibus suis. Verum etiam Colina Lunga qui et Furianus vocatur in integro cum casalibus et apendicibus suis.* Интересно, что в папской булле 997 г., восстанавливающей права архиепископии на епископат Монтефельтро, в описании земель также сделаны различия между *casa*, *casale* и *mansio* (Benericetti 2002a, № 270), однако, как мы знаем, к использованию подобных документов для реконструкции аграрного пейзажа Романьи следует относиться с большой осторожностью.

⁶⁵³ BER, № 121 (834–846): *massa que vocatur Aternana in integro cum casalibus et apendicibus suis; 182: massa Celle Fausti cum casalibus et apendicibus suis. Benericetti 1999, № 73 (a. 953): massa vestra qui vocatur Famulata cum casalibus et apendicibus suis. Benericetti 2002, № 164 (a. 972): et cortem qui vocatur Basiliaco in integro cum casalibus et apendicibus suis.*

⁶⁵⁴ Benericetti 2002a, № 211 (a. 979): *massa in integro qui vocatur Aternano cum casalibus et apenditibus suis atque sortes vel portiones in integro que ad ipsa massa pertinent.*

⁶⁵⁵ BER, № 32.

пруда, в другом – полностью окруженное водой. Loco Casa (casale) Vetere, включающее 150 модиев от двух соседних fundi (Galaciano Maiore и Minore), с четырех сторон окружено реками, а с одной стороны граничит с сенигалльской massa⁶⁵⁶. Casale Marini, являющееся adjacentio по отношению к fundus Preturiolo, включает луга и заросли ивняка (campora et salecta)⁶⁵⁷. Casale Campo de Ravenna в районе Сенигаллии, находясь в составе fundus Statiliano, граничит с еще одним casale, с двух сторон ограничено рекой, а также другим лугом⁶⁵⁸. Fundus Casalis граничит с заросшим лесом и кустарником fundus Tesuria⁶⁵⁹. Наконец, в эмфитевзисе 982 г. несколько casalia расположено в ronco Zampani, новоосваиваемой территории в округе Фано⁶⁶⁰, образованной не позднее 963 г., а ряд casalia на пограничье округов Фано и Пезаро в 973 г. находился в loco Roncora, очевидно, новораспаханной местности.

Неожиданную помощь может оказать и эпитафический памятник, датированный 731 г. (временем правления экзарха Евтихия). Он представляет собой торжественную надпись, сделанную на стене базилики Сан-Аполлинаре-ин-Классе и являющуюся своеобразной обменной грамотой. Согласно надписи, архиепископ жалует новооснованному монастырю плодородный (fertilis) и богатый лесом и желудями fundus в обмен на два других имения. Речь идет о fundus Gammillaria, окруженном 11-ю casalia, имеющими фиксированные границы (cum suis terminibus)⁶⁶¹. Богатый лесом fundus мог, в теории, использовать casalia как для хозяйственного освоения невозделанных территорий, так и для эксплуатации лесных ресурсов.

⁶⁵⁶ BER, № 86.

⁶⁵⁷ BER, № 169 (Губбио): fundo Preturiolo cum et adiacentibus casale suo Marini habentem campora et salecta.

⁶⁵⁸ Benericetti 2002a, № 198 (a. 977): a duobus lateribus rivo

⁶⁵⁹ Fantuzzi 1802, № 23 (a. 1001): fundum principale in integrum q. vocat. Tesuria quod in spinis et silvis reducere videtur... atque a quarto latere fundum q. vocat. Casalis.

⁶⁶⁰ Benericetti 2002a, № 226 (a. 982).

⁶⁶¹ Benericetti 2006, App. (a. 731): fundum Gamillaria, casalibus unquidue vallatum, cum suis terminibus, sicut textus donationis designat, aptum servis Domini, Ravennati territorio situm, fertile, fecundum, ignis as usum lignamen et suest quod pabulent silvarum glandifera poma.

«*Sorte et porcione*». Реальной производственной единицей в VIII–XI вв. становится крестьянский надел, для которого в источниках используется устойчивое выражение «*sorte et porcione*». Например, в акте 909 г. каждая из трех *sortes et porciones* соответствовала наделу одного держателя, расположенному в одном из трех *fundi*. Термины широко используются и в описании владений мелких эмпитевтов⁶⁶². Показательно, что часто при аренде *fundus* целиком используется выражение *omnes sortes et portiones*, синонимичное «целиковому» значению *fundus*: это становится понятным как из контекста, так и из соотношения цен на землю в том или ином округе⁶⁶³. Не исключено, что *sorte* являлась фиксированной долей *fundus*, связанной с унциальным делением, но далеко не всегда совпадавшей с ним⁶⁶⁴, а наделу каждого производителя соответствовала *portione*⁶⁶⁵.

Sorte et portione в стремлении обеспечить многоотраслевую структуру крестьянского производства включал разные хозяйственные типы и, по возможности, жилую и хозяйственную инфраструктуру (*ateguum, casime*), и мог охватывать земли и угодья разных *fundi*⁶⁶⁶. О том, что *porcio* соответствует парцелле (и зачастую далеко не единственной), обрабатываемой каждым конкретным держателем, говорят, в частности, такие выражения, как *unus in sua porcione* при заключении коллективного арендного договора несколькими

⁶⁶² Benericetti 2002, № 159 (a. 972).

⁶⁶³ *Ibidem*, № 169 (a. 972): *uti omnes sortes et portiones vestras in integro positas in fundo qui vocatur Statiliano... Interrafines de predicto fundo, ab uno latere terra de Anso filius quondam Anso, ab alio latere desuper terra qui vocatur Campo Silvari, seu a tertio latere possidente vos ipsi petitores, atque a quarto latere iuris proprietatis vestre*. Как видим, деление на *sortes et porciones*, если и существовало, то носило идеальный характер, поскольку описаны границы *fundus* целиком. Арендатор вносит за *sortes et porciones* 12 денариев – цена, приближающаяся к льготной арендной плате за целиковый *fundus*. См. *Ibidem*, № 170 (a. 972).

⁶⁶⁴ CDP, № 7 (a. 957): *idest una uncias et medietatem principalem in integro in fundo qui vocatur Sarzano quod est omnem medietatem de sortes et portiones in integrum que tibi iam ante os dies obrenunciari Alberto*. С другой стороны, в аренде 972 г. (Benericetti 2002, № 159) говорится об *uncias seu porciones* применительно к *sortes et portiones* от трех имений.

⁶⁶⁵ *Montanari M. Estructuras familiares y formas de explotación agraria. Un caso italiano: Romagna, siglos XI–XIV // Studia Histórica. Salamanca, 1987. Vol. 5. № 2. P. 10.*

⁶⁶⁶ Benericetti 1999, № 18 (a. 911): *idest omne medietate de sorte et porcione qui est possita in duorum fundorum*.

крестьянами⁶⁶⁷. Арендваемая в 783 г. *porcio* покойного держателя Григория, представляющая собой прямоугольное поле неправильной формы (размером 32×30×6 пертик) с пахотной землей и виноградником, соседствует с землей Доминика и полем некого Климента. Встречаются и случаи внутрисемейного раздела на *porciones*⁶⁶⁸.

Помимо *sorte et porcione*, встречается более мелкая единица пеция (*pesia*, ср. с ит. «prezzo» и эдил. «rès»), иногда имеющая точные (и самые разные) размеры и непременно включающая определенный хозяйственный тип (*pesia terrae*, *pesia vinearum*). Например, обстоятельства аренды земель двух *fundi* двумя вдовами в 872 г. фиксируют, что в рамках отчуждаемых унций (по три на каждого арендатора) две пеции виноградников и две пеции пахотной земли (*terre*) остаются в руках Церкви. Порой ее размеры были очень большими. В правление архиепископа Петра IV (927–971) некая Ротруда, по всей видимости, церковная эмфитевта, снимает одну пецию в имении *Suxinium* размером в 150×130×150×58 пертик в округе Монтефельтро. Ее площадь приблизительно составляла 12 га, или 48 югеров⁶⁶⁹, что довольно много, хотя и не является пределом для некоторых явно нельготных держаний. В конце концов, система эксплуатации земли в горном округе Монтефельтро редко считалась с римскими аграрными распорядками: все зависело от качества и плодородия почв, потребности в лесистых и луговых участках. Но все же в большинстве случаев размеры пеций были не очень большими. Согласно либелле 891 г., арендуемые колоном Пеллегрином в округе Озимо *sortes et portiones* включали пецию размером 9 модиев, расположенную в пределах некоего *fundus*, с двух сторон ограниченную дорогами («*ha duobus lateribus vias corentes*»); там же расположен и дом с каналом (*cum edifitjo seu canale*)⁶⁷⁰. Пеция виноградника, арендуемая семьей колонов у монастыря св. Марии in *Cereseo* в 965 г., насчитывает четыре торнатуры (или

⁶⁶⁷ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984), 268 (a. 997).

⁶⁶⁸ Benericetti 2006, № 39 (a. 890): *uti nobis Urso vilico et Pollia [in] tertia portione persicutare debeas Pollia cum Maria filia sua.*

⁶⁶⁹ *Pasquali G.* Gli insediamenti rurali minori: pievi, fondi, masse, castelli e corti // *Studi e ricerche sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro).* Roma, 1985. P. 132.

⁶⁷⁰ Benericetti 2006, № 40 (a. 891).

около четырех югеров)⁶⁷¹. Некоторые пеции, особенно в XI–XII вв., были огорожены⁶⁷². Встречаются, впрочем, и более мелкие единицы, например, *peciola*⁶⁷³, а также общие наименования, такие, как *terra* или *clausula* (огороженное изгородью пространство).

Massa. Единицей крупной земельной собственности в Романье, включающей несколько *fundi*, *casalia* и *apendicia*, является *massa*⁶⁷⁴. Этот термин, по мнению О.Р. Бородина, примерно соответствующий римской латифундии (*latus fundus*)⁶⁷⁵, оставил заметный след в топонимике современной Италии. Он фигурирует в составе более десятка нынешних населенных пунктов страны. Любопытно отметить, что два из них – коммуны Масса-Фискаля и Масса-Ломбарда – находятся на территории современной провинции Эмилия-Романья. Несмотря на наличие близких аналогов («латифундия»), сам термин, как и термины *fundus* и *casale*, там, где это возможно, я оставляю без перевода. Хозяйственные реалии, скрывающиеся за этим словом, едва ли соотносимы как с римскими единицами крупной собственности, так и с печально известными южноитальянскими латифундиями времен объединения Италии.

В изучаемую эпоху *massae* были характерным явлением церковной собственности. Случаев, когда *massa* находилась в частной собственности светских лиц, сравнительно немного⁶⁷⁶, и некоторые из них благодаря благочестивым дарениям позже были включены в архиепископский патримоний⁶⁷⁷. *Massae* располагали лишь немногочисленные крупнейшие

⁶⁷¹ Benericetti 2010, № 301 (а. 965).

⁶⁷² Benericetti 2002, № 141 (а. 968): *una pecia terre qui vocatur Clausura Natali*; Fantuzzi 1802b, № 77 (а. 1192): *idest unam peciam vinearum cum arbustis arboribus cum introitu et exitu suo*.

⁶⁷³ Benericetti 1999, № 24 (а. 914): *et interrafines de una peciola terre in integro possita non longe ad monasterio Sancti Martini*.

⁶⁷⁴ О *massae* позднеримского времени см. *Vera D. Massa fundorum. Forme della grande proprietà e poteri della città in Italia fra Costantino e Gregorio Magno // Mélanges de l'École française de Rome. Antiquité*. 1999. Т. 111, № 2. Р. 991–1025.

⁶⁷⁵ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 195.

⁶⁷⁶ Benericetti 2006, № 36 (а. 888–889) *massa Prata* (в собственности графини Ингельрады); 54 (а. 896): *massa Fiscalia* (какая-то часть находилась в собственности Ингельрады); Benericetti 2002a, № 238 (а. 987): *massa Decimello* (в собственности «благородного мужа» Ракко).

⁶⁷⁷ Benericetti 2006, № 16 (а. 855): *massa Metatjana, Meditjna, Voetas* (до 855 г. находились в собственности дукса Гизульфа, после был отчуждены в пользу архиепископии); 20 (а. 858–859):

собственники региона, такие, как графиня Ингельрада и ее семейство. Желанными объектами для аренды крупной знатью *massae* становятся не раньше 40–50-х гг. X в.

Важно подчеркнуть, что *massa* являлась компактной единицей – *corpus*. В ряде случаев она может выступать единственным топонимом, локализирующим тот или иной земельный объект по восходящей еще к V в. формуле «*ex corpore masse ...*»⁶⁷⁸.

В подавляющем большинстве случаев нам неизвестно, сколько *fundi* входили в состав той или иной *massa*. О ее размере можно составить представление лишь по тем отрывочным и неполным сведениям, которые содержат некоторые церковные акты. Понятно лишь, что размеры *massae* были большими. *Massa Sancti Illari* в округе *Faventino acto Corneliense* на 1002 г. включала не менее 12 *fundi* и охватывала как минимум два прихода. В состав *massa Mariana* в округе Монтефельтро входят не менее восьми *fundi* и некоторое число *casalia*⁶⁷⁹. *Massa Synogalense* включала три церкви с принадлежащими им угодьями, четыре *fundi* и одно поле⁶⁸⁰. *Massae* могли охватывать значительные сельские и даже пригородные территории городов Пентаполя⁶⁸¹, а также включать

massa Curraciana (находилась в собственности сапожника Петра, после была отчуждена в пользу архиепископии).

⁶⁷⁸ Marini, № 83 (a. 489); Benericetti 2006, № 11 (a. 838): *ex corpore massis Plautj[...]nensis*; 41 (a. 891): *ex corpore mas[se Mer]olarie*. Benericetti 1999, № 43 (a. 933), 61 (a. 948); BER, № 100–102, 111 etc.

⁶⁷⁹ Benericetti 2006, № 30 (a. 850–877): *in massa Mariana in fundo Ulmitulo*. Benericetti 2002, № 61 (a. 948): *in duorum fundorum quorum vocabula sunt Rofello et Romiano ex corpora masse Mariane*; 67–68 (a. 950): *massa Mariana cum apendicibus suis quod est in Cominico et in fundo Rontano et in fundo Erbaluparia et in fundo Plegule et in fundo Apisio et aliae fundore vel casalie ad ipsam massam pertinentibus*.

⁶⁸⁰ Benericetti 2002, № 93 (a. 956–957): *idest massa nostra in integro... ubi est fundata ecclesia Sancti Iohannis Baptiste, seu et Sancti Martini atque Sancti Vitalis, cum casalibus et apendicibus suis, hoc est fundum unum qui vocatur Veclanum et in fundo Consortjo, nec non et in fundo Iovis et in loco qui vocatur Oliva de Bulgari, seu et campo Retundo... tam infra civitatem Synogaliensem quamque et extra civitatem*.

⁶⁸¹ Не совсем ясно, что подразумевается в грамоте 953 г., где принадлежащие к церковной массе *Famulata* отдельные участки (*casalia* и *apendiciae*) локализируются, в том числе, в пределах городской черты Фано (*tam infra civitatem Fano quamque et extra civitatem pertinentibus*), однако рискнем предположить, что речь идет о местах обработки сырья и изготовления оливкового масла: Benericetti 1999, № 73 (a. 953).

несколько приходов⁶⁸². Так, например, обстояло дело с *massa Fiscalia*, о которой пойдет речь ниже. *Massa Castellione* в округе Феррары на момент 957 г. обрабатывалась силами 35 супружеских пар, не считая десяти несемейных колонов обоего пола и зависимых работников (*homines*). Показательно, что в приписке XII в. к одной из грамот в отношении этой *massa* используется термин *saltus*⁶⁸³. Половина *massa Albarito seu Portillone* в Комаккьо была разделена на держания 46-ти «посессоров» (*posessores*), большинство из которых, судя по их статусу (*comes, tabellio, dativo, archidiaconus, archipresbiter*) были нетрудовыми держателями или не были связаны с аграрным производством (*faber*)⁶⁸⁴.

Многие *massae*, несомненно, восходили к крупным владельческим комплексам позднеантичного времени. Равеннские папирусы фиксируют их присутствие в местной кадастровой сетке с V–VI вв.⁶⁸⁵ Некоторые такие *massae*, согласно обычной практике, распространенной также и на землях патримония св. Петра⁶⁸⁶, получали свое название от родового имени собственника или наиболее крупного и важного *fundus*, находящегося в ее составе. Возможно, такова природа топонимов *Quiliana, Mariana, Metatjana, Firminiana, Maratjana, Castruciana, Corniliana* (совр. Кориано, возможно, от *gens Cornelia*)⁶⁸⁷.

Некоторые, однако, могли быть новообразованиями на базе существующей сети *fundī*, созданными администраторами патримония св. Аполлинария. Можно предположить, что таким образом могла быть образована масса *Maratjana* в округе Римини. Согласно регесте BER 34, в 748–769 вв. в округе Римини находился достаточно крупный *fundus* с аналогичным названием, включающий более 21 *casalia*. Весьма вероятно, что после перегруппировки соседних имуществ в *massa* он мог дать название новой единице землевладения, появление которой

⁶⁸² Benericetti 2006, № 20 (a. 858–859): *infra territorio Corniliense in pleve Sancti Savini vel in aliis plevis*.

⁶⁸³ Benericetti 2002, № 91 (a. 957): *Carta de saltum Ferraruense ad renovandum*.

⁶⁸⁴ Benericetti 2006, № 19 (a. 850–859).

⁶⁸⁵ Marini, № 73: *massa Fadiliana* (a. 444); Tjäder 13: *massa Firmidiana* (Урбино).

⁶⁸⁶ См. *Spearing E. The patrimony of the Roman church in the time of Gregory the Great*. Cambridge, 1918. P. 40–41.

⁶⁸⁷ Происходит от родового имени *Castrucius*. Такие топонимы встречаются, в частности, в алиментарных таблицах Велей: *Tab. alim. II, 56; V, 94*.

фиксируется источниками не ранее 918 г., когда некоторые земли в ее составе, включая целый *fundus Castanieto*, были одновременно сданы в аренду трем семьям производителей⁶⁸⁸. Точно так же, возможно, была образована *massa Castellione* – от названия находящегося в ее составе *fundus Castellione*⁶⁸⁹. Помимо этого, встречаются и топонимы, прямо раскрывающие фискально-административное назначение *massae* (*Fiscalia*, *Quartisana*).

Непосредственное участие Церкви в образовании *massae* можно прочесть в топонимах *Famulata* и *Funi*: по всей видимости, они были заселены церковными работниками и слугами (*famuli*), посаженными на землю. Встречаются также агитопонимы (*Sancti Laurentji*, *Sancti Illari*, *Sancti Marie*), прямо указывающие на связь с Церковью, которая соорудила там культовые объекты, видимо, с целью притяжения поселенцев или укрепления общинной сплоченности обитателей. Так, не позднее рубежа X и XI вв. в *massa Sancti Illari* была сооружена капелла, посвященная одноименному святому.

По всей вероятности, эти *massae*, будучи перегруппированными множествами земельных объектов, создавались сознательно, возможно, для координации процесса внутренней колонизации территории, ставшей насущной необходимостью Равеннской церкви в середине – второй половине IX в. Эта гипотеза уже высказывалась рядом исследователей⁶⁹⁰. Частично она подтверждается и данными археологии. Так, археологами доказано, что упомянутая мной *massa Sancti Illari*, расположенная в округе *Faventino acto Corneliense*, близ современной коммуны Луго, служила целям мелиорации и колонизации пустующих и заболоченных земель⁶⁹¹. Это сочетается и с данными

⁶⁸⁸ Benericetti 1999, № 28 (а. 918, 27 мая), 29 (а. 918, 27 мая), 30 (а. 918, 27 мая).

⁶⁸⁹ Benericetti 2002, № 147 (а. 970): *et ab alio latere fundo qui vocatur Castellione...ab uno latere massa Castellione.*

⁶⁹⁰ *Saracco Previdi E.* Le «Massae» del territorio senigalliese nel Medioevo (secc. VIII–XII) // *Scritti storici in memoria di Enzo Piscitelli / a cura di R. Paci.* Padova, 1982. P. 3–22; *Pasquali G.* Agricoltura e società rurale in Romagna nel Medioevo. Bologna, 1984. P. 95, 113–141; *Baldetti E.* Stratificazioni linguistiche ed organizzazione agraria nel territorio senigalliese dell'alto medioevo: note topografico-storiche // *Proposte e ricerche.* 1981. № 6. P. 47–84; *Castagnetti A.* L'organizzazione del territorio rurale nel Medioevo. P. 247–254.

⁶⁹¹ *Dall'Aglio P. L.* Centuriazione e geografia fisica. P. 287.

источников, где упоминается эта *massa*. Известно, что не позднее 1002 г. она включала новь (*ronco*) под названием *Casella*, выделившуюся в полноценный *fundus*, а также объект *Casa[liclo]*, топоним которого, скорее всего, восходит к некогда образовавшемуся там *casale*.

Похожая структура воспроизводится и в описаниях других *massae*. Из 24 *massae*, о внутренней структуре которых мы располагаем хоть какими-то сведениями, в 13 из них входят *casalia* и *apendicia* (см. таблицу), что указывает на связь с аграрно-колониационным процессом.

Кое-что может сказать и географический разброс *massae*. Значительное их число приходится на слабоосвоенные регионы севера, в частности, феррарский округ, а также на округу Римини, которые в X–XI вв. осваивались наиболее активно. Прямая связь с корчевками обнаруживается в присутствии топонимов, образованных при помощи существительного *ronco* (расчистка). На эту мысль наводит топоним *Ronke* – *massa* в округе Болоньи, впервые встречающаяся в акте 972 г. в сильно заболоченной зоне. С трех сторон ее окружают естественные границы: две реки с прорытым каналом (*fossa*), а также лес⁶⁹². *Massa Coreliana* в округе Римини в 973 г. включает *ronco Meletulo*⁶⁹³. Не позднее 977 г. в *massa Ferminiana* (близ Феррары) усилиями лично зависимого крестьянина Иоанна с сыном появляется *ronco*⁶⁹⁴, который он затем получает в держание на правах льготной аренды. Условия коллективного либеллярного договора 984 г. с крестьянами *massa Quartisana* в округе Феррары предоставляют девятилетнее освобождение от уплаты натуральной ренты за расчистку нового *ronco*⁶⁹⁵. Текст либеллы 952 г., касающейся аренды парцелл в *massa Quiliana* (округ

⁶⁹² Benericetti 2002, № 167 (a. 972): ab uno latere fluvio qui vocatur Isice et iura Sancti Cassiani, ab alio latere iura Sancte Bononiensis ecclesie, seu a tertio latere fluvio Gaibana et silva que vocatur Antelena, atque a quarto latere fossa qui dicitur Dafine ubi dividitur inter Cavalli et predicta massa.

⁶⁹³ Ibidem, № 177 (a. 973): et alia petja de ronco qui vocatur de Meletulo, et de ipso ronco medietate tenuit quondam Dominicus et medietate Urso germane, qui est posito territorio Ariminense in massa Coreliana.

⁶⁹⁴ Benericetti 2002a, № 200 (a. 977): idest roncum in integro quem vos ipsi noviter cum vestris dispendiis roncare visi estis, com omnibus sibi pertinentibus.

⁶⁹⁵ Ibidem, № 232 (a. 984): et de ronco que roncaverimus usque ad annos novem nichil in domnico dare debeamus.

Форлимпополи), содержит довольно нетипичное для либеллярных договоров Экзархата условие *roncandum*⁶⁹⁶. Действительно, не позднее 993 г., согласно другой либелле, в *massa Quiliana* появляется *ronco de Basilio*, причем условия контракта предполагают и дальнейшую корчевку⁶⁹⁷.

Несмотря на то, что *massae*, вероятно, не являлись производственными единицами, они не были и простыми сводными объединениями земель. Очевидно, они представляли исключительную экономическую важность для архиепископии, коль скоро вокруг *massae* в IX–XII вв. то и дело вспыхивали конфликты с другими церковными собственниками. Один такой конфликт неоднократно освещался в специальной литературе. Равеннская церковь длительное время, вплоть до XII в., оспаривала права на *massa Firminiana* в округе Феррары⁶⁹⁸. Некоторые *massae* могли иметь собственных управляющих (виликов). Так, при сдаче в эмфитевтическую аренду двух *massae* в округе Форли в 943 г. оговорено, что вилик Мартин, управляющий *massa Sancti Laurentij*, остается в подчинении архиепископа⁶⁹⁹. Кроме этого, *massae* могли включать приходские центры, которые, в свою очередь, сдавались в аренду архипресвитерам, видимо, с целью упрочения административного контроля церкви над территорией⁷⁰⁰.

⁶⁹⁶ Benericetti 1999, № 71 (a. 952): *idest pecia de terra agresta posita in massa vestra Quiliano... Habendum, tenendum, cultandum, roncandum, pastinandum, ateguo ibidem faciendum.*

⁶⁹⁷ Benericetti 2002a, № 258 (a. 993): *idest omne pertinentja que pertinent de ronco de Basilio posito in massa de Quiliano... habendum, tenendum, roncandum, pastinandum.*

⁶⁹⁸ *Sarti N. Una nuova testimonianza per una secolare contesa: la Massa Firminiana e le curie di Ravenna e Ferrara in un documento legale del XII secolo // A Ennio Cortese / A cura di I. Birocchi, M. Caravale, E. Conte, U. Petronio. Roma, 2001. P. 210–255.*

⁶⁹⁹ Benericetti 1999, № 51 (a. 943): *et cum omnibus as predictae due masse iuris sancte vestre Ravennatis ecclesie pertinentibus etscepto Martinus filio Petrus vilico predictae masse vestre Sancti Laurentij cum filiis et heredibus suis quem ad vestries reservatis minibus vel vestre sancte Ravennatis ecclesie dominium et potestati.* Управляющие крупными единицами земельной собственности встречаются не только в Романье. Дарственная 740 г. аббатству Фарфы герцогом Сполето Тразимундом II, в которой, помимо земельных участков, фигурирует отчуждение «третьей части» сборов (*tertium*) с населения *massa*, свидетельствует о том, что *massa* находилась в управлении акционария Меллитуса (*Il regesto di Farfa... Vol. II, № 28, a. 898. P. 39.*)

⁷⁰⁰ Benericetti 2002a, № 214 (a. 980): *libellario nomine concedistis nobis rem iuris sancte vestre Ravennatis ecclesie, idest plebem Sancti Iohannis, cum terris et vineis, campis, pratis, pascuis, olivetis, cannetis, silvis, salectis, satjonalibus ... constituto territorio Sinogalliense, infra massam vestram domnicatam.*

В некоторых случаях обращает на себя внимание унификация повинностей, которые несли в пользу Церкви производители. Крестьяне, одновременно арендовавшие земли в *massa Maratjana* в 918 г. (см. таблицу № 6), исполняют в пользу Церкви абсолютно аналогичные повинности.

Таблица 6. Эксплуатация производителей на землях *massa Maratjana*. X в.

Дата	Арендаторы	Рента	Отработочные повинности	Прочие платежи
918	1 супр. пара колонов	$\frac{1}{10}$; $\frac{1}{10}$; $\frac{1}{3}$	Лесозаготовки для нужд архиепископии. Постройка бочек (<i>buttes</i>). Operas in angariis: 2 m 4 b	Eхenium = 2 курицы, 1 модий отборного зерна. $\frac{1}{2}$ оливок и каштанов. 20 ободов для бочек. Glandaticum. Circoitus = 6 денариев.
918	1 супр. пара колонов	$\frac{1}{10}$; $\frac{1}{10}$; $\frac{1}{3}$	Лесозаготовки для нужд архиепископии. Постройка бочек (<i>buttes</i>). Operas in angariis: 2 m 4 b	Eхenium = 2 курицы, 1 модий отборного зерна. $\frac{1}{2}$ оливок и каштанов. 20 ободов для бочек. Glandaticum. Circoitus = 6 денариев.
918	1 супр. пара колонов (1 fundus)	$\frac{1}{10}$; $\frac{1}{10}$; $\frac{1}{3}$	Лесозаготовки для нужд архиепископии. Постройка бочек (<i>buttes</i>). Operas in angariis: 2 m 4 b	Eхenium = 2 курицы, 1 модий отборного зерна. $\frac{1}{2}$ оливок и каштанов. 20 ободов для бочек. Glandaticum. Circoitus = 6 денариев.
944	2 супр. пары колонов (terra sacionale)	$\frac{1}{10}$; $\frac{1}{10}$; $\frac{1}{4}$	Operas in angariis: 1 m 4 b	Eхenium = 1 квартарий отборного зерна, курица, 3 яйца. Glandaticum = 1 поросенок. Herbaticum/circoitus = 1 fersnga (свинья?).

Унификация повинностей наблюдается и среди колонов *massa Quiliana*: в контракте 993 г. говорится об «*usus ipsius masse*» в контексте нормы продуктовой ренты⁷⁰¹. Следы этого можно обнаружить и в топонимии. Характерна в этом отношении *massa Quartisana* (одно из значений «*quartisina*» по Дю Канжу – «*pensio*

⁷⁰¹ Benericetti 2002a, № 258 (a. 993): hoc est terraticum et redditum secundum consuetudinem et usum ipsius masse et loci.

quartæ partis», «рента в размере четвертой части»)⁷⁰². Населяющие массу крестьяне, действительно, платят четвертую часть от терража злаками. Впрочем, это довольно стандартная норма натуральной ренты для северо-восточных владений архиепископии в районе Феррары и Вогьеры⁷⁰³.

Некоторые *massae* носили специализированный отраслевой характер. Ярким примером может служить *massa Famulata*, служившая важным поставщиком оливкового масла. Архиепископия не была готова нивелировать ее экономическую роль даже при сдаче в нетрудовую аренду местной знати. В 953 г. она была арендована графом Иоанном Bonizo на условии выплаты трети произведенного оливкового масла⁷⁰⁴, что довольно нетипично для эмфитевтических аренд.

Есть сведения, что некоторые церковные *massae* Пентаполя включают господский домен (*pars dominica*): так обстоит дело с *massae Mariana* (Монтефельтро) и *Famulata* (Фано), но отсутствие каких-либо внятных данных о системе прямого управления в этих землях в X в. заставляет нас воздержаться от каких-либо выводов. Как бы то ни было, *massae* нередко включали домениальные центры, служащие промежуточными пунктами аккумуляции натуральной ренты. В частности, на землях *massa Mariana* в Монтефельтро располагался вотчинный центр (*curtis*), а *massa Qiliano* включала *domnicalia*⁷⁰⁵. Как бы то ни было, эффективность контроля Церкви над *massae* в ряде случаев вызывает много вопросов: церковные архивы содержат сведения о судебных тяжбах

⁷⁰² О хозяйственной важности ее говорит хотя бы то, что она удостоилась упоминания в булле папы Пасхалия II от 1106 г. Ныне это населенный пункт *Quartesana*, входящий в состав коммуны Феррара.

⁷⁰³ Benericetti 1999, № 43 (a. 933): *ita sane ut inferamus vobis vestrisque successoribus de quicquid inibi Dominus condonare iusserit terraticum triticum, sicale, ordeo, iunicula farre vel omni labore maiore in campo cappas quartas.*

⁷⁰⁴ *Ibidem*, № 73 (a. 953): *pro pensione dare debeamus omni annualiter omnem terciam partem de oleo que in predicta res collecto fuerit et ad vestra venerit potestate. Reservato ipso oleo per nos suprascripti petitores infra civitatem Fano in vasis nostris quosque missum vestrum venerit eum ad tollendum.*

⁷⁰⁵ *Ibidem*, № 23 (a. 912): *deductum omnem terraticum domnicum in integro de labore et lino... in curte domn[nica vestr]a massa Mariana; 71 (a. 952): deductum omnem terraticum domnico in integro de labore et lino una cum ipso exenio per nos suprascriptis colonis usque in domnicalia vestra in massa Quiliano.*

архиепископии с местными диоцезами и светскими землевладельцами, незаконно присваивающими доходы с *massae*. Интересен в этом отношении датируемый 859 г. судебный конфликт архиепископа с 46 поселенцами из Комаккьо, фактически проживающими (*residentes*) на половине приморской массы *Albarito seu Portillone*. По поводу массы *Supario* в Ферраре, якобы незаконно захваченной епископом Мартином у архиепископа Петра, который «...владел ею и взимал с нее четвертую долю»⁷⁰⁶, состоялось целое разбирательство на Равеннском синоде 955 г., разрешившееся в пользу архиепископии.

Таблица 7. *Massae* Экзархата и Пентаполя в VIII–X вв.

Период	Гор. округ	Название	Структура
688-705	Римини	Atiana	?
748-769	Римини	Corniliana	?
748-769	Сенигаллия	S. Marie a Tegiano	?
838	Адрия	Plaut[...] <i>nensis</i>	Как минимум 1 f.
834-846	Озимо	Aternana	Cum casalibus et apendicibus
855	Болонья, Имола, Фаэнца	Metatjana, Meditjna, Boetas	Cum fundis et casalibus et apendicibus
850-59	Комаккьо	Albarito seo Portilione	?
858-59	Имола	Curraciana	fundis aut cassalias
850-77	Монтефельтро	Mariana	Как минимум 8 fundi и др. appendiciae
888-89	Фаэнца	Prata	?
891	Сенигаллия	Merolaria	Как минимум 3 fundi
870-893	Феррара	Firminiana	Как минимум 1 f. Sablonarias, ronco (не позднее 977 г.), vinea domnicata
896	Фаэнца	Albarito	?
896		Fiscalia	?
898-906	Озимо	Ausimana	Cum fundoras et casalibus vel apenditjibus. Castello (не ранее 70-х гг. X. в.)
918	Римини	Maratjana	Как минимум 1 f.
933	Феррара	Quartisana	?
939	Феррара	Ruvina	?
940	Римини	Castruciana	?

⁷⁰⁶ Benericetti 1999, № 86 (a. 955): et etjam ipse dominus Petrus [ar]hiepisopus ipsam integram massam habuit et detinuit et a quarta re iussit et sic iste Martinus episcopus in parte de ipsa massa invasus est contra meam voluntatem et eam iniuste mihi detinet.

942	Фаэнца	Maderaria	?
943	Форлимпополи	Quiliana, S. Laurentji	cum fundis cassalibus seu apenditjibus; Quiliano включает ronco
952	Феррара	Pupli	?
953	Фано	Famulata	Cum casalibus et apendicibus; domnicatum et colonicatum
955	Феррара	Copparo	Cum fundis et casalibus seu apenditjibus;
956-57	Сенигаллия	[Synogalense]	3 церкви (1 приходская) cum casalibus et apenditjibus в 3 f.; loco Oliva de Bulgari; campo
957	Имола	Centum Lisinia	Cum casalibus apendicibus cultum et incultum domnicatum et colonicatum
958	Болонья	Funi	Fundis et casalibus
961	Феррара	Vicariana	Cum casalibus et apendicibus
967	Озимо	Magana	?
970	Форли	Castellione	?
972	Болонья	Ronke (Ponte)	Tumbis + rogium, где возведена башня. Cum missionibus
973	Римини	Coreliana	Включает ronco de Meletulo
974	Дечимано	Massa	?
974-75	Сарсина	Monte Cavallo	?
971-984	Анкона	Felcariola	Fundi
981	Форлимпополи	Massa S. Hilari	2 fundi
до 983	Озимо	Afriniana	Cum casalibus et apendicibus
до 983	Римини	Salutis	?
984	Форлимпополи	Balneolo	?
986	Чезена	Roda Decimis	Как минимум 4 f. и господский лес (gualdo domnicato)
987	Фаэнца-Имола	Decimello	?
988	Форли	Plancula	?

Выводы. В основе аграрной топографии Романьи, как и в римский период, лежало «поле» – единица средней и мелкой собственности, восходящая к республиканской эпохе. Но за видимой инертностью аграрного пейзажа Романьи, где, казалось бы, всецело господствовали римские кадастровые порядки, проступает его динамичность и функциональность.

Во-первых, в этой системе нуждались и мелкие парцеллярные хозяйства земледельцев⁷⁰⁷, и крупные земельные собственники, в первую очередь – архиепископская курия и духовные корпорации. Она сохраняла свое единство

⁷⁰⁷ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 304.

даже несмотря на то, что землевладельческие единицы постоянно дробились и укрупнялись, в номенклатуре имений появлялись постримские топонимы, более содержательные по сравнению со старой римской топонимикой. Они фиксируются в *gesta municipalia* начиная с 1-й половины VI в. и на всем протяжении византийского и рассматриваемого поствизантийского периода.

Римская топография была удобна для перераспределения земель, угодий и рент среди знатных землевладельцев, духовных корпораций, земледельческих коллективов и отдельных домохозяйств. Благодаря унциальному делению такие операции не требовали серьезной перекройки аграрного пейзажа.

Во-вторых, она постоянно развивалась. В рамках кадастровой сетки Романьи непрерывно протекала аграрная колонизация. Это подтверждается обилием топонимов *casa*, *casale*, не нарушавших, впрочем, топографический облик региона. Заметно здесь и объединение имений в сводные комплексы (*massae*), внешне напоминавшие латифундии. Они создавались по инициативе Церкви в сотрудничестве с коллективами поселенцев.

Бесспорный континуитет в поселенческой структуре, выявленный в первой главе, в сочетании со сведениями, полученными об аграрном пейзаже региона, еще не подтверждает, что в раннесредневековой Романье бытовали римские по своей природе формы организации хозяйства. Римские порядки выступали, скорее, матрицей, в которой развивались производственные отношения, а внутри них – контроль над путями движения прибавочного продукта. Эти выводы еще предстоит подкрепить археологией древних земледельческих зон Романьи. Скорее всего, многое будет уточнено и дополнено. Причина, по которой аграрный пейзаж региона сохранял свое структурное единство, выводит нас вплотную на организацию земледельческого производства, которой будут посвящены следующие главы.

Глава 4. Крупное хозяйство и вотчина в VIII–X вв.

§ 1. Вводные замечания. В этой главе речь пойдет об организации сельскохозяйственного производства в поствизантийских областях северо-восточной Италии. Здесь доказывается существование разных, синхронно и диахронно существовавших в регионе форм крупного хозяйства, принципиально несводимых к «византийской», «каролингской» или, скажем, «романьольской» модели.

Как и любой другой регион раннесредневековой Европы, Романья в VI–XI вв. знала разные модели организации сельскохозяйственного производства, а именно: мелкое крестьянское производство, не вовлеченное в орбиту крупного землевладения или слабо втянутое в нее; мелковотчинное производство во всем многообразии его форм; крупные церковно-вотчинные комплексы и различные типы поместий светских лиц. Все они использовали разные способы мобилизации и распределения трудовых ресурсов и хозяйственного использования работников. Не имея возможности рассматривать весь континуум производственных отношений региона в римское, византийское и каролингское время, я остановлюсь на нескольких ключевых для понимания экономического развития Романьи моментах.

Долгое время считалось, что важнейшей чертой феодальных поземельных отношений являлось «сочетание крупной феодальной собственности с мелким крестьянским владением». Этот тезис, сам по себе, верный, предполагал, что крестьянин по умолчанию ведет самостоятельное хозяйство, и его эксплуатация возможна лишь с применением внеэкономического принуждения.

Такая точка зрения, в целом, была характерна для многих исследователей марксистского толка. Например, М. Добб определяет феодальный способ производства через «отношение между непосредственным производителем ... и его непосредственным господином», экономическим выражением которого становится «обязательство по выполнению экономических требований господина,

накладываемое на производителя посредством силы и независимо от его воли»⁷⁰⁸. Эту позицию разделяли и многие советские историки, в частности, Б. Ф. Поршневу⁷⁰⁹, но впоследствии она была пересмотрена.

Все эти утверждения вызывают вопросы. Во-первых, сочетание крупной земельной собственности с мелким индивидуальным хозяйством непосредственных производителей (главным образом, крестьян) вполне пригодно для описания экономического строя некоторых обществ древности, традиционно не определяемых историками как «феодальные»⁷¹⁰.

Во-вторых, внеэкономическое принуждение обнимало большое разнообразие отношений и явлений, несводимых к голому насилию: это правоимущественные отношения, сословный строй, церковные и судебные институты. Взгляд на внеэкономическое принуждение как на голое насилие, восходящий к Б. Ф. Поршневу, был пересмотрен еще в 50-х гг. прошлого века. Это, в частности, хорошо заметно по работам С. Д. Сказкина⁷¹¹.

В-третьих, если наличие «внеэкономического принуждения» в обществах древности и средневековья все же вряд ли кем-либо может быть оспорено всерьез, то вызывает сомнение адекватность понятия «экономическое принуждение». Представление о нем сложилось во многом под воздействием правового формализма XIX в. Не был чужд таких мнений и К. Маркс, называя условием накопления капитала превращение рабочей силы в товар, а мелкого ремесленника и земледельца – в наемного работника, свободно продающего свой труд на рынке. Впоследствии было доказано, что способы капиталистического накопления вполне совместимы с тяжелыми формами личной зависимости работника вплоть до рабства, крепостничества, пенажа и других состояний. Более того, внимательное чтение работ Маркса наводит на мысль, что в оценке экономической свободы наемного работника при капитализме он все же

⁷⁰⁸ *Dobb M.* Studies in the Development of Capitalism. London, 1950. P. 37.

⁷⁰⁹ *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 43–44.

⁷¹⁰ *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969. С. 29–30.

⁷¹¹ *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века. М., 1968. С. 117–118.

колебался. Например, говоря о «свободном» наемном труде, Маркс одновременно утверждает, что «... владелец рабочей силы должен быть лишен возможности продавать товары, в которых овеществлен его труд, и, напротив, должен быть *вынужден* продавать как товар самое рабочую силу»⁷¹². Иногда он прямо говорит о наемном труде как о «рабстве» («Knechtschaft», «Sklaverei») или «форме порабощения» («Formwechsel der Knechtung») ⁷¹³.

В-четвертых, внеэкономическое принуждение было известно и древним («рабовладельческим», «азиатским») обществам. Это понимали многие советские исследователи. Например, антиковед К. К. Зельин прямо заявлял, что «внеэкономическое принуждение – типичная черта всех докапиталистических обществ»⁷¹⁴. Сходные мысли высказывал и И. М. Дьяконов, подчеркивая господство внеэкономической эксплуатации в древних и в средневековых обществах, с той лишь разницей, что в последних «...внеэкономическая эксплуатация имеет здесь не столь прямой и всеобъемлющий, но часто и более косвенный характер»⁷¹⁵.

Таким образом, определение феодальной экономики через такие ее характеристики, как сочетание различных форм землевладения и господство внеэкономического принуждения, является абстракцией, не раскрывающей *differentia spetifica* производственных отношений Средневековья⁷¹⁶. Более содержателен разговор о конкретных способах организации хозяйствования.

В российской исторической литературе генезис крупного землевладения в раннем Средневековье тесно связан с понятием «вотчина». С его употреблением существуют некоторые сложности. С одной стороны, за понятием стоит солидная историографическая традиция, как дореволюционная, так и советская. Но изначально вотчиной обозначалось лишь некое единство территории и зависимого населения, впоследствии же значение слова неоднократно менялось. В

⁷¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960. С. 179, 281, и др.

⁷¹³ Там же. С. 727–728.

⁷¹⁴ Зельин К. К., Трофимова М. К. Указ. соч. С. 30.

⁷¹⁵ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. № 4. 1973. С. 11.

⁷¹⁶ Kula W. An Economic Theory of the Feudal System. Towards a Model of the Polish Economy, 1500–1800. London, 1976. P. 15–16.

дореволюционной историографии начиная с XVIII–XIX вв. термин стал употребляться по отношению к любой наследственной земельной собственности. Ныне им осторожно обозначается «разновидность феодальной земельной собственности», причем подразумевается историческая изменчивость этого понятия применительно к разным периодам в истории Руси.

Словом «вотчина» переводили также немецкий термин *Grundherrschaft*. А.Я. Гуревич справедливо указывал на неудачность этого перевода⁷¹⁷. *Grundherrschaft*, в целом, более всего походил на оброчное поместье, где собственник никак не участвовал в организации производства, ограничиваясь получением оброка с крестьян. В то же время *Gutherrschaft* был ближе манору, господскому зерновому хозяйству, основанному на барщинном труде⁷¹⁸. Эту проблему разрешили советские историки, предложившие считать вотчиной организационную форму присвоения (феодальной) земельной ренты, которая, по мнению Е. А. Косминского, «может выступать в весьма разнообразных проявлениях»⁷¹⁹. Ввиду этого я не вижу оснований отказываться от этого термина, в том числе и в настоящем исследовании.

Каролингское поместье давно и по праву считается новшеством средневековой экономики. Однако давно установлено, что крупное землевладение отнюдь не предполагает существования крупного собственного хозяйства⁷²⁰. Поместье «классического типа» давно перестало служить историографическим эталоном, по которому судят о зрелости крупного землевладения. Этому мы во многом обязаны А. Ферхюльсту, впервые предложившему типологию крупных вотчинных хозяйств в 1960-е гг.⁷²¹, а также П. Туберу, который не только развил и

⁷¹⁷ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе // *Он же*. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007. С. 193.

⁷¹⁸ Kay C. Comparative Development of the European Manorial System and the Latin American Hacienda System // *The Journal of Peasant Studies*. 1974. Vol. 2, № 1. P. 70–71.

⁷¹⁹ Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.–Л., 1947. С. 41.

⁷²⁰ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л., 1960. С. 284–285.

⁷²¹ Verhulst A. La genèse du régime domanial classique en France au haut moyen âge // *Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto Medioevo*. Atti (dal 22 al 28 aprile 1965) (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo 13). Spoleto, 1966. P. 135–160.

углубил ее, но и дал характеристику экономической логике разных форм вотчинной организации, преимущественно на материале северной и центральной Италии⁷²². Таким образом, каролингское поместье, загнанное обратно в междуречье Рейна и Луары, перестало служить и показателем уровня экономического развития.

Благодаря средневековой археологии преодолеваются полярные, исключаящие друг друга позиции, восходящие к пионерам средневековой экономической историографии конца XIX – начала XX в. Преодолевается спор континуитистов, отстаивающих идею постепенной сеньоризации позднеимского поместья⁷²³, и сторонников коренной ломки производственных отношений, случившейся где-то между 400 и 1000 годом. Становится ясно, что раннее Средневековье действительно знало периоды серьезной ломки экономических отношений⁷²⁴, и возникающие сложные формы организации хозяйства, пусть и в чем-то похожие на позднеимские аналоги, не были им прямо преемственны. Хорошо известно, что в разные периоды в разных регионах Империи можно встретить сеньориальные элементы производственных отношений, в первую очередь, *patrocinium* и колонат. Сеньоризация позднеимского крупного землевладения является, в целом, доказанным фактом, хорошо освещенным в специальной литературе. Давно установлено, что т.н. прямое управление (*direct management*) и отработочная рента совместимы с развитым товарным производством и совсем не обязательно указывают на регионализацию экономики, так явственно проступающую при изучении раннесредневековых источников.

⁷²² *Toubert P.* Il sistema curtense: la produzione e lo scambio interno in Italia nei secoli VIII, IX e X // *Storia d'Italia. Annali 6: Economia naturale, economia monetaria / A cura di R. Romani e U. Tucci.* Torino, 1983. P. 5–63.

⁷²³ См. *Sarris P.* The Origins of the Manorial Economy: New Insights from Late Antiquity // *English Historical Review.* 2004. Vol. 119, № 481. P. 279–311.

⁷²⁴ *Бессмертный Ю. Л.* Формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Франции (VI–X вв.) // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.* Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 225.

Прямое управление, по оценке Дж. Персиваля, могло «развиваться постепенно, как реакция на меняющиеся экономические условия»⁷²⁵. Оно могло исчезать и появляться вновь в эпохи экономического роста или политической стабилизации⁷²⁶. Неудивительно, что такие формы хозяйствования мы встречаем в разные исторические периоды, от знаменитых вилл Горация до североафриканских императорских поместий (*fundus, saltus*) в позднеримское время, известных по любопытному документу «*Decretum Commodi de saltu Burunitano*» 180–183 гг.⁷²⁷ Согласно ему, колонны, помимо прочих повинностей, ежегодно отбывали шесть дней работ, поровну распределенных на время посева (*operas satorias*), обработки земли (*operas aratorias*) и сбора урожая (*operas messorias*), выполняемых в пользу *conductores*, краткосрочных арендаторов земель фиска. Подобная система, утвердившаяся к IV–V вв., встречалась и в иных императорских имениях, трудовые отношения в которых регулировались *lex Marciana*⁷²⁸. Нечто подобное, но с существенными отличиями, о которых речь пойдет ниже, мы встречаем в некоторых поместьях Равеннской церкви VI в.

Тем не менее, среди всего континуума рабских и рентных отношений наиболее удачным организационным решением, ставшим, по обоснованному предположению А. Ферхюльста, нововведением раннесредневековой экономики Европы, стало появление на землях фиска и монастырских корпораций Северной Галлии и Северной Италии вотчины «классического типа».

Углубление наших знаний об Античности и Средневековье постепенно снимает остроту и других проклятых вопросов. Например, широко известна проблема, было ли классическое поместье (как и поместье вообще) замкнутой, автаркичной ячейкой натурального хозяйства или настоящей товарной *enterprise*? В целом, мнение А. Допша, теперь уже без налета модернизации, как кажется, постепенно укрепляется в среде медиевистов. Вовлеченность каролингских

⁷²⁵ Percival J. Seignerial Aspects of Late Roman Estate Management // The English Historical Review. 1969. Vol. 84, № 332. P. 454.

⁷²⁶ См. Halsall G. From Roman *fundus* to Early Medieval *grand domaine*: Crucial Ruptures between Antiquity and the Middle Ages // Revue belge de Philologie et d'Historie. 2012. № 90. P. 273–298.

⁷²⁷ CIL VIII, 10570.

⁷²⁸ Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV–V веках. М., 1961. С. 116–117.

поместий в широкий товарный обмен считается доказанным фактом⁷²⁹. Замкнутость производственных и обменных циклов в рамках средневековых вотчин также справедливо ставится под сомнение. Вместе с тем выявление качественной определенности капиталистического производства, обстоятельно изученного К. Марксом и его последователями, не дает права произвольно уподоблять средневековое поместье капиталистическому предприятию. Все больше изучаются как конкретные формы хозяйствования и распоряжения трудовыми ресурсами, так и внутренняя экономическая логика функционирования разных выявленных типов вотчинной организации. Именно это направление представляется наиболее перспективным.

§ 2. Эволюция крупного хозяйства в VI–X вв. Одним из самых первых и важных документов, освещающих проблему организации церковной собственности в раннее Средневековье в этой части Италии, является знаменитый папирус P. Ital. 3 (= Marini 137), приблизительно датируемый серединой или 60–70-ми гг. VI в. О природе этого документа, интенсивно изучающегося в историографии на протяжении вот уже двух столетий, высказывались самые разные мнения. Подробно останавливаться на историографических дискуссиях я не стану. Отмечу лишь, что его материал привлекался А. Джонсом для доказательства маргинальности домениального сектора в позднеримском поместье. Т. Браун, в свою очередь, полагал, что уже в эти годы барщина переживала серьезный кризис с неуклонной тенденцией к дальнейшему сокращению⁷³⁰. К. Уикхэм благоразумно предпочитает не делать далеко идущих выводов⁷³¹. Я также считаю, что нет оснований судить о развитии, преемственности или упадке на основании одного полуразрушенного документа. Все, что мы можем сделать – это описать устройство поместий в структурном и

⁷²⁹ *McCormick M.* Origins of the European Economy: Communications and Commerce AD 300–900. Cambridge, 2002. P. 6sq.; *Wickham C.* Rethinking the Structure of the Early Medieval Economy // The Long Morning of Early Medieval Europe / Ed. J. R. Davis, M. McCormick. Aldershot, 2008. P. 20.

⁷³⁰ *Brown T. S.* Gentlemen and Officers. P. 199.

⁷³¹ *Wickham C.* Framing the Early Middle Ages: Europe and Mediterranean 400–800. Oxford, 2005. P. 278–279.

функциональном плане. Я отмечу здесь как общие моменты, необходимые для понимания источника, так и те места, на которые в литературе еще не обращали внимание.

Документ касается двух земельных комплексов Равеннской церкви (назовем их поместьями), один из которых располагался в районе Падуи⁷³². Эти поместья отличаются друг от друга по своей структуре, хотя и имеют общие черты. Во-первых, это относится к ренте: ее обязательными слагаемыми являются здесь денежные выплаты и натуральные платежи («добровольные подношения», «*in xeniis*»), размер которых различается в зависимости от доходности каждой конкретной колонии. Во-вторых, обращает на себя внимание лесо-выпасной и промысловый характер поместий, скорее всего, находившихся в активной фазе реорганизации, потребовавшей составления особого документа с фиксацией натуральных и денежных поступлений.

В первом поместье как минимум часть входящих в него земель была распределена по восьми колониям. О лесо-выпасном характере производства свидетельствуют натуральные платежи свиным салом сверх общих для обоих поместий подношений гусями, курицами и яйцами.

В шести из восьми записей этой части папируса колонны (скорее всего, в продолжение «добровольных подношений») отбывают здесь от одного до трех дней «работ» в неделю («*operas per ebdomada*»). При этом колон(ы) первого надела освобожден(ы) от барщины, однако с него уплачивается высокая денежная рента (13,5 сол.) и сравнительно более высокая натуральная (160 ф. сала и четыре гуся против ок. 106,9 ф. сала и 2,1 гуся в среднем при сопоставимых, хотя и более высоких, объемах куриц и яиц).

Высказывались предположения, что речь идет о наиболее крупной части поместья (возможно, наделе управляющего), где остальные колонны могли отбывать повинности. Но для такого мнения нет никаких надежных оснований.

⁷³² Tjäder 3 = Marini, № 137. См. по теме: *Percival J. P. Ital. 3 and Roman Estate Management // Hommages à Marcel Renard. Vol. 3, T. 2. Bruxelles, 1969. P. 607–615; Jones A. H. M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative survey. Vol. II. Oxford, 1964. P. 805–806.*

Идет ли речь о господском хозяйстве вилика, коммутации отработочных платежей или крупном многосемейном наделе, обособленном от остального поместья – совершенно неизвестно. Равным образом здесь нет оснований видеть ни сеньориализации, ни процесса сворачивания домена. Остается заключить, что такая нетипично высокая для позднеримских производственных отношений барщина, вероятно, обусловлена специфическим способом использования рабочей силы в активной фазе реколонизации территорий, пострадавших от Готских войн.

Во второй части папируса речь идет о поместье (*locus = saltus*) под названием *Erudianus*, управляющимся виликом Максимом и расположенном в округе Падуи. Речь, скорее всего, идет о новообразованном хозяйственном комплексе, который получил свое имя по названию одной из колоник, вошедших в ее состав. Сам термин *saltus* указывает как на лесо-выпасной и промысловый характер хозяйствования в этой зоне, так и на значительный размер владения: *сальтусы* римского времени включали в себя целых четыре центурии (800 югеров).

Это имение включает два болота (*Misaugi* и *Pampiliana*), одно из которых находится во владении пресвитера Виктора, и шесть колоний, распределенных между 13 колонами (не исключено, что подразумеваются семейные домохозяйства). При этом одна колония (*Erudiana*), давшая название всему владельческому комплексу, обрабатывается тремя колонами, другая колония (*Noviciana*) разделена пополам между колонами Проектом и Валерием, две заброшенные (*in sentibus*) колонии – *Simpliciaca* и *Candidiana* – вверены колонам Репарату и Юстину, две оставшиеся колонии обрабатываются двумя (Квинтилием и Сабинионом) и четырьмя (Львом, Ахиллом, Виктурином и Севером) колонами соответственно.

Судя по характерным топонимам, колонии, очевидно, получили свои названия от имен прежних держателей и в какой-то период (вероятно, во время Готских войн, завершившихся в 554 г.) оказались заброшены. Указание на отдельный (пополам, «*in medietate*», в случае колонии *Noviciana*) и совместный

(усилиями групп из двух, трех и четырех человек) характер обработки колоний неслучаен. Скорее всего, это указывает на разную степень реколонизации территории – освоение заброшенных земель в болотистой местности требовало обязательной кооперации коллективов производителей.

Обращает на себя внимание и то, что две равных части колонии *Noviciana* приносят доход (4,8 и 3,5 сол.), сравнимый с поступлениями с колоний, обрабатываемыми коллективами по четыре (4,8 сол.), три (3,8 сол.) и два (3,1 сол.) человека соответственно. Колония *Candidiana* введена в оборот совсем недавно (*nuper ordenata est*) и, по расчетам управляющих, должна была приносить доход через пять лет, и в будущем с нее положены платежи в размере 3 сол. и 3 силиквы, в то время как заброшенная колония *Simpliciaca*, вверенная тем же колонам, что обрабатывают колонию *Candidiana*, уже подлежит обложению.

Это поместье, очевидно, также находится в фазе активной реорганизации и реколонизации. Обращает на себя внимание его животноводческая и промысловая специализация. Колоны платят с него продуктами птицеводческого хозяйства (курами, гусями, яйцами) и медом. Неясно, как именно и кем (Церковью или колонами) используется болото *Miscaugi*, о собственнике или владельце которого мы ничего не знаем. Равным образом ничего не известно и о характере использования болота *Rampiliana*, самой доходной (6,3 сол.) части поместья (в этой секции папируса), которое де-факто признано владением некоего священника Виктора на основании его собственного свидетельства (*sibi dicet donatam*). Впрочем, с обеих угодий выплачивается рента *in xeniis* по 100 фунтов молока, что говорит о том, что, возможно, они использовались как выпасные угодья.

С учетом того, что до нас дошел лишь фрагмент описи, оценить реальные масштабы этого комплекса довольно проблематично. Такая попытка была предпринята лишь Дж. Паскуали, который подсчитал средние выплаты курами, яйцами, салом, другими продуктами, а также деньгами на одно хозяйство и

поделил приведенные в конце документа общие суммы на эти значения⁷³³. По его данным, все поместья, упомянутые в описи, обнимали приблизительно сотню хозяйствующих единиц и приносили доход в размере ок. 470 золотых солидов в год, в два раза больший, чем доход с *massae* центральной и южной Италии, и вполне сопоставимый с доходом церковных *massae* Пицена (ок. 500 солидов).

Дж. Паскуали заключил, что система поместий Равеннской церкви, отраженная в папиресе, скорее всего, предполагала ок. 2700-3700 рабочих дней барщины в год, что приближается к значениям других церковных поместий VI–VIII вв., например, имений церкви св. Юлии в Брешии. Эти цифры предполагали активное использование рабской рабочей силы для поддержания необходимой степени доходности церковного домена.

Итак, перед нами довольно сложная и многопрофильная производственная система. Ее можно охарактеризовать как вотчинную, но сводить ее к некому «сеньориальному» типу при внимательном изучении документа – значит сильно упрощать и даже искажать картину. Л. Руджини констатирует отсутствие здесь прослойки *conductores* – съемщиков промежуточного типа, посредников, арендующих землю и сдающих ее в субаренду съемщикам-колонам⁷³⁴. Она отмечает высокую степень свободы этих колонов, приближающихся к свободным мелким арендаторам. Это не сочетается ни с представлением о сеньории, ни с реалиями традиционного колоната. Колоны здесь напрямую вступали в экономические отношения с Церковью.

Производители, кроме того, включены в рынок, о чем говорит характер их платежей. Как уже было сказано, во владениях Церкви в Падуе основными слагаемыми ренты были не только натуральные взносы «в качестве дара» (*in xeniis*), которыми облагалось подсобное хозяйство (2 гуся, 6–12 кур, 60–160 яиц и 70–130 фунтов меда), но и денежные платежи, варьировавшиеся от 3,5 до 5,9 солидов. Очевидно, колоны были тесно связаны с рынком, где они сбывали произведенную продукцию и выручали необходимые средства для уплаты налога

⁷³³ *Pasquali G. Sistemi di produzione agraria e aziende curtensi...* P. 104–105.

⁷³⁴ *Ruggini L. Economia e società nell'Italia anonnaria.* P. 412.

фиску и арендной платы собственнику, оставляя за собой право самостоятельно распоряжаться продукцией и выбором культур.

Обращает на себя внимание отсутствие среди уплачиваемой ими ренты вина, льна, продуктов зерноводческого хозяйства. Интересно и то, что виллики здесь указаны как плательщики наравне с прочими колонами и никак не выделены как организаторы и распорядители производства. Скорее всего, они были в наибольшей мере задействованы в контроле над рабской рабочей силой, деятельность которой никак не отражена в этом папирусе.

По всей видимости, мы имеем дело с хозяйственным экспериментом, реализация которого была сопряжена с высокими рисками и издержками и требовала высокой экономической стабильности, которую регион во второй половине VI столетия обеспечить никак не мог. Но этот ценный опыт пригодился для реализации новой программы перестройки церковных поместий, запущенной где-то в середине – второй половине IX в.

Между VI и IX вв. существует серьезная лакуна, обусловленная практически полным отсутствием каких-либо надежных источников⁷³⁵. Начиная с 870-х гг. в равеннских актах начинают появляться прямые и косвенные указания на вотчинную организацию хозяйства на землях церковных и светских собственников. По своим функциональным характеристикам, структуре и охвату это была система, в которой сложно усмотреть прямую генетическую преемственность с церковными поместьями в районе Падуи 2-й половины VI в., однако есть все основания считать, что этот опыт по крайней мере частично использовался в возрождении церковного хозяйства. По всей видимости, она была результатом хозяйственной реорганизации, реконструкции крупной собственности после войн и разрушительных экологических и демографических кризисов VI–VII вв.

⁷³⁵ Эту лакуну попытался объяснить О. Р. Бородин. См. *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. С. 213.

Это была динамичная и сложно организованная система. Она охватывала далеко не все церковные земли, оставаясь маргинальной в таких тяжелых и экологически неблагоприятных нишах, как дельта реки По. Она сочеталась и соседствовала с другими формами организации хозяйства. За ее рамками – большинство промыслов, в том числе соледобыча, а также сельское ремесло.

Кроме того, немалая часть земель, в особенности периферийных и малозаселенных, была выведена в эмфитевтические владения, где эксплуатация земли и организация производства возлагалась на плечи крупных арендаторов-эмфитевтов, уплачивавших, как правило, льготную денежную ренту.

Это система была способна к воспроизводству и экспансии. В течение IX–X вв. активно осваивается аграрный хинтерлянд Экзархата – земледельческие округа вдоль Эмилиевой дороги. В течение всего X в. наблюдается повышенная интенсивность арендных договоров в округах Римини и Феррары. В первой четверти следующего, XI столетия, округ Феррары переживает настоящий бум экспансии патримониальной власти Равеннской церкви. В это время получает широко распространяется аренда крупных земельных комплексов (*fundi, massae*) большими группами арендаторов.

Конечно, вотчинный комплекс был далеко не единственным источником доходов для Церкви. В структуре доходов архиепископии можно выделить несколько других источников. Во-первых, это фонд эмфитевтических аренд, с которых Церковь получала небольшой, но фиксированный денежный доход. Этот фонд включал в себя разнообразные земли и угодья, хозяйственную инфраструктуру и городскую недвижимость. Во-вторых, это доля с рыболовных угодий, соледобычи, транзитной торговли, мелкой городской коммерции, наконец, судебных штрафов и конфискаций недвижимости. Вместе с тем важность продуктовых и денежных поступлений с вотчинного комплекса в структуре доходов Церкви недооценивать никак нельзя.

Наконец, эта система была ориентирована на рынок. Агнелл сообщает, что натуральные платежи с церковного патримония (пшеница, вино и масло) реализовывались на рынке, и архиепископы, получая с этого много золота и

серебра (*pondera argenti et auri*), тратили их на подарки «князьям и влиятельным людям». Все натуральные поставки поступали в ректорий, где перераспределялись между клиром, но часть продукции могла реализовываться и на рынке. О развитой денежной экономике сообщают нам и документальные источники.

Конечно, после тяжелого кризиса VI–VII вв. экономическая конъюнктура региона переживала не лучшие времена, особенно в сфере финансов и денежного обращения. Но несмотря на то, что монетный двор Равенны прекратил работу в середине VIII в., в Романье продолжалось обращение римско-византийских монет (солидов и тремиссов), хотя и намечалось движение в сторону серебряного монометаллизма с превращением солида в простую расчетную единицу⁷³⁶. Церковь до XI в. включительно сохраняла стабильный интерес в притоке золотых солидов (безантов), восходящих к Константиновой реформе, и более легких манкозов (*solidus mancosus*)⁷³⁷, широко использовавшихся в IX–X вв. также и в частных сделках⁷³⁸. Так, Вальбезинда, мать дукса Мартина, в середине IX в. продала своему сыну свои поместья, угодья и городскую недвижимость за 270 «*solidos mancosos bisantheos*»⁷³⁹. По всей видимости в IX–XI вв. византийские монеты продолжали поступать на территорию Экзархата и, в особенности, Пентаполей. Несмотря на хождение облегченных (в том числе серебряных) солидов, а также превращение золотого солида в расчетную единицу, состоящую из 12 денариев, архиепископская казна время от времени демонстрировала заинтересованность в золотых солидах «с изображением», т.н. *infiguratos*⁷⁴⁰ (по всей видимости, указание это имеет целью исключить плату ренты арабскими

⁷³⁶ *Gorini G.* Aspetti e problemi di numismatica nel «Breviarium» // *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis»* (Codice Bavaro). Roma, 1985. P. 63–69.

⁷³⁷ *Benericetti* 1999, № 58 (a. 948): *et a has pecem invaliemte mancosi XII et pro unoquoque mancoso nanma denareos trigimta et sestam*; 88 (a. 956): *in argentum solidos mancosos duodetjm, et pro unumquemque solido mancoso ana denareos treginta*.

⁷³⁸ *Ibidem*, № 58 (a. 948), *Benericetti* 2010, № 332 (a. 950–951).

⁷³⁹ *Benericetti* 2006, № 14 (m. sec. IX).

⁷⁴⁰ *BER*, № 16, 18, 21, 22, 23, 24, 25, 28 etc. *Benericetti* 2006, № 11 (a. 838): *pensionem tres auri infiguratos solidos*.

монетами без изображения), а также в «хороших» и «тяжелых» солидах (*pensantes et bonos*, видимо, в противовес более легким серебряным солидам и манкузам).

Но реальной разменной монетой, по всей видимости, постепенно становились каролингские серебряные денарии. На рубеже X–XI вв. получил распространение и венецианский денарий. С «благородной дамы» Марии, арендовавшей у архиепископии земли в горном округе Монтефельтро между 978 и 1008 гг., Церковь требует платы одним «*bizantium optimum aureum*» и 36 венецианскими денариями. Доходы с отдельных *fundi* или их групп, как правило, не превышали 2-3 солидов, но в отдельных случаях доходили до внушительных сумм, обусловленных, скорее всего, большими площадями и высокой доходностью сдаваемых в аренду имений.

Перейдем непосредственно к церковному хозяйству. Как известно из специальной литературы, западноевропейское вотчинное хозяйство (ит. *sistema curtense*, нем. *Villikationsverfassung*, фр. *régime domanial*, англ. *manorial system*) всегда структурировалось как «двухчастная» (англ. *bipartite*) модель⁷⁴¹. В предельно упрощенной форме хозяйство такого типа состояло из домениальных земель (*pars dominica*) и наделов зависимых крестьян (*pars massaricia*), обязанных собственнику отработочными повинностями (барщиной), денежными или натуральными платежами.

Сложилась ли в Романье некая модель организации хозяйства, выделяющая этот регион на фоне соседних областей северной и средней Италии, а также других регионов раннесредневековой Европы? На этот вопрос в историографии отвечали по-разному. Традиция, заложенная в 70-х гг. В. Фумагалли и продолженная его младшими современниками – М. Монтанари, А. Кастаньетти, Б. Андреолли и др. – отрицала существование развитой вотчины в раннесредневековой Романье.

Действительно, господский домен здесь был как будто маргинален, была слаба вотчинная централизация, норма эксплуатации была сравнительно

⁷⁴¹ См. *Toubert P. Il sistema curtense... P. 25–94.*

небольшой, крестьяне наслаждались хозяйственной автономией, а контроль над производственным процессом со стороны собственника и вовсе был эфемерным. Вдобавок ко всему, в равеннских церковных архивах не сохранилось полиптиков или других инвентарных описей. Вслед за М. Монтанари можно было бы заявить, что перед нами – своеобразная *pars massaricia* в масштабах целого, пусть и небольшого, региона. Высказывались и более резкие мнения, полностью отрицавшие существование в регионе вотчинных форм организации хозяйства⁷⁴². Но чрезвычайное доверие к источнику может сыграть и злую шутку. Здесь уместно вспомнить остроумное замечание Р. Фейт, во всех своих исследованиях, посвященных англосаксонской Англии, проводившей довольно простую мысль, что «земля без полиптиков» еще не означает «земли без вотчины»⁷⁴³...

С пересмотром академической доксы выступали сначала Дж. Паскуали, а затем, в начале 2000-х гг. – Н. Манкассола. Признавая существование в регионе «вотчинной системы», Манкассола выводит ее из сочетания *pars massaricia*, *pars dominica* и вотчинных центров – *curtes* и *domnicalia*. Конечно, такая вотчина достаточно далека от заальпийской *villa*. С другой стороны, основные слагаемые вотчинного хозяйства (отработочные повинности, крестьянские наделы, господский домен) здесь как будто бы налицо, и отрицать их существование было бы нелепо. В романьольских актах IX–XI вв. даже бытовала особая формула, описывающая эту систему – *domnicatum vel colonicatum*.

Традиционная точка зрения, отрицающая существование в регионе вотчинного хозяйства, устарела, во многом благодаря достижениям археологии⁷⁴⁴. Ее ослабленная версия, в целом, признающая бытование элементов вотчинной системы, но отрицающая их важную хозяйственную роль, тоже уязвима для критики. Действительно, при такой постановке проблемы нежелание этой системы вырастать в «нормальное» северофранцузское поместье легко объяснить

⁷⁴² *Rinaldi R. I Longobardi e i Franchi // Storia dell'Emilia-Romagna. Vol. 1. Dalle origini al Seicento // A cura di M. Montanari, M. Ridolfi e R. Zangheri. Bari, 1999. P. 73–74.*

⁷⁴³ *Faith R. Social Theory and Agrarian Practice in Early Medieval England: The Land without Polyptyques // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 2012. № 90. P. 299–314.*

⁷⁴⁴ *Argenti A. Archeologia dell'Italia Medievale. Bari, 2016. P. 122.*

самыми разными причинами. Признаки вотчинного хозяйства часто списываются на каролингское влияние, а слабость, неразвитость или незрелость этих форм и отношений объясняется прочностью римско-византийской традиции. Последнее, в целом, оценивается положительно, не без эха регионального патриотизма. Но мы довольно мало знаем об аграрном строе Византии VII–XI в., и многие выводы строятся именно на материалах византийских областей Италии, правда, преимущественно южных, стратегически куда более значимых для константинопольской власти.

Наконец, апелляция к традиции, сильным публично-правовым началам, препятствующим сеньориализации, оттеняет проблему функциональности и изменчивости общественных форм, генетически, возможно, преемственных римско-византийским порядкам, но качественно и структурно образующих иную производственную модель, более адекватную новой экономической конъюнктуре.

Как была организована эта система и что мы о ней знаем? Больше всего сведений о земельных владениях Равеннской архиепископии. Это лишь отчасти объясняется неравномерностью в обеспеченности источниками. Равеннская архиепископия была, вне сомнения, крупнейшим собственником региона, и неудивительно, что от нее дошло до нас больше всего документов. Гораздо меньше мы знаем о хозяйствах равеннских церквей и монастырей, воспроизводивших или пытавшихся воспроизводить архиепископские порядки. Еще меньше информации имеется о владениях светской знати – буквально несколько описаний. Поэтому я начну с изучения именно патримония Равеннской архиепископии.

Архиепископия Равенны, будучи крупнейшим собственником региона, владела огромным, по местным меркам, патримонием⁷⁴⁵. Он включал обширные земельные владения в Романьи и северной Марке самого разного хозяйственного назначения, городскую недвижимость во всех крупных городах региона, а также

⁷⁴⁵ См. об этом в первую очередь: *Fasoli G. Il dominio territoriale degli arcivescovi di Ravenna...*; *Vasina A. Possessi ecclesiastici ravennati nella Pentapoli...*

земли в районе Адрии и в Истрии⁷⁴⁶. Равенна располагала каботажным флотом (*naves domnicæ*) для транспортировки сельскохозяйственной продукции из Пентаполя (в первую очередь, Римини) в Равенну, контролировала речной флот и сеть речных портов вдоль реки По, разрабатывала богатые соляные пруды в районе Комаккьо и Червии⁷⁴⁷, а также имела долю от рыболовства в реках и водоемах, в первую очередь, в округах Комаккьо и Феррары. Соляное производство в районе Комаккьо сильно пострадало от разорения города и его окрестностей венецианцами в 932 г., однако, как следует из некоторых документов, экономическая деятельность продолжалась там и десятилетия спустя.

Источники свидетельствуют в пользу рассеянного, парцеллированного характера крупной земельной собственности. Эта характерная особенность аграрной структуры Романьи в полной мере относится как к патримонию Равеннской архиепископии, так и к владениям других церквей и духовных учреждений, а также светских лиц. Действительно, владения Равеннской церкви были разбросаны по всем «территориям» и областям бывшего Экзархата, соседствуя с патримониями светской (итало-византийской или заальпийской) знати, других церквей, монастырей или епископств, например, Аквилейского патриархата. Эти земли были точечно рассеяны по шахматной доске римской кадастровой системы (*fundus, massa, casale*), что также затрудняло централизацию.

Но в рассеянном характере крупной собственности нет ничего удивительного. Сходным, хотя и несколько более централизованным образом, были организованы владения таких крупных собственников, как монастыри

⁷⁴⁶ Известно, что Равенна значительно расширила свои владения в Истрии за счет дарений Иоанна X (в прошлом — архиепископа Равенны) и папы Сергия III (*Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 152*). Собственность Равеннской церкви в Истрии подтверждается и документально. См. *Federici*, № 9 (a. 983).

⁷⁴⁷ О соляных разработках паданской долины X в. см. *Bellini L. Le saline dell'antico delta padano. Ferrara, 1962*. См. *Venericetti 2002*, № 145 (a. 969, Червия); 146 (a. 969, Комаккьо): *idest unum longarium salinarum ... quam cum vestrum dispendium eam a noviter construere visi fuistis*; 160 (a. 972, Червия): *nec non et concedistis nobis tercia salina, quem nondum constructa est, qui est posita ex latere ipsius fundamenti de foris... que predicate salinae nos ipsi petitores noviter construximus*.

Боббио или св. Юлии в Брешии⁷⁴⁸. Важнее здесь то, что все эти владения тяготели к одному центру и были связаны единой логистической инфраструктурой. Здесь сам город был этим вотчинным центром.

Иногда это называют характерной особенностью Романьи, наследием урбаноцентризма римско-византийской эпохи. Мне кажется, что акцент на городе в противовес негородским центрам (вотчинам-*curtes*), широко распространенным в соседних регионах, скорее, вводит в заблуждение. Я уже писал выше, что в это время города Романьи были по преимуществу скромными поселениями крупных и средних землевладельцев, живших за счет перераспределения доходов от земельной ренты. Кроме того, архиепископские владения бывшего Экзархата были ограничены, в сущности, небольшим регионом. Так что сама по себе парцеллированность вотчинного хозяйства еще мало о чем говорит, хотя она резко повышает логистические издержки и расходы на административный надзор. Такая пространственная организация, конечно, резко сокращает возможности для мобилизации труда, затрудняет эффективное ведение барщинного хозяйства, но не отменяет наличия хорошо налаженной, продуманной и достаточно гибкой инфраструктуры. Сухопутные, речные и морские коммуникации сходились в Равенне. Таким образом, сама Романья сама была одним большим вотчинным хозяйством.

§ 2. Архиепископское хозяйство в IX–X вв. Управление архиепископским хозяйством отличалось высокой степенью централизации, адекватной сложной и дорогостоящей инфраструктуре патримония. В управлении земельной собственностью в VIII–XI вв. центральным органом был *domus episcopii*, (с XII в. – *palatium*⁷⁴⁹) – резиденция, располагавшаяся в Равенне и построенная, предположительно, во времена архиепископа Феликса (705–723)⁷⁵⁰. С ней, скорее всего, были связаны все центральные «ведомства» патримония св. Аполлинария,

⁷⁴⁸ Wickham C. Early Medieval Italy. P. 105–107.

⁷⁴⁹ Fantuzzi 1804, № 25 (a. 1173): et portare debeat supra vos ad r[...] omnes supradictas redder in palatio nostro.

⁷⁵⁰ Deliyannis D. M. Ravenna in Late Antiquity. P. 294.

которые до известной степени воспроизводили управленческие структуры патримония св. Петра. Во-первых, это камера (camera), высший фискальный орган архиепископии, во главе с камерарием. Во-вторых, это секретариат, своеобразное внешне- и внутривластное ведомство, с которым, возможно, связана должность апокрисиария⁷⁵¹. В-третьих, это архиепископская канцелярия, где работали нотариусы.

Нотариусами были лица знатного происхождения⁷⁵², носившие духовные сан и начиная с 1-й половины VI в. организованные в корпорацию из шести человек во главе с примицерием (primicerius notariorum)⁷⁵³. В изучаемый нами период документально засвидетельствована работа по меньшей мере 4-5 нотариусов⁷⁵⁴. О малочисленности нотариусов в канцелярии говорит тот факт, что из 61 документа, созданного в период 976–1000 гг., 54 грамоты приходится на одного только нотариуса Деуседита (971–1014). Должность примицерия нотариусов была почетной, ее занимало высокопоставленное лицо в церковной иерархии. На 980 г. им был Георгий, архидиакон и преподит базилики св. Агнессы. Наконец, четвертой важной институцией была коллегия дефенсоров.

Для более эффективного управления имуществом в архиепископской канцелярии составлялись специальные кадастры, самый известный из которых, «Liber traditionum ecclesiae Ravennatis», стал впоследствии известен как «Баварский кодекс». Прочие кадастры известны нам, к сожалению, только по записям на полях других грамот⁷⁵⁵. Помимо таких libri, в канцелярии составлялись

⁷⁵¹ Benericetti 2006, № 9 (a. 819): in quo confirmabit privilegia Leonis quondam imperator[ri]s f[a]ctu ab Epiphano quondam religioso notario et scrin[ia]rio et apocrisia[rio] Ravennatis ecclesiae qui directus est a venerandae memoriae Damiano archiepiscop[o...].

⁷⁵² Benericetti 2002, № 115 (a. 964): Sergius clericus et notarius sancte Ravennatis ecclesie et abbas monasterii Sancti Georgii... et filio presentis et consentientis Adelbertus dux qui vocatur de Sergius. Многие нотариусы, вероятно, были настоятелями некоторых храмов Равенны. См.: Benericetti 2002a, № 274 (a. 998): Petrus reverentissimus clericus et notarius sancte Ravennatis ecclesie et abbas monasterii Sancti Mercuriali et Gratis seu Apollinaris.

⁷⁵³ Должность примицерия известна нам еще из папирусов VI в. (Marini, № 74). Ее отправляли лица, занимавшие высокие позиции в церковной иерархии. В частности, примицерий нотариусов Георгий (CDP, № 13) был «аббатом» церкви св. Стефана и архидиаконом, следовательно, стоял на той же ступени, что и камерарий.

⁷⁵⁴ Buzzzi G. La curia arcivescovile e la curia cittadina... P. 22.

⁷⁵⁵ AARa F. 2006 B, E. 1860.

также квитанции (*diacerta*) о получении платы за сдаваемые в аренду земли, написанные, в отличие от прочих актов (*эмфитевзисов* и *либелл*), минускулом⁷⁵⁶.

О структурной принадлежности архиепископского архива к канцелярии нам, к сожалению, ничего не известно, хотя это более чем вероятно. На местах могли существовать и локальные архивы, которыми могли ведать другие церковные чиновники. В BER 94 (692–708) мы встречаем Леонтия, клирика и хартулярия (скорее всего, архивиста) равеннской церкви в Сенигаллии⁷⁵⁷. Судя по всему, независимые архивные учреждения существовали и при местных диоцезах в других городах Романьи и Пентаполя. Собственный архив существовал в Ферраре, где в 955 г. по распоряжению епископа Мартина был произведен безуспешный поиск документа, подтверждающего права на массу *Supario*, оспариваемую Равеннской архиепископией⁷⁵⁸.

Остановимся подробнее на двух ключевых центральных учреждениях. Наиболее важной среди них была камера. Во главе ее стоял камерарий (*camararius*): эту должность к середине X в. занимал «сиятельнейший диакон» Иоанн, препозит базилики св. Касьяна – приходского центра в зоне Дечимано⁷⁵⁹. Интересно, что камерарий Иоанн в 956–957 гг. сдает в *эмфитевтическую* аренду землю группе арендаторов в Дечимано, которые, с большой долей вероятности, являются членами объединения архиепископских каменщиков во главе со своим магистром, Мартином. Отсюда следует, что камерарий, возможно, являлся также и распорядителем строительных и реставрационных работ в городе. С конца X в. престиж этой должности возрос⁷⁶⁰, в пользу чего говорит тот факт, что ее стали занимать архидиаконы.

⁷⁵⁶ *Buzzi G.* Op. cit. P. 15.

⁷⁵⁷ О значении термина см. *Marini*. P. 277 (№ 7).

⁷⁵⁸ *Benericetti* 1999, № 86 (a. 955).

⁷⁵⁹ *Benericetti* 2002, № 92 (a. 956–957): *Domini misericordia reverentissimus diaconus et camararius sancte Ravennatis ecclesie et prepositus basilice quod est plebe beati Xpisti Martiris Cassiani sitas territorio Ravennate in Decimo.*

⁷⁶⁰ Рост престижа должности камерария Дж. Буцци связывает с тем, что, выйдя из-под влияния папского престола, архиепископия стала феодем в составе Итальянского королевства, однако допущенная им ошибка в датировке грамоты (20 марта 958 вместо 988 г.) заставляет усомниться в его выводе о раннем слиянии архидиаконата с должностью камерария (*Buzzi G.* *La curia arcivescovile e la curia cittadina...* P. 12).

В 978 г. должность камерария занимал архидиакон Иоанн, «аббат» церкви Сорока мучеников⁷⁶¹. В частности, им была составлена квитанция о получении ренты за арендуемые монастырем св. Марии *ad Cereseo* земли, что подтверждает исполнение им определенных фискальных функций, но также свидетельствует и о его заинтересованности в расширении патримония монастыря (подробнее об этом пойдет речь ниже), что шло вразрез с интересами архиепископа. К 988 г. камерарием стал уже архидиакон Георгий, аббат церкви св. Андрея в Равенне⁷⁶².

Другой важной институцией была коллегия дефенсоров, во главе которой стоял примицерий, являвшийся нотарием; этот орган защищал интересы архиепископии в спорах и тяжбах, касающихся имущественных вопросов. Об одном из дефенсоров, Приске, мы знаем, в частности, из регесты BER 55. В первой трети X в. должность примицерия занимал нотариус Доминик II (906–933)⁷⁶³, составивший несколько актов в период 918–933 гг.⁷⁶⁴ Это говорит в пользу тесного переплетения судебских и нотариальных компетенций. Дж. Буцци полагает, что в эту коллегия входили адвокаты и прокураторы, имеющие юридическую подготовку, однако его предположение о том, что ими являлись только светские лица, подтверждается лишь частично. В частности, на процессе 838 г. интересы архиепископа представлял адвокат Лев, возможно, являвшийся светским лицом⁷⁶⁵, но на процессе 850–859 г. – клирик и нотариус Петр⁷⁶⁶. В других случаях ими могли выступать судьи, а на процессе 998 г. архиепископа представляет торговец Марин из знатного рода Марини⁷⁶⁷.

С управленческими структурами архиепископии была связана должность майордома (*vicedominus*). Скорее всего, в большинстве случаев он являлся

⁷⁶¹ Muzzioli, № 31 (a. 978).

⁷⁶² Benericetti 2002a, № 242 (a. 988).

⁷⁶³ Buzzzi G. *La curia arcivescovile e la curia cittadina...* P. 32.

⁷⁶⁴ Benericetti 1999, № 30 (a. 918): *Dominico notario et primicerio defensorum sanctae vestre Ravennatis ecclesie*. Им же были составлены акты Benericetti 1999, № 35 (a. 922), 37 (a. 927), 43 (a. 933).

⁷⁶⁵ Benericetti 2006, № 11 (a. 838): *in primis his pre Leo a[vo]catus viri piissimi domni Georgii archiepiscopi*.

⁷⁶⁶ *Ibidem*, № 19 (a. 850–859): *una cum Petro [clerico] et notario, avocatore iam fate ecclesie... Petro clerico et avocatore*.

⁷⁶⁷ Benericetti 2002a, № 272 (a. 998).

духовным лицом: *vicedominus* Феликс, известный нам из регесты BER 59 (688-705), носил сан диакона. Возможно, наряду с архиепископским майордомом⁷⁶⁸, в Равенне IX–XI вв. существовала аналогичная публичная должность. Эмфитевтический контракт 858 г., в частности, подписал *vicedominus hui civitate* Бонестомо, что однозначно указывает на исполнение им определенных публичных полномочий. Эта светская должность просуществовала вплоть до XI в.: она, в частности, встречается в акте 1034 г.⁷⁶⁹ В церковных структурах *vicedomini* в качестве духовных лиц состояли помощниками при некоторых епископах. Например, такую должность в 60-х гг. X вв. исполнял священник Иоанн при епископе Феррары⁷⁷⁰. Скорее всего, по аналогии с Римской церковью в подчинении майордома архиепископии находились кубикулярии⁷⁷¹, известные по упоминаниям с середины X в.⁷⁷² и, по всей видимости, занятые в управлении городскими имуществами. Как бы то ни было, функции майордома и кубикулярия в источниках никак не отражены, однако именно майордом наряду с архиепископским адвокатом (и представителем императора) инвестировал архиепископа Равенны во владение церковными имуществами в Римини во время судебного процесса 1001 г.

Инфраструктура. Центральный орган – *episcopium* – куда поступали арендные платежи крестьян, по-видимому, копировал прежние фискальные учреждения. Интересно в этой связи выражение *in dompico*, употреблявшееся в своем «фискальном» значении в подробно рассмотренном выше папирусе Tjäder 3. В документах IX–XI вв. оно иногда означает место своза продуктового оброка.

Центральным органам была подконтрольна сеть региональных филиалов. В

⁷⁶⁸ Fantuzzi 1802a, № 7 (a. 1001): *et vicedomini Sanctae Ravennatis Ecclesie*.

⁷⁶⁹ Fantuzzi 1802b, № 25 (a. 1034): *Tetbaldus Deo annuente inlustris vir vicedominus*.

⁷⁷⁰ Benericetti 2002, № 118 (a. 965): *et pro isto meum misso nomine Iohannes presbitero vicedomino*.

⁷⁷¹ Эта должность была знакома и бюрократическому аппарату византийской Италии. В византийский период такую должность носили, как минимум, три экзарха (Олимпий, Феофилакт и Схоластик). О кубикуляриях в иерархии должностей Римской церкви см.: Прозоров В. Б. Властные институты, должности и звания в Римской церкви с V в. до конца XVII в. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 286.

⁷⁷² Benericetti 1999, № 65 (a. 949).

Пентаполе это – ректории (*rectorii*), также иногда называемые *domi*⁷⁷³. Они находились во всех сколько-нибудь крупных городах региона – в Римини, Сенигаллии, Фано, Пезаро, Озимо и Губбио⁷⁷⁴. Они возглавлялись ректорами⁷⁷⁵, в подчинении у которых находились акторы (*actores*), а также штат виликов и министералов⁷⁷⁶.

В земледельческих зонах Экзархата роль ректориев выполняли т.н. *domnecalia* – хозяйственные центры, являвшиеся промежуточными звеньями между производителями и Равенной. Дж. Буцци остроумно назвал их «субректориями»⁷⁷⁷. В некоторых случаях такие «субректории» организовывались и в некоторых зонах Пентаполя. Но там города с их ректориями все же сохраняли ведущее значение. Например, риминийский ректорий, известный нам с 905 г., являлся главным центром аккумуляции сельскохозяйственной продукции округа и охватывал большинство его приходов⁷⁷⁸. Лишь в трех удаленных приходах располагались локальные пункты доставки ренты, среди которых – *domnecalia* и архиепископский замок⁷⁷⁹. В большинстве приходов удаленного горного округа Монтефельтро промежуточные пункты, главным образом, отсутствовали, и

⁷⁷³ *Ibidem*, № 8 (a. 907): *in domo rectorii vestri*; 177 (a. 973): *deductum [per vos colonis in civ]itate Ariminensi, in domo nostra*; BER, № 150 (Озимо): *in domo rectorii vestri*.

⁷⁷⁴ BER, № 166: *deductum per nos colonos in civitatem Hegubio in rectorio vestro*.

⁷⁷⁵ В начале X в. риминийским ректором был диакон Элефтерий: с его именем связаны квитанции о получении арендной платы за $\frac{1}{2}$ *fundus* *Wocsenano* от герцогов Львов из рода *Magistri Militum* за 917 и 921 гг.: Benericetti 1999, № 27 (a. 917); 34 (a. 921).

⁷⁷⁶ Benericetti 2002, № 163 (a. 972): *deductum omne terraticum domnicum in integro... usque ad civitatem Ariminensem ad presentatum ad vilicum aut ad ministeriale*.

⁷⁷⁷ *Buzzi G. La curia arcivescovile e la curia cittadina... P. 16.*

⁷⁷⁸ Пригородные территории: Benericetti 1999, № 4 (a. 905), 33 (a. 920); S. Heremi: Benericetti 2002a, № 267 (a. 997); S. Savino: Benericetti 1999, № 6 (a. 905–906), 8 (a. 907), 28–30 (a. 918), 47 (a. 941), 53 (a. 944), 171 (a. 972). 177 (a. 973); S. Vito: *Ibidem*, № 45 (a. 940); S. Gaudentji: Benericetti 2002, № 137–138 (a. 968); S. Martini in *Burdunclio*: *Ibidem*, № 163 (a.972). S. Laurentji: Benericetti 2002a, № 266 (a. 997).

⁷⁷⁹ Benericetti 2002a, № 212 (a. 979, pl. S. Stefania): *usque in domnicalia vestra in capella Sancti Apollinaris in Castrutjano*; Benericetti 1999, № 21 (a. 911, pl. S. Martini in *Bordunclio*): *deductum omnem terraticum domnico de labore in integro una cum ipso exenio ... in curte vestra que vocatur Libiano*; Benericetti 2002, № 139 (a. 968, pl. S. Stephanii): *deductum per nos colonis usque as castello qui dicitur Montelliano*.

продукция хранилась в амбарах до тех пор, пока ее не забирали церковные уполномоченные⁷⁸⁰.

На местах управление патримонием находилось в ведении особых должностных лиц, по всей видимости, незнатного происхождения: акторов (*actores*)⁷⁸¹ и акционариев (*actionarii*)⁷⁸², в ведении которых находился сбор денежной ренты с эмпитевтов и продуктовой – с крестьян-колонов⁷⁸³, соответственно, а также *maiores*⁷⁸⁴, министерялов⁷⁸⁵ и виликов⁷⁸⁶, мелких управляющих в сельской местности, ведавших сбором продуктового чинша. Они появляются в источниках с 70-х гг. IX в. и происходят, скорее всего, из среды зажиточных поселенцев.

Маргинальность *domnecalia* в округах Пентаполя была, вероятно, обусловлена тем, что архиепископия владела в этих зонах лишь узкой полосой прибрежных земель вдоль Адриатического моря, непосредственно примыкавших к городским поселениям. В этих зонах сухопутная коммуникация была затруднена в связи с ландшафтно-географическими особенностями пересеченной холмами местности, и церковные арендаторы доставляли продукты либо в ректорий, либо на господский корабль «туда, куда он сможет доплыть» (*ubi potuerit pervenire*) на побережье для дальнейшей транспортировки продукции по морю. Аналогичным образом, наличие важной артерии – реки По – в сочетании с заболоченной местностью обусловили отсутствие *domnicalia* и в округе Феррары, на северо-востоке владений архиепископии: здесь продукция колонов доставлялась к берегу По (*ad ripam Padis*), где ее погружали на корабль. В то же

⁷⁸⁰ Benericetti 1999, № 11 (a. 908): *reservatum omnem terraticum domnico in integro de labore et [lino...] carra domnica vestra eum venerit ad tollendum*; 61 (a. 948): *terraticum quidem domnico vestro de labore et vino una cum ipso exenio salvare debeatis in mansion vestra et in vasis vestries usque dum misso nostro venerit ad tollendum*. Исключение: Ibidem, № 23 (a. 912): *deductum omnem terraticum domnicum... in curte domn[nica vestr]a massa Mariana*.

⁷⁸¹ Benericetti 2006, № 26 (a. 872), 27 (a. 872), 32 (a. 880), 33 (a. 882), etc.

⁷⁸² Ibidem, № 11 (a. 838), 15 (s. IX); Benericetti 1999, № 74 (a. 952–953); Benericetti 2002, № 99 (a. 958–959).

⁷⁸³ Benericetti 1999, № 28 (a. 918), 29 (a. 918), 30 (a. 918): *et vos iamdicti colonis et ipsum terraticum salvare debeatis quo usque actorem domnicum nostrum eum venerit as tollendum*.

⁷⁸⁴ Benericetti 2006, № 26 (a. 872), 27 (a. 872), 39 (a. 890), etc.

⁷⁸⁵ Ibidem, № 41 (a. 891), 45 (a. 892), 48 (a. 893), 49 (a. 893), etc.

⁷⁸⁶ Ibidem, № 41 (a. 891), 43 (a. 892), 48 (a. 893), 49 (a. 893), 53 (a. 896), etc.

время в округах Фаэнцы, Форли и Форлимпополи, по мере удаления от моря, и в особенности в холмистых долинах западной Романьи, архиепископия нуждалась в таких промежуточных пунктах.

Что представляли собой эти промежуточные пункты? Однозначно сказать сложно. Об их происхождении и специфике известно мало, хотя *domnicalia* могут носить имена святых⁷⁸⁷, совпадая, таким образом, с какими-то культовыми объектами, возможно, церквями (не обязательно приходского статуса). Вероятнее всего, *domnicalia* были некими служебными постройками или комплексами. Они могли служить складами и перевалочными пунктами в транспортировке продуктового чинша. В акте 984 г. мы, в частности, сталкиваемся с *mansione domnicata*, куда стекаются продуктовые платежи крестьян из *massa Balneola*⁷⁸⁸ в районе Форлимпополи. Речь, видимо, идет о господском дворе. Скорее всего, многие *domnicalia* могли служить зернохранилищами. Сюда чаще всего свозилось зерно в рамках т.н. *терража* (*terraticum*), а также вино и лен. О промежуточной роли этих центров рассказывает либеллярная аренда из округа Фаэнцы 919 г., по условиям которой *терраж* необходимо доставить либо в *domnicalia*, либо а *pira flumini*, видимо, с дальнейшей погрузкой продуктов на корабль и перевозкой в Равенну или другое место. Очевидно, решение принималось на месте в зависимости от потребности в том или ином продукте.

Периодически в источниках мы встречаем т.н. *curtes*. Сам термин является развитием классического латинского термина *cohors*⁷⁸⁹. В широком смысле он обозначал некое огороженное место или центр господской виллы. В византийский период *curtis*, судя по контексту употребления термина в папирусах VI–VII вв., использовался двояко. Периодически он обозначал «двор» или придомную территорию. В этом значении он употребляется в большинстве регест «Баварского кодекса»⁷⁹⁰ и некоторых актах VIII–X вв.⁷⁹¹ В других случаях он

⁷⁸⁷ Sancto Zenono: Ibidem, № 32 (a. 880); Sancto Adriano: Ibidem, № 43 (a. 892).

⁷⁸⁸ Benericetti 2002a, № 233 (a. 984): *aducta omnia iustitja domnica vestra per nos suprascripti petitori usque in mansione vestra domnicatam de ipsa massa.*

⁷⁸⁹ *Leicht P. S. Studi sulla proprietà fondiaria nel medio evo. I. P. 17.*

⁷⁹⁰ BER, № 64, 65, 71, 72, 139, 146, 168 etc.

обозначал крупные единицы землевладения, включавшие разнообразные земельные объекты. Высказывались предположения, что употребление термина в этом значении стало результатом влияния соседних лангобардских и каролингских административных традиций или даже «экспорта» вотчинной системы в эти регионы в результате инкорпорации земель Романии в *Regnum Italiae*⁷⁹². Установить, кроется ли за его употреблением какие-либо хозяйственные реалии, или же речь идет лишь о новой традиции словоупотребления, сказать сложно. Тем не менее, кое-какие выводы сделать можно.

Ключ к пониманию проблемы – выяснение соответствия термина *curtis* двум другим понятиям равенских источников – *domnicalia* и *massa*. В ряде округов Экзархата *domnicalia* в конце IX в. часто локализуется в пределах т.н. *curtis domnica*⁷⁹³. Здесь *curtis*, по всей видимости, обозначал комплекс домениальных земель с центром в *domnicalia*, где колоны отбывали какие-то отработочные повинности⁷⁹⁴. Эти термины не являлись синонимами: нотариальная традиция ясно различает *curtis* и *domnicalia* св. Адриана в округе Фаэнцы, упоминающиеся в трех либеллярных контрактах конца IX – начала X вв.⁷⁹⁵. Не исключено, впрочем, что термин *domnicalia* мог употребляться и менее строго, в расширительном значении, выступая синонимом *curtis* и заменяя его. В некоторых актах термин *domnicalia*, в порядке исключения, мог обозначать и весь домениальный комплекс, где колоны отрабатывали барщину⁷⁹⁶.

⁷⁹¹ Benericetti 2006, № 5 (a. 767); 14 (s. IX): *domo in integro una cum duabus curtis et sala maiore et alia sala modica*; 23 (a. 868): *ubi casa cum solo terre sue, curtis, ortas, vineis, terris, campis, pratis*.

⁷⁹² *Montanari M.* Campagne e contadini nell'Italia bizantina... P. 602.

⁷⁹³ Benericetti 2006, № 33 (a. 882); 36 (a. 888–889); 43 (a. 892); 45 (a. 892).

⁷⁹⁴ *Ibidem*, № 33 (a. 882); 43 (a. 892); 45 (a. 892); 49 (a. 893).

⁷⁹⁵ *Ibidem*, № 43 (a. 892); 49 (a. 893); Benericetti 1999, № 13 (a. 909).

⁷⁹⁶ Benericetti 2006, № 26 (a. 872): *operas vero annis singulis dare debeamus...una tan cum buvos vel a mano in domnecalia vestra in Arca*; 27 (a. 872): *opera vero anni singulis dare debeamus per unaquaque persona dua, ex is una cum buvos et alia a mano, in domnecalia vestra in Trentula*; 40 (a. 891): *operas omnis anno dare deveamus nove... in [domnicalia vestra Ternano...]*; Benericetti 1999, № 31 (a. 919): *opera vero omni annualiter duas una cum bove et una ad mano in domnicalia vestra in Cotoniola*. Обращает на себя внимание, что речь идет именно о сельскохозяйственных работах на пашне, где требуется применение упряжного скота: *domnicalia*, в таком случае, означает весь комплекс домениального управления.

Итак, в наших источниках *curtis* там, где не идет речи о придомных хозяйствах, употребляется преимущественно в значении землевладельческой единицы, по своей структуре приближающейся к *fundus* и *massa*. *Curtis domnica* под названием *Albeno*, например, располагался в пределах одноименного *fundus*, если только не совпадал с ним: в 994 г. группа колонов арендует землю *in fundo et curte qui vocatur Albeno*⁷⁹⁷. В двух случаях *curtis* полностью совпадал с *massa*⁷⁹⁸. Например, *curtis Aternano* в районе Озимо, известный нам по эксцерпту BER 141 (889-898), в других источниках называется *massa*. Любопытен папский акт от 870 г., в котором *massa Firminiana* (совр. коммуна Форминьяна), попеременно фигурирует в документе под терминами *curtis* и *massa*⁷⁹⁹. Это касается и *massa Plancula*, которая названа *curtis* в документе 1001 г.⁸⁰⁰ В одном акте 984 г. *massa Balneolo* в приписке на полях грамоты курсивом XI в. прямо названа *curtis*, что наводит на мысль о полной синонимии.

Источники оставили нам крайне мало информации о внутренней структуре церковного *curtis*, однако из поздних актов конца X в. следует, что его морфология мало отличалась от *fundus* или *massa*. В них объекты, называемые *curtes*, повторяют характерную для *massae* внутреннюю структуру, описываемую формулой *cum casalibus et apendiciis*⁸⁰¹. Таким образом, церковный *curtis* Романьи, пусть и располагавший некоторой служебной инфраструктурой, был далек от *curtis domnicata* других итальянских регионов, например, владений Луккской епископии, где он представлял собой автономную хозяйственную ячейку⁸⁰². Речь идет, скорее, о поверхностном терминологическом влиянии, делавшим *curtis* и *massa* взаимозаменяемыми терминами.

⁷⁹⁷ Benericetti 2002a, № 262 (a. 994).

⁷⁹⁸ Benericetti 1999, № 23 (a. 912): *in curte dom[nica vestr]a massa Mariana*.

⁷⁹⁹ *Kehr P.* Papsturkunden in Pisa, Lucca und Ravenna // *Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. Göttingen, 1897. S. 193–194.*

⁸⁰⁰ Benericetti 2003, № 3 (a. 1001).

⁸⁰¹ Benericetti 2002, № 164 (a. 972): *uti cortem in integro qui vocatur Quartolo cum casalibus et apendicibus suis*; Benericetti 2002a, № 194 (a. 981): *curte in integro qui vocatur Campogallani cum casalibus et apendicibus suis*.

⁸⁰² *Endres R.* Das Kirchengut im Bistum Lucca vom 8 bis 10 Jahrhundert // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1918. Bd. 14. S. 259.*

Pars massaricia. Для изучения степени доходности вотчинных хозяйств важно осветить вопрос о характере и объеме эксплуатации непосредственных производителей. Что представляли собой доходы с *pars massaricia* и каков был их удельный вес в структуре доходов вотчинной экономики? В каких продуктах был в наибольшей мере заинтересован собственник? На какой стадии развития находился надельный сектор? Эти проблемы нельзя изолировать от неизменно всплывающих там и тут более общих вопросов о структуре крестьянского производства и экономическом положении крестьянских сообществ, вовлеченных в орбиту вотчинных хозяйств. Подробнее я освещу эти вопросы в отдельной главе, посвященной формам крестьянского землевладения и землепользования. Здесь же я ограничусь несколькими соображениями.

Эта *pars massaricia* состояла из крестьян, чаще - нуклеарных семей и их объединений (консортерий), арендовавших у архиепископии землю на условиях либеллярного контракта. На первый взгляд, перед нами – те самые либеллярии, занятые в надельном секторе других вотчинных хозяйств северной и средней Италии. На эту мысль наводит как самоназвание «колоны» (так называет себя 81% земельных съемщиков в изученных мной контрактах), так и более трудовой (по сравнению с эмфитевтическими арендами) размер арендуемых земель, совпадающий с возможностями мелкого крестьянского производства. Но начиная с позднеримской эпохи термин «колон», как, кстати, впоследствии и «манципий», охватывал самые разные категории производителей. Более того, римский колонат вовсе не предполагал такой тип договорных отношений, который мы наблюдаем в равеннских поземельных сделках. Если же присмотреться к социальному облику церковных арендаторов (подробнее об этом см. в главе 5), то в их крестьянском статусе можно как минимум усомниться. Это были автономные сообщества сравнительно зажиточных поселенцев разного статуса.

При беглом знакомстве с источниками формы эксплуатации этой *pars massaricia* кажутся довольно типичными, причем по меркам не одной только Италии. Рентная эксплуатация в поствизантийских областях Италии, как и в других регионах Южной Европы, преимущественно выражалась в сдаче в аренду

земли крестьянским семьям и более крупным объединениям арендаторов на довольно стандартных условиях. Как и в других регионах Италии, система эксплуатации романо-льского крестьянина выражалась в трех универсальных для экономики Европы формах: это отработочные повинности (как особая форма ренты, выражающаяся в мобилизации крестьянского труда и присвоении его плодов) и рента, вносимая продуктами либо деньгами⁸⁰³. Она является продуктом прямого развития римской колонатной аренды в новых общественных условиях. Ее юридическая форма в VIII–XI вв. будет проанализирована в специальном разделе, посвященном крестьянской аренде.

Характер натуральных платежей. В исторической перспективе в сравнении с данными папируса P. Ital. 3 норма ренты, взимаемой с арендаторов земель Равеннской церкви, изменилась как количественно, так и качественно.

Денежная рента не исчезла полностью, но уступила место *terraticum*, или «терражу». Этот галлицизм я использую для удобства без какого-либо риска искажения смысла явления. Терраж взимался в виде доли с урожая зерновых и зернобобовых культур, льна (реже – конопли) и вина, представляя собой, таким образом, вариант издольщины. Это был главный компонент продуктовой ренты⁸⁰⁴.

Терраж дополнялся другими платежами. Отмечу, в первую очередь, *exenium*, или «дар». Так называлось скромное ежегодное подношение, которым облагалось придомное хозяйство и небольшая часть пахотной земли. В договорах 2-й половины X в. иногда уточняется размер и типы земли, подлежащей

⁸⁰³ См. об этом в первую очередь: *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы... Т. 1; *Левченко М. В.* Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. М.–Л., 1949. Вып. II (XXVII). С. 11. Предпринятую историком попытку реконструкции нормы ренты на землях Римской церкви VI в. с привлечением равеннских актов X в., впрочем, нельзя признать в полной мере удачной.

⁸⁰⁴ В регестах BER сам термин опускается, но, безусловно, подразумевается в таких выражениях, как «от всего» (*de omnibus*), «от всех (главных) злаков» (*de omnibus maiore labore*), так как они дублируются в оригинальных грамотах. Записи BER зачастую не указывают характер тех или иных культур, подлежащих обложению терражом, поэтому в нижеследующем очерке я буду опираться, главным образом, на данные актов архиепископского архива.

обложению *exenium*. Это, как правило, 1-4 торнатуры *de ipsa terra ... pro mansione area et orto et prato*⁸⁰⁵.

Возникнув как «добровольное» подношение господину, «дар» со временем превратился в обычную правовую норму (*consuetudo*)⁸⁰⁶. Такие «дары», знакомые хозяйствам Равеннской церкви как минимум с VI в., были всеобщим явлением экономики всей Юго-Западной Европы и просуществовали вплоть до XIII–XIV вв.⁸⁰⁷ Этот набор, в частности, был известен всем областям Северной и Средней Италии VIII–X вв.⁸⁰⁸ В том или ином виде «дары» существовали и в византийских поместьях XI в. в форме т.н. «корзиночек»⁸⁰⁹.

По сравнению с ранневизантийским временем, где такие «дары» назывались *in xeniiis*, их размер значительно сократился и более-менее унифицировался. Если в VI в. он состоял обычно из одного гуся, шести кур, 60 яиц, 45 фунтов меда, иногда и из некоторых других продуктов, включая сало и молоко, то в источниках же VIII–XI вв. типичным является «дар» из двух куриц и десятка яиц, а также 1–2 квартария зерна, отобранного вручную (*grano manoelictile*). В зависимости от конкретного хозяйства, он мог включать в себя продукты промыслов (рыбу, птицу, дичь), цыплят, трепаный лен (*lino gramulato*), однако преобладали все же зерно, курицы и яйца. Неудивительно поэтому, что в районе Феррары его аналогом стала «куриная» повинность (*pullatica*), аналогичная *exenium* (две курицы и 10 яиц)⁸¹⁰.

⁸⁰⁵ Muzzioli, № 27 (a. 975): *et pro ipso exenio tollere de terra laboraturias una ubi tu ipso petitiore tollere voluerit*; Federici, № 7 (a. 982–983): *et pro exenio vero anni singulis de ariale staria dua, galina una, pro ipso exenio tollere debeatis de ipsa terra turnaturias tres, pro mansione area et orto et prato*; Federici, № 11 (a. 984): *exenio vero... de grano ariale staria tres, galina una, pro ipso exenio tollere debeatis de ipsa terra turnaturias tres, pro mansion area et orto et prato*; Federici, № 17 (a. 1005), etc.

⁸⁰⁶ Benericetti 2006, № 40 (a. 891, Озимо): *exenio annualiter dare deveamus secundo consuetudinem*; BER 141 (Озимо): *exenio secundum ister loci*. См. об этом подробнее: *Бородин О. Р.* Равеннский Экзархат. С. 210–212.

⁸⁰⁷ *Devroey J.-P.* Puissants et misérables... Р. 503; *Ковалевский М. М.* Экономический рост Европы... Т.1. С. 21.

⁸⁰⁸ *Котельникова Л. А.* Либеллярии Северной и Средней Италии... С. 92.

⁸⁰⁹ См. *Каждан А. П.* Формирование феодального поместья в Византии X в. // ВВ. 1956. Т. 11. С. 104.

⁸¹⁰ Benericetti 2006, № 48 (a. 893): *pullaticam anuualiter dare debeamus per unaquamque persona [pullo]s duos, ova decem*; Benericetti 2003, № 45 (a. 1016): *huna cum ipsa pullatica*.

Другой тип платежа – *brachiatica* – известен нам по документам начиная с конца VIII в. Ее модуляцией впоследствии станет знаменитый «альбергарий». Он заключался в оказании «приема» (*receptio*) уполномоченному землевладельцу (вилику, министериалу или актору), в ходе которого ему выставлялись натуральные подношения зерном или вином. Их размер мог быть самым разным и, в свою очередь, также определяться обычаем. Например, колонны округа Фано обязаны были предоставить по одному модию зерна и ячменя⁸¹¹, а арендаторы близ Фаэнцы уплачивали его в виде одной меры вина и некоторого количества зерна «по обычаю местности», или же только вином⁸¹².

Романья знала также универсальные для средневековой Европы выпасные поборы – *herbaticum* и *glandaticum*, то есть «травный» и «желудевый» платежи с пользования земельными угодьями (лугами и лесами) для выпаса овец и свиней соответственно. Как следует из истрийской «Грамоты из Ризано» 804 г., они имели византийское происхождение⁸¹³. Эти повинности были знакомы и областям Южной Италии. Там право на их взимание являлось, в сущности, платой за пользование прежними общинными угодьями, экспропрированными государством, Церковью или светскими землевладельцами⁸¹⁴.

Они взимались либо в виде животного (барана или ягненка в счет *herbaticum* и свиньи или поросенка в счет *glandaticum*), либо, по всей видимости, в виде собираемых в лесах желудей или иного корма, которые доставлялись в господское хозяйство⁸¹⁵. В некоторых частях Экзархата и Пентаполя бытовали разные обычаи, связанные с этим сбором. Так, в Римини взнос за *glandaticum* в

⁸¹¹ Benericetti 2006, № 53 (a. 896): *brachiaticam dare debeamus grano modio unum et de ordeo similiter.*

⁸¹² Muzzioli, № 26 (a. 975): *de vino per unoquoque canale gungio uno et de labore secundum consuetudinem ipsius loci*; 41 (a. 986–988): *brachiatica inter vino et labore redere debeamus de vino staria VI.*

⁸¹³ *Placitum de Rizano*. P. 113: *I Capitulo tulit nostras silvas, unde nostri parentes herbaticum et glandaticum tollebant.*

⁸¹⁴ *Абрамсон М. Л.* Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI — XI вв.) // *Средние века*. 1976. Вып. 40. С. 15.

⁸¹⁵ Так, по крайней мере, можно понять неясное выражение «*glandaticum in integro in domnico proficiat*». См.: Benericetti 2006, № 53 (a. 896): *glandaticum in domnico proficiat*. Benericetti 1999, № 8 (a. 907): *glandatico in integro in domnico proficiat*; 47 (a. 941); Benericetti 2002a, № 259 (a. 993), 266 (a. 997), 268 (a. 997): *glandatico et herbatico in domnico profitjat.*

размере трех серебряных денариев уплачивался к празднику св. Мартина⁸¹⁶, а в Монтефельтро доставка барана была приурочена к празднику св. Виталия⁸¹⁷.

Glandaticum встречается повсеместно, но наиболее распространен он был в риминийских Апеннинах: здесь он встречается в 19 из 28 контрактов. Его роль снижается по мере продвижения на юг вдоль Адриатического побережья, где господствовало пастбищное овцеводство.

С herbaticum и, шире, с овцеводством была связана еще одна подать, именуемая circoita, также превратившаяся в обычай⁸¹⁸. Правда, один раз она уплачивалась поросенком⁸¹⁹. Кроме приходов долины реки Конки, этот побор больше нигде не встречается.

Эти поборы выполняли двоякую роль. Их экономическая природа вытекает из права собственника на землю⁸²⁰, включая лесные угодья и пастбища, а целесообразность обусловлена заинтересованностью церковных управляющих в продуктах промыслового и животноводческого хозяйства. Но доставка продуктов или животных напрямую в Равенну⁸²¹ была и символическим актом, подчеркивающим неравноправное положение церковного арендатора.

Действительно, для жителей некоторых регионов, например, горно-холмистой и сильно пересеченной местности округа Римини, доставка животного – свиньи или барана – в Равенну было нелегким делом. Поэтому многие колонны прибегали к коммутации таких поборов, наверное, не в последнюю очередь

⁸¹⁶ Benericetti 1999, № 45 (a. 940): pro glandatico dare debeamus in festivitate sancti Martini in argento denarios tres.

⁸¹⁷ Ibidem, № 11 (a. 908): arietem vero quod est erbaticum deducere debeamus apud [loc]um ad ministerial vestro sicut supra diximus ib festivitate sancti Vitalis.

⁸¹⁸ Benericetti 1999, № 7 (a. 907): et pro circoita dare debeamus annualiter secundum ister locis.

⁸¹⁹ Ibidem, № 53 (a. 944): pro erbatico et circuito fersinga bona una.

⁸²⁰ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 212.

⁸²¹ Benericetti 2006, № 33 (a. 882): adducto ipso exenio et glandatico per nos colonis usque in civitate Ravenne, in domo episcopii vestri; 39 (a. 890): pullum uno grano manoelictile quartario uno... pervecto omnia per nos hic civitate Ravenne, in episcopio nostro; Benericetti 1999, № 14 (a. 909): exenio vero dare debeatis omni annualiter grano ma[nu]elictile quartaria dua, pullum unum, deductum per vos Ravenne in domo episcopii nostri; 28–30 (a. 918), 31 (a. 919); № 47 (a. 941): glandaticum domnicum in integro proficiat menatum per vos suprascriptis colonis usque in civitate Ravenne, in domo episcopii vestri; 53 (a. 944): glandaticum in domnico profitjat porcastro annotilie uno menatum per nos colonis usque in domo episcopii nostri. Benericetti 2002, № 137 (a. 968): glandaticum vero dare debeamus porcum unum valiente denarios XVIII, menatum per nos usque in civitate Ravenne.

потому, что деньги в счет *glandaticum* могли вручаться на месте ректору и даже вилику⁸²². С этим же связана практика т.н. альтернативных платежей⁸²³. С другой стороны, *glandaticum* мог доставляться и в риминийский ректорий⁸²⁴.

Выявить влияние экономических и внеэкономических факторов в каждом конкретном случае нереально – случаев доставки *exenium* в локальные пункты (ректории и *domniscalia*) немало. Тем не менее заметно, что в более удаленных краях – в районе Римини, Фано или Пезаро – *exenium*, как правило, вместе с выпасными поборам доставлялся в местные ректории⁸²⁵.

Вся сумма платежей получила в источниках обобщающий термин *iusticia domnica*⁸²⁶. С середины X в. можно изредка встретить термин *tributum*⁸²⁷. Рента, взимаемая в форме каждого *n*-го модия с тех или иных зерновых культур, *n*-го снопа льна и *n*-й амфоры вина, а также «сеньориальные» платежи (*exenium*, *glandaticum*, *herbaticum*), поразительно напоминает систему, распространенную на землях лангобардских регионов, в частности, Эмилии и Тосканы и Ломбардии⁸²⁸.

⁸²² Benericetti 1999, № 21 (a. 911): *pro claudatigo ver[o] dare debeamus a rectorem vestrum vel vilicum [... o]mni [...] ra venerit denareos III exmerati.*

⁸²³ См.: *Бессмертный Ю. Л.* Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. М., 1969. С. 29.

⁸²⁴ Benericetti 1999, № 8 (a. 907): *glandaticum in integro in domni proficiat, menatum per nos hic civitate Ariminensi in domum rectorii vestri.*

⁸²⁵ Benericetti 1999, № 6 (a. 905–906): [... *pervectum omnem terraticum et] exenio per nos colonos usque ad rectorium domnicatum vestrum infra ci[vitate Ariminensi...]; 7 (a. 907): pervectum omnem terraticum domnicum in integro de labore et vino sitque exenio atque glandatico ... in civitate Ariminensi, in rectorio sanctae vestrae Ravennatis ecclesie; 8 (a. 907): deductum omnem terraticum in integro de labore et vino seu exenio sitque olivas necnon denarius pro circoitu ... in civitate Ariminensi, in domum rectorii vestri...; 21 (a. 911): deductum omnem terraticum domnico de labore in integro una cum ipso exenio ... in curte vestra que vocatur Libiano; Benericetti 1999, № 9 (a. 908): deductum omnem terraticum domnicum in integro de labore et vino seu olivas atque exenio et ficas per nos suprascriptis colonis in civitate Pensaurense, in domum rectorii vestri. 21 (a. 911): *exenio vero... deductum per nos in ipsam domnicalia sicut supra diximus.**

⁸²⁶ Benericetti 1999, № 32 (a. 919): *deductum per nos ipsam iustitjam domnica usque ad ripam Padi; Benericetti 2002a, № 233 (a. 984): aducta omnia iustitja domnica vestra per nos suprascripti petitori usque in mansion vestra domnicatam; BER, № 103–106.*

⁸²⁷ Benericetti 1999, № 72 (a. 952): *et quando missum nostrum venerit ad recipiendum ipsum tributum que superius legitur.*

⁸²⁸ См. *Котельникова Л. А.* Либерллары в Северной и Средней Италии в VIII–X вв. (к вопросу об образовании зависимого итальянского крестьянства) // *СВ.*, 1957. Вып. 10. С. 91–92; *Andreolli B.* Le enfiteusi e I livelli del «Breviarium» // *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro).* Roma, 1985. P. 169.

Денежная рента в Романье сохранилась, но ее роль понизилась. В эту эпоху в основном ее были способны выплачивать только зажиточные арендаторы и представители сельской элиты, проживающие, главным образом, в Пентаполе, в непосредственной близости от его прибрежных городов. Находясь в наиболее благоприятном экономическом и социальном положении, они были тесно связаны с городскими рынками (см. таблицу ниже). В IX–X в. получила некоторое распространение коммутация тех или иных платежей, присутствующая приблизительно в 28% контрактов VIII–X вв.⁸²⁹, но лишь в редких случаях коммутировались сразу несколько типов повинностей.

Таблица 8. Коммутация ренты на архиепископских землях

Дата	Округ	Размер надела	Арендатор(ы)	Коммутированный платеж	Размер платежа
846-850	Озимо	50 модиев	Агелларий с супругой	[Terraticum]	2 тремисса
891	Сенигаллия	Sorte/portione	Супр. пара колонов	Operas, exenio, herbaticum	15 денариев
889-898	Сенигаллия	Sortes/porciones	3 супр. пары	Operas, erbaticum, exenio	18 денариев
889-898	Сенигаллия	Sortes/porciones	1 ар-р с братьями	Exenium, erbaticum	18 денариев
914	Чезена	50 торнатур	1 колон	[terraticum]	3 тремисса
945	Губбио	30 торнатур	Семья колонов	[terraticum]	12 денариев
957	Чезена	1,5 унции f.	Супр. пара колонов + homines	Exenio, glandatico	3 денария
973	Римини	Sortes/porciones	Супр. пара колонов	Glandaticum, herbaticum	9 денариев
723-997	Озимо	6/12 fundus	Супр. пара	Лен, конополя	5 тремиссов
723-997	Сенигаллия	110 модиев	2 супр. пары агеллариев	Exenio, erbatio, operas, glandatico	30 денариев
723-997	Сенигаллия	350 модиев	Агелларий	Exenio, erbatico, operas	12 денариев
723-	Сенигаллия	300 модиев	Супр. пара	Exenio, erbatico,	30

⁸²⁹ Benericetti 2006, № 41 (а. 891); BER, № 100 (а. 889–898), 102 (а. 889–898); Benericetti 1999, № 8 (а. 907), 21 (а. 911), 24 (а. 914), 28 (а. 918), 29 (а. 918), 30 (а. 918), 39 (а. 929), 45 (а. 940), 49 (а. 943), 59 (а. 948), 72 (а. 952); Benericetti 2002, № 137 (а. 968), 138 (а. 968), 157 (а. 971), 163 (а. 972), 172 (а. 972), 177 (а. 973); Benericetti 2002а, № 210 (а. 979), 242 (а. 988), 245 (а. 989), 249 (а. 991), 259 (а. 993), 262 (а. 994), 271 (а. 997); BER, № 47 (а. 971–983), 50 (VII–X вв.), 143 (723–997), 109 (723–997), 111 (723–997), 83 (723–997), 103 (723–997); CDP, № 7 (а. 957), 15 (а. 983); Federici, № 10 (а. 984), 13 (а. 1000); Muzzioli, № 40 (а. 986).

997			колонов	operas, glandatico	денариев
723-997	Сенигаллия	150 модиев	Супр. пара колонов	Exenio, erbatico, operas, glandatico	1 манкоз
VII-X в.	Сенигаллия	90 модиев	Священник + 1 чел.	Opere, exenio, glandatico	24 денария

Как ясно видно из таблицы, коммутация связана с экономически наименее значимыми, но с логистической точки зрения достаточно обременительными слагаемыми ренты. Это традиционные «дары» (exenia), травяные и желудевые поборы (glandaticum, herbaticum, circuitum), а также отработочные повинности (operas и operas in angariis).

Несмотря на распространение *calcario*, единовременного и довольно высокого денежного взноса, романьольские крестьяне IX–X вв., за исключением риминийского округа, были, в целом, меньше связаны с рынком, чем либеллярии остальной Северной Италии, где денежные выплаты присутствовали в более чем 50% аграрных контрактов⁸³⁰. Аномалия риминийского округа логично объясняется тесной связью здешних крестьян с городом, куда они должны были поставлять продукцию.

Вернемся к *terraju* – основному слагаемому натуральной ренты. Этот сбор подразделялся на т.н. *labore maiore*, взимаемый «со всех главных [культур]» (*omnia et ex omnibus*), в который включались пшеница обоих сортов (*grano, triticum, farre*), рожь (*sicale*), ячмень (*ordeo*), иногда – овес (*iunicula*) и бобы (*fave*)⁸³¹, а также другие бобовые и овощи (*ligumina*), и, наконец, *arestitio* и *minuto*, второстепенные злаки, аналогами которых, скорее всего, выступают «низшие зерновые» в рентных платежах северной и средней Италии, которые включали там просо, ячмень и полбу⁸³². Важнейшим компонентом *terraja* являлось вино⁸³³,

⁸³⁰ Котельникова Л. А. Либеллярии в Северной и Средней Италии... С. 93.

⁸³¹ Benericetti 1999, № 72 (a. 952): *de labore maiore modia tres, hoc est de grano modium unum et de ordeo modium unum et de iunicula modium unum*; Benericetti 2002, № 147 (a. 970): *hoc est terratico tritico, faba, sicale de labore maiore modio septimo*; Muzzioli, № 40 (a. 986): *terratico tritico faba sicale de labore maiore modio septimo*; Benericetti 2002a, № 262 (a. 994): *hoc est terraticum, grano, sicale, ordeo, farre, iunicula modium septimum*; CDP, № 4 (a. 939): *hoc est terratico tritico faba sicelo de lavore maiore seminato*.

⁸³² Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв. М., 1987. С. 41.

или «жидкий терраж» (*terraticum liquidum*)⁸³⁴. Особняком стояли поставки льна (*lina*)⁸³⁵ и, реже, конополи (*canafa*), доля которых, как правило, совпадала с долей злаковых культур или *minuto* (в случае дифференцированного зернового терража) и исчислялась в пучках или снопах (*manna, manipula*). В зонах, где выращивались кормовые культуры, например, в районе Феррары, встречается и специфический сбор *triscium*, которым облагались просо и овес (*mileo, panico*). Местная специфика предполагала обложение конкретных плодовых культур: каштанов, орехов, яблок, вишен, черешен, оливок, смоквы и т.д.

Существовало два основных способа расчета натуральной ренты в составе терража: долевой (исчисляется в *n*-м модии, *n*-й амфоре (113, 20 л) и *n*-м снопе льна от общего урожая конкретной культуры) и более редкий абсолютный (в таких случаях указан фиксированный размер ренты, соответственно, в модиях, амфорах, манипулах и других мерах). В последнем случае фиксированная рента связана либо с льготным держанием, в свою очередь, обусловленным социальным статусом держателя, либо с небольшими размерами арендуемого участка или особенностями почвы и иных условий каждой конкретной местности.

Рента взималась в соответствии с местным обычаем («*consuetudo locis*», «*usus locis*», «*secundum ister loci*» и т.д.), который, возможно, отсылает к особенностям эксплуатации арендаторов фиска в римское и византийское время. Документы часто фиксируют такой «обычай» в Пентаполе. Он отмечен в округах Римини⁸³⁶, Сенигаллии⁸³⁷, Озимо⁸³⁸. Встречается он также в округе Феррары⁸³⁹ и

⁸³³ Benericetti 1999, № 59 (a. 948): *et ipso terratico de vino vos patronis bi aput locum tollere debeat;* Muzzioli, № 26 (a. 975): *terraticum autem de vino vos patronis tollere debeat.*

⁸³⁴ Benericetti 2006, № 41 (a. 981): *pervectum omne terraticum arido et liquido per nos in domum rectorii vestri.*

⁸³⁵ Benericetti 1999, № 53 (a. 944): *deductum omnem terraticum domnicum in integro de labore cum ipso exenio et lino usque in civitate Ariminense.*

⁸³⁶ BER, № 53: *secundum consuetudinem ipsius loci.*

⁸³⁷ Benericetti 2002a, № 214 (a. 980): *et de predictis quattuor tornaturiis terre laboratoriae de ipso prato terraticum secundum consuetudinem ipsius loci, idest de grano et ordeo modium decimum;*

⁸³⁸ BER 148: *sub redditum secundum ister loci.*

⁸³⁹ Benericetti 2002, № 91 (a. 957): *sub reddito ipsius secundum ister loci.*

непосредственно в Экзархате, в районе Форлимпополи⁸⁴⁰. Собственные «обычаи» были распространены и на крупных церковных *massae* («*usum ipsius massę*»)⁸⁴¹.

Исключая случаи льготных натуральных платежей и коммутаций значительной части ренты⁸⁴², а также малопонятные случаи из разрушенных и испорченных документов со значительными лакунами⁸⁴³, сведем оставшиеся данные в единый блок. Расчет натуральной ренты во всех регионах бывших византийских областей северо-восточной Италии в VIII-X вв. проводился по двум наиболее типичным формулам: 1) $1/x$ всех злаков, включая *labore maiore* и *minuto*, иногда – бобовых (в модиях); $1/x$ льна (в снопах-манипулах); $1/y$ вина (в амфорах), и 2) [$1/x$ *labore maiore*; $1/y$ *minuto*]; $1/y$ льна; $1/z$ вина. Формула № 1 абсолютно преобладала в Пентаполях (округа Римини, Монтефельтро, Сенигаллии, Пезаро, Фано, Озимо, Губбио), где господствовала наиболее скромная норма продуктовой ренты. Здесь она в среднем составляла 10-й модий зерна, 10-й сноп льна и 4-ю амфору вина. Изредка в округах Римини и Сенигаллии встречается расчет из 7-го модия зерна и 7-го снопа льна, приближающийся к нормам Экзархата, однако, за одним-единственным исключением, он никогда не встречается в виде полной формулы: речь идет, скорее всего, об узкоспециализированных зерновых хозяйствах, где отсутствуют высадки льна или винограда.

Расчет нормы изъятия урожая конкретного крестьянского хозяйства Пентаполя (Римини) в 968 г. приведен в таблице № 9. Мы видим, что после уплаты ренты собственнику на руках у крестьян остается минимум 90% зерновой продукции. За вычетом приблизительно четвертой части зерна на посев⁸⁴⁴,

⁸⁴⁰ Benericetti 1999, № 71 (a. 952): hoc est terraticum de omni labore maiore et minuto atque ligumina seu arestitjo omnia et ex omnibus modio septimo, lono manna septima, vinea si pastinaveritis tempore que fructificare ceperit et incolome esse videtur redder exinde debeamus secundum ister locis; Benericetti 2002a, № 258 (a. 993): ita sane ut inferamus domnice ratjonibu vobiss... de quicquid inibi Dominus annualiter condonare iusserit, hoc est terraticum et redditum secundum consuetudinem et usum ipsius massę et loci.

⁸⁴¹ Ibidem.

⁸⁴² BER, № 143.

⁸⁴³ Benericetti 1999, № 6 (a. 905–906), Benericetti 2002a, № 212 (a. 979), 273 (a. 983–998).

⁸⁴⁴ Точных значений по урожайности и зерну по посев мы не знаем. Известно лишь, что в 1524 г. в области Римини было произведено 24 000 стадиев зерна, из которых 4000 (т.е. шестая часть)

получается, что крестьянин мог потребить или реализовать на рынке примерно две трети произведенного зерна.

Несколько более высокой и менее устойчивой была норма продуктовой ренты в земледельческих зонах архиепископского патримония в Экзархате. Здесь, в среднем, Церковь получает 7-й модий зерна, 7-й сноп льна и 3-ю амфору вина. На землях, находящихся в собственности многочисленных церквей и монастырей Равенны, в первую очередь – монастырей св. Марии *ad Cereseo*, св. Мартина *post Ecclesiam Maiorem*, а также Сант-Аполлинаре-Нуово, чей патримоний располагался в Дечимано, взималась несколько более высокая рента. В Равеннском округе управляющие монастыря св. Аполлинария взимали 5-й модий *labore maiore*, 6-й модий *minuto* и 5-й сноп льна, а также 2-ю амфору вина. К этой норме приближались семь из 15 расчетных показателей некоторых приходо-округов Фаэнцы и *Faventino acto Corniliense*, шесть из которых приходятся на монастыри св. Марии и св. Мартина.

На землях городского прихода Фаэнцы в двух случаях норма ренты (4-й модий зерна, 4-й сноп льна и 2-я амфора вина), взимаемой в пользу монастыря св. Марии *ad Cereseo*, является исключительно высокой, приближаясь к обычаям Феррары, а также лангобардских регионов, включая Тоскану, где либеллярии отдавали собственнику или непосредственному арендодателю 3-й или 4-й модий зерна и половину вина⁸⁴⁵. По приблизительным подсчетам, в этих хозяйствах производители IX–X вв. уплачивали приблизительно 29-31% произведенного продукта. Тем не менее, в других регионах, в первую очередь, в районе Чезены, монастыри св. Марии и св. Аполлинария, располагавшие там сравнительно небольшими владениями, руководствовались исключительно *usus loci*, и норма ренты там была намного скромнее.

была удержана для посевов (см. *Larner J. The Lords of Romagna. P. 9*). В раннее Средневековье эти значения, скорее всего, были ниже.

⁸⁴⁵ *Fumagalli V. La tipologia dei contratti d'affitto con coltivatori al confine tra Langobardia e Romania (secoli IX–X) // Studi Romagnoli. 1974. Vol. 25. P. 205–214. См. также Котельникова Л. А. Либеллярии Северной и Средней Италии... С. 92. О норме натуральной ренты на землях Луккской епископии (Тоскана) см. Endres R. Das Kirchengut im Bistum Lucca... P. 291.*

Наконец, наиболее высоким был продуктовый чинш, взимаемый с колонов Феррарской долины. Он имеет наиболее запутанную и неустойчивую структуру, в рамках которой могут обособляться *minuto*, бобовые, *mixtura*, а также *triscum*, подбор с «кормовых» культур (овса и проса), но в основной своей части он был слабо подвержен колебаниям. Как правило, здесь взимается 4-й модий пшеницы и прочих злаков, входящих в состав *labore maiore*, и, по преимуществу, 3-й модий вина. Доля, взимаемая с остальных злаков, могла колебаться. «4-й модий зерна» зафиксирован обычаем и нашел отражение даже в топонимии (*massa Quartisana*).

Таблица 9. Максимальные и минимальные значения ренты на землях крупной собственности

Дата	Округ	Размер	Норма	Процент изъятого урожая
888-889	Фаэнца	20 торнатур (≈ 20 югеров) пахотной земли 10 торнатур (≈ 10 югеров) виноградника	4-й модий <i>labore maiore</i> , 5-й модий <i>minuto</i> и бобов, 4-й сноп льна (= 22,5%), 2-я [амфора] вина (= 50 %)	31, 6%
888-889	Фаэнца	20 торнатур пахотной земли 13 торнатур виноградника	4-й модий <i>labore maiore</i> , 5-й модий <i>minuto</i> и бобов, 4-й сноп льна (= 22,5%), 2-я [амфора] вина (= 50 %)	30%
943	Фаэнца	2 торнатуры виноградника (с <i>vacuamento</i>) 6 торнатур <i>terre</i> (пахотной земли) в f. <i>Petriolo</i>	4-й модий <i>labore maiore</i> , 5-й модий <i>minuto</i> и бобов, 4-й сноп льна (= 22,5%), 2-я [амфора] вина (= 50 %)	29,4 %
968	Римини	Пеция пахотной земли и леса в f. <i>Bruinita</i> (110×80 пертик ≈ 38, 6 югеров) Пеция пахотной земли de <i>Monte Auxiliare</i> (100×46 пертик ≈ 20 югеров)	10-й модий <i>labore maiore</i> и <i>minuto</i> , 10-й сноп льна	max 10 % (= 17, 6 модиев)

Аккумуляция ренты. Куда доставлялась рента? *Episcopium* Равенны был одним из основных конечных центров аккумуляции натуральной ренты. Можно предположить, что значение *episcopium* в системе управления патримонием не ограничивалось чисто экономическими функциями. Сюда крестьяне Экзархата и

округа Римини нередко доставляли специфический побор *exenium*, т.н. «дар»⁸⁴⁶ – ежегодное подношение, которым облагалось подсобное хозяйство, а также продукты и животные в счет «желудевого» и «травного» побора. Таким образом, по крайней мере в случае с *exenium*, по всей видимости, подчеркивался зависимый статус церковного арендатора. Но так ли это на самом деле? По мере удаления от Равенны это правило перестает соблюдаться. Обратимся поэтому к конкретному материалу.

Из 19 аграрных контрактов, заключенных архиепископами с земельными съемщиками Экзархата (городские округа Фаэнцы, Форли, Форлимпополи и Чезены) в IX–X вв., в 14 случаях местные *domnicalia* служили конечными пунктами поставок зерновой продукции (в рамках *terraja*), в то время как девять договоров (чуть меньше половины) обязывают поставлять незерновые поборы прямо в Равенну. Складывается впечатление, что архиепископская курия сохраняла стабильный интерес к продуктам промыслов и животноводства, в то же время создавая хлебные резервы на местах, в *curtis* и *domnicalia*, откуда, при необходимости, они могли быть переправлены в город.

Таблица 10. Пункты доставки продукции в архиепископских владениях в Экзархате (Фаэнца – Форли – Форлимпополи – Чезена) в 870-1000 гг.

Дата	Регион	Glandaticum, herbaticum, <i>exenium</i>	Терраж (<i>terraticum</i>), вкл. вино	Прочее
872	Имола	In <i>domnicalia</i> in <i>Aquava</i>	In <i>domnicalia</i> in <i>Aquva</i>	Fenum: in <i>domnicalia</i> in <i>Arca</i>
872	Имола	In <i>domnicalia</i> in <i>Aquaviva</i>	In <i>domnicalia</i> in <i>Aquaviva</i>	Fenum: in <i>domnicalia</i> in <i>Trentula</i>
882	Форли	In <i>domo</i> <i>episcopii</i> (<i>Ravenna</i>)	In <i>domnicalia</i> S. <i>Clemente</i>	
890	Фаэнца	In <i>episcopio</i> (<i>Ravenna</i>)	In <i>episcopio</i> (<i>Ravenna</i>)	
892	Фаэнца	<i>Domnicalia</i> S. <i>Adriano</i>	<i>Domnicalia</i> S. <i>Adriano</i>	
892	Фаэнца-Имола	In <i>domo</i> <i>episcopii</i> (<i>Ravenna</i>)	In <i>domo</i> <i>episcopii</i> (<i>Ravenna</i>)	
893	Фаэнца	<i>Curte</i> S. <i>Adriano</i>	<i>Curte</i> S. <i>Adriano</i>	<i>Pomas</i> (каштаны): in <i>domo</i> <i>episcopii</i> (<i>Ravenna</i>)
908	Фаэнца	<i>Domnicalia</i> in <i>Quartulo</i>	<i>Domnicalia</i> in <i>Quartulo</i>	
909	Фаэнца	In <i>curte</i> et <i>domnicalia</i> S.	In <i>curte</i> et <i>domnicalia</i> S.	

⁸⁴⁶ В таком значении, в частности, термин употребляется и у Агнелла. См. Agnellus. P. 296.

		Adriani	Adriani	
909	Форли (S. Cassiani)	In domo (Ravenna)	In curte in Cassiano	Вино хранить на месте
904-914	Чезена	–	Moletura: in Curtis in Rota	
919	Фаэнца	In domo (Ravenna)	Aut in domnicalia [Cotoniola] aut a ripa flumini	
952	Форлим-пополи	In domnicalia in massa Quiliano	In domnicalia in massa Quiliano	
967	Форли (S. Cassiani)	–	In domnicalia S. Clemente	
968	Форли (S. Cassiani)	In domo episcopii (Ravenna)	In domnicalia S. Clementis	
979	Чезена	In domo episcopii (Ravenna)	In domo episcopii (Ravenna)	
980	Форли	In domo episcopii (Ravenna)	In domo episcopii (Ravenna)	Вино (кроме 3 амфор) хранить в амбарах
989	Чезена	In domo episcopii	In domo episcopii	Доставка только 1/3 ренты
991	Чезена	apud locum	apud locum	

Таблица 11. Пункты доставки продукции в округе Римини (905-997 гг.)

Дата	Exenium	Glandaticum, herbaticum	Терраж (terraticum), вкл. вино	Прочее
905	?	?	in rectoria vestram Ariminensi	
905-06	ad rectorium	–	ad rectorium	
907	In rectorio	In rectorio (g.)	In rectorio	Olivas in rectorio
907	in domum rectorii	–	in domum rectorii	Olivas/denarios pro circuito in domum rectorii
911	In curte Libiano	a rectorem vel vilicum denareos 4 (g.)	In curte Libiano	
918	?	In domo episcopii (g.)	Ad rectorium / ad navem domnicam	circlos 20 in rectorio
918	?	In domo episcopii (g.)	Ad rectorium / ad navem domnicam	circlos 20 in rectorio
918	?	In domo episcopii (g.)	Ad rectorium / ad navem domnicam	circlos 20 in rectorio
920	–	–	In rectorio	
940	–	In civitate Ariminensi / ad mare	In civitate Ariminensi / ad mare	
941	?	In domo episcopio (g.)	Ad rectorium / a navem domnica	
944	In domum rectorii / a mare	In domo episcopii (g.)	In domum rectorii / a mare	

952		Ad litus maris / ad civitate Ariminensi	Ad litus maris / ad civitate Ariminensi	
968	?	In civitate Ravenne (g.)	Ad civitatem Ariminensem / ad mare	
968	–	?	In rectorio	
968	–	–	Ad castello qui dicitur Montelliano	
972	Ad civitatem Ariminensem	?	Ad civitatem Ariminensem	
972	?	?	In rectorio	
973	?	In domo episcopio (g., h. КОММ.)	In civitate Ariminensi	
979	?	–	In domnicalia vestra in capella Sancti Apollinaris in Castrutjano	Vinum ... apud locum
993	?	In domo episcopii (g., h.)	?	
997	Usque civitatem Ariminense	In domnico (g., h.)	Usque civitatem Ariminense	
997	In rectorio	In domnico proficiat (g., h.)	In rectorio	
997	In rectorio	In domnico proficiat (g., h.)	In rectorio	

Логика распределения продуктовых платежей между негородскими *domnicalia* (а также городским ректорием в Римини) и Равенной выявить проблематично. Тем не менее, при сопоставлении материала с данными из папируса P. Ital. 3 можно сделать некоторые выводы. Во-первых, при сравнении этих сведений бросается в глаза, что Церковь продолжала сохранять стабильный интерес как к денежным выплатам, так и к продуктам промыслов и животноводства, которые чаще всего поступали прямо в Равенну (в виде таких поборов, как «дар»-*exenium*, а также *glandaticum* и *herbaticum*). Во-вторых, заметен возросший интерес к зерноводческому производству и формированию хлебных запасов на местах, стекавшихся, по большей части, в местные зернохранилища (*domnicalia* в Экзархате, ректории в районах Пентаполя). В-третьих, очевиден сравнительно невысокий уровень эксплуатации производителей.

Причина невысокой (в сравнении с лангобардскими регионами, где взималась 1/3-1/4 зерновой продукции и 1/3-1/2 вина) натуральной ренты в большинстве регионов Экзархата и в Пентаполя имеет неясную природу. Скорее всего, за ней стоит достаточно древняя традиция. В. Фумагалли и М. Монтанари, обратившие внимание на эту особенность, в сущности, ограничились лишь постановкой проблемы, указав на генетическую преемственность ренты VIII–X вв. римско-византийским формам обложения⁸⁴⁷, обязывавшим арендаторов фиска уплачивать десятую часть зерна и пятую часть плодов. Любопытно, что среди прочих жалоб местных элит, зафиксированных в «Грамоте из Ризано», можно встретить возмущение по поводу повышения франкскими администраторами ставки традиционно взимавшегося в этих краях винного побора, всегда составлявшего, по заявлению жалобщиков, лишь четвертую часть продукта⁸⁴⁸. Здесь уместно провести параллели с данными о натуральной ренте в округах Пентаполя. Напрашиваются параллели и с упоминаемой в византийском «Земледельческом законе» категорией арендаторов-мортигов (μορτίτης), уплачивавших собственнику лишь 1/10 собранного урожая.

Эти данные можно объяснить по-разному. Конечно, невысокая рента сама по себе объяснима величиной земельных богатств архиепископии. Равеннские монастыри и церкви, располагавшие куда меньшим земельным фондом, зачастую шли на повышение платы, хотя нередки случаи, когда рента, взимавшаяся в их владениях, совпадала с архиепископской. Т. Браун допускает, что эта особенность эксплуатации романьольского крестьянина была следствием депопуляции и острого дефицита рабочих рук. В условиях затяжного военного противостояния с лангобардами всегда сохранялась опасность бегства крестьян от налогового гнета в лангобардские регионы. Поэтому собственники и землевладельцы вынуждены были держать ренту на низком уровне, что было выгодно в первую очередь самим

⁸⁴⁷ *Fumagalli V. La tipologia dei contratti d'affitto... P. 214.*

⁸⁴⁸ *Placitum de Rizano. P. 113: numquam in tertio ordine tulerunt, sicut nunc faciunt, nisi tantum quarto.*

крестьянам. Кроме того, элита Экзархата, как правило, имела другие постоянные источники дохода⁸⁴⁹.

Тем не менее, эта внятная и логичная трактовка не объясняет высокой устойчивости ренты в поствизантийскую эпоху, когда военно-политическое противостояние ко 2-й половине VIII в. ушло в прошлое, а население стабильно росло; кроме того, о норме продуктовой ренты на землях светских лиц нам ничего не известно вплоть до конца IX в. Возведение В. Фумагалли неких цивилизационных особенностей региона в ранг объяснительного принципа оставляет не меньше вопросов.

Я не вижу оснований видеть в формах эксплуатации в Романье некий синтез византийских традиций и сеньориализации, якобы являвшейся результатом включения Северной Италии в социально-политический организм Франкского королевства в конце VIII в.⁸⁵⁰ Я также не вижу причин считать, что на внедрение новых способов организации производства с конца IX в. оказали решающее влияние каролингские хозяйственные порядки. Они могли послужить неким образцом, но не более. Логика перестройки хозяйствования в регионе была вполне самостоятельной, и опыт организации такого производства у равеннских управляющих уже был.

В разворачивании на землях Романьи специфического варианта вотчинного хозяйства следует видеть практические результаты перестройки церковных земель. Если сопоставить то, что мы знаем о натуральных платежах IX–X в. либелляриев-колонов, с материалом папируса P. Ital. 3, то бросается в глаза смещение интересов церковных собственников в сторону зерноводческого производства с преобладанием пшеницы. Отраслевая структура такого производства была подробно освещена в соответствующей главе.

Мне кажется, что вотчинные порядки были ответом на утрату стратегически важных поставок хлебной продукции из сицилийских имений, попавших под

⁸⁴⁹ *Brown T. S. Gentlemen and Officers. P. 200.*

⁸⁵⁰ Об этой точке зрения см.: *Herlihy D. The History of the Rural Signory in Italy, 751–1200 // Agricultural History. 1959. Vol. 33 (2). P. 63.*

контроль династии Аглабидов из Ифрикии в процессе арабского завоевания острова, начавшегося в 827 г. и завершившегося к 902 г. По другим предположениям, хозяйственная перестройка могла быть связана с конфискацией сицилийского патримония Равеннской церкви Львом III Исавром, однако подтверждения тому в источниках нет. Как бы то ни было, по данным Агнелла, при архиепископе Мавре (648–671) ректор Сицилии ежегодно снабжал Равенну 50 000 модиями пшеницы, «... не считая остальных злаков и бобов»⁸⁵¹. Доходность всего патримония Равеннской церкви в середине VII в. оценивается С. Козентино приблизительно в 70 000 солидов⁸⁵².

Прерывание давних межрегиональных связей (свидетельством чего стало резкое сокращение средиземноморского импорта) не привело к натурализации экономики Романьи. Из рассказа Агнелла нам известно, что архиепископы в его годы (830–840-е гг.) активно продавали церковный хлеб, масло и вина⁸⁵³. Скорее, эти события привели лишь к хозяйственной перестройке патримониев крупных собственников. Она выражалась в переориентации на зерновое производство и создание зерновых резервов на местах во избежание утраты реальных доходов. При этом сохранялась стабильная потребность в продуктах промышленного и животноводческого хозяйства, доставлявшихся напрямую в Равенну.

В условиях дефицита рабочих рук и обилия невозделанных площадей складывание крестьянских наделов на указанных выше мягких условиях было если не оптимальным, то вполне компромиссным решением. Медленному оживлению сельской округи способствовало наступление в 800–850-х гг. более-менее благоприятной климатической конъюнктуры. Неслучайно, что именно в VIII–IX вв., по данным археологии, поселенческая структура региона отличается особым динамизмом. Это касается даже самой стабильной зоны Романьи –

⁸⁵¹ Agnellus. P. 281–282.

⁸⁵² *Cosentino S. Richezza e investimento della chiesa di Ravenna tra la tarda antichità e l'alto medioevo // From one sea to another. Trading places in the European and Mediterranean early Middle ages. Proceedings of the International Conference (Comacchio, 27–29 marzo 2009) / Ed. S. Gelichi, R. Hodges. Turnhout, 2012. P. 429.*

⁸⁵³ Agnellus. P. 272: *venundant frumentum ecclesiae et oleum et humida vina, et faciunt ex illis pondera argenti et auri.*

округе Дечимано, где, по данным Н. Манкасоллы, было заброшено 69% прежде заселенных мест и, с другой стороны, выросло немало новых поселенческих центров (ок. 54%), генетически не связанных с позднеантичными⁸⁵⁴.

Надельный сектор, скорее всего, был динамичной сетью крестьянских сообществ, активно задействованных в аграрной колонизации. Это находит свое подтверждение и в письменных источниках. Конечно, следы аграрно-колонизационного процесса с разной интенсивностью и в разной степени отмечаются на всем протяжении истории средневековой Романьи начиная с поздней античности (включая остготский период) и завершая масштабными мелиорационными работами, предпринятыми городскими коммунами и монашескими конгрегациями в XVI–XVII вв. Среди факторов, влияющих на подъем и спад колонизационного процесса первое место обычно ставят демографические колебания. Тем не менее, соотношение «земля/труд», всерьез изучавшееся на материалах лишь нескольких регионов Европы периода т.н. «кризиса феодализма» XIV в., зависит от способа общественного производства, налагающего свои структурные ограничения⁸⁵⁵. Мальтузианская модель серьезно недооценивает интересы ключевых акторов этого производства.

В том или ином объеме аграрная колонизация разными темпами протекала на всем протяжении VI–XII вв., однако движущими силами этих процессов попеременно выступали разные факторы. По мнению О. Р. Бородина, в период византийской администрации стимулом к расширению сельскохозяйственных площадей и мелиорации болот служил пресс государственного фиска, толкавший производителей к поиску новых источников дохода⁸⁵⁶ или переводивший их на эпиболе – принудительную приписку пустующих соседних наделов. Косвенным подтверждением этого в аграрной топографии региона стало массовое распространение с VI в. т.н. *casalia*, о которых шла речь в 3-м параграфе 3-й главы. После ликвидации Экзархата в 751 г. главным инициатором аграрной

⁸⁵⁴ *Mancassola N.* L'evoluzione dell'insediamento rurale... P. 39–40.

⁸⁵⁵ См. об этом: *Brenner R.* Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-industrial Europe // *Past and Present.* 1976. № 70. P. 30–75.

⁸⁵⁶ *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. С. 228.

колонизации выступила Церковь, сводившая землю в огромные комплексы (*massae*) и сдававшая ее в трудовую аренду непосредственным производителям и в эмфитевтическую – знати и промежуточным категориям съемщиков. В связи с обсуждавшимися выше вопросами здесь нас интересует, прежде всего, либеллярная аренда.

Кажется неслучайным, что основной информацией о процессах внутренней колонизации равеннского хинтерлянда – земель Экзархата – мы располагаем лишь с 70-х гг. IX в., с массовым распространением аграрного контракта либеллярного типа; при этом удельный вес актов перезаключения договоров (1/5 – 1/3 либеллярных грамот) был сравнительно невелик. Экономический характер либеллярного контракта предполагал обработку и мелиорацию арендуемых земель, вскапывание (*pastenandum*), а также расширение (*propaginandum*) пахотных площадей⁸⁵⁷. Во многих крестьянских хозяйствах оставалось достаточно пригодных для возделывания угодий: в некоторых либеллах оговорены условия взимания ренты с земель, на которых крестьянин может (по собственному желанию) высадить или вернуть в оборот виноградник⁸⁵⁸.

В иных случаях собственник сознательно идет на льготы, например, снижая ренту с вина⁸⁵⁹ и тем самым стимулируя заинтересованность колона в расширении возделываемых площадей; в очень редких случаях нововысаженный виноградник мог поступить даже в полное распоряжение крестьянина⁸⁶⁰. Эпизодически встречаются и другие льготы. Так, колоны, снимающие в 981 г. у монастыря св.

⁸⁵⁷ Эти условия артикулируются в формуле, известной с VIII в. и родственной аналогичной формуле эмфитевтического контракта: Benericetti 2006, № 8 (a. 783): *abendum, tenendum, cultandum, pastenandum, pr[o]ppaginandum, defensandum, casa et canale inibidem extaurandum et supersedendum et in omnibus meliorandum.*

⁸⁵⁸ Benericetti 2006, № 39 (a. 890): *vinea si pastenaveritis red[ere] mihi debeatis vino anfora tertia, dua vici piccoli inciso et de alia vinea maiore redere debeatis anfora tertia ex assi*; Benericetti 1999, № 71 (a. 952), 72 (a. 952); Benericetti 2002, № 111 (a. 963), 141 (a. 968), 127 (a. 967), 177 (a. 973); Benericetti 2002a, № 208 (a. 979); Benericetti 2003, № 25 (a. 1005); BER, № 104; Muzzioli, № 3 (a. 911), 40 (a. 986); CDP, № 7 (a. 957).

⁸⁵⁹ Benericetti 1999, № 7 (a. 907): *vini anfora tertia ex axinis et si amodo pastinaverimus vineam, tempore quod fructificare ceperit redder exinde debeamus anfora quarta ex axinis*; 8 (a. 907), 49 (a. 943), 53 (a. 944), 72; Benericetti 2002, № 155 (a. 971), 177 (a. 973); Benericetti 2003, № 232 (a. 984), 271 (a. 997); Muzzioli, № 38 (a. 981); Federici, № 13 (a. 1000), 15 (s. X–XI), 16 (a. 1005); Fantuzzi 1802, № 8 (a. 955).

⁸⁶⁰ Federici, № 17 (a. 1006): *et si vinea pastenaveritis omnia sit vobis largitum.*

Марии *in Palacciolo* имение *Busso* в округе *Faventino acto Corneliense*, «заросшее лесом и ивняком», уплачивают с него лишь 10-й модий *om(n)ia et ex om(n)ib(us)* – рента, довольно низкая для Экзархата. С соседнего «поля» *Casamaurelli*, также арендуемого колонами, они платят стандартный для этой местности оброк (седьмой модий с «главных» культур)⁸⁶¹.

С первых десятилетий распространения этого типа аренды эпизодически встречаются и прямые указания на реколонизацию ряда сельских территорий и восстановлению ее инфраструктуры. Например, в либелле 891 г. (округ Озимо) оговорено обязательство вырыть каналы и отремонтировать господскую мельницу⁸⁶². Согласно либелле 914 г., колон Родульф, в числе прочего, арендует на условиях 20-го модия с помола разрушенную водяную мельницу, расположенную где-то на заброшенном заболоченном островке посреди реки Сапис (совр. Савио) неподалеку от Чезены⁸⁶³. Либелла 931 г., фиксирующая аренду *loco Casadomni* на побережье той же реки, также допускает строительство арендаторами мельницы⁸⁶⁴. В обязательства зажиточных крестьян, арендующих земли в двух приходах округа Фаэнцы в 909 г., входит расчистка (*roncandum*) и корчевка (*stirpandum*) получаемых земель⁸⁶⁵.

Наиболее впечатляющие следы аграрной колонизации мы наблюдаем в дельте реки По, в округах Феррары, Ардженто и Комаккьо. В 922 г. несколько эмфитевтов из Комаккьо, среди которых вилик, арендуют огороженный с двух сторон реками и, судя по всему, невозделанный участок с обязательством распахать его и построить там водяную мельницу⁸⁶⁶. Условие *roncandum* в контрактах из этого региона встречается здесь гораздо чаще⁸⁶⁷, и, кроме того, колонам могли предоставляться существенные льготы при высадке

⁸⁶¹ Benericetti 2010, № 340 (a. 981).

⁸⁶² Benericetti 2006, № 40 (a. 891): [aqui]mulum domnici restaurare, et fossato cavare deveatis.

⁸⁶³ Benericetti 1999, № 24 (a. 914): nec non concedistis nobis infra fluvio Sapis aquimus ad faciendus ubi dudum antiquitus fuerunt que nunc in desertis reiacet una cum insula supra ipsum vel iuxta ipsum fluvio Sapis possita que ita nunc in desertis et in paludibus reiacet.

⁸⁶⁴ Ibidem, № 40 (a. 931): et si aquimulo fecerimus redder debeamus similiter modio hoctavo.

⁸⁶⁵ Ibidem, № 13 (a. 909).

⁸⁶⁶ Ibidem, № 35 (a. 922).

⁸⁶⁷ CDP, № 12 (a. 976).

виноградников и распашке нови (ronco), главным образом – освобождение от уплаты *iustitia* на некоторое количество лет⁸⁶⁸.

Несомненным доводом в пользу наличия колониционных процессов в это время является термин *ronco*⁸⁶⁹ и производные от него (*roncore*), образованные от глагола *roncare* (расчищать)⁸⁷⁰, сохранившегося как в топонимии имений (например, *fundus Roncadelle, Ronconi*⁸⁷¹), так и в современном местном диалекте (*runchêr*). Этот термин был уже в ходу как минимум со 2-й половины VIII в. В дарственной от 767 г. мы встречаем множество двойных названий имений. Первое название одного из *fundi*, *Sentucolonna*, располагавшегося где-то между Луго и Масса Ломбарда, скорее всего, отражает плачевное состояние лежавшей в руинах прежней виллы, в то время как его второе название – *Ronco* – указывает на возвращение в хозяйственный оборот примыкавших к вилле земель имения. Тем не менее сравнительная редкость появления слова *ronco* вплоть до XI–XII вв.⁸⁷², когда корчевки и расчистки стали повсеместным явлением северной и средней Италии⁸⁷³, в какой-то степени, свидетельствует о несколько более скромном и точечном характере аграрной колонизации в изучаемый нами период.

Подведем итоги. Напрашивается вывод, что при всей своей значимости поступающая из надельного сектора натуральная рента в вотчинном хозяйстве Экзархата была хотя и важным, но все же не основным источником церковных доходов. В основном *pars massaricia* находилась здесь на этапе становления, на

⁸⁶⁸ Benericetti 2002, № 155 (a. 971): *et si vinea pastinaverimus fruire eam debeamus annos novem, postea vero reddere debeamus sicut de cetera vinea. Et si ronco fecerimus fruire eum debeamus annis tribus, in quarto anno dare debeamus terraticum sicut de alia terra*; Benericetti 2002a, № 234 (a. 985).

⁸⁶⁹ Muzzioli, № 20 (a. 960); Benericetti 2002a, № 251 (a. 991): *fundus Roncadelle*.

⁸⁷⁰ Benericetti 2002, № 181 (a. 974): *curtem... que ante hoc dies in desertis redacta fiut et modo Xristo auxiliante noviter roncora facta esse videtur*; Benericetti 2002a, № 200 (a. 977): *roncum qui vos ipsi noviter cum vestris dispendiis roncare visi estis*. См. также: *Di Girolamo C. Il Bosco nel medioevo // Studi Storici*. 1990. A. 31. № 3. P. 810.

⁸⁷¹ Benericetti 2003, № 26 (a. 1006).

⁸⁷² Топонимы, образованные от *ronco* (*runco*), нередки в актах XII–XIII в.: Federici, № 64 (a. 1140): *Roncore*; 158 (a. 1194): *posite in Sorcano, in Vignale et in Runco*; 165 (a. 1198): *quod Iohannes de Marina habet iure s. Rav. E. in Roncola, quattuor tornaturias terre ultra Canalem positas*; 178 (a. 1202): *cedo vobis quod habemus in Ronco*; 186 (a. 1204): *in fundo Cereti, Spinalberti, Tribbo Casignaule, Quadra et in Ronco Puttile*.

⁸⁷³ Котельникова Л. А. Положение и классовая борьба зависимого крестьянства в Северной и Средней Италии в XI–XII веках // СВ. М., 1955. Вып. 6. С. 100.

переднем фланге аграрно-колониационного процесса, осуществляемой церковной администрацией в непосредственном сотрудничестве с наиболее зажиточными, состоятельными и предприимчивыми группами поселенцев. Это были не только и даже не столько земледельцы. Сам характер производства в этих сообществах предполагал широкую вовлеченность в промысловые занятия, охоту на мелкую дичь, рыболовство, собирательство. Лишь сравнительно небольшая часть реально производимого в таких хозяйствах прибавочного продукта оседала в церковных амбарах.

Формирование сектора таких хозяйств было сознательно спланированной инициативой Церкви по внутренней колонизации своего патримония для формирования продовольственных (в первую очередь, зерновых, а также винных) резервов. Представление о романьольском церковном хозяйстве как оброчном поместье, *pars massaricia*, является оптической иллюзией, вызванной односторонним и во многом фрагментарным характером сохранившихся документов. Это особенно бросается в глаза и при количественном сопоставлении *pars massaricia* романьольской вотчины со сводными данными других европейских церковных поместий. В этот сектор, как кажется, было вовлечено не так уж и много крестьянских хозяйств. Действительно, за IX–X вв. до нас дошло сравнительно мало (чуть больше сотни) аграрных договоров либеллярного типа. При всех существенных различиях между источниками Северной Франции, Рейнской области и северо-восточной Италии, по сравнению с огромным надельным сектором Сен-Жерменского аббатства (ок. 1700 мансов), Фульды (ок. 15 тыс. мансов), Лорша и Прюма (прибл. по 2000 мансов) эти цифры просто смехотворны, и поступления с надельного сектора вряд ли были значительны. Для понимания морфологии и экономической логики вотчинного хозяйства Романьи необходимо проанализировать остальные компоненты этой производственной системы, и, в первую очередь, господский домен.

Господский домен. Что представлял собой господский домен? Основной массив этих земель, похоже, был сконцентрирован в аграрном хинтерлянде Равенны – в западных владениях Экзархата, округах Фаэнцы и Имолы, но не

только. Мы знаем, в частности, о *massa Famulata*, разделенной не позднее середины X в. на *domnicatum vel colonicatum*, которая находилась в районе города Фано (Пентаполь). Аналогичным образом были разделены некоторые имения (*fundi*) в районе Озимо в 960 г., а также *fundi* в области Монтефельтро в 949–950 гг.

Нам известно, что домениальные владения архиепископии и некоторых других церковных собственников включали в себя земли самого разного хозяйственного назначения. Нередко мы ничего не знаем о типе земли. Например, в преамбуле либеллы 892 г. оговорено, что сдаваемые в аренду крестьянам земли в районе Фаэнцы не являются *domnicatum*⁸⁷⁴. В другом случае огороженная печь, которую снимает колон Иоанн в приходе св. Касьяна в 968 г., расположена *iuxta terra domnicata*⁸⁷⁵. *Terra domnicata* под названием *Solario* встречается в округе Римини в акте 968 г.⁸⁷⁶

В других случаях домениальные земли были отведены под виноградарские и зерноводческие хозяйства. В аренде 872 г. указано, что в собственности архиепископии остаются «две пещии виноградника и две пещии пахотной земли»⁸⁷⁷. Известно, что названная выше *massa Famulata* специализировалась на выращивании оливковых деревьев и производстве масла.

Но все же кажется, что в структуре домена по количеству упоминаний в источниках заметно преобладали выпасные угодья, промысловые зоны, леса и болота. Я уже говорил, что в периоды, предшествовавшие масштабному аграрно-колониационному процессу и сопутствующему ему демографическому прессу, *incultum* представлял большую хозяйственную ценность и был органично вписан в структуру материального производства как крестьянских хозяйств, так и церковно-вотчинных комплексов.

Земли такого рода можно встретить во всех областях бывшего Экзархата. В Романье большую концентрацию угодий в составе домена мы встречаем на

⁸⁷⁴ Benericetti 2006, № 43 (а. 892).

⁸⁷⁵ Benericetti 2002, № 141 (а. 968).

⁸⁷⁶ Ibidem, № 139 (а. 968): *due peciae terre que sunt posite iuxta terra domnicata que dicitur Solario*.

⁸⁷⁷ Benericetti 2006, № 27 (а. 872).

риминийском побережье, в зоне Cattolica. Здесь во второй половине IX в. чересполосно располагались множество лугов (prata), принадлежавших Равеннской церкви⁸⁷⁸. Лесные и луговые угодья в составе архиепископского домена нередки и в других областях Романьи. Господский лес (silva domnica) в приходе св. Касьяна (в районе города Фаэнцы) находился в безвозмездном пользовании крестьян⁸⁷⁹. При аренде в 943 г. расположенного близ Равенны полузаброшенного местечка Трискло оговорено, что в состав отчуждаемых владений, несмотря на принадлежность к этому Юсо, не входит господский луг (prato domnicale)⁸⁸⁰. В приходе св. Панкратия округа Форли находится braida domnicata – скорее всего, пригородное поле⁸⁸¹. Наконец, при сдаче в аренду земли в 1003 г. в округе Форлиμποполи церковь удерживает за собой «prato nostro domnicatum»⁸⁸². Архиепископия имела доменные земли и за пределами Романьи. Так, в пределах Сенигаллии находился господский лес⁸⁸³.

Угодья были в составе доменных земель других церковных учреждений. О «campo in domnicato» в пределах Чезены, находившимся в собственности чезенской епископии, мы читаем в либелле 914 г.⁸⁸⁴. Pars dominica была во владениях монастыря св. Аполлинария в пригородной зоне Дечимано, при этом во всех известных случаях домениальные земли не включали пахотные площади. В эмфитевзисе 986 г. мы встречаем господский лес (gualdus domnicatus)⁸⁸⁵, а в контракте 984 г. мы читаем, что монастырь, сдающий в аренду половину fundus группе братьев, оставляет за собой три торнатуры луга (prato)⁸⁸⁶. Этот список можно продолжать, но тенденция к преобладанию лесо-выпасных угодий очевидна, хотя и не абсолютна.

⁸⁷⁸ BER, № 18, 76: iuri sanctę Ravennatis ecclesie.

⁸⁷⁹ Benericetti 1999, № 31 (a. 919).

⁸⁸⁰ Ibidem, № 50 (a. 943).

⁸⁸¹ Benericetti 2002a, № 260 (a. 994): et ab alio latere braida vestre domnicata.

⁸⁸² Benericetti 2003, № 13 (a. 1003).

⁸⁸³ BER, № 103.

⁸⁸⁴ Benericetti 1999, № 24 (a. 914): ab alio latere campo in domnicato iuris sanctę Cessinati ecclesie.

⁸⁸⁵ Federici, № 12 (a. 986).

⁸⁸⁶ Ibidem, № 10 (a. 984).

Домен никогда не находился в статическом состоянии. Он регулярно парцеллировался и сдавался в аренду либелляриям и льготным городским съемщикам-эмфитевтам. Эти процессы активизировались в X в. Например, в 968 г. группа колонов арендует участок домениальной земли (*terra domnicata*) близ *Mons Auxilium*, причем условия контракта оговаривают, что *braida domnicata* остается в собственности архиепископии *ad laborandum*⁸⁸⁷. Излишне говорить, что все эти сведения крайне отрывочны и неполны, и реальное представление о структуре и эволюции системы домениального управления мы можем получить, только изучив интенсивность барщинного труда на церковных землях IX–X вв.

Здесь же я должен ограничиться только двумя наблюдениями. Во-первых, обращает на себя внимание присутствие самых разных типов земель и угодий с тенденцией к преобладанию лесо-выпасных, садоводческих и, в меньшей степени, зерноводческих зон. Судя по количеству упоминаний угодий, в господском домене был хорошо представлен скотоводческий сектор⁸⁸⁸. В целом, это было поликультурное хозяйство, с экстенсивной (выпасное скотоводство) и специализированной интенсивной (садовые, масличные культуры, виноградарство) отраслями.

Во-вторых, все эти земли как-то использовались или обрабатывались, о чем говорит хотя бы то, что в некоторых договорах Церковь прямо указывает на желание удержать под контролем свой *dominium*. Остается выяснить, как и кем. Для этого изучим характер отработочных повинностей. Доступный нам материал относится к отработочным повинностям церковных съемщиков-либелляриев.

Отработочные повинности. На землях Экзархата и Пентаполей в IX–X вв. бытовал два типа отработочных повинностей, напоминавших их аналоги из лангобардских регионов⁸⁸⁹. Во-первых, это т.н. *operas* («рабочие дни»). Они отбывались крестьянами на территории домена «быками» («*cum bubus*») и

⁸⁸⁷ Benericetti 2002, № 137 (a. 968): *excepto braide vestre domnicate quem vestre reservatis potestati ad laborandum*. Скорее всего, *braida domnicata* совпадает с *broila domnicata*, который ежегодно обрабатывался колонами: Benericetti 2002a, № 266 (a. 997), 267 (a. 997).

⁸⁸⁸ О похожей ситуации см. Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 404–405.

⁸⁸⁹ Andreolli B. *Le enfiteusi e I livelli del «Breviarium»*. P. 170.

«руками» («*cum manibus*») фиксированное количество дней в году без привязки к сельскохозяйственному циклу. Во-вторых, это подводные повинности, или ангарии (*operas cum angariis, angarias*, позже, уже на монастырских землях – *vecturia*).

Ангарии также отбывались с применением ручного труда и тяглого скота и были связаны с перевозкой сельскохозяйственной продукции⁸⁹⁰. Вероятно, они имели публичное происхождение и восходили к римской ямской повинности, но в точности утверждать это мы не можем. Тем не менее, известно, что в правление архиепископа Мартина (810–818) жители (*cives*) Равенны отбывали такие ангарии, выполняя работы «с веревками (*funibus*) и другими инструментами (*ingeniis*)» при реставрации крыши церкви св. Аполлинария⁸⁹¹. Грань между «*operas cum bubus*» и ангариями иногда провести сложно, и договоры, заключавшиеся земледельцами с местной знатью, куда более точны в определении таких отработок. Так, крестьяне, снимавшие землю у риминийского судьи Урса в 919 г., обязаны были ему 12 днями «ручных работ» (*operas manivile*) и одной «повозкой» (*caro uno*) – т.е. подводной повинностью⁸⁹².

С конца X в. в монастырских арендах появляется неопределенный термин *servicia*, исключающий возможность спецификации каждого конкретного типа отработочной повинности, не обязательно связанного с земледельческим трудом.

Что представляли из себя эти *operas*? Об этом источники VIII–X вв. по большей части молчат. Возможно ретроспективное использование более поздних данных, но и они зачастую недостаточно ясны. Так, в либелле 1141 г.,

⁸⁹⁰ Сам термин восходит к римскому праву, где он обозначал извозную повинность (см. *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. С. 254). Нормативным источникам Лангобардского королевства он не знаком, однако ангарии встречаются в аграрных контрактах многих областей Северной и Средней Италии, где они обозначали, в широком смысле, разные типы отработочной ренты. В таком же значении (отработочные повинности) термин употреблялся в византийских источниках IX–X вв. (см. *Каждан А. П.* Формирование феодального поместья в Византии X в. С. 103–104). Таким образом, лишь равеннское делопроизводство сохранило термин в его исходном значении.

⁸⁹¹ Agnellus. P. 349: *uno cum suo dispendio omnes suburbanae ciuitates uehebant omnia docaria et subteglata et omnia ligna abiegna necessaria erant, Rauennenses ciues uoluentes in angaria cum funibus et ingeniis ceteris.*

⁸⁹² Benericetti 2010, № 328 (a. 919).

касающейся имуществ монастыря св. Аполлинария в пределах Чезены, три дня, выделенные под *operas*, распределены под вспашку (*vergere*), боронование (*rompere*) и посев (*seminare*)⁸⁹³. Как обстояло дело с уборкой урожая, непонятно.

Возвращаясь в раннее Средневековье, во-первых, необходимо точно установить географию отработочных повинностей. В эту эпоху они встречались далеко не во всех регионах бывшего Экзархата. В либеллярных арендах земель в феррарских владениях архиепископии, на северо-востоке Романьи, отработки отсутствует вовсе. В порядке исключения они встречается здесь лишь один раз в виде подводной повинности («*in angarias*»)⁸⁹⁴, отбываемой «*infra ipsum locum*» и, возможно, связанной с доставкой продукции к побережью реки По. По всей видимости, здесь не существовало развитого господского хозяйства, и домениальные владения, если они и существовали в этой местности, служили лишь резервом для сдачи в аренду. В 1018 г. группа колонов получает здесь в приходе св. Петра *in Ustolado* (от *ustulare*, «сжигать», что указывает на характер освоения местности) «господскую землю, которая не возделывалась до сего дня»⁸⁹⁵.

Кроме того, *operas* полностью отсутствуют в горном регионе Монтефельтро на юге Романьи. В Пентаполях южнее Римини, узкой прибрежной полосе Адриатического побережья, *operas* иногда встречаются в округах Озимо, Сенигаллии, Пезаро и Фано. Но из 20 «сенигалльских» либеллярных контрактов VIII–X вв. *operas* встречаются лишь в шести контрактах, и в пяти из этих шести случаев они оказываются коммутированными. В единственном случае, где они не были заменены на денежный платеж, они выполняются шесть раз в году «*ubi ab actore imperati fuerimus*». Лишь в одном документе из округа Пезаро в договоре 911 г. оговорено, что *operas* заключались здесь в сборе оливок («*ad olivas colligendas*») и отбывались пять раз в году.

⁸⁹³ Federici, № 68 (a. 1141): *et dare debeamus tres operas de bobus, unam ad rumpere, aliam ad volgere, tercia ad seminandum.*

⁸⁹⁴ Benericetti 1999, № 70 (a. 952): *operas vero in angariis dare debeamus omni annualiter quando imperati fuerimus una cum bubus et alia cum minibus infra ipsum locum.*

⁸⁹⁵ Benericetti 2003, № 55 (a. 1018): *idest terra nostra domnicata que[m] ante hos [dies colonicata] non fuit.*

В округе Фано крестьяне уплачивают бочонок кровельной дрени «pro operas et angarias» для «покрытия крыши ректория». Определенный вес в этом регионе operas имеют лишь в округе Озимо. В 891 г. съемщики отбывали здесь девять operas в году в *domnecalia Ternano*, а согласно аренде 889–898 гг. церковные арендаторы выполняли четыре «работы» «быками» и пять «руками» «in curte Aternano» (совпадение этого curte с *domnicalia Ternano* весьма вероятно). Еще в двух труднодатируемых арендах съемщики отбывали здесь по четыре «работы» «руками» и «быками» (где именно – неизвестно). Однако всюду бросается в глаза их вспомогательный или сезонный характер, а также факт коммутации тех operas, которые оказались не востребованными в церковных хозяйствах. Но ввиду ненадежности и неполноты материала (многие эти случаи взяты исключительно из эксцерптов «Баварского кодекса», репрезентативность которого невысока), адекватное представление о характере таких работ можно составить лишь по материалам земледельческих округов Экзархата и особенно из примыкающего к нему с юга округа города Римини.

Из 28 дошедших до нас либеллярных контрактов, приходящихся на X в.⁸⁹⁶, барщина встречается здесь в 15 актах, что не так уж велико.

Таблица 12. Барщина в архиепископских владениях округа г. Римини в X в.

Дата	Тип	Место отбывания повинности	Размер
905-906	Operas in angarias	?	10 b 10 m
907	Angarias	Infra ipso territorio	2 b 2 m
907	Operas [in] angariis	Infra ipso territorio	6 b 6 m
918	Opera in angariis	Infra ipso territorio	4 b 2 m
918	Opera in angariis	Infra ipso territorio	4 b 2 m
918	Opera in angariis	Infra ipso territorio	4 b 2 m
941	Operas vero seu in angariis	Infra ipso territorio	4 b 2 m
944	Operas in angariis	?	1 b 1 m
968	Operas in angariis	?	4 b 6 m
971	Operas in angariis	?	2 b 2 m
973	Нопера in hangariis	?	1 b ? m
993	Operas in angariis	Infra ipsum territorio	1 b 1 m
997	Operas	Ad laborandum broilum	2 b 2 m

⁸⁹⁶ Либеллярная аренда на землях Риминийского округа встречается не ранее 905 г. Единственным исключением следует считать BER 53 (VII–X вв.), точная датировка которого, впрочем, невозможна.

		domnicatum	
997	Operas	Ad laborandum broilum domnicatum	1 b 2 m
997	Operas	Ad laborandum broilum domnicatum	2 b 2 m

Какие выводы следуют из приведенных данных? Во-первых, то, что они встречаются чуть более чем в 50% договоров, говорит об их вспомогательной роли в церковно-вотчинном хозяйстве. Во-вторых, заметно, что норма отработочной ренты в течение 100 лет заметно снижается. Во-третьих, почти нигде не идет речи о работе в зерновом хозяйстве.

В большинстве случаев барщина представляет собой здесь простую подводную повинность (*in angarias*), отбываемую в пределах всего округа или местности (*infra territorium*). Преобладание ангариев, вероятно, объясняется отсутствием в большинстве приходах округа промежуточных пунктов доставки ренты. В трех остальных договорах *operas* заключаются в обработке участка господской земли («*operas laborandum broilum domnicatum*»). Скорее всего, эти земли представляли собой садовые или огородные зоны, расположенные в непосредственной близости от города (*broilum domnico de Arimino*)⁸⁹⁷. Эту специфическую барщину отбывали колонны трех приходов, арендовавшие земли у архиепископов в 997 г.⁸⁹⁸

Упомянутыми повинностями (*operas* и *angarias*) формы эксплуатации крестьянского труда в этом округе не исчерпывались. Так, согласно контрактам, заключенным с колонами *massa Maratjana* в 918 г. (см. таблицу № 6), крестьяне обязаны были поставлять ободы (*circlos*) для винных бочек, стягивать эти бочки (*buttes stringere*) и ремонтировать ректорий⁸⁹⁹. Последнее обязательство сильно напоминает ангарию, выполнявшиеся равенскими *cives* во времена архиепископа Мартина (810–818). Кое-где можно встретить обязанность по рубке леса (*ligna*

⁸⁹⁷ Benericetti 2002a, № 267 (a. 997).

⁸⁹⁸ Ibidem, № 266 (a. 997, pl. S. Laurentji); 267 (a. 997, pl. S. Heremi), 268 (a. 997, pl. S. Savini).

⁸⁹⁹ Benericetti 1999, № 28 (a. 918), 29 (a. 918), 30 (a. 918): *et buttes stringere cum omni studio et rectorium vestrum restaurare.*

capellare) для нужд господского хозяйства⁹⁰⁰. Подводные повинности и ремонт ректория сохраняют публичный характер и, по сути, приближаются к общественным работам. Сходное мнение о происхождении этих повинностей высказывает и Н. Манкассоло⁹⁰¹. Аналогичного мнения придерживался и М. М. Ковалевским, который считал *operas in angariis* «общественными помочами»⁹⁰².

В большинстве случаев время работ определялось потребностью собственника и его управляющих («*quando imperati fuerimus*»)⁹⁰³, что, в свою очередь, не предполагало регулярности. Скорее, речь идет о периодической, возможно, сезонной мобилизации рабочей силы *ad hoc*, по мере появления потребности во вспомогательном труде.

В земледельческих зонах округов Имола, Фаэнцы, Форлимпополи и Форли, помимо подводных повинностей (*angarias*), известных с 80-х гг. IX в., встречаются *operas*, отбываемые индивидуально каждым арендатором («*pro unoquoque persona*»), которые локализируются в церковных *domnecalia* или *curtes* и составляют несколько дней в году.

Их появление фиксируется с 70-х г. IX в. как во владениях архиепископии, так и на землях монастырских корпораций и церквей, причем на землях *monasterium* св. Доната и Мартина (округ Имола) они встречаются еще раньше, а именно, в первом дошедшем до нас либеллярном договоре 783 г. После 919 г. барщина в архиепископском патримонии исчезает: в девяти контрактах 919–1000 г. из Форлимпополи⁹⁰⁴, Форли⁹⁰⁵ и Чезены⁹⁰⁶ барщина отсутствует полностью.

⁹⁰⁰ Ibidem, № 47 (a. 941): *quando autem vilicum vel ministerialem nostrum ligna capellare voluerit pro utilitate domnica vel de actori nostro et vobis scire fecerit, presentaliter fatjatis.*

⁹⁰¹ Mancassola N. La Valconca nell'Alto Medioevo: rapporti di lavoro e strutture produttive (X secolo) // Gli scavi di S. Pietro in Cotto e il territorio della Valconca dall'età romana al medioevo / A cura di E. Cirelli. Rimini, 2014. P. 251–257.

⁹⁰² Ковалевский М. М. Экономический рост Европы... С. 283, 291.

⁹⁰³ Benericetti 1999, № 7 (a. 907), 8 (a. 907), 28 (a. 918), 29 (a. 918), 30 (a. 918), 47 (a. 941), 53 (a. 944); Benericetti 2002, № 137 (a. 968). Benericetti 2002a, № 266 (a. 997). 267 (a. 997), 268 (a. 997).

⁹⁰⁴ Benericetti 1999, № 71 (a. 952); Benericetti 2002a, № 258 (a. 993).

⁹⁰⁵ Benericetti 2002, № 130 (a. 967); 141 (a. 968).

⁹⁰⁶ Benericetti 1999, № 24 (a. 914); Benericetti 2002, № 110 (a. 963); Benericetti 2002a, № 210 (a. 979); 245 (a. 989), 249 (a. 991).

Несколько лучшая обеспеченность источниками позволяет нам установить соотношение *operas* и *ангариев* на сравнительно небольшой территории. До нас дошли три контракта, где отработочные повинности отбываются в вотчинном комплексе *curtis Sancti Adriano*. Это либеллы 892, 893 и 909 гг.⁹⁰⁷ Если сложить общее количество арендаторов (11 колонов обоего пола), то получим, в сумме, 6 дней в качестве *operas* и 36 дней в счет *angarias*. Логично предположить, что до нас дошла лишь небольшая часть контрактов, и реальное количество арендаторов было больше, что вероятно хотя бы потому, что арендуемые ими parcelлы располагаются в разных приходах. Однако верно и то, что уже в конце IX – начале X в. *angarias* в конкретном *curtis* играли куда более значительную роль, чем *operas*.

Наконец, о барщине в строгом смысле слова. В самом раннем (а потому особенно важном для нас) либеллярном контракте 783 г. арендаторы на земле *monasterium* св. Доната и Мартина (Имола) выполняют *operas* в размере трех дней в году (два дня «руками» и один – «быками»). Обращает на себя внимание то, что сразу же вслед за упоминанием *operas* указано условие «*reno muctlo sexto infra ipso loco ponendum*», что не может быть случайностью или ошибкой, так как похожая фраза («*hec cenamu et lo seco infra ipso loci ponendum*») непосредственно следует за этой формулой⁹⁰⁸. Примерный смысл фразы становится ясным только из сопоставления ее с формулами других имолийских контрактов, где в числе натуральных платежей встречается «*feno vaclo septimo*»⁹⁰⁹, очевидно, «каждый седьмой стог сена». Если это так, то можно допустить, что *operas* связаны лишь с заготовкой сена. Со всей долей условности их можно распространить и на две других аренды архиепископских земель от 872 и 873 гг. в приходе *Castro Tausiniano* в районе Имолы. Здесь упомянуты *operas*, локализующиеся в

⁹⁰⁷ Benericetti 2006, № 43 (a. 892); 49 (a. 893); Benericetti 1999, № 13 (a. 909).

⁹⁰⁸ Benericetti 2006, № 8 (a. 783): *operas annoaliter duas ad mano [et] una cum boves, reno muctlo sexto infra ipso loco ponendum. Hec – cenamu et lo seco[.] infra ipso loci ponendum.*

⁹⁰⁹ Ibidem, № 27 (a. 872): *hoc est terratio, tritico, omnibus modio septimo, lino manna decima, fenum vaclo septimo, vino anfora tersia etc;* 28 (a. 873): *lino manna decima, fenum vaclo septimo, vino anfora tersia.*

domnecalia, а сено также включено в натуральную ренту. Таким образом, и здесь барщина могла быть связана с сенозаготовкой.

В остальных случаях опять-таки отсутствуют важные слагаемые барщины в зерноводческих хозяйствах: привязка к хозяйственному циклу или сезону и регулярность. Так же, как и в округе Римини, они могли исполняться по требованию собственника, «quando imperati fuerimus». Не исключено, что в таких случаях речь может идти о различных работах в господских виноградниках, требовавших привлечения вспомогательной рабочей силы из надельного сектора⁹¹⁰. Бросается в глаза и их очень ограниченный объем. Как правило, они не превышали четырех дней в году с расчетом на 1–2 дня, отведенные на ручную работу и 1–2 дня работ с применением упряжного скота.

Итак, мы установили существование многопрофильного господского домена и надельного сектора, служившего для домена резервом вспомогательной рабочей силы. Для поддержания такой сложной, коммерчески ориентированной производственной системы, которую представлял собой комплекс архиепископских поместий в Романье, необходима была дорогостоящая материальная и социальная инфраструктура. Она была неспособна долго существовать за счет инерции унаследованных от Рима коммуникаций и кадастровой сетки и нуждалась в минимальной рентабельности. И она, судя по всему, была рентабельной, если уже в середине IX в. позволяла не только содержать себя, но и снабжать архиепископскую казну дополнительными средствами на подкуп властей и должностных лиц, о чем сокрушается Агнелл. Конечно, средства на взятки и подарки (или, выражаясь цивилизованно, «социальные стратегии») могли изыматься и из необходимых резервов, но дела это серьезно не меняет. Мог ли надельный сектор в полной мере обеспечить Церковь всем необходимым? Едва ли. Натуральная рента здесь была достаточно невысокой, и отработочные повинности либелляриев вряд ли могли компенсировать скромные объемы обложения хозяйств. Мелкое сельское

⁹¹⁰ См. Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии... С. 39.

производство не было всецело подчинено вотчине и превращено в послушного и достаточно гибкого поставщика прибавочного продукта и рабочей силы. До известной степени архиепископию могли обеспечивать доходы с «бенефициарного» сектора (эмфитевтических аренд), но и здесь общее число денежных выплат (в среднем, составлявших 1–2 солида с *fundus*) несопоставимо с известными нам подсчетами доходности земельной собственности Равеннской церкви, возросшей с 17 000 солидов в VI в. до 70 000 солидов в следующем столетии.

Следовательно, существовал некий, никак не отраженный в источниках резерв доступных Церкви трудовых ресурсов, представленный, скорее всего, людьми несвободного статуса, которые были обыденным явлением на церковных землях Италии еще в VI в. В своем рассказе о конфискованных имуществах арианской церкви Агнелл называет «пригородные виллы и деревеньки, храмы и алтари, рабов и рабынь» (*seruos et ancillas*). Практически полное молчание источников между VII в. и 80-ми годами XI в., когда появляется институт серважа, само по себе, не может служить адекватным аргументом *ex silentio*. Присутствие несвободных производителей выводится из сочетания фактов сравнительно высокого социально-экономического положения колоннов, заключающих письменные контракты либеллярного типа с Церковью и выступающих, таким образом, верхушкой айсберга среди массы прочих земледельцев, и сохранения церковного домена как минимум до 1-х десятилетий X в. В конце концов, кто-то же должен был обрабатывать домениальные земли.

Разорявшиеся, малоземельные производители могли, до известных пределов, служить таким резервным трудовым фондом, но источников, подтверждающих это, не так много, и они довольно специфичны. Пожалуй, единственным известным механизмом перехода в несвободное состояние выступают особые контракты, называемые *paginae promissionis*. До нас в полном виде дошел лишь один такой документ, хотя из упоминаний в других актах мы можем судить об их более широком распространении. Речь идет о грамоте 867 г., зафиксировавшей особую юридическую процедуру. Согласно этому акту, два

лица неясного статуса, Дунарис и Роман, а также сыновья Дунариса, проживающие в loco Casa Fabri в округе Сарсины (Монтефельтро), заключают договор о *servitjo*, иначе говоря, пожизненной «службе», с архиепископом Равенны Иоанном⁹¹¹. Они обещают выполнять все поручения (*iussione seo d(e)mand[aj]tjone*) архиепископа, однако объем этих повинностей, как и их характер, нам неизвестен.

Из других грамот нам известно, что подобные договоры пожизненного «служения» имели место и в более позднее время. Побудительные причины перехода в несвободное состояние становятся очевидными лишь из одного судебного документа 915 г. Речь в нем шла о конфликте Иоанна, аббата равеннского монастыря св. Марии *in Palaciolo*, с гастальдом Додоном, каждый из которых обвинял друг друга в незаконном удержании трех зависимых лиц из округа Имолы. Додон утверждал, что они являются ариманнами, находящимися под юрисдикцией графа, в то время как аббат заявлял, что упомянутые люди стали его сервами «*per cartulam repromissionis*» вследствие крайней нужды⁹¹². Таким образом, категория «сервов» могла пополняться лично свободными лицами, оказавшимися в экономически уязвимом положении.

Источники изредка фиксируют также состояние личной зависимости у некоторых арендаторов как состоявшийся факт. В одной либелле 988 г. мы можем прочесть, что монастырские арендаторы находились под властью («*sub dominium et potestate*») приходского архипресвитера⁹¹³. Среди группы колонов в районе Адрии, арендующих в 976 г. *fundus* у одной из равеннских церквей, трое находились в пожизненной зависимости («*sub potestate et dominium diebus vite mee*») у священника Иоанна. Формула «*sub dominium et potestate*» могла подчеркивать полноту прав на личность работника, свидетельствуя, таким

⁹¹¹ Benericetti 2006, № 21 (a. 867): *promittimus d(e)servire vob(is) d(om)n(o) Ioh(anni) ... suis successorib(us) tui usque vita etorum.*

⁹¹² Benericetti 1999, № 26 (a. 915): *set scio quia servi mei sunt per cartulam repromissionis mihi deservendum omnibus diebus vite me... set abeo iste repromissionis cartule per quem istis mihi deservirem debes diebus vite mee... ipsis hominibus per nullam accionem publicam non fugierunt nisi tantum pro suam nimia necessitatem corporis ipse promissionis fecerunt.*

⁹¹³ Muzzioli, № 42 (a. 988).

образом, об узах личной зависимости. В таком же положении находилась и одна группа сенигалльских арендаторов, которые были в пожизненной власти у виллика и священника⁹¹⁴. Тем не менее, факт заключения ими письменного контракта, особенно с архиепископом, несомненно, заставляет сомневаться в их исключительно неблагоприятном социально-правовом положении. В целом, формирование типичных, зрелых форм зависимости «феодалного типа» для этой эпохи довольно нетипично; гораздо большее распространение они получили в XI–XII вв. Очевидно, поиски следует вести в другом месте.

Для нашего исследования особый интерес представляет категория несвободных лиц, называемых в источниках *famuli*, *familiares* и, наконец, *familia(e)*. Все эти термины по своему происхождению восходят к архаичным реалиям патриархального рабства, когда рабы – *familiares* – находились в собственности *pater familias* и входили в *familia* хозяина. В актах поствизантийской северо-восточной Италии термины *famulus* и *familia* встречаются довольно редко, и только в связи с переводом *famuli* на землю с предоставлением наделов. Однако нельзя ли это объяснить тем банальным обстоятельством, что домениальный и надельный сектора в актах почти не встречались друг с другом?

Термин *famulus*, как показали еще исследования Г. Моммзена⁹¹⁵, восходит к лексикону Григория Великого. Наравне с *mancipium* и *servus*, он обозначал различные категории непосредственных производителей на землях патримония св. Петра без учета их социальной или юридической спецификации. Тот факт, что этот термин, наряду с рядом других (*servi*, *mancipia*, *manentes* и т.д.), мог означать всю совокупность зависимых крестьян разного происхождения и статуса, хорошо известен специалистам⁹¹⁶. Следы разных категорий несвободного

⁹¹⁴ BER, № 99.

⁹¹⁵ Mommsen T. Die Bewirthschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I // Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1893. Bd. 1. H. 1. S. 49–50.

⁹¹⁶ Бессмертный Ю. Л. Основные формы феодальной зависимости крестьянства в Европе раннего средневековья и их особенности в западном и средиземноморском регионах // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1975. Вып. 2. С. 45. См. также: Филиппов И. С.

земледельческого населения можно обнаружить и в топонимике многих регионов бывшего Экзархата и Пентаполей. В частности, в округе Сенигаллии (Пентаполь) мы можем встретить имение с любопытным названием *Casale puerorum*⁹¹⁷. Первая часть указывает на его образование посредством выделения пограничного надела из основного имения, возможно, еще в VI–VII вв., в то время как вторая часть указывает на его связь с зависимыми людьми, возможно (но необязательно), посаженными обрабатывать надел. Следы «рабской» топонимики встречаются в источниках вплоть до 1-х десятилетий X в. и в других округах Пентаполей, в частности, в районе Фано. Там находилась целая «латифундия» (*massa*) с говорящим названием *Famulata*, специализировавшаяся на производстве оливкового масла.

Как показали исследования З. В. Удальцовой и О. Р. Бородина, в византийское время труд рабов, фигурирующих в источниках под синонимичными терминами *mancipia*, *servi*, *ancillae* (и, добавим, *famulae*), использовался как в сфере домашнего обслуживания хозяйств равеннской знати и духовных учреждений, так и на сельскохозяйственных работах в некоторых церковных и светских частновладельческих имениях. Свидетельств тому в источниках немало. Например, в «Баварском кодексе» сохранился интересный фрагмент VII в., касающийся передачи Церкви имущества в районе Перуджи. Согласно этой выписке в годы правления императора Ираклия одна «благороднейшая дама» располагала, помимо земли, виноградников, домов и лесных угодий, также некоторым количеством проживающих там рабов (*mancipiis*)⁹¹⁸. Известна распространенность рабского труда и на землях патримония Римской церкви в VI–VII вв.

Как и в византийских городах и имениях IX–XII вв.⁹¹⁹, в домовладениях равеннской знати и торговой верхушки труд челяди и слуг сохранялся еще долгое

От раба к работнику. История термина *mancipium* и имени *mancip* в Средние века // Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. СПб, 2010. С. 64–99.

⁹¹⁷ BER, № 91.

⁹¹⁸ Ibidem, № 174.

⁹¹⁹ Браунинг Р. Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.) // ВВ. 1958. Т. 14 (39). С. 42–43.

время. Помимо множества свидетельств у Агнелла, акты VII–X вв. донесли до нас упоминания об особых помещениях для рабов и слуг (*familiaricia*), расположенных среди хозяйственных и служебных построек. Такие помещения можно встретить и при частных городских церквях.

Отождествление *famuli* и *familiares* с «чистыми» рабами, конечно, может вызвать много возражений и даже неприятия. Многим ученым сам разговор о рабстве как важном хозяйственном укладе в Древности и Средневековье кажется сомнительным. Действительно, нет достаточных оснований полагать, что начиная с VII в. Европа знала сколько-нибудь массовое распространение классического (плантационного) рабства. Исторически оно было известно лишь определенным периодам развития Вавилонии, Средиземноморья, а также Нового Света и Восточной Индии (в XVI–XIX вв.). В первых двух случаях оно было связано с высоким уровнем развития товарного хозяйства, причем обязательно сочеталось с другими формами эксплуатации, в частности, с арендой и наемным трудом⁹²⁰. В последнем случае оно служило основой для особой периферийной формы капиталистического развития, и наряду с крепостничеством в Восточной Европе, было вызвано к жизни рентабельностью таких форм труда в системе мирового хозяйства⁹²¹. Тем не менее рабство как частный уклад было вполне совместимо с логикой функционирования крупных хозяйственных комплексов раннесредневековой Европы.

Эта логика, требовавшая, в конечном счете, выравнивания доходов с уровнем непроизводительного потребления, отнюдь не исключала ни рабства, ни наемного труда, ни серважа⁹²². Хорошо известно, что *prebendarii*, «казарменные»

⁹²⁰ Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг.). М., 1974. С. 32, 71–83, 110 и т.д.; Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.

⁹²¹ Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т.1. М., 2016. С. 102–104, 106–122; Kolchin P. *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom*. Cambridge, 1987. P. 359–363; Bowman S. D. *Masters and Lords. Mid-19th Century U.S. Planters and Prussian Junkers*. NY; Oxford, 1993; Filippov I. S. *La naissance du servage russe. Un survol de l'historiographie contemporaine // Nouveaux servages et société en Europe (XIIIe–XXe siècle)*. Actes du colloque de Besançon, 4–6 octobre 2007 / Ed. N. Carrier. Caen, 2010. P. 333–382.

⁹²² Banaji J. *Theory as History. Essays on Modes of Production and Exploitation*. Boston, 2010. P. 72–79, 90, и в особенности 92–94.

рабы *par excellence*, были распространены в вотчинных хозяйствах многих монастырей каролингского времени во Франции, Германии и Италии⁹²³. Кроме того, совсем не обязательно, чтобы рабский труд в крупном хозяйстве обеспечивал все производственные процессы. Известно, что в меровингских вотчинах рабы были в наибольшей степени задействованы в трудоемких производствах, особенно в возделывании интенсивных культур, например, в виноградарстве и садоводстве.

Имелись ли такие рабы в поствизантийской Романье? Было бы соблазнительным сделать выводы о характере института рабства в поствизантийское время, основываясь на одном любопытном пассаже из текста Агнелла. В одном месте, рассуждая о моральных качествах современных ему церковных иерархов, он приводит назидательный рассказ. В нем идет речь о вилике, который, вместо того, чтобы честно распределить между *familia* 100 модиев пшеницы, присвоил часть продукции себе, вследствие чего, благодаря доносу одного из своих *cunservus*, был наказан хозяином⁹²⁴. Судя по всему, *familia* здесь упоминается в одном из своих классических значений – как совокупность рабов, живущих под одной крышей. Значит ли это, что Агнелл упоминает здесь нечто похожее на институт «классического рабства»? И да и нет. В силу жанровых особенностей из этой *sermonette* не стоит делать каких-либо далеко идущих выводов. В повествовании Агнелла рабы упоминаются исключительно в связи с домашней работой; о рабском труде в сельском хозяйстве он нигде не говорит. В то же время этот отрывок не содержит и никаких указаний на характер эксплуатации рабского труда.

Удельный вес рабского труда как экономического уклада, конечно, мог серьезно колебаться. Всех подробностей мы, к сожалению, не знаем. Будучи негибкой разновидностью «постоянного капитала» (в терминах К. Маркса), этот уклад и в римское время комбинировался с другими формами эксплуатации в

⁹²³ Wickham C. Framing the Early Middle Ages. P. 300–301; Verhulst A. The Carolingian Economy. Cambridge, 2004. P. 43.

⁹²⁴ Agnellus. P. 274. Д. М. Дельяннис в своем переводе (*Deliyannis D.M. The Book of Pontiffs*. P. 220) странным образом перевела *familia* как «family», что, безусловно, некорректно.

целях повышения доходности хозяйства и снижения издержек⁹²⁵. Рабы регулярно перебрасывались с производства на производство и, в зависимости от нужд собственника, выселялись на землю и становились, наряду с арендаторами-колонами, трудовыми резервами крупных собственников⁹²⁶.

Многие *servi*, *ancillae* и *mancipia*, которые встречаются в европейских раннесредневековых источниках (включая византийскую Италию), несмотря на различия в правоспособности, едва ли использовались в сельском хозяйстве иначе, чем остальные категории земледельцев в рамках мелкого крестьянского землевладения⁹²⁷. О. Р. Бородин убедительно показал, что обычным способом применения рабского труда была практика выселения рабов на земельные наделы. На деле это означало фактическое признание его права на владение землей, скотом и сельскохозяйственным инвентарем. В имениях византийской служилой знати в Истрии труд испомещенных на землю рабов был распространен еще как минимум в начале IX в. Поэтому мы вправе допустить, что домениальный сектор имений Равеннской церкви мог сочетать в себе как труд рабов, лишенных средств производства, так и труд рабов, переведенных на пекулий и ставших, по сути, мелкими производителями крестьянского типа.

Следы рабов-*famuli* встречаются в большинстве округов Романьи и Пентаполя. В частных актах категория *famuli* наиболее отчетливо проступает в округе Сенигаллии, где, помимо всего прочего, встречаются и другие топонимы, связанные с присутствием несвободного земледельческого населения. На момент составления большинства доступных нам либеллярных договоров мы застаем эту систему уже на стадии глубокой трансформации. Бросается в глаза то, что за относительно быстрый период (в районе рубежа IX–X вв.) архиепископы расселили *famuli* на землях своего патримония, раздав им наделы, включая бывшие воинские поместья. Так, *familiares* в риминийском округе получили

⁹²⁵ Kay P. Rome's Economic Revolution. Oxford, 2014. P. 169.

⁹²⁶ Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17 (42). С. 6.

⁹²⁷ Goetz H.-W. Serfdom and the Beginnings of a «Seigneurial System» in the Carolingian Period: a Survey of Evidence // Early Medieval Europe. 1993. № 2 (1). P. 29–51.

fundus Auxiliares (название, по всей видимости, происходит от рода вспомогательных войск). Другие *famuli* в районе Сенигаллии получили полностью или частично *fundi Montonis, Sproniano, Altigiano, Aragusto, Spiriliano, Cornitula*. Примечательно, что размеры *fundus Altigiano* превышали площадь целой центурии (!). В пределах и внутри этого *fundus* в первом десятилетии X в. находились, видимо, относительно компактные зоны расселения рабов. Внутри имени, в частности, находилась «*terra famuli sanctae Ravennatis Ecclesiae*», а рядом с этим *fundus* в 909 г. находилось местечко *Petritulo*, с которым граничило владение безымянного церковного *famulus*⁹²⁸.

Обращают на себя внимание два обстоятельства испомещения рабов на землю: во-первых, определенная полнота владельческих прав, отраженная в субстантивированном причастии *possidente*; во-вторых, заключение письменного договора и, таким образом, установление прямой связи с архиепископом. По всей видимости, статус этих земледельцев повысился, и *famuli*, надо думать, со временем слились с категорией прочих нельготных либелляриев. В 889–898 гг., в годы правления архиепископа Доминика, группа из 9 *famuli* арендует на условиях либеллы два *fundi*, которые «...были пожалованы архиепископом». Показательна последовательность предоставления им земли и перехода их в разряд «либелляриев». Правда, важно подчеркнуть, что норма их ренты (7-й модий зерна и 3-я амфора вина) отличается от средней по округу Сенигаллии (и Пентаполям вообще), составляющей 10-й модий зерна и 4-ю амфору вина соответственно, что, как кажется, не является случайностью и подчеркивает их неравноправный по сравнению с другими либелляриями статус.

Такую же повышенную ренту уплачивают несколько лично зависимых либелляриев, арендующие в 971–983 гг. в этих местах *Ioco* (по другим актам – *fundus*) с церковью св. Мартина. С другой стороны, некоторые *famuli* выплачивают стандартную ренту, характерную для других нельготных съемщиков. Кроме того – и это самое важное – они фактически располагали

⁹²⁸ Benericetti 1999, № 16 (a. 909): *ab alio latere terra famuli sanctae vestrae Ravennatis ecclesie... Interrafines ab uno latere possidente famulus sanctae vestrae Ravennatis ecclesie.*

широкими правами распоряжения землей вплоть до ее продажи другим (светским) лицам. В частности, известно, что familiares, населявшие упомянутый fundus Altigiano, продали его значительную часть знатному семейству, заключив с ним письменный контракт (cartula comparationis), и валидность сделки, видимо, была негласно подтверждена согласием Церкви на предоставление им этих земель в аренду на правах эфитевзиса⁹²⁹.

Переход famuli в разряд либелляриев, повышение их общественного статуса отражены и в причудливом смешении социальных категорий: так, в либелле 909 г. упоминается Элефтерий, colonus et famulus⁹³⁰. Среди либелляриев-famuli можно встретить и священнослужителей⁹³¹. В эксцерпте 96 «Баварского кодекса» famulus и священник Стефан арендует треть пахотного участка и виноградника от fundus Montonis, при этом указано, что на момент составления кодекса (2-я половина X в.) некто [...e]to de Plano уже «держал его феодалом» ([de]tinet in feo). В сущности, в этих фактах нет ничего специфически романьольского: приобретение низшими категориями зависимого населения фактической возможности отчуждения имущества хорошо известно всем регионам Западного Средиземноморья⁹³². По всей видимости, схожий процесс отражает и сравнительно поздний договор (pactus) от 977 г. Согласно документу, архиепископ предоставляет в надел на условиях пакта на три поколения землю крестьянину Иоанну и его сыну Адельберту: примечательно, что эти лица получают новораспаханную ими площадь (ronco) на условиях льготной ренты, обусловленной, скорее всего, необходимостью введения в сельскохозяйственный оборот новоосвоенных площадей. Кроме того, в счет неких прежних ежедневных повинностей (cotidiano

⁹²⁹ Ibidem.

⁹³⁰ Venericetti 1999, № 13 (а. 909).

⁹³¹ Ситуация для раннего Средневековья не столь уж и невозможная. См. Rio A. Slavery after Rome, 500–1100. Oxford, 2017. P. 101 (прим. 85).

⁹³² Бессмертный Ю. Л. Основные формы феодальной зависимости... С. 31.

servitio) крестьяне получают также виноградник и запашку площадью 100 пертик, с которых обязуются уплачивать шесть денариев⁹³³.

Таблица 13. Рабы в равенских источниках

Время и округ	Имя и др. сведения	Собственник земли	Размер надела	Условия доступа к земле
VII-X вв., Римини	familiares	Архиепископия	Fundus Auxiliares	–
VII-X вв., Сенигаллия	Стефан, presbiter et famulus	Архиепископия	1/3 пахотной земли и виноградника в f. Montonis	Либеллярная аренда на обычных условиях (Рента: 1/10; -; 1/4)
VII-X вв., Сенигаллия	Супруги Урс и Стефания	Архиепископия	40 модиев пахотной земли и леса в f. Sproniano. Рента: 1/10; 1/10; -; herbaticum (1 ягненок)	Либеллярная аренда на обычных условиях (1/10; 1/10; -; herbaticum (1 ягненок))
До 838 г., Адрия	Венериоло	Архиепископия	3/12 f. Scanciano ex corpore massis Plautj[...]	–
846-850, Сенигаллия	Familias	Архиепископия	6/12 f. Spiriliano et Cornitula	–
889-898, Сенигаллия	Монахиня Альбезинда, супруги Ротдегарий и Гуальдезия, супруги Гуальд и Мария, Урс, братья Унальд и Петр с сестрой Лилиозой	Архиепископия	2 f. Altigiano, Aragusto. Рента: 1/7; -; 1/3, exenium (1,5 модия зерна, 2 курицы, 20 яиц), erbaticum (2 барана)	Либеллярная аренда [повышенная рента: 1/7; -; 1/3, exenium (1,5 модия зерна, 2 курицы, 20 яиц), erbaticum (2 барана)]
909, Фаэнца	Heleutherius colonus et famulus	Архиепископия	Sortes et porciones in fundus Campora de Subtus.	Либеллярная аренда (per libellum)
909 и 963 гг., Сенигаллия	Terra famuli S.R.E и possidente famulus (в 909 г.)	Архиепископия	Один из наделов имеет размеры 250*250 пертик в f. Altigiano	Либеллярная аренда (предположительно)

⁹³³ Benericetti 2002a, № 200 (a. 977): et pro iam dicta vinea et centum pert[ici]s terre posite iuxta ipsam vineam, extendente infra vallem que dicitur Zoibolam, denarios sex, pro vestro cottidiano servitjo, quod die noctumque nobis servire decertatis.

Сворачивание рабского труда, к сожалению, прослеживается лишь на материалах округов Сенигаллии и Фано. Налицо здесь, скорее, не общее выравнивание статусов производительного населения и слияние в «единый класс феодально-зависимого крестьянства», а сознательное изменение политики управления патримонием. Здесь *famuli*, лично зависимые от Церкви работники, обязанные архиепископии какими-то повинностями, на рубеже IX–X вв. получают землю, и немалую, причем многие из них – по письменному контракту, а их фактическое положение приближается к либеллярным-колонам с широкими правами распоряжения имуществом. Вероятность, что часть этой земли ранее находилась в составе архиепископского домена, достаточно высока.

Пути эволюции церковной вотчины в X в. Проанализированные данные говорят в пользу существования в Романье 2-й половины IX – начала X вв. специфического варианта раннесредневековой вотчины. Это была сложно организованная многоотраслевая система регионального масштаба, сочетавшая в себе структурные компоненты вотчин I–II типов, выделенных П. Тубером⁹³⁴; в широком смысле она была разновидностью типичной раннесредневековой вотчины⁹³⁵.

Эта региональная система включала и исключительно надельные анклавы, находившиеся в зонах интенсивной аграрной колонизации (заболоченная долина нижнего течения р. По). В структуре этой вотчины производственные сектора, которые традиционно принято считать наделами крестьян-держателей (*pars massaricia*) и домениальными землями (*pars dominica*), были слабо связаны друг с другом. Вплоть до 1-й четверти X в. домениальные земли, скорее всего, в значительной мере обрабатывались рабским трудом *famuli*, аналогом рабов-пребендариев, в то время как надельный сектор был сложной системой локальных сообществ крестьян-арендаторов, задействованных в аграрной колонизации церковных земель. Доходы с них в вотчинном хозяйстве играли, скорее всего,

⁹³⁴ *Verhulst A. The Carolingian Economy. P. 57.*

⁹³⁵ *Duby G. Guerriers et paysans, VII–XII siècle. Premier essor de l'économie européenne. Paris, 1973. P. 50–52.*

подчиненную роль. Эти хозяйства создавали резервные запасы вина и хлебной продукции, а также поставляли вспомогательную рабочую силу в рамках «ангариев». Здесь Церковь была только конечным получателем сравнительно небольшой доли производимого продукта.

Начиная с 20-х гг. X в. политика управления патримонием меняется. На рубеже IX–X в. наблюдается ускоренная эмансипация рабов и перевод их в разряд держателей-либелляриев. После 919 г. на архиепископских землях постепенно и разными темпами, но неуклонно сворачиваются и формы барщинного труда (кроме ангариев). Особенно ясно это заметно по церковным поместьям бывшего Экзархата. Любопытно отметить, что ликвидация барщины в Экзархате совпала с аналогичными процессами в Северной и Средней Италии в 1-й четверти X в.⁹³⁶ Несмотря на то, что домениальные земли периодически продолжают встречаться в источниках, по крайней мере в Пентаполе наблюдается выраженная тенденция к сворачиванию этого сектора и заселению его бывшими рабами.

Второй этап реорганизации был запущен приблизительно в середине X в. На протяжении всего изучаемого периода определенная доля земель постоянно находилась в руках тех или иных льготных арендаторов разного статуса. С середины X в. по количеству и размерам арендуемых наделов это явление приобрело качественно иное содержание. При этом есть основания полагать, что в числе других отчуждались и домениальные земли и комплексы. Например, в собственности равеннской церкви св. Меркуриалия не позднее 948 г. оказалось местечко *Ioco Domnicalia* в пригороде Форли, в свою очередь, сданное в аренду алеманну Адалу, который заселил его зависимыми работниками (*homines*)⁹³⁷. В дальнейшем *fundus Domnicalia*, разбитый на parcelлы, в 967 г. был сдан в аренду семейству либелляриев⁹³⁸. Такая же судьба ожидала и имение с омонимичным названием в соседнем приходе, сданное в аренду эмфитевтам в 1001 г.⁹³⁹ Три унции от *fundus Domnicilio* в Дечимано, пригородной зоне Равенны, были сданы в

⁹³⁶ *Herlihy D. The history of Rural Seignery in Italy...* P. 60.

⁹³⁷ Benericetti 1999, № 59 (a. 948).

⁹³⁸ Benericetti 2002, № 127 (a. 967).

⁹³⁹ Benericetti 2003, № 4 (a. 1001).

аренду эмфитевтам в 971 г.⁹⁴⁰ В X в. другие *fundi* с названиями *Domnicilio*, *Domnicalia* и т.д. фигурируют лишь в качестве земельных объектов⁹⁴¹.

Причины изменения хозяйственной политики не до конца ясны. С одной стороны, налицо превращение патримониального комплекса св. Аполлинария в фонд «бенефициарных» пожалований, начавшееся еще в VII в., но запущенное на полную мощь в середине X в. и ускорившееся в 70–80-е гг. X в., в годы интеграции Экзархата в политическую систему Священной Римской Империи. Не исключено, таким образом, что эволюция церковного поместья была прервана «политической революцией» середины-второй половины X в., в ходе которой управление землей и проживающими на ней людьми было перехвачено местной знатью.

С другой стороны, в этом можно видеть и желание рационализировать управление земельными владениями, передать малопродуктивные, удаленные, пустующие или невозделанные земли в руки привилегированных съемщиков, чтобы получать с них небольшой, но стабильный денежный доход. С 40–50-х гг. X в. земли, расположенные, главным образом, на периферии владений архиепископии, в первую очередь, в Пентаполе, а также в районе Болоньи и Феррары целыми *massae* начинают сдаваться в эмфитевтическую аренду представителям нобилитета⁹⁴². Идя на этот шаг, церковные управляющие передавали нобилем и собственнические функции, позволяя им стать организаторами производства и эксплуатации непосредственных производителей. Этими же соображениями руководствовалась Церковь и при передаче в руки эмфитевтов стратегически значимых и потенциально высокопродуктивных земель патримония, таких, как *fundus Granariolo* в округе Пезаро или оливководческой *massa Famulata*.

⁹⁴⁰ Benericetti 2002, № 156 (a, 971).

⁹⁴¹ Ibidem, № 110 (a. 963), 141 (a. 968).

⁹⁴² Benericetti 1999, № 67–68 (a. 950), 73 (a. 953); Benericetti 2002, № 94 (a. 958), 96 (a. 958), 106 (a. 961), 133 (a. 967), 144 (a. 968), 167 (a. 972); Benericetti 2002a, № 211 (a. 979), 230 (a. 971–983), 231 (a. 971–983).

§ 4. Монастырские патримонии. Патримонии церквей и монастырей Романьи, в целом, дублировали архиепископские порядки. Так были устроены владения подчиненного Равенне монастыря св. Илария в Галеате. В папской привилегии 997 г. среди его жителей, помимо *incolis*, подотчетных суду архиепископа, особо отмечены рабы (*familiis*)⁹⁴³. Но были и существенные отличия. На землях церквей и монастырей Равенны гораздо меньше представлена *pars dominica*, а промежуточные пункты (*domnecalia* и *curtes*) и вовсе маргинальны. Судя по всему, монастыри не располагали и сопоставимым с архиепископией административным аппаратом.

Таблица 14. Аккумуляция ренты на землях монастырей св. Марии и св. Мартина в Экзархате (X в.)

Дата	Гор. округ	Собственник	Пункты доставки прод. ренты
911	Форлимпополи	М-рь св. Марии	Равенна. <i>Minuto</i> доставляется <i>ad portum Forlimpopoli</i>
943	Фаэнца	М-рь св. Марии	<i>Transponere usque ad ponte Fossola</i>
958	Форлимпополи	М-рь св. Марии	Равенна
958	Форлимпополи	М-рь св. Марии	Равенна. Оставшееся после уплаты 3 амфор вино хранить на месте в амбарах
975	Фаэнца	М-рь св. Марии	Равенна
975	Фаэнца	М-рь св. Мартина	Равенна. Вино остается храниться в амбарах
975	Фаэнца	М-рь св. Марии	Равенна
981	Имола	М-рь св. Марии	Фаэнца
982	Фаэнца	М-рь св. Марии	Равенна
986-88	Фаэнца	М-рь св. Марии	Равенна. Остатки вина хранить на месте
988	Фаэнца	М-рь св. Марии	Равенна. Вино доставляется в Фаэнцу
988	Фаэнца	М-рь св. Марии	Равенна
991	Фаэнца	М-рь св. Марии	<i>ad porto ad riva da ponte de civitate Faventie et tuo misso ibidem recipere debet</i>
992	Фаэнца	М-рь св. Марии	Равенна
993	Фаэнца-Имола	М-рь св. Мартина	Равенна

Изучение структуры патримониев двух крупных связанных друг с другом монастырей Равенны – св. Марии *ad Cereseo* и св. Мартина *post Ecclesiam maiorem* – свидетельствует, что практически нигде они не образуют сплошных

⁹⁴³ Benericetti 2010, № 344 (а. 997).

комплексов, где возможно было бы развернуть систему прямого (домениального) управления, а их владения были сравнительно небольшими и рассеянными по округам и приходам нескольких регионов Экзархата.

В особенности это характерно для монастыря св. Мартина. В собственности монастыря находились отдельные *fundi* и их доли в некоторых приходах округов Фано⁹⁴⁴, Чезены⁹⁴⁵, Фаэнцы⁹⁴⁶, Дечимано⁹⁴⁷ и Форли. В последнем случае речь идет о знакомом нам *fundus Versiniaca*, крайняя парцеллированность которого едва ли допускала наличие домена.

Сходным образом был организован более крупный патримоний монастыря св. Марии. Он включал, возможно, полностью, как минимум два *fundi* в двух приходах Форлимпополи, сдававшиеся в либеллярную аренду колонам⁹⁴⁸, некоторые земли в Дечимано⁹⁴⁹, однако основной массив земель располагался в округах Фаэнцы⁹⁵⁰, Имолы и *Faventino acto Corneliense*. Вероятно, монастырь имел собственную *domnecalia* в Фаэнце: в одном из документов 1069 г. мы встречаем в этом городе *mansione domnicata* монастыря св. Андрея *Maioris*⁹⁵¹. Возможно, речь идет об унаследованном от монастыря св. Марии центре, куда, согласно либелле 981 г., стекались натуральные платежи имолийских крестьян-съемщиков, и который впоследствии оказался в распоряжении монастыря св. Андрея после их объединения в 1014 г.

⁹⁴⁴ Muzzioli, № 14 (a. 953)

⁹⁴⁵ Ibidem, № 6 (a. 942)

⁹⁴⁶ Ibidem, № 9 (a. 949, pl. S. Petri in Lacuna)

⁹⁴⁷ Ibidem, № 11 (a. 950), 23 (a. 964).

⁹⁴⁸ Pl. S. Donati: Ibidem, № 3 (a. 911, Форлимпополи): *res in fundo Calaciano. Pl. S. Marie in Monte Castro Cesubeo*: Ibidem, № 17 (a. 958), 18 (a. 958): *fundus Bibano* (3/4 *fundi* арендуется четырьмя крестьянскими семьями).

⁹⁴⁹ Ibidem, № 19 (a. 959): *omnem quartam partem in integro de fundo in integro qui vocatur Funianula Minore, quem quondam bone memorie Iohannis negociator qui vocabatur de Deusdedit socro et genitor noster tenere et possidere visus fuit per anteriorem enfiteosin*. Как видно, часть *fundus* уже длительное время, возможно, целое поколение, пребывала в аренде у торгового семейства.

⁹⁵⁰ В пределах городского прихода Фаэнцы монастырь владел *fundus Petriolo*, различные парцеллы которого пять раз (в 943, 975 и 986–988 гг.) сдавались в аренду производителям (Ibidem, № 7, 25, 27, 41, 43, 45), а в приходе св. Стефана *in Panigale* – *fundus Casa Marisi* (Ibidem, № 5). *Fudus Trentula* в приходе св. Прокула арендовался семейством зажиточных крестьян и группой эфмитевтов: Ibidem, № 42 (a. 988), 44 (a. 991).

⁹⁵¹ Fantuzzi 1801, № 113 (a. 1069).

Крупнейшие владения этого монастыря находились в округе Имолы, в приходе св. Аполлинария, где монастырь владел комплексом из трех *fundī*, сданным в эмфитевтическую аренду в 962 г., и в округе *Faventino acto Corniliense* в приходе св. Петра *in Transilva*. Здесь монахини владели, как минимум, пятью *fundī*, три из которых (*Granatico*, *Casa Galandi* и *Corviliano*) граничили друг с другом, образуя сплошной массив, однако в 960 г. они также были сданы в льготную либеллярную аренду. При аренде половины *fundus Trentula* в округе Фаэнцы особо оговаривается, что оставшая половина сохраняется за монастырем⁹⁵², из чего, гипотетически, следует, что монастырь старался сохранить за собой какую-то часть земель, возможно, в качестве домена, но, скорее всего, лишь для последующей сдачи в долгосрочную аренду.

Кажется логичным, что монастыри, не имевшие возможности содержать систему промежуточных пунктов, были очень заинтересованы в подводных повинностях. Ввиду очевидной нехватки рабочей силы перевозка продуктов могла перераспределяться между монастырскими служащими и арендаторами. Арендный договор 965 г. колонов с монастырем св. Марии *in Cereseo* предусматривает, что продуктовую ренту колоны доставляют в Равенну, но вино обязуются хранить на месте, пока за ним не придут «господские повозки» (*carras domnicae*). Но и в этом случае крестьяне обязаны помогать (*aiutare*) в перевозке продуктов до реки⁹⁵³.

К концу X в., как видно из таблицы, наблюдается повсеместное сворачивание отработок и замена их транспортными повинностями, которые могли не оговариваться специально: в либелле 943 г. просто указано, что колоны обязаны доставлять продукты *cum nostris bubus et ominibus* до моста *Fossola*⁹⁵⁴.

⁹⁵² Muzzioli, № 42 (a. 988): *reliquam vero medietatem at vestris reservastis manibus.*

⁹⁵³ Benericetti 2010, № 301 (a. 965).

⁹⁵⁴ Muzzioli, № 7 (a. 943). Схожая ситуация отражена в контракте 994 г. (Benericetti 2002a, № 262: *deductum totum terraticum domnico de labore et vino per nos colonis in suprascripta curte domnica vestra Sancti Prosperi, et ibi in vasis domnicis mittere debeamus et ipsa vasa domnica vestra nos colonis adiuvare debeamus ligare et stadire et quando carra domnica venerit ad tollendum ipsum vinum nos colonis transpore debeamus usque ad Sanctum Donatum.*)

Таблица 15. Operas на землях монастырской и церковной собственности

Дата	Округ	Округ	Тип	Место	Размер и доп. инф.
783	Имола	Церковь св. Доната	Operas	–	2 m 1 b ежегодно
899	Форли	Церковь св. Петра Scotorum	Operas	Domnicalia in Barisiani	1 b ежегодно
929	Чезена	Церковь св. Меркуриалия	Vectura	–	Доставка вина
943	Фаэнца	Монастырь св. Марии ad C.	Operas cum bubus	Ad ponte Fossola	Omnibus transponere
975	Фаэнца	Монастырь св. Мартина	Vectura	–	1 bove pro vino vegendum
984	Форлим-пополи	Монастырь св. Аполлинария Novo	Operas et angarias sicut alii coloni	[massa]	–
986-88	Фаэнца	Монастырь св. Марии ad C.	[Vectura]	In Ravenna	1 si boves abuerimus
991	Фаэнца	Монастырь св. Марии ad C.	Vectura	Da montanea	De bubus pario 1
992	Фаэнца	Монастырь св. Марии ad C.	Vectura	Ad montanea	1 paria de bove
994	Фаэнца	Церковь св. Проспера	Нет данных	ad s. Donatum	vasis ligare et stadire
997	Чезена	Церковь св. Фомы (Равенна)	Vectura	–	–
1005	Фаэнца	Церковь св. Северина (Равенна)	Vectura	Da montanea	1 pario b (май/июнь) si bubus abuerimus
1006	Имола-Фаэнца	Монастырь св. Марии in Palaciolo	Carro et vecturio	–	De bubus pario 1

На землях некоторых равеннских церквей и монастырей, в частности, во владениях монастырей св. Марии *ad Cereseo*, св. Мартина *post Ecclesiam Maiorem* и св. Марии *in Palaciolo*⁹⁵⁵ роль архиепископских ангариев выполняла т.н. *vecturia*. Эта повинность, встречающаяся в монастырских арендах в округах Чезены⁹⁵⁶, Форли и Фаэнцы, связана с транспортировкой продукции, в первую очередь, вина, представляющего наибольшую ценность для церковного хозяйства⁹⁵⁷. В одном случае колон обязуется раз в год предоставить для этого

⁹⁵⁵ Federici, № 17 (а. 1006): omnique anno dare nobis debeatis de bubus pario uno cum carro et vecturio.

⁹⁵⁶ Benericetti 1999, № 39 (а. 929).

⁹⁵⁷ Ibidem, № 59 (а. 948, Форли): pro vecturia de ipso vino dare vobis debeamus per unoquoque anno in argento denareos sex. См. также Muzzioli, № 26 (а. 975), 45 (а. 991).

одного быка для перевозки вина (*pro vino vegendum*)⁹⁵⁸, в другом – пару волов для транспортировки продуктов «с горы» (*mitendum da montanea*). В случае отсутствия тяглого скота размер повинности мог уменьшаться⁹⁵⁹ или заменяться на «ручные» отработки⁹⁶⁰. Случалось, что крестьянин вовсе освобождался от этой повинности⁹⁶¹. Есть данные и о коммутации *vecturia*. В либелле 1005 г. семья либелляриев, арендующая землю в округе Фаэнцы у равеннской церкви св. Северина, обязуется предоставлять пару волов в мае или июне *mitendum da montanea*, притом лишь в том случае, если у них вообще будет упряжный скот⁹⁶².

Какую-то, пусть даже очень ограниченную, роль, *operas* продолжали играть на протяжении X в. *Operas et angarias* обрабатывают колонны, населяющие *massa Balneola* в Форлимпополи. В контракте 994 г. крестьяне обязуются не только транспортировать продукцию, но и производить какие-то работы в господском амбаре. Как бы то ни было, размеры *pars dominica* были незначительными и не играли серьезной хозяйственной роли в микроэкономике монастырских и церковных хозяйств, а с первых десятилетий X в. постепенно сошли на нет.

Несколько иная ситуация наблюдается во владениях монастыря Сан-Аполлинаре-Нуово в Дечимано и смежных округах. Там монастырь владел относительно компактным массивом земель. Здесь имелся домен, и во всех известных нам случаях домениальные земли не включали пахотные площади. В эмфитевзисе 986 г. упоминается господский лес (*gualdus domnicatus*)⁹⁶³, а в контракте 984 г. мы читаем, что монастырь, сдающий в аренду половину *fundus* группе братьев, оставляет за собой три торнатуры луга (*prato*), а арендаторы, как и

⁹⁵⁸ Muzzioli, № 26 (a. 975): *et nos colonis bove uno omnique anno dare debeamus pro ipsa vecturia pro vino vegendum.*

⁹⁵⁹ Benericetti 1999, № 39 (a. 929): *si bo[vi habuerimus] dare d(e)bea(mus) vecturia media et si bovi bovi non habuerimus medietate [...] [...]ua una vobis aducere debeamus.*

⁹⁶⁰ Muzzioli, № 45 (a. 991): *et omnique anno dare vobis debeamus de bubus pario huno at vecturia mitendum da montanea si bubus abuerimus et si bubus non abuerimus manivile vobis atiuvere debeamus.*

⁹⁶¹ *Ibidem*, № 41 (a. 986–988): *et si abuerimus nostri boves propii adtivare debeamus una pervecta in civitate Ravenne et si propii nostril bovi non abuerimus sine calumnia essere debeamus.*

⁹⁶² Benericetti 2003, № 25 (a. 1005): *et si bubus non habuerimus absque omni calumnia remaneamus.*

⁹⁶³ Federici, № 12 (a. 986).

их соседи (*vicini*), обязаны монастырю каким-то объемом работ (*servicia*)⁹⁶⁴. Речь идет не о специфической политике хозяйствования на землях этого монастыря в целом (в его владениях в округе Чезены ничего подобного не наблюдается), а именно об *usus loci*: в контексте *servicia* это прямо оговорено в контракте от 1021 г.⁹⁶⁵

Об ограниченности *servicias* говорит их отсутствие в других контрактах⁹⁶⁶, в том числе на землях, находящихся в том же приходе св. Касьяна⁹⁶⁷. В либелле 1005 г. мы встречаем уже знакомую нам *vecturia* по транспортировке продукции от местечка Баньоло с помощью пары волов, а также обязанность по доставке двух тележек, груженых древесиной, видимо, заготавливаемой самими крестьянами⁹⁶⁸. Не исключено, что под *servicia* следует понимать именно эти повинности. Здесь *vecturia* в том или ином виде встречается и в контрактах конца XII в. (последний раз – в либелле 1181 г.)⁹⁶⁹.

Что касается отработок, то на землях монастырского патримония в Дечимано они бытовали как минимум до XII в. В либелле 1107 г. говорится, что крестьяне обязуются поставлять дрова (*aditorum ad lignorum*) и выполнять «руками и быками» прочие повинности (*cetera servicia*), «согласно обычаю местности»⁹⁷⁰. *Opera et servicia*, отбываемые четыре дня в году, выполняли арендаторы этого монастыря в 1114 г.⁹⁷¹ В другом договоре 1141 г. крестьяне прихода св. Касьяна отбывают некоторое количество *operas*: из путаных формулировок грамоты становится ясным, что речь идет об обработке какого-то

⁹⁶⁴ Federici, № 11 (a. 984): *et alia servicia vobis facere debeamus secundum quod alii vicini vestri vobis faciunt.*

⁹⁶⁵ Ibidem, App. № 2 (a. 1021): [... et] *servicia facere debeamus secundum consuetudinem ipsius loci.*

⁹⁶⁶ Ibidem, № 13 (a. 1000), 16 (a. 1005).

⁹⁶⁷ Ibidem, № 15 (s. X–XI), 19 (a. 1028).

⁹⁶⁸ Ibidem, № 16 (a. 1005): *et vecturia mitendum de Bagnolo et de ligne carras duas et porco uno.*

⁹⁶⁹ Ibidem, № 123 (a. 1181): *et omni a. unum bovem pro vecturia a Ca[mpo] Novo usque ad Ravennam.*

⁹⁷⁰ Ibidem, № 41 (a. 1107).

⁹⁷¹ Ibidem, № 45 (a. 1114, Форли).

участка земли и покосе травы (*fenum secandum*)⁹⁷². В другой либелле 1141 г. речь идет о полноценных сельскохозяйственных работах, отбываемых крестьянами три дня в году и выделенных под вспашку, боронование и сев⁹⁷³.

Скорее всего, мобилизовав значительные владения в пригородной зоне Равенны, этот монастырь сумел развернуть и сохранить здесь модель хозяйствования, впервые опробованную на архиепископских землях. Но это – предмет уже другого исследования.

§ 5. Крупное светское землевладение. От VIII – 1-й половины IX в. до нас не дошло практически никаких сведений об организации производства на землях крупных светских землевладельцев. Допустимо считать, что эти земли могли обрабатываться как рабами (в т. ч. рабами на пекулии), так и арендаторами-колонами или съемщиками промежуточного типа, сдававшими их, в свою очередь, в субаренду производителям. О рабском труде в имениях знати нам известно, в частности, из одного эксцерпта «Баварского кодекса», согласно которому одна *nobilissima femina* в VII в. отчуждала в пользу архиепископии половину своих владений в Перудже, куда входили, в числе прочего, рабы (*mancipia*)⁹⁷⁴.

Новшеством поствизантийского времени становятся вотчинные комплексы, и некоторые из них по своей структуре отличались от церковных и монастырских. Они практически не были известны византийской эпохе. В условиях военного пограничья создание таких сложных производственных систем вряд ли было возможным. Эти хозяйства появляются в источниках не ранее середины IX в. Ни в обширных владениях знатного клирика Урса, о которых мы знаем из дарственной 752 г., ни в удаленных от Равенны землях округа *Faventino acto Corneliense*, где во второй половине VIII в. в приходе св. Мартина находились владения знатной вдовы Евдокии, состоявшие из множества *fundi*, следов вотчинной организации мы еще не находим.

⁹⁷² Federici, № 67 (a. 1141): et vos dabitis silvas et operas cum bovis ad arandum et unam operam ad secandum fenum.

⁹⁷³ Ibidem, № 68 (a. 1141).

⁹⁷⁴ BER, № 174.

Во многих случаях на землях светских землевладельцев IX–X вв. элементы крупного господского хозяйства не встречаются вовсе⁹⁷⁵. Скорее всего, производство в этих владениях было полностью выведено в надельный сектор и регулировалось отношениями аренды и субаренды. Интересна в этом смысле дарственная 2-й половины X в., описывающая владения некоего Убальда в *massa Ausimana* в округе города Озимо. Его земли были заселены лишь *colonis et pensionantibus*⁹⁷⁶ – колонами и, по всей видимости, льготными земельными съемщиками, уплачивавшими денежную ренту (*pensio*). Следы вотчинной централизации и господского домена отсутствуют, например, во владениях риминийского дукса Урса и его потомков на всем протяжении X в. Либеллярии, арендовавшие у них земли, доставляли ренту непосредственно в Римини, *in domo*⁹⁷⁷: замки и сопутствующие им владельческие комплексы-*curtes* появляются здесь не ранее XI в.

Очень сложно объяснить, почему в каждом отдельном случае мы сталкиваемся с разными формами организации труда. Скорее всего, это зависело от величины и степени парцеллированности земельных богатств. Например, монахиня Люция, дочь консула Павла, подарившая в 893 г. графине Ингельраде в приходе св. Андрея округа Фазнцы несколько небольших участков земли, особо упомянула среди них земли либеллярия-колона Ромула, но нигде не сказала об участках господской запашки⁹⁷⁸. Конечно, довод *ex silentio* не самый убедительный, особенно когда нет статистически значимых сведений. Но кажется вполне правдоподобным, что собственники и землевладельцы средней руки, к числу которых принадлежала городская консульская знать, могли попросту не иметь достаточных ресурсов и площадей для сложной организации хозяйства.

Этот вопрос напрямую связан с толкованием термина *curtis* и выражения *domnicatu(m) vel colonicatu(m)*. Их интерпретация даже при хорошем знакомстве с

⁹⁷⁵ Benericetti 2006, № 30 (a. 850–857), 47 (a. 893); Benericetti 1999, № 2 (a. 900).

⁹⁷⁶ BER App. III, № 8 (a. 971–978).

⁹⁷⁷ Fantuzzi 1801, № 16 (a. 919) = Benericetti 2010, № 328 (a. 919): *et omnia pervectum per vos petitoris intro anc civitatem Arimini in domo nostro supradicto dominato.*

⁹⁷⁸ Benericetti 1999, № 47 (a. 893).

контекстом довольно проблематична. Начну с того, что невозможно сказать что-то конкретное о внутреннем устройстве таких комплексов, и далеко не всегда оно могло серьезно отличаться от церковных имений. Во-первых, потому, что многие из них могли иметь общее – фискальное – происхождение. Во-вторых, патримонии крупных землевладельцев регулярно перераспределялись: сначала, в VIII–IX вв., в форме благочестивых дарений светских лиц в пользу Церкви, затем, со 2-й половины IX и в течение X в., особенно второй его половины, – в обратную сторону, в виде «бенефициарных» пожалований (в форме эмфитевтической аренды) равеннской знати. Известно, что собственность светской знати *pleno iure* неуклонно сокращалась, уступая место эмфитевтической аренде.

В-третьих, переход земель в долгосрочную аренду на деле мог быть простым отчуждением ренты, что слабо отражалось на местной производственной инфраструктуре. В эмфитевзисе 963 г. мы читаем, что арендаторы после истечения 29-летнего срока аренды каких-то (не связанных с объектами сделки) земель у нобиля Иоанна, сдаваемых им в округе Фано, обязуются впредь после истечения срока договора (*post completum illius pactum*) уплачивать ренту непосредственно архиепископу⁹⁷⁹. Скорее всего, это вполне устраивало церковного собственника. Но важнее то, что организация вотчинного хозяйства, предполагающая контроль над проживавшим на земле населением, была по преимуществу политическим вопросом.

По сути, в IX–X вв. большая часть земель и угодий Романьи представляла собой единый хозяйственный комплекс, где крупнейшими собственниками были архиепископы и в той или иной мере зависимые от них епископы, городские церкви и монастыри. Концентрация и мобилизация земли, скорее всего, была не стихийной, а спланированной политической инициативой местных землевладельцев, постоянно проверявших на прочность публично-правовые прерогативы архиепископов.

Рано или поздно это приводило к открытым конфликтам, особенно в период прочности публичной власти архиепископов в VIII – 1-й пол. X в. Реализация

⁹⁷⁹ Benericetti 2002, № 113 (а. 963).

политических амбиций некоторых представителей военно-служилой знати, преследовавшей собственные мотивы и видевшей в эмфитевтической аренде лишь средство для мобилизации земельных владений, заканчивалась, как правило, плачевно. Ранним примером может служить *magister militum* Мавриций, арендовавший в риминийском округе в годы правления архиепископа Сергия (748–769) часть *fundus*'а Flaviano, целый *fundus Fabrica* с примыкающим к нему 4/12 *casale*, а также другой *fundus Fabricula* с *casale*, который, судя по топониму, располагался в непосредственной близости от упомянутого *fundus Fabrica*.⁹⁸⁰

Здесь налицо стремление к округлению арендуемых земель, в превращение их в полуавтономные территориальные комплексы, скорее всего, судя по топонимии, приспособленные для размещения там ремесленной или иной производственной инфраструктуры. Процесс этот, по всей видимости, был прерван поражением Мавриция в конфликте с архиепископией, а его земли, скорее всего, были конфискованы. Не позднее середины IX в. *fundus Fabrica* окажется в собственности Вальбезинды, матери дукса Мартина – следующей восходящей звезды местного политического небосклона.

В условиях неустойчивого классового компромисса, установившегося в регионе в IX – 1-й пол. X в., приемлемым *modus vivendi* знати являлось либо получение доли доходов, либо адаптация к сложившимся порядкам, заданным Церковью. В последнем случае организация производства в некоторых светских владениях могла повторять или приближаться к архиепископским или монастырским хозяйствам. Новые владельцы получали готовую хозяйственную инфраструктуру, в которую не вносили особенных коррективов. Например, в 973 г. семейство «благородного мужа» Онеста, связанного с семейством *Magister Militum*, арендует наделы земли (*res et casalia*) в округах Пезаро и Фано, уже возделывавшиеся несколькими консортериями церковных съемщиков, скорее всего, в зоне активной колонизации, на что указывает топоним *Roncora*⁹⁸¹.

⁹⁸⁰ BER, № 33, 63, 71.

⁹⁸¹ Benericetti 2002, № 176 (а. 973).

В 1005 г. семейство эмфитевтов арендует у Ацио, настоятеля равеннской церкви св. Андрея, «три части» от четырех *fundi* в приходе св. Петра в округе Форли, включая расположенную там церковь (*basilica, ecclesia*) св. Андрея с постройками (*mansionibus*) и вотчинное хозяйство – *tam domnicata quamque colonicata*⁹⁸². При этом две части достается эмфитевте с супругой, а третья – их детям и внукам. Неясно, идет ли речь о реальном отчуждении четвертой части имений церкви св. Андрея, или же о разделе доходов с имений, но последний вариант весьма вероятен.

В иных владельческих комплексах, где арендатор-эмфитевта, не довольствуясь получением доли с ренты, мог вмешиваться во внутренние дела, хозяйство строилось по церковному образцу. Особенно это заметно по арендам тех частей церковного патримония, которые находились в зоне активной колонизации. Например, в 947 г. церковная эмфитевта Доминиция сдает в либеллярную субаренду земли колону Перегрину в *fundus Mortjano* в округе Римини на обычных для Церкви условиях. Сильно упрощая формуляр и лексикон типичной церковной аренды, опуская традиционные наименования повинностей, составитель акта лаконично сообщает, что субарендатор обязан арендодателю «десятым модием» с обрабатываемой земли (*terra culta*), какой-то частью вина (документ испорчен), одной свиньей «с леса» и отработками «по обычаю местности» (*opere vero s(e)c(un)d(u)m usu(m) lotjis*). Все продукты поступают в городскую резиденцию (*mansione dom(ni)cata*) землевладельца в Римини. Такие отношения с производителем очень напоминают порядки в архиепископских и других церковных владениях.

Норма ренты, поступавшей светским землевладельцам во всех регионах Экзархата (включая Пентаполь и Феррару) долгое время не менялась. Она взималась по *usus loci* и в основном полностью совпадала с церковной. Кое-где она встречается и в конце XI в., когда в Романье уже распространяется серваж. Это можно проиллюстрировать дарственной 1069 г., составленной имолийским

⁹⁸² Benericetti 2003, № 24 (a. 1005).

герцогом Убертом в пользу своей племянницы Юлитты⁹⁸³. Речь идет о двух соседних *fundi* в приходе св. Петра in Lacuna. Вместе с ними новой владелице отходят и восемь их жителей (*supersedentes*; возможно, главы домохозяйств), обязанных служить (*servire et obedire*) Юлитте. Их повинности, как поясняет составитель, заключаются в уплате 7-го модия зерна, 8-го модия *minuto*, 7-го снопа льна и 4-й амфоры вина. Дополнительно они вносят *spalla* (видимо, часть туши дичи; термин происходит от права охоты в господском лесу), *fosara* (за право заготовки древесины для отопления жилища), *collecta* и альбергарий (*albergaria*) к Рождеству, а также холощеного барана (*castratam*) к Пасхе. Эти платежи типичны для крестьянских аренд XI–XII в., являясь развитием поборов IX–X вв. Таким образом, в этой местности норма ренты к концу XI столетия не изменилась с VIII в., а сеньориальные платежи, такие, как *albergaria* и *castrata*, скорее всего, происходят от *brachiatica*, *receptio* и *herbatica*⁹⁸⁴. Нечто похожее мы встречаем и во владениях Равеннской церкви в районе Фано в XI–XII вв. Местные порядки, мало изменившиеся с IX в., зафиксированы в «бrevиарии», составленном в годы правления архиепископа Генриха (1052–1072)⁹⁸⁵.

Схожим образом могли организовываться и пионерские хозяйства. Хорошим примером служат арендованные графским семейством Гуидов земли в районе Римини. Часть этих земель, номинально принадлежащих подконтрольной Риму церкви (*monasterium*) св. апостола Фомы, была сдана в субаренду группе арендаторов в 943 г. Речь идет о *fundus Canava* в приходе св. Савина. Судя по тому, что рядом с этим имением находилась нововспаханная земля (*ronco*), оно находилось в зоне аграрной колонизации. На это указывает и возможность высадки новых виноградников на территории имения.

⁹⁸³ Fantuzzi 1801, № 114 (a. 1069). Схожие нормы ренты бытовали и на других землях церковных и светских землевладельцев XI–XII вв. Fantuzzi 1802, № 43 (a. 1137): *sub terratico de omni labore maiore modium quantum lino mannam quintam, minuto sextum, vino anfora tercia*; Ibidem, № 22 (a. 1147, Имола): *sub terratico de omni labore maiore covum sextum, lino et minuto septimum vino anfora tercia*.

⁹⁸⁴ Ср.: Fantuzzi 1802a, № 27 (a. 1159): *debeatis nobis albergariam per duodecim suprascriptis turnaturiis de casale ubieunque abitaveritis*.

⁹⁸⁵ BER App. III, № 20 (a. 1052–1072).

Группа, получившая этот *fundus* в аренду на 69 лет, уплачивает традиционный для округа *terraж* в размере десятой части урожая «по обычаю местности» (*secundu(m) locis*), «третью амфору» вина (и четвертую – с нововысаженных виноградников), половину оливок, а также традиционные поборы – *glandaticum* «с леса» (*de silva*), *pratjatica* (видимо, искаженное *brachiatica*), *exenium* и *circoitum*. Все продукты доставлялись отсюда в город, в *domus* церкви св. Фомы⁹⁸⁶. Отработочные повинности здесь сводились к двум ежегодным работам «быками» (*bovaritjs*) и двум – «руками», причем на довольно туманных условиях (в тексте: *vel ubi rive fuerrint quamque et erragie*).

Перед нами – консортерия, ведущая сравнительно автономное и многопрофильное хозяйство с развитым виноградарским, оливководческим и лесо-выпасным сектором. Она обязана землевладельцу некоторыми работами, скорее всего, перевозкой продуктов. Непосредственный производитель не испытывал здесь двойного пресса собственника и арендатора. По всей видимости, доходность таких патримониев обеспечивалась экстенсивным развитием.

Наиболее яркие следы вотчинной централизации впервые встречаются в периферийных по отношению к Экзархату владениях Гизульфа, сына имолийского герцога Ромуальда. Он владел землями в округе Болоньи, которые были отчуждены в пользу равеннской церкви в 855 г.⁹⁸⁷ Здесь формула *domnicatu(m) vel colonicatu(m)* употребляется для описания структуры двух *curtes* (*Balnearea* и *curtis in massa Metatjana*) в пределах округа Болоньи. При этом структура *curtis Balnearea*, судя по описанию, совпадает с устройством обычной *massa*: он включал *fundi*, *casalia* и *apendicibus*. Что касается *curtis in massa Metatjana*, он вполне мог служить вотчинным центром. В то же время, другая

⁹⁸⁶ Benericetti 1999, № 49 (a. 943): *idest de terra terratico secundum locis modio de[cimo] decimo et de vinea vino anfora tertja, et si vinea pastinaveritis exi[nde] de vino anfora quarta, et de oliva mediate, et de silva glandatico in sala domnico proficiendum, exenio vero omni anno, idest in festa sancte tue Tomes apostolus, pulos pario uno et ovas nun duodece, et grano manolictile modio uno, et pro circoitum omni anno dinariis sex, manuto ad curte domni suscipiendum et bratjatica persolvendum et pro pratjatica per omnes cum [...] nas bicungia duas et omnia pervecto per vos petitoris in suprascripta tjvitate Ariminense suprascripto domus a sancto apostolus. Как видно, норма ренты полностью аналогична церковной.*

⁹⁸⁷ Benericetti 2006, № 16 (a. 855).

часть его владений в болонском, имолийском и фавентийском округах была сведена, по меньшей мере, в две *massae*, при этом не содержит никаких следов вотчинной централизации. Таким образом, по каким-то причинам лишь часть его владений была структурирована в вотчинные комплексы.

Другим примером служат владения некой Матроны, вдовы Деуседита, завещавшей церкви в 873 г. *res et portiones* в городах Равенне, Фаэнце, местечке Куартореджио, а также в городах и округах Имолы, Форли и Форлимпополи⁹⁸⁸. Ряд земельных объектов, включая *fundi*, *massae*, а также *loco qui vocatur Casale et Granagiolo*, включают *domnicato vel colonicato*; эта формула однозначно указывает на наличие домена⁹⁸⁹. В пользу наличия вотчинного центра в Куартореджио говорит приписка на полях грамоты, сделанная, вероятно, рукой нотариуса Доминика (896–933): *d(e) omnib(us) r[ebus] su[is] et d(e) cur[...]te de Quartoregio*. Важно отметить, что вотчинная организация охватывала далеко не все владения этой аристократки. Следы вотчинной централизации встречаются в это время только на периферии Романьи, в зонах, где политическое влияние архиепископии было слабым.

Другие известные нам случаи не столь однозначны. Наиболее интересный из них зафиксирован в двух грамотах 911 г., дарственной и эмфитевтической, одновременно составленных знатной германской четой Эльдельберта и Лей⁹⁹⁰. Согласно дарственной, они передают архиепископу земли в округах Фаэнцы и Равенны, доставшиеся им от фавентийского архипресвитера Петра; согласно второму документу, составленному в тот же день, все трое получают их обратно на условиях эмфитевзиса. Скорее всего, эти необычные, на первый взгляд, обстоятельства, скрывают местный земельный спор, разрешенный архиепископом не без выгоды для себя.

Абстрагируясь от контroversии, являвшейся подоплекой составления документов, обратим внимание на один нюанс. В первом акте описание имущества

⁹⁸⁸ Benericetti 2006, № 28 (а. 873).

⁹⁸⁹ Ibidem: *in domnicato vel colonicato quamtoque ego modo minib(us) meis s(uprascripta) Matriona d(e)tenere visa su(m)*.

⁹⁹⁰ Benericetti 1999, № 19 (а. 911, 8 февраля/августа), 20 (а. 911, 8 февраля/августа).

включает *pars dominica* в стандартный перечень земельных угодий (*terris, vineis, campis, pratis, pascuis, silvis, sal(ectis), sacionalib(us), arb(u)stis, arborib(us) seu edificiis cu(m) [...] limite limitib(us)q(ue) suis, cultum et incultum, domnicatu quanq(ue) et colonicatu...*). Во второй же грамоте перечень обрывается на *arboribus*, после которого следует слово *mansionib(us)*, что как будто бы исключает наличие господской заправки и указывает только на крестьянские наделы.

Отмечу еще одно важное обстоятельство. Обо всех этих комплексах мы узнаем из дарственных грамот, оформлявших передачу этих земельных владений в пользу Церкви. За этими действиями стоит целая цепочка неизвестных нам обстоятельств, но подоплекой часто является какой-либо конфликт. Организация вотчинного хозяйства, модели управления не только землями и угодьями, но и людьми, пусть даже и в удаленных от Равенны местностях, рано или поздно приводила к конфликту с публично-правовыми притязаниями архиепископов. И эти конфликты местная знать до поры до времени вынуждена была разрешать отчуждением «проблемных» владений в пользу Церкви.

Имена графини Ингельрады. Сходная хозяйственная модель была развернута в конце IX в. во владениях графини Ингельрады, потомки которой спустя семьдесят с лишним лет вступят в открытое противостояние с архиепископами. После брака с дуксом Мартином его земельные богатства вошли в состав обширного патримония нового семейства. В либелле 870 г., согласно которой супружеская пара колонов арендует у дукса, на тот момент еще не сочетавшегося браком с графиней, *fundus Sereniana* в округе Феррары, вообще не идет речи о домениальных землях и связанных с ними отработочных повинностях, а сам объем платежей не отличается от церковной ренты, бытовавшей в феррарском округе и, шире, на всей северо-восточной периферии Романьи (включая округу Вогьеры и Ардженты). Отсутствие здесь домена, наверное, указывает на то, что вотчинное хозяйство в этих землях было не очень развито. Видимо, данный собственник просто приспособился к местным обычаям, не внося в них никаких изменений.

Уже спустя десятилетие, в 80-е гг. IX в., после заключения матримониального союза, на землях, принадлежащих этой чете в *curtis Axcigata*, расположенном в *massa Prata* в округе Фаэнцы (в приходе св. Иоанна *in Axcigata*), была развернута интенсивная барщинная эксплуатация колонов, совершенно нетипичная для Романьи. По условиям либеллярного договора 888–889 гг. две семьи колонов получают по наделу земли, каждый из которых состоит из пахотной земли и виноградника (в пропорциях 20:10 и 20:13 торнатур соответственно). Помимо несколько более высокого для Романьи терража (4-й модий зерна, 5-й модий *minuto* и бобовых, 4-й сноп льна и 2-я амфора вина), доходившего до 30–31% производимой продукции, а также более высокого «дара» (четыре курицы и 20 яиц), барщина здесь составляла два дня в неделю, отбываемых каждым колоном. В принципе, это далеко не предел даже по меркам соседней Эмилии. Можем ли мы говорить о появлении полноценного барщинного хозяйства?

Если внимательно присмотреться к условиям контракта, ситуация покажется не столь однозначной. Во-первых, нельзя уверенно связать указанный факт со спецификой Эмилии. Аналогичную норму ренты я обнаружил также в пригороде Фаэнцы. Речь идет о двух арендных договорах земли в городском приходе. В одном случае, в 899 г., арендодателем выступает вдова консула, в другом случае, в 943 г. – монастырь⁹⁹¹. Таким образом, можно с равным успехом говорить как о внедрении «лангобардской» нормы ренты, так и о плохо известном нам *usus loci*, который мог быть приспособлен управляющими графини для организации вотчинного хозяйства.

Во-вторых, нет оснований, вслед за М. М. Ковалевским, полагать, что оставшееся после уплаты терража вино продавалось в господском *curtis*, что было, в целом, характерно для многих контрактов северной Италии. Эта

⁹⁹¹ Benericetti 2006, № 56 (a. 899, pl. Faventina): *terratico de omnem labore maiore modio quarto, et de omnem minuto et arestitjo seo legumino modio quinto, lino manna quinta, vino medietatem*; Muzzioli, № 7 (a. 943, pl. Faventina): *terratico trutico faba siccile de laore maiore modio quarto, minuto seo aligumina modio quinto, lino manna quinta, vino medietatem*.

интерпретация обусловлена попросту ошибочным прочтением документа⁹⁹². Более того, здесь *terraж*, «дар»-*exenium* и большая часть вина должны были поставляться не на господский двор, а в *domus* знатной четы в Равенне: *curtis* аккумулирует здесь лишь малую часть произведенного продукта, а именно, оставшееся после уплаты *terraжа* вино (*reliquo vino domnico*).

Наконец, сам характер *барщины*. *Operas*, распределенные по 2 дням в неделю между двумя крестьянами (Домиником и Григорием), должны выполняться колоннами *quando et ubi imperati fuerimus*, причем речь не идет прямо о господском *curtis* *Axcigata*. Одна из *клаузул* ([...] *tornaturie de ipsa vinea laborare debeamus in domnicate vestre quale vos patrona eligere volet*) наводит на мысль, что *pars dominica* состояла из виноградника. Нам не известно, входила ли в него *запашка*. На это указывает и сам характер использования крестьянского труда, ведь различные работы в виноградниках могли и не привязываться к фиксированным календарным циклам.

Все это поднимает множество вопросов, решить которые в силу уникальности этого контракта я не в состоянии, однако кое-какие выводы сделать все-таки можно. Я скептически отношусь к доводам Ковалевского о сколько-нибудь значимом каролингском влиянии. На основании одного-единственного документа строить гипотезы опасно⁹⁹³. Этот случай уникален, и отсутствие чего-то подобного на всем протяжении VIII–XI вв. наводит на мысль, что мы столкнулись с единичной, незавершенной и, по всей видимости, неудачной попыткой организации вотчины классического типа в местных условиях.

⁹⁹² Benericetti 2006, № 36 (a. 888–889): *reliquo vino domnico quod remanserit nos coloni eum vere debeamus in curte vestra in Axcigata*. См. Ковалевский М. М. Экономический рост Европы... Т. 1. С. 247: «На это указывает текст некоторых ливеллярных контрактов, довольно позднего, впрочем, происхождения; так, в грамоте 889 г. значится, что оставшееся, за вычетом хозяйской части вино, колонны должны продать *in curte vestra, domnico vestro*». Из контекста других *фавентийских* актов следует, что речь идет об обязательстве хранить оставшееся вино в хозяйстве, пока его не заберет господский уполномоченный; Benericetti 2006, № 56 (a. 899): *vino autem domnico nos suprascripris colonis eum salvare debeamus usque dum iussione domnica vestra venerit uem exinde a tollendum*. Его размер неизвестен, и в немногих случаях оговаривается лишь фиксированный объем продукции (в амфорах и *bicungio*), которая должна быть доставлена на господский двор. См. также Muzzioli, № 18 (a. 958).

⁹⁹³ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 244–245.

Не менее важно то, что в дарственной 896 г. среди владений Ингельрады, расположенных в нескольких округах Романьи, *curtes* фигурируют лишь в районе Фаэнцы, Форли и один раз – в Дечимано, и полностью отсутствуют в округах Римини, Феррары, Комаккьо и Вогьеры. При этом топонимы некоторых *curtes* Ингельрады (*Mutiliana*, *Sinciano*, *Bubiano*, *Auriliacus*, *Axcigata/Assignata*, вероятно, от *assignatus*) имеют явно римское происхождение. Эти *curtes*, границы которых (например, *curtis Sinciano*) доходили до Тусции, включали *casalia*, *fundi* и *appendiciae* – перед нами структура, аналогичная церковным *massae*⁹⁹⁴. Что же касается Дечимано, где мы встречаем *curtis Casale*, то и здесь способ его образования напоминает историю с церковными *massae*, которые назывались по какому-либо крупному или важному *fundus*. На его сходство с церковными латифундиями указывает акт 973 г., составленный чуть менее чем через 100 лет после его первого появления в источниках. В этой грамоте есть описание имущества, которыми дукс-граф Петр одаривает монастырь св. Аполлинария⁹⁹⁵. *Curtis*, состоящий из 10-ти (или 11-ти, если включать сюда гипотетический *fundus Casale*) *fundi*, *casalia* и *appendiciae*, граничит с четырьмя другими *fundi* и включает капеллу св. Марии. Все это наводит на мысль о том, что документ отражает влияние терминологической традиции в большей степени, чем реалии вотчинной централизации⁹⁹⁶.

Вернемся к имениям Ингельрады. То, что вотчина каролингского типа появляется в округе Фаэнцы, не так далеко от политического центра региона, говорит об укреплении позиций этого рода. Судя по всему, в его владениях различные типы вотчинных хозяйств создавались и укреплялись в течение всего

⁹⁹⁴ Benericetti 2006, № 54 (a. 986): *curtem in integram que vocatur Cassanicus, item in Spatarino cum casalibus et omnibus appennicibus earum, seu et curtem in integro que vocatur Assignata, item cum fundis, casalibus et omnibus appendentibus suis, immo et curtem qui vocatur Mutiliana in eodem territorio, item cum fundis et casalibus et omnibus appendentibus suis.*

⁹⁹⁵ Federici, № 2 (a. 973): *curte integra que vocatur Casale una cum capella sua in integra inibi fundata cui vocabulum est S. Mariae cum fundis et casalibus et apendicib[us suis] quorum nomina ec sunt: Maritima et Sorciano et Cisiano seu Casella et fundo Turiccla et in fundo Guniano et sex unciis de fundo Aviliano et quattuor unciis item principales integras in fundo Coriliano simulque et fu[nd]o Filcioni seu fundo Lisiniano.*

⁹⁹⁶ См. *Castagnetti A. Le strutture fondiarie ed agrarie // Storia di Ravenna. T. II. Dall'età bizantina all'età ottoniana. 1. Territorio, economia e società. Ravenna, 1991. P. 63.*

следующего века, что немало портило его отношения с архиепископской курией.

Промежуточным этапом этого противостояния стало дарение, сделанное диаконом Райнерием со своим племянником в 963 г. в пользу Церкви, очевидно, в качестве уступки. Здесь речь идет о новоосвоенной местности (*ronco*) под названием Санкто-Арканджело в приходе св. Стефана *in Teguria* в округе Фаэнцы. В документе, после стандартного перечня типов земель и угодий, названы «рабы и принадлежащие [месту] колонны и обитатели обоего пола» («*familiis et collonis atque collonas seo ressidentibus utriusque sexus pertinentibus*»). Здесь была построена церковь св. Архангела, а само это место было компактной территорией, ограниченной другой новью и дорогами. По всей видимости, здесь был развернут вотчинный комплекс с рабами и наделами арендаторов-колонов, судя по социальному составу работников – мало отличающийся от структуры церковных поместий.

Имения дукса-графа Петра (70-е гг. X в.). Другой моделью организации крупного хозяйства могут служить имения дукса-графа Петра, отчужденные в пользу монастыря св. Аполлинария в 973 г. Здесь в имениях, объединенных в *curtis Auriliacus* (знакомый нам по акту 896 г. земельный комплекс, расположенный в округе Форли в приходе св. Лаврентия), указаны *servi* и *ancillae*, «проживающие в этом *curte* и примыкающих к нему землях». Тот факт, что они были особо упомянуты в структуре этого *curtis*, может указывать на их важную роль в производстве, поскольку в описаниях других отчуждаемых в пользу монастыря земель, например, *curtis Casale* в округе Равенны, они не упоминаются. В то же время, жители принадлежащей ему горной местности *Colina* в округе Форлиμποполи, где *curtes* отсутствуют, фигурируют как *coloni et colinae*, что наводит на мысль о полном господстве здесь надельного сектора⁹⁹⁷.

Несколько иная ситуация во владениях этого графа в пределах Чезены, в приходе св. Петра в Черито, где располагался его *curtis S. Georgio*. Здесь среди подаренных монастырю земель и имуществ особо выделен проживавший там

⁹⁹⁷ Federici, № 2 (a. 973).

погонщик-волопас (*befulco*, от лат. *bubulcus*) Урселло, *servus iuris meis*⁹⁹⁸, с четырьмя сыновьями и дочерьми. Все они были отчуждены в пользу монастыря вместе с землей, за исключением его сына Иоанна, пекаря, оставленного дарителем за собой. Вдобавок граф дарит церкви еще двух рабов, «мойщика» (*lavandoreo*, от лат. *lavandarius*) Кастелло и некого Летуло Маркизиано, а его супруга «ради спасения души» уступает Церкви серва Андрея Туссо с тремя сыновьями, а также еще трех сервов, среди которых – Стефания, дочь волопаса Урселла. Тот факт, что несвободные работники заслужили особого упоминания в перечне отчуждаемых земель, свидетельствует, скорее, о редкости лично зависимых лиц в этой вотчине. Обращает на себя внимание и то, что по крайней мере некоторые из них обзавелись семьями, а отчуждение погонщика Урселло вместе с землей (*quae inibi residere viso est*), скорее всего, указывает на то, что раб уже имеет надел с домохозяйством. Кроме того, здесь, как, по всей видимости, и в церковных имениях, труд несвободных лиц был задействован, вероятно, отнюдь не в земледельческом секторе, а в выпасном скотоводстве, на мельнице, в пекарне, на подсобных работах. Здесь рабы заняты в специализированных звеньях производства и обслуживания хозяйства. Таким образом, светские патримонии могли значительно различаться по составу и организации рабочей силы, а также по уровню интенсивности ведения хозяйства.

И вновь встает вопрос о судьбе этого комплекса. Как и во всех предыдущих случаях, он в конце концов оказался в руках Церкви, на этот раз – в собственности монастыря св. Аполлинария. И здесь не исключено, что речь идет о конфликте, решенном не в пользу «графа и герцога» Петра, но и не без выгоды для него, пусть и символического и душеспасительного свойства. Через пять лет, в 978 г., его сыновья Уберт, епископ Форли, и граф Ламберт вступят в конфликт с архиепископом Равенны, который завершится для них поражением, а еще спустя 17 лет, в 994–995 гг., «граф и герцог» Ламберт будет безуспешно судиться с

⁹⁹⁸ *Ibidem*: nec non fundum Vico et Mariano et Roitula coerentes se una cum Ursello befulco servus iuris meis quae inibi residere viso est cum filiis et filiabus suis, [unus] nom. Martinus et alium vero nom. Dominico et Petro, except Iohanne pistore fil. ipsius Urseli befulci quem ad meas reservo man.

аббатом равеннской церкви св. Фомы по поводу юрисдикции над обитателями местечка *Cella Cordi*⁹⁹⁹. Организация вотчинных комплексов была органично вплетена в конфликтные отношения этого рода с архиепископами Равенны.

Таблица 16. Корреляция *curtis* и *pars dominica*

Год	Название и локализация	Правовой статус (собственность/ аренда)	Владелец	Состав	Сведения о <i>pars dominica</i>
855	<i>Curtis in Balnearea; Curtis in massa Metatjana</i> (Болонья)	собственность	Гизульф, сын имолийского дукса Ромуальда	<i>Cum fundis casalibus et apendicibus</i>	<i>Domnicatum vel colonicatum</i>
873	<i>Loco Casale et Granariolo. Curtis Quartoregio.</i> Другие владения.	собственность	Matrona, вдова Деуседита, дочь Стефана	–	<i>Domnicato vel colonicato</i>
888-889	<i>Curtis in Axcigata</i> (Assignata)	собственность	Графиня Ингельрада и дукс Мартин	<i>cum fundis, casalibus et omnibus appendentibus suis</i>	Вероятно, место еженедельных отработок колонов
896	<i>Cassanicus, Spatarino, Assignata, Mutiliana, Acrieta, Sinciano, Arcatti, Bubiano</i> (Фаэнца), <i>Auriliacus/Sacti monie</i> (Форли), <i>Casale</i> (Decimo)	собственность (?)	Графиня Ингельрада, с 896 – диакон Петр, ее сын.	<i>Cum findis et casalibus et appendentibus. Curtis Bubiano</i> включает местечко <i>Petra</i> с <i>castello</i>	–
947	<i>Corte Plancula</i> (Форли)	аренда (эмфитевзис)	Вдова Мария с незамужним и дочерьми	–	–
972	<i>Corte Quartulo, Basiliaco</i> (Фаэнца)	аренда (эмфитевзис)	«Благородный муж» Иоанн Ацио с сыновьями	<i>Cum casalibus et apendicibus.</i>	–

⁹⁹⁹ Benericetti 2002a, № 265 (а. 994–995); См. *Vespignani G. La Romània italiana... P. 57.*

973	Curte Aureliacus (Форли, граничит с fundi); S. Georgii	собственность	dux et comes Петр	Cum fundis, casalibus, apendiciis (= f. Ampuniano, f. Arturiano, res in f. Veclaniano, f. Turicla); cum servis et ancillis	?
973	Curte Casale (Decimo), впервые упом. в 896 г., с 4 сторон окружен fundi; curte Maliano (Decimo).	собственность	Он же	Cum capella, fundis, casalibus, apendicibus (= f. Maritima, Sorciano, Cisiano, Casella, Turicla, Guniano, 6/12 f. Aviliano, 4/12 f. Coriliano, Filcioni, Lisiniano)	–
974-75	Curte Alta (Сарсина)	собственность	Петр Траверсариа	Рядом расположен Castrum Petrella, locum Salectaria; cum fundis casalibus apendiciis	–

Общие выводы. Значительная часть Романьи и примыкающих к ней регионов и областей в VIII–X вв. представляла собой единый хозяйственный организм со сходными методами эксплуатации трудящегося населения и сходными формами организации производства. Ключевые позиции в нем занимала архиепископия, которая, являясь крупнейшим собственником огромных земель, в IX–X вв. с целью восстановления доходности своих имений (что было особенно актуально после утраты сицилийских владений в 1-й половине IX вв.) приступила к внутренней колонизации своего патримония в Романье. На местах создавались хлебные и винные резервы. Скорее всего, этому немало способствовал опыт реорганизации имений в середине - второй половине VI в. в районе Падуи, где, насколько позволяют судить источники, впервые была опробована вотчинная модель организация хозяйства.

К концу IX в. на базе римской кадастровой сети была создана вотчинная система, сложные логистические маршруты которой капиллярно охватили

аграрный хинтерлянд Равенны – земледельческие округа древних муниципиев Экзархата, а также анклав архиепископских владений в округах северного Пентаполя. Все эти зоны были связаны с Равенной системой морских, речных и сухопутных коммуникаций. Эту модель до определенной степени воспроизводили и другие, в разной степени зависимые от архиепископии церковные собственники, в частности, монастыри, а также светская элита региона, арендующая у Церкви земельные владения и встраивающаяся в систему перераспределения рентных доходов.

В рамках этой вотчинной системы надельный сектор, представленный совокупностью зажиточных и в хозяйственном отношении самостоятельных крестьянских сообществ, активно занятых в колонизации территорий, и домен, обрабатываемый, скорее всего, рабами, были слабо интегрированы друг в друга. Образование надельного сектора, скорее всего, зависело от сотрудничества с наиболее зажиточными и инициативными группами поселенцев.

Вотчинная организация охватывала далеко не все отрасли производства и отличалась сильной региональной спецификой, в которой удельный вес главных слагаемых (домен, отработочные повинности) сильно варьировал вплоть до полного выведения хозяйства в наделы крестьян, что имело место в долине р. По. Кроме того, определенная (и немалая) часть патримония постоянно находилась в руках льготных земельных съемщиков, до некоторого времени довольствовавшихся доходами в виде доли продукта, получаемой от аренды готовых участков хозяйственной инфраструктуры.

К первой четверти X в. система пережила реорганизацию: барщина на землях Церкви, и без того выполнявшая вспомогательную роль, была свернута, а церковные рабы (*famuli*), занятые, скорее всего, в лесо-выпасных угодьях домена, на рубеже IX–X вв. получают землю и переводятся в разряд либелляриев. Разворачивание этой новой модели в X в. можно видеть во владениях архиепископской курии в округе города Римини. С середины – второй половины X в. церковный патримоний все более превращается в фонд «бенефициарных» земель, постепенно отчуждаемых в пользу знати на правах долгосрочной

эмфитевтической аренды. В эти переломные десятилетия архиепископия устраняется от прямых рентных отношений с производителями, все больше делегируя это право другим (церковным, монастырским и светским) землевладельцам. В качестве компенсации за утрату прямой связи с земледельцами в аграрном хинтерлянде региона Церковь начиная с первых десятилетий XI в. приступает к аграрной колонизации долины р. По, вводя в сельскохозяйственный оборот новые крупные земельные комплексы. Тем не менее, прямое управление многими земледельческими зонами Романьи севернее Римини, равно как и непосредственный контакт с населяющими их производителями, ко второй половине X в. был уже утрачен.

Разворачивающаяся борьба за ренту между архиепископами и родами светской знати вела к постепенному распаду этой некогда единой системы с появлением и вызреванием автономных владельческих структур. Несмотря на перелом, случившийся в 60-е гг. X в. и значительно сместивший баланс сил в пользу местной знати, вплоть до последних десятилетий X в. главным «полигоном» для образования светских вотчин-curtes служили земли, находившиеся в собственности знати и не связанные обязательствами перед Церковью. Но организация вотчинных хозяйств, пусть даже и в патримониях *pleno jure*, подрывала публично-правовые притязания Равеннской церкви и неизбежно провоцировала конфликты, по итогам которых имущества раз за разом отходили к Церкви. Тем не менее, процесс дезинтеграции и образования самостоятельных хозяйствующих ячеек на землях архиепископского домена был уже необратим.

Глава 5. Сельское население Романьи VIII–X вв.

§ 1. Вводные замечания. В этой главе освещаются вопросы крестьянского землевладения и землепользования, социальных категорий сельского населения, его семейной и общинной организации и основных организационных форм крестьянского производства. При изучении крестьянского населения Экзархата мы имеем дело с достаточно неоднородной в экономическом и социальном положении средой, в которой существуют разнообразные формы хозяйственной кооперации, а также заметное имущественное расслоение и отношения эксплуатации. Здесь, наряду с мелкими собственниками и льготными церковными арендаторами, близкими так называемым мелким вотчинникам, существуют и зависимые работники, а также рабы, а где-то между ними – неоднородная, возможно, не самая многочисленная прослойка сравнительно зажиточных держателей, сохранивших личную свободу и объединенных в общинные сообщества – консортерии. В этой связи изучение крестьянского населения требует тщательного отбора адекватных методик, поэтому изложение материала нужно предварить несколькими вводными замечаниями.

В советской (и не только советской) исторической науке было принято говорить о крестьянстве как одном из «общественно-экономических классов», а складывание в Западной Европе к IX–XI вв. «класса феодально-зависимых крестьян» никогда не ставилось под сомнение¹⁰⁰⁰. Но понятие «крестьянство» с точки зрения классового анализа попросту неверно, поскольку записывает в одну категорию самые разные типы трудящегося сельского населения¹⁰⁰¹. Классы мы определяем не через те или иные хозяйственные уклады, а через отношение к собственности на средства и условия производства, а также через контроль над производственным процессом. При внимательном изучении источников обнаруживаются разные формы хозяйственного использования работника и

¹⁰⁰⁰ Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956.

¹⁰⁰¹ Эту мысль хорошо сформулировал Р. Хилтон: «It might therefore be supposed that the definition of this class must be so broad as to be of little use as a tool of historical or social analysis» (Hilton R. Bond Men Made Free. Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. London, 2003. P. 24).

соединения его со средствами производства. В докапиталистических экономиках был широко известен постоянный и сезонный наемный труд (различные категории батраков, поденщиков, например, мистии в Византии или парамонарии в греко-римском Египте)¹⁰⁰². Древность и Средневековье знали и сельских работников, переведенных на «натуральную заработную плату» (например, издольщиков), и рабов, и тех, кого с некоторой долей условности можно назвать собственно крестьянами (рабов на пекулии, колонов, арендаторов, сервов, а также мелких трудовых собственников земли. Существовало также большое многообразие смешанных и переходных социальных форм.

Таким образом, картина феодально-зависимого крестьянства как класса на каждом этапе его развития неизбежно размывается. Поэтому я постараюсь ограничить понятие крестьянства описательной характеристикой. При этом нужно иметь в виду, что ни объем владельческих прав (вплоть до права собственности), ни даже факт ведения самостоятельного хозяйства (особенно в обществах с сильным фискальным аппаратом) не могут служить надежными критериями для определения материального благополучия работника, степени его эксплуатации и уровня эмансипации.

Владельцы и собственники земли могли интенсивнее эксплуатироваться государством¹⁰⁰³, а надел раба, традиционно считающийся признаком его возросшей эмансипации, мог на деле быть лишь «натуральной заработной платой», достаточной лишь для простого воспроизводства его семьи (и то не всегда). И даже при условии ведения традиционного крестьянского хозяйства циклы воспроизводства нередко невозможны без авансирования капитала, что неизбежно встраивало домохозяйство в рыночные, а также в иные социальные связи. Правда, нужно сделать оговорку, что для западноевропейского средневековья такие отношения все же не очень характерны: в крестьянских семьях оседала немалая часть прибавочного продукта, благодаря чему и стали

¹⁰⁰² Сюзюмов М. Я. О наемном труде в Византии // Ученые записки Уральского государственного университета. 1958. Вып. 25. С. 132–142.

¹⁰⁰³ Алаев Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 34–35.

возможными масштабные расчистки и военно-колониционные движения XI–XII вв.¹⁰⁰⁴

Обычно, говоря о крестьянине, имеется в виду мелкое индивидуально-семейное хозяйство, ориентированное на натурально-потребительское производство. Как показали полевые исследования антропологов, такие хозяйства характеризуются систематическим недопроизводством и недоиспользованием ресурсов, угодий и технических средств, а объем производства, в целом, низок относительно наличных хозяйственных и экологических возможностей¹⁰⁰⁵.

Долгое время считалось чуть ли не аксиомой, что для экономики средневековья хозяйственная инициатива работника была неким оптимумом, поскольку она основывалась на фактическом контроле сельского производителя над средствами и условиями производства. Это, в целом, верное наблюдение, тем не менее, преуменьшает роль крупного собственника, его возможности по организации производства и распределения природных ресурсов и рабочей силы.

Это связано с идеологическими предрассудками историографии XIX – начала XX вв., которая, постоянно оглядываясь на капиталистическую рациональность, недооценивала сложность средневековых хозяйственных систем. Современные исследования показали, что хозяйственные возможности крестьянских хозяйств чаще всего реализуются полностью лишь в более крупных, эксплуататорских по своей природе производственных системах¹⁰⁰⁶, мобилизующих и распределяющих трудовые ресурсы крестьянских сообществ. Попытки представить сельский мир в красках пасторальной идиллии, вполне благополучной, но вынужденно склоняющейся перед аппаратом принуждения, эксплуатации и разлагающего влияния рынка, достаточно наивны. В России такие взгляды долгое время питались романтизированными народническими представлениями о сельской общине. Изучение земледельческого населения

¹⁰⁰⁴ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 732–744.

¹⁰⁰⁵ Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М.; Екатеринбург, 2015. С. 163–182, в особенности с. 169; См. также: Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. С. 53–142.

¹⁰⁰⁶ Wickham C. Productive Forces and the Economic Logic of the Feudal Mode of Production // Historical Materialism. 2008. № 16. P. 12.

невозможно изолировать от изучения крупного хозяйства и отношений с собственником земли, поскольку крестьянство всегда является частью сложно стратифицированной общественной системы¹⁰⁰⁷.

Главным источником сведений о земледельческом населении Романьи и пограничных с нею областей являются либеллярные договоры аренды церковной земли. Сельское население Романьи было прямым наследником позднеимских колоннов, составлявших в IV–V вв. большинство производителей¹⁰⁰⁸. Это подтверждается антропонимическими данными (см. табл. № 15).

Нет оснований считать, что медленно возрастающая доля германских имен в именном фонде колоннов связана с притоком неиталийских поселенцев. Рост популярности таких антропонимов во 2-й пол. X в. наблюдается во всех слоях романьольского общества. Это связано, скорее всего, с повышением общественного престижа некоторых имен германского происхождения. Собственно же неиталийское население Экзархата состояло, главным образом, из выходцев из элит или промежуточных групп, проживавших в городских поселениях (см. Прил. № 1).

Таблица 17. Антропонимия сельского населения Экзархата

Период	Римские	Библейские	Германские	Греческие
700-900	37	17	3	4
900-950	15	8	2	6
950-1000	76	52	27	5

Антропонимия сельского населения Пентаполя

Период	Римские	Библейские	Германские	Греческие
700-900	17	6	11	2
900-1000	63	31	8	7

Антропонимия сельского населения паданской долины

¹⁰⁰⁷ Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 7.

¹⁰⁰⁸ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 197.

Период	Римские	Библейские	Германские	Греческие
700-950	22	20	4	3
950-1000	74	50	15	12

Реконструкция жизни земледельческого населения северо-восточной Италии VIII–XI вв. сопряжена с немалыми сложностями. Почти всегда мы вынуждены смотреть на крестьянское население глазами крупного собственника, пользуясь дошедшими до нас разнообразными хозяйственными документами. Но если ряд монастырей Франции, Германии и некоторых регионов Италии, в т.ч. соседней Эмилии, знал практику ведения инвентарных описей, то в Романье чиновники архиепископской курии лишь изредка прибегали к составлению т.н. бревиариев, восходящих к кадастровым реестрам римской эпохи и куда менее богатых на сведения о населении податных единиц.

Это существенно ограничивает возможности исследования. Кроме того, формуляр равеннских актов оставляет за кулисами сведения о половозрастной структуре семьи, брачных и родственных связях, межсемейных территориальных объединениях. Нам почти ничего не известно и о социально-психологическом облике крестьянина, о его включенности в широкую систему социальных связей и повседневного общения, о формах взаимодействия и типах коллективного действия разных социальных групп земледельческого населения.

Наконец, акты отражают далеко не все формы сельского производства, генетически восходящие к римским «колониям». В стороне остается организация труда среди немногочисленных лангобардских и славянских поселенцев. Но, пожалуй, самая большая трудность заключается в том, что специфика основного корпуса источников – либеллярных договоров долгосрочной аренды земли – такова, что мы, скорее всего, имеем дело лишь с малой частью гораздо более сложного и многообразного сельского мира. Источники лишь изредка, в порядке исключения, содержат данные о крестьянских собственниках (т.н. «агеллариях»), только втягивающихся в орбиту крупного землевладения, как и о рабах (*famuli*,

servi, ancillae) и лично зависимых сельскохозяйственных работников в церковных и светских имениях.

§ 2. Крестьянская аренда. Главным условием доступа крестьян к земле в нашем регионе являлась аренда, юридически существовавшая преимущественно (но не исключительно) в форме либеллярного договора. В то время как эмфитевтическая аренда стала правовой основой складывания крупного (в перспективе – феодального) землевладения, в форме либеллярного контракта в Романье получило фактическое выражение мелкое наследственное крестьянское держание. Указанные черты аграрных контрактов Романьи характерны именно для этого поствизантийского региона. На территории Римского дуката, другого бывшего византийского анклава, в X–XI вв. оба типа договора были доступны представителям широкой прослойки промежуточных групп и носили, таким образом, нетрудовой характер. Кроме того, в округе Рима гораздо сильнее была выражена отраслевая специализация сделок: здесь либеллярные контракты чаще всего оформляли аренду виноградников в пригородных зонах¹⁰⁰⁹.

Изучая либеллярную аренду, необходимо ясно различать в ней, с одной стороны, ее правовое измерение, особый характер юридической сделки, с другой стороны, ее природу как экономического отношения, выражающего определенные формы эксплуатации. Как и любой другой тип арендных отношений в Средние века, по форме и содержанию либелла была сложным явлением и скрывала большое многообразие производственных отношений и правовых ситуаций. Тем не менее, в конце IX – середине X вв. система либеллярных контрактов в регионе составляла правовую основу особого хозяйственного режима, являвшегося взаимовыгодным компромиссом между собственником (главным образом, архиепископией) и сельскими сообществами. Либеллярная аренда на архиепископских землях уверенно преобладает в равеннской документации конца IX – середины X вв., после чего ее роль неуклонно снижается, хотя либелла и не исчезает полностью. Связано это было с

¹⁰⁰⁹ Wickham C. Medieval Rome. P. 78–85.

изменением политики управления имуществами и перехватом локальных управленческих функций региональными элитами.

Историко-правовые штудии, пытающиеся нащупать родословную либеллярного контракта, обречены на вечное хождение по кругу. Генезису либеллярной аренды, действительно имеющей не вполне ясное происхождение, посвящена обширная литература, в которой можно встретить большое разнообразие мнений о юридической природе этого аграрного контракта¹⁰¹⁰. Согласно одной из точек зрения, либеллы являлись эволюцией позднеримских *precaria*. Генетическую связь либеллы с этим институтом усматривал, в частности, такой авторитетный исследователь, как С. Пивано. Высказывались и мнения о происхождении этого контракта непосредственно из эмфитевзиса. Это в частности, вслед за Н. А. Карышевым и А. Г. Муравьевым допускала Л. А. Котельникова¹⁰¹¹. На материале Романьи (а равным образом Венето и Ломбардии) подтвердить или опровергнуть эту гипотезу невозможно, потому что институт *precaria*, несмотря на типологическое сходство с либеллой, был совершенно неизвестен этой части Италии¹⁰¹². Но Л. М. Гартманн, отстаивавший идею

¹⁰¹⁰ См. *Schupfer F.* Precarie e livelli nei documenti e nelle leggi dell'alto medio evo // *Rivista italiana per le scienze giuridiche*. 1905. Vol. XL. Fasc. 1–3; *Pivano S.* Precarie e livelli. Torino, 1962; О социально-экономической природе либеллярного контракта см.: *Ghignoli A.* Note intorno all'origine di uno ius libellarium // *Archivio storico italiano*. 1998. № 577, Disp. III (luglio-settembre). 1998. P. 413–447. По предположению А. Гиньоли, основанному на определенной историографической традиции, в период с VIII по середину IX в. наблюдается известная семантическая двусмысленность (*anfibia semantica*): либеллярные договоры в лангобардских областях Северной Италии, по ее мнению, в этот период заключались как с крестьянами, так и с лицами, не принадлежащими к числу непосредственных производителей. Подобная двусмысленность продолжается, с ее точки зрения, и в период со второй половины IX в. Л. А. Котельникова на материале Северной и Средней Италии пришла к выводу, что либеллярные договоры до середины IX в. заключались с крестьянами (непосредственными производителями), в дальнейшем – с промежуточным слоем (зажиточными крестьянами и мелкими вотчинниками).

¹⁰¹¹ *Котельникова Л. А.* Итальянское крестьянство и город XI–XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1967. С. 187.

¹⁰¹² *Feller L.* Précaires et livelli: les transferts patrimoniaux ad tempus en Italie // *Les transferts patrimoniaux en Europe occidentale, VIIIe–Xe siècle (I)*. Actes de la table ronde de Rome (6, 7 et 8 mai 1999) / Ed. R. Le Jan. Rome, 1999. P. 725–726.

римского происхождения либеллярного договора, считал, что в Романье роль *precaria* – предшественника либеллы – играл сам эмфитевзис¹⁰¹³.

Другие гипотезы отрицают всякую связь либеллярного договора с римским правом. Такое мнение озвучила современная итальянская исследовательница А. Гиньоли¹⁰¹⁴. Действительно, в римское время термин «*libellus*» (греч. «*βιβλίον*») означал лишь письменное прошение к собственнику (*dominus*) о предоставлении имущества на тех или иных условиях, будь то *locatio*, эмфитевзис или *ius perpetuum* (до его слияния с *ius emphyteuticarium* в IV в.)¹⁰¹⁵.

В другом значении он мог обозначать земельные декларации или цензовые описи, например, в римском Египте (греч. *ἀπογραφή*). В описаниях владений св. Петра, оставленных Григорием Великим, редко использовался термин «эмфитевзис», а церковные арендаторы, снимавшие земли на двух основных условиях (*locatio* и более распространенный эмфитевзис), арендуют землю «*sub libellorum specie*»¹⁰¹⁶.

Рискну предположить, что, скорее всего, именно в этом значении термин *libellus* употребляется в самом раннем известном нам романьольском эмфитевтическом договоре, упомянутом в дарственной грамоте 639 г.¹⁰¹⁷, согласно которой Павлацис, воин Армянского нумера, уступает Равеннской церкви три унции имения *Terriaticus* и получает их обратно на условиях эмфитевзиса. В тексте говорится о двух экземплярах (*et facti sunt ex ips(is) tres uncias libelli enfiteutic[i]*), составленных писцом и врученных обоим контрагентам. Трактовка О. Р. Бородин, увидевшего здесь признаки смешения правовых норм, мне кажется ошибочной¹⁰¹⁸.

¹⁰¹³ *Hartmann L. M.* Bemerkungen zum Codex Bavarus.... S. 1–15. Кроме того, Гартман на основе юстинианова законодательства полагает, что оба типа контракта «... имеют свои корни в римском праве» (S. 5).

¹⁰¹⁴ *Ghignoli A.* Note intorno all'origine di uno ius libellarium. P. 413–447.

¹⁰¹⁵ *Pivano S.* Precarie e livelli. P. 159–168.

¹⁰¹⁶ *Greg. Reg.* IX. 78.

¹⁰¹⁷ *Marini*, № 95 = *Tjäder* 22.

¹⁰¹⁸ *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. С. 207.

По-своему интересен и акт 681 г.¹⁰¹⁹, где речь идет о нетрудовой аренде представителями военной верхушки (префектом и магистром армии) нескольких *casalia*, заключенной на 19 лет на условии денежной ренты на правах *locatio*, где арендодателем выступает Аквилейская церковь. Здесь следует видеть, скорее, эмфитевзис, составленный в форме «*hos libellos a nobis factos*». В этом же (техническом) смысле термин *libellus (petitionis)*, синонимичный *cartula petitionis*, употребляется и в некоторых равеннских контрактах поствизантийского времени¹⁰²⁰.

Оставляя вопрос о правовой генеалогии либеллярного контракта открытым, перейдем к более существенному вопросу о причинах распространения такого типа арендных отношений в изучаемой области Италии. Для этого необходимо для начала установить верхнюю хронологическую границу распространения либеллярного договора в Романье.

Первый контракт этого типа достоверно датируется 783 г. Несмотря на то, что он был составлен табеллионом из Имолы, его формуляр, если не считать некоторые откровенно архаичные обороты («*locare cummiterequae*», «*quemque tangit et populum*» и др.¹⁰²¹), уже соответствовал типичной церковной либелле IX–XI вв., в частности, трем наиболее древним актам, датируемым 870–872 гг. Следовательно, этот тип договора был знаком равеннскому делопроизводству как минимум в конце VIII в. Используемые в формуляре грамоты выражения «*duobus livellus pari tenure conscriptus*», «*hos livellos*», «*pagina livellorum nostrorum*» отражают старое словоупотребление термина *libellus*, живо напоминающее выражения из процитированной выше грамоты от 681 г., однако нет никаких сомнений, что перед нами – полноценный юридический акт *livellario nomine*,

¹⁰¹⁹ Fantuzzi 1804, № 98 (a. 681): *Unde si placet hec oblatione libellorum nostrorum unum a duobus libellis pari tenore prescriptis manu vestra subscriptis suscipere dignemini.*

¹⁰²⁰ Fantuzzi 1801, № 45 (a. 970): *Laurencius suprascripto libello petitionis rogatus me testes ss. Johannes nominato livello petitionis rogatus me testes ss. Filio Johannis vic chartule petitionis ad omnia sicut supra legitur rogatus me testes ss.*

¹⁰²¹ Последнее выражение, восходящее к III в., времени существования муниципальной собственности, встречается и в равеннских папирусах VI в. (Marini, № 114), однако изредка его можно встретить и в актах IX и X в. (Muzzioli, № 11, 14, 21, 23, etc).

формуляр которого будут впоследствии воспроизводить десятки контрактов до XII в. включительно.

В пользу местного происхождения этого контракта говорит и тот факт, что в некоторых арендах норма обложения населения отсылает к местному обычаю («*secundum consuetudinem et usum ipsius loci*»)¹⁰²². Тем не менее, временем массового распространения в Экзархате либеллярной аренды следует считать 70–80-е гг. IX в. (начиная с 870 г.), а в Пентаполях (в частности, в районе Озимо) – 40–50-е гг. IX в. (правление архиепископа Деуседита), однако, как мы успеем убедиться, из-за высокой доли перезаключений договоров (до 47% в 700–900 гг.), этот тип аренды восходит к более раннему времени. Еще жители Истрии 804 г., как следует из «*Placitum de Rizano*», хорошо различали либеллярную и эмфитевтическую аренду¹⁰²³. Наконец, из постановлений синода 861–862 гг. нам известно, что Равеннская церковь уже тогда активно использовала в своих владениях этот тип аренды¹⁰²⁴.

Эти данные заставляют поднять вопрос о причинах массового распространения либеллярного договора начиная с середины – 2-й половины IX в. Известно, что в Северной Италии и Тоскане либеллярные контракты широко распространялись начиная с первого десятилетия IX в.¹⁰²⁵ Как полагают некоторые исследователи, это было связано с кризисом мелкой и средней крестьянской собственности¹⁰²⁶ и вовлечением земледельцев в орбиту крупного

¹⁰²² См. BER, № 53, 149–151; Benericetti 2002a, № 214 (a. 980), etc.

¹⁰²³ *Placitum de Rizano* // *Kandler P.* Codice diplomatico Istriano. Vol. 1. Trieste, 1850. № 54 (a. 804). P. 112: III Capitulo quaecumque chartulae emphitheoses, aut libellario jure, vel non dolosae commutationes nunquam ab antiquum tempus corrupta fuerunt, ita, ut nunc fiunt. Отсюда, кстати, следует, что *ius libellario* был знаком землевладельцам Истрии много раньше 804 г., и восходит, вне всяких сомнений, к византийским временам.

¹⁰²⁴ *Nicolae I papae epistolae* / Ed. E. Perels. Berlin, 1925 (MGH Epp., 4). Nr. 105 (a. 861–862). P. 614: *Praedia, quae praeceptis disruptis a iure sancti Petri ad ius sancti Apolenaris transtulisti et per enfiteosi sive libellos ea singulis hominibus contulisti.*

¹⁰²⁵ *Fumagalli V.* Introduzione del feudalesimo e sviluppo dell'economia curtense nell'Italia settentrionale // *Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (Xe–XIIIe siècles)*. Actes du colloque de Rome (10–13 octobre 1978). Roma, 1980. P. 319.

¹⁰²⁶ См. об этом в первую очередь: *Andreolli B.* Per una semantica storica dello «*ius libellarium*» nell'alto e nel pieno Medioevo // *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. 1980–1981. Vol. 89. P. 170–177; *Andreolli B., Montanari M.* L'azienda curtense in Italia. Proprietà della terra e lavoro contadino nei secoli VIII–XI. Bologna, 1983.

землевладения. Это объяснение едва ли можно экстраполировать на Романью, где мелкая крестьянская собственность всегда была маргинальным явлением. Высказываются мнения и о влиянии лангобардских регионов¹⁰²⁷, но и эта интерпретация, в свою очередь, не снимает вопроса о причинах появления и распространения такого типа арендных отношений.

Как уже говорилось в предыдущей главе, распространение на землях Церкви аренды *libellario nomine*, вероятно, поощрялось церковной администрацией, вынужденной перейти к интенсивному освоению земель и угодий в Романье и Марке из-за утраты экономически значимых сицилийских имений по итогам арабского завоевания острова, начавшегося в 827 г. Причина выбора именно этой формы аренды в том, что в сложившейся хозяйственной конъюнктуре она оказалась оптимальной для каждой из сторон. В условиях депопуляции и острого дефицита рабочей силы Церковь, нуждавшаяся в рабочих руках для восстановления доходности своих владений, не могла ужесточать условия доступа к своему земельному фонду. В свою очередь, прямое сотрудничество с Церковью, не опосредованное алчными крупными арендаторами (*conductores*), гарантировало семьям и сообществам поселенцев хозяйственную автономию, сносные условия существования, определенный общественный статус и минимальное обеспечение владельческих прав на землю.

Существенная особенность равеннской либеллярной аренды 700–1000 гг., отличающая ее от эфитевтического владения, заключается в ее преимущественно экономическом характере. Он проявляется в следующих характеристиках. Во-первых, в отличие от эфитевзисов, в большинстве случаев речь идет о сравнительно небольших размерах арендуемых земель: унциях, парцеллах (*sortes et porciones*) или пещиях (*peciae*) от тех или иных имений. Во-вторых, географически арендуемые колонами имущества располагались более компактно. Все это соответствовало трудовым возможностям отдельных крестьянских семей или многосемейных коллективов. Л. М. Гартман справедливо называет таких арендаторов *Kleinpächter* – мелкими съемщиками. К этому можно

¹⁰²⁷ *Castagnetti A. Arimanni in «Romania» fra conti e signori. Verona, 1988. P. 17.*

добавить еще одно соображение. Несмотря на формальные запреты отчуждения арендованной земли в пользу третьих лиц¹⁰²⁸, они повсеместно игнорировались. Помимо перераспределений в рамках родственных групп и совладельцев-соседей – контрагентов коллективных либеллярных договоров¹⁰²⁹, которые иногда допускались условиями контрактов такого рода¹⁰³⁰, земля продавалась и покупалась даже лицами, совсем недавно бывшими рабами (*famuli*). Фактически, церковь была заинтересована лишь в непрерывности поступления натуральной ренты (*iusticia*) с земель, проявляя слабый интерес к конкретным обстоятельствам смены держателей, которые были регулярными. Обращает на себя внимание и отсутствие приоритета в наследовании земли.

Общей чертой большинства либеллярных контрактов являлось преобладание натуральной ренты в виде фиксированной доли урожая, главным образом, зерновых культур, льна и вина (т.е. *терраж*, *terraticum*), некоторых платежей с придомных хозяйств и угодий (*exenium*, *glandaticum*, *herbaticum*) и сравнительно небольшого числа отработочных повинностей (*operas*). Понимание связи договора с уплатой продуктового чинша сохранялось на всем протяжении VIII–XII вв. Например, дарственная 1060 г. в пользу одного из монастырей разрешает реципиенту сдавать новоприобретенное имущество в либеллярную аренду «*ad fruges reddendum*»¹⁰³¹.

Тем не менее, либеллярная аренда земель церквей, монастырских корпораций и некоторых светских собственников часто предполагала уплату *calciarium*, денежный взнос, размер которого, правда, был скромнее сумм,

¹⁰²⁸ Benericetti 1999, № 7 (a. 907): *non habemus licentiam nos suprascripti colonos hunc libellum aut suprascriptas res alicui homini dare vel vendere seu transferre aut oponere vel commutuare per nullum ingenium vel argumentum.*

¹⁰²⁹ Muzzioli, № 44 (a. 991).

¹⁰³⁰ Benericetti 2002, № 137 (a. 968): *et non habeamus licentiam nos suprascripti colonis hunc libellum aut suprascripta res alicui homini dare vel vendere seu transferre aut oponere vel commutuare aut in alio venerabili loco relinque[re] per nullum inge[ni]um vel argumentum, nisi inter nos petitores; 155 (a. 971); Benericetti 2002a, № 259 (a. 993); CDP, № 12 (a. 976); nisi inter nos fraters et consortes; Benericetti 2002a, № 195 (a. 977), 210 (a. 979), 212 (a. 979), 232 (a. 984).*

¹⁰³¹ Fantuzzi 1801, № 110 (a. 1060): *nisi tantummodo per enfiteusim aut per pactum renovare sive per libellum ad fruges reddendum, etc.*

уплачиваемых эмфитевтами¹⁰³². Присутствие *calciarium* приближает романьольскую либеллу к общеитальянскому типу: в ряде других областей Северной и Средней Италии этот взнос был распространен под названием *libellaticum*¹⁰³³. В каких-то случаях он мог являться даже необходимым условием перезаключения договора: это, в частности, прямо оговорено в контракте 870 г. из Феррары¹⁰³⁴.

Наконец, характерной чертой большинства либелл были фиксированные сроки: как правило, это 29 лет: срок, некогда сознательно выбранный для обхода нормы права, согласно которой крестьянин, обрабатывавший землю в течение 30 лет, приобретал на нее права. Едва ли современники понимали юридические истоки этого условия. В некоторых либеллах и пактах XI в. земля сдается уже на 30-летний срок¹⁰³⁵. В редких случаях нельготный контракт мог заключаться на три поколения арендаторов¹⁰³⁶, а то и на 69 лет¹⁰³⁷.

Небольшая часть документов фиксируют продление аренды: само условие «*ad renovandum*» по истечении фиксированного 29-летнего срока содержится в большинстве договоров. В либелле 984 г. из округа Форлиμποполи допускается, что арендаторы вправе не только продлить срок договора по своему желанию, но и разорвать его раньше времени без всяких для себя последствий¹⁰³⁸. По приблизительным подсчетам М. Монтанари, такой тип сделок составлял от 1/3 до

¹⁰³² В тех случаях, когда он уплачивался непосредственно деньгами, его размер, как правило, колебался от 4 до 6 солидов. Benericetti 2002a, № 208 (a. 979): *d(e) bonos d(e)n(areos) solidos sex*. См. также: Muzzioli, № 15 (a. 957); 25 (a. 975); 27 (a. 975); 38 (a. 981); 39 (a. 982).

¹⁰³³ Pivano S. I contratti agrari... P. 188–198.

¹⁰³⁴ Benericetti 2006, № 25 (a. 870): *et post vero viginti et nove(m) annos completo salvo calciario domnico dandu(m) livell(um) renoventur*.

¹⁰³⁵ Fantuzzi 1801, № 113 (a. 1069): *habendum tenendum cultandum laborandum propaginandum defensandum et in omnibus meliorandum in annis advenientibus triginta ad renovandum*.

¹⁰³⁶ Benericetti 1999, № 23 (a. 912): *Uti nobis Dominic(us) et Hildeprando et Laurentja necnon Savina sueu filiis et nepotib(us) n(ost)ris t(an)t(um) libel(ario) nom(ine) concedistis nobis etc.* Benericetti 1999, № 61 (a. 948): *Uti nobis Iohannes et Urso germ(ani) seu filiis et nepotib(us) vestris libell(ario) nom(ine) concedim(us) vob(is) etc.*; Muzzioli, № 20 (a. 960).

¹⁰³⁷ Benericetti 1999, № 49 (a. 943): *et in anis [...] nis avenientib(us) nu(me)r(o) sexxinta et nove a renovandum*.

¹⁰³⁸ Benericetti 2002a, № 233 (a. 984): *et si antea quocu(m)q(ue) tempore ea(m) dimitere vol(u)erimus, licentja(m) abeam(us) eam dimitendi absq(ue) om(n)I calu(m)nie*.

1/5 всех аграрных контрактов (в зависимости от периода). Я приведу более детализированные сведения по архиепископским имениям.

Таблица 18. Динамика пролонгаций либеллярных договоров

Период	Количество контрактов	Количество и доля перезаключений
700-900	18	8 (47%)
900-952	40	14 (35%)
952-1000	41	17 (41%)

Наконец, последний, самый важный вопрос. В какой мере «либеллярии» (термин условный, в наших источниках не встречающийся) совпадают с трудовым земледельческим населением? В условиях унификации формуляра либеллярного договора¹⁰³⁹ и отсутствия в романо-византийских актах особой социально-правовой категории «либелляриев» единственным возможным способом классификации является пресловутый социально-экономический критерий.

Можно сказать, что на территории поствизантийской Восточной Италии в VIII–XI вв. существовало два типа либеллярного контракта: 1) нельготная аренда, заключавшаяся, в основном, с непосредственными производителями (колонами) на условиях натуральной (и, реже, нельготной денежной¹⁰⁴⁰) ренты, и 2) льготная либелла, заключавшаяся, главным образом, с представителями некрестьянского населения: знати, сельской элиты, духовенства и городской верхушки, на условиях уплаты льготной денежной или небольшой фиксированной натуральной ренты, выраженной в абсолютных величинах: модиях, секстариях, квартариях (для сыпучих и некоторых жидких тел, например, оливкового масла), амфорах, *bicungio* (вероятно, близкое к *bichetus* – мере для жидких тел) и т.д. В ряде случаев по своему фактическому содержанию (а иногда и формуляру) такие

¹⁰³⁹ Подробнее о формуляре либеллярного контракта см.: *Corporis chartarum Italiae specimen* / Ed. L. M. Hartmann. Roma, 1902. P. 10–13.

¹⁰⁴⁰ В таких случаях речь идет, в первую очередь, об аренде рыболовных угодий в долине реки По, где церковь была заинтересована, в первую очередь, в доле с продажи улова. См. *Venericetti 2002a*, № 195 (а. 977): здесь группа колонов, арендующая *piscaria*, уплачивает сравнительно высокую сумму в 20 денариев. См. также *Venericetti 2002a*, № 263 (а. 995): в этом случае арендаторы, получив в распоряжение *gurta*, платят аналогичную сумму в 20 денариев.

льготные аренды приближались к эмфитевтическому типу¹⁰⁴¹. Предложенная мной классификация никоим образом не является исчерпывающей. В самом деле, не всегда и не везде либеллярная аренда, заключаемая с представителями промежуточных групп, могла носить льготный характер, хотя, несомненно, значительная часть повинностей ложилась на плечи субарендаторов, зависимых или наемных работников (*homines*), а съемщики могли быть, в порядке исключения, избавлены от уплаты некоторых платежей (главным образом, *exenium*, *glandaticum*, *herbaticum*), которые подчеркивали их приниженный статус¹⁰⁴². Кроме того, размеры и качество арендуемых земель могли допускать льготы и для производителей-колонов (см. таблицу № 19).

Таблица 19. Льготная трудовая аренда земли колонами

Дата	Округ	Статус	Размер	Рента
899	Форли	Колон	4 скрупулы (2/228) f.	2 квартария зерна, 1 <i>bicungio</i> вина
967	Форли	Колон	1/12 <i>casale</i> , 1/12 f.	1 модий зерна, 1 амфора вина
968	Форли	Колон	<i>Sortes et porciones in 2 f.</i> , 1 <i>пеция (clausura)</i>	1 модий зерна, 1 амфора вина

В гораздо большей степени распространены льготы, связанные с корчевками или введением в сельскохозяйственный оборот новых земель, в особенности, под виноградники; как правило, в последнем случае взимается меньшая доля вина¹⁰⁴³. Например, колоны округа Феррары, пожелавшие

¹⁰⁴¹ См. *Benericetti* 1999, № 24 (а. 914). Либеллярная аренда Родульфом 5 пеций земли размером 50 торнатур и островка с мельницей предполагает, помимо денежной ренты, пожизненно-наследственный срок аренды (распространяющийся на его будущую супругу и детей от первого брака), что приближает условия аренды к эмфитевтическому типу. В аренде земли консулом с сыном в 896 г. (*Benericetti* 2006, № 51) отсутствует характерное для либеллы условие сдачи имущества в аренду на 29 лет. Вместо этого оговорено, что в права арендатора вступают и дети сына консула (*seu filiis nostris*). В документе *Muzzioli*, № 20 (а. 960) имущество также сдается нетрудовым арендаторам на три поколения.

¹⁰⁴² *Benericetti* 1999, № 4 (а. 905); *Benericetti* 2002a, № 202 (а. 977); 214 (а. 980). Контрпримеров, впрочем, также достаточно. См.: *Benericetti* 1999, № 59 (а. 948); *Muzzioli*, № 27 (а. 975); *Benericetti* 2002a, № 216 (а. 980).

¹⁰⁴³ См.: *Muzzioli*, № 3 (а. 911); *Benericetti* 1999, № 4 (а. 905); 7 (а. 907), 8 (а. 907), 49 (а. 943), 53 (а. 944), 72 (а. 957), *Federici*, № 13 (а. 1000), 15 (X–XI вв.), 16 (а. 1005), etc.

осваивать новь (*ronco facere*), на три года освобождались от податей, а высаженный виноградник не облагался рентой в течение девяти лет¹⁰⁴⁴.

Таким образом, важно определить, носила ли аренда трудовой характер. На первый взгляд кажется, что в большинстве случаев арендаторы, заключавшие либеллярный контракт на нелюбимых условиях (а таких договоров, напомню, подавляющее большинство), были непосредственными производителями. Как правило, объектом аренды становились парцеллы (*sortes et porciones*) от отдельных *fundi*, что, как я уже сказал, было адекватно трудовым возможностям арендаторов. Во многих случаях съемщики сами называли себя «колонами» (*coloni*). Убедительным доводом являются и формулы перезаключения аренды¹⁰⁴⁵, где содержатся глаголы *laborare* и *colonicare*, как будто бы не оставляющие сомнений в том, что арендаторы сами обрабатывали предоставленную им землю.

Лишь в тех случаях, когда либеллярный контракт заключается на льготных условиях с представителями некрестьянского населения, он полностью утрачивал свой чисто экономический характер, приближаясь к эмфитевтическому владению, в связи с чем оказывался, в свою очередь, приемлемым средством формирования вассальных связей в среде крупной франкской аристократии. Хорошим примером может служить знатный франк Адам, *inlustris vir*, арендующий у графини Ингельрады *monasterium* с принадлежащими ему землями и угодьями за льготную ренту в шесть денариев¹⁰⁴⁶. Как видим из таблицы, таких примеров сравнительно мало.

Таблица 20. Либеллярная аренда представители сельских элит, промежуточных групп и некрестьянского населения на землях Равеннской церкви

Дата	Округ	Статус	Размер аренды	Рента
------	-------	--------	---------------	-------

¹⁰⁴⁴ Benericetti 2002, № 155 (a. 971): *Et si vinea pastenaverimus fruer eam debeamus annos novem postea vero redder debeamus sicut de cetera vinea. Et si ronco fecerimus fruer eum debeamus annis tribus, in quarto anno dare debeamus terraticum sicut de alia terra.*

¹⁰⁴⁵ Benericetti 2006, № 32 (a. 880): *ad manibus nostris tenere et laborare visi sumus*; Benericetti 2006, № 40 (a. 891): *sortes et porciones quantascumque nobis admodum ad nostris manibus tenere et colonicare visi sumus etc.* Benericetti 2006, № 41 (a. 891): *sortes et porciones quas a manibus nostris tenere et laborare videmur ex corpora mas[se Mer]olarie, etc.*

¹⁰⁴⁶ Benericetti 1999, № 15 (a. 909). См. также Benericetti 2006, № 51–52 (a. 896) = Muzzioli, № 1 (a. 896); Benericetti 1999, № 17 (a. 910).

880	Болонья	Вилик	3/12 Salto Colo	Долевая натуральная
896	Фаэнца	Консул	6/12 loco Campetella	4 денария
905	Римини	Священник, торговец и 2 чел.	Terra sacionale	Долевая натуральная
914	Чезена	Колон (?)	5 печей размером 50 торнатур, остров с мельницей	2 тремисса; 20-й модий с помола
919	Феррара	Диакон	Res в f. Tamara	Льготная натуральная; 3 денария в счет вина
945	Губбио	Семья колонов (?) ¹⁰⁴⁷	10 модиев пахотной земли и 20 модев нераспаханной площади в 2-х fundi	12 денариев
948	Форли	Знатный алеманн	Res в loco Domnicalia	Долевая натуральная
956- 957	Сенигаллия	Нобили	Massa	4 безанта = 20 солидов 2 секстария оливкового масла
960	Фаэнца/ Имола	1 супр. пара и 1 одинокый ар-р	Omnes sortes et porciones in 3 f.	3 денария
971	Монте- фельтро	1 супр. пара	Omnes sortes et porciones in 2 f.	1 денарий
975	Фаэнца	Сапожник	Omnes sortes et porciones in 1 f.	Долевая натуральная
977	Сенигаллия	Вилики	¼ fundus	Долевая натуральная
980	Сенигаллия	Архипресвитер	Приход	Долевая натуральная
980	Вогенца	Архипресвитер	Sortes et portiones	Долевая натуральная

В заключение я коротко остановлюсь на проблеме смешения юридических норм эмфитевтического и либеллярного контракта, на которую обратил внимание О. Р. Бородин, правда, несколько преувеличив масштабы явления¹⁰⁴⁸. При отсутствии универсальной нормы или какой-либо унификации, а также ввиду особенностей каждого конкретного держания, либеллярные контракты могут включать условия, типичные для эмфитевтических аренд. Встречаются гибридные либеллы, включающие эмфитевтические клаузулы или допускающие серьезные отклонения от классического формуляра. Такие аренды имели

¹⁰⁴⁷ Статус этих съемщиков остается дискуссионным. Benericetti 1999, № 55 (а. 945): Iohannes filio Petrus dativus in hac petitionem a me facta consensi et subscripsi. Signum manus suprascripto Georgius – filio suprascripto Petrus dativus – pro me et uxore mea Ingelberga atque et Iohannes petitores.

¹⁰⁴⁸ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 207. Думается, что автора ввел в заблуждение термин *libellus* в его первоначальном значении письменного документа, использовавшимся как в византийскую эпоху, так и в позднейшее время. Подробнее об этом см. Pivano S. I contratti agrari... P. 159–168.

нетрудовую природу¹⁰⁴⁹. Вместе с тем ряд условий, свойственных эмфитевзису, могут содержать и трудовые контракты¹⁰⁵⁰. По внутренней структуре к эмфитевзису приближались и либеллярные аренды городских имуществ Равенны, предполагавшие денежную ренту, хотя в некоторых случаях съемщиками выступали здесь люди незнатного статуса и не принадлежащие к престижным профессиональным корпорациям¹⁰⁵¹. Однако источники свидетельствуют, что это не было магистральной линией ни в юридическом, ни в социально-экономическом развитии равеннского аграрного контракта. Кроме того, приближение эмфитевзиса к либеллярному договору было невозможным.

Характер либеллярного держания. В актовом материале мы практически не встречаем терминов, которые могли бы с той или иной стороны охарактеризовать крестьянское хозяйство. Мы ничего не знаем и о физическом облике домохозяйств и поселений раннесредневековой Романьи. По данным археологии, они строились из дерева, материала не слишком долговечного, а некоторые жилища, ввиду разворачивавшейся в IX–X вв. в регионе аграрной колонизации, могли иметь временный или сезонный характер.

Пожалуй, единственным специфическим поселением хуторского типа, различаемым равеннскими актами, была *tumba* – жилой комплекс, возведенный на естественном или искусственном возвышении во влажной или заболоченной местности¹⁰⁵². Сам термин, возможно, восходит к греческому *túmbos* в значении «холм-захоронение». Дю Канж переводит его как *villa* и *casa* одновременно. В

¹⁰⁴⁹ Характерные примеры: Venericetti 2002, № 93 (а. 956–957). Здесь обращает на себя внимание, помимо всего прочего, 35-летний срок аренды; Venericetti 2002, № 110 (а. 963): в тексте документа, составлено по эмфитевтическому формуляру, договор прямо назван эмфитевзисом (*enfiteusin*); Venericetti 2002a, № 202 (а. 977).

¹⁰⁵⁰ Venericetti 1999, № 11 (а. 908); 55 (а. 945).

¹⁰⁵¹ *Ibidem*, № 65 (а. 949); Venericetti 2002, № 126 (а. 967). С другой стороны, лица незнатного статуса, например, славянка Мария, *simplex femina* (Venericetti 1999, № 52), могли рассчитывать и на эмфитевтическую аренду недвижимости.

¹⁰⁵² *Tumba* могла подразумевать и земельный надел, о чем говорят выражения вроде «*tumba cum edificio supra se*». См. Ronchini 2010, № 101 (а. 1025); Federici, № 46 (а. 1114). Несомненная связь с жилищем прослеживается в актах не ранее XIII–XIV вв. Fantuzzi 1802a, № 108 (а. 1316): *actum in Villa Altire districtus Rav. in domo seu tumba d. domini Lamberti posita in d. Villa.*

источниках *tumba* встречается редко¹⁰⁵³, чаще всего в болотистых долинах близ Болоньи, на западной границе Романьи, и в заболоченных низинах Червии на Адриатическом побережье, где Церковь и частные лица активно добывали соль¹⁰⁵⁴. Здесь, скорее всего, *tumba* была специализированным поселением соледобытчиков: в грамотах XI–XII вв. бытует выражение «*salina... et tumba in capite suo*».

Тем не менее, мы знаем о наличии жилищ (*mansio*, *ateguo*, *abitaculo*, *casime*), пахотных земель и виноградников, придомных хозяйств, гумна (*agio*), огородов и лугов. Бедность на детали – особенность равенских крестьянских арендных документов. Их лангобардские и франкские аналоги насыщены более проработанной терминологией: *massaricia*, *colonicia*, *sors*, *mansus...*¹⁰⁵⁵ Все эти термины, за исключением, разве что, *massaricia*, всплывшим лишь в конце X в. в одном акте из округа Феррары¹⁰⁵⁶, периодически встречаются и в наших документах. Другой вопрос, что их семантика, как мы еще успеем убедиться, не позволяет безоговорочно отождествлять их с крестьянскими держаниями как семейными хозяйствующими единицами.

Не исключено, конечно, что это связано со стойким урбаноцентризмом в мышлении и профессиональной культуре нотариев и табеллионов Равенны, а также с культурно-психологическими особенностями их клиентов из числа итало-византийской знати, которые, предпочитая проживать в городах, уделяли мало внимания сельской округе. Там многие из них лишь арендовали земельные

¹⁰⁵³ Benericetti 2002, № 160 (a. 972, Червия): *ab uno latere tumba qui fuit de Petrus de Cantiniano, ab alio latere tumba de Leo de Martino, seu a tercio latere fossato publico, atque a quarto latere tumba quem detinet Vitalis de Romano*; 167 (a. 972, Болонья): *cum terris, campis, pratis, silvis... padulibus, fossis et tumbis seu missionibus*; Benericetti 2002a, № 263 (a. 995): *seu a tercio latere missione de Peregrino, a quarto latere tumba de Sancte Marie*.

¹⁰⁵⁴ Fantuzzi 1802b, № 36 (a. 1073): *palude qui vocatur Tumba*; Fantuzzi 1802a, № 10 (a. 1056): *idest tumba huna [...]bis cooperta cum ingress et egress suo et cum omnibus sibi pertinentibus situs in laco padule Ficoclenensis in padule qui vocatur majore*.

¹⁰⁵⁵ Castagnetti A. *Le strutture fondiarie et agrarie...* P. 59.

¹⁰⁵⁶ CDP, № 22 (a. 998): *idest tota et integrum medietatem desuper totum fundo qui vocatu Tussini cum duabus monasteriis supra se abente et sunt nominate Desiderius et Iulius massaricia Leo presbiter qui vocatur de Laugignano*. Массарии (*mas(s)arii*) как категория зависимых производителей не получили распространения на землях Романьи: считанные акты, в которых они упоминаются, приходятся исключительно на округ Феррары. См. Benericetti 1999, № 70 (a. 952): *Leo massario*; CDP, № 16 (a. 986): *Inganna massaria*.

площади, сдавая их обратно крестьянам и особо не вмешиваясь в производственный процесс.

Без сомнения, сказывалась и инерция традиции, заложенная кадастровым землеустройством и отразившаяся на косном делопроизводственном формуляре. В соответствии с ним границы объектов почти всегда описывались по соседним *fundi* безотносительно их текущего владельца. Любопытно, что связь лангобардских и франкских поселенцев с землей имела более личный характер. Этим, в частности, можно объяснить, почему в актах аренды земель представителями франко-лангобардских элит арендаторы предпочитали указывать границы их новоприобретенных участков не по *fundi*, а по наделам или участкам соседей, названных по именам¹⁰⁵⁷. Но все эти соображения не снимают остроты поставленного вопроса, выходящего далеко за рамки простого доверия или недоверия к лексике источника. Отсутствие полноценного крестьянского надела настоятельно требует своего объяснения.

Как мы уже знаем, арендуемые участки в грамотах чаще всего именовались обобщенными терминами *sortes* и *porciones*, а также более пециями (*pecie*), однако семантически они не были тождественны наделу с домохозяйством ввиду отсутствия компактности крестьянского держания. Крестьяне могли арендовать парцеллы от разных, в том числе, не граничащих друг с другом, земельных объектов, будь то *fundi*, *loci* или *casalia*. Например, в 944 г. две супружеские пары колонов арендуют *sortes* и *terra sacionale*, расположенные «в разных местах» («*per singulis locis*») в *massa Maratjana*¹⁰⁵⁸. Точно так же располагавшиеся на арендуемых парцеллах жилые и хозяйственные постройки (*ateguum*, *edificium*, *casa*, *mansio*¹⁰⁵⁹, *vasa* (амбар)¹⁰⁶⁰, *tumba*, *capanna*¹⁰⁶¹, наконец, в паданской долине –

¹⁰⁵⁷ Benericetti 2002, № 125 (a. 966), 133 (a. 967); BER, № 109, 113.

¹⁰⁵⁸ Benericetti 1999, № 53 (a. 944).

¹⁰⁵⁹ Federici, № 7 (a. 982–983): *pro mansione area et orto et prato*.

¹⁰⁶⁰ Benericetti 2002, № 172 (a. 972): *reservatum omnem terraticum in casas et in vasis nostris usque dum venerit missus domnicus ad tollendum*.

¹⁰⁶¹ CDP, № 10 (a. 970): *verum etiam cum medietatem in integrum de tumbis et de capannis et de ateguis inibi possitis cum campis suis*.

casale) не синонимичны домохозяйству как единой социальной, юридической и экономической ячейке.

Публично-правовые акты, такие, как императорские капитулярии, ограничиваются лишь наиболее общими и откровенно архаичными терминами, например, «колониками» (*coloniae*)¹⁰⁶². В частных грамотах колоники встречаются исключительно редко¹⁰⁶³. *Mansio* (или *mansione*) обычно обозначал лишь крестьянское жилище¹⁰⁶⁴. Созвучный ему франкский термин «манс», чуждый документации Равенны, с трудом пробивал себе дорогу на протяжении X в.¹⁰⁶⁵ Влияние этой традиции проявляется, например, в эмфитевзисе 911 г., текст которого дублирует формулу дарственной грамоты того же года, но с заменой выражения «*domnicatum vel colonicatum*» на «*mansiones*»¹⁰⁶⁶. Другой пример – эмфитевзис 997 г., согласно которому некий Геркенфред арендует десять *masons* в церковном *corte*¹⁰⁶⁷. Германское происхождение этих арендаторов, видимо, сыграло решающую роль в использовании терминов именно в этом значении.

Бесспорное соответствие *mansus* земельному наделу мы встречаем лишь в актах начала XI в., например, в эмфитевзисе 1003 г., где в числе прочего арендуется *mansum* в составе *fundus*, который обрабатывает некий Петр¹⁰⁶⁸, или в либелле 1010 г., где объектом аренды становится *manso* в составе *fundus Revitta Maiore* со всеми угодьями (пахотными землями, виноградниками, лесами, лугами

¹⁰⁶² *Capitularia regum Francorum*. Т. 2 / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897 (MGH Capit., 2). Nr. 230. P. 123–126; О колониках в вотчинном землевладении Прованса см.: Филиппов И. С. Церковная вотчина в Провансе начала IX в. // СВ. 1980. Вып. 43. С. 197.

¹⁰⁶³ Benericetti 2002a, № 230 (a. 971–983): *cum vineis, terris et cum colonicia que fuit de condam Andrea in fundo Cerno, cum campis, pratis, pascuis, silvis, salectis, sacionalibus et cum omnibus sibi pertinentibus.*

¹⁰⁶⁴ Benericetti 1999, № 45 (a. 940): *et vilicum seu et ministeriale [suscipere debe]amus in mansione nostra.*

¹⁰⁶⁵ Термин закрепился в топонимии не ранее 1-й четверти XI в. Benericetti 2011, № 561 (a. 1013): *in duobus fundis quorum vocabula sunt Due Masine de Vangaditia.*

¹⁰⁶⁶ *Ibidem*, № 20 (a. 911).

¹⁰⁶⁷ Benericetti 2002a, № 269 (a. 997): *concedistis mihi similiter ... masons decem in corte vestra de Aureliaco.*

¹⁰⁶⁸ Benericetti 2003, № 14 (a. 1003): *mansum unum integrum in fundum qui vocatur Casaliclo quem laborat ad iura vestra Petrus qui vocatur Russo.*

и т.д.)¹⁰⁶⁹. Стоит добавить, что в актах XI в. значения *mansio* и *mansus* уже отчетливо различаются¹⁰⁷⁰.

В соседнем феррарском округе бытовал термин *fumans*¹⁰⁷¹, также соответствующий домохозяйству как фискальной единице: это понятие, примерно соответствующее русскому «дыму», получит распространение в Романье к XIV в. (*fumantium*)¹⁰⁷².

Особо подчеркну, что приведенные здесь данные встречаются крайне редко на фоне общего молчания источников. Впрочем, некоторую информацию, способную пролить свет на эту ситуацию, все же можно попробовать извлечь из анализа языка документов, и, в частности, лексики самих либеллярных договоров и некоторых других актов. Наряду с глаголами, относящимися к хозяйственной деятельности (*colonicare, propaginare, cultare, pastinare, defensare, supersedere, meliorare, arare*), распространены глаголы, соответствующие юридическим или квазюридическим понятиям (*possidere, tenere, habere*)¹⁰⁷³. Важно обратить

¹⁰⁶⁹ Fantuzzi 1801, № 80 (a. 1010): *idest manso huno in integrum in fundum q. v. Revitta Maiore, cum terris, vineis, campis, pratis, pascuis, silvis, salectis, sacionalibus...* В аналогичном значении см. Federici, № 19 (a. 1028): *concedisti manso uno in fundo Casale et in fundo Poreile, quod est omnia medietatem, quam detinuit Iohannes qui v. de Fermano*; Fantuzzi 1801, № 96 (a. 1031): *duos mansos in integrum positi in duorum dundorum quorum vocabula sunt hoc Tabianum et Cassianum unum quem detinet Iohannes de Vitalis et Martinus de Petrus de Roiza et allo detinet Fuscardo de Berto cum Sergio et Iohannes germane filii quondam Iohannis de Lupizo cum omnibus ad ipsis mansis pertinentibus*; Tarlazzi, № 10 (a. 1042): *idest mansum unum integrum qui vocatur de Casale*.

¹⁰⁷⁰ Benericetti 2003, № 14 (a. 1003); Federici, № 26 (a. 1058): *mansione una, que fuit de qd. Andreas de Picilo, cum curtis ante se et orto retro se, posita in civitate Ravenne... et eterom mansum unum quem [de]tinet ad mea iura Iohannes qui v. Mello, posito in fundum qui v. Besi*.

¹⁰⁷¹ Benericetti 1999, № 43 (a. 933).

¹⁰⁷² Fantuzzi 1804, № 1 (a. 1371).

¹⁰⁷³ Benericetti 1999, № 14 (a. 909): *habendum, tenendum, cultandum, pastinandum, propaginandum, casas et canals ibidem faciendum, vos aut hominess vestros supersedendum, defensandum et in omnibus meliorandum*; 18 (a. 911): *habendum, tenendum, cultandum, olivetis arandum, defensandum et in omnibus meliorandum etc.* Глагол (*de*)*tenere* мог подразумевать как либеллярное держание колона (Benericetti 2006, № 14: *et terras et silvas quem tene Mingulo colonus in fundo Furiano*; 12: *exceptis quantas tres residents in ipsis fundis per libellum a iura predicate vestrae ecclesie detinere videntur*), так и нетрудовую аренду представителей промежуточных групп (Benericetti 1999, № 33: *idest porcione... quantas a suis detinuit minibus quondam Deusdedit presbiter et abbas*), а также полную собственность (Federici, № 3: *eo quod haber[e et pos]sidere et a meis minibus meoque iure meoque dominio detinere videor*). Тем не менее, с юридической точки зрения крестьянское держание являлось ограниченным вещным правом пожизненного наследственного владения недвижимостью. Эмфитевзис же в большей степени, чем либелла, соответствовал праву

внимание, что в договорах продления либеллярной аренды в соответствующих формулах соседствовали глаголы *tenere* и *laborare*¹⁰⁷⁴. Таким образом, имелось (пусть даже самое общее) представление о крестьянском держании как целостном трудовом и юридическом организме.

С другой стороны, структурно крестьянские наделы были парцелированы, хотя и в меньшей степени, чем владения крупных собственников. Помимо пахотных земель и виноградников, они, как правило, включали усадьбу (*mansio*), двор с гумном (*area*), огород (*orto*) и луг (*prato*). В подсобном хозяйстве держали домашнюю птицу, и, вероятно, упряжный рогатый скот и свиней. Ввиду лаконичности формул аграрных контрактов у нас нет сведений о размерах крестьянских наделов. Ситуация осложняется и тем, что система таких арендных держаний никогда не пребывала в статическом состоянии. Супружеские пары колонов, подчас группами, активно снимали новые участки земли, стремясь, по возможности, снимать соседние унции и парцеллы¹⁰⁷⁵ или доли от соседних *fundi*¹⁰⁷⁶. Нередки случаи, когда семьи и отдельные крестьяне арендуют парцеллы в разных *fundi*¹⁰⁷⁷. Как я уже сказал, снимаемые в 944 г. группой крестьян *sortes*

posessio: именно поэтому под субстантивированным причастием *possidente* чаще скрываются именно арендаторы-эмфитевты.

¹⁰⁷⁴ Benericetti 2006, № 25 (a. 870): *idest sortes et porciones vestras vobis conpitem in integro quantacumque nos suprascripti iugalis petitori admodum ad presentem die ad manibus nostris tenere et laborare vissi sumus ad iura vestras.*

¹⁰⁷⁵ Benericetti 1999, № 11 (a. 908): *et a d[uo]bus lateribus possidente nos ipsi petitores a iura sanctae vestre Ravennatis ecclesie*; Benericetti 2002, № 137 (a. 968): *idest terra laboratoria que est posita in Monte Auxiliare iuxta ipsius monte et alia quem nos ipsi coloni per anteriorem libellum tenere videmur*; 163 (a. 972): *[at]que a quarto latere possidente nos ipsi petitores*; Fantuzzi 1801, № 79 (a. 1005): *idest quartam partem in integro de fundo in integro qui vocatur Casale reliqua vero quartam partem mihi largitam habetis per alium libellum.*

¹⁰⁷⁶ Benericetti 1999, № 12 (a. 908), 18 (a. 911), 31 (a. 919); Benericetti 2002a, № 210 (a. 979), 217 (a. 980), 239 (a. 987); Muzzioli, № 40 (a. 986), Federici, № 13 (a. 1000).

¹⁰⁷⁷ Benericetti 2006, № 27 (a. 872): *idest ternas uncias principales in integro in duorum fundorum... tu suprascripta Decia ... persicutare debeas tres uncias in suprascripta fundura, et iamdicta Columba ... consicutare debeas reliquas tres uncias inxi fundi*; 43 (a. 892): *una petia vinea infra Clausura de Caucame, et alia petia terre in vallicella qui vocatur Insuria, cum capassetis, cum pumaretis*; Benericetti 1999, № 13 (a. 909), 14 (a. 909), 55 (a. 945): *de terra agr[esta] capientes modiorum decem posita in fundo qui vocatur Cuschinianum, nec non et in fundo Tribianum terra sacionale capientes modiorum viginti*; Benericetti 2002, № 141 (a. 968): *idest sortes et porciones nostras principales... in duorum fundorum quorum vocabula sunt Caniano et Muriola seu et una pecia terre qui vocatur Clausura Natali*; 147 (a. 970): *duas fundoras in integro quorum vocabula sunt Tranquilliano qui vocatur Valle et Casa Pullaria, et octo uncias principales in integro qui est possito in fundo qui vocatur*

расположены *per singulis locis* в *massa Maratjana*. Это крайне затрудняет, а то и вовсе делает невозможным вычисление среднего размера либеллярного держания: в конце концов, отдельные контрагенты в рамках коллективных договоров могли арендовать дополнительные участки, о которых нам ничего неизвестно, или даже являться мелкими собственниками, что вполне допустимо, хотя и маловероятно. Практически невозможно установить реальные размеры крестьянских наделов и факт распоряжения другими земельными ресурсами (арендованными или находящимися в полной собственности). Наконец, не все земли были одинаково ценны и плодородны, и сравнение размера наделов, скажем, на побережье Пентаполя и в глуши заболоченной дельты По, является в высшей степени бессмысленной затеей.

Здесь важно еще обратить внимание на условие *supersedendum*, обязующее крестьян сидеть на земле и обрабатывать свой надел. На такое толкование наводит формула либеллы 783 г. «*casa et canale inibidem extaurandum et supersedendum*», где очевидна связь глагола с проживанием в жилище и поддержанием его в надлежащем состоянии. Значение глагола *supersedere* становится более ясным из текста либеллы 971 г. Согласно условию контракта, те, кто «*sup(er)sederit ipsa(m) terra(m)*», обязуются уплачивать *exenium* – «куриный» сбор с подсобного хозяйства, те же, кто «*non sup(er)sederit ipsa(m) terra(m)*», уплачивают лишь *терраж*¹⁰⁷⁸. Очевидно, условие *supersedendum* означало постоянное проживание колона на арендуемой земле, где он обзаводился домом (*ateguim*) и придомным хозяйством, позволяющим содержать домашнюю птицу. Отсутствие же условия *supersedendum* в устойчивом формуляре контрактов может свидетельствовать о том, что колоны владели другой землей, на которой они постоянно проживали¹⁰⁷⁹. В некоторых контрактах оговорено, что это

Sala et insuper uno longario terre cum silva sua, qui est possita in ipsa Pullaria usque ad prata; Benericetti 2002a, № 242 (a. 988), 245 (a. 989).

¹⁰⁷⁸ Benericetti 2002, № 155 (a. 971).

¹⁰⁷⁹ Benericetti 2006, № 25 (a. 870), 43 (a. 892), 57 (a. 899): очевидно, что крестьяне, снимающие крошечный участок земли (4 скрупулы), располагали другими землями.

обязательство распространяется только на зависимых работников¹⁰⁸⁰. Эти обстоятельства затрудняют понимание характера каждого конкретного арендного держания.

Нужно обратить внимание и на еще одно обстоятельство. Пролонгации арендных договоров, доля которых достаточно низка (1/5–1/3), могут предусматривать и аренду новых площадей сверх тех, которыми уже владели крестьяне¹⁰⁸¹. Например, в 1005 г. семья либелляриев арендует четверть имения Casale, оговаривая, что еще одной четвертью они владеют по другому либеллярному договору¹⁰⁸². Кроме того, нередки случаи, когда колонны или либеллярии арендуют участки, некогда обрабатывавшиеся другими колонами¹⁰⁸³. Договор 975 г. заключается с согласия («per consensum et octoritatem») прежних держателей, которые, по всей видимости, решили отказаться от надела¹⁰⁸⁴.

¹⁰⁸⁰ Benericetti 2006, № 48 (a. 893): propaginandum, homines nostros super[sed]endum.

¹⁰⁸¹ Benericetti 1999, № 31 (a. 919): omne sortes et porcione vestra in integro quantacumque nos ipsi colonis ad manibus nostris tenere et laborare visi sumus. Simul et concedisti nobis omne sorte et porcione vestra in integro que iam antea colonicavit Vatalis qui vocatur Curto; Benericetti 2002, № 91 (a. 957); Benericetti 2010, № 301 (a. 965).

¹⁰⁸² Benericetti 2003, № 25 (a. 1005): reliquam vero quartam partem michi largitam abetis per alium libellum.

¹⁰⁸³ Benericetti 2006, № 8 (a. 783): portjones in integro quod visus f[uit] abere [...] presbiter basilicae Sancti Apolenati qui vocatur Aquaviva, et portjnes de quondam Germano [...] Iohannes presbiter et de portjonem de quondam Gregorio; 49 (a. 893): sortes vel porciones quantascumque a suis detenuit manibus Iubiano qui vocatur Macenario; Benericetti 1999, № 5 (a. 906): sortes et porciones que colonicavit quondam Andrea de Valentino [...]atino, nec non et Urso de Mauro; 13 (a. 909): omnes sortes et porciones unde colonus fuit Heleutherius famulus sancte vestrae Ravennatis ecclesie – per libellum; 14 (a. 909): sorte et porcione que ante hos dies a suis detenuit manibus quondam Toto qui est possito in fundo Aviano... sorte et porcione unde colonus fuit quondam Leo... simulque sorte et porcione unde colonus fuit quondam Ursus de Sa[xo]; 31 (a. 919); 33 (a. 920): porcione de Monte qui vocatur Aucellario, quantas a suis detinuit manibus quondam Deusdedit presbiter et abbas; 53 (a. 944): so[r]tes vel terra satjonale qui fuit de quondam Eleutherius, que nuc visi tenere fuerunt eredigibus suis; Benericetti 2002, № 157 (a. 971): sortes et portjones... quas a suis manibus detenuerunt quondam Iohannes qui vocabatur Casata et Iohannes qui vocabatur Rizo; 177 (a. 973): sortes et porciones nostras quem fuit de Iohannes qui vocabatur Columba; Benericetti 2002a, № 273 (a. 983–998); Federici, № 7 (a. 982–983); Muzzioli, № 3 (a. 911), 25 (a. 975), 26 (a. 975), 38 (a. 981), 39 (a. 982), 41 (a. 986–988); CDP, № 15 (a. 983).

¹⁰⁸⁴ Muzzioli, № 25 (a. 975).

Согласно либелле 986-988 гг., супружеская пара колонов арендует участок земли, уступленный им наследниками предыдущих либелляриев¹⁰⁸⁵.

Напротив, случаи, когда семья поколениями обрабатывает участок, довольно редки¹⁰⁸⁶, и некоторые из этих договоров содержат указания на приобретение других парцелл контрагентами в результате купли-продажи¹⁰⁸⁷. В иных случаях письменный договор просто узаконивает некогда состоявшийся самозахват той или иной земли. В одном договоре 970 г. крестьяне, арендующие часть «поля» Figline у монастыря св. Марии *in Palacciolo*, уточняют, что «уже давно владеют [этими землями]», но не указывают, что владеют их по наследству или предыдущему договору¹⁰⁸⁸.

Это говорит о высокой подвижности конфигурации крестьянских держаний. Косвенно на это указывает и отсутствие следов огораживания парцелл. Следует мимоходом заметить, что такая мобильность свидетельствует о довольно высокой степени личной свободы сельского жителя, потому что прочные юридические права на землю, по справедливому наблюдению Л. Б. Алаева, в конечном счете, служат способом прикрепления к ней и основой для более интенсивной эксплуатации¹⁰⁸⁹. Эта подвижность подтверждается и археологическим исследованием земледельческих зон Романьи, в первую очередь, округа Дечимано.

¹⁰⁸⁵ Muzzioli, № 41 (a. 986–988): omnes sortes et porciones vestras principalis ... quanta iam ante hos dies abuit et detenuit quondam Leo et Bonilda iugalis at iura nostra sancte Marie et modo nobis ovenit per abrenunciacionis paginam da eredes Leo et Bonilda iugalis.

¹⁰⁸⁶ Benericetti 2006, № 40 (a. 891): idest sortes et porciones quantascumque nobis admodum ad nostris manibus tenere et colonicare visi sumus et nobis per e succession et ereditatem parentorum nostrorum [...]; 53 (a. 896): octo uncias principales in integro quem nos ipsis suprascriptis colonis modo a manibus nostris nunc detinere et laborare videmur, et iam antea quondam parentorum nostrorum colonicavit; Fantuzzi 1802, № 8 (a. 955): omnes res et portiones vestra in integrum quantascumque colonicatas... genitori tuo ... et res et porciones in integrum quantascumque fuit de Johannes Albo ... et genitori nostro que ipse habuit et detinuit per eas monimina cartarum... Benericetti 2010, № 333 (a. 955).

¹⁰⁸⁷; Benericetti 1999, № 61 (a. 948): sortes et porciones vestra in integro quem vobis obvenit tam a genitoribus vestris quamque et per comparationis cartulam vel per quacumque modum vobis obveniret.

¹⁰⁸⁸ Benericetti 2010, № 338 (a. 970).

¹⁰⁸⁹ Алаев Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии. С. 35.

§ 3. Социально-экономическое и правовое положение арендаторов-либелляриев. В изучении аграрных контрактов важно обращать внимание на имущественное, социальное и правовое положение земельных съемщиков Романьи и Пентаполей. Необходимо выяснять характер (трудовой или эксплуататорский) того или иного хозяйства. Являлись ли церковные арендаторы непосредственными производителями или сдавали землю в субаренду третьим лицам? В какой мере они использовали труд зависимых или наемных работников? Каково было их социально-правовое положение и характер отношений с собственником земли?

Между сервами и «ариманнами». Контroversии социально-правового положения «колона». В текстах договоров наиболее частым обозначением, а вероятно и самообозначением либеллярных съемщиков служит термин «колон». Эта социальная категория употребляется в отношении свыше 80% арендаторов-либелляриев в IX–X вв. Начиная с позднеримской эпохи этот термин охватывал самые разные категории производителей. Само его присутствие в документе мало говорит о социальном и экономическом облике его носителя. Тем не менее, на протяжении IX–X вв. составители грамот различали колонов (*coloni*) как особую социальную группу, отличную от других категорий сельских жителей (*residentes*), в том числе пенсионариев (по всей видимости, мелких эмфитевтов или льготных либелляриев) и рабов (*famuli, servi*)¹⁰⁹⁰.

Т. Браун, изучив некоторые доступные ему аграрные контракты, не выявил уз личной зависимости между колоном-арендатором и церковным собственником¹⁰⁹¹. Судя по всему, многие колоны действительно обладали личной свободой. Этот тезис нуждается в уточнении. Объем личной свободы колонов все же был ограничен. Среди социально-правовых групп, перечисленных в постановлении собора 861 г., «свободнорожденные колоны» (*coloni qui ingenui*

¹⁰⁹⁰ Benericetti 2002, № 109 (a. 963): *cum familiis et collonis atque collonas seo ressidentibus utriusque sexus rertinentibus*; № 151 (a. 970): *et de omnibus aliis meis colonis et residentibus habitatoribus in rebus quod est in iuris sancte nostre Ravennatis ecclesie*.

¹⁰⁹¹ *Brown T. S. Gentlemen and Officers*. P. 200.

sunt») названы рядом со «свободными людьми» (*homines liberi*)¹⁰⁹². Обращает на себя внимание отделение их от *homines liberi*, включающих как «благородных» (*nobiles*), так и «простолюдинов» (*ignobiles*). По мнению А. Кастаньетти, термин «колон», сам по себе еще не предполагавший несвободное состояние, все же скрывал особое правовое положение, отличное от полной свободы¹⁰⁹³.

Конечно, колонны «вообще» и колонны, вступавшие в экономико-правовые отношения с Церковью, могли сильно отличаться. Римский колонат в принципе не подразумевал такого типа договорных отношений, которые мы наблюдаем в романьольских поземельных сделках IX–X вв. Само заключение письменного договора возвышало крестьянских съемщиков над массой земледельческого населения, чьи отношения с архиепископией не были скреплены письменным договором¹⁰⁹⁴. Показательно и то, что инициатива в таких случаях исходила от самих крестьян.

Тем не менее, назвать отношения колоннов с земельными собственниками равноправными нельзя. К середине VIII в. Церковь в Романье сосредоточила в своих руках публично-правовые функции, принадлежавшие ранее государству. Обычные для региональной экономики повинности, такие, как ангарии, имеют публичное происхождение и восходят к трудовой повинности, возлагавшейся в римское время на свободных производителей. Но публичное происхождение повинности ничего не меняет в самой природе эксплуатации. Грань между публичным началом и патримониальной властью Церкви была очень зыбкой.

Кроме того, неравноправное положение церковного арендатора не исчерпывалось одной только поземельной зависимостью. Регулярные выплаты (*iusticia*, *exenium*, *glandaticum*, *herbaticum*) и единовременные взносы (*calciario*), вытекавшие из прав церковного собственника на землю и уголья, имели не только экономическую, но и символическую природу. Как уже было сказано, такие

¹⁰⁹² В этой связи любопытно отметить, как различались нюансы словоупотребления в разных регионах. Например, в Сен-Жерменском полиптике *colonus* прямо противопоставлялся термину *ingenuus* (Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 516).

¹⁰⁹³ *Castagnetti A. Arimanni in «Romania»...* P. 32.

¹⁰⁹⁴ *Montanari M. Contadini di Romagna.* P. 48, 91.

подношения, как *exenium* не сводились к скромному обложению придомного хозяйства. Они подчеркивали также неравноправное положение их плательщиков. Таковую же роль выполняли и типично сеньориальные повинности, например, оказание гостеприимства церковному управляющему (*receptio*) и продуктовые подношения (*brachiatica*) в его пользу. В одном случае это требование сопровождается рекомендацией оказывать управляющему прием «*cum fide et puritate seo umilitates*»¹⁰⁹⁵. В большинстве либеллярных *petitiones* бытуют такие обращения, как *patron(a)*, *vestra dominatione*, подчеркивающие неравноправное положение колоннов¹⁰⁹⁶.

Свидетельства о вмешательстве собственника в производство единичны, но они есть. Во многих регионах Экзархата крестьянам запрещается молотить хлеб (*tritulare*, *excutere*) и давить (собирать?) виноград (*vindemiare*) без разрешения собственника¹⁰⁹⁷. Этот запрет, живо напоминавший типичные средневековые баналитеты, существовал, по крайней мере, до конца XIII в.¹⁰⁹⁸

Публично-правовую природу, вне сомнений, имеет и сеньориальная юрисдикция, бывшая прерогативой архиепископских властей. За исключением очень немногих договоров¹⁰⁹⁹, эта юрисдикция отсутствует на землях равеннских церквей и монастырских корпораций. Приблизительно 30% всех либеллярных контрактов¹¹⁰⁰ (из них около 50% приходятся на Римини) содержат указания на

¹⁰⁹⁵ Benericetti 2010, № 338 (a. 970).

¹⁰⁹⁶ Benericetti 1999, № 40 (a. 931).

¹⁰⁹⁷ Benericetti 2006, № 56 (a. 899, Фаэнца): *et non abeamus licensiam tritulare aut vindemiare sine iussionem domnica vestra*; Benericetti 2006, № 147 (a. 970, Форли); Benericetti 2002a, № 208 (a. 979, Фаэнца), 217 (a. 980, Форли), 233 (a. 984, Форлимпополи), 239 (a. 987, Форлимпополи), 245 (a. 989, Чезена), 262 (a. 994, Фаэнца), 271 (a. 997, Чезена); Federici, № 7 (a. 982–983, Дечимано), 8 (a. 983, Чезена), 10 (a. 983, Чезена); Benericetti 2010, № 301 (a. 965, Фаэнца), 306 (a. 975, Фаэнца) и т.д.

¹⁰⁹⁸ Federici, № 370 (a. 1293): *et non liceat nobis metere neque tritulare sine vestra iusione*.

¹⁰⁹⁹ Benericetti 2002, № 127 (a. 967): *et ita tamen de istas res que superius legitur nos petitoris in vestro patronato permaneamus districtum et de vestries successoribus*; Benericetti 2002a, № 262 (a. 994): *neque de ipsa vestre re in nullius district stare nisi in vestra ipsius patronatum*.

¹¹⁰⁰ Benericetti 2006, № 26 (a. 872), 27 (a. 872), 33 (a. 882), 39 (a. 890), 41 (a. 891), 49 (a. 893), 53 (a. 896); Benericetti 1999, № 6 (a. 905–906), 7 (a. 907), 8 (a. 907), 9 (a. 908), 13 (a. 909), 14 (a. 909), 23 (a. 912), 28–30 (a. 918), 47 (a. 941); Benericetti 2002, № 127 (a. 967), 141 (a. 968), 163 (a. 972), 177 (a. 973); Benericetti 2002a, № 232 (a. 984), 234 (a. 985), 249 (a. 991), 259 (a. 993), 262 (a. 994), 263 (a. 995), 266 (a. 997), 267 (a. 997), 268 (a. 997).

подчинение арендатора юрисдикции архиепископа и его администраторов, ответственных за рассмотрение исков по поводу арендуемой собственности¹¹⁰¹. Уже в одном из самых ранних либеллярных актов (договоре от 872 г.) колоны из округа Имолы обязуются обращаться с исками по поводу арендуемого имущества и доходов с него только к церковному управляющему. Кроме того, они обещают оставаться в юрисдикции (*districcione atque iudicias*) архиепископа¹¹⁰².

Выход из церковной юрисдикции, как и нарушение других условий либеллярного договора, может караться штрафом¹¹⁰³. В риминийской либелле 905–906 гг. можно прочесть о запрещении «... подавать иск [относительно имущества], пока нас не рассудит управляющий (*actor*)»¹¹⁰⁴. В других риминийских либеллах содержится запрет на подачу исков другим инстанциям¹¹⁰⁵. Нечто подобное мы читаем в либелле 912 г. из Монтефельтро, где колоны подтверждают, что «не вправе обращаться с иском к посторонним лицам, за исключением архиепископа»¹¹⁰⁶. Фактически, это означает изъятие колона из ведения прочих публичных институтов.

Важно подчеркнуть, что в ряде случаев такие условия избегаются. Корреляция с общественным статусом того или иного колона здесь особенно высока. Так, в одних таких грамотах съемщики избегают называть себя

¹¹⁰¹ *Et in vestra districcione adque iudicia permanere debeamus.*

¹¹⁰² Benericetti 2006, № 26 (a. 872): *et si aliquas ortas fuerit intension pro suprascripta rem au de frugibus nulli extranea persone interpellacionem facere nisi au de res sancte vestre Ravennatis ecclesie et in vestra districcione atque iudicias permanere debeamus.*

¹¹⁰³ *Ibidem*, № 27 (a. 872): *et si quod absiet in omnibus obediens non steterimus d ea que superius legitur, et minime fecerimus, et de vestra districcione atque iudicia subertere voluerimus et in aliqua fraude vel dolo sit a te inventi fuerimus, tunc daturi vos promittimus a parte sancte vestre Ravennatis ecclesie, ante omnem litem inisio aut interpellacionem pene nomine auri uncias duas.*

¹¹⁰⁴ Benericetti 1999, № 6 (a. 905–06): *immo eciam non habeamus licentiam de districtjone [...] de hoc querelare nisi ipse actor nos iudicet [...].*

¹¹⁰⁵ *Ibidem*, № 8 (a. 907): *verum eciam in alio venerabili loco relinquere vel de districtjone dominatjone vestra nos subtrahere de ipsa res aut de actoribus vestries vel ad publicum ministrum hire rationem mittendi; 47 (a. 941), 28–30 (a. 918); Benericetti 2002, № 163 (a. 972).*

¹¹⁰⁶ Benericetti 1999, № 23 (a. 912): *sed ita tamen promittimus nos suprascrip[ti coloni]s una cum nostris filiis et nepotibus si aliqua fuerit orta intentjo inter nos de suprascriptas res vel de quibuscumque causis nulli extranaee gentis personam interpellatjonem facere debeamus nisi vobis [...] vestrae Ravennatis ecclesie sicut superius legitur licentiam habeatis sed in districtjone atque iudicia vestra permanere debeamus.*

колонами¹¹⁰⁷, в других – указывают свою принадлежность к привилегированным группам, например, к клиру¹¹⁰⁸. Такие условия не прописываются и зажиточным колонам, которые располагают дополнительной рабочей силой и которым по силам аренда крупных земельных комплексов¹¹⁰⁹.

В некоторых контрактах конца X в. иногда встречается загадочная клаузула «*salva nostra libertate*», завершающая санкционную формулу договора¹¹¹⁰. Эти договоры происходят из округа Феррары, где церковную землю арендовали особенно автономные и инициативные селяне, активно осваивавшие заболоченные зоны долины р. По и в наименьшей степени втянутые в вотчинный аппарат Равеннской церкви. По всей видимости, эта клаузула скрывала опасения арендаторов утратить часть своих свобод (*libertas*), но, с другой стороны, она свидетельствует об ограниченном характере самой церковной юрисдикции. В одном (пожалуй, наиболее интересном) случае колоны Мартин и клирик Лев, арендующие в 956 г. имущества в имении Fossalto, сочли нужным дополнить эту клаузулу фразой «*sicut boni arimanni*»¹¹¹¹. Эта же формула воспроизводится в арендах леса Fossalto и пограничных ему земель в 1016–17 гг., причем в одном документе она вставлена между строк основного текста грамоты¹¹¹².

Что же они понимали под самоназванием «ариманны»? В некоторых аграрных контрактах X в. можно встретить прилагательное *romanus*, которое в

¹¹⁰⁷ Benericetti 2006, № 48 (a. 893); Benericetti 1999, № 72 (a. 952); Benericetti 2002, № 157 (a. 971), 172 (a. 972); Benericetti 2002a, № 237 (a. 987), 258 (a. 993).

¹¹⁰⁸ Benericetti 1999, № 4 (a. 905), 21 (a. 911), 32 (a. 919); Benericetti 2002a, № 214 (a. 980), 216 (a. 980).

¹¹⁰⁹ Benericetti 1999, № 5 (a. 906), 12 (a. 908), 24 (a. 914), 39 (a. 929), 61 (a. 948); Benericetti 2002, № 91 (a. 957), 130 (a. 967), 155 (a. 971).

¹¹¹⁰ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984): *ei insuper non habeamus licentiam ad publicum ministrum ire ratjonem mittendi aut aliquam funtjonem facere nisi vobis vestrisque successoribus vel actoribus sancte vestre Ravennatis ecclesie per nullum ingenium vel argumentum salva nostra libertate*; 249 (a. 991), 263 (a. 995), etc.

¹¹¹¹ Castagnetti A. *Arimanni in «Langobardia» e in «Romania» dall'età carolinga all'età comunale*. Verona, 2014. App., № 9 (a. 956): *et non abeamus licenciam ad nullum publicum ministrum ire racione mitendi aut aliquam funcctionem facere set sub districcione sancte vestre Ravennatis ecclesie persistere debeamus; hec omnia cum fide et puritate agree debeamus sine fraude vel dolo, salva nostra libertate, sicut boni arimanni*.

¹¹¹² Benericetti 2003, № 44 (a. 1016): *salva vestra libertate sicut boni erimanni*; № 45 (a. 1016), 48 (a. 1017), 51 (a. 1017).

своем привычном переводе («римский», «римлянин») обесмысливает формулу отчуждения недвижимости, определяющую лиц, способных вступить во владение арендуемой контрагентом землей¹¹¹³. В одном случае – наиболее показательном – мы встречаем оппозицию *romanus* и *servus*¹¹¹⁴, живо напоминающую знаменитую римскоправовую формулу («*omnes homines aut liberi aut servi sunt*»), знакомую по «Институциям» Гая. Термин обретает смысл только в том случае, если мы предположим, что он связан с лично свободным состоянием. Отсюда следует, что этимология прилагательного *romanus* едва ли связана с этнокультурной принадлежностью. Скорее всего, в *romanus* следует видеть вариант написания германского по своему происхождению термина (*h*)*arimannus*, причудливо наложившийся на воспоминание о «римском» как настоящем, полноценном общественном состоянии.

Таким образом, крестьяне из пограничья Экзархата идентифицировали свою личную свободу с особой социально-правовой категорией, раскрытие которой поможет нам лучше понять их общественное положение. Само распространение института *arimannia*, фиксируемое публично-правовыми и частными актами X в., говорит не только об иноземном влиянии. Оно указывает на сохранение слоя производителей, пусть и являющихся либелляриями, а не аллодистами, но не утративших связи с элементами личной свободы.

Термин «ариманны», как показали исследования А. Кастаньетти, в IX–X вв. был широко распространен и в публично-правовых актах Эмилии и Романьи. Его появление и распространение связано с «борьбой за ренту» между архиепископской курией и крепнущей знатью Романьи, часто неравеннского происхождения. После включения Равенны и Романьи в Итальянское королевство в регионе появились «графства» (*comitati*) – территориально-административные единицы, в рамках которых местная власть пыталась реализовать определенные

¹¹¹³ Benericetti 1999, № 11 (a. 909): *et dedistis nobis licentiam aliis hominibus propincuis nostris romanis scriptum faciendum s[...] sicut superius legitur.*

¹¹¹⁴ *Ibidem*, № 35 (a. 922): *post autem amborum nostrorum obitum succedat nobis unum nostrum propincuum parentem romanum aut servum.*

фискально-административные права (*functio publica, arimannia*) и юрисдикции в отношении земледельческого населения¹¹¹⁵.

Ариманн, находясь в прямых отношениях с королевской властью, пребывал в экономической и социально-правовой зависимости от графов. Согласно «равеннскому» капитулярию Ламберта 898 г., ариманны подчинялись графам (*comites*), которым были обязаны рядом публичных повинностей и служб (*arimannia, armania*). Их фактическое положение было заметно хуже, что косвенно отражается в целом ряде запретительных мер, призванных защитить свободу ариманнов от произвола должностных лиц и графских вассалов (*homines*). В частности, в первых параграфах оговаривается запрет на передачу графами ариманнов в бенефиции¹¹¹⁶. Кроме того, им отказывали, несмотря на противодействие императора, в услугах писцов. Они были обременены военной службой в *exercitus* и обязанностью присутствовать на судах по требованию графа или *sculdascio*. Но в какой мере это согласуется с актовым материалом?

Показательно, что в наших источниках ариманны упоминаются почти всегда в *placita*. Это отражает конфликтный характер распространения института *arimannia* в Экзархате, превратившегося в набор повинностей и платежей, которые взимались с лично свободного и экономического зависимого населения региона.

Впервые *arimannia* встречается в *placitum* 915 г. В этой грамоте изложены обстоятельства судебного конфликта между Додоном, гастальдом графа Теодериха, и Иоанном, аббатом монастыря Девы Марии *in Palaciolo*. Речь идет о власти над некими Мартином, Львом и Павлом, проживающими в имолийском округе. Гастальд считает их своими ариманнами, обязанными ему «*publice accionem* и *suffragium*» (по-видимому, имеются в виду некие платежи или повинности)¹¹¹⁷. В свою очередь, аббат считает их сервами, поступившими к нему

¹¹¹⁵ Muzzioli, № 37 (a. 981): *nec liberos aut ancillas, aldionos aut aldionas ibidem commanentes molestare vel inquietare presumat neque ad placitum eos ire cogat neque distringere audeat neque harimannia tollat.*

¹¹¹⁶ *Capitularia regum Francorum*. Т. 2 / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897 (MGH Capit., 2). P. 110: *ut nullus comitum arimannos in beneficia suis hominibus tribuat.*

¹¹¹⁷ Benericetti 1999, № 26 (a. 915): *quero ad iste presentem venerabilem abbas regule Sancte Dei Genetricis Marie qui vocatur in Palatjolo quod detinet per suam forciam tres arimanni nostris nomina*

на услужение (срок его ограничен временем жизни аббата) согласно *cartula repromissionis*. В свою защиту гастальд утверждает, что названные лица пошли на это, дабы избежать своих повинностей, а не вследствие материальной нужды, как утверждала другая сторона¹¹¹⁸. Довод церковных представителей, отстаивавших противоположную точку зрения, был признан более убедительным. Из этого следует, что объем повинностей, возложенных на ариманнов, был разорительным, вследствие чего они даже находили более привлекательным несвободное состояние под патронатом церкви.

В 970 г. состоялся еще один процесс, на сей раз – в Ферраре, в присутствии высших должностных лиц. Речь вновь шла о юрисдикции над ариманнами, проживающими в ряде населенных пунктов, которых кремонский епископ считал обязанными ему службой (*servicium*), которую они несли в пользу его предшественников¹¹¹⁹. В свою очередь, архиепископ Петр, намеренно избегая употребление термина «ариманн», называет их колонами и, ссылаясь на папские и императорские привилегии, отказывает епископу в юрисдикции над свободным и несвободным населением в пределах его владений¹¹²⁰. Феррарский либеллярный контракт 984 г. прямо запрещает колонам-арендаторам выполнять какую-либо *functio publica*, за исключением тех сеньориальных повинностей, которыми они были обязаны собственнику¹¹²¹. Подобное указание встречается и в других контрактах региона¹¹²².

Следующий процесс, касавшийся *armania* и *publica functio*, состоялся уже в 994–995 гг. в *Castro Cesubeo* (Бертиноро), неподалеку от Форлимпополи, что

eorum hec sunt Martinus et Leo sitque Paulus qui debuerunt dare nobis suffragium et publicam atjonem nobis facere debuerunt sicuti et aliis arimani fatjunt.

¹¹¹⁸ *Ibidem*: iste promissionis cartula per nullam necessitatem istis hominibus non fecerunt set propter publica atjonem fatjendum.

¹¹¹⁹ Benericetti 2002, № 151 (a. 970): *venire, custodire debeat, et ipso [ser]vicium vel ipsam ministracionem quem ad meis antecessoribus qui istum comitatum Ferariense detenuerunt, fecerunt et vos mihi aliis ostenditis.*

¹¹²⁰ *Ibidem*: *de ipsis hominibus qui vos dicitis ad Curolo et Tamara et de omnibus aliis meis colonis et residentibus habitatoribus in rebus quod est in iuris sancte nostre Ravennatis ecclesie, ego de illis habet contenciones domni apostolicis... et michi exinde confirmavit domno Ottonem rex.*

¹¹²¹ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984).

¹¹²² *Ibidem*, № 263 (a. 995).

говорит о постепенном, хотя и ограниченном распространении института непосредственно в Экзархате. Наличие в пределах Форли топонима *Armadini*, который мы встречаем в актах 978 и 1004 г., скорее всего, подтверждает это, однако он может относиться ко времени распределения земель по воинским наделам свободных лангобардских поселенцев (*exercitales*) при Лиутпранде, что, впрочем, менее вероятно¹¹²³. Тем не менее, вновь право на *armanìa* в отношении обитателей местечка *Cella Cordi* (совр. Челинкордия) оспаривается семейством дукса-графа Ламберта у Павла, сына дукса Траверсариа и диакона церкви св. Фомы, в собственности которого находятся упомянутые земли. Несмотря на то, что диакон, защищая вверенную ему собственность, несомненно, представлял интересы влиятельного равеннского рода, здесь важна именно правовая принадлежность *люсо* к церковным имуществам, связанным с архиепископией. Примечательно, что семейство графов, не сумевшее предоставить ни письменных подтверждений, ни свидетелей, ни благочестивой клятвы, проиграло этот процесс¹¹²⁴.

Императорская привилегия 981 г. подтверждает права монастыря св. Марии *ad Cereseo* над *armanìa* в местечках *Turri*, *Bibanum* и *Alfianum* в Чезенском «графстве»¹¹²⁵. Возможно, что речь идет и о либеллярных арендаторах. Несмотря на отсутствие прямых указаний на *functio publica*, она подразумевается в изъятии из ведения графов Ламберта и Аларда прав на судопроизводство и *arimannìa* с населения подконтрольных монастырю земель; вновь *arimannìa* связана с системой т.н. «графств». Подоплекой, скорее всего, являлась проигранная тяжба упомянутых графов с монастырем.

Наконец, неслучайно, что в либеллярной аренде земель в округе Чезены в 991 г. впервые встречается запретительная формула, аналогичная феррарскому контракту 984 г.: «*ad nullis personam aliquam functionem facere*»¹¹²⁶. Позже это

¹¹²³ Muzzioli, № 32 (a. 978).

¹¹²⁴ Benericetti 2002a, № 265 (a. 994–995).

¹¹²⁵ Muzzioli, № 37 (a. 981): *et armanìa de Turri et Bibanum et Alfianum que est in comitatu Cisinatè*.

¹¹²⁶ Benericetti 2002a, № 249 (a. 991).

выражение мы встречаем уже в риминийских актах конца 990-х гг.¹¹²⁷ А. Кастаньетти склонен видеть здесь неудачную попытку внедрения кризисного института, чуждого социальному и экономическому строю Романьи, однако к этому надо добавить, что его распространение было бы, наверное, невозможным без прочной связи экономически несвободного земледельческого населения с личной свободой. Эта связь утрачивается во 2-й половине XI в., с распространением в Романье серважа¹¹²⁸.

Беглый анализ правовой категории «ариманн» выявляет сложный диалектический процесс, показывающий как сохранение сельским населением значительной личной свободы, так и постепенное социально-правовое принижение крестьян, противодействию которому даже потребовало адаптации типично лангобардского термина. Доступные нам документы IX–X вв. фиксируют некоторое переходное состояние, скрывающее многообразие конкретных ситуаций и вместе с тем – разнонаправленные тенденции как к укреплению отношений личной зависимости, постепенно вырастающих из публично-правых одежд, так и к желанию крестьян-колонов сохранить за собой свои права и по возможности зафиксировать их письменно.

Общественный статус. Каково было общественное положение колонов Романьи? Я постараюсь ответить на этот вопрос, анализируя социальные и профессиональные характеристики арендаторов-либелляриев, называющих себя колонами. Если мы обратимся к сенигалльским регестам «Баварского кодекса», то обнаружим, что из 17 договоров нельготной земельной аренды в Сенигаллии пять из них заключаются лицами, имеющие определенный статус среди земледельческого населения (клирик, священник, вилик и два агеллария – мелких собственника). Нагляднее всего эта ситуация проступает в актовом материале. Среди либелляриев, названных в аграрных контрактах колонами, можно

¹¹²⁷ Venericetti 2002a, № 266–268 (a. 997).

¹¹²⁸ В это время аграрных контрактах появляются характерные клаузулы и формулы, регулирующие наследование имущества: «si non adpreendit servum, non sit servus nec alterius mansante» [Federici, № 36 (a. 1083)]; seu liberis nostris masculis и т.д.

встретить сельских администраторов – виликов¹¹²⁹, духовных лиц¹¹³⁰, включая приходских священников¹¹³¹, ремесленников¹¹³², табеллионов¹¹³³, clarissimi¹¹³⁴, а также мельников¹¹³⁵ (всего ок. 14%). Последние находились в экономически выгодном положении; уплачивая собственнику долю с помола, они могли брать плату за пользование мельницей с окрестных поселенцев. Вдобавок ко всему прочему, некоторые колонны могли проживать в городе¹¹³⁶.

Во-вторых, с конца IX в. колонны пользовались трудом *homines nostros*¹¹³⁷, которые нередко присутствовали в хозяйствах зажиточных арендаторов, снимающих парцеллы в нескольких *fundi*¹¹³⁸, причем в некоторых случаях условие *supersedendum*, связанное с обязательством «сидеть» на арендуемой земле, имея там домохозяйство, распространяется только на этих *homines*¹¹³⁹. О социальном статусе и имущественном положении *homines* нам неизвестно ничего, однако представляются существенным, что субстантивированное причастие *supersedentes* (как позже и *manentes*) станет к концу XI в. синонимом для лично

¹¹²⁹ Benericetti 2006, № 32 (a. 880); Benericetti 1999, № 195 (a. 977).

¹¹³⁰ Benericetti 1999, № 21 (a. 911): *uti nobis Martinus presbiter et Iohannes seu et Vitali seu Lutje et Heosie*; Fantuzzi 1802, № 8 (a. 955): *uti nobis Stefanus qui vocatur Castaldio et Sigilinda jugali Lupicinus qui vocatur de Ardoino et Martinus nepoti ... Petrus qui vocatur de Leo presbiter atque Petrus qui vocatur [...]*.

¹¹³¹ Benericetti 1999, № 32 (a. 919): *uti nobis Leoni diaconi Ferrariensis ecclesie tantumdem libellario nomine concedistis nobis rem iuris plebe Sancti Georgii qui est fundata in loco qui dicitur Tamara, que nunc a manibus nostris tenere et laborare visi sumus quantascumque pertinent de iura sancte vestre Ravennatis ecclesie ad ipsam plebem quas an[tea ... tenue]runt manibus.*

¹¹³² Benericetti 2002, № 155 (a. 971): *Stefanus faber, Maria fabrissa cum nepoti suo*; Muzzioli, № 3 (a. 911): *Martino qui vocatur Fabber*; Muzzioli, № 27 (a. 975): *Gregorius callegarius de civitate Faventie.*

¹¹³³ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984): *Martino tabellio.*

¹¹³⁴ Muzzioli, № 38 (a. 981), 44 (a. 991).

¹¹³⁵ Benericetti 1999, № 24 (a. 914); Muzzioli, № 47 (a. 993): *Petro qui vocatur Molinario... et si aquimolum ibi in nostra ripa edificaveritis reddere debeatis quantum inter nos convenerit.*

¹¹³⁶ Benericetti 2002, № 137 (a. 968).

¹¹³⁷ Benericetti 2006, № 32 (a. 880); Benericetti 1999, № 5 (a. 906), 7 (a. 907), 12 (a. 908), 13 (a. 909), 14 (a. 909), 24 (a. 914), 39 (a. 929), 61 (a. 948), 91 (a. 957), 130 (a. 967); Benericetti 2002a, № 202 (a. 977); Muzzioli, № 3 (a. 911), 42 (a. 988), 45 (a. 991); CDP, № 7 (a. 957); Federici, App., № 1 (a. 980).

¹¹³⁸ Benericetti 1999, № 14 (a. 909): *sorte et porcione que ante hos dies a suis detenuit manibus quondam Toto qui est possito in fundo Aviano qui vocatur Porcilla, nec non sorte et porcione unde colonus fuit quondam Leo, qui est posito in fundo Samproniano qui vocatur Lacuna, simulque sorte et porcione unde colonus fuit quondam Ursus de Sa[xo] qui est possito in predicto fundo Saxo qui vocatur Trave.*

¹¹³⁹ Benericetti 1999, № 12 (a. 908); Benericetti 2002, № 130 (a. 967).

зависимых крестьян вообще¹¹⁴⁰. Неясен и характер (постоянный или сезонный) эксплуатации труда *homines*.

Мало что можно сказать и о правовом статусе этих *homines*. Скорее всего, они не были рабами. Так, арендаторы двух имений в округе Faventino *actio Corneliense* в 981 г. обещают, что в случае каких-либо конфликтов *homines*, населяющие эти земли, подотчетны суду собственника – монастыря св. Марии in Palacciolo¹¹⁴¹.

Как бы то ни было, из 91 либеллярного контракта IX–X вв., где арендаторы называют себя *coloni*, в 14 договорах содержится прямое указание на *homines*, в двух случаях эксплуатация чужого труда вытекает из аренды крупных земельных комплексов¹¹⁴², в одном контракте включающих крестьянские держания (*colonicatum*). Наконец, гибридная, приближающаяся к эмфитевзису либелла 977 г. разрешает съемщикам-вилакам сдавать землю в субаренду *colonicio more*¹¹⁴³.

Таким образом, около 19% колонов IX–X вв., в большей или меньшей степени, эксплуатировали чужой труд, приближаясь по своему положению к зажиточным крестьянам и мелким вотчинникам, и, шире – к представителям сельской элиты.

В отношении некоторых либелляриев, возможно, намеренно избегается употребление термина «колон»: они могут именоваться подчеркнуто нейтральным термином *petitores*. В этой неоднородной группе несколько чаще попадаются вилики¹¹⁴⁴, торговцы¹¹⁴⁵, министерялы¹¹⁴⁶, духовные лица¹¹⁴⁷,

¹¹⁴⁰ Fantuzzi 1801, № 114 (a. 1069): *do et concedo cum introitu et exitu suo et cum omnibus supersedentibus videlicet Rasum et Albertum Rasum et Jonannes filius Marie... qui debeant vobis servire et obedire cum suis filiis et heredibus in perpetuum.*

¹¹⁴¹ Benericetti 2010, № 340 (a. 981): *et si forsitan de suprascripte ambes fundoras intentjo fuerit de fraude, ipso homine qui eam pro tempore laboraverit ipsum vobis legem fatjat.*

¹¹⁴² Benericetti 2006, № 32 (a. 880): *idest Salto Colo... tres uncias principales de res sancte Ravennatis ecclesie, quem nos nunc modo ad manibus nostris tenere et laborare visi sumus, cum casis, silv[is], s[electi]s, arbustis, arboribus pumiferis, fructiferis et infructiferis, cultum et [incultum, domnicatum et colonicatum];* Benericetti 2002, № 24 (a. 914): объектом аренды колона Родульфа являются пять печей размером 50 торнатур, а также мельница на заболоченном островке посреди реки Sapis (совр. Савио) близ Чезены.

¹¹⁴³ Benericetti 2002a, № 202 (a. 977).

¹¹⁴⁴ Benericetti 2006, № 39 (a. 890); Benericetti 2002a, № 273 (a. 983–998).

¹¹⁴⁵ Benericetti 1999, № 4 (a. 905).

табеллионы¹¹⁴⁸ (всего около 29 %). Среди них, аналогичным образом, встречаются арендаторы, пользовавшиеся трудом *homines*¹¹⁴⁹ (ок. 29%). В целом социально-экономическое положение *petitores* мало отличается от тех, кто называет себя колоннами. Кроме того, часто выяснение социальной категории арендатора наталкивается на неразрешимые трудности лексико-терминологического характера. В одном случае в устойчивой формуле, описывающей обработку винограда («*postea sit nobis colonis cesso*»), *coloni* заменяются на *petitores*, что не может быть случайным, однако далее в тексте акта эти либеллярии, располагающие дополнительной рабочей силой (*homines*) и, следовательно, эксплуатирующие чужой труд, все же фигурируют под термином «колони»¹¹⁵⁰.

Таким образом, среди всех либеллярных земельных съемщиков IX–X вв. около 20% используют в хозяйстве дополнительную рабочую силу, приближаясь по своему имущественному и социальному положению к категории зажиточных крестьян и мелких вотчинников. Среди этой неоднородной массы выделяются особые представители зажиточных поселян, выполняющих функции церковных управляющих – вилики. Сама должность вилика восходит к римским временам, когда он обозначал управляющего имением¹¹⁵¹, и в таком качестве, скорее всего, фигурирует и в известном папирусе VI в. Tjäder 3. Вилики управляли сицилийскими поместьями папского патримония, обрабатываемыми особой категорией колонов, называемой *vilicialia*¹¹⁵².

В Романье IX–X вв. вилики управляли не только церковными имениями: например, у группы собственников, завещавших церкви в 955 г. половину имения *Savinianum*, был собственный управляющий, вилик Ромуальд. Помимо виликов, мы встречаем также *maiores* и министерялов. С X в. также получает

¹¹⁴⁶ Benericetti 2002a, № 263 (a. 995): *Petro qui vocatur Ministeriale*.

¹¹⁴⁷ Benericetti 2006, № 48 (a. 803); Benericetti 1999, № 4 (a. 905).

¹¹⁴⁸ Benericetti 2002a, № 273 (a. 983–998).

¹¹⁴⁹ Benericetti 2006, № 48 (a. 893); Benericetti 1999, № 59 (a. 948); Benericetti 2002, № 157 (a. 971); Benericetti 2002a, № 237 (a. 986), 259 (a. 993); Muzzioli, № 46 (a. 992).

¹¹⁵⁰ *Ibidem*, № 42 (a. 988).

¹¹⁵¹ *Columella*. *De re rustica*. I.8, XI.1, XII.1. О вилике см. также: Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье. С. 114–116.

¹¹⁵² Ковалевский М. М. Экономический рост Европы... Т. I. С. 23.

распространение франкский термин *missus*¹¹⁵³, обозначающий, скорее всего, администратора в широком смысле¹¹⁵⁴.

Вилики, *ministeriales* и *maiores*, по всей видимости, проживали в сельской местности. В Римини и Пезаро, где отсутствовали негородские промежуточные пункты доставки продукции, эти уполномоченные находились непосредственно в городе. Согласно либелле 911 г., *ministerial* из Пезаро ведал сбором оливок для нужд архиепископского двора и осматривал доставленные в город продукты¹¹⁵⁵. В 955 г. вилик Иоанн, имеющий сан клирика, арендует с супругой участок земли в Римини, неподалеку от ректория, для сооружения там жилища¹¹⁵⁶. Скорее всего, он проживал там же в городе и, вероятно, работал в ректории, так как в либелле 972 г. оговорено, что продуктовая рента должна быть представлена к осмотру вилику или *ministeriali* непосредственно в Римини¹¹⁵⁷.

Каков был их социальный статус? Уже в логике расположения сведений об именах, владельцах и доходах в папирусе Tjäder 3, несмотря на существенные лакуны, в вилике, скорее всего, следует видеть владельца достаточно крупного имения (*saltus*), который уплачивает незначительный (по сравнению с платежами остальных колонов) денежный и натуральный оброк. Думается, что схожая ситуация была характерна и для IX–X вв. Конечно, наравне с прочими колонами вилики IX–X вв. выступают, главным образом, арендаторами-либелляриями и нередко фигурируют под термином *coloni*, а условия предоставления аренды их семьям часто ничем не отличаются от общей массы нельготных либеллярных контрактов. По всей видимости, арендодатель не видел никаких оснований для

¹¹⁵³ Benericetti 2002, № 137 (a. 968).

¹¹⁵⁴ Benericetti 1999, № 82 (a. 955): *et per istius nostrum missum nomine Romualdo vilicus.*

¹¹⁵⁵ *Ibidem*, № 18 (a. 911): *et ipsas olivas colligere debeat ministerial domnico vestro et nos ad ipsas olivas dare debeamus ad colligendas operas quique... deductum omnem terraticum domnicum in integro de labore et lino sitque exenio una cum ipsas olivas per nos suprascriptis colonis omnia et ex omnibus in civitate Pensaurensi, in domnicalia vestra ad presentandum ad ministerial vestro.*

¹¹⁵⁶ Benericetti 1999, № 84 (a. 955).

¹¹⁵⁷ Benericetti 2002, № 163 (a. 972): *deductum omne terraticum domnicum in integro una cum ipso exenio per nos colonis usque ad civitatem Ariminensem ad presentatum ad vilicum aut ad ministeriale sanct[e] vestre Ravennatis ecclesie.*

предоставления существенных льгот низшей категории сельских управляющих¹¹⁵⁸.

Присмотримся, однако, внимательнее к обстоятельствам аграрных контрактов, где в том или ином качестве фигурируют вилики. Здесь проступает большое многообразие ситуаций. В 880 г. вилик Урс вместе с дочерью Онестой и внуками арендует три унции от Salto Colo, включающего дома (*casis*), двор (*curte*), сады (*ortis*), какие-то территории (*areas*), *cassalis*, а также, что гораздо важнее, земли домениального управления и участки колонов («*domnicatum vel colonicatum*»)¹¹⁵⁹. Несмотря на то, что его условия аренды ничем не отличаются от других колонов, мы имеем дело явно не с трудовым держанием, а, скорее всего, с мелким вотчинным хозяйством. Однако в либелле 872 г. вилик с супругой и группой из трех человек арендует целый *fundus* в округе Сенигаллии опять-таки на общих основаниях, что приравнивает его к остальным земельным съемщикам. В 922 г. другой вилик Урс в числе прочих арендует *locus* на условиях эмфитевзиса за девять денариев; аналогичным образом, в 942 г. вилик Виталий снимает целый монастырский *fundus* в округе Чезены¹¹⁶⁰. Факт эмфитевтической аренды, несомненно, возвышал вилика над остальными колонами. В 957 г. вилик Петр добивается особых преференций в рамках коллективной аренды группой колонов, обрабатывающих *massa Castellione*: в частности, он получает в держание три дополнительных участка, правда, на общих основаниях (*sub reddito ... secundum ister loci*)¹¹⁶¹. Трое виликов в 977 г. заключают «гибридную» либеллу «*enfiteuticario colonicio more*», включающую ряд традиционных для эмфитевзиса условий¹¹⁶². Можно предположить, что они пользовались трудом субарендаторов и были нетрудовыми держателями. Таким образом, большинство виликов принадлежали к категории сельской элиты, выступая ограниченными

¹¹⁵⁸ О министерiales нам практически ничего не известно, однако не исключено, что их статус приближался или совпадал с положением вилика: в акте 995 г. либеллярием выступает некто *Petro qui vocatur Ministeriale* (Benericetti 2002a, № 263).

¹¹⁵⁹ Benericetti 2006, № 32 (a. 880).

¹¹⁶⁰ Benericetti 1999, № 35 (a. 922); Muzzioli, № 6 (a. 942).

¹¹⁶¹ Benericetti 2002, № 91 (a. 957).

¹¹⁶² Benericetti 2002a, № 202 (a. 977).

бенефициариями в системе рентной эксплуатации производителей, а их социальный статус приближался к положению мелких вотчинников.

Их доходы дополнялись продуктами, приносимыми им трудом зависимых лиц, и удерживаемой ими долей в перераспределении земельной ренты. Акторы и вилики, кроме того, могли были наделены некоторыми судебными функциями в отношении некоторых подведомственных им колонов. Из либеллы 893 г. мы узнаем, что колоны одного из приходов округа Фаэнцы находились в юрисдикции и власти («*de distrinxione dominatione*») актора и вилика¹¹⁶³, а из либеллы 905–906 гг. следует, что актер был высшей инстанцией в разрешении конфликтов между колонами прихода св. Сабина (Римини)¹¹⁶⁴. В регесте BER 99, относящейся к Сенигаллии и датируемой А. Польверари со значительным хронологическим разбросом (920–927; 971–983) мы встречаем упоминание об арендаторах-либелляриях, пожизненно («*diebus vite illorum*») пребывающих под властью («*sub dominio e potestate*») вилика Стефана и его супруги. По всей видимости, они находились в личной зависимости у вилика.

Наконец, все церковные управляющие исполняли инспекционные задачи, во время которых останавливались в домохозяйствах арендаторов на постой, который должны были им предоставлять крестьяне (*receptio*). С этим были связана специфическая повинность *brachiatica*. Она заключалась в выполнении каких-то работ и уплате подношений прибывшему администратору, как правило, отборным зерном и другими продуктами¹¹⁶⁵.

Таким образом, в лице арендаторов-либелляриев IX–X вв. мы имеем дело с достаточно подвижной, инициативной и сравнительно зажиточной прослойкой поселян, сохранивших значительный объем личной свободы. Остается, тем не

¹¹⁶³ Benericetti 2006, № 49 (a. 893): *et non abeamus licentjam ... de distrinxione, dominatjone vestra seu de actore vestro vel de vilico vestro per nullum ingenium subtrahere*. См. также: Benericetti 2006, № 53 (a. 899): *et non habeamus licentjam... de distrinxione vestra vel de actori vestro subtrahere per nullum ingenium*.

¹¹⁶⁴ Benericetti 1999, № 6 (a. 905–906): *Immo eciam non habemus licentjam de districtjone [...] de hoc querelare nisi ipse actor nos iudicet [...]*.

¹¹⁶⁵ В договоре 975 г. монастырскому управляющему (*minor domnico*) полагалось также 10 стариев вина (Benericetti 2010, № 306), в другом случае ему уплачивалось 12 стариев (Benericetti 2010, № 338).

менее, непроясненным вопрос о формах общинной кооперации внутри этих сообществ.

§ 4. Организационные формы сельского производства и проблема общины. При беглом чтении документов кажется, что именно нуклеарная крестьянская семья (разновидность «household unit» англо-американской историографии) была основной производственной единицей аграрной экономики северо-восточной Италии. Действительно, из всех изученных либеллярных договоров VIII–X вв. приблизительно 42% заключалось одиночными семьями, еще 26% – коллективами, состоящими, главным образом, из 2–3 семей. Нередко в актах можно встретить формулу, гарантирующую вступление во владельческие права будущей супруги неженатого контрагента (*uxor quem sortitus fuerit*) и детей «от первого и законного брака»¹¹⁶⁶: по всей видимости, именно такое держание воспринималось в качестве нормы. В случае отсутствия супруги при составлении контракта ее имя записывалось нотариусом или табеллионом по формуле *se et pro ex persona N iugalis/uxor mea*¹¹⁶⁷. Раздел арендуемых площадей на parcelлы, выделенные для каждой супружеской пары или группы братьев, встречается регулярно, хотя и далеко не во всех контрактах об этом говорится прямо¹¹⁶⁸. Повсеместна ситуация, когда земля делится пополам (*in omnia medietatem*) между

¹¹⁶⁶ Benericetti 2006, № 26 (a. 872): *Martinus et coniugem quem sortito fuerit... seo Lupicino et coniugem quem sortito fuerit*; Benericetti 1999, № 24 (a. 914): *uti nobis Rodulfus et uxore qua sortitus fuero seu filiis nostris qui de primo et legitimo matrimonio nostro nati fuerint*; Muzzioli, № 20 (a. 960): *uti nobis Martino qui vocatur Blanco et Romana iugalis in omnia medietatem et in alia medietatem Grimaldo qui vocatur Gebo et conius que sortita fuerit*. Здесь обращает на себя внимание, что супружеская пара арендует землю, деля ее пополам с одиноким несемейным либеллярием с расчетом, что его будущая супруга позже вступит в права арендатора, образуя, тем самым, полноценное домохозяйство. Подобная ситуация была характерна и для XI–XII вв. См. Federici, № 41 (a. 1107): *et pro Maria futura coniuge mea*.

¹¹⁶⁷ Muzzioli, № 45 (a. 991): *Iohannis qui vocatur Galigarise petitor tam pro me et pro persona Maria iugalis mea*; Federici, № 8 (a. 983): *Tasillo petitor pro te et pro Uficia que vocatur Minuta cognus tua*; Benericetti 2002a, № 271 (a. 997): *tam pro me quamque et pro ex persona Yma iugalis mea, etc.*

¹¹⁶⁸ *Ibidem*, № 208 (a. 979), 210 (a. 979), 262 (a. 994), 239 (a. 987). С учетом того, что в двух либеллах речь идет об имуществе в нескольких пограничных *fundi* (если только не о *fundi* целиком), parcelлирование здесь не должно было вызывать особенных трудностей.

семьями арендаторов¹¹⁶⁹, хотя можно встретить и другие пропорции¹¹⁷⁰. Внутрисемейные разделы, напротив, были редкостью¹¹⁷¹.

Складывается впечатление, что основной производственной ячейкой региона была малая супружеская семья. Она состояла, как правило, из двух поколений и включала супругов и их (по всей видимости, неженатых) детей. Судя по либеллярным договорам, такой тип семей в 700–1000 гг. составлял абсолютное большинство. О количестве детей нам неизвестно ничего: первая инвентарная опись датируется XIII в.; из нее мы узнаем, что 35 из 58 крестьянских семей состояло из 4–5 человек. За вычетом двух супругов, таким образом, мы получаем 2–3 ребенка в семье; еще 17 семей состоят из 6–7 человек. Как полагает М. Монтанари, эти сведения можно принять за адекватный ориентир¹¹⁷², хотя любое ретроспективное использование источников опасно.

Конечно же, встречаются вдовы, вдовцы и неженатые бездетные колонны, нередко попадаются неполные семьи, включающие лишь одного из родителей¹¹⁷³; несомненно, существовали и бесплодные семьи¹¹⁷⁴. Некоторые семьи, напротив, включали братьев одного из супругов, кузенов и племянников¹¹⁷⁵. Все перечисленные случаи отражают лишь многообразие ситуаций, но никак не типологически альтернативные формы семейной организации. При таком взгляде на вещи легко прийти к выводу, что этот способ эксплуатации земли, многое унаследовавший от римско-византийской эпохи, когда в производстве доминировали *coloniae*, предполагал высокую парцеллированность наделов,

¹¹⁶⁹ Benericetti 2006, № 36 (a. 888–889); Benericetti 2002, № 139 (a. 968): *uti nobis Iohannes et Iohannia iugalibus in omnia medietatem, Lutjano et Cristina iugalibus et Leo germane predicatae Cristine in alia medietatem; Muzzioli, № 42 (a. 988).*

¹¹⁷⁰ Benericetti 2002a, № 237 (a. 986): *uti nobis Martino qui vocatur Martello et Cristoduli iugalibus in partibus, in quarta vero parte Petro qui vocatur de Everar[dus] et Maria iugalibus.*

¹¹⁷¹ Benericetti 2006, № 39 (a. 890); Benericetti 2002a, № 271 (a. 997).

¹¹⁷² *Montanari M. Estructuras familiares y formas de explotación agraria. Un caso italiano: Romagna, siglos XI–XIV // Studia Histórica. Salamanca, 1987. Vol. 5. № 2. P. 14–15.*

¹¹⁷³ Benericetti 2006, № 40 (a. 891): *uti nobis Pellegrino seu Alperio filio meo atque Lupo; Benericetti 2002a, № 200 (a. 977); Federici, № 11 (a. 984).*

¹¹⁷⁴ Benericetti 2002, № 35 (a. 922): *uxorem meam pro quia est sterilitas in nobis ut filios nec filias habemus.* Здесь мы видим прямое указание на бесплодие супруги одного зажиточного арендатора.

¹¹⁷⁵ Benericetti 1999, № 55 (a. 945): *uti nobis Georgius et Ingelberga iugalibus et Iohannes germane et alio Iohannes consobrinus noster.*

сравнительную автономность семейного держания как основной производственной единицы, «cellule élémentaire» (по определению А. Гийу), и, как следствие, слабость или отсутствие институтов общинной кооперации.

Однако при внимательном изучении источников становится ясно, что эти коллективы были далеко не однородными и простыми хозяйствующими единицами. Начиная с первых десятилетий X в. они все чаще включали в себя консортов (consortes) – совладельцев неясного статуса и семейного положения, о которых источники сообщают очень скупо. Зачастую весь круг примыкающих к семьям боковых родственников и прочих совладельцев описывается лаконичным выражением «cum fratribus et consortibus»¹¹⁷⁶. Таким образом, на деле эти ячейки могли образовывать настоящие консортерии земельных съемщиков. О возможных родственных узах среди этих консортов нам ничего не известно, хотя они и вероятны¹¹⁷⁷.

Кроме того, это были иерархизированные сообщества, включавшие как рентополучателей, не занятых в производстве, так и субарендаторов, а также зависимых лиц. В этих сообществах довольно часто можно встретить представителей сельской элиты – священников, торговцев, мельников, виликов, министриалов (низший слой церковных управляющих, собирающих ренту). Напомню также, что около 20% либеллярных съемщиков использовали труд т.н. *homines nostros* – лиц неясного статуса, вероятно, зависимых или наемных работников.

Таким образом, эти консортерии были сложными образованиями, включавшими работников разного статуса и в той или иной мере использовавшими зависимый и/или наемный труд. Речь идет о группах семей, ассоциациях неженатых братьев, сообща арендующих землю, сообществах совладельцев-консортов и прочих объединениях либелляриев с тем или иным

¹¹⁷⁶ Benericetti 1999, № 28–29 (а. 918).

¹¹⁷⁷ Benericetti 1999, № 45 (а. 940): *uti nobis Folcardo et Gregorius, Andreas et Iohannes seu filiis nostris...* Далее в *subscriptio* мы читаем: *signum manus suprascript[o] Folcardo pro se et pro alios consortes suos petitores*. О родственных узах среди совладельцев см. *Бессмертный Ю. Л.* Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика // СВ. 1980. Вып. 43. С. 35–43.

удельным весом родственных связей (вплоть до семейных групп) и довольно подвижным составом со сравнительно высокой изменчивостью конфигурации таких держаний. К последней четверти X в. резко возрастает число коллективов неженатых братьев и сестер, к которым могли примыкать консорты (*consortes*)¹¹⁷⁸. Количество контрактов, заключаемых крестьянскими объединениями этого типа, достигает 25% всех точно датируемых либеллярных договоров. Нередко они выступали в составе более крупных коллективов, однако в таких случаях земля делилась на наделы между группами, а в рамках каждой из них надел мог обрабатываться «*unus in sua porcione*»¹¹⁷⁹, возможно, с дальнейшей перспективой образования семейной ячейки.

Специфика источника сильно затрудняет изучение внутренней структуры таких объединений. Документы, как правило, молчат о количестве, именах и возрасте детей, о проживающих в семье братьях¹¹⁸⁰, сестрах, боковых, дальних родственниках, а также совладельцах-консортах. Либеллярные договоры молчат и о порядке наследования арендуемых имуществ. Причины молчания источников кроются в прагматичной логике архиепископских нотариусов, отражающей приоритеты земельного собственника, как правило, заинтересованного лишь в непрерывности обработки надела и бесперебойном поступлении ренты с земельного держания, а не с сидящей на ней конкретной семьи или домохозяйства¹¹⁸¹. Собственника, в целом, мало заботили вопросы наследования. В случае коллективного владения надел в большинстве случаев передавался детям обоих полов, братьям, родственникам или консортам, иногда он и вовсе

¹¹⁷⁸ Benericetti 2002, № 137–138 (a. 968).

¹¹⁷⁹ Benericetti 2002a, № 266 (a. 997): *Urso filio quondam Leonis cum fratribus tuis in omne medietate, et in alia medietate Leo filio quondam Andreas cum fratribus et consortibus tuis, seu filiis vestris unusquisque in vestra portjone*; 267 (a. 997), 268 (a. 997).

¹¹⁸⁰ Benericetti 1999, № 47 (a. 941): *Leo cum fratribus suis et Romana iugalis, Iohannes cum fratribus suis et Maria iugalis*; 49 (a. 943): *seu et Ursus et Veneroso set et iugalis atque fratribus et sororibus vestris*.

¹¹⁸¹ Это можно проиллюстрировать любопытной купчей грамотой 916 г. (Muzzioli, № 4), где речь идет о продаже земли мелкими, по всей видимости, либеллярными держателями: *idest omnem sortem et porcione in integro quem nobis obvenisse aut pertinueri de iuram Sancte Marie que vocatur in Cireseo... abendi, tenendi, posidendi et faciendi exxinde quecumque volueritis iustitia domnica persolvendum a cui iuram est*.

отходил «ad illum qui supervixerit»¹¹⁸². Лишь очень редко оговорено наследование только по мужской линии¹¹⁸³. Отсутствует упорядоченность и в вопросах перераспределения земли. Как правило, ее лишь запрещалось обменивать или продавать сторонним лицам.

Ситуация меняется с XII–XIII в., когда вызванный перенаселением аграрный кризис вынудил собственников земли регулировать наследование наделов¹¹⁸⁴. Практика ограничения доступа к ресурсам под давлением демографического пресса хорошо известна исследователям докапиталистических обществ, склонным видеть между этими явлениями положительную корреляцию¹¹⁸⁵. Для наших источников показательно и отсутствие разработанной терминологии, относящейся к семье или группам родства, хотя, судя по сочинениям Петра Дамиани, она была прекрасно известна образованным романьольцам X–XI вв.

Таблица 21. Типология держаний в Экзархате и риминийском округе

Регион	Односемейные держания	Многосемейные родственные коллективы	Многосемейные коллективы и смешанные типы	Коллективы неженатых братьев/сестер	Одинокие держатели и их группы
Экзархат 870-1000	33	6	12	4	7 (не более 1-2)

¹¹⁸² Benericetti 1999, № 72 (a. 952): et di unus ex vobis suprascripti petitores sine legitimo filio vel filia mortuus fuerit, constituimus ut ipsum suprascriptum fundum... totum et integrum cadeat et revertat ad illum qui supervixerit, seu filiis et nepotibus suis; Benericetti 2010, № 338 (a. 970): seo filiis et filies nostris; Muzzioli, № 26 (a. 975): uti nobis Benedictus seo filiis et filiae vestris; Fantuzzi 1802, № 19 (a. 981): et si unus de nostris petitori ante alterum sine heredes de seculo hobierit revertat suam porcionem ad illi qui supervixerit, seo filiis nostris.

¹¹⁸³ Muzzioli, № 42 (a. 988): uti nobis... Lulianus filio quondam Suppo seo filiis masculi; 43 (a. 988): uti nobis... Petrus qui vocatur de Lulia petitore tam pro me et rpo persona Ravenna iugalis mea seu filiis nostris masculi.

¹¹⁸⁴ Federici, № 36 (a. 1083): seu filiis ac nepotibus meis masculis, et si non abuerimus, liceat derelinquere una filia sua vel nepta, si non adpreendit servum; продуманный порядок наследования встречается в либелле 1107 г.: Federici, № 41 (a. 1107); Federici, № 45 (a. 1114): pro me seu filiis masculis, si absque masculo obiero tunc res deveniat in una filia mea; Federici, № 111 (a. 1174): pro nobis seu nostris masculis vel pro una filia... et quails de nobis obierit sine filiis eius porcio cadat aliis qui vel que supervixerunt, primum de fratre in fratrem, deinde aliis; Fantuzzi 1804, № 34 (a. 1212): et pro nostris filiis masculis vel pro una filia nostra femina in singular nostra portione si masculos non habuerimus; Federici, № 370 (a. 1293): nostrisque filiis masculis vel pro una filia femina si masculos non abuerimus.

¹¹⁸⁵ Fried M. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. New York, 1967. P. 199–202.

					чел.)
Римини 903-1000	4	–	5	11	8 (1-4 чел.)

Этот вопрос вплотную подводит нас к старой, как мир, проблеме средневековой общины и ее типологических форм. Община как организационная форма крестьянского землевладения давно находится в фокусе российских и зарубежных исследователей раннесредневекового крестьянства. Советские и российские ученые немало сделали для выявления, систематизации и изучения конкретно-исторических типов общинной организации в ряде регионов Европы, Азии и Африки¹¹⁸⁶. В советской исторической науке община обычно воспринималась как неуклонно разлагавшийся и деградировавший пережиток «родоплеменного строя» и как, в целом, чужеродный элемент в развитых обществах Древности и Средневековья¹¹⁸⁷. Но само существование общины в доземледельческих («первобытных») обществах и как ячейки родового строя, и как института, базирующегося на «коллективной собственности на землю», теоретически обоснованное В. Р. Кабо и другими этнографами¹¹⁸⁸, было подвергнуто критике¹¹⁸⁹. В то же время некоторые исследователи докапиталистических обществ (Л. Б. Алаев, Ю. И. Семенов, А. Я. Гуревич и др.)

¹¹⁸⁶ *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956; *Дьяконов И. М.* Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. М., 1963. № 1. С. 16–34. См. также: *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община...; *Алаев Л. Б.* Проблема сельской общины в классовых обществах // ВИ. М., 1977. № 2. С. 92–110; *Община в Африке. Проблема типологии.* М., 1978; *Павловская А. И.* Египетская хора в IV в. М., 1979. С. 142–164; *Гуревич А. Я.* Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. М., 1985. С. 90–137; *Шкунаев С. В.* Община и общество западных кельтов. М., 1989; *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006; *Алаев Л. Б.* Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016.

¹¹⁸⁷ Альтернативных, неортодоксальных точек зрения высказывалось не так много. См., например, выводы Е. М. Штаерман о возрождении (в т.ч. искусственном) и укреплении общины в западных провинциях Поздней империи: *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С. 30–52. Сходные идеи на древневосточном материале высказывал И. М. Дьяконов (*Дьяконов И. М.* Община на Древнем Востоке... С. 31).

¹¹⁸⁸ *Кабо В. Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986.

¹¹⁸⁹ *Артемова О. Ю.* Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М., 2009. С. 201–249.

еще в советское время пришли к пересмотру представлений об общине как «архаическом пережитке». Сегодня представляются уже далеко не очевидными и уж во всяком случае не доказанными ни ее архаичный характер, ни «классическая» схема эволюции общины, выведенная А. И. Неусыхиним (с некоторыми оговорками) из знаменитых набросков К. Маркса к письму В. И. Засулич¹¹⁹⁰. В наши дни признается важная, а то и решающая роль государства, церкви и частной собственности в формировании экономического, социального и правового облика средневековой общины. Община была, таким образом, восстановлена в правах как важный интегральный элемент средневекового общества¹¹⁹¹.

В наши дни признается естественность возникновения общинных связей из факта совместного проживания и хозяйствования на одной территории. Конкретные формы общины возникают и кристаллизуются в зависимости от сочетания экологических, физико-географических и социально-политических условий. В последние десятилетия активно изучаются крестьянские ассоциации, приходские общины и различные типы коллективных действий сельских жителей, в том числе на материале раннесредневековой Европы¹¹⁹². Предпринимаются попытки пересмотра крайней точки зрения, получившей распространение прежде всего в немецкой историографии середины прошлого века (т.н. «Констанцской группы» Т. Майера и др.), в соответствии с которой община в Западной Европе до XI–XII вв. не существовала вовсе, а ее появление (как административно-правового

¹¹⁹⁰ Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1961. С. 400–421; Алаев Л. Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. Вып. 2 (20). С. 46–73.

¹¹⁹¹ Филиппов И. С. Средиземноморская Франция... С. 406–417, 702–706; Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. P. 257–284; Вин Ю. Я. Средневековая сельская община как объект концептуального изучения // СВ. 2017. Вып. 78 (3). С. 63–77.

¹¹⁹² См. Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1997. P. 101–152; Wickham C. Problems of Comparing Rural Societies in Early Medieval Western Europe // Transactions of the Royal Historical Society. 1992. Vol. 2. P. 221–246; Idem. Comunità e clientele nella Toscana del XII secolo. Le origini del comune rurale nella Piana di Lucca. Roma, 1995; Davies W. Community Definition and Community Formation in the Early Middle Ages – Some Questions // People and Space in the Middle Ages, 300–1300. Turnhout, 2006. P. 1–12; Wickham C. Rural Society in Carolingian Europe // The New Cambridge Medieval History. Vol. II. Cambridge, 2008. P. 510–553.

объединения) было напрямую сопряжено с концентрацией поселений и ростом сеньориальной эксплуатации¹¹⁹³. Все это говорит о необходимости продолжения изучения общины с привлечением материала из разных регионов мира и обновленного методологического инструментария.

Несомненно, что в рамках изученных мной семейных и соседских объединений, в особенности среди поселений женатых братьев и прочих родственников, а также консортов, существовали хотя бы простейшие формы кооперации, необходимые для выполнения тех или иных хозяйственных задач, в частности, для орошения полей и виноградников посредством сооружения и поддержания искусственных водоемов. В источниках часто упоминаются большие каналы (*fossa*, и, возможно, *aqua*), а в прибрежной полосе Адриатического моря, в холмисто-равнинной округе Римини, получили распространение специфические искусственные водоемы (*forme*)¹¹⁹⁴, знакомые также и заболоченным приморским территориям близ Равенны. В рамках отдельных групп домохозяйств широко использовались каналы (*canales*), вероятно, оросительного и сточно-дренажного назначения¹¹⁹⁵. Их сооружение вряд ли было по силам одному домохозяйству.

Сама форма совместного владения по контракту может быть интерпретирована как проявление общинных начал в интересах выживания и экономической эффективности индивидуальных хозяйств¹¹⁹⁶, но конкретные обстоятельства, касающиеся характера землепользования, который мог быть и индивидуально-семейным, нам не известны. Мы, в частности, ничего не знаем о способах межевания участков и порядке выпаса скота, хотя регулирование доступа к угодьям, несомненно, играло важную роль в жизни романьольских

¹¹⁹³ См. об этом: *Мильская Л. Т.* К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ // СВ. 1974. Вып. 38. С. 61–71; *Modzelewski K.* *Barbarzyńska Europa*. P. 263–266.

¹¹⁹⁴ *Venericetti 2002a*, № 226 (a. 982): *atque a quarto latere via que pergit ad formam.*

¹¹⁹⁵ *Venericetti 1999*, № 35 (a. 922): *interrafines ab uno latere possidente sanctae Adriensis ecclesie, ab alio latere canale de supradicto Gauro, seu a tercio latere via qui dicitur Pullus, atque a quarto latere fluvio iamdicto Gauro percurrente.*

¹¹⁹⁶ *Каждан А. П.* К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII–X вв. // ВВ. 1956. Т. 10 (35). С. 53–54.

крестьянских сообществ. Показательно также существование публичных и частных проселочных дорог и проходов (*via publica, limite*), а также общих колодцев (*puteum comune*)¹¹⁹⁷. Степень хозяйственной кооперации могла повышаться в зависимости от конкретных экологических условий. В этом смысле интересен пример соседнего округа Феррары.

Как я уже говорил, этот округ, находившийся в заболоченной зоне Паданской долины, выпадал из природно-хозяйственного континуума бывшего Экзархата. Степень внутренней кооперации объединений земельных съемщиков здесь была выше. Причина кроется в особенностях взаимодействия человека с природной средой, предполагавших мобилизацию значительных трудовых усилий для введения в хозяйственный оборот целинных участков¹¹⁹⁸.

Здесь консортерии представляли собой большие многосемейные коллективы (16–35 семей), нередко состоявшие из объединений братьев и сестер, супружеских пар и одиноких арендаторов¹¹⁹⁹. Они часто коллективно проживали и арендовали земли в пределах т.н. *massae* – крупных единиц кадастрового землеустройства, соответствовавших античной латифундии. Позже, в развитое Средневековье, эти сообщества эволюционировали в полноценные *villae*. Так, в папской привилегии 1259 г., сохранившейся в Камальдулийских анналах, мы читаем об имуществе в феррарской епископии, расположенных *in villa que appellatur Massa*¹²⁰⁰. Масса *Suparia* (совр. коммуна Коппаро) также впоследствии превратилась в полноценное поселение. Есть основания полагать, что *massa Fiscalia* была полноценным поселением (или, возможно, группой поселений) уже в конце IX в.: она, в частности, фигурирует в перечне населенных пунктов в числе владений графини Ингельрады в качестве *locum* наряду с Вогьерой, Корначервиной и Финале. Топоним *Tamara*, обозначающий в одном случае

¹¹⁹⁷ Benericetti 1999, № 33 (a. 920).

¹¹⁹⁸ Mancassola N. L'azienda curtense tra Langobardia e Romania. Rapporti di lavoro e patti colonici dall'età carolingia al Mille. Bologna, 2008. P. 135.

¹¹⁹⁹ См. например: Benericetti 2003, № 26 (a. 1006).

¹²⁰⁰ Mittarelli J. B. Annales Camaldulenses Ordinis Sancti Benedicti. T. 5. Venetia. 1760. P. 120 (appendix).

fundus, который обрабатывает группа колонов и субарендаторов¹²⁰¹, в другой грамоте, наряду с топонимами Caput Sandali и Curolo, фигурирует под термином Iocum, который, выпадая из римской кадастровой «сетки», мог обозначать и полноценное поселение¹²⁰².

Впрочем, характер сельского поселения, возможно, оставался рассеянным, рассредоточенным по отдельным, обособленным «очагам» или домохозяйствам (casale), как, например, обстояло дело в massa Quartisana¹²⁰³. Так, в 1017 г. четыре консорта арендуют у Церкви в районе Феррары, в имении Fossalto, четыре casales размером 40×30 пертик каждый, или чуть больше гектара на каждое домохозяйство. Поселенцы massa Maderio в том же округе в 1017 г. специально просят разрешения выделить по дому (casale) на каждого брата и консорта (всего – 13 человек, не считая одной супружеской пары)¹²⁰⁴. Другие поселенцы, арендовавшие в том же году имение Vicogisso на побережье По, получают разрешение каждому иметь casale с виноградником размером 25×25 пертик, или ок. 0,6 га.

Земля здесь также могла поколениями обрабатываться отдельными семьями или родственными коллективами. Так, в 955 г. группа колонов арендует землю в нескольких fundi у монастыря св. Марии in Palaciolo. По условиям договора супруги Доминик и Онеста получают надел, ранее принадлежавший свекру Доминика, Иоанну Альбо, а колон Люпицин с племянником Мартином получает надел родителей Люпицина – Доминика и Петрониллы¹²⁰⁵.

Тем не менее, в этих местах неоднократно (например, в либеллах 957 и 971 гг.) в перечне групп либелляриев встречаются кузнецы, табеллионы, один раз – священник. Все это говорит об относительно автономном характере этих

¹²⁰¹ Benericetti 2002, № 155 (a. 971).

¹²⁰² Ibidem, № 151 (a. 970).

¹²⁰³ Benericetti 2002a, № 232 (a. 984).

¹²⁰⁴ Benericetti 2003, № 50 (a. 1017): et dedistis nobis licentjam per [unum]queque fratres et consortes ad abere casale singulum.

¹²⁰⁵ Benericetti 2010, № 333 (a. 955).

поселений¹²⁰⁶. Показателен и обычай сортировки и молотбы злаков на общем гумне (*area*)¹²⁰⁷, несомненно, предполагавший объединение трудовых усилий нескольких крестьянских хозяйств, а значит, и наличие простейшей производственной кооперации. Такой тип поселений адекватен сравнительно неблагоприятным для продуктивного зернового хозяйства природно-климатическим условиям¹²⁰⁸, толкавшим людей к оптимальному объединению трудовых усилий. Таким продуктом общинной кооперации, несомненно, были и дамбы (*argere*), известные нам по документу 1001 г. из массы *Fiscalia*¹²⁰⁹.

Наконец, на местном уровне могли существовать и альтернативные формы общностей, связанные с расселением иных этнических групп. «Земля, возделываемая славянами», расположенная неподалеку от Равенны, вероятно, представляла собой общину, арендующую землю у архиепископа¹²¹⁰. Несмотря на то, что в источниках она фигурирует с 943 г., вероятно ее более древнее происхождение. Скорее всего, она совпадает с локализованным в Равеннском округе топонимом *locum Sclavi*, впервые встречающимся в акте 966 г., во всяком случае, оба объекта граничат с местечком *Трискло*¹²¹¹.

В округе Римини регесты «Баварского кодекса» и акты равеннских архивов фиксируют еще несколько топонимов, которые оправданно соотнести с пришлым славянским или славянизированным тюрко-болгарским населением. Речь идет о местечках *Slavrianum*, *Bulgaria Nova*, *terra Bulgarorum* и *fine Bulgarisca*¹²¹². В документах, относящихся к округу Сенигаллии, в долине реки Чезано, вплоть до

¹²⁰⁶ Benericetti 2006, № 48 (a. 893); Benericetti 2002, № 91 (a. 957), 155 (a. 971); Benericetti 2002a, № 232 (a. 984); Benericetti 2003, № 50 (a. 1017).

¹²⁰⁷ Benericetti 2002, № 91 (a. 957): *hoc est terraticum grano, sicale in campo cappas quartas, trahendas per nos ad aream et triturandam*; Benericetti 2003, № 26 (a. 1006): *sicale et faba vel de misturia ingranata in campo capas quinta ad aream traenda et tritulare debeamus*.

¹²⁰⁸ *Ruggini L.* *Economia e società nell'«Italia annonaria»*. P. 65.

¹²⁰⁹ Benericetti 2003, № 8 (a. 1001).

¹²¹⁰ Benericetti 1999, № 50 (a. 943): *terra que natjone sclavorum ad jura sancti Ravennatis Ecclesie detenuerunt et lavoraverunt*.

¹²¹¹ Benericetti 2002, № 124 (a. 966).

¹²¹² Benericetti 2006, № 14 (s. IX); BER, № 43, 73.

XII в. можно было встретить латиноязычный топоним *vico Bulgarum qui vocatur Sclavinorum*¹²¹³.

Похожая ситуация имела место и на периферийных землях Экзархата, занятых лангобардскими поселенцами: так, с *fundus Longobaldi*, очевидно, получившим свое название от лангобардских поселенцев, граничит *fundus Consortie*¹²¹⁴; не исключено, что второй топоним восходит к обработке имения коллективом совладельцев, хотя теоретически он мог быть образован от имени *Consortia*. Колон Леопард арендует землю в округе Озимо «*cum multis sociis suis*»¹²¹⁵, что может указывать на наличие общинной организации. Возможно, славяно-болгарские поселенцы были связаны с лангобардами: неподалеку от *fundus Consortie* мы встречаем местечко *Oliva de Bulgari*¹²¹⁶.

По сравнению с районом Феррары, о внутренней структуре и конкретных формах организации труда в консортериях Романьи нам известно мало. Нередко они состояли из неженатых братьев и сестер, к которым могли примыкать другие, неназванные консорты¹²¹⁷. Скорее всего, в рамках таких сообществ обработка земли была все-таки делом отдельных семейных хозяйств. Раздельную обработку парцелл могли вести женатые братья. Так, в округе Форлиμποполи арендованные 3/4 *fundus Vibano* обрабатывались двумя группами, состоящими из пары братьев с супругами, причем каждая супружеская пара обрабатывала свой надел¹²¹⁸. Реальное количество таких родственных групп могло быть и больше: так, в округе Фаэнцы по соседству с семьей колона Урса арендует монастырскую землю его брат Иоанн¹²¹⁹, однако неясно, в какой мере последний, ведущий отдельное хозяйство и не участвующий в договоре аренды, интегрирован в производственный коллектив.

¹²¹³ *Polverari A. Una Bulgaria nella Pentapoli. P. 11. О славянском элементе в византийской Италии см. Бородин О. Р. Славяне в Италии и в Истрии в VI–VIII вв. // ВВ.1983. Т. 44. С. 48–59.*

¹²¹⁴ BER, № 119.

¹²¹⁵ *Ibidem*, № 149.

¹²¹⁶ *Benericetti 2002*, № 93 (а. 956–957).

¹²¹⁷ Характерные примеры: *Benericetti 2002*, № 137–138 (а. 968); *Benericetti 2006*, № 234 (а. 985), 259 (а. 993), 266 (а. 997), 267 (а. 997), 268 (а. 997).

¹²¹⁸ *Muzzioli*, № 17 (а. 958), № 18 (а. 958).

¹²¹⁹ *Ibidem*, № 7 (а. 943).

Более отчетливая тенденция к кооперации прослеживается в тех немногочисленных либеллярных договорах, в которых группы братьев стремятся удержать в своих руках целое имение (*fundus*). В 948 г. братья Иоанн и Урс перезаключают договор аренды *sortes et porciones in integro* в двух *fundi* *Rofello* и *Romiano* в Монтефельтро. Среди них есть как унаследованные от родителей, так и благоприобретенные парцеллы, а также «те, которые каким-либо иным образом достанутся вам»¹²²⁰, чему, к слову, мог способствовать их зажиточный статус и наличие зависимых или наемных работников (*homines*). Кроме того, согласно условиям договора, арендуемые земельные площади могут отчуждаться только в пользу других братьев¹²²¹.

Необходимо обратить внимание на два момента, в целом, нетипичные для большинства договоров. Очевидно стремление к «округлению» арендуемых площадей в рамках границ двух *fundi* со стороны самих арендаторов. Налицо также интерес церковного собственника в сохранении целостности *fundi*. Так, в другом договоре 952 г. с двумя братьями, «обрабатывающими» приморский *fundus Libanum* в округе Римини, указано, что «в случае, если один из вас умрет, не оставив сына или дочь, родившихся в законном браке, весь *fundus Libanum* целиком переходит к тому [брату], который к тому времени будет жив, или к его сыновьям и внукам»¹²²². Заинтересованность в хозяйственной кооперации здесь хотя и не очевидна, но вероятна, и она встречает поддержку Церкви. С другой стороны, исключительно редки случаи, когда женатые братья проживали вместе с родителями, образуя, тем самым, семейную общину¹²²³. Впрочем, «кондом» (*condoma*) или большесемейных общин, и тем более патронимий, византийская и

¹²²⁰ Benericetti 1999, № 61 (a. 948): *idest sortes et porciones vestra in integro quem vobis obvenit tam a genitoribus vestris quamque et per comparationis cartulam vel per quacumque modum vobis obveniret.*

¹²²¹ *Ibidem*: *Et non habeatis licenciam vos suprascriptis colonis hunc libellum aut suprascripta res alicui homini dare vel vendere seu transferre aut oponere vel commutuare aut in alio venerabili loco relinquere audeatis... nisi inter vos petitores.*

¹²²² Benericetti 1999, № 72 (a. 952): *eo videlicet tinore ut si unus ex vobis suprascriptis petitores sine legitimo filio vel filia mortuus fuerit, constituimus ut ipsum suprascriptum fundum Libanum totum et integrum cadeat et revertat ad illum qui supervixerit, seu filiis et nepotibus suis sicut superius legitur.*

¹²²³ *Ibidem*, № 31 (a. 919); Federici, № 16 (a. 1005).

поствизантийская северо-восточная Италия (в отличие от некоторых других областей полуострова, а также малоазийских и балканских областей Византии), как кажется, не знала¹²²⁴.

Существовали ли в Романье надлокальные формы объединений? Сельскому населению Экзархата были известны проявления локальной солидарности. Есть сведения об участии жителей зоны Дечимано, т.н. «*coloni decumani*», в восстании 710–711 гг. Высокую степень сплоченности время от времени демонстрируют и объединения мелких землевладельцев. В частности, 46 консортов, державшие в 50-х гг. IX в. половину «латифундии» (*massa*) под названием *Albarito seu Portillone* в районе Комаккьо («*in ipsa massa sorte tenebant*»), стали участниками поземельного конфликта с архиепископом Равенны, в ходе которого они выдвинули своих представителей (*missi*), пытавшихся отстаивать в суде их интересы¹²²⁵.

Однако при редкости кучевых поселений и доминировании рассредоточенных домохозяйств с обособленными имущественными интересами, нередко эксплуатировавших чужой труд, институты, связанные с регулированием общинного землевладения и самоуправления, были, вероятно, слабы или отсутствовали вовсе. Система поселений в Романье и Пентаполе в VIII–XI вв. демонстрирует известный континуитет с византийским временем и сохраняет децентрализованный характер, отвечавший потребностям мелких парцеллярных хозяйств¹²²⁶. Сказывалась и сравнительно слабая степень интеграции крестьянского хозяйства в крупную церковную вотчину. Наконец, концентрации поселений до поры до времени препятствовали как природно-хозяйственные особенности этого горно-холмистого региона, где равнинные зоны покрывали менее трети общей территории, так и сохранение обширного фонда неводеланных земель: пахотные участки, виноградники, оливковые рощи и

¹²²⁴ Точку зрения М. М. Ковалевского о том, что крестьянская семья колонов Экзархата аналогична кондоме на землях римской курии VI в. (*Ковалевский М. М. Экономический рост Европы...* Т.1. С. 246), можно признать ошибочной.

¹²²⁵ Venericetti 2006, № 19 (а. 850–859).

¹²²⁶ См.: *Бородин О.Р.* Равеннский экзархат. С. 304.

огороды чередовались с неосвоенными лесистыми или заболоченными зонами, водоемами и скалами.

Развитая общинная организация не проступает явно не только на уровне хозяйственных занятий, но и во взаимоотношениях крестьян с их господами. Можно предположить, что небольшие, в сравнении с соседними регионами, размеры натуральной ренты, выразившиеся в 10-й (в Пентаполе) или 7-й (в Экзархате) доле зерновой продукции, и слабость барщинной эксплуатации, сводившейся к скромным отработочным или извозным повинностям в течение нескольких дней в году, не способствовали появлению институтов коллективной самоорганизации для защиты от произвола церковных и светских собственников.

Таким образом, источники не содержат сведений об устойчивых и прочных общинных формах объединения сельского населения. Это в полной мере отражает тот факт, что развитая общинная организация в рамках классового общества получает наибольшее развитие только при наличии определенных хозяйственных и социальных условий, в число которых входит и уровень рентной эксплуатации. В наших источниках отсутствуют данные об общинном самоуправлении или о каких-либо формах коллективного землепользования и землевладения, сопоставимых с *terra indivisa* южноитальянских актов; наконец, неясно, являлись ли известные нам коллективы селян субъектами права.

Вместе с тем, на местном уровне, помимо различных форм естественной хозяйственной кооперации, вне сомнения, поддерживались такие формы социального общения, как приходская организация, оформившаяся здесь на протяжении VIII–X вв., а также те или иные виды межсоседских связей. Добавлю, что исследования С. Рейнольдс и В. Дэвис убедительно показали, что рассредоточенный («дисперсный») тип поселений и отсутствие сеньориального гнета не исключали возможность общинной самоорганизации.

Взвешивая все «за» и «против», я склоняюсь к тому, что в изучаемый период наиболее значимыми для крестьян были те связи, которые функционировали на уровне малых групп, или консортерий. Такие группы

хорошо известны по материалам Южной Италии¹²²⁷ и ряда других регионов Средиземноморья¹²²⁸. Итак, в течение IX–X вв., наряду с сохранением автономных семейно-хозяйственных единиц, наблюдается тенденция к структурированию сельского населения в социально неоднородные сообщества, известные как консортерии, в которых доминировали представители локальной сельской элиты, нередко занимающие церковные должности или исполняющие функции церковных управляющих (вилики, акторы, министерялы и т.д.). Эти группы включали людей разного статуса, от мелких землевладельцев-рентополучателей до субарендаторов и зависимых наемных работников. Структурно они представляли собой, как правило, объединения из 2-3 нуклеарных семей или различные ассоциации неженатых братьев и совладельцев (консортов), сообща арендовавших участки земли, с которых они платили ренту собственнику.

§ 5. Мелкие трудовые собственники и промежуточные группы. О трудовой крестьянской собственности, к сожалению, нам не известно практически ничего. А. Кастаньетти и О. Р. Бородин единогласны в том, что мелкая крестьянская собственность не играла заметной роли в византийской Италии. Фигурирующие в документах производители почти повсеместно именуются *coloni*, термин, указывающий на статус держателя (в нашем случае – наследственного экономически зависимого арендатора), но никак не собственника земли.

Следует, однако, иметь в виду, что сама специфика источников (в основном – либеллярных договоров с колонами) предполагает, что эта категория земледельческого населения появляется в них лишь мимоходом, в порядке исключения, и только в тех случаях, где эти люди сами вступали в экономические отношения с церковными собственниками. Особое внимание следует обратить на

¹²²⁷ См.: *Абрамсон М. Л.* Крестьянские сообщества в Южной Италии в X–XIII вв. // *Европа в Средние века: экономика, политика, культура.* М., 1972. С. 47–48.

¹²²⁸ *Котельникова Л. А.* Крестьянская община // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.* Т. 2. М., 1986. С. 478; *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция... С. 660–669.

редкую категорию мелких собственников, фигурирующих в актовом материале под термином агелларии (*agellarii*)¹²²⁹.

Его семантика вызывает немало вопросов. В словаре Дю Канжа термин *agellarius* означает буквально «земледелец» («*rusticus, qui agrum colit*»), что вполне соотносится с обиходным значением слова в латыни V–VI вв.¹²³⁰ В то же время как созвучный ему *agillarius* переводится как *bubulcus*, «волопас» или, скорее, «начальник погонщиков волов» (термин восходит к греческому ἀγέλη – «крупный рогатый скот»). В широком смысле *agellarius* мог означать любого сельского управляющего в крупном имении. Именно так термин понимают издатели «Баварского кодекса»¹²³¹.

Это мнение вызывает сразу несколько возражений. Во-первых, как следует из примеров, собранных Дю Канжем, термин *agellarius* в таком значении используется исключительно в латинском лексиконе средневековой Англии. Во-вторых, актам Романьи знаком термин *befulcus*¹²³², а для управляющих имениями существует собственная терминология (*villicus, ministeriale*). В-третьих, в латинских папирусах и актах поствизантийского времени никак не отражены должностные функции агеллариев. В источниках VI–VIII вв. *agellarii* выступают исключительно в роли мелких земельных собственников. То, что производители этой категории выступают в качестве арендаторов (*coloni*), на мой взгляд, не должно смущать исследователя: в конце концов, собственник мог выступать и земельным съемщиком на церковных землях, появляясь в источниках только в этом качестве.

В грамотах VIII–X вв. эта категория встречается нечасто. Надо сказать, что и в византийский период представители этой категории упоминаются довольно редко. В папирусе 572 г., представляющем собой акт продажи имущества,

¹²²⁹ Издатель «Баварского Кодекса» Дж. Работти деликатно ушел от проблемы, дав термину двоякую интерпретацию: это и крестьянин в широком смысле слова (*colono*), и управляющий имения (*amministratore fondiario*).

¹²³⁰ *Filippov I. S. Vulgata versus Vetus Latina: the Choices of Caesarius of Arles // Medieval Translator. 2016. T. 16. P. 322.*

¹²³¹ *Andreolli B. Le enfiteusi e I livelli del «Breviarium». P. 174.*

¹²³² *Federici, № 2 (a. 973).*

фигурирует агелларий Домнино из Чезены, имеющий титул *vir honestus*, указывающий на его принадлежность к незнатной категории мелких собственников (*possessores*), живших за счет собственного труда и совпадавших с социальной базой византийского *exercitus*; примечательно, что он неграмотен, что оговаривает составитель акта, судья Иоанн¹²³³. Вместе с тем размер его недвижимой собственности весьма внушителен: он владеет типичной позднеримской виллой (*fundus Curtinis*), по некоторым косвенным указаниям (наличие каменной арки над въездом) – укрепленной. В 767 г. агелларий Альбан дарит церкви какую-то земельную собственность (документ испорчен). Его общественное положение (*vir honestus*), размеры недвижимости (целых два *fundi* – *Sorariano* и *Domicilio*) и статус лиц, привлеченных в качестве свидетелей (солдаты и офицеры, несомненно, социально близкая ему среда мелких и средних земельных собственников) указывают на то, что статус *agellarius* на протяжении веков, в целом, совпадал с нижним слоем земельных собственников, приближающимся, как следует из самого термина, к собственности крестьянского типа. Вполне возможно и то, что упомянутый Альбан был отставным солдатом, на каком-то этапе своей жизни приобретшим землю и ставшим земледельцем.

В поствизантийский период эта категория собственников сохранилась лишь в Пентаполе. Скорее всего, постепенное вымывание этого слоя мелких собственников несколько уравновешивалось притоком поселенцев германского происхождения. Тем не менее, в IX–X вв. эти производители по разным причинам втягивались в орбиту крупного землевладения.

Рассмотрим несколько случаев. Агелларий Люпицин (723–998) в качестве арендатора *libellario pomine* снимает нескольких парцелл от двух имений на несколько отличных от типичной либеллярной аренды условиях (три амфоры вина)¹²³⁴; скорее всего, приобретением виноградника он стремился диверсифицировать свое хозяйство. Другой пример: некий Адрепальд (датировка документа вновь неопределенна, между VII–X вв.) вместе с другой семьей

¹²³³ Marini, № 120: *pro ignorantia litterarum signum faciente*.

¹²³⁴ BER, № 58.

арендует 110 модиев земли на землях архиепископии на общих основаниях (10-й модий зерна, 10-й сноп льна, и 4-я амфора вина, а также 30 денариев в счет коммутированных поборов)¹²³⁵. В BER 111 (VII–X вв.) содержится запись о некоем Мартине по прозвищу «Хвастун» (Gallato), арендующем на схожих условиях у архиепископа 350 модиев в пределах имения Casale Mauri в *massa Merolarie*. Резонно допустить, что аренда такого крупного участка была под силу только зажиточному крестьянину, однако условия договора, как видно из объема коммутированных платежей, не являются льготными. По всей видимости, его относительно невысокий статус мелкого крестьянского собственника не давал арендодателю оснований для получения льгот. Возможно, впрочем, что он арендовал высокодоходный надел, и экономические преимущества до известной степени смягчали высокую ставку арендной платы. В пользу его зажиточного статуса также свидетельствует связь с рынком, сделавшая возможной коммутацию большинства платежей.

В округе Озимо агелларий Мартин (846–850) арендует 50 модиев земли на условиях либеллярной аренды за два тремисса, или 2/3 солида¹²³⁶. Вносимая им рента лишь ненамного превышает среднюю эмфитевтическую арендную плату, вносимую арендаторами промежуточного типа в округе Озимо (60 модиев ≈ шесть денариев)¹²³⁷. Его социальный статус, таким образом, приближается к статусу свободного лангобарда (*exercitalis*), снимающего землю в том же округе в 748–769 гг. и также уплачивающего денежную ренту в один золотой солид¹²³⁸.

Привилегированное положение агеллария косвенно подтверждается и другим наблюдением. На «территории» Озимо, в отличие от ряда других регионов Пентаполей, либеллярный контракт гораздо чаще являлся нетрудовой арендой, заключаемой с представителями промежуточных групп: в частности, среди арендаторов-либелляриев здесь встречаются священники¹²³⁹, уплачивавшие

¹²³⁵ BER, № 109.

¹²³⁶ Ibidem, № 145.

¹²³⁷ Ibidem, № 113.

¹²³⁸ Ibidem, № 132.

¹²³⁹ Ibidem, № 142, 144, 159.

денежную или льготную натуральную ренту. Постепенное исчезновение этой категории в полной мере говорит о кризисе мелкой крестьянской собственности с явно выраженной тенденцией к переходу таких собственников в категорию привилегированных держателей.

Сельские элиты и промежуточные группы. Сельский мир Романьи знал множество сообществ промежуточных групп землевладельцев. Порой это были отдельные семьи, но чаще это – межсемейные объединения, подчас целые консортерии, включающие боковых родственников. Они владели землей на условиях льготной (главным образом, эмфитевтической) аренды и, вероятно, пользовались трудом субарендаторов-колонов¹²⁴⁰. Размеры арендуемых ими площадей, как правило, не превышали 1–2 *fundus* и нередко были рассеяны по разным «полям». Уловить грань между колонами и такими эмфитевтами подчас проблематично, хотя, без сомнения, она существовала.

Эти объединения мы встречаем еще с середины IX в. Так, из одного сильно разрушенного документа этого периода мы узнаем о консортерии из девяти человек (среди них – Валентин, «аббат» церкви св. Мартина), арендующих у архиепископа виноградники где-то поблизости от Равенны, соседями которых выступают трибун (имя утеряно), «наследники» неизвестного (документ испорчен) дукса, Григорий, сын комита Андрея, «наследники» датива Сессино, а также земля датива Иоанна и равеннца Льва Грассо¹²⁴¹. Эти арендаторы были, безусловно, местного происхождения, судя по преобладанию итало-византийских (Валентин, Григорий, Доминик, Наталия, Юстин и др.) антропонимов, куда вклинилось лишь одно германское имя – Регондина. Судя по тому, что под документом поставила подпись Иоанния, вдова комита Льва, которую группа

¹²⁴⁰ Benericetti 2002, № 153 (a. 969–970): [...uti o]mnes sortes et portjones nostras quantascumque detinuit et laboravit Leo de Ursa colono nostro posita in fundo Fusina; Benericetti 2002a, № 230 (a. 971–983): que suprascriptas res, cum vineis, terris et cum colonicia que fuit de condam Andrea in fundo Cerno. Benericetti 2002, № 125 (a. 966): habendum, tenendum, cultandum, pastinandum, propaginandum eciam in colonos ordinandum, defensandum et meliorandum; 174 (a. 973): sub pensione omni anno vegiam de vino unam ipsius loci in presencia vestri missi vestrorum successorum receptam capientem anphoras quattuor, et deductam per nostros homines usque Ravennam.

¹²⁴¹ Benericetti 2006, № 15 (сер. IX в.).

привлекла в качестве свидетельницы, эти люди занимали довольно высокое положение в местном сообществе.

Похожая форма землепользования (мелкая и средняя эмфитевтическая аренда) особенно широко распространилась на юге Пентаполей, в округах Сенигаллии и Озимо, причем среди арендаторов было немало лиц франкского и лангобардского происхождения¹²⁴². В 940–1000 гг. нетитулованные съемщики-эмфитевты промежуточного типа составляли до 31% всех эмфитевтов Равеннской церкви. Укоренение этих групп приходится на 2-ю половину X в. (не ранее 955 г.), когда появляются договоры пролонгации эмфитевтической аренды, нередко дополненные арендой новых площадей.

Среди арендаторов этого типа редко встречаются собственники, хотя в разных регионах бывшего Экзархата они существовали вплоть до конца X в. и позже¹²⁴³, являясь одновременно съемщиками соседних церковных земель¹²⁴⁴. Некоторые из них происходили из слоя бывших зажиточных собственников, отчуждавших землю в пользу архиепископии или монастырей и получивших ее обратно¹²⁴⁵. Какая-то часть мелких собственников и арендаторов, вероятно, проживала вне городов, в пределах своих владений: так, семья некоего Стефана обитала в 823 г. в *fundus Silvaro*¹²⁴⁶, а некто Граусо в 877 г. проживал в пределах своих владений в *massa Mariano* в Монтефельтро. Семейство эмфитевтов из округа Форли располагало *corte nostra* по соседству с арендуемой в 947 г. землей¹²⁴⁷. Некоторые эмфитевты имели дополнительные антропонимы,

¹²⁴² Benericetti 1999, № 59 (а. 948), 69 (а. 949–950); Benericetti 2002а, № 221 (а. 981).

¹²⁴³ О мелких светских собственниках мы знаем из следующих документов: Benericetti 1999, № 82 (а. 955), Muzzioli, № 35 (а. 979).

¹²⁴⁴ Benericetti 2002, № 169 (а. 972): *interrafines de predicto fundo... seu a tertio latere possidente vos ipsi petitores, atque a quarto latere iuris proprietatis vestre*; Muzzioli, № 35 (а. 979): *a quarto latere possidente nos ipse petitrice cum cumcortibus nostris iuris pro[prietarii nost]ris*.

¹²⁴⁵ Federici, № 1 (а. 959): *concedistis et largistis nobis rem iuris supradicte basilice [vestre] S. Apolenaris qui v. Novo, quod inibu hovenit per donacionis ad me supradicto Ursus, [...] mihi hovvenit iure et hereditario nom. Ad Sanctissima que v. Eufimia*; 20 (а. 1031): *concedistis nobis omnes res quantascumque obvenit a monasterio per cartula donacionis da vobis peti[tores]... qui v. Suzano*.

¹²⁴⁶ Benericetti 2006, № 10 (а. 823–824): *Stepfan[us et Digna] iugalis comanentes in fundo Silvare, territorio Faventino*.

¹²⁴⁷ Benericetti 1999, № 57 (а. 947). Покойный муж съемщицы, Иоанн, имел добавочное имя *de Maseratula* — по названию *fundus*, по соседству с которым проживало семейство.

образованные от *fundi*, в пределах которых они арендовали имения¹²⁴⁸. С другой стороны, другие контракты говорят о проживании мелких и средних нетрудовых арендаторов в городах¹²⁴⁹.

К этой прослойке примыкали некоторые представители крестьянских элит, а именно, наиболее зажиточные либеллярии и сельские управляющие (*вилики*)¹²⁵⁰, несомненно, набравшиеся из наиболее зажиточных и материально благополучных крестьян. Некоторые близкие им съемщики-эмпитевты могли также сами возделывать землю¹²⁵¹. Не исключено, что именно эти промежуточные группы фигурируют под туманными терминами *pensionarii* и *pensionantes*.

Историю одного такого локального сообщества из горного региона Монтефельтро можно воссоздать по серии арендных договоров, составленных в почти столетний период между 927 и 1018 годами¹²⁵². В 927 г. большая консортерия, включающая 14 супружеских пар и священника Иоанна, снимает у архиепископа Петра за «три добрых денария» шесть унций от четырех граничащих друг с другом *fundi* (*Usiano, Frucatjano, Murulo, Gulisiano*) в приходе св. Стефана *ad Murulo*. При этом условия аренды допускали перераспределение земель *inter petitores*. Отмечу, что расположение в *fundus Murulo* приходского центра – церкви св. Стефана – говорит о том, что сообщество претендовало на духовное лидерство в округе, хотя и неясно, служил ли в этой церкви сам священник Иоанн. Кроме того, важно отметить, что по соседству с арендуемыми

¹²⁴⁸ Federici, № 1 (a. 959): *Ursus f. qd. Constantinus de Glaudio*; Benericetti 1999, № 92 (a. 956–957): *Dominicus q.v. de Colonia*; Muzzioli, № 12 (a. 950): *Dominicus filio quondam Demetrius qui vocatur de Iaconati*. Добавочное имя эмпитевта образовано от названия арендуемого им *fundus Iacunati*.

¹²⁴⁹ Benericetti 1999, № 66 (a. 949): *filio pressenti et consentjenti Iohannis [...] qui in predicto Cumiaclo cumanere visso est*; *Ibidem*, № 88 (a. 956): *Christi nomine Ingica filia q[uondam Le]o qui ic in Cumiaclo cumanere visa sum*.

¹²⁵⁰ Benericetti 1999, № 35 (a. 922).

¹²⁵¹ Benericetti 2002a, № 199 (a. 977): *uti sortibus et porciones posite in fundo Rovorata qui vocatur Regossa, quantum a minibus nostris tenere et laborare videmur a iure sancte vestrae Ravennatis ecclesie*; CDP, № 5 (a. 953): *idest omnes sortes et porcionem ... de quantacumquam ego iam dicto Isenardo petitore ad minibus meis detinere et laborare voso sum*; Benericetti 2002, № 113 (a. 963). Возможно, *Ibidem*, № 173 (a. 972).

¹²⁵² Benericetti 1999, № 37 (a. 927), 83 (a. 955); Benericetti 2002, № 173 (a. 972); Benericetti 2003, № 58 (a. 1018).

землями располагалось имение Cellula, находившееся в собственности этих консортов.

Таким образом, разросшаяся консортерия в определенный момент добилась расширения своих владений, воспользовавшись неразберихой в разграничении прав собственности на землю в этой местности. Два имения – Olmitulo и Casamerati, граничащие с арендуемыми fundi, особо помечены как находящиеся в собственности Равеннской церкви, что, возможно, отражает опасение Церкви утратить над ними всякий контроль, в то время как правовой статус остальных пограничных fundi – Tampianum, Cassianum и Gratjiano – странным образом обойден в тексте молчанием. При этом другой рукой в грамоте между строк добавлено, что арендуемые консортами земли «достались нам от наших родителей и по купчей грамоте», что вызывает еще больше вопросов, и, сверх того, заставляет сомневаться в валидности их собственнических прав над имением Cellula.

В июне 949 г. половина имений Titjano (другое название – Casa Campo; в этом древнем названии угадывается искаженное Tampianum из акта 927 г.), Casa Merati (другое название – Cerro Cavo, «полый дуб», совр. Ca' Mezzano), Perito, Calbanella, а также Ulmitulo Maggiore и Ulmitulo Minore (по всей видимости, разделившийся fundus Olmitulo из грамоты 927 г.) жалуется архиепископом Петром в эмпитевзис скабину Урсу и его сыну Эльдерику в ответ на его petitio. В аренде особо отмечено, что скабин и его сын получают половину «casamentore terris et vineis», которую держит Стефан, сын Романа, с супругой Агатой и «с братьями и консортами», чьи владения находятся в вышеназванных fundi. В этих людях можно угадать знакомую нам консортерию. Среди названных в грамоте 927 г. людей (всего 29 человек) встречается некий Роман, упомянутый в грамоте 949 г. Стефан вполне мог быть его сыном и, возможно, главой объединения. Если это так, то консортерия к тому моменту контролировала fundi Tampiano, оба Ulmitulo и Casa Merati. Налицо сложная конфликтная ситуация, в которую вклинился представитель местной судебной власти. Несомненно, власть скабина Урса представляла для объединения немалую угрозу. Но налицо и признание

реальных владельческих прав сообщества, которое не случайно названо в документе феодально окрашенным термином *casamentum*. Очевидно, желание скабина встроить сообщество в феодализирующиеся владельческие структуры нашло отклик у архиепископа Петра, озабоченного утратой контроля над удаленными имениями своего патримония. Вполне возможно, что архиепископ Петр пожелал остановить экспансию этого сообщества, действуя через местного судью.

Вдобавок к названным землям, скабин получает также «все, что принадлежит» супругам Гарипранду и Альтиперге «*per quocumque modo vel titulo a iura sanctae nostrae Ravennatis ecclesie*» в *fundi* и *loca* Murulo, Gulisianum, Usianum, Freganianum, Cretanianum (другое название – Valle), расположенных в приходе св. Стефана in Murulo – там же, где находятся арендованные владения консортов 927 г. Скорее всего, чета Гарипранда и Альтиперги были соседями нашей консортерии, потому что не позднее 955 г. в ней поселится Урс, сын некоего Гарипранда, возможно, того самого, что назван в грамоте 949 г. Оба сообщества – консортерия и семья Гарипранда и Альтиперги – владели землями, со всех сторон ограниченными естественными преградами: реками Сапис (совр. Савио) и Узой (совр. Авуза) и впадающими в них тремя ручьями. Скабин здесь получает право «... *licentja(m) exq(ui)rere de s(uprascripta) res que que s[uperius legitur] omne(m) functjon[em domnicam...]*». Скорее всего, речь идет о передаче Урсу публичной юрисдикции, которую в этих краях теперь должен осуществлять скабин. Это ясно следует из формулировки, дублирующей грамоту *petitio*: «*et quod vobis ministrare debent nobis autem ministrent*». Не исключен здесь и экономический интерес Урса. Вдобавок ко всем имуществам он получает «древнюю водяную мельницу» (*aquimulo antiquo*) на реке Сапис, в имении Casa Campo, с правом на ее ремонт и пользование. Итак, Урс с сыном получают за двенадцать денариев «половину всего», что они «обнаружат от собственности святой Равеннской церкви» в очерченных в грамоте границах. При этом среди их новых владений в этих местах особо обозначены домениальные земли и наделы колонов (*domnicatum vel colonicatum*), что указывает на сеньориальные аппетиты Урса.

В марте 950 г. другая половина этих территорий жалуются архиепископом Петром аристократу Льву, сыну дукса Урса, и его супруге Одельтруде, в эмфитевтическую аренду за три солида. Речь идет о половинах имений Perito, Calbanella, Ticiano, Paterno за исключением знакомой нам мельницы («aquimulo uno de molino antiquo») и «sorte et porcione» Стефана, сына Романа, с супругой и братьями, уже пожалованных скабину Урсу и его сыну. Кроме того, чета получает половину fundi Casamerati (Cerrocavo) и наделы (sortes vel porciones) в имениях Murulo, Gulisiano, Usiano, Critiniano, Valle, Freganiano, а также половину имений Ulmitula Maiore и Ulmitula Minore. Кроме того, он получает и земли в fundi Stiliano, Humori, Castaneocavo и Cellule – напомним, что последнее находится в собственности консортерии. В перечне угодий, во владения которых вступает сын дукса, вновь указаны «domnicatum seu et colonicatum», причем между строк, другой рукой приписано важное добавление – «atque pensionatum». Входят ли в число этих «пенсионариюв» консорты из прихода св. Стефана – неясно, но это вполне допустимо. Кроме того, и в этой грамоте точно так же, как и в эмфитевзисе 949 г., правда, между строк и другой рукой, добавлены выражения, которые можно трактовать как отчуждение юрисдикции: «et exquirere et causare seo et diminisere vobis sicut no(st)ri successorib(us) ecl(esie)». Эти выражения отсутствуют в *petitio*, направленной архиепископу.

Как бы то ни было, сообществу каким-то образом удалось отстоять свою правовую субъектность. Аренда была возобновлена в 955 г. уже в новом составе консортов, где фигурируют теперь пять супружеских пар (и только одна – чета Урса и Мартины – принимала участие в заключении договора 927 г.), пять коллективов неженатых братьев (главой одного из них является священник Петр де Лео) и несколько одиноких съемщиков.

О преемственности в этом сообществе говорят антропонимические совпадения (Урс, Лев, Стефан, Мария, Теодерата), среди которых – редкие для регионального именованного фонда имена, например, Пульхра. Кто-то из прежних держателей, вероятно, умер, а некоторые овдовели. Так, некая Мария в грамоте 955 г. подписалась как монахиня (*ancilla Dei*), в то время как в консортерии на 927

г. было аж шесть замужних Марий. Кто-то, видимо, из молодого поколения, уже рассчитывал в скором времени вступить в брак: некто Стефан в грамоте 955 г. забронировал право вступления во владение для своей будущей супруги. Здесь появляются стойкие локальные традиции имянаречения, в частности, широкое распространение имен Лев и Урс, не самых популярных в Равенне.

Владельческая карта в этой местности в 955 г. серьезно не изменилась, разве что исчезли упоминания об имениях *Cassianum* и *Gratjnio*, некогда граничащих с *fundus Frucatjanum*, а также почему-то пропала информация об имении *Olmitulo*. Теперь граница проведена по ручью *de Valle*. Возможно, имело место какое-то гидрологическое изменение, но, скорее всего, проблемные вопросы границ были решены путем проведения подчеркнуто нейтральной естественной линии демаркации.

В 972 г. консортерия вновь продлевает аренду, теперь уже у нового архиепископа Онеста. Теперь ее представляют шесть коллективов братьев и сестер, одна супружеская чета Льва и Марии, некто Ансельм с сестрой Теодератой и одинокий держатель Мартин. В этот раз они снимают 10 унций от имения *Casa Mezana* под названием *Cerro Cavo* («полый дуб»). В топониме можно угадать упоминавшийся в двух предыдущих актах *fundus Casa Merati*: это подтверждается и его соседством с ранее фигурировавшим имением *Usiano*. Сверх того, они арендуют *sortes et portiones* в уже знакомых нам имениях *Paterno*, *Titjano* (иначе *Casa Campo*), а также в *fundi Ulmitulo Maiore* и *Minore*, которые «достались нам по купчей грамоте от разных людей, а также по наследству от родителей». При этом в новой грамоте 972 г. обозначены границы лишь имения *Casa Mezana*, в то время как границы остальных имений странным образом обойдены молчанием. Имение это, впрочем, было удачным приобретением, округлившим владения консортерии. С одной стороны оно граничило с уже упоминавшимся имением *Usiano*, скорее всего, находившимся во владениях консортов, а с трех других – горным хребтом, ручьем и рекой Сапис.

Таким образом, консорты смогли добиться правового подтверждения своих притязаний на имения в пределах прихода св. Стефана. Как они этого добились,

догадаться несложно. Грамоту аренды в качестве свидетелей подписали три члена равеннского рода *Magister Militum* – Родальд, его сын и другой родственник. По всей видимости, хорошие отношения с равеннской знатью, тесно связанной с архиепископской курией, оказали решающее влияние на волю архиепископа Онеста. Но вряд ли Церковь пошла на это охотно. Характерно, что в «Баварский кодекс», составленный, скорее всего, как раз при архиепископе Онесте, вошла лишь выписка из нейтральной грамоты 955 г., заморозившей локальный поземельный конфликт. Кроме того, эта уступка со стороны номинального собственника стоила консортерии повышения арендной платы – за арендуемые имения ее члены теперь вносили 12 денариев вместо трех.

Через 46 лет, в 1018 г., сильно разросшееся сообщество вновь продлевает аренду у архиепископа Ансельма. На этот раз они получают половину имений *Usiano Maiore* и *Minore*, *Gulisiano*, *Murulo*, *Freganiano*, *Ulmitulo Maiore* и *Minore*, а также две пеции от имения *Ritjniano*. Тем самым полностью подтверждаются границы их владений по состоянию на 927 г., а также права на оба *Ulmitulo*. Теперь это довольно крупная консортерия во главе с Убертом, сыном Ансельма; она включает как минимум 49 человек. Но арендная плата на этот раз снижена в два раза: они уплачивают теперь «только (*tantum*) шесть денариев». При этом в договоре опущены описания границ имений, что нетипично для эмпитевзиса. Неясна судьба имения *Casa Mezana*. В коллективном договоре участвует некто Боницо *de Casamezana*, что может служить указанием на то, что это имение все же находилось в орбите этой общины, поскольку там проживает как минимум один съемщик со своими братьями.

Судя по всему, такие группы были характерны и для других местностей риминийских Апеннин. В округе Римини в 955 г. большая группа собственников во главе с дативом Мартином, состоящая из супружеской пары и групп братьев и сестер, дарит Равеннской церкви *more salario* половину имения *Savinianum Maior*,

отмечая, что другая его половина была собственностью Церкви¹²⁵³. Неясно, скрывался ли за этим какой-то поземельный конфликт.

Судьбу отдельных представителей таких промежуточных групп можно проследить и по двум эмфитевтическим контрактам 963 и 982 гг. из округа Фано¹²⁵⁴. В 963 г. супруги Петр и Деодата продлевают трудовую аренду («a manibus tenere et laborare videor») пеции в ronco Zampani и вдобавок снимают fundus Cantini, ранее уже возделывавшийся каким-то архиепископским держателем. Через 19 лет, видимо, после смерти супруги, Петр вместе с Георгием, мужем его дочери Анны, и тремя внуками продлевают аренду упомянутых земель и сверх того снимают участок городской земли (vacuamentum celo tecto) в Фано и дополнительные площади. При этом Георгий с Анной получают casale, старший внук Петр – другой casale (обе casalia находятся в держании субарендаторов Иоаннела и Мартина), а два остальных делят оставшуюся землю вместе с другими родичами. Здесь мы видим как эволюцию в сторону нетрудового характера аренды, так и связь с городом, к которому тяготели эти промежуточные группы.

Выводы. Итак, сельское население Романьи в раннее средневековье было представлено разными социальными группами. Здесь были и рабы (в церковных и светских вотчинах), и мелкие собственники, сохранившиеся в основном в Пентаполе. Но лучше всего в источниках освещена жизнь церковных арендаторов – подвижных, инициативных и достаточно зажиточных селян, лично свободных и объединенных в различные семейно-хозяйственные объединения. Эти сообщества широко использовали чужой труд и, в целом, было слабо втянуты в крупное вотчинное хозяйство. Отдельные, наиболее крупные и успешные объединения-консортерии даже добились эмфитевтических аренд, тем самым заняв не последнее место в складывающемся феодальном обществе. Можно предположить, что в VIII–X вв. общественный статус колонов – пионеров аграрной колонизации – значительно вырос, о чем говорит и перенятие ими лангобардского социальной идентификации «ариманнов».

¹²⁵³ Benericetti 2002, № 82 (a. 955).

¹²⁵⁴ Ibidem, № 113 (a. 963); Benericetti 2002a, № 226 (a. 982).

Глава 6. Городская среда Романьи

В изучении высокоурбанизированного региона, каким была Романья и граничащий с нею Пентаполь, нельзя не затронуть аспекты городского устройства региона. Поскольку история городских центров этого региона относительно хорошо изучена, я сосредоточусь на основных линиях развития романьольского города и дам общую характеристику его материальному и социальному облику. Сделанные выводы и наблюдения важны и для понимания региональных потестарных и социальных структур.

§ 1. Материальный облик города Романьи. Значительная часть этой главы будет посвящена Равенне. Во многом это обусловлено состоянием источников, в которых мало подробных описаний других городов Романьи. Но этот перекоп в известной мере вызван также исключительностью положения Равенны в политическом и экономическом пространстве региона, сохранявшейся вплоть до XII вв.

Понимание значимости Равенны отразилось и в коллективных представлениях ее жителей в середине IX в., например, в легендарной истории о пришествии гуннов к городу, якобы состоявшемся в правление архиепископа Иоанна Ангелопта (ум. 494). Устами Агиллы Агнелл Равеннский называет прочие города Романьи не иначе как *alia oppida*¹²⁵⁵. Такие взгляды надолго переживут политический упадок Равеннской церкви, связанный с подъемом Венеции и укреплением соперничающих с Равенной региональных центров. В изучаемую же эпоху, в сравнении с Равенной, другие города Романьи и Пентаполя были небольшими, а их население на первых порах в основном состояло из военных, а также из людей, занятых в сельском хозяйстве или живших доходами от него. Их скромное положение сделало допустимым употребление в письме папы Иоанна VIII в отношении к Форлимпополи или Фаэнце словосочетания *modica civitas*¹²⁵⁶.

¹²⁵⁵ Agnellus. P. 193. Ср. также p. 199.

¹²⁵⁶ Fragmenta registri Iohannis VIII papae / Ed. E. Kaspar. Hannover, 1928 (MGH Epp., 7). Nr. 28 (a. 872). P. 289.

Что представляла собой в это время Равенна? Без сомнения, этот город являлся крупнейшей *civitas* Романьи. Кроме того, Равенна была единственным городом, применительно к которому сохранилось (правда, довольно позднее, восходящее к 1-й четверти XI в.) упоминание о его субурбии¹²⁵⁷. Город был окружен стеной (*murum publicum*) протяженностью приблизительно 4,5 км¹²⁵⁸ с башнями и воротами¹²⁵⁹, среди которых – знаменитые «Золотые ворота» («*Porta Aurea*»)¹²⁶⁰, построенные Клавдием в 43 г. и замыкающие юго-восточное кольцо укреплений¹²⁶¹.

Несмотря на весь свой имперский блеск, Равенна, окруженная болотами, никогда не считалась здоровым городом. Судя по всему, значительная ее часть была буквально запружена водой. Агнелл вспоминает, как при вскрытии одной гробницы из нее пришлось вычерпать сто мер воды. Он рассказывает также о том, как в правление архиепископа Мартина (ок. 810–818) была восстановлена церковь св. Евфимии *ad Arietem*, которая ранее была затоплена водой. По версии анонимной равеннской хроники 1346 г., в сумрачных болотах (*paludes umbrosas*) долго бродили спасшиеся от тирана Нимрода сыновья Хама, будущие мифические основатели Равенны, пока не обнаружили подходящее место на песчаной (*arenosa*) земле, полностью окруженной водой¹²⁶².

Действительно, вода играла огромную роль в жизни города. Сердцем гидравлической системы, обеспечивающей город, была речка Паденна, являвшаяся притоком реки По: несмотря на свои скромные размеры, она была важным источником рыбы для нужд архиепископии и жителей города. Помимо

¹²⁵⁷ Benericetti 2003, № 57 (a. 1018): *sitas suburbio Ravenne*; Fantuzzi 1804, № 18 (a. 1051): [...]
Ravenna vel in suburbana predicta Ravenna.

¹²⁵⁸ Brunterc 'h J.-P. *Habitat et pouvoir à Ravenne au Xe siècle*. P. 57.

¹²⁵⁹ Единственная упоминаемая в источниках башня — *Florentina* [Benericetti 1999, № 49 (a. 943), Benericetti 2002, № 127 (a. 967)].

¹²⁶⁰ Benericetti 1999, № 62 (a. 949).

¹²⁶¹ Среди прочих ворот – Св. Лаврентия, замыкающие с юга главную улицу (*platea maior*), а также *Iunceda*, *Iuntjta*, *Augusti*, *Ursitjni*, *Guarcinorum* (скорее всего, от *guercio*, «косой»; другое название – *S. Victoris*), *Teguriensis*, *Artemeduli*.

¹²⁶² *Chronica de Civitate Ravennae // Rerum Italicarum Scriptores. Tomi primi pars secunda. Mediolani, 1725. P. 574.*

нее, город пересекали еще несколько естественных¹²⁶³ и искусственных водных путей (*fossa*), главным из которых был канал *Lamisa*¹²⁶⁴. Через них были переброшены множество мостов¹²⁶⁵.

Как и в римский период, Равенна подразделялась на несколько районов (*regiones*). Районы получали названия по каким-либо объектам местности. Происхождение некоторых из этих топонимов, пусть даже и несколько фантастическое, раскрыто в сочинении Агнелла. Но есть и достаточно правдоподобные этимологии. Например, один район был назван в честь небольших ворот *Vincileonis*¹²⁶⁶, в свою очередь, получивших название в честь их архитектора Винцилия. Другой район был назван в честь статуи Геракла и часов (*orologium*). *Regiones* являлись частым атрибутом локализации городской недвижимости, хотя дома и участки могли локализовываться по близости к мостам, базиликам, воротам и другим важным внутригородским объектам.

Другие города Экзархата, судя по немногочисленным свидетельствам, имели похожую структуру. Комаккьо так же, как и Равенна, разделялся на *regiones*, именуемые по названиям расположенных там церквей¹²⁶⁷. Гораздо меньше нам известно о внутреннем устройстве Римини. В риминийской секции «Баварского кодекса» содержатся лишь лаконичные сведения о публичных улицах (*platea publica*), площадях-форумах, криптах¹²⁶⁸...

С VII–VIII вв. археологические данные фиксируют новую модель городской застройки, в соответствии с которой дома начинают группироваться вокруг

¹²⁶³ Benericetti 2002, № 189 (a. 975): *fluvio Teguriensi*.

¹²⁶⁴ Fantuzzi 1801, № 75 (a. 1002).

¹²⁶⁵ Benericetti 2002, № 117 (a. 949–964); 122 (a. 966); 182 (a. 974); 189 (a. 975); Benericetti 2002a, № 205 (a. 978), etc.

¹²⁶⁶ Benericetti 1999, № 62 (a. 949). Среди прочих районов – S. Andreas (Benericetti 2002, № 120), S. Vincentij (Benericetti 2002, № 122, 180), S. Rofilli (Benericetti 2002, № 190), Herculana (Miliario Aureo; Benericetti 2002a, № 225, 261), названный по статуе Геракла (*ad Orologium q. rustici dicunt Conciancullo*: Benericetti 2002a, № 261), *ponte Apolinaris* (Benericetti 2002a, № 235), Scubito (Federici, № 3), *Caput Porticis* (Benericetti 2002a, № 206; Fantuzzi 1801, № 84), *Platea Nova* (Federici, № 18) и множество других.

¹²⁶⁷ Benericetti 2002, № 112 (a. 963): *in regione monasterii Sancte Iustine non longe a Tribulo*; 196 (a. 977).

¹²⁶⁸ BER, № 71: *quarte latere cryptas et orto quem tenet Theodorus*.

культовых объектов, не нарушая, впрочем, общей античной планировки¹²⁶⁹. Домохозяйства частных лиц разделялись или огораживались стенами¹²⁷⁰, а также перемежались культовыми и публичными сооружениями. Источники упоминают городскую курию (*curia publica*) – публичное место, где отправлялось правосудие¹²⁷¹, акведук¹²⁷², построенный еще Траяном, Капитолий, цирк (*Circlum*)¹²⁷³, пункт сбора пошлин (*toloneum*), рынок (*mercatum*)¹²⁷⁴ и множество храмов и других культовых мест.

Неплотная застройка, где находилось достаточно места пустырям (*vacuamenta*), садам и огородам, предполагала наличие улочек (*andrones*) и переулков (*andronelles*), связывавших крупные публичные улицы (*platea publica*) и отдельные дома. Некоторые из них принадлежали частным домохозяйствам или духовным корпорациям¹²⁷⁵, а некоторые находились в общем пользовании (*androne de commune*)¹²⁷⁶. Одна из крупнейших улиц под названием *Platea Maior* пересекала город по прямой линии с северо-запада на юго-восток¹²⁷⁷. Она являлась главной осью в древней планировке города¹²⁷⁸, скорее всего, совпадая с

¹²⁶⁹ *Cirelli E.* Ravenna. Rise of a Late Antique Capital // *Debating Urbanism. Within and beyond the Walls A.D. 300–700.* Leicester, 2008. P. 253.

¹²⁷⁰ Benericetti 2002a, № 274 (a. 998): et muro uno in integro qui est da latere possidente heredes quondam Leo qui vocatur dee Liutjo vel cum alio muro qui est ante mansione Petrus qui vocatur de Lea.

Federici, № 8 (a. 1017): terciam partem de mansione pedeplana, de muris suis circa se abentem etc.

¹²⁷¹ *Santoni F.* Notarius civitatis. Rileggendo le fonti tra VI e XI secolo // *Civis/Civitas. Cittadinanza politico-instituzionale e identità socio-culturale da Roma alla prima età moderna / A cura di C. Tristano, S. Allegria.* Roma, 2009. P. 210. В документах архиепископского архива курия упоминается редко. См. Benericetti 1999, № 76 (a. 954); Benericetti 2002a, № 213 (a. 980). Из последнего документа следует, что курия, возможно, была объединена с башней и, что важнее, находилась в собственности или аренде частного лица: seu a tercio latere turre qui ditjtur Curia, possidente Iohannes germano [...] de Curia.

¹²⁷² Benericetti 1999, № 50 (a. 943): ab uno latere Aqueducto.

¹²⁷³ Benericetti 2002a, № 224 (a. 982): a quarto latere alia platea que pergit ad Circlum; 246 (a. 989).

¹²⁷⁴ Эти объекты упоминаются в папской булле 998 г.: Benericetti 2002a, № 275 (a. 998).

¹²⁷⁵ Benericetti 1999, № 52 (a. 944): androne que decurrit ad platea maiore iuris sancte vestre Ravennatis ecclesie.

¹²⁷⁶ Benericetti 2002a, № 196 (a. 977, Comacchio): atque a quarto latere androna de commune et sibi pertinentibus qui decurrit at plathea publica.

¹²⁷⁷ Benericetti 1999, № 52 (a. 944). Среди прочих публичных улиц — Platea Nova (Federici, № 18, a. 1017).

¹²⁷⁸ *Cirelli E.* Ravenna. Rise of a Late Antique Capital. P. 244.

его кардо или декуманусом¹²⁷⁹. Упоминание в акте 972 г. *silice publica* (от лат. «*silex*», «камень», «булыжник») наводит на мысль, что некоторые дороги могли быть вымощены камнем¹²⁸⁰. Прочие городские пространства также могли находиться в общем пользовании. Например, в одном акте 974 г. упомянут публичный дворик (*curticella de comune*).

Жилища были в достаточной мере вместительными, о чем свидетельствует то, что они могли арендоваться по частям или даже по комнатам (*cubiculum, caminata*)¹²⁸¹. Их размеры значительно варьировали. Частью пространства любого городского жилища являлся двор (*curtis, curticello*), иногда огороженный стеной¹²⁸², иногда – сад (*orto, orticello*), который также мог быть окружен стеной¹²⁸³. Там высаживали фруктовые деревья (*romareta*), а во дворе держали скот. Там же, во дворе, как правило, сооружался колодец или водный резервуар (*putheo*) с приспособлением для подъема воды (*delta*). Дворы могли располагаться с обеих сторон дома¹²⁸⁴. Это было возможно благодаря неплотной застройке, оставлявшей большие свободные пространства, хотя и знавшей границы между участками (*gamma*).

Городское пространство Равенны не заканчивалось за городскими укреплениями. Графине Ингельраде, судя по дарственной 896 г., принадлежали дома (*mansiones*) за пределами стен города и ворот св. Виктора, включающие, помимо садов и земельных участков, торговые площадки (*stationibus*), а также доступ к побережью реки Паденны. За пределами городских ворот могли располагаться дома и прилегающие к ним пустующие участки земли, огороды,

¹²⁷⁹ *Deliyannis D. M. Ravenna in Late Antiquity. P. 32.*

¹²⁸⁰ Benericetti 2002, № 158 (a. 972).

¹²⁸¹ Benericetti 2002a, № 227 (a. 982): *idest medietatem in integro de mansione in integro qui est sala pedeplana*; CDP, № 13 (a. 978): *duas caminatas in integro de mansione pedeplana*; Benericetti 2002a, № 247 (a. 990): *cubiculo uno in integro de sala pedeplana*.

¹²⁸² Benericetti 2002, № 190 (a. 975–976): *ex una parte murum suum extendentem in latitudinem suam pedes viginti uno*; Tarlazzi, № 8 (a. 1017): *idest terciario partem integram de mansion pedeplano cum tercia parte de muris suis circa se absente (abente?)*.

¹²⁸³ Benericetti 2002a, № 209 (a. 978–979): *uti or[to in integro ex o]mni parte muro circumdato*.

¹²⁸⁴ Benericetti 2002, № 182 (a. 974): *una cum curticella ante se posita et alia retro se*.

сады и виноградники, которые арендовались горожанами¹²⁸⁵. В частности, аренда монастырской земли 957 г., заключенная пятью сыновьями торговца Донумдеи, фиксирует пригородную инфраструктуру, сходную с той, что описана вышеупомянутой дарственной: сдаваемый в аренду полностью деревянный дом с торговыми помещениями и примыкающими к нему виноградниками также располагался за пределами ворот св. Виктора и имел доступ к реке. Надо полагать, что эта структура, приспособленная для торговли, отражает не только заселение, но и коммерческую активность в пригороде.

§ 2. Функции и социальная природа города Романьи VIII–X вв. Как нам уже известно, *civitas*, будучи укрепленным поселением¹²⁸⁶, играла центральную роль в организации социального и экономического пространства изучаемой зоны¹²⁸⁷. Во-первых, она выполняла функции военно-административного и церковного центра для своей округи¹²⁸⁸. Во-вторых, она служила местом постоянного проживания землевладельческой знати, церковных иерархов и управляющих, штата должностных лиц (например, писцов и судей), ремесленников и торговцев. В пользу этого говорит внушительная доля договоров аренды городской недвижимости, в первую очередь, жилых домов и площадей для жилищного строительства. В-третьих, город являлся местом аккумуляции натуральной и денежной ренты и дальнейшей редистрибуции прибавочного продукта, в том числе через оптовый рыночный сбыт. Здесь находились ректории архиепископии, большинство церквей и монастырей, выступавших, наравне с

¹²⁸⁵ Benericetti 2002, № 115 (a. 964): *duos traversis de terra laboratorias in integro, una cum ingress et egress suo et cum omnibus ad easdem pertinentibus, qui est possito iusta Taula, fori porta qui vocatur Tremeduli; Federici, № 23 (a. 1054): ortum unum... su ripe fluvii Padenne, positu sub urbe Rave. inter portas Vuarcini de Pusterulas de Augusta.*

¹²⁸⁶ Укрепления имели все города Романьи. Такие города, как Чезена, Комаккьо, Феррара, выросли на базе крепостей (*castra*). Стенами были защищены и города Пентаполя. В Баварском кодексе есть сведения о стенах и башнях Римини (BER, № 73) и воротах Озимо (BER, № 126).

¹²⁸⁷ Надо сказать, что сакральная топография и культурная история Равенны изучены достаточно хорошо, что позволяет мне не останавливаться на ней подробнее. Что же касается топографии города в ракурсе социальной истории, то, пожалуй, лучшим и, к сожалению, единственным на сегодняшний день исследованием является статья *Brunterc'h J.-P. Habitat et pouvoir à Ravenne au Xe siècle // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 2002. Band 29/1. S. 57–85.*

¹²⁸⁸ *Brown T. S., Christie J. N. Was there a Byzantine Model of Settlement in Italy? // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age. 1989. T. 101, № 2. P. 377–399.*

прочими, арендодателями для крестьян-колонов. Сами производители, многие из которых были связаны с рынком, также тяготели к городу, как следует, например, из акта 968 г., согласно которому группа колонов арендует землю в Римини для сооружения там жилого дома¹²⁸⁹.

В изучаемый период социальное пространство Равенны было отмечено возросшим политическим влиянием архиепископии – главного собственника большей части прежних муниципальных территорий и пригородных земель. *Episcopium* надолго стал центром социальной и политической жизни. Первый альтернативный центр публичной власти в Равенне появился не ранее 967 г., когда по распоряжению Оттона I в Классисе был выстроен дворец, призванный заменить ветхий и полуразрушенный дворец Теодериха. Архиепископии принадлежали значительные городские пространства, включая жилые постройки, огороды, сады, виноградники и пустыри, но в Равенне имелись владения и других духовных корпораций – монастырей, церквей и даже соседних диоцезов¹²⁹⁰.

Сходная ситуация наблюдалась и в других городах региона. Характерным примером может служить Чезена. Судя по эмфитевзису 892 г., еще в конце IX в. в собственности диоцеза находились внутригородские пространства, в том числе – цитадель, ключевая зона, где располагались сады, огороды, виноградники, жилая и хозяйственная инфраструктура¹²⁹¹. По всей видимости, прочные владельческие позиции местных епископов даже обусловили появление в источниках конца X–XI вв. отдельной административной единицы – викариата: скорее всего, речь идет об особом округе, управление которого было делегировано церковному уполномоченному. В источниках она названа по-разному (преимущественно – *territorio Cessinate acto vicariato*); похоже, что этот викариат обнимал несколько

¹²⁸⁹ Benericetti 2002, № 137 (a. 968): *Necnon et concedistis nobis vacuamentum terre domnicato ad mansionem fatjendam, posito in civitate Ariminense, infra clausura ubi domnicalia vestra esse videtur.*

¹²⁹⁰ В частности, есть сведения, что в Равенне имела собственность епископии Форли. *Ibidem*, № 119 (a. 965): *domum unam in integro cum – sureprioribus et inferioribus suis et – cum curte ante se iuxta iura episcopio Livienne.*

¹²⁹¹ Benericetti 2006, № 46 (a. 892).

приходов¹²⁹². Позиции местных епископов укреплялись императорскими привилегиями, подтверждавшими их права на земельную собственность в пределах городских округов¹²⁹³.

Значение города практически не подрывалось ростом локальных экономических центров, таких, как *curtes* землевладельческой знати или вотчинных комплексов монастырей, которые были достаточно слабы и политически несамостоятельны. Эти реалии, в целом, соответствовали общеитальянской модели¹²⁹⁴, хотя их удельный вес в Романье был куда выше, чем в соседних регионах, переживших, по словам В. Фумагалли, «победу деревни над городом». Но какой ценой была достигнута эта победа? Похоже, итальянский ученый не учитывает, что в этом регионе сам город стал таким вотчинным центром для «деревни».

Города бывшего Экзархата, как и остававшиеся под контролем Византии южноитальянские города VIII–IX вв.¹²⁹⁵, переживали глубокую внутреннюю трансформацию, начавшуюся еще в III–IV вв. и знакомую всем без исключения городским центрам Италии. Некоторые римские муниципии, такие, как Клатерна, переживавшая серьезный кризис еще в конце IV в.¹²⁹⁶, исчезли вовсе, а некоторые пережили серьезный демографический кризис. Так, население Болоньи в раннее Средневековье сократилось по сравнению с римской эпохой в три раза и составляло всего около 600 человек¹²⁹⁷. В то же время на базе византийских *castra* постепенно выросли новые городские поселения, такие, как Феррара и Комаккьо, а несколько позже – Бертиноро (в 12 км к западу от Чезены).

¹²⁹² Fantuzzi 1801, № 88 (a. 1022); Fantuzzi 1804, № 12 (a. 1006): territorio Cessinate acto vicariato; 15 (a. 1042): territorio Cesenate et territorio prelibato Vicariato pleb. S. Victoris q.v. in Valle; 19 (a. 1106): plebes et capellas vicariatum decimationes... territorio Cesene et in burgo et vicariato et plebes.

¹²⁹³ Fantuzzi 1804, № 10 (a. 998).

¹²⁹⁴ «И все же, как уже отмечалось, итальянский раннесредневековый город прежде всего оставался административным, финансовым, военным, церковным и культурным центром» (Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии... С. 26)

¹²⁹⁵ Абрамсон М. Л. Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI – XI вв.) // Средние века. 1976. Вып. 40. С. 16.

¹²⁹⁶ Ruggini L. Economia e società nell'«Italia annonaria». Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo d. C. Milano, 1961. P. 61.

¹²⁹⁷ Cosentino S. Aspetti dell'economia di Bologna tra l'VIII e l'IX secolo. P. 487.

На протяжении VI–VIII вв. социальный облик города сильно изменился. Если в ранневизантийский период значительную часть населения, по оценкам С. Козентино, составляли бюрократы (придворные и фискальные служащие, военные чиновники, составлявшие до 20% населения Равенны и Классиса) и коммерсанты, то в рассматриваемый период города Романьи, как и города других регионов северной и средней Италии, представляли собой небольшие поселения крупных и средних землевладельцев, находившихся в квазивассальных взаимоотношениях с архиепископом, крупнейшим собственником земли, и живших за счет перераспределения доходов от земельной ренты.

Обратимся к источникам. В судебной грамоте середины – второй половины IX в. одной из сторон выступает сообщество горожан Комаккьо, городского поселения к северу от Равенны. Часть этого сообщества мы застаем на решающей фазе затяжного поземельного конфликта с архиепископом Равенны по поводу *massa Albarito*, завершившегося в пользу Равеннской церкви в 850–859 гг. Этот большой коллектив – «*homines ipsius Cumiaclo finibus comanentes*» – включает людей самых разных статусов. Всего в судебной грамоте названо 47 человек, среди которых – архипресвитер Петр, Иоанн, диакон церкви *de Sancto Andrea*, архидиакон Аполлинарий, комит (*comes*) Прект, три табеллиона, два судьи (*датура*) – племянник (*nepos*) и сын некоего Юстина, один *magister sellario* (*sacellarius?*), по всей видимости, сын епископа, и «сиятельнейший муж» Григорий. Но рядом с ними мы видим и пастуха коров (*Natalis qui vocatur Vaccolario*), и кузнеца (*Berto de Berto faber*), и других лиц неясного, но, скорее всего, невысокого положения: Иоанна Питуло (*Pitulo*, «тощий»), трех человек с добавочным антропонимом *Tregintafascio* («тридцать пучков»), Льва *Dicomolex* (?). Более содержателен сам земельный конфликт: сообщество обвиняется в недавнем («*moderno tempore*») захвате принадлежащей Равеннской церкви половины *massa*, где они «*capelle ibi fuerunt unde volent habere iusticia*». Иными словами, захватив земли и построив там культовые объекты, они начали собирать ренту с этой земли. Из этого текста ясно, что город представлял собой сообщество (консортерию) землевладельцев, в котором все его члены были равным образом

заинтересованы в земельных доходах. Напомню, что половина указанной *massa* находилась в их полной собственности. Неслучайно поэтому, что в документе присутствующее сообщество называется двойко – то как *consortes*, то как *possessores ipsius masse*.

Равенна из второстепенной военно-морской базы и коммерческого терминала с высоким удельным весом военно-чиновничьего и торгового элемента превратилась в небольшое поселение крупных и средних землевладельцев, находившихся в квазивассальных взаимоотношениях с архиепископом, и живших за счет перераспределения доходов от земельной ренты. Торгово-ремесленный элемент, представленный ассоциациями горожан, подчас знатных и влиятельных, также стремился обеспечивать себя доходами от земельной ренты и был органично встроен в иерархию рентополучателей. Многие горожане самых разных общественных классов, включая ремесленников и торговцев, были связаны с земледельческим трудом и/или с доходами от него.

В черте города содержался скот, возделывались сады и огороды. В рассказе о последствиях внутригородского конфликта в правление архиепископа Дамиана (689–705) Агнелл сообщает, что к скорби жителей по поводу трагических смертей примешивалось «мычание быков, ржание коней, бляение овец»¹²⁹⁸. Это не безыскусная риторическая фигура. Контрагенты эмфитевзиса 957 г. – церковь св. Иоанна и Барбациана и частное лицо – договариваются о праве проезда тележек, груженых сеном и древесиной, и прогона скота через соседствующие участки¹²⁹⁹. Как уже говорилось, там и тут значительную часть города занимали придомные участки, сады и огороды разного размера (*orto*, *orticella*). В Равенне мы также встречаем немало виноградников (*vinea*). В 949 г. певчий равеннской церкви арендует небольшой огороженный участок земли в Равенне, частично занятый виноградником¹³⁰⁰. В 954 г. ремесленник Доминик арендует небольшой

¹²⁹⁸ Agnellus. P. 304.

¹²⁹⁹ CDP, № 8 (a. 957): *et quando nostros carras de feno et ligne vel vestries bestiis in ipsius horticello nostro quem nobis largistis mittere voluerimus licenciam dedisti michi usum de ipsa porte vestre maioris eundi et redeundi usque in platheia publica.*

¹³⁰⁰ Benericetti 1999, № 62 (a. 949).

виноградник с высаженными там фиговыми деревьями¹³⁰¹. Есть и другие примеры¹³⁰². Встречаются и фруктовые сады (*pomareta*)¹³⁰³. Упоминается огороженный участок сада, непосредственно примыкавший к стенам и получивший название *Gaio*¹³⁰⁴. Надо сказать, что еще в конце XIX в. в черте города было немало пустующих площадей, а многие участки были заняты огородами и садами.

Несомненно, в более мелких городах Романьи и Пентаполя связь с сельским хозяйством была гораздо более прочной¹³⁰⁵. Так, границы церковных латифундий (*massae*) Сенигалии и Фано охватывали часть внутригородского пространства¹³⁰⁶, хотя поглощение города деревней, характерное, скажем, для Пьяченцы, все же не было в нашем регионе нормальным явлением. Сады и огороды встречаются в Римини¹³⁰⁷ и Фано¹³⁰⁸. Лангобардский герцог Сергей в конце VIII в. владел виноградниками в Сенигаллии¹³⁰⁹. В Фаэнце внутри и в непосредственной близости от города находились огороды, один из которых в 977 г. арендует некий имперский вассал¹³¹⁰.

¹³⁰¹ Benericetti 1999, № 76 (a. 954).

¹³⁰² Fantuzzi 1801, № 64 (a. 984): una pecia vinearum in regione Porta que vocatur Nova; 108 (a. 1056): omnia medietate de vinea, quam olim habuit et detinuit quondam Verardus genitor meus [...] que vinea posita est in hac civitate Ravenne in Regione predicti monasterii; Fantuzzi 1802, № 25 (a. 1014): cum omni medietatem de mansionibus solariatis seo de vinea et ortis seu vacuamentis seo omni pertinentcia de capella ... sitas in territorio Ravenne in regione sanctorum Iohannis et Pauli.

¹³⁰³ Benericetti 2002a, № 224 (a. 982): orticello iuxta gaium cum pomaretis suis. Muzzioli, № 8 (a. 947): hunum spatium terre in integro, quod est orto, una cum modico hateguo infra se habentes, in ruinis omnino posito et vetustus, huna cum pomareta sua infra se habentes.

¹³⁰⁴ Benericetti 2002a, № 224 (a. 982): spatjo terrae in integro muris circumdato quod Gaio vocatur atque orticello in integro posito iuxta ipsum Gaium, cum pomaretis sus.

¹³⁰⁵ Приведу лаконичное описание городка Сан-Лео (Монтефельтро) из «Описания провинции Романьи» 1371 г.: «... и в этом городе имеется 30 торнатур пахотной земли, виноградников и лесов, а также пастбищ, которые приносят хлеб, вино, дерево и прочее необходимое для жизни его обитателей, а также источники пресной и соленой воды...» (Fantuzzi 1804, № 48).

¹³⁰⁶ Benericetti 1999, № 73 (a. 953); Benericetti 2002, № 93 (a. 956–957).

¹³⁰⁷ BER, № 64, 69, 71.

¹³⁰⁸ Benericetti 2002, № 142 (a. 968): orticello modico que(m) per libellu(m) concessum habetis ad amico.

¹³⁰⁹ *Polverari A. Regesti Senigaliensi (secc. VII–XII). Senigallia, 1974. № 5 (a. 808).*

¹³¹⁰ Benericetti 2006, № 42 (a. 891): et porcione de orto qui vocatur Bigardo infra civitatem Faventie ... ortale unum iuxta Favenciam; Benericetti 2002a, № 197 (a. 977): uti orto in integro qui vocatur Bigardo.

Хозяйственная перестройка региона, превращение Равенны и других городов Романьи в вотчинные центры сопровождалась деградацией публичной и частной городской инфраструктуры. Агнелл неоднократно упоминает разрушенные, заброшенные или пребывающие в упадке здания Равенны. Эта тенденция усугублялась спoliaцией архитектурных памятников в каролингскую эпоху. Документальные источники приоткрывают довольно удручающую картину. Так, эмфитевзис 892 г. доносит до нас сведения о земельных участках в Чезене, на которых ранее имелись жилые и хозяйственные постройки, в частности, кухни и пекарни¹³¹¹.

Дома и жилища лиц совершенно разного социального статуса строились уже не только из камня или бетона, но часто и из дерева и глины¹³¹². Многие частные постройки были снесены или разрушены, множество мелких церквей были заброшены и находились в полуразрушенном состоянии вплоть до конца XI в. Интересно описание одной такой церкви, переданной вместе с земельными владениями на попечение монастыря св. Марии *in Palaciolo* в 957 г.: «Известно, что церковь (*monasterium*) св. Евсевия нынешними бедами и тяжелыми ударами обращена в жалкое состояние и почти разрушена так, что уже непригодна для организации [там] монастыря»¹³¹³.

Упоминания о пустырях (*vacuamento terre*), где ранее находились дома или другие сооружения, типичны для равеннских актов X в.¹³¹⁴ В 947 г. двое братьев

¹³¹¹ Benericetti 2006, № 46 (a. 892): *sex uncias princ(ipales) in int(egro) d(e) solo [terre... ubi] antea fuit domo... aliaes sex uncias [de solo terre ... ubi] antea coquina edificata fuit, et sex unc(ias) d(e) terra ubi fuit pestrino.*

¹³¹² Характерны описания жилищ 2-й пол. X в. в Римини, разительно отличающиеся от домов, известных нам по регестам BER, датируемым VII–VIII вв. Benericetti 2002, № 126 (a. 967): *ex parte cum pariete de axibus et ex parte cum sepe circumclausa.*

¹³¹³ Fantuzzi 1802, № 9 (a. 956) = Benericetti 2010, № 334 (a. 957): *quia scilicet jam nominate Sancti Eusebii monasterium instantibus periculis et flagellis ac irruentibus culpīs anullatum atque pene demolitum esse cognoscitur, ita ut jam ad cenobii normam esse nequeat.* Разрушенные культовые постройки упоминаются и в других актах: Fantuzzi 1801, № 110 (a. 1060): *monasterium quod nunc demolitur esse videtur cui vocabulum fuit sancti Laurentii...* Benericetti 2002, № 99 (a. 958–959): *vacuamentum terre que fuit olim domus cum monasterio Sancti Pantaleonis martiris.* Нужно добавить, что в его непосредственной близости располагалась еще одна группа разрушенных домов с пекарней.

¹³¹⁴ Benericetti 2002a, № 209 (a. 978–979): *vacuamento terre ubi olim fuit domus que vocabatur Novus.*

арендуют огород с ветхим и разрушенным домом с разрешением вырубить выросшие там ореховые заросли¹³¹⁵. В районе *Caput Porticis* находились развалины дома с разрушенными стенами¹³¹⁶. Группа аристократов в 982 г. арендует участок земли с разрушенным домом и баней¹³¹⁷. Нечто подобное мы наблюдаем и в Римини. Так, BER 74 (955 г.) в описании границ арендуемого участка упоминает три мраморные колонны и фундамент древней стены, тянувшийся до речки Авузы. Словом город в IX–X вв. буквально лежал в руинах...

Вместе с тем, с наступлением более-менее благоприятной социально-политической и экономической конъюнктуры, с укреплением позиций землевладельческой знати и прослойки состоятельных горожан, в поствизантийскую эпоху начинается обновление материального облика города. Из рассказа Агнелла мы знаем, что VIII–IX вв. были временем ограниченного жилищного строительства в Равенне. Правда, материалом нередко служили все те же разрушенные или заброшенные здания. Сам Агнелл признается, что для строительства своего жилища использовал материал, добытый из загородного дворца, выстроенного Теодорихом¹³¹⁸.

Можно предположить, что и впоследствии, вплоть до X–XI в., дома частных лиц строились и реставрировались с использованием материалов, добытых из разрушенных инфраструктурных объектов. На эту мысль наводят на первый взгляд странные клаузулы эмфитевтических контрактов, санкционирующие вступление арендатора во владельческие права над «всеми камнями, расположенными как на земле, так и под землей» и «... добытыми в труде и без

¹³¹⁵ Muzzioli, № 8 (a. 947): *hunum spatium terre in integro quod est orto, una cum modico hateguo infra se habentes, in ruinis omnino posito et vetustus, huna cum pomareta infra se habentes.*

¹³¹⁶ Benericetti 2002a, № 206 (a. 978): *vacuamento terre ubi aliquando domus fuit cum muris suis destructis.* Также разрушенная инфраструктура упоминается в Benericetti 2002, № 180 (a. 974); Benericetti 2002a, № 225 (a. 982): *spacio terre ubi dudum sala fuit que modo in ruinis esse videtur.*

¹³¹⁷ *Ibidem*, № 224 (a. 982): здесь речь идет о полуразрушенном инфраструктурном комплексе с баней и пекарней, который, по всей видимости, некогда служил резиденцией местного аристократа.

¹³¹⁸ Agnellus. P. 196.

труда»¹³¹⁹. В одном документе мы читаем, что лежавшие на арендованном участке земли камни некогда были целым домом¹³²⁰. Правда, большая часть домов, за исключением резиденций знати, строилась все-таки из дерева, а их крыши покрывались деревянными дранками (*scindolae*), характерным атрибутом большинства равенских жилищ; их упоминает и Петр Дамиани (1007–1072) в житии св. Ромуальда¹³²¹. С VII–VIII вв., наряду с деревом, массовыми строительными материалами становятся глина (*luto*), а также известь (*calce cimento*)¹³²². Подобная картина в VIII–X вв. наблюдается и в Классисе – обмелевшем порту Равенны, постройки которого известны нам по археологическим раскопкам, а также в Комаккьо¹³²³ и Римини¹³²⁴.

С середины X в. и грамоты свидетельствуют об ограниченном частном строительстве, главным образом, жилищ зажиточных горожан и резиденций знати. В 952–953 гг. куриал Петр с сыном Домиником, табеллионом, и другими детьми арендует в Равенне пустующий участок земли, где ранее располагались два небольших многоэтажных дома, по всей видимости, для возведения там жилья или какой-либо служебной постройки (*edificie*)¹³²⁵. Уже в 978 г. консул-табеллион Петр, сын Доминика, переарендует эту землю, где теперь уже выстроены несколько одноэтажных домов¹³²⁶. В 954 г. сапожник Мартин арендует *stationes* для сооружения там бойни (*macello*). Супружеская пара горожан снимает

¹³¹⁹ Benericetti 2002a, № 225 (a. 982): *et cum omni petra sitam supra terra quamque et subtus terra*; Benericetti 2002, № 122 (a. 966): *et cum omni petra qui ibi reiacere videntur, tam supra terra et supter terra in opere et extra opera*.

¹³²⁰ Benericetti 2003, № 6 (a. 1001): *cum omni petra sua inibi reiacentes que ante os dies domus fuit*.

¹³²¹ *Vita Sancti Romualdi XXI*, 446. P. 972: *Protinus vir sanctus ad solitae defensionis argument confugiens, non quae ibi erant reposita foras extrahere, non, ut mos est, tecti scindulas dissipare*. Таким образом, в случае пожара, случившегося в жилом доме, считается за правило сбивать или снимать дранки с крыши.

¹³²² *Cirelli E., Augenti A., Mancassola N., Manzelli V. Archeologia medievale a Ravenna*. P. 253.

¹³²³ Benericetti 2002, № 112 (a. 963): *mansionem unam in integro axibus et columnellis constructa, scindolis tecta*.

¹³²⁴ *Ibidem*, № 126 (a. 967): *mansione pedeplana in integro ex parte cum pariete de axibus et ex parte cum sepe circumclausa*; таким образом, одноэтажный дом незнатного арендатора имел деревянные стены, сделанные из досок, а также частично окружался изгородью.

¹³²⁵ Benericetti 1999, № 74 (a. 952–953): *solum terris et vacuamentis in integro ubi aliquando duabus domucelle cenaculatae fuerunt*.

¹³²⁶ Benericetti 2002a, № 205 (a. 978): *[unum spacium] terre in integro ubi edificias pedeplanas esse videtur*.

в 989 г. участок земли в Сенигаллии для возведения там жилища¹³²⁷. Сгоревшие жилища отстраивались заново¹³²⁸. Нечто подобное наблюдается и в других городах региона. Вилик и клирик Иоанн приобретает в аренду у ректория огороженный участок земли в Римини, находящийся по соседству с древними руинами, чтобы построить себе с супругой жилой дом¹³²⁹. Таким образом, пределы дезурбанизации не следует преувеличивать.

По всей видимости, обновление инфраструктурного облика города было в интересах и архиепископии, заботившейся, в первую очередь, о реставрации культовых сооружений. В 1014 г. архиепископ жалует Мартину, «аббату» церкви (*monasterium*) св. Иоанна Апостола, расположенную неподалеку церковь св. Марии с окружающим ее кладбищем «частично в целом, а частично в разрушенном состоянии» с обязанностью провести необходимые реставрационные работы¹³³⁰.

В изучаемую эпоху наблюдается выраженная аристократизация городского пространства. Знатные семейства, включая графскую и герцогскую аристократию¹³³¹, владели обширными территориями в городе и субурбии¹³³² и, по всей видимости, создавали соседские объединения¹³³³. При этом семьи знатных горожан стремились приобретать в аренду или собственность и соседние дома.

Эта аристократизация отчетливо прослеживается в словоупотреблении. В источниках VIII – начала XI вв. жилые постройки фигурируют под терминами *mansio(ne)*, оставившим след и в современном итальянском языке (*magione*),

¹³²⁷ Benericetti 2002a, № 244 (a. 989): *mansionem inibi faciendum*.

¹³²⁸ Benericetti 2002, № 117 (a. 949–964): *et harap[ortico] ante se [que a minibus vestries tenere] videtis, que aliquando ab igne cremate fuit et quondam Martino ... a fundamentis construxit*; Benericetti 2002, № 179 (a. 973): *Cancellario Лаврентий арендует сгоревший (ab incensia cremate videtur) дом, по всей видимости, для последующей реставрации*.

¹³²⁹ Benericetti 1999, № 84 (a. 955).

¹³³⁰ Fantuzzi 1801, № 81 (a. 1014) = Benericetti 2003, № 36: *monasterio sancte semperque virginis Dei genitricis glorioseque quod vocatur Patrimonium Aureliani quod ex parte incolume et ex parte in ruinis posita esse videtur*. См. также *Zirardini A. Degli antichi edifizii profani di Ravenna*. P. 104.

¹³³¹ В Равенне, в частности, находилась собственность герцогского рода Сергиев. См. *Muzzioli*, № 8 (a. 947).

¹³³² В актах содержится, в частности, информация о собственности знатных графских родов, в частности, Гвидов, в Равенне и других городах: Benericetti 2002, № 126 (a. 967): *ab uno latere possidente Petronia ad iura heredes quondam Ingelrada*.

¹³³³ Benericetti 2002, № 115 (a. 964).

mansiuncola, domus, domucello, sala, salutjola, cubiculum, ateguum, casime, casetum, metatum, casa, capanna, cupa, edificium (наиболее общее понятие), tumba¹³³⁴.

Термины sala (salutjola) несмотря на германское происхождение, не стал обозначением для особого типа жилища. Он полностью синонимичен двум другим терминам – domucella и mansio(ne), хотя последний охватывал все перечисленные типы жилищ¹³³⁵. Следует также добавить, что уменьшительные конструкции в большинстве случаев (за исключением domus) не несут дополнительной смысловой нагрузки, поэтому sala и salutjola следует понимать как синонимы. В одном случае salutjola занимает значительную площадь (52,5 × 56 футов), большую, чем некоторые другие дома¹³³⁶. Аналогичным образом mansione и mansiuncola являются взаимозаменяемыми терминами¹³³⁷.

Следует также сказать, что галльский по происхождению термин ateguum, встречающийся еще в папирусе Tjäder 13 в значении дома колона (attiguis colonicis), а также capanna, casime, casetum, metatum и, наконец, casa, за немногими исключениями¹³³⁸, относятся к сельским жилищам колонов и либелляриев, которые строились и реставрировались руками самих крестьян, и, вероятно, были сравнительно недолговечными. Со временем, в XI–XII вв., casa стал общим наименованием для всех типов жилищ, в том числе городских, однако в подобном значении термин иногда использовался и ранее. Так, согласно BER

¹³³⁴ Domus: Benericetti 2002, № 119 (a. 965); domucello: Benericetti 1999, № 74 (a. 952–953); salutjola: CDP, № 6 (a. 957); cubiculum: Benericetti 2002a, № 218 (a. 979–980); casime: Benericetti 1999, № 46 (a. 940), Benericetti 2002, № 135 (a. 967); capanna: CDP, № 10 (a. 970); cupa: Federici, № 3 (a. 977), 14 (sec. X–XI); casetum: CDP, № 22 (a. 998); mansiuncola: Benericetti 2003, № 11 (a. 1002).

¹³³⁵ Benericetti 1999, № 52 (a. 944): uti sala in integro in qua nos habitare vise sumus...et cum omnibus a predicta mansione integritur pertinentibus; Benericetti 1999, № 65 (a. 949): idest salutjola pedeplana... habente ipsa mansione cubiculos duos; Benericetti 2002, № 182 (a.974): uti mansione in integro quae est sala pedeplana; 190 (a. 975–976): domucella cenaculata ... Ea vero conditjone prefixa ut superscriptam mansionem; Benericetti 2002a, № 261 (a. 994): uti cubiculo uno de sala pedeplana... Verum eciam et alium cubiculum de alia mansione; 264 (a. 995): uti medietate in integro de sala pedeplana... quam predictam mansionem.

¹³³⁶ CDP, № 6 (a. 957).

¹³³⁷ Вместе с тем скромный размер pensio (3 денария), вносимый за аренду mansiuncola в 1002 г., наводит на мысль, что размер жилища был все-таки меньше обычного mansio.

¹³³⁸ Muzzioli, № 8 (a. 947): акт упоминает orto cum modico ateguo infra se, расположенный в черте города.

82, объектом аренды выступает *casa pedepiana* в Сенигаллии. Термин *mansio* (*masôn* в старом романьольском диалекте), вопреки мнению некоторых исследователей¹³³⁹, мог относиться как к городским, так и к сельским жилищам. Супра, судя по всему, ничем не отличалась от типичного *mansio*, а *edificium*, в свою очередь, означает любое здание, в том числе служебного или хозяйственного назначения.

Два типа жилища – *domus* и *mansio* – стали своеобразной линией водораздела между городской знатью и широкими прослойками торгово-ремесленного населения, профессиональных сообществ и незнатных горожан. Коль скоро этот вопрос напрямую касается социальной структуры раннесредневекового города Романьи, остановимся на нем поподробнее.

Термин *domus*, помимо своего технического значения, отраженного в том числе и в «Книге понтификов Равенны», не позднее VIII–IX в. приобрел и социальный смысл, как правило, обозначая жилище лиц высокого общественного статуса¹³⁴⁰. *Domus* IX–XI вв. в своем архитектурном облике восходит как минимум к VII в., от которого до нас дошла аренда жилого комплекса будущим экзархом, префектом Федором Каллиопой и его супругой Анной в Римини¹³⁴¹. Один из его домов, сооруженный целиком из цемента, включал *superiores* и *inferiores*, помещения для рабов или слуг (*familiaricia*), к которым примыкали пекарня, двор, сад и баня. Папирус 616–619 гг. оставил нам интереснейшее описание другого жилого дома, находившегося в собственности аргентария (банкира) Теодора¹³⁴². Это двухэтажное здание (*domus coenaculatae*) с трапезной на первом этаже включало портик (*ahera porticus*) над фасадом, вымощенный двор (*curtis sternata a latere*), двухэтажную пристройку для рабов или слуг (*familiaricae coenacolatae*) и уборные (*necessariis*). Такой тип жилища, мало напоминающий

¹³³⁹ Brunterc'h J.-P. *Habitat et pouvoir à Ravenne au Xe siècle*. P. 67.

¹³⁴⁰ Приведу несколько примеров: диакон (Benericetti 1999, № 74), магистр армии Мавриций (BER, № 71), аристократ Петр, сын Мартина de Cristoduli (Benericetti 2002, № 99), консул Деуседит (Benericetti 2002, № 119); знатный грек Иоанн (Benericetti 2002, № 120), «клариссимы» Петр и Анна (Benericetti 2002a, № 204), аристократы Готтефред и Адельберга (Benericetti 2002a, № 256), дукс Иоанн (Muzzioli, № 8), магистр армии Мавриций (BER, № 71).

¹³⁴¹ Marini, № 132.

¹³⁴² Marini, № 123.

архитектурные стандарты римской эпохи, распространяется в регионе в течение раннего Средневековья. Нечто похожее представляла собой *domucella*, арендуемая в Римини викарием (офицером) Иоанном в 689–705 гг.: его *superiora* включала трапезную (*triclineum*) и две комнаты, в *inferiora* располагались погреб и баня с теплой водой (*caldario*), а к дому примыкали сад и двор с колодцем. Такие дома было встретить в Римини еще в VIII–IX вв.¹³⁴³ Риминийские жилища X в. имели похожее устройство, хотя, как правило, уже были лишены многих удобств¹³⁴⁴, что, несомненно, отражает упадок материальной культуры, обусловленный более глубокими экономическими причинами.

Итак, структура новых жилищ городской знати порывала с римской традицией, предполагавшей регулярность планировки резиденций аристократии. Теперь это были многоэтажные комплексы, вокруг которых группировались жилые и хозяйственные пристройки, и к которым примыкал двор, выходящий на улицу. Эти дома были просторными, строились из долговечного материала и могли быть декорированы. Об их размерах может красноречиво рассказать тот факт, что верхний этаж *domus* графа Адальберта в Римини оказался способным вместить внушительную публику для проведения судебного заседания в 1001 г.¹³⁴⁵

Выгодно выделяясь в городском пространстве, эти *domus* вполне могли иметь собственные названия¹³⁴⁶. Такие дома могли включать частные бани¹³⁴⁷, портики или перистили (*harena, laubio*)¹³⁴⁸, их стены строились из цемента¹³⁴⁹, а размеры были достаточными, чтобы отчуждаться и арендоваться по частям.

¹³⁴³ BER, № 65 (a. 748–769), 69 (a. 748–769),

¹³⁴⁴ Ibidem, № 66 (a. 927–971), 68 (a. 927–971).

¹³⁴⁵ Fantuzzi 1801, № 71 (a. 1001).

¹³⁴⁶ Muzzioli, № 8 (a. 947): *domus* герцога Иоанна назывался *de Nacia*. О других домах см. Benericetti 2006, № 54 (a. 896): *domum integram ubi manere videor situm in civitate Ravenne qui vocatur Ferrato*.

¹³⁴⁷ Ibidem: *cu(m) tertja parte balnei, cum vaso et fistula sua*; Benericetti 2002a, № 224 (a. 982).

¹³⁴⁸ Ibidem, № 256 (a. 993): *habens murum ex calce et harena usque ad tignum*.

¹³⁴⁹ Benericetti 2002, № 189 (a. 975): *quae domus ex calce figmento habente murum usque ad tignum etc.*

Иногда *domus* представлял собой и комплекс построек¹³⁵⁰, включая жилые здания (*sala, mansio*)¹³⁵¹, в том числе предназначенные для рабов или слуг (*familiarica*), конюшни (*stabulo*), кухни (*coquina*), пекарни (*pistrina*), бани (*balneo*) и даже часовни (*capella*). Дукс Мартин получает от своей матери Вальбезинды в середине IX в. жилой комплекс в Римини, имевший два двора, четыре *sala* (среди которых одно большое и одно маленькое здание), конюшню, колодец, сад с колодцем, а также *pergula* – пристройку или навес. Его супруга, франкская графиня Ингельрада, располагает новым домом в Равенне близ церкви св. Петра с неожиданным названием *de Senegalie*, включающим двор, другие дома, *sala* с примыкающей к ней рощей (*broilo*). Другой *domus* под названием *Ferrato* (*Farato*), иначе называемый *curte*, где непосредственно проживала Ингельрада, включает церковь (*monasterium*) св. Девы Марии, основанный и отстроенный на средства графини. Знатная собственница Матрона в 873 г. располагала, в числе прочего, настоящими дворцами (*palatia*)¹³⁵².

Domus нобиля Петра украшен пятнадцатью мраморными колоннами с лилиями и *torulares* (архитектурное назначение неясно), его стены были сооружены целиком из цемента, а крытое портиком пространство (*haeroportico*) тянулось вплоть до моста Марино. За него вносилась высокая арендная плата в размере четырех золотых солидов. Такие суммы были обусловлены не только и не столько реальной стоимостью этих *domus*, сколько соображениями престижа, в первую очередь – близостью некоторых домов знати к резиденции архиепископа. Например, консульское семейство *de Amoneta*, арендующее 1/3 двух престижных *domus*, расположенных близ архиепископской резиденции (*episcopium*), вносят за них плату в один солид (12 денариев), в то время как аренда 1/2 *fundus* *Vocenano*

¹³⁵⁰ Benericetti 2002a, № 224 (a. 982), 246 (a. 989); Fantuzzi 1802, № 25 (a. 1002): *domus unum in via que antiquities vocabatur Urbanis cum capella sua S. Marie cum curte, orto, puteo, sala pedeplana, vacuamento terre ubi aliquando vinea fuit.*

¹³⁵¹ Benericetti 2003, № 14 (a. 1003): *domus integra cum superioribus et inferiori suis cum curte et puteo et orto integro et cum mansionibus in capite ipsius domus posito et cum aliis mansionibus posite ad Caput Portjcis.*

¹³⁵² Benericetti 2006, № 28 (a. 873).

обходится им в девять денариев¹³⁵³. Многие из этих domus находились в глубоком упадке, а перечисляемые нотариусом по традиции постройки, скорее всего, давно были заброшены. Арендуемая графом Арардом в 982 г. domus была в разрушенном состоянии, а на его месте был выстроен новый, более скромный дом (sala), где и проживало его семейство. Лишь близость к важным культовым объектам и политическому центру обуславливали его неоправданно высокую арендную плату (24 денария). Только наличием руин разрушенного domus можно объяснить неоправданно высокий pensio (12 денариев) за арендуемый торговцем в 978 г. пустырь, в то время как небольшой двухэтажный дом (mansione) обходится ему в 3 раза дешевле¹³⁵⁴.

§ 3. Ремесленное и торговое население. Изучение форм социально-политической организации городского населения, занятого в ремесленных и торговых специальностях, имеет серьезное теоретическое значение для исследователей раннесредневекового города. Неудивительно, что данная проблематика, в целом, изучена достаточно хорошо. Некоторые вопросы городского строя и ремесла Равенны были освещены в специальной литературе в рамках развернувшейся среди итальянских, французских и немецких исследователей XIX–XX вв. серии дискуссий о континуитете, в ходе которой континуитисты и их противники активно привлекали раннесредневековый итальянский материал. В свете этой проблематики существовавшие в Равенне, Риме и некоторых других городах раннесредневековой Италии торгово-ремесленные ассоциации объявлялись либо прямыми наследниками позднеримских коллегий, либо исключительно средневековым феноменом¹³⁵⁵.

С высоты знаний нашего века сама постановка такого вопроса во многом кажется некорректной, хотя и не лишенной известной притягательности для ряда

¹³⁵³ Benericetti 2002, № 189 (a. 975).

¹³⁵⁴ Benericetti 2002a, № 206 (a. 978).

¹³⁵⁵ *Hartmann L. M. Zur Geschichte der Zünfte im frühen Mittelalter // Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Analekten. Gotha, 1904. S. 16–41; Leicht P. S. Ricerche sulle associazioni professionali in Italia dal secolo V all' XI // Rendiconti della R. Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. 1936. S. 6a, vol. XII. P. 193–241. См. также: Racine P. Associations de marchands et associations de métiers en Italie de 600 à 1200 // Gilden und Zünfte / Ed. B. Schweineköper. Sigmarinen, 1985. P. 127–149.*

исследователей, в особенности французских. Конечно, политические события перекраивают торговые маршруты, разрывают капиллярные сети обмена, меняют потребительские привычки и вкусы элит. Спрос на престижную ремесленную продукцию (украшения, оружие, ткани, драгоценная утварь и предметы культового обихода) и специалистов-профессионалов со стороны городской знати и Церкви, конечно, колебался и порой качественно менялся (например, в потреблении греко-восточной керамики), но в той или иной мере существовал всегда, поскольку являлся необходимым условием воспроизводства господствующего класса. Параллельно с этим существовал и постоянный спрос на товары массового потребления – текстиль, керамику, металлические и деревянные изделия, обувь.

Понятно также, что деятельность ремесленников, коммерсантов и их профессиональных объединений в документах VIII–XI вв. представлена крайне односторонне. Подавляющее большинство частных актов, субъектами которых выступают ремесленники и торговцы, касается аренды у Церкви участков городской и пригородной недвижимости. Их профессиональные занятия в источниках никак не отображаются. Кроме того, у нас практически нет внятных и репрезентативных данных о распространении ремесла в сельской округе. Безусловно, многое еще прояснит археология, но смею надеяться, что и потенциал письменных источников исчерпан еще далеко не полностью.

Все это не снимает вопрос об удельном весе торгово-ремесленного элемента в городском населении и основных организационных формах их существования. Не вызывает сомнений, что разветвленная система ремесленных и торговых специальностей, а также профессиональных групп и ассоциаций, о которой нам известно из актов византийского времени, где эти лица были представлены широкой категорией *viri honesti*, деградировала задолго до формального краха византийской власти. Т. Браун небезосновательно полагает, что в 550–750-х гг. землевладельцы византийской Италии находились в гораздо более выгодной

позиции, нежели те, кто обеспечивал себя торговлей или ремеслом¹³⁵⁶. В первую очередь это касается редких профессий, но не только: например, больше нет данных о некогда существовавшей в городе коллегии пекарей (*pistores*), воспоминание о которой сохраняется лишь в виде городского топонима, упомянутого Агнеллом¹³⁵⁷. Судя по всему, выпечка хлеба стала делом частных домохозяйств. В некоторых арендах X в., в частности, упоминаются *pistrinae* – пекарни, примыкавшие к домовладениям знатных и зажиточных горожан.

Исчезают сведения о торговых специальностях, в частности, о шелкоторговцах, сапонариях (мылоторговцах), навикуляриях, занимавшихся морской торговлей, а также о банкирах и ростовщиках (*argentarii*, ἀργυροπράται), известных нам по папирусам V–VI вв.¹³⁵⁸ После 616–619 гг. источники больше не упоминают аргентариев, что, несомненно, отражает определенный спад денежного обращения в VII–VIII вв. В VIII – начале IX вв. прекращает функционирование и равеннский монетный двор¹³⁵⁹. Впрочем, это еще никак не означает полного упадка коммерческой активности. О широком распространении кредитно-денежных операций, как и сопутствующих им правовых процедурах и деликтах, мы, в частности, узнаем из сообщений Агнелла¹³⁶⁰. Этот назидательный рассказ, относящийся, по мнению Л. Руджини, ко второй половине VIII в., отражает факт существования торгового оборота между Равенной и Константинополем и «морского кредита» с невероятно высоким процентом (33,3%!), обусловленным, скорее всего, повышенными коммерческими рисками.

Косвенным показателем сохранения деловой активности и рынка недвижимости служило и существование на всем протяжении изучаемого периода светских муниципальных должностей – судей и писцов-табеллионов. Вероятно, эти чиновники сохранили корпоративные формы организации своей профессиональной деятельности. Коллегия (*scola*) табеллионов сохранила

¹³⁵⁶ *Brown T. S. Gentlemen and Officers. P. 194.*

¹³⁵⁷ *Agnellus. P. 170: Pons Pistorum; Zirardini A. Degli antichi edifizj profani di Ravenna... P. 248.*

¹³⁵⁸ О банковской деятельности в раннесредневековой Равенне см. *Cosentino S. Banking in Early Byzantine Ravenna // Cahiers de recherches médiévales et humanistes. 2014. № 28 (2). P. 243–255.*

¹³⁵⁹ *Cosentino S. Richezza e investimento della chiesa di Ravenna. P. 417–439.*

¹³⁶⁰ *Agnellus. P. 178–180.*

должность эксептора¹³⁶¹ и куриала¹³⁶². В отличие от V–VI вв., когда эксептор соответствовал магистрату, в обязанности которого входила регистрация частных актов в *gesta municipalia*¹³⁶³, а также ведение протоколов в муниципальных судах¹³⁶⁴, в изучаемый период эксептор, как и куриал, превратились в глав корпорации табеллионов. Ничто, во всяком случае, не указывает на их особые должностные полномочия или профессиональные компетенции: составленные ими акты аналогичны вышедшим из-под пера других табеллионов как по формуляру, так и по характеру письма.

Иерархия в этой коллегии выстраивалась, судя по всему, следующим образом: табеллион (*tabellio*), табеллион и куриал (*tabellio et curialis*), и, наконец, эксептор курии (*prototabellio et exceptor curiae*). Не исключено, что внизу коллегиальной иерархии находились помощники (*adiutores*) табеллионов, известные нам, по крайней мере, с конца VIII в.¹³⁶⁵

Изучая некоторые акты, можно проследить карьеру некоторых представителей городской курии. Табеллион Доминик (901–915) уже с 903 г. подписывается как «*exceptor curie publice*»¹³⁶⁶. В 40-е гг. X в. в Равенне проживал другой «славный муж» Доминик, возможно, его родственник, который в грамоте 940 г. подписался как прототабеллион и эксептор курии¹³⁶⁷. Видимо, такой же путь проделал табеллион Петр, куриал, в 950-е гг. повышенный в ранг эксептора¹³⁶⁸. Не исключено, что должности куриала и эксептора в какой-то

¹³⁶¹ Эксепторы знакомы нам также по документам некоторых других городов «лангобардского ареала» Северной Италии 1-й половины VIII в. «лангобардского» ареала. Известны, в частности, эксепторы Павии и Пьяченцы, которые носили духовный сан. См. об этом: *Savigny F.-K. von. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Band 1. Heidelberg, 1834. S. 422–423.*

¹³⁶² Benericetti 1999, № 15–16 (a. 909), 74 (a. 952–953), 79 (a. 954), 86 (a. 955).

¹³⁶³ Marini, № 79, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 88, 88a, 89, 90, 93, 94, 107, 108, 113, 115, 116, 117, 119, 121, 122, 123. См. об этом: *Hirschfeld B. Die Gesta municipalia in römischer und frühgermanischer Zeit. Inauguraldissertation. Marburg, 1904. S. 14–17.*

¹³⁶⁴ Benericetti 2002. P. XIV.

¹³⁶⁵ Benericetti 2006, № 5 (a. 767): [Ben]enatus tabellio hu[i]us civitatis Ravenne his instrumentis... [scriptum a]b Urso adiutorem meum, post rovoratjone testium atque traditum cumplevi et [absolvi].

¹³⁶⁶ Benericetti 1999, № 3 (a. 903).

¹³⁶⁷ Benericetti 2010, № 330 (a. 940).

¹³⁶⁸ CDP, № 4 (a. 939); Muzzioli, № 7 (a. 943): Petrus in Dei nomine tabellionem et curialem huius civitatis Ravenne; Benericetti 2010, № 332 (a. 950–951): Petrus in Dei nominem tabellionem et

момент слились или были замещены одним лицом: упомянутый Доминик в акте 910 г. подписывается как «*tabellio et curiales*»¹³⁶⁹, а в грамоте 911 г. – обоими способами: и как эксептор, и как куриал¹³⁷⁰. Интересна подпись табеллиона Льва, назвавшего себя не иначе как *curialis Proventijs Romanorum*¹³⁷¹, которая, возможно, намекает на его назначение папской властью. Не позже 968 г. эти должности полностью исчезают, однако это не сопровождалось снижением деловой активности курии (за период 751–1200 гг., по подсчетам М. Штейнхофа, 70% документов были составлены именно табеллионами); скорее всего, должности куриала и эксептора были вытеснены консулами.

В других городах Романьи табеллионов было заметно меньше, и они нередко принимали на себя функции нотариев всего городского округа¹³⁷²; кроме того, табеллионат здесь был в большей степени аффилирован с духовным сословием¹³⁷³, и некоторые писцы совмещали должности нотариев и табеллионов в одном лице¹³⁷⁴. Табеллионы Равенны, как видно из порядка упоминаний имен в некоторых *notitia testium*¹³⁷⁵, судя по всему, занимали менее престижное положение, чем архиепископские нотариаты, среди которых было множество отпрысков знатных равеннских фамилий¹³⁷⁶. Тем не менее, эти лица могли рассчитывать на аренду у Церкви городской недвижимости и земли, составлявшей, скорее всего, немалую долю их доходов¹³⁷⁷.

exceptorem curie; Benericetti 2002, № 96 (a. 958): Petrus in Dei nomine prototabellioni et exceptorem curie huius civitatis Ravenne.

¹³⁶⁹ Benericetti 1999, № 17 (a. 910).

¹³⁷⁰ Ibidem, № 19 (a. 911): Dominicum tabellionem et curialem huius civitatis Ravenne... Dominicus tabellio et exceptor curiae huius civitatis Ravenne scriptor huius paginam professionis.

¹³⁷¹ Fantuzzi 1802, № 8 (a. 955) = Benericetti 2010, № 333 (a. 955).

¹³⁷² Benericetti 2006, № 21 (a. 867): Liseo tabellio territorio Sassinate; 23 (a. 852–868): Rottari tabellio territorio Feretrano; Benericetti 2002a, № 265 (a. 994–995): Iohannes Xpisti nutu huius Pupiliensis territoria tabellione.

¹³⁷³ Benericetti 2006, № 24 (a. 853–869): ego Martinus clericus et tabellio huius suprascripto territorio Faventino acto Corneliense.

¹³⁷⁴ Benericetti 2006, № 15 (s. IX): Vitalis tabellio Cumiaccense notarium; 28 (a. 873): Petrus notaries et tabellio huius territorio Galegata.

¹³⁷⁵ Ibidem, № 24 (a. 853–869).

¹³⁷⁶ Benericetti 2003, № 24 (a. 1005); 25 (a. 1005): Honesto clericus et notarius sancte Ravennatis ecclesie et abbas monasterii Sancti Severini

¹³⁷⁷ Benericetti 1999, № 24 (a. 914): табеллион Иоанн владеет землей неподалеку от монастыря св. Мартина in Strata.

К услугам табеллионов прибегали различные церковные корпорации, главным образом, монастыри и церкви, а также императорский двор, и, по всей видимости, некоторые из писцов могли состоять у них на службе и, таким образом, рассчитывать на земельные приобретения даже от верховных властей¹³⁷⁸. Например, услугами табеллиона Доминика VII (962–995) пользовались диоцезы Форли и Римини¹³⁷⁹, а в Ферраре, согласно акту 1029 г., табеллион Мавриций был помощником (*adiutor*) священника Григория¹³⁸⁰.

Не ранее середины X в. источники отмечают династизацию должности табеллиона. В отличие от архиепископских нотариев, высокий престиж которых делал эту должность привлекательной для отпрысков герцогской аристократии, табеллионат в значительной мере соотносился с категорией зажиточной городской торгово-ремесленной верхушки и «консульской» знати. Табеллионы нередко наследовали профессию, а в документальной продукции из поколения в поколение воспроизводили индивидуальные особенности почерка и стиля письма. По самым приблизительным подсчетам, основанным на исследовании Д. Буцци и требующим дальнейшей корректировки, табеллионат с 950–970-х гг. фактически оказался «монополизирован» 10–12 семействами, в которых наследование профессии стало нормой. Весьма вероятно, что табеллионы имели определенное представление о принадлежности к особой светской корпорации. Об этом говорят экзотические антропонимы (*Sergio Dei nutu cunctorum Ravennatum cernentibus Fenestrella*), торжественные инвокации (*in dei nomine, divino nutu, divina gratia, dei largiente, divina splendoris*), в некоторых случаях ставшие подобием *nomina additicia*, а также особые печати и монограммы, известные нам еще с VI в., времени деятельности публичных писцов (*forensis*). После вхождения Экзархата в состав Империи табеллионат сохранил полную автономию. С 60-х гг. X в. в

¹³⁷⁸ Впечатляющий перечень недвижимости и земель, которыми владел табеллион Петр *per prescriptum* «от короля Генриха», приведен в дарственной 1014 г. (Fantuzzi 1802, № 25): помимо крупного комплекса (*domus*), включающего отдельные дома (*mansiones*) и капеллу, он владел землей в пяти приходах округов Форли и *Faventino acto Corniliense*.

¹³⁷⁹ *Buzzi G.* La curia arcivescovile e la curia cittadina... P. 69.

¹³⁸⁰ CDP, № 71 (a. 1029).

источниках изредка можно встретить специфическую должность *cancellarius*¹³⁸¹, возможно, являвшуюся новшеством оттоновской администрации, однако какие-либо следы документальной продукции, созданной этими чиновниками, отсутствуют.

Институт табеллионата был тесно связан с судебными полномочиями, что прослеживается в актах с конца IX в.: знание юриспруденции позволяло табеллионам выступать адвокатами и прокураторами церковных учреждений на разных судебных процессах¹³⁸². Тем не менее, в городах Романьи существовала и специфически «романская» должности муниципального судьи – *датива* (*dativus*), которая появляется в источниках не ранее VII в. Параллельно с *dativus* в региональных документах бытовал и термин *iudex*. Известно, что в широком смысле под *iudices* понимали всех влиятельных лиц, гражданских и военных чиновников любого ранга, наделенных тем или иным объемом военных или гражданских полномочий¹³⁸³. Об этом, в частности, свидетельствует письмо папы Иоанна VIII 877 г., адресованное, помимо «народа» (*populus*), дуксам и судьям (*iudices*) Равенны, на которых он возлагает защиту города от «франков» герцога Ламберта Сполетского¹³⁸⁴. Формуляр «диалога» IX в., который по традиции имел место между архиепископом и новоизбранным епископом незадолго до посвящения в сан последнего, называет *iudices* в числе социальных групп (*sacerdotes, iudices, clericos et populos*), которые избирали епископа¹³⁸⁵. Но термин *iudex* мог употребляться и в узком значении. Из письма папы Адриана I от 783 г. по поводу преступлений двух равеннских *iudices* следует, что каждый из них имел собственный округ (*iudiciaria*), где отправлял судопроизводство.

В актовом материале VIII–X вв. должности *iudex* и *dativus* очень часто оказываются синонимичными. Источники содержат множество тому примеров. Например, *dativus* Виталис из Имолы, руководивший судебным процессом 915 г.,

¹³⁸¹ Benericetti 2002, № 128 (a. 967), 179 (a. 973).

¹³⁸² Fantuzzi 1801, № 100 (a. 1037): *Petro tabellione, qui vocor Bellancione, qui sum avocator eius.*

¹³⁸³ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 70.

¹³⁸⁴ MGH Epp., 3. №. 124.

¹³⁸⁵ Benericetti 2006, № 12 (s. IX).

подписался в документе как *consul et iudex*¹³⁸⁶. В *placita* 915, 967 и 973 гг. *dativi* выполняют те же функции, что и судьи, и указаны рядом с ними¹³⁸⁷. Кроме того, *iudex* Павел *ex genere ducis*, участвовавший в процессе 973 г., подписывается как *dativus*. Аналогичным образом руководивший процессом 994–995 гг. судья Андрей де Северо указывается то как *iudex*, то как *dativus*¹³⁸⁸. В *placitum* 996 г., где *dativi* фигурируют в качестве *judices de civitate Ravenne*, эти должности полностью синонимичны¹³⁸⁹.

Из упоминания на процессе 967 г. *iudices et dativi Romani et Longobardi* можно сделать вывод, что в этой группе находились знатоки обеих правовых систем. Так, текст судебного протокола 1013 г. предваряют цитаты из Юстинианова законодательства¹³⁹⁰. Необходимость изучения лангобардского права определялась присутствием выходцев из лангобардских регионов в разных округах Экзархата. Так, в 1042 г. некто Иоанн продает землю табеллиону Уберту «*secundum legem meam Langobardorum*»¹³⁹¹.

Помимо судебных и адвокатских¹³⁹² функций, *dativi* могли выполнять отдельные поручения, связанные с соблюдением правовых норм при заключении сделок. Например, фавентийский судья Юстин выступает уполномоченным консула Адельберта при продаже Церкви участка земли в 967 г.¹³⁹³ Тем не менее, сохранение в этой среде определенных автономных форм профессиональной

¹³⁸⁶ Benericetti 1999, № 26 (a. 915).

¹³⁸⁷ Benericetti 2002, № 128 (a. 967), 178 (a. 973).

¹³⁸⁸ Benericetti 2002a, № 265 (a. 994–995).

¹³⁸⁹ Fantuzzi 1803, № 263 (a. 996): *Petrus dativus... Johannes dativus filius quondam Johannis Paterni, Andreas dativus q. v. de Severo, Johannes dativus q. v. Calcaperto hec sunt iudicibus de Civitate Ravenna.*

¹³⁹⁰ Benericetti 2011, № 561 (a. 1013).

¹³⁹¹ Fantuzzi 1801, № 102 (a. 1042).

¹³⁹² Benericetti 2006, № 19 (a. 850–859): *dum taliter altercassent, sic ipsi missi dixerunt [ipsis Comiaciensibus] ut elierent inter se unam personam qui pro his aliis stare in ra[c]ione, sicuti fecerunt et elegerunt Constantino datibo de Amuncio et dixerunt homnes [quia quicquid ipse] Constantino de ipsa massa ellegerit, in eade libera racione permanere volent.* Таким образом, судья Константин выполнял адвокатские функции, будучи избранным коллективом совладельцев *massa* в районе Комаккьо.

¹³⁹³ Benericetti 2002, № 132 (a. 967): *per seodem paginam venditjonis ad nobis in vobis factam atque traditam, quem [per is]tum meum missum nomine Iustinus, dativus civitatis Faventje, quam de meis manibus suprascripto venditore in manibus tui suprascripto cumparatore do et mitto.*

организации было в значительной мере подорвано уже в период византийской власти усилением позиций военных и церковных бюрократов. Показательно, что нигде в источниках мы не встречаем упоминаний о коллегиях (*scholae*) судей в Равенне наподобие тех, что существовали в это время в Риме. Прерогативы судей и прочих гражданских чиновников (*iudices*) были успешно узурпированы военной администрацией (*duces, tribuni, magistri militum*), что впоследствии было символически закреплено в почетной титулатуре некоторых представителей герцогской аристократии X в. (*dux et iudex, dux et dativus*). Активность представителей гражданского управления, в частности, префектов, сходит на нет к первой половине IX в. В 838 г. *prefectus et dativus* Деусдедит руководит судебным процессом, на котором разрешался земельный конфликт архиепископа с местным феодалом из Адрии. С учетом того, что далее в тексте акта он, наряду с прочими судьями, обозначен только как *dativus*¹³⁹⁴, можно допустить, что судопроизводство, пусть даже и на высоком уровне, являлось основной сферой его полномочий.

После кризиса, который пережил город в течение VII–VIII вв. под разрушительным воздействием социально-политических, экономических и природных факторов, IX в. стал началом его медленного оживления¹³⁹⁵. Скорее всего, это оживление было напрямую связано с аграрной реорганизацией региона, оказавшегося способным производить зерно для рыночного сбыта, достаточное, чтобы обеспечивать, по крайней мере, какую-то часть доходов городского неземледельческого населения. Тем не менее, отныне ремесленники и, в особенности, торговцы, оказались тесно связанными с землевладением и доходами от него.

Агнелл неслучайно упоминает строительство домов в VIII–IX вв., пусть даже на базе материалов, добытых из заброшенных и разрушенных зданий. В IX–X вв. зажиточные горожане, в первую очередь, торговцы, а также ремесленники,

¹³⁹⁴ Benericetti 2006, № 11 (a. 838): *Deusdedit dativus, Georgius. Gregorius de Farraria denique dativus.*

¹³⁹⁵ *Deliyannis D. M. Ravenna in Late Antiquity. P. 289.*

табеллионы и некоторые представители мелкой знати приобретали или отстраивали скромные, но достаточно вместительные жилища, чаще всего фигурирующие под синонимичными названиями *sala*, *mansio* или *domucella*.

Акты, касающиеся аренды городской недвижимости, появляются не ранее 2-й половины 40-х годов X в., однако нет сомнений, что структура жилища не претерпела существенных изменений с VII в. Их дома могли быть одноэтажными (*pedeplana*) или двухэтажными (*solariata* или *senaculata*). Съем двухэтажного дома, как правило, обходился в среднем в 1,5–2 раза дороже, хотя встречаются и исключения, обусловленные размерами арендуемых садов или наличием пристроек¹³⁹⁶. Как и дом аргентария VII в., такие жилища в X в. – вне зависимости от количества этажей – делились на две части (*superiora* и *inferiora*). В верхней части, как правило, находились комнаты (*cubiclos*, *caminatas*), а в нижней – нежилые (служебные) помещения. К ним непременно примыкали пристройки, включая крытое портиком пространство (*haraportico*), являющееся рудиментом римского перистиля¹³⁹⁷, а также двор (*curte*). Назначение *haraportico* не до конца ясно, не исключено, что это было многофункциональное сооружение; известно, что его могли строить из дерева¹³⁹⁸. К домам могли примыкать и другие крытые площадки, а также торговые лавки (*stationes*), обычные для жилищ торговцев¹³⁹⁹. Иногда для торговли арендовались комнаты в соседних домах¹⁴⁰⁰.

Примеров таких жилищ множество. Жилой одноэтажный дом (*mansionem pedeplana*), который арендует торговец Иоанн в 959 г. за шесть денариев, включает четыре комнаты, а в его *inferiora* располагался винный погреб или склад

¹³⁹⁶ CDP, № 6 (а. 957): аренда одноэтажного дома, окруженного стенами, с примыкающему к нему дворами, охватывающего пространство 52,5× 56 футов, обходится в 18 денариев.

¹³⁹⁷ Santoro Bianchi S. *Dinamica del popolamento ed evoluzione delle strutture territoriali nel Riminese dalla preistoria alla tarda antichità* // *Rivista di Archeologia*. 2004. № 3. P. 36. Следует сказать, что расположение *haraportico* не было фиксированным: он мог располагаться как позади (Benericetti 2002, № 158), так и в передней части дома (Benericetti 2002, № 117).

¹³⁹⁸ Упоминание о сгоревшем *haraportico* содержится в Benericetti 2002, № 117 (а.949–964).

¹³⁹⁹ Muzzioli, № 15 (а. 957): *mansionem huna in integro acxibus circumclausa materiis et columnellis constructa, scindolis tecta, cum stationibus suis*.

¹⁴⁰⁰ Benericetti 2003, № 7 (а. 1001). О торговом назначении некоторых снимаемых комнат говорит, в частности, приписка XI в. к грамоте 1001 г., характеризующая сдачу в аренду комнаты (*cubiculo*) не иначе как «*Mercatoris iu(s) vend(e)nciu(m)*».

(*canepha*), *haraportico* и уборная (*necessario*). К жилищу примыкал задний двор с колодцем. Аналогичные дома за ту же плату арендуют торговцы Иоанн и Убальд в 972 и 975 гг. соответственно¹⁴⁰¹. Такой тип жилища встречается в грамотах XI и XII вв.¹⁴⁰²

Жилища простых обывателей выглядели скромнее. Интересно описание равеннского дома, принадлежащего незнатной славянке Марии с дочерью, встретившееся в эмфитевзисе 944 г. Жилой дом (*sala/mansio*), включающий две комнаты (*cubiclos*), имел стены из известкового цемента и глины, а также кровельную черепицу. Дом имел двор с колодцем, а сзади к нему примыкал небольшой фруктовый садик (*modico orticello*); проход между домами (*androne*) с двух сторон соединял его с публичной улицей. В 949 г. схожий одноэтажный домик (*salutjola pedeplana/mansione*) арендует некий холостяк Иоанн. В нем также было две комнаты, а к дому примыкали небольшой дворик (*curticello*) с мраморным колодцем и садик¹⁴⁰³. В отличие от предыдущего дома, стены этого были целиком сделаны из глины, и арендатору он обходился в два раза дешевле¹⁴⁰⁴. Судя по всему, этот тип жилища был наиболее характерен для незнатного городского населения.

Размеры жилых помещений могли быть самыми разными: так, в двух соседних жилищах мы встречаем размеры комнат в 28×13 и 32×17 футов соответственно¹⁴⁰⁵. Эмфитевзис 1002 г. сообщает, что участок земли в Равенне, на которой был выстроен дом с колодцем, покрывал пространство 51 × 58 футов. Группа крестьян из Римини для строительства дома арендует внушительный участок размером в 12 × 10 пертик (120 × 100 футов).

¹⁴⁰¹ Benericetti 2002, № 158 (a. 972); 190 (a. 975).

¹⁴⁰² Federici, № 121 (a. 1181): *mansionem unam pedeplanam cum solo terre suo et ortum unum ibi prope, cum porcione Curtis ante se et cum usu puthei in ipsa curte et labella marmorei, et cum curte sua retro se.*

¹⁴⁰³ О размере двора нам, к сожалению, известно мало. В Комаккьо дворик, примыкавший к достаточно скромному жилому дому, составлял 40 × 15 футов (Benericetti 2002, № 112, a. 963).

¹⁴⁰⁴ Benericetti 1999, № 65 (a. 949): *que predicta mansione habet muro ex luto ex omni parte.*

¹⁴⁰⁵ Benericetti 2002a, № 261 (a. 994).

Вероятно, в это же время оживляется и коммерческая деятельность, хотя торговцы начинают массово фигурировать в источниках не ранее 1-й четверти X в., а первый функционирующий рынок и пункт сбора пошлин (*teloneum*) упомянуты только в булле папы Григория 998 г.¹⁴⁰⁶, хотя, несомненно, он существовал и раньше, коль скоро еще в акте 984 г. зафиксирована должность сборщика пошлин (*tolonarius*)¹⁴⁰⁷. Тем не менее, люди, называемые в документах *negociatores*, скорее всего, имели мало общего со своими предшественниками, будучи заняты преимущественно в локальной торговле, скорее всего – продовольствием и другой продукцией широкого потребления.

Из корпуса актов X в., помимо торговцев, нам известно также о сапожниках (*calligarii*), мясниках (*macellatores*), рыбаках (*piscatores*), кузнецах (*fabri*), медиках (*medici*), портных (*sartores*), архиепископских каменщиках (*caementarii*), мозаистах (*sarsores*)¹⁴⁰⁸, стекольщиках (*fiolarii*)¹⁴⁰⁹. Дополнительно, из акта 1016 г., мы узнаем о решетнике (*sedazarius*)¹⁴¹⁰. Обратим внимание, что как минимум три профессии (каменщики, мозаисты и стекольщики) могли быть прямо связаны с церковным зодчеством, и, во всяком случае, состоять в тесных отношениях с Церковью. Кроме того, упоминаются золотых дел мастера¹⁴¹¹, без сомнения, обслуживавшие знать, а также ткачи (*tessitore*). Возрождаются или, во всяком случае, активизируются профессиональные корпорации (*scholae*)¹⁴¹². Некоторые из них, например, рыбаки, были прообразами будущих «ремесел» (*artes*) коммунального периода¹⁴¹³. К ним примыкали профессиональные ассоциации в рамках низшего клира, в частности, церковные певчие и чтецы (*scola cantorum*, *scola rectorum*).

¹⁴⁰⁶ Benericetti 2002a, № 275 (a. 998).

¹⁴⁰⁷ Fantuzzi 1801, № 63 (a. 984).

¹⁴⁰⁸ Benericetti 1999, № 65 (a. 949): *idest salutjola pedeplana quae fuit de quondam Leo Sarsore*.

¹⁴⁰⁹ Benericetti 2002a, № 206 (a. 978): *Iohannes Fiolario*.

¹⁴¹⁰ Benericetti 2003, № 41 (a. 1016): *Ursus qui vocabatur Sedazario*.

¹⁴¹¹ *Ibidem*, № 5 (a. 1001): *Iohannes Aurifex*.

¹⁴¹² См. об этом: *Calisse C. Le associazioni in Italia avanti le origini del comune // Rivista internazionale di scienze sociali e discipline ausiliarie*. 1898. Vol. 18. Fasc. 72. P. 505–521.

¹⁴¹³ Fantuzzi 1802b, № 1.

Свою нишу в городах Романьи заняли и ремесленники германского происхождения. В частности, нам известно о золотых дел мастере (*aurifex*) Гуго, лангобарде, занимавшим высокое общественное положение (*vir clarissimus*)¹⁴¹⁴, и оружейнике (*forbitor*) Райнерии¹⁴¹⁵, также носившим этот эпитет¹⁴¹⁶. В Римини зафиксирован некто Родемарий, «аргентарий» (здесь, скорее всего, «серебряных дел мастер»), владевший недвижимостью в городе.

В Равенне продолжали существовать также медики, которые еще в 572 г., согласно одному из папирусов, имели собственную корпорацию врачей греческого происхождения (*scola greca*)¹⁴¹⁷. Так, участок земель франкской графини Ингельрады арендует *pro largitum* медик Петр¹⁴¹⁸. Еще один медик фигурирует в *notitiam testium* дарственной 942 г., причем именуется он себя «сиятельнейший муж», подчеркивая тем самым свой общественный статус¹⁴¹⁹. Будучи церковными эмфитевтами, они, помимо профессионального вознаграждения, также жили за счет земельной ренты¹⁴²⁰.

На мой взгляд, очевидная генетическая преемственность с римскими коллегиями, равным образом как и сохранение аналогичных объединений (*scolae*) в Риме¹⁴²¹, другом крупном поствизантийском центре, еще не доказывает наличие прямого континуитета. Средневековые равеннские *scolae*, несмотря на наличие внутрикорпоративной иерархии, представляли собой качественно иные образования. В отличие от позднеримских коллегий, опекавшихся государством, они уже едва ли носили публично-правовой и принудительный характер и, как я покажу ниже, не обладали монополией на занятие ремеслом. Теперь они

¹⁴¹⁴ Benericetti 1999, № 80 (a. 955): Hugo vir clarissimus aurifex Langobardorum; Benericetti 2002, № 101 (a. 960).

¹⁴¹⁵ В *notitium testium* фигурирует Iohannes f. Iohannes Lambardus, что, в принципе, не исключает его лангобардского происхождения.

¹⁴¹⁶ Benericetti 2002, № 152 (a. 970): Rainerius vir clarissimus forbitor.

¹⁴¹⁷ Marini, № 120.

¹⁴¹⁸ Benericetti 1999, № 2 (a. 901): ab uno latere possidente Petrus medicus per largitum vestro suprascripta domna Angelrada.

¹⁴¹⁹ Muzzioli, № 5 (a. 942): Petrus vir clarissimus medicus.

¹⁴²⁰ Fantuzzi 1802, № 30 (a. 1028).

¹⁴²¹ Wickham C. Medieval Rome. P. 152–153.

образовывали широкие квазисемейные объединения, напоминающие сельские консортерии и расширенные семейные сообщества городской знати.

Важно также подчеркнуть, что сохранившиеся профессии в Равенне, и, скорее всего, в других городах Экзархата были, по существу, приватизированы несколькими семейными объединениями итало-византийского происхождения, в рамках которых наследование профессии стало нормой. Кроме того, прослеживаются тесные социо-профессиональные связи между наиболее привилегированными ассоциациями – торговцами и сапожниками. Это позволяло им выступать вместе контрагентами в аренде недвижимости или свидетелями при заключении сделок¹⁴²². Приблизительно с середины X в. источники позволяют нам говорить о складывании соседских объединений с высокой плотностью родственных и профессиональных связей. Так, обращает на себя внимание соседство жилищ кубикюляриев¹⁴²³, табеллионов¹⁴²⁴, башмачников (их жилища примыкали к их *schola*)¹⁴²⁵, мясников и торговцев¹⁴²⁶, где они имели торговые лавки (*stationes*) и прочие хозяйственные постройки. Скорее всего, так же обстояло дело и в среде консульской знати¹⁴²⁷.

Таблица 22. Хронология появления ремесленных и торговых корпораций в Равенне

Дата	Наименование в источнике
943	<i>Scola piscatorum</i>

¹⁴²² Benericetti 1999, № 62 (а. 949).

¹⁴²³ Ibidem, № 65 (а. 949): *ab uno latere mansionem iuxta se posita quem possidet Teudericus cubicolario sancte Ravennatis ecclesie, ab alio latere possidente Iohannes calegario, seu a tercio latere possidente heredes quondam Leo cubicolario qui vocabatur Scaphardo.*

¹⁴²⁴ Ibidem, № 74 (а. 954).

¹⁴²⁵ Benericetti 2002a, № 248 (а. 990): *mansionem, qui est posita inter mansionem mea suprascripto Dominicus callegarius et mansione possidente heredes quondam Petronia et mansione Bonio qui vocatur Bonizo callegario germanus mea et mansionem possidente ego suprascripto petitore cum germani mei.* Обращает на себя внимание наличие родственных уз, связывающих ремесленников.

¹⁴²⁶ Benericetti 1999, № 77 (а. 954): по соседству с арендуемой башмачником недвижимостью располагаются жилища торговцев Мавриция и Вита и мясника Иоанна; Benericetti 2002a, № 225 (а. 982): съемщиками участка земли в городе выступает широкое соседское объединение, включающая башмачника и торговца. Benericetti 2002, № 190 (а. 975–976): рядом с арендуемым торговцем Унальдом небольшим жилищем (*domucella senaculata*) расположен дом Петра, сына Донумдея, который, судя по всему, принадлежал к семейству торговцев *de Marini*. Аналогичную ситуацию см. в Benericetti 2003, № 7 (а. 1001) и 11 (а. 1002): здесь торговцы компактно заселяют район *Afrigisclo*.

¹⁴²⁷ Benericetti 2002, № 189 (а. 975).

954	<i>Scola negociatorum</i>
974	<i>Magistri cementariorum</i> (первые документальные упоминания – с 956-957 гг.)
980	<i>Scola callicariorum</i>
1001	<i>Scola macellatorum</i>

Если говорить о континуитете, то, оставляя в стороне профессиональные сообщества писцов (нотариев и табеллионов) и, возможно, юристов, следует сказать, в первую очередь, о каменщиках. На протяжении всего изучаемого периода продолжало функционировать объединение церковных каменщиков во главе с магистрами (*magistri*); в частности, они упоминаются Агнеллом в пассаже, датированном 829–830 гг.¹⁴²⁸ В эмфитевзисе 974 г. земельными съемщиками выступают *magistri cementariorum* – начальники архиепископских каменщиков¹⁴²⁹. Эта семейно-профессиональная группа, состоящая из братьев, арендует землю в Дечимано, причем магистр Мартин, скорее всего, является тем же лицом либо сыном другого магистра Мартина, продлившего аренду земли в той же зоне в 956-957 гг.¹⁴³⁰, что позволяет отодвинуть документальное подтверждение существования профессионального объединения еще как минимум на 20 лет назад. Одно из условий эмфитевзиса заключается в том, что в права арендаторов вступают только те члены родственной группы или их потомки, которые заняты профессиональной деятельностью (*ars*). Но речь здесь все-таки вряд ли идет о коллегиальном объединении. Каменщики представляли собой консортерию, объединенную одновременно владельческими правами, профессиональными и родственными узами.

К 943 г. относится первое свидетельство существования в Равенне профессионального объединения рыбаков (*scola piscatorum*), известного с XIII в. под названием *Ordo Domus Mate*, а затем – *Casa Matha*. Кстати, это самый древний акт северо-восточной Италии раннего Средневековья, фиксирующий

¹⁴²⁸ Agnellus. P. 284: Praeceptum mihi a pontifice fuit, ut ego illuc issem, ne caementarii incaute agerent, frangeretur.

¹⁴²⁹ Benericetti 2002, № 186 (a. 974): Martino, Mainardo, Gaudencius magistri sancte Ravennati ecclesie seu filiis et nepotibus vestris qui eodem artem cementariorum fecerint...

¹⁴³⁰ Ibidem, № 92 (a. 956–957): [... sitque C]onstantino qui vocatur de Curiano et Dominico qui vocatur de Possincioni nec non Martinus *magister* qui vocatur de Arculi.

профессиональную ремесленную корпорацию¹⁴³¹. *Scola* представляла собой сравнительно небольшую группу людей (всего – одиннадцать человек вместе с их неназванными братьями и *consortes*). Некоторые из названных поименно лиц приходится братьями друг другу.

В соответствии с условиями договора, этот коллектив берет в эмфитевзис у архиепископа Петра IV право рыбачить на реке Бадарено от местечка Pensalardo вплоть до моря. Из документа следует, что объединение существовало и раньше, поскольку арендаторы лишь продлевают контракт (*pactum conveniente statutis*), заключенный их предками¹⁴³², добавляя, что рыбачат на реке «по обыкновению» (*ubi soliti sumus piscari*). Из этого следует, что временем появления группы следует считать как минимум 80-е гг. IX в. На долю архиепископии приходится сороковая часть улова (за исключением осетров, в особенности наиболее крупных, *adalum*, достигающих в длину более четырех футов и причитающихся архиепископу). Интересно, что *scola*, по всей видимости, занималась и продажей рыбы, поскольку рента могла уплачиваться не только уловом, но и деньгами («*aut pisces quadragesimum aut denarios quadragesimum*»), что можно интерпретировать не только как простой пересчет улова в денежном эквиваленте, но и как сороковую часть с продаж. Активность объединения продолжалась и в XI–XII вв. От этих веков до нас дошло более 30 контрактов, заключенных от имени этой *scola*¹⁴³³.

Тем не менее при сопоставлении с другими документами складывается впечатление, что *Carta Piscatoria* типологически была родственна прочим

¹⁴³¹ Benericetti 1999, № 48 (а. 943). Будучи неизвестной историкам вплоть до начала XVIII в., *Carta Piscatoria* (оригинал AARa: B 363 [A]) в дальнейшем издавалась не раз (в т. ч. *Muratori L.A. Antiquitates Italicae Medii Aevi*, VI. Mediolani, 1742. P. 455–457, diss. 75; Fantuzzi 1802b, № 10) и нередко оказывалась объектом специальных исследований. См.: *Spreti C. Notizie spettanti all'antichissima scola de'pescatori in oggi denominate Casa Matha*. 2 vol. Ravenna, 1820; *Crosara F. Le «scole» ravennati dell'alto Medio Evo e la Carta Piscatoria del 943 // Archivio giuridico*. 1949. Vol. 137. Fasc. 1 (6. s., vol. 6–7, fasc. 1); *Zaccarini U. La carta piscatoria Ravennate del 943*. Ravenna, 1993. В приложении настоящей работы выполнен перевод документа на русский язык (с опорой на названные издания).

¹⁴³² Benericetti 1999, № 48 (а. 943): *a genitoribus vel antecessoribus nostris in prefata scola largitum fuit*.

¹⁴³³ Fantuzzi 1802, № 136 (1–31).

коллективным договорам X в., заключаемым съемщиками крестьянского типа. Так, в Комаккьо группа либелляриев из одиннадцати человек во главе с виликом арендует в 977 г. *piscaria Augusta* с рыбными и охотничьими угодьями неподалеку от все той же речки Бадарено, правда, на менее привилегированных условиях (денежная рента в 20 денариев)¹⁴³⁴. Сходного мнения придерживался финский историк Г. Миквитц, полагавший, что *Carta* отражает лишь простое объединение арендаторов (*Pächtergenossenschaft*)¹⁴³⁵. Не исключено, что уже в конце X в. в *schola* существовало подобие внутренней иерархии: в акте 1034 г. впервые зафиксирован глава объединения, *maior* Петро де Луцано. К 1100 г. в рамках *scola* уже выделяются *vicarius*, *sacellarius*, *primicerius* и *capitularius*. Как бы то ни было, оба объединения – *schola piscatorum* и коллектив рыбаков из Комаккьо – представляли собой консортерии с высокой долей родственных связей внутри этих сообществ.

Ремесленники и торговцы, в какой-то своей части принадлежавшие к городской верхушке и имевшие тесные контакты как с землевладельческой знатью, так и с духовными корпорациями, начинают массово появляться в источниках со второй четверти X в. Византийская традиция, уподоблявшая выходцев из этих групп государственным служащим, отражается в почетных титулах сенаторского ранга (*vir clarissimus*, *vir magnificus*), которыми украшали свои имена башмачники (*callegarii*) и коммерсанты (*negociatores*). Другие ремесленники, как правило, носили менее почетные титулы – *viri honesti*.

Римско-византийская традиция, ассоциировавшая *cives honesti* с незнатным зажиточным населением¹⁴³⁶, живущим за счет собственного труда, продолжает жить в VIII–X вв., когда *viri honesti* стояли ниже, чем *viri clarissimi* или *magnifici*. Неизвестный портной из купчей 767 г. фигурирует как *vir honestus*, что приравнивает его к трем рядовым солдатам (*viri devoti*), но ставит ниже двух

¹⁴³⁴ Venericetti 2002a, № 195 (а. 977). Перевод обоих документов на русский язык выполнен в Приложении к настоящей работе.

¹⁴³⁵ Mickwitz G. Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. Eine Studie in spätantiker und mittelalterlicher Wirtschaftsgeschichte. Helsingfors, 1936. P. 186–187. См. также Racine P. Associations de marchands et associations de métiers.. P. 138.

¹⁴³⁶ Diehl C. Etudes sur l'administration byzantine... P. 307.

доместиков-клариссимов или трибунов-магнификов. Интересно отметить, что его статус совпадал с социальной базой *possessores* из *cives honesti* – слоя, из которого комплектовались вооруженные силы Экзархата¹⁴³⁷. *Roco qui vocatur Faber*, встречающийся нам в акте из Ровиго 963 г., подписался как *vir honestus*, в то время как табеллион Григорий – как *vir clarissimus*¹⁴³⁸. Несомненно, такая градация была не только данью традиции, но и служила адекватным отражением определенного общественного статуса, гарантировавшего условия, на которых ремесленник вступал в экономические отношения с Церковью. Ткач Иоанн, известный нам по документу 1001 г., мог рассчитывать лишь на либеллярную аренду городской недвижимости¹⁴³⁹.

Верхушка торгового населения была вписана в нобилитет, о чем свидетельствуют ее тесные контакты с консульской знатью и церковными корпорациями. Торговцы могли привлекаться в качестве свидетелей при заключении достаточно весомых сделок, где они фигурируют наравне с судьями, консулами и прочими привилегированными членами городского сообщества. При этом высокое общественное положение открывало торговцам доступ к льготной аренде, в свою очередь, обеспечивающей их прочной экономической базой и, соответственно, высоким общественным престижем. Еще во время правления архиепископа Дамиана (692–708) вдова торговца арендует у церкви три *fundi*, среди которых – колоссальный *fundus Mille Iugera* за льготную сумму два солида¹⁴⁴⁰. В принципе, в этом нет ничего специфически «равеннского»: о высоком социальном статусе торговцев рассказывает нам хорошо известный закон лангобардского короля Айстульфа 750 г.

Не позднее середины X в. коммерсанты были объединены в профессиональное сообщество (*scola*) во главе с капитулярием¹⁴⁴¹. Впервые эта *schola* упоминается в документе 954 г., являясь, таким образом, хронологически

¹⁴³⁷ *Ibid.* P. 311.

¹⁴³⁸ Benericetti 2002, № 111 (a. 963).

¹⁴³⁹ Benericetti 2003, № 5 (a. 1001).

¹⁴⁴⁰ BER, № 23.

¹⁴⁴¹ Benericetti 1999, № 75 (a. 954): *Marinus negociator et capitularius*; 77 (a. 954): *Mauricius capitularius scole negociatorum*.

второй профессиональной корпорацией раннесредневековой Равенны. По всей видимости, во главе объединения, по крайней мере, некоторое время стояли выходцы из знатного и влиятельного торгового семейства де Марини (*de Marino*)¹⁴⁴², которые, наравне со знатью, являлись крупными церковными эмпитевтами и имели связи с архиепископией. Во всяком случае, только так можно объяснить факт аренды торговцем Иоанном, сыном Виталия, дома, где проживал священник и препозит Мариний¹⁴⁴³. Редкость этого имени в равеннской номенклатуре застраховывает от случайного совпадения и наводит на мысль о родственных узах. Должность капитулярия в 50-х гг. X в. занимали торговец Мариний, *vir magnificus*, крупный церковный эмпитевта в Дечимано¹⁴⁴⁴, и Мавриций де Марино¹⁴⁴⁵, судя по всему, его сын (если только это не одно и то же лицо).

¹⁴⁴² См. *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma...* P. 212. Родоначальником семейства следует считать Мариния, два сына которого, Иоанн и Мариний, образовали две ветви рода. Детями первого были торговец Виталий (*Benericetti 2002a, № 209*), оставивший трех сыновей, и священник Мариний (*Ibidem, № 206*), а второго — Гуидо, Равенна, Петр и Мариний. При этом лишь про Мариния нам известно, что он был торговцем и оставил сына Боницо. Сыновья Виталия Иоанн, Виталий и Донумдей занимались торговлей, а их дети продолжили профессию отца. Вопреки мнению Буцци, доказательств существования еще одной ветви, восходящей к Иоанну, мы не имеем, кроме того, к генеалогии необходимо добавить упомянутого Мавриция (*Muzzioli, № 23*), судя по всему, третьего сына Мариния.

¹⁴⁴³ *Benericetti 2002a, № 206 (a. 978): concedistis nobis mansionem solariata in integro ubi manere videtur Marinus presbiter et prepositus canonice sancte Ravennatis ecclesie.*

¹⁴⁴⁴ *Muzzioli, № 19 (a. 959): Marinus vir magnificus negociator qui vocatur Bonizo et capitularius.*

¹⁴⁴⁵ *Ibidem, № 23 (a. 964).*

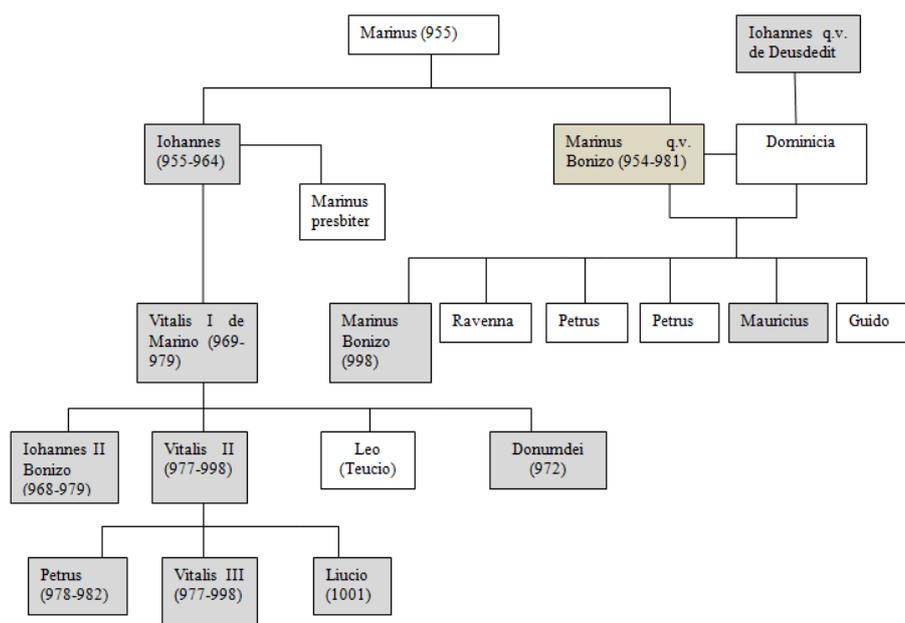

Схема 1. Генеалогия торгового семейства de Marini

Впрочем, у нас нет прямых доказательств приватизации должности капитулярия одним семейством: фигурирующий в актах 965 и 966 гг. консул и капитулярий торговцев Доминик¹⁴⁴⁶, по-видимому, не принадлежал к роду де Марини, а Петр, сын Доминика, был консулом и капитулярием уже в 974 г.¹⁴⁴⁷ Впрочем, не исключено, что капитуляриев в этой *schola* могло быть и больше.

О высоком положении рода де Марини говорит то, что капитулярий Мариний, присутствовавший вместе с другими торговцами на синоде 955 г., согласно тексту документа, входил, наряду с церковными иерархами (епископами, аббатами и диаконами) и нобилитетом (графами, дуксами, магистрами армии, консулами и судьями), в состав т.н. *maxime pars populi*¹⁴⁴⁸. Его сын, торговец Мариний, находясь в числе представителей знати, на судебном разбирательстве в 998 г. инвестировал посредством передачи инсигнии (*virga*) архиепископа во владение землями некоего Геркенфреда¹⁴⁴⁹.

¹⁴⁴⁶ Benericetti 2010, № 337 (a. 965); Benericetti 2002, № 123 (a. 966).

¹⁴⁴⁷ Ibidem, № 185 (a. 974).

¹⁴⁴⁸ Benericetti 1999, № 86 (a. 955): ... atque presbiteri et diaconibus et subdiaconibus et maxima pars pop[ulin]egociatoribus [et t]abellionibus eorum nomina plura notantur... Marinus qui vocatur Bonizo negociator, Petrus tabellio et curialis, Romualdus dux, Teudaldo qui vocatur Teutj[o...]. Обращает на себя внимание присутствие имени Мариния между главой табеллионов и дуксом.

¹⁴⁴⁹ Benericetti 2002a, № 272 (a. 998): ... et atprendit in manibus suis virgam et misit in manibus suprascripti Iohannes archiepiscopi et in manum suprascripto marinus qui vocatur Bonizo avocatore suprascripti ar[chiepi]scopi.

С середины X в. некоторые торговцы принимают титул «консула»; изредка среди коммерсантов можно встретить и табеллионов¹⁴⁵⁰. Наследование профессии было нормой для этой профессиональной группы¹⁴⁵¹. Избегая предположений о сколько-нибудь широком распространении профессиональной мобильности, следует заметить, что профессия торговца, как минимум, была престижнее. Так, в акте 974 г. мы встречаем торговца Мартина *dudum callicario*¹⁴⁵², а в грамоте 1016 г. – наследников торговца Деуседита *qui vocabatur de Marino callegario*¹⁴⁵³. Наконец, нам хорошо известно о существовании в X в. районов компактного проживания торговцев в разных районах города, что, несомненно, облегчало им защиту своей собственности и профессиональных интересов. Вполне вероятно, что эти связи распространялись и на поземельные отношения.

Торговцы оказались в наибольшей степени интегрированы в систему эксплуатации земель Равеннской церкви. Некоторые из них были землевладельцами¹⁴⁵⁴, в большинстве случаев – арендаторы на тех или иных правах вплоть до либеллярного держания¹⁴⁵⁵. Например, в 943 г. торговец Венерий, располагающий зависимыми работниками (*homines*), арендует на 25 лет у архиепископа Петра на условиях пакта пустующий участок земли. Но чаще можно встретить арендаторов-эмфитевтов. Статус этой аренды возвышал торговцев над трудящимся и незнатным населением. Судя по всему, льготная аренда составляла немалую часть доходов торговцев.

Важно также обратить внимание, что в X–XI вв. земли арендовались преимущественно в пригородных районах, в непосредственной близости от города, в особенности, в Дечимано¹⁴⁵⁶, важной земледельческой зоне, или в

¹⁴⁵⁰ Benericetti 1999, № 90 (a. 957): *Dominicus in Dei nomine tabellio et negociator*; Benericetti 2002a, № 256 (a. 993), 264 (a. 995): *Petrus in Dei nomine tabellio et negociator*.

¹⁴⁵¹ Benericetti 2002, № 114 (a. 964): *[La]urentius et Ciprianus – atque Petrus – germane negaciatoribus filii quondam Ciprianus item negociator*.

¹⁴⁵² *Ibidem*, № 180 (a. 974).

¹⁴⁵³ Benericetti 2003, № 43 (a. 1016).

¹⁴⁵⁴ Benericetti 1999, № 21 (a. 914): *seu a tercio latere possidente Martino negaciatore et Atiliano Orbo*.

¹⁴⁵⁵ *Ibidem*, № 4 (a. 905).

¹⁴⁵⁶ *Ibidem*, № 78 (a. 954); 79 (a. 954); Muzzioli, № 19 (a. 959); Benericetti 2003, № 27 (a. 1007).

пределах субурбия¹⁴⁵⁷. Помимо коммерческого интереса, торговцы, очевидно, были заинтересованы в стабильном доходе и общественном престиже, который, вне всяких сомнений, обеспечивался приобретением земель. Торговцы были также заинтересованы в соледобыче в Комаккьо и Червии¹⁴⁵⁸. К сожалению, помимо этих скудных сведений, мы не встречаем никаких следов их профессиональной активности¹⁴⁵⁹. Известно, что они вели торговую деятельность в городе, для чего могли арендовать у архиепископов дома и помещения. Так, на грамоте 1001 г., фиксирующей аренду семьей торговцев комнаты (*cubiculo*) в двухэтажном доме в районе св. Михаила Архангела, рукой XI в. приписано назначение аренды, отсутствующее в оригинальном тексте: «*Mercatorius iu(s) vend(e)nciu(m)*»¹⁴⁶⁰. По всей видимости, помимо торговли солью и сельскохозяйственными продуктами, торговцы могли заниматься и ремеслом. В акте 954 г. мы застаем потомков торговца Вита по прозвищу *Battifolle* («набивщик шерсти»).

В актах XI в. торговцы встречаются все реже, а после 1088 г. и исчезают вовсе, что, несомненно, отражает экономический упадок города, в особенности заметный на фоне впечатляющего роста коммерческой активности соседней Венеции. К XIII–XIV вв. крупная оптовая торговля в Романье была практически полностью монополизирована иностранцами. В частности, обращает на себя внимание повсеместное распространение в Равенне XI в. венецианского денария, наблюдаемое с конца X в.¹⁴⁶¹ Наряду с этим многие торговцы на определенном

¹⁴⁵⁷ Muzzioli, № 15 (a. 957).

¹⁴⁵⁸ Benericetti 2002, № 114 (a. 964, Комаккьо), 116 (a. 964, Комаккьо); Federici, № 2 (a. 973, Червия).

¹⁴⁵⁹ Важным источником о деятельности феррарских торговцев более позднего времени служит привилегия Генриха III жителям Феррары 1055 г. (*Die Urkunden Heinrichs III. 1047–1056 / Hrsg von P. Kehr. T. 5. Berlin, 1931 (MGH DD H III). Nr. 351. P. 477–478*). Торговцы (*negociatores*), пользуясь важной водной артерией – рекой По, – вели коммерческую деятельность в Павии, Кремоне, Равенне и Венеции. См. также: *Castagnetti A. La società ferrarese (secoli XI–XIII). Verona, 1991. P. 79–81*.

¹⁴⁶⁰ Benericetti 2003, № 20 (a. 1001).

¹⁴⁶¹ Benericetti 2002a, № 263 (a. 995): *denarios veneticorum solidos decem*. О венецианском денарии в Равенне XI в. см. Federici, № 18 (a. 107); 19 (a. 1028): *den. de Venecia sol. tres*; 21 (a. 1043): *den. tres monete venetiquorum*; 23 (a. 1054): *pro denariorum Venecie solidis treginta*; 26 (a. 1058): *denarii Venecie tres*; 28 (a. 1061), 29 (a. 1068).

этапе деятельности предпочитали приобретение земли и прочей недвижимости как наиболее надежный источник вложения накопленных средств. Характерен в этом отношении пример двух сыновей торговца, которые в 1003 г. арендовали несколько наделов земли, включая целиковый *fundus*, в нескольких округах бывшего Экзархата, а также значительную городскую недвижимость в Равенне¹⁴⁶². При этом в числе прочего был арендован участок побережья близ Анконы, что, возможно, говорит о том, что они не полностью порвали с торговой деятельностью.

Именной фонд торговой корпорации, где практически полностью отсутствуют германские имена, наводит на мысль, что торговля была делом исключительно местного итало-византийского населения, а именно потомков римлян и греко-восточной диаспоры, вплоть до 2-й половины X в. соблюдавших определенные этнокультурные и индивидуально-семейные традиции в имянаречении. Тем не менее, разные источники доносят до нас сведения о торговом присутствии венецианцев с конца VIII в., которое, по всей видимости, зашло так далеко, что ряд папских мероприятий призван был изгнать венецианских торговцев, приобретающих земли и прочую недвижимость в Романье и Пентаполе¹⁴⁶³. Присутствие венецианского населения в Римини подтверждается актовым материалом¹⁴⁶⁴. Не исключено также, что в коммерческой активности было задействовано и еврейское население прибрежных городов Пентаполя. Из рассказа Агнелла нам известно и о еврейском торговце из Равенны, по поручению Карла Великого оценивавшем стоимость возвращенной архиепископии церковной утвари. Как бы то ни было, корпорация торговцев на всем протяжении VIII–X вв. придерживалась стойкого консерватизма в имянаречении, отдавая предпочтение римским, и, в меньшей степени, греческим и библейским именам. По-своему характерным отражением

¹⁴⁶² Benericetti 2003, № 14 (a. 1003).

¹⁴⁶³ Codex Carolinus / Ed. W. Gundbach. Berlin, 1892 (MGH Epp., 3). № 86 (a. 787–791). P. 622–623: *ut a partibus Ravennae seu Pentapolis expellerentur Venetici*.

¹⁴⁶⁴ Benericetti 2006, № 14 (s. IX): *Boninus vir clarissimus veneticus... Deusdedit vir clarissimus filio Felix venetico; BER 75: quarto latere possidente Stefano venetico; BER 82: libellus quem petivit Ioania relicta quonda, Dominico venetico de casa pedeplana*.

«урбаноцентризма» торговцев является появление с середины X в. антропонимов, образованных от названия города, сначала в женском (Ravenna), затем и в мужском (Ravennus) вариантах¹⁴⁶⁵. Такие имена встречались также на юге Франции и в Каталонии¹⁴⁶⁶.

Таблица 23. Антропонимия торгового населения Северо-Восточной Италии (700-1000 гг.)

Период	Всего	Римские	Греческие	Библейские	Германские
700-900	7	1	3	3	–
900-950	13	6	2	5	3
950-975	44	24	2	15	3
975-1000	35	16	1	12	6

Таблица 24. Антропонимия ремесленного населения Северо-Восточной Италии (700-1000 гг.)

Период	Всего	Римские	Греческие	Библейские	Германские
700-900	1	–	–	–	1
900-950	2	2	–	–	–
950-1000	32	8	2	19	3

К ремесленной элите принадлежали и связанные с торговцами сапожники (*callegarii*), также украшавшие свои имена «сенаторскими» эпитетами. О тесных контактах внутри этих групп красноречиво свидетельствует наличие среди них соседских объединений¹⁴⁶⁷, о которых шла речь выше, и частое появление вместе в *notitia testium* в частных актах¹⁴⁶⁸. Не позднее последней четверти X в. они были объединены в отдельную корпорацию: в акте 980 г. мы

¹⁴⁶⁵ Benericetti 2003, № 27 (a. 1007): *Ravennus vir clarissimus filius quondam Benedictis de Cerbia*.

¹⁴⁶⁶ Филиппов именован с. 94

¹⁴⁶⁷ Benericetti 2002a, № 225 (a. 982): съемщиками городской недвижимости выступают торговец и башмачник с семьями.

¹⁴⁶⁸ Benericetti 2006, № 20 (a. 858–859); Benericetti 2002, № 100 (a. 942–959); Benericetti 2002a, № 213 (a. 980).

впервые встречаем упоминание о *scola callegariorum*¹⁴⁶⁹, причем, как следует из эмфитевзиса 999 г., речь идет о расположенном рядом с городской Курией здании (*mansione*)¹⁴⁷⁰, к которому примыкают жилища членов этого объединения. Помимо ремесла, сапожники также жили за счет доходов от земледелия и иногда располагали внушительной земельной собственностью. Характерен пример сапожника Петра, завещавшего в 858–859 гг. Церкви *massa Curratjana*, которая, по его словам, досталась ему по наследству от родителей, частью – от трех братьев и, что весьма показательно, «*at singulis hominibus*», вероятно, посредством покупки¹⁴⁷¹. В провинциальных городах Романьи, которые были в гораздо большей степени подвержены аграризации, можно встретить и другие ситуации: фавентийский башмачник Григорий снимает в 975 г. землю на условиях нельготной либеллярной аренды¹⁴⁷².

Наследование профессии было нормой среди этой профессиональной группы¹⁴⁷³. С середины X в. в источниках начинают фигурировать и мясники (*macellatores*), у которых были налажены профессиональные связи с башмачниками, которым они, вероятно, поставляли необходимое сырье. В X в. они располагали собственным рынком (*mercatum macellatorum*) в районе моста *Cooperto*¹⁴⁷⁴. Не позднее 1001 г. они также были преобразованы в *scola macellatorum* во главе с капитулярием¹⁴⁷⁵.

В отличие от *scholae* торговцев, эти корпорации имели более долгую жизнь: наряду с объединением рыбаков, они, в частности, встречаются нам в нормативных памятниках XIV в. Похожие объединения фиксируются в источниках XI в. и в других региональных центрах, в т.ч. в Пентаполе. В частности, в правление архиепископа Генриха (1052–1072), некий *magister*

¹⁴⁶⁹ Benericetti 2002a, № 213 (a. 980): *idest mansione in integro qui est domucella cenaculata... in androna iusta scola callegariorum.*

¹⁴⁷⁰ Benericetti 2002a, № 276 (a. 998–999): *ab uno latere possidente mansion scola calicorum.*

¹⁴⁷¹ Benericetti 2006, № 20 (a. 858–859).

¹⁴⁷² Muzzioli, № 27 (a. 975).

¹⁴⁷³ Benericetti 1999, № 76 (a. 954): *Dominicus calicario filio quondam Bonino item calicario.*

¹⁴⁷⁴ *Ibidem*, № 77 (a. 954): *prope mercato macellator(um).*

¹⁴⁷⁵ Fantuzzi 1801, № 72 (a. 1001).

fabrorum¹⁴⁷⁶, либеллярий, арендовал у Церкви небольшие участки земли неподалеку от Фано.

Заключение. Таким образом, обновленный город, выросший буквально на руинах римской муниципальной инфраструктуры, уже к середине X в. по своей морфологии, представлял собой, в сущности, качественно иное социальное образование. Превратившись в региональный вотчинный центр, город стал поселением сообществ средних и крупных землевладельцев, хотя и сохранил место для ремесла, торговли и сферы услуг. Городское пространство отчетливо отражает возросшее политическое влияние Церкви, приватизировавшей муниципальные имущества, и владельческой знати, проживавшей в городе и отстраивавшей здесь свои резиденции. Профессиональные объединения в это время не исчезли, но оказались встроенными в аристократизированное городское сообщество на правах «младших партнеров».

¹⁴⁷⁶ BER, App. III, № 20.

Глава 7. Формирование и консолидация господствующего класса Романьи

§ 1. Социальные источники классовообразования. Говорить об источниках и путях формирования господствующего класса Романьи не так просто. В разное время на эту тему писали немало¹⁴⁷⁷, однако и по сей день многие проблемы остаются нерешенными. Прежде всего, с историко-генетической точки зрения, это требует выхода далеко за пределы хронологических рамок этой работы. Кроме того, многие актуальные для современной историографии вопросы, такие, как социальные стратегии знати, коллективная идентичность, механизмы сохранения власти и собственности зачастую превосходят познавательные возможности наших источников. Наконец, мы имеем дело с переходным обществом с далеко не завершенными процессами классовообразования, где статусные привилегии знати еще не были закреплены и распределены юридически и механически не передавались по наследству. Вместе с тем изучаемый «темный» период, без сомнения, был рубежным в становлении будущих влиятельных и знатных семейств Романьи, таких, как Траверсари и Дуки, блеск которых был воспет Данте.

Изучать динамику классовообразования на верхних этажах общества Романьи чрезвычайно интересно, хотя и исключительно сложно. Многих исследователей такие штудии откровенно отпугивают. Так, Дж. Ларнер, написавший добротное исследование о сеньорах Романьи XIII–XIV в., безапелляционно заявляет, что все попытки воссоздать родословные местной элиты до XI в. обречены потонуть в бесплодных спекуляциях¹⁴⁷⁸. Конечно, к этому приложила руку и сама знать Равенны, в XVII–XVIII вв. увлекавшаяся составлением откровенно фантастических родословных и генеалогий. Думаю, все же, что Дж. Ларнер преувеличил. Об элитах Равенны докоммунальной эпохи известно достаточно много, и итало-византийская знать VIII–X вв. неплохо представлена в источниках.

¹⁴⁷⁷ См. *Brown T. L'aristocrazia di Ravenna da Giustiniano a Carlo Magno // Felix Ravenna. 1986. № CXXXI/CXXXII. 91–98.*

¹⁴⁷⁸ *Larner J. The Lords of Romagna. P. 20.*

В изучении процессов классовообразования довольно сложно нащупать отправную точку исследования; со всей условностью я помещаю ее в VII–VIII вв. Чем обусловлено такое решение? Положение римской владельческой знати сильно пошатнулось в результате разрушительных Готских войн. И если в лангобардских зонах Италии многие *potentes* из числа римлян были истреблены или изгнаны в ходе чисток, организованных лангобардскими королями в конце VI в., то в византийских анклавах позиции старой римской аристократии оказались подорваны в VI–VII вв. подъемом итало-византийской военно-служилой знати, в значительной мере потеснившей сенаторские семейства с публичных и церковных должностей. Многие семейства куриальной аристократии исчезают из источников с конца VI в. После 575 г. с исторической сцены сходят некогда влиятельные роды Флавиев и Мельминиев. С закатом равеннской курии (ок. 625 г.), лишь ненамного пережившей римский сенат, их общественный престиж и политические позиции были утрачены. В целом, это совпадает с устоявшейся в историографии точкой зрения, что VI–VII вв. были рубежом существования старой римской аристократии¹⁴⁷⁹.

Это не означает упадка аристократии вообще. Скорее, речь идет о выдвигании на передний план новой военизированной элиты, значительно уступающей по своим финансовым возможностям, доходам, земельным богатствам, политическому и культурному кругозору позднеимперской знати. Она происходила, как правило, из военной-бюрократической среды, нередко греко-восточного (в т.ч. сирийского и армянского), реже – готского или лангобардского происхождения, в меньшей степени – из коммерческих и церковных кругов. Вслед за этим, уже после падения константинопольской власти, в IX–X вв., последовали волны интеграции в эту среду заальпийской (франко-каролингской, затем немецкой) знати.

¹⁴⁷⁹ Wickham C. Framing the Early Middle Ages. P. 203 sqq.

Исследователи единогласны в том, что на протяжении VI–VIII вв. общество северо-восточной Италии переживало процессы милитаризации¹⁴⁸⁰. По сути, сформировавшийся здесь в VI–VII вв. общественный строй был продуктом условий военного пограничья¹⁴⁸¹. Любопытно, что в знаменитом торговом договоре короля Лиутпранда с городом Комаккьо от 715 г. *milites* являются синонимом для *cives* и *habitatores* и являются просто обозначением жителей этого города-крепости¹⁴⁸². Весьма вероятно, что военные, среди которых были выходцы с греческого Востока, стали опасными конкурентами местной знати и на земельном рынке.

Прослойка крупных собственников, не связанных с должностной иерархией или придворной службой, тем не менее, не исчезла совсем. «Баварский кодекс» сохранил сведения о некой «благороднейшей даме» Валерии, во времена императора Ираклия в VII в. подарившей Равеннской церкви половину имуществ в Перудже и ее округе, включая «дома, виноградники, рабов, горы, леса и пастбища»¹⁴⁸³. Не исчезли они и в поствизантийское время, причем размеры их собственности порой впечатляют, хотя география их владений ограничена, главным образом, Романьей и Пентаполем. Так, в 873 г. знатная дама Матрона владела землями и недвижимостью в городах и округах Равенны, Фаэнцы, Куарториджи, Имолы, Форли и Форлимпополи, причем в состав ее владений входили целые дворцы (*palatia*), имения (*fundi*) и латифундии (*massae*)¹⁴⁸⁴.

Несмотря на то, что уже к IX–X вв. титулы «сенатор» и «патриций» стали ономастическими единицами¹⁴⁸⁵, в VIII–X вв. продолжают бытовать позднеримские придворные эпитеты, такие, как «сиятельнейшие» (*virī clarissimi*)

¹⁴⁸⁰ Carile A. La società ravennate dall'Esarcato agli Ottoni // Storia di Ravenna. Vol. II. Dall'età bizantina all'età ottoniana. T. 2. Ecclesiologia, cultura e arte / A cura di A. Carile. Venezia, 1992. P. 384.

¹⁴⁸¹ Hartmann L. M. Geschichte Italiens im Mittelalter. II Band, 1. Hälfte. Römer und Langobarden bis zur Theilung Italiens. Gotha, 1900. S. 129–131.

¹⁴⁸² Idem. Übereinkunft zwischen den Langobarden und den Comacchiesen (715) // Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens in frühen Mittelalter. Analekten. Gotha, 1904. P. 123–125.

¹⁴⁸³ BER, № 174.

¹⁴⁸⁴ Benericetti 2006, № 28 (a. 873).

¹⁴⁸⁵ BER, № 27: et prato ... quem tenet Senator; Fantuzzi 1801, № 75 (a. 1002): et heredes quondam Guidonis de Senatore. Benericetti 1999, № 65 (a. 949): Iohannes filius quondam Patriciae.

и «величественнейшие мужи» (*magnifici*). Некоторые из них, в порядке вещей, использовались военной знатью (доместиками, примицириями и др.) и их потомками, однако случаев, когда имя, подписанное таким эпитетом, не сопровождается какой-либо должностной спецификацией, в равеннских грамотах немало. Несколько позже в обиходе по отношению к прослойке нетитулованных землевладельцев появились более общие эпитеты, такие, как *vir nobilis* и *nobilissima femina*.

Тем не менее, основным источником формирования господствующего класса Романьи стала именно военизированная итало-византийская знать, прочно связанная с системой публичных должностей. Большинство носителей военно-административных должностей продолжает регулярно появляться в актовом материале и в VIII – 1-й половине IX вв. Отмечу здесь, в первую очередь, тесно связанные друг с другом должности дукса (*dux*) и магистра войск (*magister militum*), трибуна (*tribuni*) и комита (*comes*). Последний титул, существовавший в военной иерархии византийской Италии, где он приблизительно соответствовал трибуну, вызывает немало вопросов. Исходя из данных антропонимии¹⁴⁸⁶, можно предположить его византийское происхождение, однако, без сомнений, его дальнейшее распространение связано с проникновением в элиту Романьи каролингской знати, причем первоначальный смысл термина быстро вытесняется новыми и, надо полагать, забывается.

На вершине иерархии этих официалов, очевидно, находились непосредственно отвечавшие перед экзархом дуксы (объем их должностных полномочий остается дискуссионным и по сей день), которые с начала VIII в. избирались местными элитами при участии Церкви. В подчинении у них находились «магистры армии», представители высшего звена военного командования, и трибуны, командовавшие подразделениями-нумерами (*numeri*). Носители этих высших военных должностей Экзархата с VII в. постепенно

¹⁴⁸⁶ Benericetti 2006, № 15 (mid. s. IX): de suprascripto Gregorio quondam Andreate comitis; 19 (a. 850–859): *Precto nepos Demetrio comes*. Подробнее о должности комита см. *Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine...* P. 154.

превращались в крупных земельных собственников и арендаторов и, будучи вписанными в нобилитет, были наделены высоким социальным статусом. Его формальным отражением являлась унаследованная с римско-византийских времен система почетных сравнительных эпитетов. Так, магистры войск, дуксы и консулы носили титул *gloriosus*. Благородное состояние и его наследование отражены многократно и в нарративных памятниках. Например, в рассказе Агнелла сын трибуна Деуседит в одном случае назван «сыном благороднейшего мужа» («*filius nobilissimi viri*»), в другом – имевшим «знатного родителя» (*nobilitatem parentum*)¹⁴⁸⁷. В другом его рассказе, об архиепископе Агнелле (2-я пол. VI в.), сложившим свой «воинский пояс» и принявшим сан, говорится, как нечто само собой разумеющееся, что был он «*nobilis ortus prole*».

Несомненно, падение византийской власти в Романье, а вместе с ней – и системы перераспределения фискальных доходов (за счет государственной службы и занятия публичных должностей), и неизбежная переориентация элит на земельную ренту как главный источник жизнеобеспечения и реализации социально-политических стратегий оказали решающее влияние на общественную значимость таких характеристик, как размер земельных и прочих недвижимых богатств, занятие публичных должностей и пользование привилегиями. В централизованных государствах все это воспринималось как приобретенные, а не унаследованные блага¹⁴⁸⁸.

В VIII–IX вв. в эволюции господствующего класса можно выделить две важные тенденции. Во-первых, к середине и второй половине VIII в. более-менее завершается слияние военной аристократии с прослойкой крупных и средних землевладельцев. Некоторые представители воинской элиты Экзархата сумели стать даже крупными собственниками. Характерен пример знатной дамы Евдокии, вдовы некоего Василия, на момент 767 г. – собственницы как минимум двенадцати имений, унаследованных от родителей («*ex successione parentorum*

¹⁴⁸⁷ Agnellus. P. 341.

¹⁴⁸⁸ Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 226–227, 235–236.

teorum»), включая *fundus Quingemri*, в котором можно угадать искаженное написание *Quingenti* – «пятьсот» [югеров]: огромное по размерам «поле». По всей видимости, она была связана родственными узами с военной знатью, как это следует из перечня свидетелей сделки, где отметились трибун и два доместика¹⁴⁸⁹.

Крах фискальной системы, поколебленной уже социально-политическим кризисом рубежа веков, затем лангобардским завоеванием 726 г., наконец прекращением существования Экзархата в 751 г., сделал землю основным источником доходов для военно-служилой знати и бюрократии. Рассказ Агнелла, посвященный правлению архиепископа Иоанна (ок. 725 – ок. 748), содержит указание на то, что к тому времени многие горожане уже стали церковными арендаторами. Показательно, что в это время, но в особенности в переломные годы правления архиепископа Сергия (748–769), наблюдается повышенная интенсивность эфитевтических аренд среди военно-служилой знати, в частности, в округах Чезены, Римини и Сенигаллии. Трибуны Агнелл, Доминик и Феодосий арендуют земли у архиепископа Сергия¹⁴⁹⁰, трибун Сергей – у Льва (770–777)¹⁴⁹¹, трибун *Curicus* – у Иоанна VIII (777–784)¹⁴⁹². Среди арендаторов встречаются также *magister militum* Мавриций (748–769)¹⁴⁹³, *eminentissimus consul* (скорее всего, должностное лицо высшего ранга, указавшее в грамоте только свой почетный титул) Павел (744–769) и дукс Мартин (IX в.)¹⁴⁹⁴.

Во-вторых, в условиях демонтажа централизованного государственного аппарата мы сталкиваемся с ситуацией, знакомой многим исследователям докапиталистических обществ, а именно с монополизацией индивидуальной должности-титула отдельным аристократическим семейством с последующим закреплением титула в поколениях, в том числе в качестве самоназвания рода. Так обстояло дело с высшими военными должностями – дуксом и магистром армии. Сходные процессы наблюдались и в других бывших византийских анклавах –

¹⁴⁸⁹ Benericetti 2006, № 4 (а. 767).

¹⁴⁹⁰ BER, № 27, 34, 70 (748–769).

¹⁴⁹¹ Ibidem, № 29.

¹⁴⁹² Ibidem, № 43.

¹⁴⁹³ Ibidem, № 33, 63, 71.

¹⁴⁹⁴ Ibidem, № 39, 76.

Риме, Венецианской лагуне, Неаполе и Истрии. Характерно, что в «Грамоте из Ризано» 804 г. местные трибуны из Истрии, представители бывшей византийской администрации, изъявили желание сохранить свои титулы при франкской власти, сделав их наследственными, разумеется, без какой-либо оглядки на Константинополь. Нечто подобное мы наблюдаем и в Романье.

По понятным причинам, военно-служилым должностям была обеспечена более долгая жизнь, чем гражданским магистратам. Единственным исключением стала восходящая к V в. должность *pater civitatis*¹⁴⁹⁵, зафиксированная в источниках с середины X в. по XI в. включительно¹⁴⁹⁶, однако наличие в руках носителя этой должности реальных полномочий и ресурсов, позволяющих заботиться о городских финансах и инфраструктуре, представляется недоказанным. Не позднее 983 г. она, возможно, уже была приватизирована одним консульским семейством¹⁴⁹⁷. Впоследствии, в XI–XII вв., *Patercivitatis* (иначе – *Parcitadis*) превратился в простой когномен¹⁴⁹⁸.

В новой системе координат функциональность титулатуры лежала в пространстве символической практики. Будучи маркером привилегированного положения линияжей и квазисемейных сообществ крупных землевладельцев, она, наряду с римской и (на первых порах) греко-восточной номенклатурой, служила действенным идеологическим инструментом сохранения идентичности и коллективной памяти родовых групп знати, особенно важным в условиях практически полной культурно-языковой ассимиляции¹⁴⁹⁹. В пользу этого говорит и крайне ограниченная диффузия титулатуры поствизантийской и франкской знати в VIII–IX вв., несмотря на совпадение интересов и нередкие династические союзы. Несмотря на сохранение деловых, культурных, дипломатических и церковных коммуникаций с Константинополем и греческим Востоком, это

¹⁴⁹⁵ Эта должность существовала также в Сиракузах VIII в. и в Херсоне IX в.

¹⁴⁹⁶ Benericetti 1999, № 86 (a. 955): *Teofilactus filio quondam Andreas pater civitatis*; Benericetti 2002, № 119 (a. 965), 128 (a. 967), 140 (a. 968): *Iohannes consul et pater civitatis*.

¹⁴⁹⁷ На эту мысль наводит присутствие на суде 983 г. клирика Иоанна de *Pater civitatis*, очевидно, сына консула Иоанна: *Federici*, № 9 (a. 983).

¹⁴⁹⁸ Fantuzzi 1802a, № 66, p. 86 (a. 1249): *inter testes D. Ugolinus de Parcitadis*.

¹⁴⁹⁹ *Fiori F. Epigrafi greche dell'Italia Bizantina (VII–XI secolo)*. Bologna, 2008. P. 8.

отнюдь не обязательно предполагает ностальгии по византийскому господству¹⁵⁰⁰. Весьма вероятно, что какие-то представители итало-византийской знати поддерживали связи с Константинополем. В то же время, Агнелл Равеннский, транслятор идей высшей городской знати, связанный как с клиром, так и с *nobiles*, в целом, довольно неприглядно оценивает как византийскую эпоху, так и византийцев, которых он в лучшем случае именуется «греками», «мирмидонянами» или «пеласгами», а в худшем – «аспидами». День разгрома романолюцами греческих войск в 727 г. под Равенной, пришедшийся на день св. Иоанна и Павла, отмечался как городской праздник. Стоит также отметить, что «греческие» антропонимы, в особенности имена Георгий, Григорий, Константин, Николай, Стефан, Теодор в VIII–XI вв. стремительно теряют популярность в регионе. Тем не менее, известно, что многие роды сеньоров Романьи еще в XIII–XIV вв. возводили свое прошлое к Византии, в том числе к военачальникам и офицерам, пришедшим в Италию в VI в. с войсками Нарсеса. Однако резонно заметить, что другого прошлого у многих из них попросту не было, и набор элементов для выстраивания родовой мифологии был неизбежно ограничен.

Процесс династизации должностей бывших византийских официалов проходил разными путями и встречал на своем пути разнообразные препятствия. Много зависело от личных качеств тех или иных лиц, их способности отстаивать свои владельческие права и формировать союзы. Далекое не все публичные и военные должности были закреплены в новом качестве наследуемых титулов. Нижним рангам военной администрации доступ к этим стратегиям оказался закрыт. Наиболее ясной в этом смысле представляется ситуация с трибунами. Антропонимическая картина свидетельствует о преобладании среди трибунов и членов их семей на всем протяжении VIII–X вв. не только римских и библейских, но и греческих имен, включая византийские (*Anestadius*, *Eufraxia*, *Nicolaus*, *Teodochia*, *Theodosius*) или грецизированные (*Petronaci*) онимы, что указывает на их тесные связи с греко-восточными диаспорами. В актах конца VIII в. они еще

¹⁵⁰⁰ См. противоположную точку зрения у Дж. Веспиньяни: *Vespignani G. La Romània italiana...* P. 81–91.

встречаются в качестве офицеров-командиров подразделений-номеров (*numeri*), правда все больше в статусе отставных военных. Появляются они и в качестве представителей военной и гражданской администрации в ряде городских поселений Экзархата и Пентаполя (здесь известна должность *tribunus civitatis*), активно арендовавших земельные комплексы в пределах своих округов. Помимо Равенны и зоны Дечимано, эту должность мы встречаем вплоть до середины IX в. в Римини¹⁵⁰¹. Какое-то время сохранялась она также в Сенигаллии¹⁵⁰² и Фоссомбронне¹⁵⁰³. Вполне вероятно, что, как и в соседней Далмации IX–X вв.¹⁵⁰⁴, трибуны выполняли и какие-то судебные функции, что было обусловлено милитаризацией управленческих структур в условиях перманентной войны с лангобардами. Согласно рассказу Д. Росси, архиепископ Лев (770–777), называвший себя «экзархом», правил совместно с тремя wybranными трибунами¹⁵⁰⁵. В пользу этого также говорит факт занятия трибунами должности судьи (*dativus*)¹⁵⁰⁶, которая встречается нам с рубежа VII–VIII вв. вплоть до первой половины IX в., а также свидетельства о составлении ими частнопроводных актов¹⁵⁰⁷.

В отличие от других византийских должностей, полномочия трибуна не были затронуты процессами приватизации. В акте 767 г. мы встречаем Петра, *ex trib(unus) num(eri) Iun(iorum)*¹⁵⁰⁸. В регесте BER, относящейся к годам правления архиепископа Петропакса (818–834), фигурирует *ex trib(unis) Деусдедит*¹⁵⁰⁹. Это может свидетельствовать только об исполнении Деусдедитом до определенного

¹⁵⁰¹ BER, № 18, 21, 26, 27, 28, 29, 34, 36, 42, 43, 46, 48, 70, 76; Benericetti 2006, № 14 (a. 850).

¹⁵⁰² BER, № 95.

¹⁵⁰³ Ibidem, № 177.

¹⁵⁰⁴ Ферлуга J. Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957. С. 114.

¹⁵⁰⁵ Rubeus H. *Historiarum Ravennatum libri decem*. P. 228 (a. 772).

¹⁵⁰⁶ BER, № 36 (688–705): *Theodosius tribunus et dativus civitatis Ariminensis*; 21 (810–816): *Iulianus tribunus et dativus civitatis Ariminensis*; 26 (817–834): *Iohannes tribunus et dativus civitatis Ariminensis*.

¹⁵⁰⁷ Benericetti 2006, № 11 (a. 838): *erat scripta tempore [Michael et] Theofilo imperatoribus Grecorum, Michael autem anno quinto, Theofilo vero anno quarto, mense ianuario, per indictione quarta, per manus Demetrium tribunum.*

¹⁵⁰⁸ Ibidem, № 6 (a. 767).

¹⁵⁰⁹ BER, № 45.

момента должности трибуна, которая, вероятно, могла быть в это время выборной¹⁵¹⁰. Аналогичным образом, в регесте BER 43 мы встречаем *Curicus dudum tribunus*, однако точно датировать регесту, к сожалению, невозможно. Люпицин, сын трибуна Люпицина (между 724 и 914 гг.)¹⁵¹¹, и Константин, сын трибуна Элефтерия (сер. IX в.)¹⁵¹², не унаследовали должностей своих родителей. Кроме того, в отличие от консулов и магистров армии, применительно к трибунам отсутствуют свидетельства, указывающие на происхождение «из рода трибунов» (*ex genere*).

Из частных актов среди контрагентов и свидетелей они исчезают уже в начале X в. Важным исключением стала небольшая пригородная зона Равенны – Дечимано, скорее всего, продолжавшая существование как особая административная единица. «Трибунат Дечимо», известный нам как минимум с 775 г., в том или ином виде продолжал свое существование вплоть до конца X в., когда он был преобразован в «графство» (*comitatus*). Одним из церковных арендаторов в Дечимано в 950 г. оказывается Мария, вдова «консула и трибуна» Петра, в свою очередь, сына консула Павла¹⁵¹³. Кроме того, в Дечимано в 971 г. мы встречаем собственность некоего трибуна Феофилакта¹⁵¹⁴. Отсутствие следов приватизации должности, очевидной для *duces* и *magistri militum*, в какой-то мере связано с крайней скудостью данных. Очевидно, что к X в. должность оказалась вытесненной на второй план, закрепившись за локальными администраторами в Дечимано. Сходная картина наблюдается и в соседнем Венето. Показательны факты, относящиеся к X–XI вв., превращения этого титула, наряду с *Senator*, в простую ономастическую единицу.¹⁵¹⁵ Аналогичное явление наблюдается в

¹⁵¹⁰ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 86.

¹⁵¹¹ BER, № 42.

¹⁵¹² Benericetti 2006, № 14 (сер. IX в.): *Constantinus vir clarissimus filio quondam Eleutherio tribunus*.

¹⁵¹³ Muzzioli, № 11 (a. 950).

¹⁵¹⁴ Benericetti 2002, № 156 (a. 971): *a singulis lateribus iura quondam Theophilacti tribuni*.

¹⁵¹⁵ BER, № 92: *petitio quem petivit Tribuno et Agathe iugalis*; Возможно, Ibidem, № 27 (748–769): *prato quem tenuit Tribunus*; Benericetti 2002, № 115 (a. 964): *Deusededit gloriosus consulis et Ermangarda iugalis sitque Apolenaris et Tribuno honesti pueri*; 119 (a. 965); Benericetti 2003, № 33 (a. 1012): *Teudericus fifio Tribunus*; *Deusededit filio Tribunus*.

Далмации и Венеции¹⁵¹⁶. Такая судьба ожидала многих других представителей византийского *exercitus*. Утрата военными и офицерами высокого статуса закрывала им доступ к льготной земельной аренде.

Частичная династизация должности-титула иллюстрируется эволюцией одной из высших военных должностей Экзархата – магистра армии. На всем протяжении византийского периода наблюдается тесная связь *magister militum* с должностью дукса, сохранившаяся также и в Риме, притом много времени после падения константинопольской власти: достаточно вспомнить Феофилакta, лидера могущественного аристократического семейства начала X в., носившего титулы *gloriosissimus dux* и *magister militum*¹⁵¹⁷. Эти титулы, соответствовавшие высшим военно-административным должностям Экзархата, в ряде случаев могли являться синонимами¹⁵¹⁸, однако должность *magistr'a militum* могли, в принципе, занимать и военные чиновники рангом ниже, в частности, трибуны и хартулярии (ὁ харτουλάριος).

Представляется наиболее вероятной версия, согласно которой первоначально различные должности *dux* и *magister militum* сблизились в VII–VIII вв.¹⁵¹⁹ Например, риминийского магистра армии Мавриция, фигурирующего в нескольких регестах BER, можно с высокой долей вероятности отождествить с дуксом Маврицием, известного нам из римской «Книги понтификов». Совпадение прослеживается и на уровне почетной титулатуры: магистры армии часто носят почетный эпитет *gloriosus*¹⁵²⁰, характерный, как мы знаем, и для дуксов.

¹⁵¹⁶ Carile A. Terre militari, funzioni e titoli bizantini nel «Breviarium» // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro). Roma, 1985. P. 83.

¹⁵¹⁷ Wickham C. Medieval Rome. P. 23.

¹⁵¹⁸ Еще в ранневизантийский период эти титулы, несмотря на то, что они реально обозначали две разные высшие военно-бюрократические должности Экзархата, зачастую были взаимозаменяемы. Т. Браун, исходя из анализа употребления этих терминов, в том числе, по письмам Григория Великого, полагает, что они являлись синонимами. См.: Brown T. S. Gentlemen and officers... P. 58–60.

¹⁵¹⁹ Goubert P. Byzance avant l'Islam. T. II: Byzance et l'Occident sous les successeurs de Justinien; 2, Rome, Byzance et Carthage. P. 60–61. О различии между этими должностями см.: Diehl C. Etudes sur l'administration byzantine... P. 141.

¹⁵²⁰ BER, № 32: Agnella relicta quondam Veri gloriosi magistri militum; 33, 63, 71: Mauricius gloriosus magister militum; 80: Gloriosa et Mara relicta quondam Eleotherio glorioso magistro militum Sinogallensium.

Можно допустить, что в ряде городов Пентаполей *magistri militum* были представителями военной власти в подчинении у риминийского дукса. Скорее всего, таковыми являлись *magister militum* Сенигаллии Элефтерий (ум. пригл. в 748–769 гг. или ранее), *magister militum* Сенигаллии Фараон (806–810) и *magister militum* Озимо Феодосий, известные нам из регест BER¹⁵²¹. В BER мы встречаем еще 6 упоминаний о носителях этой должности, три из которых приходится на упомянутого дукса Мавриция, концом политической карьеры которого, скорее всего, стало участие в заговоре 769 г. против архиепископа: известно, что контролировавшиеся им земли к X в. оказались в руках графа Родульфа.

Риминийский *magister militum* Петр, арендовавший землю в правление архиепископа Доминика (889–898), скорее всего, принадлежал к той же родственной группе, куда входил и риминийский дукс Мартин во 2-й половине IX в.: по крайней мере, совпадения в антропонимии и локализации земельных участков наводят на эту мысль¹⁵²². Несмотря на факт «приватизации» высших военно-административных полномочий, обращает на себя внимание, что еще в конце IX в. *magister militum* не являлся здесь наследуемой должностью: во всяком случае, во второй регесте Петр фигурирует без соответствующей спецификации.

По всей видимости, с постепенным демонтажем армии как социального института многие *magistri militum*, как, возможно, и трибуны, со временем утратили как собственность, так и связанное с ней политическое влияние: арендуемые магистром армии Петром на рубеже веков земли, как следует из приписки на полях регесты BER, позже отошли к церкви св. Марии¹⁵²³. В правление архиепископа Мартина (813–837) дукс Андрей арендует участок луга (*planca*), ранее находившийся во владении магистра армии Виталия¹⁵²⁴.

¹⁵²¹ Ibidem, № 80, 164, 140.

¹⁵²² Ibidem, № 76: *Peticio quas pecierunt Martinus dux civitatis Ariminensis et Cristoduli iugalis seu Albesinda et Petrus sitque Agnellus clericus honesti pueri germani*; 77 (889–898): *Peticio quam petivit Picardus et Cristoduli iugalis, Petrus magister militum et Anna iugalis, a Dominico archiepiscopo.*

¹⁵²³ Ibidem.

¹⁵²⁴ BER, № 18.

В начале X в. должность *magister militum* была «приватизирована» влиятельным родом дуксов, берущим свое начало с магистра армии Льва¹⁵²⁵, скончавшегося не ранее 893 г. Его генеалогия представлена в исследовании Д. Буцци и, за исключением некоторых сомнительных моментов, представляется мне убедительной¹⁵²⁶. О том, что в конце IX в. ее носители еще действовали в публично-правовом поле, являясь представителями папской власти и выполняя определенные военно-дипломатические поручения, свидетельствует папская корреспонденция. Двое сыновей Льва, Иоанн и Деусдедит, *gloriosi duces*, выступают советниками папы Иоанна VIII, который поручает им в 878 г. заботу о движимых и недвижимых имуществах в Равенне после смерти архиепископа Иоанна¹⁵²⁷. В 878 г. Деусдедит, *gloriosus magister militum et dux*, по распоряжению папы сопровождает архиепископа Теодериха¹⁵²⁸, а в 879 г., вновь по поручению понтифика, *insignis dux* Иоанн сопровождает графа Беренгария во главе военной миссии в Комаккьо¹⁵²⁹. В условиях острой конфронтации Равенны с Римом союз с папством, противостоявшим равеннскому сепаратизму, поставил под удар их позиции и собственность в Равенне. Из писем папы Иоанна VIII 880–881 гг. известно, что их имущество было конфисковано, а дукс Деусдедит оказался в конфликте с архиепископом Романом, сопровождавшийся взаимными обвинениями и вмешательством папы, предсказуемо разрешившего дело в пользу дукса¹⁵³⁰.

Наверное, поддержка папы и проримской партии среди аристократии Равенны стала одним из ключевых механизмов в удержании этим родом позиций в Равенне. Сама должность, превратившаяся уже в начале X в. в почетный титул, приватизируется многочисленным потомством Иоанна, и с этого времени справедливо говорить о *Magister Militum* как о когномене, который образует

¹⁵²⁵ Benericetti 2006, № 47 (a. 893): *Iohannes vir clarissimus filio quondam Leo magister militum.*

¹⁵²⁶ *Buzzi G.* Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 202–206.

¹⁵²⁷ *Registrum Iohannis VIII papae* / Ed. E. Caspar. T. 5. Berlin, 1928 (MGH Epp. 5) № 95 (a. 878), 131 (a. 878), 175 (a. 879).

¹⁵²⁸ *Ibidem*, № 134. P. 117.

¹⁵²⁹ *Ibidem*, № 175. P. 147.

¹⁵³⁰ *Ibidem*, № 261 (a. 880). P. 231; № 281 (a. 881). P. 248.

такие антропонимические приставки, как *ex genere militum* и т.д. Этот когномен обнимает сложную и разветвленную квазисемейную группу «герцогского уровня», родственную дому Траверсариа, и во многих судебных протоколах эти дома фигурируют рядом.

Тем не менее, странным образом этот почетный титул воспроизводится отнюдь не в каждом поколении, что наводит на мысль о личном характере его присвоения, получение которого было обусловлено не механическим наследованием, а тщательно продуманной семейной стратегией. Так обстоит дело с Львом, который фигурирует в квитанциях об оплате аренды церковных земель под титулом *dux*, а его сын Лев, появляющийся в источниках не ранее 933 г., носит титул *magister militum*. С другой стороны, в *placitum* 973 г. мы встречаем Родальда, сына Родальда, *dux magistro militum*¹⁵³¹, правнука знакомого нам Иоанна, и Андрея, сына Петра *magistri militum*, не унаследовавшего титул отца. Через десять лет, в 983 г., этот последний подписывается как *magister militum* вместе со своим братом Родальдом, однако сыновьями упомянутого Родальда и его брата Андрея *ex genere magistri militum* были *duces* Адельберт и Сергей¹⁵³². Помимо родства с герцогами Траверсариа, семейство *Magister Militum* заключало брачные союзы и с представителями франко-каролингской аристократии. Супругой риминийского дукса Льва в первой четверти X в. была Ротруда: ее германское имя указывает на знатное франкское происхождение. Его сын Лев, *magister militum*, состоит в браке с Роделиндой, а их дочь Ардеверга также носит германское имя и не позднее 958 г. заключает брак с неким нобилем Гарардом¹⁵³³. Вместе с тем этому роду, владеющему землями в округах Римини и Фаэнцы и недвижимостью в Равенне¹⁵³⁴, в отличие от семейств Гуидо и Траверсариа, не удалось установить прочные основы своей территориальной власти, несмотря на тесные связи с домом Траверсариа.

¹⁵³¹ Benericetti 2002, № 178 (a. 973).

¹⁵³² Federici, № 9 (a. 983).

¹⁵³³ Benericetti 2002, № 95 (a. 958).

¹⁵³⁴ Fantuzzi 1801, № 64 (a. 984).

Дуксы (*duces*), представители высшего звена воинской элиты Экзархата, сосредоточившие в своих руках не только военные, но и публично-административные полномочия (в пользу чего говорит должность *dux et iudex*, известная разным провинциям империи с VII в. и встречающаяся в источниках вплоть до X в. включительно), находились на вершине иерархии местной знати византийского происхождения.

В последние десятилетия существования Экзархата власть дуксов, которые с 727 г. избирались из числа итало-византийской знати при содействии архиепископии, укреплялась параллельно с ослаблением военных полномочий экзарха, в связи с чем справедливо говорить об эволюции этого *officium* в сторону дальнейшей автономизации с постепенным утверждением пожизненного, а затем и династического принципа в порядке занятия и передачи должности. Наблюдалась также и выраженная тенденция к консолидации патримониев дуксов.

Значительное влияние ко второй половине VIII в. приобрели дуксы Римини – центра т.н. Риминийского дуката, основанного в VI в. связи с трудностями сухопутной коммуникации с Пентаполем¹⁵³⁵. Самостоятельная политика дуксов Римини известна нам из жизнеописания папы Стефана III в римской «Книге понтификов»: в 769 г. дукс Мавриций в союзе с лангобардским королем Дезидерием предпринял попытку посадить на архиепископский престол архивиста Михаила, который «даже не имел духовного сана», чему, в конечном итоге, воспрепятствовали жители Равенны¹⁵³⁶. Предпосылки самостоятельной политической стратегии дукса Мавриция, которого с высокой долей вероятности можно отождествить с магистром армии Маврицием, фигурирующим в трех регестах BER, датируемых временем правления архиепископа Сергия (744–

¹⁵³⁵ *Baldetti E.* La Pentapoli bizantina... P. 13.

¹⁵³⁶ *Liber Pontificalis.* P. 477: *Et continuo surgens Michaelius scriniarius ipsius ecclesiae, qui nullo sacerdotali fungebatur honore, profectus Arimino ad Mauricium ducem Ariminensem.* Рассказ римской «Книги понтификов» согласуется с документальными свидетельствами. *Magister militum* Мавриций, фигурирующий в трех регестах BER (33, 63, 71), датируемых временем правления архиепископа Сергия (744–769), с высокой долей вероятности является тем же лицом, что и дукс Мавриций, о котором идет речь, и после 769 г. не появляется в источниках.

769)¹⁵³⁷, основывались не только на контроле над локальными воинскими контингентами в силу его должности *magister militum*. Не менее важны его экономические ресурсы: в пределах Римини этот аристократ арендовал (полностью и частично) множество имений. По всей видимости, с его поражением «вакантное» место было занято дуксами Мартинами – будущими основателями «романьольского» ответвления могущественного североитальянского семейства графов Гуидов.

Помимо Римини, дуксы находились в других городах Пентаполей. О том, что их публичная власть ограничивалась пределами *civitas*, говорят такие уточнения, как *dux civitatis Ariminiensis*, *dux huius civitatis*. Присутствие нескольких дуксов в Римини и его «территории» ограничивало их полномочия, но и не исключало определенной иерархии. Равным образом сфера их власти в дукате могла быть ограничена полномочиями дуксов, располагавшихся в других городах Пентаполя и, вероятно, подчинявшихся им. Из регест ВЕР нам известно о дуксе Иоанне в Озимо (846–849), дуксе Озимо в Губбио¹⁵³⁸ и дуксе Онесте в Монтефельтро¹⁵³⁹. Интересна ситуация с дуксом Губбио. В труднодатируемой регесте ВЕР 167 *dux* Озимо вместе с братом, диаконом Иоанном, арендует на условиях либеллярной аренды парцеллу в *fundus Fontanula*, уплачивая типичную для производителей Пентаполя натуральную ренту. Несмотря на то, что, скорее всего, оба арендатора не были непосредственными производителями, нельготная либеллярная аренда позволяет отнести его, самое большее, к прослойке зажиточной сельской элиты. Скорее всего, выход на сцену новых франко-лангобардских элит вытеснил или, во всяком случае, резко понизил престиж этих должностей в Губбио и Озимо.

Известно, что вплоть до падения Экзархата в 751 г. Равенна, находившаяся в прямом подчинении экзарха, не имела дуксов¹⁵⁴⁰. После 751 г. и не позднее начала IX в. в Равенне появляется сразу несколько дуксов. На процессе,

¹⁵³⁷ ВЕР, № 33, 63, 71.

¹⁵³⁸ *Ibidem*, № 167.

¹⁵³⁹ *Ibidem*, № 183.

¹⁵⁴⁰ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 75; *Deliyannis D. M. Ravenna in Late Antiquity*. P. 287.

состоявшемся в Ровиго и Равенне в 838 г., согласно судебной грамоте, присутствовало сразу три дукса – Сергей, Михаил и Григорий. Титул *dux huius civitatis* указал другой дукс – Петр – в грамоте 858 г.¹⁵⁴¹ Папское распоряжение 882 г. по аресту диакона Майорана было адресовано сразу четырем дуксам Равенны: Мартину, Иоанну, Деметрию и Роману¹⁵⁴². Возможно, дуксы могли сообща править городом или – по отдельности – какими-то его районами. Было бы, наверное, справедливым допустить, что большая часть поствизантийской военной элиты, перебравшись в Равенну, где они основали свои резиденции и приобрели собственность, предпочитали оставаться в союзе с Равеннской церковью. Неудивительно, что распоряжение папы было полностью проигнорировано.

Союз с Церковью обеспечил возвышение двух крупных «герцогских» родов – Сергиев и Ромуальдов. Братом архиепископа Иоанна X (850–878) и дукса Ромуальда¹⁵⁴³, сына Сергия I (838–893), был *dux et dativus* Георгий (Григорий)¹⁵⁴⁴. Выступая союзником императора Людовика II, он участвовал в узурпации многих земель и имуществ в Эмилии, принадлежащих римскому патримонию, чем навлек на себя гнев папы. В частности, сохранилось короткое письмо папы Льва IV от 853 г., адресованное лично Георгию, в котором папа предупреждает дукса о наказании за притеснение его людей¹⁵⁴⁵. В свою очередь, сыновья Ромуальда,

¹⁵⁴¹ Benericetti 2006, № 17 (a. 858).

¹⁵⁴² *Registrum Iohannis VIII. papae* / Ed. E. Caspar. Т. 7. Berlin, 1828 (MGH Epp. 7). № 313 (a. 882). P. 271: *Servus servorum Dei Martino Iohannis seu Demetrio atque Romano gloriosis ducibus necnon et aliis fidelibus nostris.*

¹⁵⁴³ Возможно, Ромуальд IV, будучи сыном Сергия I (cf. *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma...* P. 198–199) был в родстве с имолийским герцогом Ромуальдом, вероятно, связанным с герцогским домом Беневенто; сын Ромуальда, Гизульф, совершает в 855 г. благочестивое дарение в пользу Равеннской церкви. Помимо антропонимического совпадения, следует отметить, что в списке свидетелей присутствует *Iohannes filius Gregori dativo*, которого можно отождествить с сыном дукса Григория.

¹⁵⁴⁴ Согласно римской «Книге понтификов», известный также как Григорий (*Gregorio*): *Liber Pontificalis*. Т. 2. P. 156.

¹⁵⁴⁵ *Epistolae selectae Sergii II, Leonis IV, Benedicti III, pontificum Romanorum* / Ed. A. de Hirsch-Gereuth // Т. 3. Berlin, 1899 (MGH Epp. 3). P. 588.

Сергий II и Ромуальд V, положили начало этим двум ветвям крупного аристократического рода¹⁵⁴⁶.

Тем не менее, в середине IX – середине X вв. наиболее влиятельными, как кажется, были дуксы Римини. В поствизантийский период *dux Ariminensis*, скорее всего, сосредоточил в своих руках довольно широкие полномочия, возможно, имея в прямом подчинении магистров войск в Римини и городах Пентаполя: в частности, из регест ВЕР нам известно о четырех *magistri militum* в одном только Римини.

Из регест ВЕР мы знаем как минимум о пяти дуксах Римини: Юлиане (ум. до 813–837 гг.), двух Андреех¹⁵⁴⁷ и двух Мартинах, скорее всего, разных лицах, живших в каролингскую эпоху и связанных узами кровного родства. В отношении Мартинов это подтверждается документально. Согласно регестам «Баварского кодекса», некая Вальбезинда входит в родственную группу дукса Мартина и его супруги Христулулы, куда, помимо нее, входил еще некто Петр и клирик Агнелл. Из более поздней грамоты, датируемой серединой IX в., мы узнаем, что она была матерью другого дукса Мартина (ум. до 896 г.)¹⁵⁴⁸. Его отцом, как следует из того же акта, был дукс Григорий, известный нам по акту 838 г.¹⁵⁴⁹, которого, скорее всего, не следует путать с равеннским дуксом, известным под тем же именем. Таким образом, уже к середине IX в. эта должность оказалась приватизирована крупным семейством военной аристократии. Риминийские дуксы, имевшие резиденцию в замке Конке (*Conke*), приватизировали *publicum* и присвоили огромные приморские территории, заложив прочные основы для будущей территориальной власти. По всей

¹⁵⁴⁶ См. генеалогию родов Сергиев и Ромуальдов: *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 198–199, 200–201.*

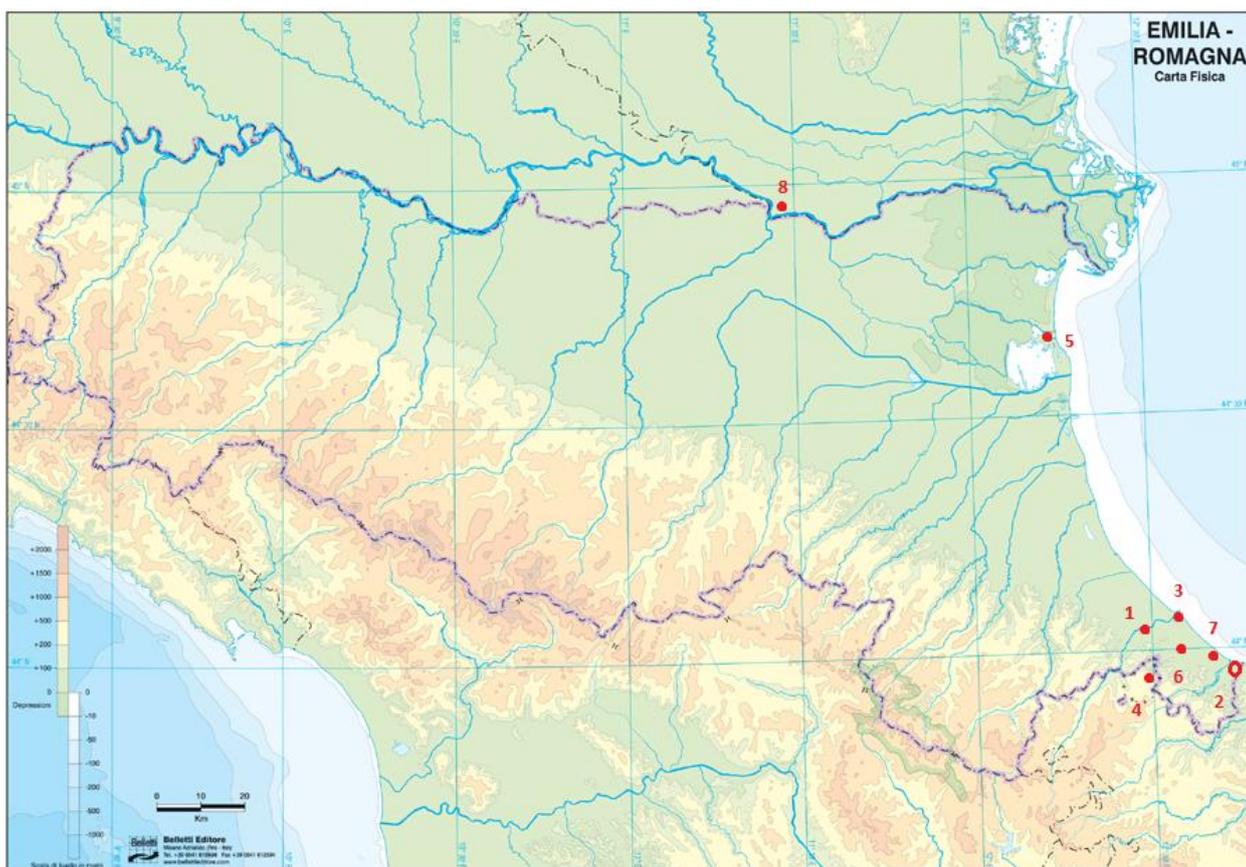
¹⁵⁴⁷ ВЕР, № 20 (а. 813–837): *Theodesia religiosa ancilla Dei relicta quondam Iuliano gloriosi ducis civitatis Ariminensis*; 17: *Andreas dux civitatis Ariminensis et Fo[r]mosa iugalis*; 18 (а. 813–837 или, согласно традиционной датировке, 810–816): *Andreas dux et Cristina iugalis*. Не исключена принадлежность Андреев к одной и той же парентельной группе, в которой, возможно, практиковалось наследование имени, вероятно, и должности. На эту мысль наводит также соседство этих регест в Баварском кодексе.

¹⁵⁴⁸ ВЕР, № 76; *Benericetti 2006, № 14 (s. IX).*

¹⁵⁴⁹ *Ibidem, № 11 (a. 838): uti nobiscum aderant Serrius, Michael, [... G]regorius ducibus...* Далее, в subscriptio: *[Grego]rius in Dei nomine dux.*

видимости, в окрестности Римини и, в частности, в пределах замка Конке они поглотили воинские наделы упраздненной к тому времени армии, слившейся с массой средних и мелких землевладельцев. На это наводят на мысль такие топонимы, как *Duliuo* (δουλεία), *Turris*, *Straciano*, а также расположенные там бывшие держания и наделы военных – бандифора Доминика, драконария Секунда, трибуна Урса и Адульфа, ауктента (звание офицера низшего ранга) Риминийского нумера.

О географии его владений рассказывает география владений Вальбезинды. Не позднее середины IX в. Мартин получил от матери (за 370 безантов) «земли в Монтефельтро», несколько лесов и имений в риминийском округе, включая резиденцию в самом Римини, а также соляные пруды в районе Комаккьо. Это заложило основу для будущего взлета его сына, также Мартина, родоначальника романьольской ветви крупного франкского семейства Гуидов.

Карта 1. Примерные зоны локализации патримония дукса Мартина в середине - 2-й половине IX в. (По документам BER 76 и Venericetti 2006, № 17, 25). 1 – земельные владения в пределах славяно-болгарского поселения (*terra Bulgarogum*), в частности, *fundus Ticianum*. 2 – (круг) обозначена зона *Cattolica* (совр. коммуна Каттолика), где располагался *castrum Conke* и множество приватизированных воинских наделов. 3 – Римини (городская недвижимость) и

пригородные лесные зоны. 4 – земельная собственность в Монтефельтро. 5 – примерное расположение соляных прудов в Комаккьо, находившихся в собственности дуксов. 6 – fundus Virginis. 7 – fundi Fortunati и Quadraginta. 8 – fundus Sereniana (приход св. Марии *in Trenta*, округ Феррары).

По-видимому, ключевую роль в дальнейшем возвышении рода сыграл брак Мартина-младшего с дочерью Апальда, графа Вероны, заключенный между 870 и 889 г.¹⁵⁵⁰ Он вряд ли бы состоялся, если бы к тому времени эти дуксы не сосредоточили в своих руках огромные владения и широкие полномочия. Как бы то ни было в результате возник мощный родовой альянс, располагающий обширными владениями в Тоскане и Романье и заложивший основы доминирования рода Гуидов¹⁵⁵¹. Центр его территориальной власти находился в Пистойе, но, помимо Тосканы, графы имели владения и в Эмилии-Романье, в частности, в пределах Равенны, Фаэнцы, Форли, Римини, Феррары и Комаккьо.

Равеннский архиепископский архив содержит ряд документов, касающихся владений этого рода, которые поступили в архив после конфискации имущества представителя этого рода диакона Райнерия в 967 г.¹⁵⁵². Впервые семейство появляется в равеннских актах с середины X в., времени обострения отношений с архиепископами Равенны. Два брата, граф Гуидо и диакон Райнерий¹⁵⁵³, сыновья графини Ингельрады II (ум. 943) а также Тегримо, выступают арендодателями в либеллярном договоре 943 г. в округе Римини, где, как мы знаем, находились владения их деда по мужской линии, дукса Мартина¹⁵⁵⁴.

¹⁵⁵⁰ Это становится ясным из двух либеллярных контрактов конца IX в. См.: Benericetti 2006, № 25 (a. 870): *Petimus ad vobis domno Martinus in Dei nomine glorioso dux*; 36 (a. 888–889): *Petimus a vobis domna Angelrada gloriosa femina ducarissa coniux presente domno Martino misericordia Dei dux*.

¹⁵⁵¹ См. об этом: *Curradi C.* I conti Guidi nel secolo X // *Studi Romagnoli*. 1977. № 28. P. 17–64. Генеалогия рода см.: *Buzzi G.* Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 195–197. О Гуидах в Романье см.: *Rinaldi R.* Le origini dei Guidi nelle terre di Romagna (secoli IX–X) // *Formazione e strutture dei ceti dominanti nel Medioevo: marchesi, conti e visconti nel Regno italico (secc. IX–XII)*. Atti del secondo convegno di Pisa (3–4 dicembre 1993). II. Roma, 1996. P. 211–240. См. также *Schwarzmeier H. M.* Lucca und das Reich bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Tübingen, 1972. P. 198.

¹⁵⁵² Benericetti 1999, № 2 (a. 901), 3 (a. 903), 15 (a. 909), 17 (a. 910), 49 (a. 943); Benericetti 2002, № 109 (a. 963).

¹⁵⁵³ Они известны нам также по пистойским актам 40-х гг. X в. См. *Regesta chartarum Pistoriensium*. Pistoia, 1973. №. 63 (a. 941). P. 48–49.

¹⁵⁵⁴ Benericetti 1999, № 4 (a. 905): *ab uno latere possidente heredes quondam Martini ducis*.

Несмотря на то, что значительная часть земель этого рода формально арендовалась у архиепископии (а также риминийского диоцеза и Римской церкви), есть все основания полагать, что *pensio* и *calciario* ими не уплачивались. Подобное положение подрывало экономические и, в большей степени, политические позиции и престиж архиепископа и, косвенно, его союзника, императора Оттона I, с которым, вероятно, Гуиды находились в сложных отношениях, выступая, по всей видимости, представителями антиимперской партии¹⁵⁵⁵.

В дарственной, составленной в 963 г., когда Равенна была занята войсками Оттона, можно увидеть временный компромисс, достигнутый конфликтующими сторонами. Архиепископ получал от диакона Райнерия и графа Тегримо *gonso* и соляные пруды в районе Комаккьо «для спасения души» и вместе с тем – в счет неуплаченной ренты¹⁵⁵⁶. Но на этом конфликт исчерпан не был. Через год, в 964 г., *longaria salinarum*, ранее находившаяся во владении Гуидов, была сдана архиепископами в аренду семье торговца Лаврентия¹⁵⁵⁷. Очевидно, Гуиды не очень высоко оценили такой шаг. Кульминацией конфликта стало спровоцированное арестом и ссылкой папы Иоанна XIII восстание, организованное в Равенне диаконом Райнерием в 965 г., в ходе которого архиепископ Петр IV был арестован и помещен в замок Модильяна, а его казна была разграблена, что потребовало личного вмешательства императора, освободившего архиепископа и заочно осудившего Райнерия на суде 967 г. в присутствии высших должностных лиц империи с конфискацией имущества «*infra totum Italicum regnum*». Этот конфликт стал, в конечном счете, точкой невозврата для хрупкого баланса сил между знатью и Равеннской церковью.

Падение дома Гуидов не создало вакуума власти: их место в региональном сообществе быстро заняло семейство Траверсария¹⁵⁵⁸, которое будет играть

¹⁵⁵⁵ *Buzzi G.* Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 165.

¹⁵⁵⁶ Benericetti 2002, № 109 (a. 963): unde predicto ronco Sancti Archangeli, una cum ipso longario salinarum ... damus et transfersimus pro diversis et preteritis pensionibus atque calciariis.

¹⁵⁵⁷ *Ibidem*, № 116 (a. 964).

¹⁵⁵⁸ *Vespignani G.* La Romània italiana... P. 61–64.

ключевую роль в политической жизни Равенны вплоть до XIII в. Установить родоначальника этой династии непросто. Известно, что в именном фонде рода в IX–XIII вв. преобладали имена Павел и Петр. Впервые носителей этих имен мы встречаем в судебной грамоте 838 г., где они, без титулов, присутствовали на судебном процессе в Равенне в свите архиепископа Георгия. Сам же когномен Траверсариа происходит от топонима, позже ставшего обозначением одноименного замка на севере округа Форли¹⁵⁵⁹.

В акте 858 г. мы впервые встречаем дукса Петра, которого можно идентифицировать с Петром, основателем рода Траверсариа, поставившим свою подпись в дарственной 896 г. графини Ингельрады в качестве «*dux et iudex*». Показательно, что в той же грамоте мы встречаем «дукат Траверсариа», локализующийся в округе Форли и включающий, как минимум, один приход св. Павла (с учетом важности имени Павел в номенклатуре рода, это вряд ли является простым совпадением). Но само упоминание «дуката» вызывает вопросы. Его границы, очевидно, не совпадали с компактной территорией владений дукса Петра: там же располагались земли графини Ингельрады, включающие обширные владельческие комплексы – *curtes*. Если добавить, что многие земли в этом округе находились в монастырской и церковной собственности, то это исключает предположение о дукате как о компактной сеньории. Необходимо также иметь в виду, что этот документ составлялся скабином Гумбертом, не равеннцем, по поручению представительницы высшей франкской аристократии, носителями иной традиции, иначе смотревшими на территориальные реалии. Но присутствие среди свидетелей самого Петра, бывшего их соседом и, без сомнения, состоявшего с Гуидами в определенных отношениях, не было случайным. Ситуация проясняется, если предположить, что речь идет о каких-либо гражданских и судебных полномочиях, которые исполнял здесь Петр в должности «*dux et iudex*». Этот титул впоследствии будет по традиции наследоваться

¹⁵⁵⁹ *Vasina A. Romagna medievale. P. 169; Vespignani G. Op. cit. P. 62.*

некоторыми представителями этого семейства, которое, впрочем, будет сохранять определенные связи с публичным судопроизводством¹⁵⁶⁰.

В IX–X вв. сложно проследить порядок присвоения титула «дукса», но он однозначно был далек от принципов механического наследования. В судебном документе 983 г. мы встречаем целых двух дуксов de Traversaria – Петра и его «единокровного» (consanguineo) тезку, а также их детей Иоанна, Амельрика и Рандоина, также названных дуксами¹⁵⁶¹. В этом семействе наиболее выражено проводилась практика распределения церковных и муниципальных (судебных) должностей, что, несомненно, обеспечивало им как правую, так и политическую поддержку в архиепископских кругах.

Укоренение власти Траверсариа в Романье приходится, самое позднее, на 70-е годы X вв. с образованием нескольких территориальных комплексов (curtes) в округе Форлиμποполи, сопровождавшегося строительством укреплений и церквей. Располагая земельными владениями во многих округах Экзархата, от пригородного равеннского округа Дечимано¹⁵⁶² и Чезены¹⁵⁶³ до сравнительно удаленной «территории» Фано в Пентаполе¹⁵⁶⁴, Траверсариа были одним из самых влиятельных семейств Равенны, принимая активное участие в политической жизни региона. Их статус в местном сообществе отчетливо показан в протоколе судебного разбирательства 998 г., где в присутствии городской знати посредством инвеституры решался конфликт между архиепископом и крупным землевладельцем из Форли. Два представителя этого рода – «сиятельнейший судья» Фаруальд и Петр, сын герцога Павла, открывают в этом документе перечень присутствующих. Наконец, в императорском дипломе 999 г., в числе «комитатов», во владение которыми Оттон III инвестирует архиепископа Льва,

¹⁵⁶⁰ К этому роду, несомненно, принадлежал *dativus/iudex Paulus ex genere ducis: Benericetti 2002, № 178 (a. 973)*. В частности, в грамоте 1001 г. мы встречаем *Petrus iudex filius quondam Pauli ex genere duci qui vocatur de Traversaria*: не унаследовав герцогский титул, он, тем не менее, исполнял судейские обязанности. См.: *Benericetti 2003, № 2 (a. 1001)*.

¹⁵⁶¹ *Federici, № 9 (a. 983)*.

¹⁵⁶² *Benericetti 1999, № 156 (a. 971)*.

¹⁵⁶³ *Benericetti 2011, № 573 (a. 1003)*.

¹⁵⁶⁴ Сын герцога Павла, тоже Павел, был субдиаконом и «аббатом» *monasterium* св. Киприана в Фано, распоряжаясь, с согласия родителя, его имуществом (*Benericetti 2002a, № 229 (a. 983)*).

названо и «графство» Траверсариа. Таким образом, сеньориальная власть герцогского рода прочно встроилась в политическую систему Романьи.

Судя по всему, укрепление позиций этого линияжа сопровождалось «приватизацией» патримониальных прав архиепископии в самом политическом центре – Равенне. Это не могло не привести к конфликту с архиепископами, свидетельством чему стал судебный процесс 1014 г., состоявшийся во дворце Оттонов в присутствии крупнейших иерархов и посланца самого императора. Ответчиками здесь выступали представители двух крупных городских семейств: Павел de Traversaria, Петр, сын дукса Иоанна, судья Павел, а также два сына Андрея Magister Militum – Петр и Иоанн, к которым примыкал Михаил, сын Павла de Atjo. Они обвинялись в присвоении «publicariis, rivis et portis et toloneis et omne [...] a publica re pertinet»¹⁵⁶⁵. В приписке на полях изрядно испорченного акта лаконично сказано, что речь идет о «refutacio Ravenna de ripis et portis et molendinis». Иными словами – о контроле над всеми ключевыми узлами хозяйственной инфраструктуры Равенны, право на которую осуществляли архиепископы, наследники прежней муниципальной организации. По итогам процесса права архиепископа Арнальда были восстановлены; кроме того, было решено, что в случае повторных нарушений на виновных возлагается внушительный штраф – сотня «optimi libras». Но уже на placitum 1017 г. Траверсариа, а вслед за ними и Magistri Militum вновь были в числе первых в судебном списке, что указывает на то, что их позиции не были серьезно поколеблены¹⁵⁶⁶.

Консулы. Если пути эволюции высших военно-бюрократических должностей Экзархата более или менее понятны, то ситуация с т.н. «консулами» складывается совсем другая. Т. Браун справедливо отмечает, что еще ни один титул византийской Италии не вызывал таких бурных и продолжительных дискуссий¹⁵⁶⁷. В его изучении необходимо поставить сразу несколько вопросов:

¹⁵⁶⁵ Benericetti 2003, № 35 (a. 1014).

¹⁵⁶⁶ Fantuzzi 1802a, № 9 (a. 1017).

¹⁵⁶⁷ Bocchi F. Sul titolo di «consul» in età alto medievale // Zbornik Radova Vizantoloskog Instituta. 1978. № XVIII. P. 51–66.

был ли консулат связан с определенными должностными полномочиями, являлся ли он почетным (полу)наследственным титулом или же, в разной степени, сочетал в себе обе характеристики? Между позднеимперским периодом, увидевшим закат консульской должности в 534 г., частым появлением консулов в актах 2-й половины IX и, в особенности, X в. (более 60 чел.), полным исчезновением титула из равеннских актов к 60-м гг. XI в. и возрождением консулата как магистрата в рамках коммунальной организации XI–XII вв. существуют лакуны, требующие серьезного и всестороннего анализа¹⁵⁶⁸. На эти неясности обратил внимание еще первый издатель равеннских актов, М. Фантуцци¹⁵⁶⁹. С подобными трудностями сталкивались и исследователи консулата в Византии VIII–XI вв.¹⁵⁷⁰

На возможное отсутствие связей титула с должностными полномочиями и, как минимум, с высоким социальным статусом указал еще Ф. К. фон Савиньи, допуская, впрочем, генетическую связь консулата с декурионами¹⁵⁷¹. Важной остается и работа В. Франкини, разделявшего похожую точку зрения¹⁵⁷². Другую позицию занимал Дж. Буцци: по аналогии с римским *ordo senatorium* он неоправданно приписывал Равенне X–XI вв. существование функционирующего сената (!) с герцогской и консульской аристократией (!), заседающих в разных палатах, хотя и отмечал неясности с передачей титула и его связью с публичными полномочиями. Его взгляды восходят к аристократической историографии XVIII–XIX вв., видевшей в консулах IX–X вв. из Анконы, Римини, Озимо и Фано, в первую очередь, институты городского самоуправления¹⁵⁷³.

Наконец, уже в наши дни Т. Браун, изучавший эту проблему на широком материале VI–VIII вв., констатирует как очевидную роль римско-византийской традиции, так и глубокую трансформацию, которую пережил этот титул на

¹⁵⁶⁸ *Buzzi G.* Le curie arcivescovile e cittadina di Ravenna... P. 60.

¹⁵⁶⁹ *Fantuzzi* 1801. P. xxix: «anche sopra li consoli occorrono non pochi dubbj riguardo specialmente alla loro qualità, genere, durata, etc».

¹⁵⁷⁰ *Oikonomidès N.* Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.). Athènes, 1996. P. 24–25.

¹⁵⁷¹ *Savigny F.-K. von.* Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. Band 1. P. 368.

¹⁵⁷² *Franchini V.* Il titolo di «consul» in Ravenna a traverso l'alto medio evo // *Bullettino della società filologica romana*. 1908. № 11. P. 31–44.

¹⁵⁷³ *Vespignani G.* La Romània italiana. P. 72–73.

протяжении более чем двух столетий византийского правления¹⁵⁷⁴. Неудивительно, что гораздо более существенные изменения он пережил после краха константинопольской власти.

Акты IX и, в особенности, X в. содержат немало сведений о консулах (*consoles*), известных всем регионам с прочной римско-византийской традицией, включая Рим и Неаполь¹⁵⁷⁵. Этот изначально придворный титул (*ὑπάτος*)¹⁵⁷⁶, требовавший, как известно из «*Placitum de Rizano*», особой процедуры императорского утверждения в Константинополе¹⁵⁷⁷, встречается как самостоятельно, так и в сочетании с другими должностными полномочиями, в том числе военно-административного характера¹⁵⁷⁸. Последний факт, сам по себе, является отражением тенденции, наметившейся еще в VI в., когда занятие тех или иных должностей сопровождалось присуждением почетных титулов *consul* или *praefecturius*, а прогрессирующая милитаризация и возрастание престижа военной аристократии сделали подобный симбиоз естественным явлением.

Первоначально те, кто носили этот титул, обладали высоким социальным статусом и, скорее всего, занимали военные должности высшего ранга: об этом говорит титул *eminentissimus consul*, который носит церковный эмфитевта Павел из Римини (748–769), арендующий землю сразу в двух соседних округах. Показателен эпитет *eminentissimus*, обычно характерный для официалов высшего ранга, таких, как экзарх или префект¹⁵⁷⁹. Нет сомнений, что перед нами – представитель военно-служилой верхушки, указавший только свой придворный титул. Т. Браун прав, допуская, что еще в VIII в. титул консула носили ведущие

¹⁵⁷⁴ *Brown T.S. Gentlemen and Officers. P. 134–143.*

¹⁵⁷⁵ *Guillou A. Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie. Rome, 1996. P. 130–132.*

¹⁵⁷⁶ В одном темном месте термин *ipatus* встречается и у Агнелла. Издатель «Книги понтификов Равенны» О. Хольдер-Эггер допустил двойную трактовку: либо речь идет о термине *ὑπάτος*, либо мы имеем дело с вариантом написания имени *Leopardus*. Перевочик LPR Д. М. Дельяннис оставляет этот вопрос открытым. См. *Deliyannis D. M. The Book of Pontiffs. P. 287.*

¹⁵⁷⁷ *Placitum de Rizano. P. 3: et qui volebat meliorem honorem habere de tribuno, ambulabat ad imperium, quod ordinabat illum upato.* См. *Vespignani G. La Romània italiana... P. 68–71.*

¹⁵⁷⁸ *Benericetti 2002, № 119 (a. 965): Iohannes consul et pater civitatis; Benericetti 1999, № 26 (a. 915): consul et iudex; Muzzioli, № 11 (a. 950): Petrus consule et tribunus.*

¹⁵⁷⁹ *Brown T. S. Gentlemen and Officers. P. 131.*

представители военной аристократии¹⁵⁸⁰. В пользу существования еще во 2-й половине IX в. определенной *carica publica*, кроющейся за этим титулом, может рассказать *subscriptio* к грамоте 858 г.¹⁵⁸¹, где подряд, в порядке старшинства, названы: Петр, *dux huius civitatis*, следом за ним – Теодорат, *consule huius civitatis*, и, наконец, Бонусомо, *vicedominus* Равенны. Добавление *huius civitatis*, по аналогии с судьями и табеллионами, может указывать на публичный характер их деятельности. Тем не менее, в силу того, что консулы появляются в источниках исключительно в качестве частных лиц, ничего конкретного об их возможных должностных полномочиях мы сказать не можем.

В X в. титул консула приобретает самостоятельное значение в качестве социальной характеристики мелкой и средней городской знати итало-византийского происхождения. В дополнение к этому консулы нередко присваивают себе почетные эпитеты, такие, как *vir clarissimus*, *nobilis vir* и т.д. Ко 2-й половине X в. консулы уже числились в составе «разряда нобилей» («*ordo nobiliorum*»), например, в протоколах судебных грамот от 973 г. (где они входят в состав свиты архиепископа) и 1001 гг.¹⁵⁸², во всех случаях замыкая перечни участников процессов. У нас достаточно сведений о приватизации и частичной династизации титула¹⁵⁸³, отраженных, помимо всего прочего, в формулах типа «*ex genere consulis*»¹⁵⁸⁴, «*filio consul*»¹⁵⁸⁵, «*proles consulis*»¹⁵⁸⁶, однако, как и в случае с

¹⁵⁸⁰ Ibidem. P. 140.

¹⁵⁸¹ Benericetti 2006, № 17 (a. 858). В пользу сохранения рудиментов определенных публично-правовых полномочий в X в., осуществляемых в рамках тех или иных населенных пунктов, могут рассказать такие формулировки, как *consul Cumiacensis* [Benericetti 1999, № 86 (a. 955)], *consule de Pidera* [Benericetti 2002, № 109 (a. 963)]. Как бы то ни было, вопрос остается дискуссионным.

¹⁵⁸² CDP, № 26 (a. 1001): *et astantibus cum eis episcopis, abbatibus, diaconibus, monachis et eremitis, clericis, comitibus, iudicibus atque consulibus et aliorum sublimium, quorum nomina hec sunt.*

¹⁵⁸³ Benericetti 2006, № 51–52 (a. 896): *uti nobis Iohannis consule, filius quondam Vuandilo item consule.* См. также: Benericetti 1999, № 46 (a. 940): *nobili viro Iohannes consul filius quondam P[et]ri consule*; Benericetti 2002, № 118 (a. 965): *Gregorium diaconus... filio presente et con[sencie]nte Petrus vir clarissimus consule filio quondam Gregorium consule*; 175 (a. 973): *Atiliano et Garardo germane consules filiis etmantjipatis Iohannis consulis*; 189 (a. 975): *Iohanni et Rodulfo atque Ragimberto germani consulis filii quondam bonae memoriae Iohannis consulis qui vocabatur de Amoneta.*

¹⁵⁸⁴ Benericetti 1999, № 87 (a. 956).

¹⁵⁸⁵ Benericetti 2002, № 122 (a. 966): *Petrus filio consul.*

¹⁵⁸⁶ Ibidem, № 136 (a. 967).

duces, она не имела ничего общего с механическим наследованием: возможно, речь идет о личном или, скорее, полунаследственном характере его присвоения. О механизмах его передачи можно строить лишь догадки, на что справедливо указал еще Д. Буцци¹⁵⁸⁷, однако обращает на себя внимание присутствие в их родственных группах усыновленных детей, унаследовавших этот титул¹⁵⁸⁸.

Эти люди были средними и, реже, крупными землевладельцами, которые могли располагать земельной собственностью¹⁵⁸⁹, престижной городской недвижимостью (*domi*)¹⁵⁹⁰ и арендовать крупные земельные комплексы и солеразработки¹⁵⁹¹. О среднем размере земельных богатств этих семейств мы можем сказать очень немного. Интересен акт 1018 г., фиксирующий дарение, сделанное Петром, приемным сыном судьи (дativa) Берарда, в пользу своей супруги, по всей видимости, принадлежащей к консульскому семейству. К сожалению, документ сильно разрушен, однако он содержит точные сведения о размерах некоторых принадлежащих Петру наделов, что уже большая редкость для равеннских актов. Ему принадлежал дом в Равенне, а также земли в приходе св. Репарата и городском приходе округа Форли. Петр владел как минимум девятью мансами (наделами) в шести имениях, обрабатывавшихся колонами, а сверх того – 80 торнатурами земли в двух имениях Carcaniano и Duocenta. В четырех из девяти случаев известен размер манса – 100 торнатур. Не зная, владел ли Петр лишь половиной объектов недвижимости, отчуждаемых в пользу супруги, или всеми ими целиком, примем за минимум размер надела в 50 торнатур, экстраполировав эту цифру на мансы, площадь которых нам неизвестна (грамота сильно испорчена), и добавим к сумме восемьдесят торнатур от двух

¹⁵⁸⁷ Иногда сыновья носили титул, отличающийся от отцовского. См., например: Benericetti 2002, № 103 (a. 960): *Iohannis consul filio condam Iohannis dativo*.

¹⁵⁸⁸ Benericetti 2002, № 175 (a. 973): *Atiliano et Garardo germani consulis filiis et mantjpatis Iohannis consulis*.

¹⁵⁸⁹ Benericetti 1999, № 2 (a. 901); Benericetti 2002, № 132 (a. 967), 175 (a. 973); Benericetti 2002a, № 238 (a. 987), 243 (a. 988): *atque a quarto latere alium fundo qui vocatur Poplitulo possidente nos ipsi petitores iuris proprietatis*.

¹⁵⁹⁰ Benericetti 2002, № 119 (a. 965), 189 (a. 975).

¹⁵⁹¹ Benericetti 1999, № 46 (a. 46); Benericetti 2002, № 149 (a. 970): двое сыновей консула Льва с супругами арендуют в фавентийском округе внушительные доли (более 5/12) от 7 *fundi* и еще один *fundus* целиком за символическую ренту в 10 денариев; 175 (a. 973); Federici, № 2 (a. 973).

названных имений. Мы получим, что минимальный размер его земельных площадей - 530 торнатур. Допуская, что раздел недвижимости, скорее всего, проводился поровну, получим 980 торнатур. Перед нами – землевладелец средней руки, большинство владений которого сдается в аренду крестьянам.

Среди консульской знати особенно выделяются два знатных семейства *De Amoneta* и *De Ponte Augusti*¹⁵⁹². Показательно, что консул Деусдедит *de Ponte Augusti*, поддерживавший тесные связи с семейством Траверсариа, носит «герцогский» эпитет *gloriosus*¹⁵⁹³.

Кроме того, начиная с середины X в. консульский титул присваивается и представителями наиболее престижных светских профессиональных корпораций Равенны – коллегией муниципальных писцов (табеллионов) и ассоциацией (*scola*) торговцев. Сходную тенденцию обнаруживает и Т. Браун в раннесредневековом Риме¹⁵⁹⁴. Сближение консульской знати с муниципальной «бюрократией» нашло отражение в городской топографии, в частности, в соседстве семейно-территориальных объединений табеллионов и консулов¹⁵⁹⁵. В пользу этого говорят и *notitia testium* многих частных актов, где консулы, табеллионы и коммерсанты фигурируют вместе или выступают свидетелями в актах, где контрагентами являются представители этих групп¹⁵⁹⁶. В их среде титул приобретает родовую характеристику: ряд писцов¹⁵⁹⁷ и коммерсантов¹⁵⁹⁸

¹⁵⁹² Venericetti 2002, № 115 (a. 964), 119 (a. 965), 189 (a. 975); Venericetti 2003, № 33 (a. 1012), 35 (a. 1014).

¹⁵⁹³ Буцци ошибочно возводит консульский род *de Ponte Augusti* к Деусдедитам, являвшимся боковой ветвью рода *Magister Militum*, что неверно. Консул Деусдедит, впервые фигурирующий в актах с 964 г., был сыном консула Аполлинария, и ничто не указывает на его родственные связи с этим герцогским родом, хотя его тесные контакты с домом Траверсариа и, косвенно, с родом Сергиев, не подлежат сомнению: сын Деусдедита Маринаций, клирик и нотариус, был помощником архидиакона Иоанна из рода Сергиев.

¹⁵⁹⁴ Brown T. S. *Gentlemen and Officers*. P. 139.

¹⁵⁹⁵ Venericetti 1999, № 74 (a. 952–953).

¹⁵⁹⁶ Venericetti 2002, № 78 (a. 954), 79 (a. 954), 99 (a. 958–959), 102 (a. 960), 104 (a. 960), 122 (a. 966), 123 (a. 966), 124 (a. 966), 132 (a. 967), 140 (a. 968), 150 (a. 970), 156 (a. 971), 158 (a. 972), 190 (a. 975–976); Federici, № 5 (a. 982).

¹⁵⁹⁷ Venericetti 2002, № 132 (a. 967): *Andreas proles Iohannis consulis et tabellionis*; 158 (a. 972): *Iohannes Dei nutu ex genere consulis et tabellio*; 188 (a. 974–975), 190 (a. 975–976); Venericetti 2002a, № 242 (a. 988): *Petrus Dei nutu ex genere consule et tabellio*; Muzzioli, № 43 (a. 988); Venericetti 2002a, № 248 (a. 990); Muzzioli, № 46 (a. 992); Venericetti 2002a, № 272 (a. 998);

подписывается в актах, используя антропонимическую приставку «ex genere consulis»; некоторые табеллионы и торговцы наследовали, помимо профессии, и консульский титул отца¹⁵⁹⁹. Любопытный титул «consul et dudum tabellio» носит некий «сиятельнейший муж» Андрей в 1014 г.¹⁶⁰⁰ Не исключено, что консульский титул в городской курии приобрел определенную иерархическую и должностную характеристику; в пользу этого говорит исчезновение эксептора курии и куриала при сохранении коллегии как активно функционирующего института. Это можно проиллюстрировать следующим примером. Во 2-й половине X в. внуком куриала Петра¹⁶⁰¹ был консул-табеллион Петр, сын табеллиона Доминика, не носившего эту должность, и, кроме того, единственным из трех сыновей, ставшим консулом¹⁶⁰². Здесь отчетливо прослеживается определенная преемственность.

Таблица 25. Консульская знать и профессиональные корпорации

Дата появления	Имя	Род занятий	Почетный эпитет
853-869	Petrus	Tabellio	Vir magnificus
955	Severus f. Andrea	Negociator	Vir clarissimus
956-971	Iohannes (Uter)	Tabellio	Vir magnificus
958-59	Andrea	Negociator	
960	Dominicus f. Petrus	Negociator	
966	Dominicus	Capitulario negociator	
974	Petrus f. Dominicus	capitulario	
974	Grimoaldo	tabellio	Vir clarissimus
978	Petrus	tabellione	Vir magnificus
978	Sergius	negociator	Vir magnificus
988	Aldo	tabellio	Vir clarissimus

Итак, консулы были сравнительно многочисленной прослойкой зависимых от архиепископии средних земле- и домовладельцев, которая, скорее всего,

Federici, № 16 (a. 1005): Iohannes ex genere consulis et tabellione; 17 (a. 1006): Guidonus ex genere consulis tabellio.

¹⁵⁹⁸ Benericetti 2002a, № 256 (a. 993): Iohannis qui vocatur Bonizoni ex genere consolis negociator.

¹⁵⁹⁹ Benericetti 2002, № 134 (a. 967): Grimualdo filio Iohannes consule et tabellione... Iohannes in Dei nomine consule et tabellionem; Benericetti 2002, № 123 (a. 966): Dominicus consul et capitulario negociator; Benericetti 2002, № 185 (a. 974): Petrus filio Dominicus consule et capitulario. Также Benericetti 1999, № 81 (a. 955), Benericetti 2002, № 99 (a. 958–959). См. подробнее у Буцци (*Buzzi G. Le curie arcivescovile e cittadina di Ravenna...* P. 61–78).

¹⁶⁰⁰ Benericetti 2003, № 35 (a. 1014).

¹⁶⁰¹ Benericetti 1999, № 74 (a. 952–953).

¹⁶⁰² Benericetti 2002a, № 205 (a. 978).

выделилась к X в. из среды имущих семейств Равенны. О происхождении и институционализации этой прослойки говорить сложно, но можно допустить, что консулы вышли из социального слоя, который соответствовал «*cives honesti*» («οι αδεσμοι ανδρες») византийских источников и был связан с деловой и профессиональной средой¹⁶⁰³. Антропонимическая картина однозначно указывает на их местное, итало-византийское, происхождение. Со стороны лиц, получивших или присвоивших себе этот титул, наблюдалось стремление легитимировать свой статус в складывающейся феодальной номенклатуре в условиях роста влияния высшей знати Равенны.

Их неустойчивое положение, возможно, толкало их в клиентские сети местной знати (например, графов Гуидов), но некоторые из них (в особенности семейство *de Ponte Augusti*) смогли возвыситься до статуса и влияния, сопоставимых с теми, что были характерны для герцогской и графской аристократии. В своей политике архиепископы, тем не менее, во многом полагались на них. Консулы нередко исполняли важные поручения архиепископии. В судебной грамоте 1014 г. адвокатом архиепископа Арнальда на тяжбе с представителями высшей знати (семействами Траверсариа и *Magister Militum*) выступал консул Атилиан. На тяжбе 1016 г. между монастырями св. Адельберта и Помпозой консул Лазарь был представителем «проархиепископской» стороны, в обязанности которого входило зачитывание папской грамоты, подтверждающей правомерность претензий монастыря Помпозы, подконтрольного Равенне и потому поддерживаемого архиепископией.

Заальпийская знать. Источники позволяют в известной мере проследить проникновение в наш регион франкской, лангобардской и, шире, заальпийской знати. Проникновение лангобардских элит в Пентаполь, в особенности в округа Сенигаллии и Озимо, проходило разными темпами, но, без сомнения, его пик пришелся на 726–751 гг. Нам известно, в частности, что фриульский герцог Сергей стал крупным собственником земли в Сенигаллии в 800–808 гг. Сергей, а

¹⁶⁰³ *Cosentino S.* Il ceto dei viri honesti (hoi aidesimoi andres) nell'Italia tardoantica e bizantina // *Bizantinistica. Rivista di Studi Bizantini e Slavi.* 1999. Vol. 1. P. 13–50.

вслед за ним и его сын сделали ряд щедрых подарков фриульским церковным корпорациям¹⁶⁰⁴. В отличие от Романьи (в узком смысле слова), где в источниках VIII–X вв. зафиксирован лишь один лангобардский топоним¹⁶⁰⁵, в округе Озимо источники свидетельствуют о таких топонимах, как *fundus Longobaldie*, *Sala Rupta*, *fundus Rotarici*¹⁶⁰⁶. О присутствии здесь различных категорий лангобардского населения говорит и внушительная доля арендаторов-эмпитевтов с германскими именами (61% именного фонда против 19% в Римини и 33% в Сенигаллии). Многие из них, возможно, имели франкское и лангобардское происхождение. По всей видимости, наиболее интенсивное проникновение лангобардов наблюдалось в 726–774 гг., однако их присутствие прослеживается и в дальнейшем, в т. ч. на всем протяжении X в. В их числе ариманн (*exercitalis*) с причудливым галло-римским именем *Vascaudanis*, арендующий на льготных условиях 60 модиев земли у архиепископа Сергия (748–769), гастальды Радигиз и Иоанн и *sculdascius* Гонорий¹⁶⁰⁷, обосновавшиеся непосредственно в городе. Другой гастальд, Аспранд, помимо всего прочего, имел в округе Озимо и земельную собственность¹⁶⁰⁸. Вслед за ними с IX в. в регион устремились и франкские поселенцы.

Обосновавшаяся в районе Озимо лангобардская, впоследствии и франкская элита, которая обзавелась резиденциями и недвижимостью в городе и земельной собственностью в пределах его *territorium*, вытеснила на второй план военную знать византийского происхождения. Лишь один раз среди арендаторов мы встречаем *magistr'a militum*¹⁶⁰⁹. Не позднее середины IX в. здесь появляется и франкская знать: регесты, в частности, фиксируют земельную аренду неким графом Гуидо¹⁶¹⁰. Небезынтересен и факт тесных связей между франкскими и лангобардскими элитами в этом округе, фиксирующийся в источниках начиная с

¹⁶⁰⁴ *Polverari A. Regesti Senigaliensi. P. 4–5. № 4–7.*

¹⁶⁰⁵ *Federici, № 2 (a. 973):* дорога *Petrosa* в округе Форлимпополи называется также *Langobardorum*.

¹⁶⁰⁶ *BER, № 119, 163, 122.*

¹⁶⁰⁷ *Ibidem, № 146.*

¹⁶⁰⁸ *Ibidem, № 153.*

¹⁶⁰⁹ *Ibidem, № 140.*

¹⁶¹⁰ *Ibidem, № 162 (a. 846–850).*

середины X в. Так, при заключении эмфитевтического контракта франком Эсмидом в 949–950 г. в свидетелях фигурируют три лангобарда¹⁶¹¹.

Их появление в городах Пентаполя, возможно, было обусловлено конкретными политическими процессами. Известно, что Людовик II, вступив в конфликт с папой Николаем I и оккупировав в 60-х годах IX в. города Пентаполя, согласно анонимной «Книге об императорской власти в городе Риме», распорядился о прекращении выплат Риму и раздал много должностей и бенефициев своим сторонникам¹⁶¹². «Гибридная» ситуация, связанная с тесным переплетением власти и должностных полномочий местных и пришлых элит, на которую указала еще Дж. Фазоли, наблюдалась в конце IX в. в Римини и Монтефельтро: в знаменитой судебной грамоте 885 г., наравне с *dux*, *magistr'om militum* и местными чиновниками (*tabelliones* и *dativi*), присутствовали гастальды и скабины. Оправданно связать эти сведения с раздачей бенефициев, о которой говорится в анонимной «Книге».

По всей видимости, франкская знать начала проникать на территорию Романьи и активно захватывать земли к явному неудовольствию папы еще в конце VIII в.¹⁶¹³, однако документально это подтверждается не ранее начала IX в. С 1-й половины IX в. судебные грамоты эпизодически фиксируют появление в Экзархате представителей каролингской публичной власти: графов (*comites*)¹⁶¹⁴, гастальдов¹⁶¹⁵, после франкского завоевания ставших управляющими графскими имуществами¹⁶¹⁶, а также императорских вассалов (*vassi*)¹⁶¹⁷, должностных лиц, в частности, судей (*scabini*)¹⁶¹⁸ и *missi* – особых уполномоченных императоров, которые могли являться как церковными иерархами (вплоть до епископов), так и

¹⁶¹¹ Benericetti 1999, № 69 (a. 949–950).

¹⁶¹² *De imperatoria potestate in urbe Roma libellus* / Ed. G. H. Pertz. Hannover, 1839 (MGH SS, 3). P. 721: *Nam Pentapoli beneficiales ordines suis distribuit, praecipiens nullam administrationem impendere Romae, exceptis suffragiis navali deportatione.*

¹⁶¹³ *Savigni R.* I papì e Ravenna. P. 338.

¹⁶¹⁴ Benericetti 2006, № 18 (a. 858), 19 (a. 850–859).

¹⁶¹⁵ *Ibidem*, № 18 (a. 858), 35 (a. 883).

¹⁶¹⁶ Benericetti 1999, № 26 (a. 905). Именно в этом качестве Додон, гастальд графа Теодериха, отстаивает на суде права на трех ариманнов у аббата монастыря св. Марии in Palatjolo Иоанна.

¹⁶¹⁷ Benericetti 2006, № 11 (a. 838): *Francho, Radandus vassis domni nostri imperatoris.*

¹⁶¹⁸ Fantuzzi 1802, № 5 (a. 885); Benericetti 2006, № 18 (a. 858), 54 (a. 896).

графами¹⁶¹⁹. Представители франко-каролингских элит присутствовали на судебных разбирательствах, затрагивающих интересы собственности архиепископии.

Конфликты между архиепископами и каролингской знатью восходят к 1-й половине IX в. Так обстоит дело с Bruningo, императорским вассалом, оспаривавшим в 838 г. у равеннского архиепископа Георгия на судебном процессе в Ровиго и Равенне владельческие права на унции от четырех *fundi* «*ex cogroga massis palutis Adrianensis*» в Адрии (Венето), находящихся в патримонии св. Аполлинария. Помимо этого, можно предположить, что представители императора активно вмешивались во внутренние дела архиепископии, что часто вызывало недовольство церковных властей. «Равеннский» капитулярный Ламберта 898 г. воспрещает графам, императорским уполномоченным (*missi*) и судьям останавливаться на постой или судить в пределах епископских резиденций¹⁶²⁰.

Начиная с середины X в. они укрепляют свое влияние в регионе, превращаясь в крупных архиепископских эмпитевтов. С 60-х гг. ряд земель получают в льготную аренду некоторые представители заальпийских элит, в частности, некоторые императорские вассалы¹⁶²¹.

Источники не оставили сведений о контroversиях между пришлыми элитами и знатью византийского происхождения; в этом смысле Романья отличается от Истрии. Напротив, местная аристократия и пришлая франкская знать в равной степени искали контактов и союзов друг с другом. Показательны сведения о смешанных брачных союзах. Раньше всего это явление получает

¹⁶¹⁹ О *missi domnici* см., напр.: *Palmieri A. Le carte giudiziarie ed i documenti private ravennati...*; См. *Benericetti 2006*, № 11 (а. 838), 19 (а. 860–859).

¹⁶²⁰ *Lamberti capitulare Ravennas* / Ed. A. Boretius et V. Krause. Hannover, 1897 (MGH Capit., 2). P. 110: *Ut in domibus ecclesiarum neque missus neque comes vel iudices quasi pro consuetudine neque placitum neque ospitium vindicent, sed in publicis rebus domos restituant, in quibus placitum teneant.*

¹⁶²¹ *Benericetti 1999*, № 63 (а. 949, Монтефельтро): *Urso scavino*; 73 (а. 953, Фано): *Iohannes gloriosus comes qui vocatur Bonizo*; *Benericetti 2002*, № 96 (а. 958, Болонья): *Adelberto Gracia Dei comes*; 102 (а. 960, Озимо): *Tetbaldo inclito comes*; 106 (а. 961, Феррара); 135 (а. 967, Озимо): *Grimualdo comes*; 140 (а. 968, Faventino acto Corniliense); 167 (а. 972, Болонья): *nobilissimus Petrus et Lambertus germani filii quondam Iohannis qui fuit filius quondam Petri marchionis*; 168 (а. 972, Болонья): *Uvarinus gracia Dei comes*; *Benericetti 2002a*, № 197 (а. 977, Фаэнца): *nobilis vir Tetbaldus imperialis vassus*; 219 (а. 981, Озимо): *Lamberto nobilis vir filio Smidonis comitis*; 224 (а. 982, Чезена): *nobilis vir Arardus comes*; 241 (а. 988, Дечимано, Форлиппополи).

распространение в Пентаполе. Из регесты BER 164, датируемой 806-810 гг., мы узнаем, что вдова магистра армии Фараона носила германское имя *Trasiperga*. В 846-50 гг. супругой дукса Иоанна из Озимо была *Ottiperga*¹⁶²². Принято думать, что брак риминийского дукса Мартина и графини Ингельрады, дочери веронского графа Апальда, состоявшийся между 870 и 889 гг., стал если не началом, то, во всяком случае, катализатором союзов поствизантийской аристократии и франко-каролингских элит. Присутствие в родственной группе дукса Мартина-старшего некой Вальбезинды, возможно, сестры *magistr'a militum* Петра и матери дукса Мартина, будущего супруга Ингельрады, заставляет полагать, что брачные союзы с германской аристократией восходят, как минимум, к 1-й половине IX в.

§ 2. Этапы складывания правящей элиты. В конце VIII – 1-й половине X вв. устанавливается особая социально-политическая ситуация, характеризующаяся неустойчивым равновесием сил между архиепископами и городской знатью. Это была конфликтная и хрупкая структура, постоянно раздираемая фракционными противостояниями группировок городской знати между собой и с церковными властями. Об этом как о чем-то будничном проговаривается Агнелл, сокрушаясь, что «ныне в понтифики посвящают с исключительной бранью и прением». Более того, своим «согражданам» он не без доли прозорливости предрекает в будущем «*bella et diversae lites inter se*»¹⁶²³, что в конце XIII столетия с грустью подтвердит Данте. В IX в. такой же диагноз ставит Петр Дамиани соседнему Римини, наполненному, по его словам, «реками слез» (*lacrimarum flumina funde*). Скорее всего, именно к этим временам восходит популярный равеннский миф о «*Clumbéna di Spiritusânt*» («голубке Святого Духа»), божественном арбитре, вмешательство которого чудесно разрешает трудные электоральные конфликты. Среди местной знати были, несомненно, как сторонники пропалской партии, тяготившиеся «новыми экзархами» и смотревшие в сторону далекого Рима, так и те, кто извлекал выгоду из дружеских, клиентских или родственных отношений с архиепископами.

¹⁶²² BER, № 125.

¹⁶²³ Agnellus. P. 344.

Еще в середине IX в. в Равенне сохранялась высоко конфликтогенная среда. Частично она была ритуализирована в практике воскресных «потешных» столкновений между городскими кварталами, не обходившихся без тяжелых увечий и человеческих жертв, хотя и обязывавших щадить соперника при условии произнесения пароля. Красочное описание таких битв оставил нам Агнелл, скорее всего, бывший непосредственным свидетелем этих стычек. Напрашивающиеся аналогии с константинопольскими цирковыми партиями не подкреплены никакими вескими доказательствами: природа этих практик, скорее всего, была аутогенной¹⁶²⁴. Повествование Агнелла содержит выпадающий из нарративных практик эпохи эмоциональный рассказ о вышедшем из-под контроля конфликте в правление архиепископа Дамиана (689/93–705/9), обернувшимся тайным, спланированным массовым убийством соперников из враждебного квартала. В ходе ответных акций имущество виновных было конфисковано и, в конечном итоге, уничтожено, а их самих, вместе с женами и детьми, подвергли «различным наказаниям» (скорее всего, смерти)¹⁶²⁵.

Сам характер рассказа, выпадающий из континуума жанровых нормативов и приемов и оставляющий крайне тягостное впечатление, свидетельствует о не поддающейся символизации травме: поведение и мотивы двух фракций не имеют логического объяснения. Показательно, что в этом рассказе нет действующих лиц, лидеров или конкретных ответчиков¹⁶²⁶. Вместе с тем нельзя не отметить важное для политической теории наблюдение, что долгосрочный конфликт способен трансформироваться в относительно стабильную властную конъюнктуру, которая может быть даже выгодной для некоторых ее участников. Упомянутый выше внутриклассовый компромисс ничуть не предполагал «сердечного согласия» местных «понтификов» с крупнейшими землевладельцами и другими «сильными людьми» города. Агнелл в середине IX в. чутко ощущает симптомы

¹⁶²⁴ *Brown T. S. Gentlemen and Officers. P. 100–101.*

¹⁶²⁵ *Agnellus. P. 301–305.*

¹⁶²⁶ Подробный анализ этого рассказа см. *Pizarro J. M. Writing Ravenna. P. 145–158.*

приближающегося раскола городской «солидарности», который созреет к середине X в.

Формальным отражением устойчивости этого компромисса в VIII–IX вв. были прочные позиции архиепископов, приватизировавших прежние полномочия экзархов и умело пользовавшихся дипломатическими рычагами в противостоянии с папами. Их власть покоилась на контроле над *exercitum* (как минимум до конца VIII в.) и обширным патримонием, конвертированным в инструмент формирования клиентелы среди местной знати. В региональной «политической экономии» патримоний св. Аполлинария был и огромным «доходным предприятием», поступления с которого, превращенные в золото и серебро, были необходимы для подкупа высших властей. Кроме того, *episcopium* сосредоточил в своих руках и широкие судебно-административные полномочия, выходявшие далеко за пределы юрисдикции над зависимыми от церкви лицами¹⁶²⁷. Еще при архиепископе Мартине (810–818) церковная власть была способной мобилизовывать население Равенны и «*suburbanae civitates*» на строительные работы в «столице» Романьи¹⁶²⁸.

Положение архиепископов как крупнейших земельных собственников, оформившееся в правление архиепископов-экзархов Сергия (744–769) и Льва (771–778), более или менее стабильно держалось до 40-50-х гг. X в. Уверенной линии на конфронтацию с папами последовательно придерживались архиепископы Мартин (810–818) и Деусдедит (846–850), а кульминация его пришлась на правление Иоанна VIII (X) (850–878), когда папы вынуждены были защищаться от вооруженной агрессии архиепископов, постоянно покушавшихся на папские имущества в Эмилии.

Любопытно письмо папы Николая I (858–867 гг.), обращенное к архиепископу Иоанну VIII (X), требующее пересмотра дела в отношении супруги «сенатора», обвиненной в измене и постриженной в монахини¹⁶²⁹. Р. Савиньи

¹⁶²⁷ *Brown T. S. The Church of Ravenna...* P. 23.

¹⁶²⁸ *Agnellus*. P. 349.

¹⁶²⁹ *Nicolae I papae epistolae* / Ed. E. Perels. Berlin, 1925 (MGH Epp., 6). Nr. 137 (a. 858–867). P. 656–657.

видит здесь признак исключительных правовых прерогатив Равеннской церкви, поскольку во франкских областях преступления подобного рода оставались сферой светского судопроизводства¹⁶³⁰. Вместе с тем, публичные позиции архиепископов были все же недостаточно сильны, чтобы говорить об автократии, и во многом держались на лавировании между крупнейшими надрегиональными политическими силами – папами, венецианцами, королями и императорами¹⁶³¹, в тесном сотрудничестве с местной знатью. В частности, Иоанн VIII (X), выходец из герцогского рода Сергиев, в середине – 2-й половине IX в. в своей агрессивной политике опирался на брата, дукса Григория.

Отношения со знатью, среди которых были сторонники проримской партии, как я уже сказал, не были безоблачными еще в византийское время. Показательна рассказанная Агнеллом история о его родиче Деусдедите, сыне трибуна, проклятого архиепископом из-за желания присвоить себе его имущество. Его смерть была оплакана всем народом (*nobiles et ignobiles*)¹⁶³². Принимая во внимание как общую тональность хрониста, крайне отрицательного оценивающего этого архиепископа, так и родство Агнелла с умершим юношей, можно разглядеть здесь контуры серьезного конфликта Иоанна с местной знатью. Р. Савиньи, вообще, склонен видеть в этой истории отражение антиаристократической политики епископа¹⁶³³. В VIII–X вв. конфискации собственности были, по всей видимости, обычным инструментом политического противостояния. Просьба папы Иоанна VIII о прощении своих сторонников в Равенне, дуксов Деусдедита и Иоанна, содержащаяся в письме архиепископу Роману от 878 г., ставит непременно условием восстановления их в правах над конфискованной собственностью, включавшей *res* и *homines*¹⁶³⁴. Злоупотребления

¹⁶³⁰ *Savigni R.* I papi e Ravenna. P. 348.

¹⁶³¹ *Lanzoni F.* Una epistola del Patriarca Fozio a Giovanni arcivescovo di Ravenna // *Atti e memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna.* 1919. Ser. IV, Vol. IX. A.a. 1918–1919. P. 137–142.

¹⁶³² *Agnellus.* P. 383.

¹⁶³³ *Savigni R.* I papi e Ravenna. P. 337.

¹⁶³⁴ *Fragmenta registri Iohannis VIII papae* / Ed. E. Caspar (MGH Epp., 3). 1928. Nr. 95 (a. 878). P. 90: Porro precipimus, ut res mobiles et immobiles seseque moventes Deusdedit et Iohannis

и преступления равенских *iudices* Элефтерия и Григория стали темой отдельного письма Адриана I Карлу Великому от 783 г.¹⁶³⁵ В 881 г. папа Иоанн VIII упрекает архиепископа за то, что тот поставил управлять городом графа Альберика к большому неудовольствию местной знати (*nobiles cives*).

В таких специфических условиях среди знати бытовали муниципальные традиции и представления о «гражданском самосознании», свидетельством чего служили такие, на первый взгляд, архаичные формулы, как «*senatus populusque Ravennis*», к которым, помимо *sacerdotes*, адресует свое письмо папа Иоанн VIII в 878 г. Упоминания заслуживает и формула «клир, сенат и народ», восходящая к Поздней Античности¹⁶³⁶ и подкрепляемая наличием электоральных традиций среди местной знати¹⁶³⁷. Агнелл не раз называет горожан Равенны *Melisenses* – онимом неясного происхождения, который ренессансная традиция выводит из испорченного латинского написания *Emilienses* («жители Эмилии»). Сложившаяся в городе конъюнктура, безусловно, пронизанная сверху донизу рентными и клиентскими отношениями, все же предполагала иную систему культурных нормативов, ритуалов и представлений, нежели та, что складывалась в зрелом феодальном обществе, хотя и была ему, до определенной степени, комплементарна.

На X в., особенно первую его половину, приходится вызревание сравнительно стабильной конъюнктуры на верхних этажах романьольского общества. Скорее всего, этому немало способствовало значительное ослабление позиций архиепископии в самом конце IX в., когда в 889 г., после поражения Беренгария в междоусобной войне и коронации Гуидо Сполетского в Павии, Равенна и земли Экзархата, будучи включенными в состав Итальянского

gloriosorum ducum, nostrorum consiliarorum, salvate et [in] illas, quas hactenus invasas habuerunt, ne ullam invasionem faciant, illorum hominibus defendite.

¹⁶³⁵ *Codex Carolinus* / Ed. W. Gundlach. Berlin, 1892 (MGH Epp., 3). Nr. 75. P. 605–607.

¹⁶³⁶ *Savigni R. I papì e Ravenna*. P. 350.

¹⁶³⁷ *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. С. 174.

королевства, были оккупированы войсками Гуидо, под давлением которых прошли выборы нового архиепископа Доминика (889–898)¹⁶³⁸.

Романьольская элита представляла собой в это время сложно стратифицированное сообщество церковных и светских земле- и домовладельцев (привилегированных арендаторов и, в меньшей степени, собственников) с большой густотой родственных, корпоративных и клиентских («квазивассальных») связей. Она включала в себя аристократизированное городское духовенство (от архипресвитеров до субдиаконов), а также низший клир, церковные (приюты, диаконии, школы певчих и т.д.) и монашеские корпорации, многие представители которых были отпрысками знатных фамилий и на тех или иных правах коллективно владели патримонием, который эксплуатировали, сдавая в эмфитевтическую или либеллярную аренду.

Светские землевладельческие элиты к середине X в. состояли из немногочисленных и тесно связанных друг с другом аристократических семейств итало-византийского и заальпийского происхождения, в основном проживавших в Равенне, Римини и других крупных городах региона. Скорее всего, это были большие гетерогенные коллективы с сильными горизонтальными связями, где наследование «должности-титула» не было регламентировано и зависело от тщательно продуманной семейной стратегии. В историко-антропологической литературе коллективы такого рода хорошо известны под немецким термином *Sippe*. Особое место в рамках такой общности занимал слой состоятельных земле- и домовладельцев средней руки («консулы») и «нетитулованной» знати (многочисленных «клариссимов» и «нобилей», о которых мы знаем, к сожалению, немного), а также вписанной в нобилитет городской торгово-ремесленной верхушки и муниципальных должностных лиц (писцов-табеллионов и гражданских судей-*dativi*).

Эти сообщества ревностно сохраняли титулатуру и традиции имянаречения и поддерживали тесные связи с архиепископией, скрепленные льготными арендами имуществ церковного патримония, что обеспечивало их доходами от

¹⁶³⁸ *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 140.*

ренты, перераспределявшейся внутри этой корпорации. Экономические и политические интересы светских элит смыкались. Не наблюдалось и серьезных столкновений между заальпийской знатью и поствизантийской военно-служилой верхушкой.

Таким образом, применительно к X в. справедливо говорить о едином правящем классе, в котором рельефно выделялись «роды» (*domi*) крупнейших землевладельцев, постепенно укреплявших свою территориальную власть – дуксов (*duces*), корни могущества которых восходят к Экзархату, и графов (*comites*) – представителей, главным образом, «новой» знати заальпийского происхождения. В это время окончательно кристаллизировались складывавшиеся в IX в. крупнейшие знатные семейства: Гуиды (потомки графини Ингельрады и дукса Мартина (ум. 896), сына дукса Григория, появившегося в источниках не позднее 838 г., и некой Вальбезинды), Сергии и Ромуальды (отпрыски дукса Ромуальда), *Magistri Militum*, Траверсариа, а также несколько консульских (*de Ponte Augusti*) и торговых (*de Marini*) семейств.

Конечно, политическая конъюнктура среди местной знати постоянно колебалась: в середине X в. наибольшим влиянием как будто бы пользовались Сергии/Ромуальды, но начиная со 2-й половины X в., если судить по судебным грамотам, становится более или менее ясным последовательное возвышение герцогов Траверсариа, быстро поднимавшихся в протоколах *placita* начиная с судьбоносного 967 г. и обогнавших Сергиев/Ромуальдов уже в 70-е гг. В судебном процессе 983 г. представители этого многочисленного семейного коллектива упоминаются в первых же строках протокола, сразу после духовных иерархов. Следом за Траверсариа на правах «младших» партнеров начинают появляться и связанные с ними *Magistri Militum*.

Об определенной зрелости и консолидации господствующего класса к середине – второй половине X в. по сравнению с «формативными» VIII и IX столетиями можно судить по качественным изменениям в титулатуре. В источниках X в. продолжают встречаться хорошо нам знакомые титулы, отражающие определенную социальную иерархию и некогда существовавшие

среди светских элит региона должностные компетенции. Это *dux (ducarissa)*, *dux et comes*, *dux et iudex*, *magister militum*, *consul* (самостоятельно или в словосочетаниях *consul et tabellio*, *consul et iudex*, *consul et negociator* и т.д.), *tribunus*, *comes*, *iudex*, *dativus*, *praefectus*, *pater civitatis*, *vir clarissimus*, *vir magnificus* (*magnifica femina*), *nobilis vir* (*nobilissima femina*), *inlustris vir*, *laudabilis vir*. Вместе с тем в их использовании наметился серьезный сдвиг. Он связан как с девальвацией системы рангов и почетных титулов и присвоением их широкой категорией средних и крупных землевладельцев, так и значительным упрощением титулатуры, сопровождаемым изменением ее содержательной нагрузки и функционального назначения.

Во-первых, почетные эпитеты (*magnificus*, *clarissimus* и *illustis*) давно уже не соответствовали сложной византийской титулатуре, в которой клариссимат стоял рангом выше, чем иллюстрат, а последний, в свою очередь, превосходил нобилиссимат¹⁶³⁹. Ясное понимание иерархии титулов, связанных с разрядами знати, исчезло уже во 2-й половине VI–VII вв.¹⁶⁴⁰ Так, в одном документе 2-й половины IX в. эпитет *magnificus* служит полным синонимом *clarissimus*, поскольку употребляется взаимозаменяемо¹⁶⁴¹. Другим характерным примером размывания и девальвации этой иерархии служит широкое распространение лиц, присвоивших себе титул «консула». Этот вопрос был подробно рассмотрен выше.

Во-вторых, концентрация земельной собственности привела к упрощению сложной византийской иерархии и последовательному вытеснению должностных рангов среднего и низшего звена (трибуны, доместики, префекты, отчасти – магистры армии). К концу XI в. в Равенне сохраняются лишь титулы *dux*, *comes*, *iudex* и *pater civitatis*, каждый из которых (за исключением, пожалуй, *iudex*) был приватизирован крупными аристократическими семействами и утратил всякую связь с должностными функциями, а то и превратился в фамилию. Характерен в

¹⁶³⁹ Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим // ВВ. 1956. Вып. 24. С. 35–48.

¹⁶⁴⁰ Brown T. S. *Gentlemen and Officers*. P. 131.

¹⁶⁴¹ Benericetti 2006, № 31 (a. 850–877): ego *Honestus vir magnificus filius quondam Honesti dutj*; ego *suprascripto Honesto vir clarissimus filius quondam Honesti dutj*.

этом смысле и пример Римини, где должность *pater civitatis* трансформировалась в родовое имя *Parcitate*, крупного аристократического семейства, «хозяев» города к XII в. и предводителей местной фракции гибеллинов¹⁶⁴².

Несмотря на практику смешанных браков и общность классовых интересов, взаимозаимствование титулов приняло все же очень ограниченные масштабы. Оно встречается исключительно на вершине иерархии владельческой знати и, вероятно, являются частью продуманной политической стратегии. Так, супруги графиня Ингельрада и дукс Мартин в либелле 888–889 г. носят герцогский титул (*dux* и *ducarissa*), но уже в дарственной 893 г. оба фигурируют как *gloriosissima comitissa* и *gloriosus comes*. Точно так же ее супруг именуется и после его кончины в документах X в.¹⁶⁴³ Упомянутый в одном из источников 2-й половины X в. *gloriosus comes* Иоанн Боницо был сыном дукса Сергия¹⁶⁴⁴. В обоих случаях обращает на себя внимание как использование традиционно «византийского» эпитета *gloriosus* (*ένδοξος*), так и принятие «франкского» по происхождению титула *comes*. С этого же времени появляются и такие «гибридные» титулы, как *dux et comes*¹⁶⁴⁵, *clarissima/illustrissima comitissa*¹⁶⁴⁶.

О зрелости и консолидации господствующего класса к середине X в. говорит и тот факт, что публично-правовые и частные акты X в. содержат представление о знати уже как об особой категории населения. Начиная с постановления равеннского синода 955 г. в местных публично-правовых актах фигурирует выражение *maxima pars populi*¹⁶⁴⁷. Это понятие включает церковных

¹⁶⁴² Jones P. J. *The Malatesta of Rimini and the Papal State*. Cambridge, 2005. P. 21.

¹⁶⁴³ Benericetti 1999, № 2 (a. 901): *domna Angelrade nobilissima femina comitissa relicta quondam bone memorie [Martini] comes*.

¹⁶⁴⁴ Ibidem, № 73 (a. 953): *Iohannes gloriosus comes qui vocatur Bonizo*; Benericetti II, 113 (a. 963): *ad Iohanne qui vocatur Bonizo, filio quondam Sergio duci*.

¹⁶⁴⁵ Federici, № 2 (a. 973).

¹⁶⁴⁶ Benericetti 2003, № 12 (a. 1003).

¹⁶⁴⁷ Термин *populus*, известный папской корреспонденции VI–VIII вв., встречается и у Агнелла. Как правило, у него он всегда используется в таких выражениях, как «клир и народ» (*clerus populusque*). Что касается прочих публичных документов, то он встречается в документе 837–838 гг. в составе выражения *confamuli vestri sacerdotes, iudices, clerus et populus eiusdem ecclesie* (Benericetti 2006, № 12, a. 837–838). Подробнее об этом см.: *Бородин. О. Р.* Равеннский экзархат. С. 294. В частно-правовых документах он встречается гораздо реже. Обращает на себя

иерархов от епископов до субдиаконов, графов, герцогов (*duces*), консулов, судей (*dativi*), табеллионов и торговцев во главе с капитулярием Маринием¹⁶⁴⁸. В судебной грамоте 973 г. среди разряда знатного населения – *ordo nobiliorum* – присутствовавшего в свите равеннского архиепископа Онеста, названы, в числе прочих, судьи, консулы и гастальды¹⁶⁴⁹. Наверху этой иерархии находились наиболее влиятельные семейства герцогской и графской аристократии; рангом ниже располагалась торговая верхушка и мелкая городская знать (*consules*), а также связанные с ней муниципальные чиновники (судьи и табеллионы). Эту иерархию сохранили как списки присутствующих на судебных заседаниях, так и *subscriptiones*, а также следующие за ними т.н. *notitia testium* в эсхатоколах частных актов. Наглядное представление об этом мы можем получить из изучения *notitia testium* двух актов 855 и 978 гг.; жирным цветом выделены отмеченные в источниках титулы свидетелей (или отпрысков их носителей)¹⁶⁵⁰.

Таблица 26. Примеры из *notitia testium* IX-X вв.

Notitjam testium (a. 855)	idest	Notitia testium (a. 978)	idest
Romanus in D. n. duci [...]	Natalis	Sergius v.cl. dux	De civitate Ravenne
Atilianus humilis filius qnd.	Atilianus	Paulus v.cl. f.	Romanus q.v. Romizo
Iohannis fili	Gregorii dativus	Apolinaris v. cl. f.	Deusdedit [consule] de Ponte Augusti
Vitalianus inlustris consul		Everaldus v. cl. f.	Ursus iudex de Cupario
Vitalis umilis filius	Spereindeo	Dominicus v.cl. tabellio	De Sponio

внимание характеристика населения феррарского прихода (*cunctos clero et omnis populo*), арендуемого неким диаконом в 965 г. (Benericetti 2002, № 118).

¹⁶⁴⁸ Benericetti 1999, № 86 (a. 955): *dum residere in sinodum domno Petro reverentissimo e[t...] cum eo ibique residents reverentissimi episcopi atque astantibus religiosissimis abbatibus atque presbiteri et diaconibus et subdiaconibus et maxima pars pop[uli... ..]negociatoribus [et t]abellionibus eorum nomina plura notantur.*

¹⁶⁴⁹ Benericetti 2002, № 178 (a. 973): *et cum eo etiam residentibus quamque multitudo fulgidoque fama pollentibus tam romanorum et langobardorum archiepiscoporum ducum, comitum, presbyterorum, diaconorum et aliorum gradum clericorum, iudicum, consulum, castaldiorum et aliorum ordinum nobilium.*

¹⁶⁵⁰ Benericetti 2006, № 16 (a. 855), Benericetti 2002a, № 207 (a. 978).

Тем не менее, наиболее репрезентативными являются именно судебные протоколы. Несмотря на то, что в них упоминается множество лиц неясного статуса и общественного положения (хотя и очевидно, что оно было достаточно высоким), судебные списки всегда начинаются с церковных иерархов, далее же следует перечень дуксов, графов, их отпрысков, различных «нобилей» и, наконец, консулов. В *placitum* 973 г. мы сталкиваемся именно с такой вертикальной структурой, где после епископов следуют графы, за ними – священники, далее – дуксы Траверсариа и *Magistri Militum*, следом – консулы. В другом *placitum* 1001 г. консулы также замыкают список титулованной знати.

§ 3. Отношения собственности. Исследуя облик равеннской знати, невозможно обойти стороной наиболее важный и значимый аспект его социально-политического господства – отношения собственности. Вопрос этот лежит не только в поле исследовательского интереса современных историков; он проступает и в рефлексии Агнелла, равеннского интеллектуала IX в. Все его повествование обнаруживает настоящую озабоченность вопросами собственности, преимущественно, но не исключительно, церковной, связанными с ней конфликтами, судьбами состояний и доходов, правовыми контroversиями. Цель данного раздела – выявить социальные источники и природу крупного землевладения романьольской знати.

В отличие от некоторых соседних регионов, светское землевладение Романьи складывалось на римско-правовых началах, на которые наложила свой отпечаток конкретно-историческая ситуация – состояние военного пограничья, в котором находился регион в VI-VIII вв. после колонизации полуострова лангобардами. Сказалось и прямое влияние византийских порядков, не вполне идентичных римским. Перерастая частноправовую стихию, присущую римскому праву, здесь постепенно пробивает дорогу качественно новый тип собственности, который в советской историографии квалифицировался как собственность «феодалного типа», обладавшая, как известно, условной, корпоративной и

иерархической природой¹⁶⁵¹. Отправным пунктом ее складывания стала система эмфитевтических договоров – долгосрочных аренд, на которых покоилось материальное благополучие равеннской знати в первые столетия после коллапса византийской администрации. Я попытаюсь установить место эмфитевтической аренды в структуре региональных правоимущественных отношений как особой во многих отношениях переходной формы собственности, обладающей, тем не менее, самостоятельным историческим содержанием.

Отношения собственности всегда представляли собой многообразный и сложный комплекс общественных отношений. Имеет смысл разводить понятие собственности как юридического отношения «человек-вещь», с одной стороны, и общественного отношения «человек-человек», опосредованного вещью, с другой¹⁶⁵². При этом важно иметь в виду два диалектически связанных друг с другом обстоятельства. С одной стороны, реальные отношения собственности, находившиеся в процессе непрерывного движения и развития, нередко расходились с правовыми нормами и никогда ими не исчерпывались. Отсюда скептицизм многих историков по поводу информативности правовых норм, нередко граничащий с откровенным пренебрежением юридическими памятниками как неполными и ненадежными источниками знаний о прошлом. С другой стороны, будучи дистиллятом бурлящего котла человеческих отношений, юридические нормы были тем универсальным языком, на котором люди формулировали свои интересы, конструировали понятные и адекватные формы и способы социального взаимодействия. Стойкое и не вполне обоснованное игнорирование вопросов собственности в исторических документах столь же опасно, сколь и традиционно презираемый представителями ряда научных школ и направлений «юридизм», «легализм» и «формализм» своих более консервативных коллег. Именно поэтому видеть в эмфитевзисе, скажем, один лишь политико-символический аспект (ослабленный вариант вассальных отношений) так же

¹⁶⁵¹ См. *Барг М. А.* О природе феодальной собственности // ВИ. 1978. № 7. С. 84–104; *Филиппов И. С.* Земельная рента и проблема феодальной собственности... С. 44–60.

¹⁶⁵² См. *Шкредов В. П.* Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973. С. 245–257.

однобоко, как и игнорировать его нефеодалные элементы и не принимать во внимание его весомое экономическое содержание как особой формы реализации земельной ренты.

Прежде всего, изучение вопросов собственности нужно предварить внешними пространственно-количественными выкладками. Весь земельный фонд Экзархата VI–VIII вв. можно поделить на три основных блока¹⁶⁵³. Это, в первую очередь, земли византийского фиска, продукт эволюции муниципальной собственности, церковная и светская собственность, существовавшая, в свою очередь, в трех условно выделяемых формах (средняя, крупная и мелкая)¹⁶⁵⁴. Фонд земель, находившихся в церковной собственности, рос на всем протяжении VI–VIII вв. В византийский период Церковь владела земельными богатствами и городской недвижимостью в обоих Пентаполях, Сицилии, Умбрии, Истрии, районе Феррары и Венето. Формирование архиепископского патримония имеет сложную и запутанную историю, на деталях которой здесь не стоит останавливаться подробно. Его последовательная экспансия, обязанная благочестивым дарениям императоров¹⁶⁵⁵ и частных лиц, а также отчуждениям земель фиска на условиях узуфрукта, наблюдалась с VI в.¹⁶⁵⁶ Не последнюю роль в этом процессе сыграли и конфискации имущества готской (арианской) церкви после 552 г. Какая-то часть земель, вероятно, была прямо уступлена Церкви государством. Т. Браун полагает, что еще в VII в. значительные комплексы фискальных земель могли быть отчуждены в пользу Церкви как первоклассного администратора и надежного налогоплательщика¹⁶⁵⁷. О. Р. Бородин справедливо замечает, что Равеннская архиепископия, приватизировав *publicum*, заменила прежнюю муниципальную организацию¹⁶⁵⁸.

¹⁶⁵³ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 198.

¹⁶⁵⁴ Там же. С. 191.

¹⁶⁵⁵ Brown T. S. The Church of Ravenna and Imperial Administration in the Seventh Century // The English Historical Review. 1970. Vol. 94, № 170. P. 3.

¹⁶⁵⁶ Salazar I. S. Las transformaciones de la fiscalidad en el territorio de Rávena... P. 126; см. также: Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 132, 201.

¹⁶⁵⁷ Brown T. S. The Church of Ravenna... P. 17–19.

¹⁶⁵⁸ Бородин О. Р. Эволюция муниципального устройства в северо-восточной Италии... С. 121–122.

Ситуация существенно меняется во второй половине VIII в. Крах константинопольской власти и возвышение архиепископов повлекли за собой ликвидацию фонда государственных земель, в том числе воинских наделов, которые перетекли в архиепископский патримоний или, в меньшей мере, оказались приватизированы светскими лицами. Э. Балдетти справедливо полагает, что приватизация *publicum* архиепископской курией и воинской элитой могла иметь место в период 726–774 гг., как до, так и после падения константинопольской власти. Скажем, *fundus Monte Auxiliano* (*Aucellano*), в котором угадывается воинский надел, уже в правление архиепископа Сергия (748–769) находился в составе домениальных земель архиепископии. Регесты «Баварского кодекса» сохранили отрывочные сведения о бывших фискальных землях, перешедших в собственность архиепископии. В записи BER 92 отмечено, что с участками арендуемых площадей граничит *prata q(ui) fuit ex iura q(uo)n(d(aum) genesia* (от греч. «γενηκόν»), в значении принадлежности к фиску)¹⁶⁵⁹. А. Кариле допускает такую же этимологию *fundus Geniciano*, упомянутого в регесте BER 29 (770–777), принадлежность которого неясна, и *fundus Ieniciano*, пребывающего в собственности архиепископа. Впрочем, есть основания и сомневаться в такой трактовке. Другой *fundus Geniciani*, согласно папирусу 575–591 г., уже в конце VI в. находился в собственности частного лица; кроме того, С. Лазард полагает правомерным возводить топоним к римскому имени *Genicius*¹⁶⁶⁰. Тем не менее, не вызывает возражений предположение А. Кариле о происхождении топонима *Cattolica* (важной военно-стратегической зоны на побережье к югу от Римини, центрированной вокруг *castrum Conke*) от фискальных земель, выделенных на нужды военной организации Экзархата¹⁶⁶¹.

В конечном итоге Церковь оказалась собственником большинства фискальных земель. Последнее упоминание *loca publica* в юрисдикции *palatii Ravennatis*, деятельность которого прекратилась не позднее середины VIII в.,

¹⁶⁵⁹ *Baldetti E.* La Pentapoli Bizantina... P. 26.

¹⁶⁶⁰ *Lazard S.* Studio onomastico del Breviarium. P. 51.

¹⁶⁶¹ *Carile A.* Katholika/Catholica/La Catolga // *Cattolica/katholica. Un arsenale dell'Esarcato* / Ed. A. Carile, M. L. De Nicolo. Milano, 1988. P. 7–23.

содержится в привилегии от 782 г., которой папа Адриан пожаловал подконтрольному архиепископской курии Равенны монастырю св. Аполлинария в Классисе несколько *fundi* в приходе Солюстра города Имолы и в округе Фано¹⁶⁶². Этот документ исключительно важен потому, что юридически оформляет фактическую ликвидацию государственной собственности: папа отчуждает в пользу монастыря «...все земли (*loca publica*), находящиеся в ведении равеннского дворца на правах публичной собственности (*iuris publicitjs*), которыми вы владеете в какой-либо местности или округе»¹⁶⁶³. Таким образом, к концу VIII в. фонд государственных имуществ, постепенно сокращавшийся в течение VI–VII вв., был полностью ликвидирован. Это находит свои параллели и в Римском дукате, где, как считает К. Уикхэм, папская власть, избавившаяся от опеки Константинополя, начиная с 3-й четверти VIII в. аналогичным образом приватизирует фонд государственных земель¹⁶⁶⁴. Параллельно с этим в северо-восточной Италии наблюдается постоянный рост архиепископского патримония, обязанный как благочестивым дарениям и завещаниям, так и экспроприации имуществ других церквей – в первую очередь, патримония св. Петра и, возможно, Аквилейского патриархата. Во всяком случае, после VII в. мы больше не встречаем собственности Аквилейской церкви в южных регионах Экзархата. Отражением фактического положения вещей стала формулировка «*ius dominiumque sanctae Ravennatis Ecclesiae cui est proprietas*», которую служащие архиепископской канцелярии включали в поземельные сделки.

С ослаблением и коллапсом константинопольской власти в VIII в. экономической базой существования знати становилось среднее и крупное землевладение. Образование патримониев крупных землевладельцев итало-византийского происхождения сопровождалось мобилизацией земель и вытеснением слоя мелких посессоров, наметившимся задолго до развала

¹⁶⁶² Последующие упоминания *loca publica* в монастырских актах, например, в эмфитевзисе 942 г. (Muzzioli, 6), возможно, являются воспроизводством архаичного клише.

¹⁶⁶³ Benericetti 2006, № 7 (а. 782): *omnem loca publica ubicumque tenere visi estis in qualibet loco vel territorio omnia iuris publicitjs palatji nostri Ravennatis.*

¹⁶⁶⁴ Wickham C. *Medieval Rome*. P. 21.

византийской администрации. Это явление имело место и в ранневизантийский период, когда давление фиска и связанная с ним хроническая задолженность вынуждали мелких трудовых собственников, в частности, так называемых агеллариев (*agellarii*), уступать свое имущество крупным землевладельцам и чиновникам. От VI в., ознаменованного письмами Григория Великого, порицавшего тяжесть налогового гнета, до нас дошел также ряд документов продажи земли такими мелкими собственниками из нескольких регионов Экзархата¹⁶⁶⁵. Эти процессы, хотя и с меньшей интенсивностью, но продолжались и в поствизантийский период, подтверждением чему служат две дошедшие до нас грамоты 2-й половины VIII и IX столетий¹⁶⁶⁶.

Каковы были источники формирования крупного светского землевладения? Можно согласиться с А. Кариле в том, что патримонии крупных земельных собственников, происходящих из среды византийской военно-служилой знати, состояли из трех компонентов¹⁶⁶⁷. Во-первых, это частная собственность, входящая в наследуемый семейный патримоний, которая существовала в той или иной форме всегда, несмотря на формальные законодательные запреты¹⁶⁶⁸. Так, грамота от 767 г. оформляет акт дарения монастырю знатной собственницей Евдокией нескольких имений, «доставшихся ей от родителей». Во-вторых, это владение, как правило, церковной землей, на условиях эмфитевтической аренды, что опять-таки воспрещалось законодательством, в частности, Эклогой; в-третьих, это приватизированные земли фиска (*publicum, fischus publicus*), в числе которых – воинские наделы. Невозможно установить даже примерную величину патримониев *pleno iure*, однако некоторые представления об этом можно получить из нескольких дарственных грамот VIII–IX вв. В 767 г. упомянутая мной знатная вдова Евдокия завещала Церкви целых 12 *fundi* (большинство, за исключением *fundus Gaciolo*, – целиком)¹⁶⁶⁹. Согласно другой дарственной от 752

¹⁶⁶⁵ Marini, № 120 (a. 572), 121 (mid. VI s.).

¹⁶⁶⁶ Venericetti 2006, № 5 (a. 767), 23 (a. 852–868).

¹⁶⁶⁷ Carile A. *Terre militari, funzioni e titoli bizantini...* P. 90.

¹⁶⁶⁸ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 221.

¹⁶⁶⁹ Venericetti 2006, № 4 (a. 767).

года, клирик Урс, сын дукса, дарит монастырю Нонантола, целиком или частично, 25 fundi. Впрочем, подлинность этого документа, введенного в научный оборот А. Гийу, остается дискуссионной¹⁶⁷⁰, поэтому принимать во внимание эти сведения можно лишь с оговорками. Ок. 800 г. дукс Сенигаллии Сергей завещает монастырю св. Михаила Архангела в *Brondolo* земли в восьми fundi. За неимением информации о более крупных патримониях *pleno iure* из VIII в. придется считать 10–12 fundi верхней границей в определении размеров крупной собственности. Как кажется, таких собственников в VII–VIII вв. было довольно мало. Любопытно в этой связи замечание К. Уикхэма, предположившего, что 10 имений были максимумом для североитальянских (лангобардских и византийских) землевладельцев VIII в.¹⁶⁷¹

Одним из важных источников формирования крупной и средней собственности в регионе был фонд бывших воинских наделов. Региональное войско постепенно превращалась в иррегулярное ополчение, набиравшееся из мелких земле- и домовладельцев (*possessores*). Его территориальный характер резко сокращал его мобилизационный и оперативный потенциал. Одним из возможных источников снабжения *exercitus*, вероятно, стало внедрение в VII в. некоего аналога системы *milites limitanei*¹⁶⁷², в соответствии с которой по крайней мере часть солдат и офицеров получили в пользование земельные наделы из фонда фискальных и императорских имуществ, возможно, целыми подразделениями. Само существование этой системы в Экзархате остается дискуссионным. О.Р. Бородин и Т. Браун отрицают наличие этой системы в Италии в связи с отсутствием надежных свидетельств¹⁶⁷³. Тем не менее, такая

¹⁶⁷⁰ В нем Т. Браун склонен видеть в нем фальшивку X в. См.: *Brown T. S. Gentlemen and Officers*. P. 190.

¹⁶⁷¹ *Wickham C. Rethinking the Structure of the Early Medieval Economy // The Long Morning of Medieval Europe. New Directions in Early Medieval Studies / Ed. J. R. Davis and M. McCormick. Aldershot, 2008. P. 27.*

¹⁶⁷² *Baldetti E. La Pentapoli bizantina... P. 17.*

¹⁶⁷³ *Brown T. S. The Church of Ravenna and the Imperial Administration... P. 3–4. Противоположная точка зрения: Treadgold W. The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 7, Okeanos: Essays Presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. 1983. P. 619–631.*

практика существовала в Римском дукате. О ней нам известно, например, из устойчивой формулы, восходящей к VIII в. и бытовавшей в римских документах вплоть до 1-й половины XI в., когда постоянная армия уже давно исчезла, а *scholae*, реликты гвардейских подразделений, выполняли в Экзархате сугубо церемониальную роль. В полном соответствии с византийским законодательством она регулирует порядок отчуждения арендуемого имущества эмфитевтой, согласно которому делается исключение для «*riis locis vel publico numero militum seu bando*», сдача которым земли воспрещается¹⁶⁷⁴, что благоразумно предупреждает об опасности фактического закрепления за собою арендаторами такого рода владельческих прав на полученную в аренду землю.

Ценнейшим и, к сожалению, единственным источником о системе воинских наделов Экзархата и Пентаполей является топонимия, обстоятельно изученная С. Лазард, Ф. Фиори, Э. Балдетти, А. Кариле и другими исследователями. Речь идет, во-первых, о блоке топонимов, связанных с конкретным назначением земли (дислокация воинского контингента или оборонительная роль) или профессиональной характеристикой ее владельцев. Такова, по-видимому, природа *fundus Scalaria*¹⁶⁷⁵, название которого образовано от *scola* – воинского подразделения, а также *Sculca*, возможно, восходящего к особому роду легковооруженных войск (*exsculcatores*), известных еще в V в. и выполнявших патрульные службы¹⁶⁷⁶. Сюда же следует добавить *fundus Straciano*, *Monte Aucellario/Auxiliares* (видимо, от названия каких-то вспомогательных войск, набираемых из федератов), *fundus Numeriano* (от «*numerus*»), находившийся в районе Губбио, *fundus Numero* (округ Форлимпополи)¹⁶⁷⁷, *fundus Sagittatorium* (от

¹⁶⁷⁴ Marini, № 136; *Mittarelli G. Annales Camaldulenses ordinis Sancti Benedicti. Vol. II. Venetiis, 1535. Appendix. № 120 (a. 1025). P. 272.*

¹⁶⁷⁵ BER App. III, № 4a.

¹⁶⁷⁶ Помимо «Стратегикона» Маврикия, они упоминаются, в частности, у Вегеция: *Post hos erant ferentarii et leuis armatura, quos nunc exsculcatores et armaturas dicimus (P. Flavii Vegeti Renati. Epitoma rei militaris. Epitoma rei militaris / Ed. A. Önnersfors. Stuttgart; Leipzig, 1995. Lib. II, 15. P. 77).* См. *Fiori F. Tracce della presenza bizantina nella toponomastica dei territori dell'esarcato e della pentapoli // Archeologia e storia di un territorio di confine / A cura di C. R. Montebelli. Roma, 2008. P. 95–96.*

¹⁶⁷⁷ Benericetti 2010, № 354 (a. 988).

«sagittarius», «лучник») и т.д.¹⁶⁷⁸ Fundus Turriclis («башенка», от лат. «turris») включал campo Stabulis (от «stabulum», «стоянка», «конюшня»)¹⁶⁷⁹: там, видимо, некогда располагался аванпост с конюшней и пастбищем для выпаса коней. К северу от Равенны, неподалеку от Ардженто, топонимия сохранила два характерных названия – Vando и Filo, в которых угадываются названия структурных подразделений византийского войска¹⁶⁸⁰.

Во-вторых, военно-поселенческая система отражена в культурах особо почитаемых среди военных святых, импортированных с греческого Востока¹⁶⁸¹. Ярким признаком милитаризации всех сфер общественной жизни служит распространение в Романье и, в особенности, в Пентаполе, культов воинских святых – св. Георгия и св. Виталия. Церкви, включая приходские, и капеллы, посвященные св. Георгию, встречаются даже в округе Равенны¹⁶⁸², но чаще на пограничных территориях – в округах Болоньи¹⁶⁸³, Феррары¹⁶⁸⁴, где этому святому посвящен кафедральный собор¹⁶⁸⁵, а также в Пентаполе: в округах Римини, Озимо¹⁶⁸⁶, на «территории» Сенигаллии, где мы находим terra S(an)c(t)i Vitalis с расположенной там одноименной церковью¹⁶⁸⁷. Интересна формулировка terra S(an)c(t)i Vitalis et S(an)c(t)i Georgii: очевидно, что церковь, в собственности которой находилась данная земля, была посвящена обоим святым¹⁶⁸⁸. В округе

¹⁶⁷⁸ BER, № 166, 109.

¹⁶⁷⁹ BER, № 24.

¹⁶⁸⁰ Bocchi F. Ferrara, una città fra due vocazioni: urbanistica e storia da piazzaforte militare a centro commerciale // Insedimenti nel Ferrarese. Dall'età romana alla fondazione della cattedrale. Firenze, 1976. P. 133.

¹⁶⁸¹ См.: Orselli A. M. Santità militare e culto dei santi militari nell'impero dei Romani (secoli VI–X). Bologna, 1993; Fiori F. Tracce della presenza bizantina... P. 89–92.

¹⁶⁸² Benericetti 2006, № 29 (a. 850–877): in monasterio sancti Georgii martiris. Que non longe ab ipso monastero constructum esse videtur.

¹⁶⁸³ Benericetti 2002, № 96 (a. 958): constituto territorio [Bononi]ense, plebe Sancti Georgii.

¹⁶⁸⁴ Benericetti 2006, № 48 (a. 893): territorio Ferrariense, plebe Sancti Stephani et Sancti Georgii; Benericetti 1999, № 32 (a. 919): [...territorio] Ferrariensi, plebe ipsius Sancti Georgii qui vocatur in Tamara.

¹⁶⁸⁵ Benericetti 2002, № 118 (a. 965): territorio Ferrariense, iure episcopio Sancti Georgii martiris Xpisti.

¹⁶⁸⁶ Ibidem, № 98 (a. 959): [... territorio Ausima]no, plebe sancti Georgii.

¹⁶⁸⁷ Ibidem, № 93 (a. 956–957); Benericetti 2002a, № 193 (a. 976): terra Sancti Vitalis, ubi est fundata ipsa ecclesia Sancti Vitalis. См. также BER, № 84, 85.

¹⁶⁸⁸ BER, № 108.

Римини приходская церковь св. Георгия располагалась в замке Конке¹⁶⁸⁹ – милитаризованной зоне, в окрестности которой находилось множество воинских наделов. Как видно, следы этой системы землевладения наиболее отчетливо прослеживаются в пограничных регионах византийских владений, однако судьба имений, связанных со служебной организацией, не оставляет сомнений, что не позднее X в. от воинских наделов остались лишь специфические названия, и всякая связь этих объектов с прежними держателями и сопутствующей службой была утрачена.

Представители равеннских *militiae*, входящие в *exercitus*, солдаты (*milites*) и офицеры низшего и среднего ранга (примицерии, domestici, бандифоры, драконарии) в рамках тех или иных номеров (отрядов по 200–500 чел. во главе с трибунами)¹⁶⁹⁰ и их подразделений-банд (*bandi*), имеющих числовые наименования (*bandus Primus, Secundus, Novem* и т.д.), продолжают появляться в источниках как минимум до конца VIII в. Однако перестают фигурировать в числе церковных эмфитевтов и, потеряв полномочия и статус, по всей видимости, сливаются с массой средних и мелких землевладельцев (*possessores*), составлявших ее основную социальную базу. Примером сращивания солдат и офицеров низшего звена (примицериев и доместиков), приватизировавших свои надельные или как-то иначе приобретенные земли, с прослойкой *possessores* является воин (*miles numeri* [...]) Петронакс из Губбио, некогда завещавший церкви *fundi Turrita, Fraxinita, Vicirianus, Casa Alta, Preturio* и *Preturiolo*¹⁶⁹¹. Некоторые из них, в частности, *Casa Alta, Turrita*, судя по топонимам, были прежде аванпостами с прилежащими к ним землями. Другой пример – примицерий Иоанн, владевший землей в *fundus Cellula*, достаточной, чтобы совершить в 700 г. скромное дарение в пользу монастыря св. Иоанна Крестителя¹⁶⁹². По всей видимости, к этой

¹⁶⁸⁹ Fantuzzi 1804, № 10 (а. 996): *Plebem S. Georgii astri Concae cum Oratorio S. Stefani cum pertinentiis suis.*

¹⁶⁹⁰ В документальных источниках VIII в. (700–767 гг.) встречаются различные номера (*numerus Armeniorum, numerus Letorum, numerus Invictus, numerus Iuniorum*), восходящие к военной реформе 710–711 гг.

¹⁶⁹¹ BER, № 169.

¹⁶⁹² Benericetti 2006, № 1 (а. 700).

прослойке примыкали и мелкие крестьянские собственники (*agellarii*). Так, дарственную грамоту от 767 г. агеллария Альбана в пользу архиепископии подписали рядовой воин, domestик и бывший трибун¹⁶⁹³. Как кажется, такая собственность была крайне неустойчивой и время от времени поглощалась крупной. Характерно, что формулы аграрных контрактов X в. различают уже лишь *venerabilia loca* («владения благочестивых учреждений»), *loci publica* (скорее всего, не более, чем дань традиции), и земли *potentis personae* (региональных магнатов)¹⁶⁹⁴.

Регесты «Баварского кодекса» свидетельствуют о поглощении земель военных и бывших воинских наделов крупной аристократией, в частности, дуксами Мартинами, а также архиепископской курией. Имение *Monte Auxiliares* в пределах Римини к 748–769 гг. находилось в составе доменных земель Равеннской церкви и к X в. было раздроблено на мелкие крестьянские parcelлы¹⁶⁹⁵. В записи BER 76 мы узнаем о parcelле (*porcione*), которую держал бандифор Доминик, о пяти небольших виноградниках (*pecias vinearum*), которые держал драконарий Секунд, а также об участке луга (*planca prati*) трибуна Урса и целом луге ауктента риминийского нумера. Все эти небольшие наделы, некогда закрепленные за военными, оказались в составе патримония дукса Мартина.

Интересна судьба имений-*fundi*, чьи топонимы образованы от греческого «*δουλεία*» («служба»). Скорее всего, они являлись фискальными землями, отчужденными на условиях военной службы¹⁶⁹⁶, и после 751 г. оказались в собственности Церкви. *Fundus Duliolo* в районе Озимо, оказавшийся под контролем Равеннской церкви, был уже при архиепископе Петронаксе (817–834) разделен на parcelлы¹⁶⁹⁷, а часть *fundus Dulia* в округе Римини при архиепископе Мартине (810–816) была арендована вдовой дукса Юлиана¹⁶⁹⁸. Прочие *fundi* с

¹⁶⁹³ Benericetti 2006, № 6 (a. 767).

¹⁶⁹⁴ Muzzioli, № 6 (a. 942): *escepto alia venerabilia loca seo publica vel cuiuslibet potentis personae*.

¹⁶⁹⁵ BER, № 33 (a. 748–769): *de sorte in fundo Flaviano [...] posito iuxta Montem Auxiliarem domnicatum sancte Ravennatis ecclesie*.

¹⁶⁹⁶ Carile A. *Terre militari, funzioni e titoli bizantini*. P. 90.

¹⁶⁹⁷ BER, № 139.

¹⁶⁹⁸ *Ibidem*, № 20.

аналогичными названиями граничат с патримониями дуксов Мартинов¹⁶⁹⁹ и, вероятно, родственной им семейной группы трибуна Петра¹⁷⁰⁰.

Уже к X в. частота упоминаний земельных объектов в собственности светских лиц существенно снижается. Не исключено, что крупная светская собственность в регионе находилась в кризисе¹⁷⁰¹. Трудности в изучении размеров частнособственнических патримониев создают как фрагментарность источников, препятствующая формализации данных и адекватному количественному анализу, так и то, что львиная доля сведений о предмете содержится в благочестивых дарениях.

Дарения *pro anima* впервые появились в Равенне в начале VII в., в Галлии и Вестготской Испании – с середины этого века¹⁷⁰². Эти дарственные, в основном, сохранили древний формуляр, встречающийся нам еще в акте 625 г.¹⁷⁰³ Подобные сделки заключались людьми высокого социального статуса, владельцами обширных территориальных комплексов. В каждом отдельном случае они преследовали собственные мотивы и стратегии, за каждой грамотой стояло огромное многообразие ситуаций, поэтому выявить лейтмотив этих актов, помимо установления патрон-клиентских отношений с духовными учреждениями, достаточно сложно. Различались они и по содержанию. В одних случаях они сохраняли за традентом узупфрукт или иное право пользования, в других случаях дарения вступали в законную силу только после смерти традента (так называемые дарения *post obitum*)¹⁷⁰⁴. Некоторые дарения совершались вдовами, иногда – по воле покойного супруга. Очень часто дарили целые *fundi*, а иногда и *massae*. Это было обусловлено высоким статусом крупного собственника, способного распоряжаться землей ради нематериальных

¹⁶⁹⁹ BER, № 76.

¹⁷⁰⁰ Ibidem, № 46.

¹⁷⁰¹ Castagnetti A. Le strutture fondiarie ed agrarie... P. 62.

¹⁷⁰² Magnani E. Du don aux églises au don pour le salut de l'âme en Occident (IVe–XIe siècle): le paradigme eucharistique Pratiques de l'eucharistie dans les Églises d'Orient et d'Occident (Antiquité et Moyen Âge). Actes du séminaire tenu à Paris, Institut catholique (1997–2004). Vol. II. Les réceptions / Ed. N. Bériou, B. Caseau, D. Rigaux. Paris, 2009. P. 1021–1042.

¹⁷⁰³ Marini, № 94.

¹⁷⁰⁴ Muzzioli, № 16 (a. 957).

приобретений (спасение души кого-либо из умерших родственников) или конкретных социальных стратегий (приобретение покровительства Церкви как надежного гаранта собственности; стремление обеспечить кого-либо из родственников должностью в той или иной монастырской корпорации; установление патроната над монастырем с наложенными на реципиента обязательствами¹⁷⁰⁵). Нельзя исключать и трудности в управлении обширными территориальными комплексами, делавшими их малопродуктивными и экономически беспроспективными¹⁷⁰⁶. Но чаще всего эти дарения маскируют конкретные (и неизвестные нам) политические обстоятельства, связанные с земельными конфликтами между собственниками и Церковью¹⁷⁰⁷. В таких случаях дарение земли вполне могло погасить конфликт.

Для нас в данном случае важна динамика благочестивых дарений. Скорее всего, она, пусть и не в деталях и нюансах, отражает общую картину постепенного вымывания собственности светской знати. Если из общего фонда грамот Архиепископского архива за 700–900 гг. до нас дошло около 11 дарений (ок. 19%), то за следующие пятьдесят лет сохраняется всего одна грамота (1,4%), а за период 950–1000 г. – всего около трех (1,4%). Конечно же, дарения, особенно в пользу церквей и монастырей, кстати, далеко не всегда попадавшие в архиепископский архив, не прекращались и в XI–XII вв. Однако обращают на себя внимание размеры отчуждаемой недвижимости: в XI вв., судя по дарениям в пользу монастыря св. Аполлинария Ново, это чаще всего небольшие участки пахотной земли (пеции) или огороды. Но все эти данные ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Нам ничего не известно о соотношении земель, находящихся в собственности и арендуемых на условиях эфитевзиса. Крупные патримонии никогда не пребывали в статическом состоянии: земли продавались, сдавались в аренду и дробились между наследниками, их правовой статус постоянно менялся. Кроме того, крупные землевладельцы, помимо архиепископских имуществ,

¹⁷⁰⁵ Federici, № 2 (a. 973).

¹⁷⁰⁶ Brown T. S. *Gentlemen and Officers*. P. 191.

¹⁷⁰⁷ Benericetti 1999, № 19 (a. 911); Benericetti 2002, № 109 (a. 963).

арендовали и недвижимостью других епископств, например, владений патримония св. Петра. Семейство графа Гуидо владело *per precepto* (скорее всего, на условиях эмфитевзиса) от Римской церкви *monasterium* св. Фомы с принадлежавшими ему угодьями в округе Римини¹⁷⁰⁸. Благоприобретенные земли, в свою очередь, также могли сдаваться в эмфитевтическую и либеллярную аренду разным категориям арендаторов¹⁷⁰⁹. В некоторых случаях земли, видимо, с целью предотвращения раздела между наследниками, жаловались знатью заблаговременно основанным *monasteria*, во главе которых оказывались их близкие родственники (об этом пойдет речь ниже). Имущества могли быть проданы Церкви и получены обратно на условиях эмфитевтической аренды на льготных основаниях¹⁷¹⁰ или с предоставлением права пользования, развившегося из *узифрукта* (т.н. *more salario, ius salarium*).

Природа эмфитевтической аренды. Начиная с середины – второй половины VIII в. благополучие знати достигалось через экономическое сотрудничество с крупнейшими собственниками земли – архиепископской курией и другими «благочестивыми учреждениями». Инструментом получения земли (или доходов с нее) являлся эмфитевтический договор, функции которого не исчерпывались его экономической ролью и, по выражению Я.-О. Чедера, носили «политико-дипломатический характер». Основы территориальной власти будущих крупнейших феодальных владетелей региона закладывались, таким образом, на базе отчуждаемого на условиях долгосрочной аренды архиепископского патримония.

Тем не менее, семейные группы знати, нередко проживавшие в городе и не выступавшие организаторами и распорядителями производства, владели землей все-таки как арендаторы, пусть и на долгосрочных основаниях, создававших, в целом, благоприятные условия для укрепления территориальной власти тех или иных землевладельцев. Но эти условия, существующие лишь в потенции и

¹⁷⁰⁸ Benericetti 1999, № 49 (а. 943).

¹⁷⁰⁹ Ibidem, № 3 (а. 903).

¹⁷¹⁰ BER App. II, № 5.

реализуемые только в долгосрочной перспективе, в благоприятных обстоятельствах, с социологической точки зрения были не более феодальными, чем ближайший аналог эмфитевзиса – ближневосточная икта¹⁷¹¹.

Как уже было показано в главе, посвященной крупному хозяйству, многие эмфитевты предпочитали приспособляться к сложившейся модели хозяйствования, уже бытовавшей на арендуемых землях, становясь, таким образом, лишь звеном в системе перераспределения рентных доходов. Сдерживающим фактором для реализации сеньориальных амбиций знати здесь выступало уже не государство, а сама общественная структура – особая форма внутриклассового компромисса, в которой ни знать, сравнительно бедная не только по позднеимским, но и по франкским меркам, ни крупнейший собственник, зависимый от клиентских сетей нобилитета, не были достаточно сильны, чтобы навязать друг другу ту или иную экономическую и политическую модель. Эмфитевтический контракт, неоднозначный и противоречивый по своей природе, не был, таким образом, анахронической формой, скрывающей феодальное содержание. Напротив, до определенного момента он адекватно отражал *modus vivendi* господствующего класса. В эту эпоху под эмфитевзисом следует понимать именно эмфитевзис, и ничего больше.

Складывание слоя землевладельцев, чье благосостояние покоилось на аренде земли у Церкви (архиепископии, городских церквей и монастырских корпораций), конечно же, не было уникальным явлением, присущим только северо-восточной Италии. Подобная картина наблюдается и в другом крупном поствизантийском регионе, а именно в округе Рима в IX–XI вв., где практически вся земля находилась в собственности многочисленных римских церквей и сдавалась в эмфитевтическую аренду частным лицам.

Итак, свое адекватное фактическое выражение среднее и крупное землевладение получает в юридической форме эмфитевтического контракта (и, гораздо реже, льготной либеллярной аренды). Эта форма землевладения

¹⁷¹¹ Cahen C. L'évolution de l'iqṭā du IXe au XIIIe siècle : contribution à une histoire comparée des sociétés médiévales // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1953. 8e année. № 1. P. 49.

появилась в этом регионе в VII в., и, получив повсеместное распространение в течение VIII–IX вв., господствовала в Романье вплоть до эпохи Штауфенов и даже более позднего времени¹⁷¹². По мнению Я.-О. Чедера, на территории северо-восточной Италии эмфитевзис появился под влиянием византийской административной традиции непосредственно после отвоевания полуострова Византией в 540 г. и затем был воспринят папскими управляющими. Но при этом до нас не дошло ни одного равеннского эмфитевзиса VI в.

О его бытовании в VII в. можно судить лишь по акту 639 г.¹⁷¹³, согласно которому отчужденные три унции имения немедленно были сданы в эмфитевтическую аренду траденту. Кроме того, в «Баварском кодексе» в форме эксцерпты имеются сведения об эмфитевтическом договоре, заключенном в годы правления архиепископа Дамиана (691–708 гг.). Зная о практике хранения эмфитевтических грамот в архиве, можно предположить, что пожар, случившийся, согласно Агнеллу Равеннскому, в правление архиепископа Дамиана, мог уничтожить документы VI–VII вв. Но распространение эмфитевзиса и его последующее утверждение в качестве господствующей формы землевладения в VIII–IX вв. вряд ли можно объяснить улучшением сохранности документов в это время. Налицо важные общественные сдвиги, выразившиеся в полной победе рентных отношений в жизнеобеспечении господствующего класса к середине VIII в., перед которой текущее законодательство, в целом, было бессильно. Так, Эклога четко прописывает, что «гражданские и военные архонты» (ἄρχοντες πολιτικοὶ ἢ στρατιωτικοὶ) не могут быть эмфитевтами¹⁷¹⁴.

Остановимся подробнее на социально-правовом и социально-экономическом содержании эмфитевзиса, являющимся ключом к пониманию особенностей крупного землевладения в Романье VIII–X вв. Несмотря на свое

¹⁷¹² См. *Theisen F.* Studien zur Emphyteuse in ausgewählten italienischen Regionen des 12. Jahrhunderts: Verrechtlichung des Alltags? Frankfurt am Main, 2003; *Срединская Н. Б.* Эмфитевзис в Ферраре XII–XIV вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 2010. Вып. 31. С. 172–183.

¹⁷¹³ Marini, № 95 = Tjäder 22.

¹⁷¹⁴ Ecloga 12.1 (Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1983. S. 212).

древнее происхождение, правовая природа эмфитевзиса в зрелом виде была раскрыта только в постклассическом праве. Эмфитевзис вырос из практики сдачи в аренду земель «римского народа» (*ager publicus*), становившихся *agri vectigales*, а позже, начиная с III в., он юридически закрепил практику сдачи в аренду земель императорского дома (*fundi patrimoniales*); свое оформление как разновидности вещного права он получил уже в V в. в законодательстве Зенона. Начиная с VII в. эмфитевзис получает преимущественное распространение на церковных землях. Согласно Юстинианову праву, зафиксировавшему основные черты эмфитевзиса, выработанные в практике к VI в., он представлял собой бессрочную наследственную аренду с обязательством ежегодного внесения арендной платы (обычно *canon*, в наших источниках – *pensio*), а также обработки и улучшения (*φυτεύω*) земли за счет собственных средств арендатора.

Долгосрочность эмфитевтической аренды вытекала из исторических условий его возникновения: сдача в аренду пустующих или запущенных земель сама по себе не предполагала краткосрочного характера такого правоотношения в связи с объективными трудностями введения в сельскохозяйственный оборот неводеланных земель. Ввиду тесной связи эмфитевзиса с обычным правом, логика социально-экономического развития постоянно вносила серьезные коррективы в правовую практику, позволяя выделять и различать разные типы эмфитевзиса в регионах раннесредневековой Италии¹⁷¹⁵.

И правоведам, и самим собственникам было хорошо понятно, что эмфитевтическая аренда таит в себе опасность утраты фактического контроля над сдаваемой недвижимостью¹⁷¹⁶. Само законодательство определяло эмфитевзису особое положение *ius tertium* между куплей-продажей и арендой¹⁷¹⁷. В равеннских актах IX–XI вв. также можно встретить указания на то, что эмфитевтическая аренда мыслилась как одна из форм отчуждения недвижимости наряду с

¹⁷¹⁵ *Pivano S. I contratti agrari...* P. 265.

¹⁷¹⁶ *Diehl C. Etudes sur l'administration byzantine...* P. 296.

¹⁷¹⁷ *Бородин О. Р. Равеннский экзархат.* С. 392.

дарением, куплей-продажей и завещанием¹⁷¹⁸. Локальное развитие такого типа аренды могло пойти достаточно далеко. Некоторые эмфитевтические договоры конца X в. из округа Имолы, заключавшиеся церковными учреждениями с представителями местных элит, показательно назывались «*paginae refusionis*»¹⁷¹⁹. Они не прописывали сроки длительности контракта и не накладывали на арендодателя штрафы, что наводит на мысль о фактически полном отчуждении имущества. Об этом с прямым упреком говорил впоследствии и Петр Дамиани, указывая на то, что такие арендаторы владеют приобретенным таким образом имуществом «почти как собственники» (*propriario quasi iure*)¹⁷²⁰.

Неудивительны в этой связи многочисленные запреты и ограничения в предоставлении эмфитевзиса тем или иным лицам или учреждениям, время от времени санкционированные государственными и церковными властями и обсуждавшиеся даже на соборах¹⁷²¹. Григорий Великий, рассказывая о нюансах управления имуществами папского патримония на Сицилии, отмечает, что некоторым просителям отказывалось в предоставлении эмфитевзиса¹⁷²². Текст дарственной 731 г. из Равенны ясно прописывает, что переходящий в собственность монастыря св. Аполлинария «плодородный» *fundus* не мог быть отчужден, обменен или сдан в аренду на правах эмфитевзиса под страхом церковного проклятия¹⁷²³. Очевидно, его хозяйственное значение было слишком

¹⁷¹⁸ Benericetti 2003, № 15 (a. 1004): *ut non liceat vobis suprascripto abbas neque tuis successoribus eas res que superius legitur vendere neque donare aut per enfiteusin ordinere, neque comutuare...* Подобные представления о долгосрочной (эмфитевтической) аренде сохранились и в византийском законодательстве X в. См. *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976 – 1081 гг. М., 1977. С. 17.

¹⁷¹⁹ Ch. Im., № 1 (a. 964).

¹⁷²⁰ Die Briefe des Petrus Damiani. Teil 2: Nr. 41–90 (MGH Epp. 2, Die Briefe der deutschen Kaiserzeit 4) / Hrsg. von K. Reindel. München, 1988. Nr. 74. S. 373.

¹⁷²¹ Marini. P 363.

¹⁷²² Gregorii I Papae registrum epistolarum. T. 1. L. I–VII (MGH Epp. 1) / Ed. P. Ewald et L. M. Hartmann. Berolini, 1891. P. 90–91: *Multi huc veniunt, qui terras aliquas vel insulas in iure Ecclesiae nostrae in emphiteusin sibi postulant dari. Et aliquibus quidem negamus, aliquibus vero iam concessimus.*

¹⁷²³ Benericetti 2006, Appendice (a. 731): *ut si quis successor sedis ecclesie(ue) actor vel abba prepositus huius venerabilis templi praenominat(us) fundum ... alienare praesumserit, vel commutuare, aut per enfiteuseos chartula largire, aeternam condemnatione sustineat cum traditore Iuda.*

велико, а опасность утраты фактического контроля над собственностью и доходами была столь явственна, что потребовала дополнительной санкции. Императорский диплом 967 г. в пользу монастыря св. Севера прописывает запрет на сдачу монастырских земель кому-либо в аренду на условиях «либеллы, какого-либо другого договора или же эмфитевзиса, за исключением тружеников, которые возделывают землю своими руками»¹⁷²⁴. Если верить другому императорскому диплому 972 г., хозяйство монастыря Сант-Аполлинаре-ин-Классе в X в. было в глубоком упадке в том числе из-за эмфитевтических аренд¹⁷²⁵. Далеко не все дарственные накладывают ограничения на сдачу имущества в эмфитевзис, однако часто такая возможность прописывается особо¹⁷²⁶.

Попытаемся выделить ряд общих черт, свойственных всем равенским эмфитевтическим договорам VII–XI вв. Во-первых, эмфитевзис, как правило, предоставлялся на срок жизни трех последовательно сменяющих друг друга поколений: арендатора, его детей и внуков. Это полностью соответствует Юстинианову законодательству: «Мы, таким образом, в одной из наших конституций постановили ограничить длительность эмфитевзиса тремя поколениями: получателем и двумя его наследниками»¹⁷²⁷. Это справедливо для большинства категорий эмфитевтов, включая духовных лиц: в последнем случае арендатор имел право передать имущество двум поколениям наследников, которых он оставит или пожелает назначить¹⁷²⁸. Когда эмфитевтой выступает светское лицо, длительность контракта описывается формулой «*seu filiis et nepotibus nostris*»¹⁷²⁹. Исключения встречаются, но нечасто. В отдельных случаях

¹⁷²⁴ Benericetti 2010, № 350 (a. 967): *nullus eiusdem monasterii abbas aut monachus facultatem habeat res ecclesie distribuere per libellos, seu per aliqua munimina aut per enfiteusin, nisi laboratoribus qui propriis manibus terram laborant.*

¹⁷²⁵ Ibidem, № 351 (a. 972).

¹⁷²⁶ Ibidem, № 336 (a. 959): *teneas, possideas, hutendi, fruendi, enfiteosin hordinandi et disponendi.*

¹⁷²⁷ Nov., 7. Praefatio: *Ideoque nos in quadam nostrarum constitutionum definivimus quidem usque ad personas tres emphyteosin fieri, accipientis et duorum successorum aliorum.*

¹⁷²⁸ Benericetti 2002, № 131 (a. 967): *et duobus successoribus meis cui ego relinquere aut designare voluero per meum testamentum aut per quancumque modo vel titulo.*

¹⁷²⁹ В этом смысле трактовку О.Р. Бородина, сделавшего вывод на основании изучения регест BER, что эмфитевиз являлся бессрочной арендой, следует признать ошибочной. Конечно же, записи BER, в отличие от актов, в этом отношении более чем скудны, однако, например, BER

длительность договора ограничена сроком жизни арендатора («omnibus diebus vite»)¹⁷³⁰ или двумя поколениями¹⁷³¹. Эксцерпт BER 186 особо оговаривает предоставление аренды на четыре поколения. Иногда после внуков указаны последующие наследники (heredes): в принципе, это может означать фактически вечнонаследственный характер аренды¹⁷³². Курьезны случаи, когда в одном документе соседствуют формулы, гарантирующие владельческие права на три поколения и параллельно фиксирующие традиционный для либелл и договоров найма, зафиксированных в Эклоге, 29-летний срок¹⁷³³. Серьезные изменения претерпевает эмфитевзис в руках церковных корпораций, церквей и монастырей, чьи договоры иногда содержат упоминания о пяти и шести поколениях арендаторов¹⁷³⁴, а также вечнонаследственная аренда (in perpetuum), также допускавшаяся законодательством.

Обычно в грамотах указывается, что арендуемое имущество после кончины арендаторов («post transitum nostrorum») возвращается в собственность (proprietas) Церкви. Тем не менее, в случае отсутствия прямых наследников эмфитевта был вправе их назначать¹⁷³⁵. Если же договор заключался целым родственным или соседским коллективом, то имущество переходит «ad ille qui supervixerit» и его наследникам¹⁷³⁶.

Во-вторых, это прямая связь договора с культивацией и мелиорацией земли, что сближает его с либеллярным контрактом. Эти условия содержатся уже в

86 прямо говорит о трех поколениях арендаторов (seu filiis et nepotibus). Скорее всего, это условие опускалось в регестах BER потому, что полагалось само собой разумеющимся.

¹⁷³⁰ Benericetti 2006, № 17 (a. 858), Benericetti 2002a, № 269 (a. 997).

¹⁷³¹ Federici, № 12 (a. 986): liceat tibi derelinquere in hunc tuum successorem cui volueris per quovis modis designare.

¹⁷³² Benericetti 2006, № 46 (a. 892): seo filiis et nepotibus et heredibus omnium nostrorum; Benericetti 1999, № 51 (a. 943): filiis nepotibus heredibusque futuris possidendum; Muzzioli, № 13 (a. 951): filiis et nepotibus et prolongandam nostra hereditate.

¹⁷³³ Benericetti 1999, № 72 (a. 952)

¹⁷³⁴ Benericetti 2002a, № 194 (a. 975–976): et quinque successoribus tuis; Muzzioli, № 22 (a. 964): et sex successetricis tuas; Ibidem, № 30 (a. 978), etc.

¹⁷³⁵ Benericetti 1999, № 87 (a. 956): si filium vel filiam non habuerimus licentiam sit nobis ordinare in duobus successoribus nostris; Ibidem, № 81 (a. 955): seu fil(iis) et nepotibus mei aut hunc successorem meo qual(iter) adsignavero seo fil(iis) sui; Benericetti 2002, № 97 (a. 959).

¹⁷³⁶ Ibidem, № 161 (a. 972): et si unus ex nobis sine heredibus mortuus fuerit, ipsa suam portione cadat [ad ille] qui supervixerit seo filiis et nepotibus suis; Muzzioli, 35 (a. 979).

одном из самых ранних дошедших до нас эмфитевзисов VII в.¹⁷³⁷ Арендатор обязан обрабатывать почву (*cultare*), осуществлять мелиорационные мероприятия (*meliorare*), иногда – расчистки (*roncare*) и расширение площадей (*propaginare*), а также проводить строительные и ремонтные работы (*restaurare*) в случае аренды городской недвижимости. Все это делается за счет собственных средств арендатора¹⁷³⁸. Кроме того, не допускается никакой задержки по улучшению земли¹⁷³⁹. При этом Церковь свободна от каких-либо компенсационных обязательств. Любопытно, что понимание прямой связи договора с культивацией земли сохранилось (или было реанимировано?) в XII в.: в одном из актов этого времени сказано, что «... контракт культивации земли по-гречески именуется эмфитевзисом»¹⁷⁴⁰. Таким образом, на мой взгляд, равеннский эмфитевзис не являлся особым (безусловным) типом эмфитевтического контракта, как полагает О. Р. Бородин¹⁷⁴¹. Другое дело, что нам неизвестно, в каком мере эмфитевта выполнял объем своих обязательств. Скорее всего, собственник на деле не вмешивался в условия хозяйствования. Например, договор пролонгации эмфитевзиса, заключенный виликом Виталием в 942 г., свидетельствует, что арендуемые им земли «нынче полностью заросли лесом»¹⁷⁴².

В-третьих, эмфитевтические аренды предполагали внесение льготной денежной платы – *pensio*, что, в свою очередь, допускало определенную хозяйственную самостоятельность эмфитевты. Теоретически это гарантировало ему большой простор для выбора культур и способа хозяйственного использования земли, но, как уже было сказано выше, вплоть до середины - второй половины X в. на их землях не встречаются какие-либо особые формы

¹⁷³⁷ Marini, № 132 (s. VII).

¹⁷³⁸ Типичная формула: *nichil de omni expensa quam inibi fecerimus ab actoribus in superius affixa pensione reputari debeamus*.

¹⁷³⁹ См., напр., Benericetti 2002, № 94 (a. 958): *Nullamque tardietatem aut nelectum tam ad inferendam suprascripta pensionem quamque as culturam vel melioratione de ipsa predicta media massa facere debeatis*.

¹⁷⁴⁰ Fantuzzi 1801, № 134 (a. 1165): *Contractum meliorationis causa greco vocabulo enfiteosis solet vocari*.

¹⁷⁴¹ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 206.

¹⁷⁴² Muzzioli, № 6 (a. 942): *nunc omnino in silvis reiacere videntur*.

ведения хозяйства, отличные от тех, что практиковались в церковных поместьях. Судя по традиционным формулам, а также по появлению с 1-й трети X в. документов, которые можно условно назвать квитанциями (*deasepta*), *pensio* уплачивался актору (церковному управляющему) в марте-месяце в ректории или другом учреждении архиепископии¹⁷⁴³. Практически всегда арендная плата вносилась деньгами; исключения крайне редки и предполагают не долевые, а абсолютные расчетные показатели нормы ренты, что также говорит о ее льготном характере¹⁷⁴⁴.

Наконец, эмфитевзис, как и либелла, предполагал определенные права в операциях с землей. Периодически в случаях, когда эмфитевтами выступает целая группа арендаторов, все операции, включая продажу, покупку и иные формы отчуждения, разрешены только в рамках этого объединения¹⁷⁴⁵. Скорее всего, фактические переделы земли внутри правящего слоя были довольно частым явлением, и собственник далеко не всегда вмешивался в эти процессы.

Собственник, конечно, располагал способами воздействия на не устраивающих его эмфитевтов. Скорее всего, к ним прибегали в моменты возрастания социальной напряженности, когда обнажались острые конфликты с землевладельцами, представлявшими реальную угрозу имущественным правам Церкви. Так, условия аренды предполагали, что в случае двухлетней задержки (*infra biennium*) в выплате *pensio* контракт по закону (*ut leges censunt*) расторгался после выплаты крупного штрафа, и арендатор сгонялся (*expellere*) с земли. Это условие также соответствует Юстинианову законодательству¹⁷⁴⁶. В договорах

¹⁷⁴³ См. Benericetti 1999, № 27 (a. 917), 34 (a. 921), 36 (a. 924), 38 (a. 928), 41 (a. 932), 42 (a. 933); Muzzioli, № 31 (a. 978); Benericetti 2002a, 250 (a. 987–991).

¹⁷⁴⁴ Примером может служить грамота Benericetti 1999, № 75 (a. 954). В этом случае натуральная рента вносится только за арендуемую мельницу и островок; арендная же плата за холм *Granagio* вносится в денежном эквиваленте в размере 12 денариев. Натуральная рента также фигурирует в Muzzioli, № 14 (a. 953), Fantuzzi 1801, № 31 (a. 958), Benericetti 2002, № 125 (a. 966), 174 (a. 973): в последнем случае сбор и доставка ренты (амфоры вина) ложатся на плечи субарендаторов (*homines*). См. также Fantuzzi 1801, № 82.

¹⁷⁴⁵ Benericetti 1999, № 83 (a. 955): *Et ne cuiqua(m) presens enfiteusin aut s(uprascripta) res dare v(e)l vendere seu transferre aut commutare v(e)l in alio ven(erabili) loco relinquere audeam(us) nisi inter nos petitores.*

¹⁷⁴⁶ Nov., 7.3.2.; Nov. 120, 8.

указано, что арендатор «...не будет злоумышлять против своей благодетельницы, Равеннской церкви, а если возникнет конфликт, он должен быть разрешен в соответствии с законом».

Эта формула, встречающаяся еще в арендном договоре экзарха Феодора Каллиопы в VII в., не изменилась в течение VIII–XI вв., однако ее реальное содержание, как кажется, приближалось к протовассальной клятве. Ее применение в политической практике получило отражение в рассказе Агнелла, посвященном наказанию горожан, изгнавших архиепископа Иоанна (ок. 724 – ок. 748) в Венето. Его представитель, скриниарий Епифаний, упрекает предателей, заявляя, что у каждого из них имеется «письменная владельческая грамота» («*praeseptum de rebus exaratum*»), в соответствии с которой они не имеют права ни по какой причине (*de quacumque causa*) действовать или свидетельствовать (*ого mussitis*) против святой церкви или понтифика этого престола¹⁷⁴⁷. Штраф за нарушение договора, как правило, тоже был выше, чем в либеллярных контрактах.

Таким образом, эмфитевзис VIII–XI вв. являлся привилегированным типом аграрного контракта. Арендатор-эмфитевта не был связан с земледельческим трудом и в подавляющем большинстве случаев не являлся непосредственным производителем. Эта характеристика является ключевой в анализе равеннского эмфитевзиса, поскольку эти промежуточные группы включают большой спектр социальных категорий и статусов от высшей герцогской аристократии до сельских управляющих. Сюда входила военно-служилая знать византийского происхождения, франко-каролингские, а впоследствии и немецкие элиты, знатные и имущие горожане, отдельные духовные лица и целые корпорации, а также многочисленные нетитулованные лица неясного статуса.

В пользу того, что эмфитевзис являлся нетрудовым владением, возможно, говорит и отсутствие глагола *laborare* (и его синонимов) в формуле

¹⁷⁴⁷ Agnellus. P. 330.

перезаключения контракта¹⁷⁴⁸, характерного для либеллярных договоров. Но есть и более весомые доводы в пользу этой точки зрения. Конечно, отношения субаренды, через которые эмфитевта реализовывал свои владельческие права, как кажется, негласно подразумевались сами собой. Но эмфитевтический контракт не исключал и письменно оговоренной возможности сдачи недвижимости в субаренду¹⁷⁴⁹. Например, в эмфитевзисе 966 г. прямо прописано разрешение сдачи земли в аренду колонам¹⁷⁵⁰. Встречается и эмфитевтическая аренда самих наделов колонов¹⁷⁵¹. Характер нетрудового держания сохраняется даже в тех редких случаях, когда арендатор уплачивал натуральную ренту. Ее размер, как правило, был невелик, производство продукта, в любом случае, было возложено на зависимых от эмфитевтов субарендаторов, а его доставка ложилась на плечи их уполномоченных¹⁷⁵². Наконец, во многих случаях в натуральную ренту входили дорогостоящие продукты (оливковое масло, вино, соль, осетрина), в которых была заинтересована архиепископия¹⁷⁵³, что подразумевало особые, привилегированные отношения Церкви с арендатором, становившегося поставщиком ценного продукта.

Во-вторых, эмфитевзис предполагал аренду достаточно крупных земельных комплексов. Впечатляет перечень имуществ, которые арендуют супруги Лев и Репарата в 891 г.: в документе можно насчитать участки из 22 (!) *fundi*, при этом как минимум два *fundi* арендуются целиком¹⁷⁵⁴. Это наблюдение нельзя абсолютизировать, ибо случаи аренды достаточно крупных (по меркам среднего

¹⁷⁴⁸ Benericetti 2002, № 136 (a. 967): *ad manibus nostris detinere videmur ad iura suprascripti monasterii vestri.*

¹⁷⁴⁹ Грамоты, отражающие институт субаренды, исключительно редки, при этом во всех случаях указано, что арендодатель, в свою очередь, держит землю *per preceptum*. См. Benericetti 1999, № 56 (a. 947).

¹⁷⁵⁰ Benericetti 2002, № 125 (a. 966): *habendum tenendum cultandum pastinandum propaginandum eciam in colonos ordinandum, etc.*

¹⁷⁵¹ *Ibidem*, № 153 (a. 969–970): *omnes sortes et portiones nostras quantascumque detinuit et lavoravit Leo de Ursa colono nostro.*

¹⁷⁵² Fantuzzi 1801, № 31 (a. 958).

¹⁷⁵³ Benericetti 2002, № 160 (a. 971).

¹⁷⁵⁴ Benericetti 2006, № 42 (a. 891).

крестьянского держания) комплексов встречаются и среди либелляриев, а наиболее крупные аренды появляются в источниках не ранее середины X в.

Льготные и символические размеры вносимых платежей наводят на мысль о преимущественно политической природе эмфитевзиса¹⁷⁵⁵, служившего инструментом феодализации и формирования архиепископской клиентелы – политической опоры архиепископской курии в противостоянии с папами. Действительно, поиск рыночных механизмов в политике рентообразования на землях Романьи и Пентаполя наталкивается на большие, подчас неразрешимые препятствия. Во-первых, в большинстве случаев точный размер арендуемых площадей нам неизвестен, а размер *fundus* мог сильно варьировать. О. Р. Бородин обратил внимание на высокую корреляцию социального статуса, размера недвижимости и величины денежного *pensio*. Однако и эти, безусловно, правильные выводы нельзя считать окончательными. В ряде регионов Экзархата и Пентаполя суммы, вносимые за *fundi* привилегированными арендаторами, могли сильно различаться, что, в свою очередь, могло быть обусловлено как качеством и размером арендуемых площадей, доступом к транспортной и культовой инфраструктуре¹⁷⁵⁶, так и отношениями конкретного арендатора с Церковью.

Как бы то ни было, очевидно, что эти суммы были скромными в сравнении с рентой, которую уплачивали производители. Для непривилегированных арендаторов промежуточного типа три амфоры и одна урна вина (91,9 л в

¹⁷⁵⁵ Andreolli B. Le enfiteusi e i livelli del «Breviarium». P. 164.

¹⁷⁵⁶ Эта ситуация отражена и в «Баварском кодексе», и в отдельных грамотах. Так, в 688–705 гг. вдова арендует 8/12 *fundus* Gibalsis за 8 солидов, но 4/12 *fundus* Fidiiano за 1 солид. В 972 г. нобиль Cerrito платит за *fundus* Barbianum в 2 раза больше (8 денариев), чем за *fundus* Ovilia (4 денария). Консулы Atilianus и Garardus платят 18 денариев за 8/12 от 4 *fundi* ($\approx 2 \frac{2}{3}$ f.), но 6 денариев за 2 *fundi*. Сыновья герцога Павла Траверсариа арендуют в 971 г. в Decimo, в приходе св. Касьяна, *fundus* Munnis за 1 солид (12 денариев), 6/12 *fundi* Buruniano и Casaria за 1 солид, 3/12 *fundus* Domicili за 3 денария, но платят по 1 солиду за 3/12 от *fundi* Mauronico и Rupilis. В 974 г. Петр «ex genere ducum» арендует половину от 10/12 двух *fundi*: следовательно, аренда одного *fundus* в приходе св. Касьяна могла обходиться и в 6 денариев. Таким образом, в приходе св. Касьяна арендная плата за целикомый *fundus* для одних и тех же арендаторов могла колебаться между 6 денариями и 4 солидами.

пересчете на римские меры) могли коммутироваться в 36 денариев¹⁷⁵⁷, а свинья в счет уплачиваемого «желудевого» сбора (*glandaticum*) могла стоить для крестьян-колонов 18 или 12 денариев¹⁷⁵⁸. В то же время аренда многих *fundi* и даже *massae* обходилась знати подчас в два-три раза дешевле. Это подтверждает социологически значимое наблюдение, находящее параллели в другие исторические периоды и в других регионах, согласно которому в рентных отношениях возрастание роли внеэкономических факторов прямо пропорционально уменьшению размеров земельного надела¹⁷⁵⁹. Так, стоимость тех или иных коммутировавшихся продуктов могла завышаться за счет нерыночных механизмов, главным образом – зависимого статуса нельготного арендатора. Равным образом соображения престижа диктовали высокие цены на объекты городской недвижимости. Близостью к политическому центру – архиепископии – по всей видимости, объясняется высокая стоимость аренды полуразрушенного жилого комплекса (*domus*) в Равенне для графа Аларда. Он вносил за него за 24 денария, в то время как *fundus Decimanula* в округе Чезены обходился ему лишь в два денария¹⁷⁶⁰.

Напрашиваются выводы о символическом характере *pensio*. Эмфитевзис, таким образом, служил прежде всего средством формирования архиепископской клиентелы, осуществляющей контроль над территорией¹⁷⁶¹. Однако и в этом был свой экономический смысл. В условиях политической нестабильности, постоянной внутриклассовой борьбы, сопровождавшейся изгнаниями и конфискациями, а также аграрной колонизации и движения трудового населения, аренда земли в долгосрочной перспективе была выгоднее ее покупки. Из некоторых купчих нам известно, что цена на землю была довольно высокой. В таблице представлены некоторые данные об этом, причем речь идет о сделках, где

¹⁷⁵⁷ Federici, № 4 (a. 977): *et ipso anno que de ipsa vinea vino non [abuerimus, pro ip]so vino in ipso anno dare vobis debeamus in argento de din. bonos electos treginta et sex tantum...*

¹⁷⁵⁸ Benericetti 2002, № 138 (a. 968); 171 (a. 972).

¹⁷⁵⁹ Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 47–48.

¹⁷⁶⁰ Benericetti 2002a, № 224 (a. 982).

¹⁷⁶¹ Andreolli B. Le enfiteusi e I livelli del «Breviarium». P. 164.

контрагентами выступают представители однородных групп: нобилей и зажиточных горожан. Можно предположить, что земля и другая недвижимость тщательным образом измерялись с учетом их хозяйственной ценности.

Таблица 27. Рыночные цены на землю и городскую недвижимость в Романье X в.

Дата	Гор. округ	Объект	Статус на момент операции	Цена
916	Чезена	Sorte et porcione in f. Alfiano, Sulirano (соб-ть мон-ря св. Марии ad Cereseo)	В аренде у мон-ря св. Марии ad Cereseo	Vasa rubula = 2 манкоза (72 денария)
948	Форлим-пополи	Fundi Baniole, Armcario, Lisiniano, Avultesa cum casalia	Собственность частного лица	12 манкозов (432 денария)
950-951	?	1/2 ff. Casella Minore и Maiore	Собственность частного лица	12 сер. манкозов
955	Форлим-пополи	½ f. Purcile	Собственность частного лица	Argentem et aliam specem invalientem solidos 30
957	Faventino acto Corniliens e	4 (или 4,5) унции от f. Sirignaco с водяной мельницей	Собственность частного лица	2 коня (= 60 солидов = 720 денариев)
963	Комаккьо	Городской дом с двориком размером 40×15 футов (pedes).	Собственность частного лица	20 солидов (240 денариев)
963	Комаккьо	½ деревянного городского дома размером 12,5×31 футов	Собственность частного лица	20 солидов (240 денариев)
967	Фаэнца	Terra laboratoria (± 40 торнатур) cum vineis	Собственность частного лица	Vasclum unum argentem (ana den. [...]decem)
967	Комаккьо	2/12 de terra cum silva sua in f. et locum Montone de Abaro	Собственность частного лица	12 solidi mancosi (360 денариев)
977	Комаккьо	Petja terre qui est salario размером 18×12 футов	Собственность частного лица	41 денарий

Как видим, цены сильно варьировали. 30 солидов могла стоить как половина fundus [= 60 солидов за целиковое имение], так и 2/12 fundus [= 180 солидов за целый fundus]. 432 денария могли стоить четыре fundi с casalia [\approx 9 солидов в среднем за один fundus]. Это очень большой разброс, обусловленный разным размером и доходностью земли, близостью к водным артериям, дорогам, приходским центрам, при этом суммы были довольно значительными. Даже продажа парцеллы, находящейся в аренде у монастыря, обходится в немалую

сумму в 72 денария. Похожие ценовые разбросы существовали уже на закате византийского правления. В 639 г. военный Паулакис подарил Церкви 3/12 fundus, оцененных в 36 солидов, из чего следует, что рыночная стоимость всего имения была 144 солида. С учетом всех изложенных выше соображений, покупка земли в долгосрочной перспективе могла оказаться просто невыгодной.

Как бы то ни было, несмотря на невозможность, ввиду отсутствия информации о динамике рыночных цен в VIII–XI вв., произвести расчеты, выводы можно дополнить несколькими важными соображениями. Во-первых, эти выплаты, даже будучи небольшими, в совокупности все же приносили Церкви немалый доход. Во-вторых, есть основания полагать, что эти выплаты были регулярными. Похоже, в этом была немалая заслуга властного архиепископа Петра (927–971), в правление которого впервые появляются квитанции по уплате земельной ренты, причем они взимались даже с представителей высшей аристократии. В первой половине X в. в риминийской ректории была составлена серия квитанций от 917, 921 и 924 гг. о получении ренты от дуксов Львов из рода *Magister Militum* за аренду половины fundus *Voccenano*. Все эти квитанции составлены по поручению архиепископа Петра, что, несомненно, напрямую связано с его политикой¹⁷⁶². Отказ от уплаты земельной ренты и *calciario* графами Гуидами привел к фатальной для них конфронтации с архиепископией. Скрупулезный учет рентных платежей был характерен не только для архиепископии, но и для других церковных корпораций. Знатная вдова, арендующая землю у монастыря св. Мартина, исправно уплачивала *pensio*, что особо оговорено в контракте¹⁷⁶³. Монастырь св. Марии *ad Cereseo* в 978 г. заключает договор о вечнонаследственной аренде земель церкви Сорока мучеников, и в тот же день, помимо *calciario*, монастырь уплачивает четверть

¹⁷⁶² Впечатляет педантичность: первые два взноса за половину fundus *Voccenano* составляли по 9 денариев в год *pro indicionibus transactis*: 27 и 36 денариев за три и четыре года соответственно, последний – 4,5 денария (в сумме 13). В 928 г. риминийский ректор получает 16 денариев за половину того же fundus.

¹⁷⁶³ *Muzzioli*, № 11 (а. 950): *unde vos totam pensionem vestram de preteritis temporibus ha me receptam abetis.*

суммы «аббату» этой церкви, о чем свидетельствует соответствующая квитанция¹⁷⁶⁴.

Возможно, уплата *pensio* была демонстрацией лояльности архиепископу¹⁷⁶⁵. Нужно добавить, что условия эмфитевзиса предполагали и более высокие, чем либеллы, штрафы на нарушителей, нередко доходящие до шести унций¹⁷⁶⁶. Это подтверждает сформулированный О. Р. Бородиным и некоторыми итальянскими исследователями вывод о тесной личной связи эмфитевты со своим «благодетелем». И, во всяком случае, это служит подтверждением тезиса о политической роли эмфитевзиса. Принимая во внимание как личный характер отношений эмфитевтов с равеннской церковью, так и протофеодальный характер приносимой эмфитевтой клятвы, приближающейся к вассальной присяге, а также льготный размер *pensio*, можно предположить, что эмфитевтическое право создавало условия для развития «феодализационного процесса». Но это были лишь условия, реализуемые в долгосрочной перспективе, не перечеркивающие экономическое значение эмфитевтического контракта.

Насколько прочными были владельческие права эмфитевтов? Точно на этот вопрос нельзя. Можно лишь указать на тенденции и закономерности. Долгосрочный характер аренды (3 поколения), в перспективе, мог способствовать укоренению власти эмфитевты в арендуемых владениях. Но арендатор подчас мог свободно распоряжаться имуществом вплоть до его отчуждения посредством

¹⁷⁶⁴ Muzzioli, № 31 (a. 978).

¹⁷⁶⁵ Она выражается в повсеместно распространенной в эмфитевзисах VII–XII вв. формуле *pec ... adversus sanctam vestram benefactricem nostrum Ravennatem ecclesiam cuiquam contra iustitiam tractare aut agere*.

¹⁷⁶⁶ Benericetti 2006, № 44 (a. 892); Benericetti 1999, № 35 (922); 51 (a. 943); 60 (a. 948); Benericetti 2002, № 95 (a. 958); 96 (a. 958); 98 (a. 959); 101 (a. 960); 133 (a. 967); 135 (a. 967); 140 (a. 968); 144 (a. 968); 156 (a. 971); 159 (a. 972); 164 (a. 972); Benericetti 2002a, № 183 (a. 974); 184 (a. 974); 188 (974–975); 192 (a. 976); 198 (a. 977); 201 (a. 977); 211 (a. 979); 241 (a. 988); 257 (a. 993); 269 (a. 997). Как правило, чем выше размер арендуемых площадей, тем выше назначался штраф. Обращает на себя внимание расположение земель на периферии владений архиепископии, главным образом, в Пентаполе.

дарения или продажи¹⁷⁶⁷, в том числе сторонним лицам, принадлежность которых к его семейно-родственной группе не подтверждается документально. Знатные эмфитевты или их наследники могли по тем или иным причинам спустя какое-то время и отказаться от арендуемых земель¹⁷⁶⁸. В актовом материале так же, как и в законодательстве, эмфитевтическая аренда фигурирует как один из способов отчуждения имущества наряду с продажей и дарением¹⁷⁶⁹. Но грань здесь была тонкой, и хорошие личные связи эмфитевты с собственником, скрепленные письменным соглашением, были, судя по всему, желательным, если только не обязательным условием.

Церковные управляющие располагали разными механизмами выдворения с земель нежелательных хозяев. Этому способствовало развитое делопроизводство, которое Церковь умело обращала в свою пользу. Подтверждением тому служит судебный процесс «на высшем уровне», состоявшийся в 838 г. в Ровиго, а затем в Равенне, с участием представителей папы и императора. Речь идет о поземельном конфликте между архиепископом Георгием и Bruningus, императорским вассалом¹⁷⁷⁰. Спор шел из-за владений в имениях Scanciano, Cigoniano и Agello, которыми, по мнению адвоката архиепископа, «pars S(an)c(t)i Apollonaris ad suum iure et dominium investita fuit». Против этого у Bruningus'а был весомый довод, а именно владельческая грамота на эти земли, составленная «на пятый год [правления] Михаила и четвертый год [правления] Феофила», то есть примерно в 825/826 гг. Согласно грамоте, некто Юстиниан, сам эмфитевта Равеннской церкви, владевший землями «sub stato censum», сдал Brunignus'у в субаренду на условиях эмфитевзиса небольшие наделы в этих и некоторых других имениях.

¹⁷⁶⁷ Benericetti 2006, № 14 (сер. IX в.). В грамоте речь идет о продаже Вальбезиндой земельных владений своему сыну, дуксу Мартину. Обращает на себя внимание, что в числе отчуждаемых территорий находятся земли и угодья, принадлежащие разным церковным собственникам: *et alia silva qui sun posita in fundo Capraria, seo silvas diversa iure sancte Ariminensi ecclesie et Sancti Thome apostoli.*

¹⁷⁶⁸ Benericetti 2002a, № 252 (a. 992); Muzzioli, № 34 (a. 978).

¹⁷⁶⁹ Fantuzzi 1801, № 20 (a. 947): *introire, et preoccupare, atque ingredere, abeatis, teneatis, possideatis, tenendi fruendi in perpetuum, non vendendi, neque donandi, neque enfiteusin faciendi, aut coquomodo alienandi de ipsius iura per nullum ingenium nisi si vobis necesse fuerit [...].*

¹⁷⁷⁰ Benericetti 2006, № 11 (a. 838).

Факт заключения сделки, зафиксированный в зачитанной на процессе «carta infitheuse», как будто не оспаривался протестующей стороной. Сам Brunignus также не оспаривал владельческие права св. Аполлинария. Но этой carta cessionis все же оказалось недостаточно, на что и обратили внимание адвокаты противоположной стороны. Во-первых, в ней не обнаружилось «stipulationem nec defensionem nec oblicatjonem». Иными словами, грамота была невалидной. Во-вторых, грамоту, подтверждающую факт аренды земель самим Юстинианом, Brunignus предоставить все-таки не смог, и дело было, в конечном итоге, решено не в его пользу.

Конечно же, архиепископы, будучи собственниками, могли использовать и знакомую нам по документам с 1-й пол. VIII в. древнюю правовую норму (ut leges senseunt) – санкцию по выдворению арендатора с земли в случае неуплаты ренты в двухлетний срок. Похоже, что эмфитевты понимали условный характер своих прав, который, например, угадывается в такой формулировке, как «per presertum paginam» («согласно жалованной грамоте»), часто маскировавшей владение на условиях эмфитевтической и, гораздо реже, льготной либеллярной аренды.

Вместе с тем из источников явственно следует, что с середины X в. рычаги церковного контроля над отчужденным имуществом становились все более и более призрачными. О постепенном укоренении локальной власти эмфитевтов говорит появление с середины X в. многочисленных пролонгаций эмфитевтических договоров¹⁷⁷¹, спорадически возобновлявшихся в XI–XIII вв. Кроме того, в силу ряда причин церковные арендаторы теперь уже не удовлетворялись доступными им формами аренды и нередко прибегали к другому ее типу. Известно, что либеллами и эмфитевзисами многообразие арендных договоров, существовавших на землях Равеннской архиепископии, никак не исчерпывалось. Большой интерес представляют так называемые пакты (pacta), аграрные контракты, приближающиеся как по правовому, так и по социальному

¹⁷⁷¹ Benericetti 2002, № 92 (a. 956–957): que iam antea p(er) plurimum tempus p(er) anteriorem [enfiteusin largita sunt] ab antecessoribus tuis in aliis hominib(us) antecessorib(us) n(ost)ris qua(m)q(ue) eciam et in nob(is) ipsis.

содержанию к эфитевзисам и получившие распространение с середины X в. и вплоть до XI–XII вв. На природу этого сравнительно редкого аграрного контракта проливает свет аренда некоторых грамот XII в., где термин расшифровывается следующим образом: «один из видов аренды в просторечии принято называть пактом»¹⁷⁷². Несмотря на то, что некоторые акты ясно различают либеллы, эфитевзисы и пакты¹⁷⁷³, формально-юридическая природа пакта неоднородна: помимо того, что его формуляр может приближаться к либелле или эфитевзису, в большинстве контрактов используется два типа аренды, одна из которых нередко воспроизводится в некоторых эфитевтических договорах¹⁷⁷⁴. Этот тип аграрного контракта тесно связан с эфитевзисом, поскольку земля предоставляется здесь в рамках *locatio*. Конкретные условия каждого договора, правда, скрывают большое многообразие ситуаций, что, до некоторой степени, ставит под сомнение правовую однородность этого контракта, однако в большинстве случаев съемщиками выступают представители промежуточных групп, а вносимая рента была денежной или носила льготный характер.

Смещение баланса сил в пользу владельческой знати в середине – последней трети X в. по итогам длительного социально-политического конфликта и арбитража Оттонов определило трансформацию отношений власти и

¹⁷⁷² *Unus quidem locationis modus vulgariter pactum solet appellari: Ch. Im., № 237 (a. 1165); Fantuzzi 2002, № 98 (a. 1213).*

¹⁷⁷³ *Fantuzzi 1801, № 110 (a. 1060): et nec cuiquam presens preceptum aut prefatum monasterium aut pertinentiis ejus alicui homini dare vel vendere seu transferre... nisi tantumodo per enfiteusim aut per pactum renovare sive per libellum ad fruges reddendum.*

¹⁷⁷⁴ *Benericetti 1999, № 50 (a. 943): congruum atque utillimum esse decernimus ut petencium desideriis non aborere sed Domini misericordiam considerantes cicius subvenire ut in future nobis proficiat ad augmentum et petentes graciарum referant actjones; Benericetti 2002a, № 200 (a. 977). Примеры использования этого типа аренды в эфитевтических контрактах: Benericetti 2002, № 173 (a. 972); Benericetti 2002a, № 269 (a. 997); Federici, № 12 (a. 986). Похожая аренда встречается в эфитевзисах, в которых арендодателями выступают аббаты церквей или монастырей Равенны: Benericetti 2002, № 111 (a. 963), 146 (a. 969), 152 (a. 969–970). Второй, более распространенный тип аренды звучит следующим образом: *plura enim existent pacta que solo verbo manere potest, seu hob hoc necesse est scripture vinculis anotari, seu ergencia temporum oblivionis mandentur rt iurgia generentur, et ea enim que bono animo et spontaneam nostrum voluntatem inrefragabiliter promittuntur, inviolabili vinculo observentur: Federici, № 4 (a. 977); Muzzioli, № 28 (a. 975), 33 (a. 978); Benericetti 2002a, № 255 (a. 992), 274 (a. 998). Этот тип аренды приближается к тому, который встречается в некоторых обменных грамотах. См., например: Benericetti 2002, № 124 (a. 966).**

собственности между архиепископами и привилегированными группами Равенны. Сложно структурированная сеть рентных и клиентских отношений, центрированная на Церкви, основы которой были заложены еще в римско-византийский период, переживала период вызревания и укрепления. Этому немало способствовала экономическая стабилизация и внутренняя колонизация региона к середине X в. Сильные корпоративные связи в сообществе землевладельческой знати начали смыкаться с патрон-клиентскими отношениями, и крупнейшие землевладельцы стали открыто претендовать на публично-правовые полномочия, удерживаемые равеннскими иерархами. Теперь они претендуют уже не только на землю, но и на проживающих на ней людей, причем без различия их статуса. Я уже продемонстрировал это на примере горных сообществ в Монтефельтро в 949–950 гг. Один из героев этой запутанной истории, Лев, сын дукса Урса, арендует у архиепископа расположенную в этих местах *massa Mariana* с правом осуществлять там определенный объем сеньориальных полномочий, и под его власть попадает не только вотчинный комплекс Церкви, но и *pensionatum*, то есть фонд владений и держаний, отличающихся от колонатной аренды. Согласно эмфитевтической грамоте 961 г., владелец *massa Vicariana* в округе Феррары получает не только землю и угодья, но и проживавших там лично зависимых лиц – «*familiis ibidem residentibus*»¹⁷⁷⁵. Статус незнатного владельца земли теперь начинает определяться его способностью удержать свои владения от «аренды» высшей знатью. Это ясно артикулируется уже в источниках XI в. Льготные арендаторы монастыря св. Андрея, заключая в 1069 г. пакт с его аббатисой, оговаривают, что она не имеет права сдавать арендованные ими земли в эмфитевзис без согласия съемщиков¹⁷⁷⁶.

Таким образом, бытовавшая с VII-VIII вв. трехчленная структура «собственник (Церковь) – промежуточные группы арендаторов-эмфитевтов – непосредственный производитель», допускавшая отсутствие «промежуточного

¹⁷⁷⁵ Venericetti 2002, № 106 (a. 961).

¹⁷⁷⁶ Fantuzzi 1801, № 113 (a. 1069): *et non habeamus licencia ego dicta abbatissa, neque meis succedentibus facere enfiteusin de predictis rebus nisi in illos predictos petitores convenienda nobiscum.*

звена» и прямую связь производителя с собственником, значительно усложняется к середине X в. Уже с 40-50-х годов X в., в правление архиепископа Петра IV (927–971), и особенно в решающие для «феодальной трансформации» региона годы правления архиепископа Онеста (971–983), огромные массивы земель, зачастую целыми *massae*, отчуждаются на условиях эмфитевтической аренды в пользу титулованной знати и нобилитета местного и неиталийского происхождения.

Немалую роль в этом сыграла поддержка, оказанная Петром IV Оттону I, прибывшему в Италию в 951 г. и принявшему титул *rex Francorum et Italicorum*. Имперское влияние привело в движение и поколебало неустойчивый классовый компромисс на верхних этажах романьольского общества. Эти процессы запускаются приблизительно в одно и то же время в разных частях региона, но поначалу преимущественно на периферии: в округах Феррары¹⁷⁷⁷, Болоньи¹⁷⁷⁸, Имолы¹⁷⁷⁹; в частности, болонские графы (начиная с Адальберта) становятся архиепископскими вассалами в 958 г.¹⁷⁸⁰ Эти процессы заметны и в Пентаполях, включая Монтефельтро. Стратегически важный объект *monte Granario*, экономически значимый в архиепископском патримонии округа Пезаро, сдается в аренду в 954 г. «клариссиму» Иоанну¹⁷⁸¹. Дуксу Иоанну Боницо достается экономически важная для церковного патримония *massa Famulata* в 953 г., правда, на условиях «либеллярного» 29-летнего срока.

По мнению Д. Буцци, процессы феодализации непосредственно в Романье ускорились в 70-х гг. в правление архиепископа Онеста (971–983), когда крупные церковные земли получили родственные ему знатные семейства¹⁷⁸². В числе бенефициаров архиепископа – чета Лиутфреда, сына дукса Сергия, и

¹⁷⁷⁷ Benericetti 2002, № 106 (a. 961).

¹⁷⁷⁸ Ibidem, № 167 (a. 972), 168 (a. 972).

¹⁷⁷⁹ Fantuzzi 1804, № 24 (a.) = BNF 2518.

¹⁷⁸⁰ Benericetti 2002, № 96 (a. 958). См. подробнее: *Lazzari T. Comitato senza città...* P. 88–90.

¹⁷⁸¹ Benericetti 1999, № 75 (a. 954).

¹⁷⁸² «Таким образом, в Равенне формируется иерархизированная феодальная аристократия, которая стремится к расширению своих владений за счет крупнейшего феодала, архиепископа, как и во всех городах, где епископы превратились в графов». *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma...* P. 175.

Гизельтруды, получивших в 972 г. в аренду имение *Martjlianum* в округе Римини¹⁷⁸³, *Petrus de Augusto ex genere ducum*, получивший в 974 г. 10/12 двух имений в Дечимано, совсем близко от Равенны¹⁷⁸⁴, отпрыски рода *Magister Militum*, получившие в 977 г. владения в округах Форли и Фаэнцы¹⁷⁸⁵, и, наконец, Траверсариа¹⁷⁸⁶, ставшие главными выгодополучателями от новой политической конъюнктуры.

Все это не было плавным эволюционным процессом или «мутацией»: укрепление территориальной власти наиболее влиятельных землевладельческих родов Равенны протекало в острых конфликтах по поводу власти и собственности, сотрясавших регион во 2-й половине X в. и вылившиеся в мятеж фракции равеннской знати в 965 г. Конечный итог этого процесса – «феодалная революция» рубежа X–XI вв. – была кристаллизацией затяжного внутриклассового противостояния, в котором возвышались и падали целые семейства. Выход из тупика был найден в новой политической конфигурации, установившейся с арбитражем Оттонов и просуществовавшей в таком виде до первой четверти XI в. включительно – до момента окончательного вызревания и институционализации новых потестарных и владельческих структур. В это время спорадические конфликты вспыхивали там и тут, но система, по всей видимости, вступила в фазу стабилизации.

Но конфликты случались повсеместно, хотя теперь властные отношения как будто бы уже не маскируются в формы арендных отношений. В 978 г. имел место конфликт между Убертом, епископом Форли, и его братом графом Ламбертом, сыном герцога и графа Петра, по поводу контроля над округами Равенны, Комаккьо и Дечимано. О том, что даже в правление «*vescovo-conte*» Онеста (971–983) ситуация была далека от идиллической, рассказывает запутанная история *massa Ausimana* (*Ausemana*, *Auximana*), владельческого комплекса в округе

¹⁷⁸³ Benericetti 2002, № 170 (a. 972).

¹⁷⁸⁴ Ibidem, № 185 (a. 974).

¹⁷⁸⁵ Benericetti 2002a, № 201 (a. 977).

¹⁷⁸⁶ Benericetti 2002, № 188 (a. 974–975); Benericetti 2002a, № 192 (a. 976).

Озимо¹⁷⁸⁷, конфликты вокруг которой восходят по меньшей мере ко второй половине IX в. В 846–850 гг. *massa Afraniana vocata Ausimo* была арендована графом Вуидо и его супругой Итаной за три манкоза¹⁷⁸⁸. Но уже в 898–904 гг., при архиепископе Кайло, ее снимает некто Арнуст за 24 «золотых солида с изображением [императора]», причем в регесте, зафиксировавшей сделку, указано, что срок аренды ограничивался только сроком его жизни («*diebus vite sue tantummodo*»)¹⁷⁸⁹. Позже, при том же архиепископе Кайло, согласно тексту регесты, *massa* была вновь «пожалована» (*largita fuit*) Арнусту, теперь уже с братом Эрменальдом, на тех же условиях, зафиксированных в другой регесте¹⁷⁹⁰. Затем, при архиепископе Петре (927–971), половина *massa* была пожалована Эрменальду и его супруге Берте за два «добрых безанта». Из того, что прежняя аренда предоставлялась Арнусту только на срок его жизни, а также имея в виду, что Арнуст не упомянут в этой регесте, можно заключить, что к тому времени он, скорее всего, уже немолодой человек, мог уже скончаться. Из этой регесты мы узнаем, что Эрменальд был франком (*genera francorum*). Но интереснее всего здесь то, что в число арендуемых имуществ в упомянутой *massa* названа и половина замка (*castello*) под названием Эрносто (*Ernosto*), в котором без труда угадывается имя Арнуста. Очевидно, замок был построен еще Арнустом, и половина его досталась его брату. Неясно, впрочем, кому досталась другая половина замка и *massa*.

Но затем все тот же понтифик Петр жалует (*consessa est*) всю *massa* супругам Убальду и Кериберге за 24 солида. Скорее всего, Убальд был связан какими-то отношениями с Эрменальдом, потому что в другой регесте под № 160 указано, что в округе Озимо, неподалеку от горы, арендуемой неким Гизлерием у архиепископа Петра, находился *castello de Hubaldo et Hermenaldo*. Из-за того, что точно регесту датировать невозможно, неясно, имеется ли в виду замок в *massa*

¹⁷⁸⁷ BER, № 123, 124, 161, 162, III.9; Benericetti 2002, № 94 (a. 958), 144 (a. 968); Benericetti 2002a, № 230 (a. 971–983), 231 (a. 971–983).

¹⁷⁸⁸ BER, № 162.

¹⁷⁸⁹ Ibidem, № 161.

¹⁷⁹⁰ Ibidem, № 123.

Ausimana, но если это так, то, по всей видимости, Убальд впоследствии смог поровну поделить имущества *massa*, включая замок, с Эрменальдом, очевидно, претендовавшим на равную долю владений в латифундии. Неясно, приходились ли они друг другу родственниками. Отмечу появление новой угрозы со стороны Гизлерия: его заинтересованность в горе *Fabrica* размером в 100 модиев, арендуемой у архиепископа, свидетельствует, скорее всего, о желании возвести там укрепление.

В 958 г. половина *massa* достается «благородному мужу» Аттону с супругой Рагибургой, юноше Адельгаузу, также *honestu puella* Райнгарде и Гизлерию, старшему сыну некоего «честного мужа» Гизлерия, на условиях выплаты *pensio* в 12 золотых солидов. По неясным причинам эти двое возобновляют договор 12 октября 967 или 968 г. (точно датировать невозможно). Согласно этому договору, Атто, Адельгауз и Гизлериий переарендуют свою половину *massa* на прежних условиях. Далее мы узнаем, что половина, принадлежащая Эрменальду, была конфискована у него архиепископом Онестом (971–983) и пожалована (*tributa est*) Гизлерию за шесть солидов. Согласно новому договору, который, видимо, юридически закреплял конфискацию, половина *massa*, за исключением расположенного там замка *Offania* на горе *Sentito* (новое укрепление?) переарендуется Гизлерием (в присутствии его отца), выступающим здесь теперь единственным контрагентом. В числе прочих объектов он арендует также половину замка (*castello*), находящегося в имении *Cerno*, и половину расположенной там церкви. При этом в аренде оговорена его власть над *pensionantibus* и *residentibus* – жителями этой *massa*. Его территориальная власть, судя по всему, достаточно окрепла. Но параллельно с этим нужно добавить, что замок *Offania* вместе с укреплениями и окружающими его 40 модиями земли находится в держании (*tenet*) неких Стефана и Родульфа и не входит в патримоний Гизлерия, о чем специально оговорено в соответствующем акте¹⁷⁹¹.

¹⁷⁹¹ Benericetti 2002a, № 231 (a. 971–983): *excepto castello quod est edificatum in monte Sentino, que Offania vocatur, quem tenet Stephanus et Redulfo, com modiorum quadraginta de terra in circuitu ipsius castelli.*

Аренда Стефана, сына Стефана, и Родульфа, сына Дрогона, зафиксирована в другом эксцерпте «Баварского кодекса» под № 112. Они уплачивают за имущество 36 денариев – не так мало по меркам льготной аренды. Неясно, когда и при каких обстоятельствах они стали арендаторами – возможно, речь идет о сознательном желании архиепископа передать управление замком в руки лояльных людей. Со временем судьба этой *massa* становится совершенно темной. Не позднее 980 г. исчезнувший было из документов Убальд добивается раздела *massa* поровну вместе с Гизлерием. Они арендуют ее за пять безантов. О том, как они получили весь комплекс, неясно, но в договоре, разграничивающем права Гизлерия и Убальда, сказано, что часть земель была выкуплена у Гуго, сына Аттона¹⁷⁹², а другая часть владений покойного к тому времени Аттона была напрямую пожалована им архиепископом уже в соответствии с новым договором. Арендуемые площади включали в себя замок в *fundus Cerno* под названием *Ubaldi*, где была выстроена церковь св. Марии, из чего, в принципе, следует, что Убальд все это время был совладельцем *massa*, наблюдая консолидацию владений Гизлерия на другой половине латифундии. И здесь также оговорена власть эмпитевтов над *colonis et pensionantibus suis*.

В конце концов в правление понтифика Онеста *massa* осталась без владельца, т.к. в двухлетний период за нее не было внесено положенное *pensio*. Конечно, речь шла о владельцах «высшего» уровня, поскольку на месте пахотные земли и угодья этой латифундии регулярно находились в аренде у владельцев средней руки. Один труднодатируемый договор времен правления Онеста фиксирует аренду «*sorte et portione*» в *fundus Cerno (Solita)* в *massa Ausimana*, в новооснованном приходе св. Аполлинария, где арендаторами выступают братья Ильдебранд и Константин, сыновья некоего Кумпона, и братья Гуидо и Боно. Отмечу, что речь идет, скорее всего, о том же имении, где располагался замок, арендуемый Гизлерием и Убальдом. Там они снимают колонику (*colonicia*), принадлежавшую прежде некому Андрею. При этом они арендуют множество других парцелл в округе, включая *sorte et portione* в имениях *Valle, Visiano* и

¹⁷⁹² BER App. III, № 9.

Monatiano, а также надел в соседнем округе Анконы, где они получают власть над «относящимися» к этому наделу людьми (*hominibus sibi pertinentibus*). При этом братья отмечают, что часть имуществ в *massa Ausimana* досталась им от родителей, а часть была благоприобретенной. По-видимому, в данном случае церковные администраторы сочли нужным вернуться к практике более тесных контактов с производителями, в данном случае – консортерией зажиточных съемщиков.

Именно в оттоновский период складывается региональный вариант хорошо описанной в научной литературе социологической модели, по-разному именуемой «феодальными» или «вассально-сеньориальными» отношениями. Специфически романьольская форма феодализации была заложена системой эмфитевтических аренд, посредством которой церковные иерархи формировали клиентелу среди представителей привилегированных групп, главным образом, военизированной аристократии византийского происхождения и землевладельцев, проживавших в городах¹⁷⁹³. О чисто «феодальном» содержании некоторых условий эмфитевтических и льготных либеллярных договоров неоднократно писалось в специальной литературе. Но только в конце X в. в нотариальный лексикон начали проникать соответствующая лексика и обороты, применявшиеся к таким типам аренды, хотя ее утверждение приходится на конец XI в.¹⁷⁹⁴ Уже в годы составления *VER* (предположительно, 70–80-е гг. X в.) существовало понимание церковной аренды как держания, приближающегося к феодальному типу. В приписке на полях к эксцерпту 96, согласно которому *famulus* и священник Стефан арендует треть пахотного участка и виноградника от *fundus Montonis*, указано, что на момент составления «кодекса» некто [...e]to de Plano «держал его феодем» (*[de]tinet in feo*).

¹⁷⁹³ Об эмфитевзисе как инструменте феодализации см.: *Tamassia N. L'enfiteusi ecclesiastica ravennate e un racconto di Agnello*. P. 109–121.

¹⁷⁹⁴ *Fantuzzi 1801, № 118 (a. 1086): nec donare, neque commutare, neque nullum contractum nullius omnibus, neque pro feudo, set alucrum et utilitatem predicti monasterji.*

Феодальная лексика медленно проникает и в социальные характеристики, которые сопровождают имена церковных арендаторов. В двух актах 50–60-х гг. X в. появляется специфический термин *inclitus vassus*¹⁷⁹⁵, который, судя по всему, отличается от термина *imperialis vassus*. Речь идет об эмфитевтах германского происхождения, которые по разным причинам сочли нужным называть себя вассалами архиепископа.

В первом случае это семейная группа нобилей, владельцев прибрежной *massa Synogaliense* в округе Сенигаллии, которые, по всей видимости, чувствовали себя настолько уверенно, что об арендуемой латифундии они говорят не иначе как о «*massa nostra*». В пределах этой *massa*, возможно, на их же средства, построены церкви св. Иоанна Крестителя, св. Мартина и св. Виталия – подчеркнуто равеннских святых. Интересно, что пожалование они получают на условиях либеллярной аренды на тридцать пять лет, а *repsio* вносят частично деньгами («либо четырьмя золотыми безантами, либо 20 солидами добрых денариев»), частично – натурой (два секстария оливкового масла). Эти условия выглядят менее привлекательными, нежели привычные формулы эмфитевтических договоров, но их можно прочесть и иначе. Владельцы *massa* узаконивают свои экономические отношения с Церковью и становятся важными поставщиками оливкового масла, незаменимого для литургии и рациона клира, а также нужного для лампад. В их попечении оказывается и культовая практика в арендуемых ими землях. Неудивительно, что безымянной рукой XVIII в. на полях грамота прозорливо помечена термином «инвеститура».

В 971 г., если верить рассказу Дж. Росси, Родульф, граф Римини и эмфитевта земель двух равеннских монастырей¹⁷⁹⁶, приносит клятву верности архиепископу Онесту в обмен на замок Суррипола (*Surripola*, совр. Сорриволи). Акт 988 г. является хронологически первой грамотой светской инвеституры в нашем регионе¹⁷⁹⁷. Здесь эмфитевтический контракт сопровождался

¹⁷⁹⁵ Benericetti 2002, № 93 (а. 956–957): Attoni, *inclito vasso*; 106 (а. 961): Arcodo *inclito vasso*.

¹⁷⁹⁶ Benericetti 2010, № 337 (а. 970).

¹⁷⁹⁷ Benericetti 2002a, № 240 (а. 988). См. также *Ibidem*, № 236 (а. 985).

«классическим» франкским обрядом передачи горсти земли (*guazo terrarum*). Уже в XI в. эти акты станут обычным явлением, в том числе среди духовных лиц¹⁷⁹⁸.

Особенностью феодализации данного типа было отсутствие юридически оформленной связи новообразованной условной собственности с военной службой, что было характерно для соседних раннефеодальных обществ¹⁷⁹⁹, хотя не вызывает сомнений, что вооруженная свита архиепископов набиралась из их клиентелы – крупных эмфитевтов. Видимо, именно из этой среды происходили триста всадников, составлявшие свиту архиепископа Георгия (834–846) в его путешествии во Франкию. Эти процессы получили завершение лишь в XI в. с формированием *curiae vassalorum* при диоцезах в ряде городов Романьи¹⁸⁰⁰ и были в значительной степени ускорены вливанием в социальную структуру Романьи франкских и заальпийских элит. Окончательно эти отношения складываются в первой трети XI в. Собравшиеся на *placitum* в 1025 г. представители графской аристократии обращаются к архиепископу Эриберту не иначе как к своему сеньору¹⁸⁰¹. На процессе 1029 г. ходом разбирательства руководил *domnus Lanzoni*, фигурирующий под титулом «*misso et vasso domini Gebeardo archipiscopus Sancte Ravennatis Ecclesie*»¹⁸⁰². На суде 1031 г. присутствовали *milites Teutonici*, очевидно, вассалы архиепископа, обязанные ему военной службой¹⁸⁰³.

Начиная с середины X в. вассально-сеньориальные отношения проникают и в среду местной светской знати, хотя источники в этом отношении более чем скудны. Крупное семейство графов Гуидов первым (с 1-х десятилетий X в.) начало проводить политику субинфеодации, формируя вокруг себя слой нетрудовых земельных съемщиков. Связано это, скорее всего, не только и не столько с их франкским происхождением, сколько с огромным земельным фондом, который мог служить резервом для реализации этой социально-

¹⁷⁹⁸ Federici, № 22 (a. 1047), 25 (a. 1058).

¹⁷⁹⁹ *Ganshof F. L.* Was ist das Lehnswesen? Darmstadt, 1975. S. 20.

¹⁸⁰⁰ *Castagnetti A.* Arimanni in «Romania» fra conti e signori. P. 27.

¹⁸⁰¹ Fantuzzi 1802b, № 21 (a. 1025): quod senior suus dominus Eribertus Archiepiscopus per vim invasit.

¹⁸⁰² CDP, № 71 (a. 1029).

¹⁸⁰³ Fantuzzi 1801, № 96 (a. 1031).

политической стратегии. Конечно, с появлением в регионе франкской элиты связано и распространение специфических франкских институтов. Примечательно, что именно в документе 896 г., согласно которому Ингельрада жаловала своего сына Петра, диакона Равеннской церкви, земельными владениями, содержится хронологически первое упоминание обряда, напоминающего инвеституру¹⁸⁰⁴. При составлении акта зафиксировано, что она держит в руках сосуд для перьев (*calamare*), ножичек (*cultellum*), жезл-символ передачи имущества (*festucum notatum*), кусок дерна (*guazon*) с ветками деревьев и винограда. Из того, что акт был составлен «по рипуарскому закону» («*leges tribuarie tenore*»), следует, что в Романье это франкское семейство продолжало придерживаться заальпийских правовых норм.

Тем не менее, «феодализация» посредством создания сети вассальных структур из *fideles* находилась в матрице господствовавших в регионе экономических отношений – системы либеллярных и эмфитевтических аренд. Это происходило в процессе активной скупки и перераспределения земель. Местная консульская знать, видимо, с целью заручиться поддержкой и покровительством Гуидов, отчуждает в их пользу небольшие участки своих владений¹⁸⁰⁵. Так обстоит дело с некой знатной вдовой Люцией, дочерью консула Павла, которая, став монахиней, в 893 г. дарит ей восемь скрупул земли и держание колона Ромула. В 909 г. Ингельрада получает от консула Альдо луг в местечке *Teularia* непосредственно рядом с Равенной. Из грамоты 903 г. мы знаем, что Ингельрада не позже 903 г. выкупила земли некоего собственника Романа *de Travivo* в районе Римини в приходе св. Иннокентия. Сын графини и дукса Мартина, диакон Петр, сдает в 903 г. в эмфитевтическую аренду два *fundi*, ранее принадлежащие этому Роману, за четыре денария некой чете Бенедикта и Марии¹⁸⁰⁶.

¹⁸⁰⁴ Benericetti 2006, № 54 (a. 896): *placuit mihi suprascripte Engelarde ... pura mente meoque consilio bonaque meam spontaneam voluntatem ... quatenus secundum meam tributam tenere cartam cum calamari et cultellum et festucum notatum et guazonem de terra cum ramis arborum et vinearum de terra levavi.*

¹⁸⁰⁵ *Ibidem*, № 47 (a. 893); Benericetti 1999, № 2 (a. 901).

¹⁸⁰⁶ *Ibidem*, № 3 (a. 903).

Правда, в руках новых элит традиционный аграрный контракт несколько изменяет свой облик: в частности, либелла может утратить свой преимущественно экономический характер. Так обстоит дело, в частности, с «сиятельным мужем» (*inlustris vir*) Адамом «из рода франков», арендующим на условиях пожизненной либеллы (*temporibus viti*) у Ингельрады II, дочери Мартина, *monasterium* с окрестностями за шесть денариев в 909 г. в районе Пезаро. Объект и условия аренды, равным образом, как и льготная рента, никак не характерны для такого типа сделок. Более того, в акте прямо прописана возможность извлекать доход от арендуемых земель посредством сдачи в держания крестьянам¹⁸⁰⁷. В другом случае в 910 г. знатная чета Мамно и Тауда арендует у нее шесть унций от имения *Trecenta* в Римини за два серебряных денария¹⁸⁰⁸. Бросающаяся в глаза символичность ренты (если истолковать этимологию *Trecenta* как «триста» [югеров], то можно допустить, что арендаторы получили в распоряжение 150 югеров земли, что не так уж и мало) маскирует социальную стратегию Ингельрады, формирующую вокруг себя слой зависимых от нее нетрудовых держателей. Рядом с риминийскими владениями Ингельрады мы встречаем церковного арендатора Пипина¹⁸⁰⁹. Его, безусловно, франкское имя может указывать на принадлежность к родственной группе этого могущественного франкского клана или кругу аффилированных с ним лиц.

Выстраивание клиентской связи рода Гуидов было прервано его политическим поражением в противостоянии с архиепископами. Но их постепенное вызревание чувствуется уже в том, что составители актов и их клиенты считали нужным все чаще прибегать к чуждым для региональной социальной номенклатуры терминам и понятиям. Так, в лексикон знати проникают такие термины, как *fidelis*. В частности, в 963 г. одним из уполномоченных (*missus*) диакона Райнерия, сына Ингельрады, являлся некто

¹⁸⁰⁷ Benericetti 1999, № 15 (a. 909): nisi tantum diebus vite me eam fruire debeas colonicio more.

¹⁸⁰⁸ Ibidem, № 17 (a. 910).

¹⁸⁰⁹ Ibidem, № 33 (a. 920): a tercio latere possidente Engelrada, atque a quarto latere possidente Pipino iura ipsius ecclesie.

Solzo, названный иначе *fidelis nostro*¹⁸¹⁰. Начиная с 960-х г. изредка встречается и термин *senior*¹⁸¹¹, который употребляется различными уполномоченными и фидеикомиссарами аристократии, включая и местную герцогскую знать¹⁸¹². На рубеже веков, наряду с графами (*comites*), мы встречаем и виконтов (*vice comites*), в ряде случаев выполнявших деловые поручения своих сеньоров¹⁸¹³.

Таблица 28. Эмфитевтическая аренда земли на территории архиепископского патримония. 900-1000 гг.

Категории / период	900-950	950-971	22.7.971-983	983-1000
Дуксы (герцоги)	–	2	5	–
Графы	–	5	2	1
Консулы	1	4	2	1
Нетит. знать	4	5	9	–
Должностные лица	1	–	–	–
Священнослужители	–	1	1	–
Церкви	–	–	1	–
Монастыри	–	–	–	–
Писцы	–	–	–	–
Торговцы	–	4	–	–
Ремесленники	–	–	1	–
Статус неясен	2	12	16	4

§ 4. Механизмы легитимации власти и «стратегии выживания» знати.

Как и в других контактных регионах, в Романье местная знать сочетала в себе старые традиции и новые общественные практики. Перестройка отношений собственности в VIII–IX вв. в условиях социально-политического кризиса и коллапса государства поставила местные элиты в экономически и политически зависимое, квазивассальное положение от архиепископии, присвоившей себе прежние государственные функции. Эти процессы были подготовлены еще в византийский период, когда элиты всех рангов начали тесно сотрудничать с

¹⁸¹⁰ Benericetti 2002, № 109 (a. 963): *et per istum nostrum missum nomine Solzo, fidelis nostro.*

¹⁸¹¹ *Ibidem*, № 102 (a. 960): *Ingo filio Stefano dativus pro ex persona Tetbaldo seniori meo in ac peticione subscripsi; Benericetti 2002a, № 265 (a. 994–995).*

¹⁸¹² Benericetti 2002a, № 265 (a. 994–995): *de ipse locum qui vocatur Cella Cordi, quam tu ditjs vere ipse Paulus diaconus sancte Ravennatis ecclesie seniori meo habet et detinet; Fantuzzi 1801, № 111 (a. 1062): et Matulinus, seu Liucius filius quondam Liucii atque Rolandus filius quondam Rodulfi toti sumus fidei comissarii institute a Sergio quondam filio quondam Johannis qubt de Adelberto de Sergio seniori nostro.*

¹⁸¹³ Benericetti 2003, № 12 (a. 1003).

Церковью, а в военно-служилых семействах выбор одним из отпрысков церковной карьеры стал нормальной практикой. В этом отношении довольно типична родословная Агнелла Равеннского: среди его предков были как официалы (трибуны), так и священнослужители.

Урбаноцентризм правящих элит был, по-своему, ярким свидетельством континуитета с римско-византийской эпохой. Но он также много говорит и о социально-экономическом строе Романьи, где знать была рентополучателем, а не распорядителем и организатором производства. Город занимал важное место в топографии владений знати на протяжении многих столетий после коллапса византийского правления. В середине IX в. Агнелл пишет о своем городе, Равенне, не иначе как о *caput omnium*¹⁸¹⁴. В житии св. Ромуальда Петр Дамиани сначала подчеркивает, что его герой «был уроженцем Равенны», а уже затем говорит о его знатном происхождении¹⁸¹⁵. Еще в XIV в. автор анонимной «Хроники города Равенны» называл Равенну «царственным престолом (*Sedes Regni*), где проживали бароны, рыцари (*milites*) и благородные».

Порой же такой урбаноцентризм можно понимать и буквально. Конечно, некоторые знатные равеннцы (включая высший клир) продолжали бывать в Константинополе и, без сомнения, в Риме, но симптоматично, что Агнелл, выходец из влиятельного городского семейства, в своих многочисленных автобиографических отступлениях рассказывает только о двух поездках – в Павию (между 837 и 839 гг., на крещение дочери короля Лотаря) и в Ардженту.

Для региональной знати проживание в городских резиденциях, *domi*, гарантировало непрерывную связь с архиепископами – де-юре крупнейшими собственниками, у которых они нередко арендовали дома и недвижимость, де-факто – также источниками власти в Романье и своими патронами. Об их тесных контактах, не исчерпывавшихся отношениями аренды, мы знаем как из нарративных источников, так и из папской корреспонденции. Агнелл сообщает о

¹⁸¹⁴ Agnellus. P. 344.

¹⁸¹⁵ Vita Sancti Romualdi I, 428. P. 955: Romualdus igitur, Ravennae civitatis oriundus, ex illustrissima ducum fuit stripe progenitus.

своей дружбе с Григорием, будущим архиепископом¹⁸¹⁶. В письме папы Иоанна VIII равеннскому архиепископу Роману от 881 г. мы читаем, что «сиятельнейший дукс» Деуседит до своего конфликта с архиепископом состоял с ним в довольно близких отношениях: он удостоивался приглашения не только на религиозные мероприятия, но и на трапезу у равеннского понтифика.

Знать дорожила своими резиденциями, которые нередко отстраивала на арендованной у архиепископов земле. Даже имея недвижимость в собственности, она приобретала новые участки городской земли, чтобы быть ближе к дворцу архиепископа и важным культовым объектам. Это подтверждается и тем, что рента, вносимая за *domus* его знатным арендатором, не зависела от его текущего (нередко довольно жалкого) состояния. Заальпийская знать перенимала привычки своих коллег и также, хотя и не столь активно, арендовала недвижимость в Равенне¹⁸¹⁷ и других городах и проживала в черте города. Это заметно даже в регионах, фактически вышедших из-под политического контроля архиепископии, в частности, в городах Озимо и Сенигаллии, где лангобардская знать точно так же становилась собственниками и арендаторами городских резиденций.

Все это это предполагало и определенный городской *lifestyle*, которому, возможно, пытались следовать знатные жители Равенны. Силясь воспроизвести картину быта обитателей города на рубеже VII и VIII вв., Агнелл припоминает зрелища, игры (*spectacula publica*) и бани (*balnea*)¹⁸¹⁸. И если публичные бани к тому времени едва ли существовали, то частные бани действительно не исчезли, как и некоторые другие элементы жизни римско-византийских и греко-восточных элит. Во 2-й половине X в. одним из объектов аренды знатных и богатых горожан являлась «греческая кухня» («*coquina grecanica*»)¹⁸¹⁹. Рассказывая о трагической смерти дяди своей матери, проклятого архиепископом Иоанном V (778–785), Агнелл сообщает, что он скончался в вилле под названием *Aureliacus*,

¹⁸¹⁶ Agnellus. P. 312.

¹⁸¹⁷ Benericetti 2002a, № 224 (a. 982).

¹⁸¹⁸ Agnellus. P. 303.

¹⁸¹⁹ Vesi 1845. P. 256. Cf. Benericetti 2002a, № 224 (a. 982).

расположенной на «двенадцатой миле» от города¹⁸²⁰. Судя по топониму, речь идет о древней *villa suburbana*, пригородном имении, важном месте в топографии *otium*'а позднеримской равеннской знати.

Устойчивой и динамической характеристикой господствующего класса Романьи на протяжении VIII–XI вв. является набор средств для символической легитимации своей власти. В условиях практически полной культурно-языковой ассимиляции продуманная система имянаречения, наряду с титулатурой, была важным средством сохранения групповой идентичности. Как и в других раннесредневековых обществах Европы, имя здесь служило маркером принадлежности к *familia*¹⁸²¹.

Если говорить о равеннской элите в целом, то в ее кругах долгое время отдавалось предпочтение римским, библейским и, в меньшей степени, греко-восточным именам. Имена германского происхождения, впрочем, бытовали здесь всегда. Так, готские имена *Tedericus* и *Gundius* носили соответственно священник базилики св. Петра *in Scoti* и нотариус из Форли, упомянутые в грамоте 894 г.¹⁸²² Отец консула Иоанна, известного по акту 896 г., носил готское имя *Vuandilo*¹⁸²³. Однако массовое распространение такие имена получают во второй половине X в., когда они быстро завоевывают популярность на высших этажах равеннского общества. Интересна экспансия «королевских» и «герцогских» имен: Амальрик, Адальберт, Бернард, Родальд, Ромуальд¹⁸²⁴. Их распространение связано с интеграцией Романьи в политическую систему империи Оттонов. Ввиду ограниченной репрезентативности приведенные ниже сведения со статистической

¹⁸²⁰ Agnellus. P. 340.

¹⁸²¹ См.: *Klewitz H. W.* Namengebung und Sippenbewusstsein in den deutschen Königsfamilien des 10. bis 12. Jahrhunderts. Grundfragen historischer Genealogie // *Archiv für Urkundenforschung*. 1944. Bd. 18. S. 23–37; Среди наиболее общих работ см. в первую очередь: *Werner. K. F.* Liens de parenté et noms de personne. Un problème historique et méthodologique // *Collection de l'École Française de Rome*. 1977. T. 30. P. 13–18, 25–34, 442–444. На франкском материале эта проблема изучалась антропологом Р. Ле Жан. См.: *Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde Franc (VIIe–Xe siècle). *Essai d'anthropologie sociale*. Paris, 1995. P. 179–223.

¹⁸²² *Benericetti* 2006, № 50 (a. 894).

¹⁸²³ *Ibidem*, № 51–52 (a. 896).

¹⁸²⁴ *Haubrichs W.* The Early Medieval Naming-world of Ravenna, Eastern Romagna and the Pentapolis. P. 263.

точки зрения едва ли являются значимыми, но они вполне могут проиллюстрировать эти наблюдения.

Таблица 29. Ономастика носителей «византийской» титулатуры в 700-900 гг.

	Римские	Греко-восточные	Германские	Библейские
Tribunus (700-сер. X в.)	13	6	–	6
Dativus (700-900)	15	3	–	4
Consul (700-900)	5	5	2	6

Таблица 30. Ономастика консульской знати X в.

	900-950	950-975	975-1000
Римские	4	20	4
Германские	2	9	3
Греческие	3	6	3
Библейские	8	35	13

Определенные традиции имянаречения вырабатываются и в отдельных семейных группах равеннской элиты. Среди крупных аристократических родов (*domi*), в первую очередь, дуксов, а также в некоторых консульских семействах, типичным становится очень ограниченный набор имен (не более 1–2, реже 3 единиц), стабильно воспроизводящихся в последовательности поколений.

Конечно, имена были не единственными маркерами индивидуальной и групповой идентичности. Одного имени было недостаточно. Именной фонд сокращался, в нем все больше преобладали библейские имена Иоанн (*Iohannes*), Мария (*Maria*), Петр (*Petrus*), а также неолатинские онимы Урс (*Ursus*), Доминик (*Dominicus*), Мартин (*Martinus*). На сужении номенклатуры сказывался и обычай нарекать ребенка по отцу, деду, матери или бабке. Тем не менее, даже сокращение и сгущение именного фонда имели свою логику. Самыми рейтинговыми всегда были имена святых, которым были посвящены монастыри и церкви Равенны, кстати, контролировавшиеся знатью. Помимо Иоанна и Петра, умеренный прирост демонстрировали имена Андрей, Павел и Сергей, что отражало повышение престижа носителей таких имен, которые охотно воспринимались и

другими общественными слоями. Таким образом, обеднение равеннской номенклатуры отчасти говорит и об аристократизации городского пространства.

Выходом из положения становились сложносоставные имена, образованные от личного имени и дополнения к нему. В IX–XI вв. они завоевали популярность в самых разных слоях романьольского общества. Такие имена раскрывали родственные связи (по распространенной формуле *x filius q(uo)nd(am) y*), служили социальной идентификации (*diaconus, agellarius, colonus*) указывали на происхождение (при помощи генетива, но чаще посредством предлога *de*: *Liutardo de Conca, Arnaldo Ariminensis, Teobaldus de Posterula* – от названия одноименных городских ворот и *regio* Равенны), имя родителя (*Petrus de Mauro*) или иного предка по восходящей линии (в этом случае преобладали патронимы, но не обязательно: нередки и матронимы, например *Martinus de Venerosa, Petrus de Agneta, Petrus de Ursa, Leo de Maria, Iohannes de Albesinda* – почти все эти люди происходят из крестьянской среды). Со временем имена-дополнения стали обозначениями целых родов (*de Marino, de Ponte Augusti*). Среди консульских семейств X – начала XI вв. нередко можно встретить такие топонимические уточнения, как *De Amoneta, De Calcianaria, De Ponte Augusti, de Guandillo (?), De Saltjapelle* – все эти имена образованы от городских и пригородных топонимов.

Той же цели служили т.н. *nomina additicia*, добавочные антропонимы, образованные при помощи связки *q(ui) v(ocatur)*. Среди них, помимо прозвищ-когноменов (*Plangipánico, Siccasecaria, Rava*), со второй половины X в. можно встретить и полноценные германские антропонимы (*Liucio, Teudo*).

Наследование имени можно проследить по родословным пяти крупнейших аристократических семейств Равенны IX–X вв. В герцогском роду Траверсариа в IX–XIII вв. во всех поколениях, включая боковые ответвления рода, преобладают имена Петр (*Petrus*) и Павел (*Paulus*)¹⁸²⁵. Имя Петр, в целом, было очень популярно в Равенне (12,1% именного фонда X в.¹⁸²⁶); в то же время имя Павел, кстати, редкое для многих регионов раннесредневековой Европы, лишь

¹⁸²⁵ О генеалогии рода см.: *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma...* P. 208–210.

¹⁸²⁶ *Haubrichs W. The Early Medieval Naming-world of Ravenna...* P. 271.

эпизодически встречается в Романье среди других общественных классов (всего ок. 3%), например, среди колонов¹⁸²⁷ и консульской знати (4% именного фонда в IX–X вв.). Но наибольшей популярностью оно пользовалось именно в роду Траверсариа.

В родственных семействах Сергиев и Ромуальдов, берущих свое начало от дукса Сергия (838–893), раньше всего закрепляется имя германского (вероятно, лангобардского) происхождения Ромуальд (Romualdus). Не исключено, что его появление как-то связано с Ромуальдом, имолийским дуксом и крупным землевладельцем западного Экзархата, возможным, происходящим от беневентских герцогов. На связь Ромуальда с Равенной указывает то, что среди свидетелей при составлении дарственной его сыном, Гизульфом, в пользу равеннского епископа, оказался Роман, равеннский дукс, известный нам по папской корреспонденции¹⁸²⁸. Помимо Ромуальда, в этом семействе закрепляется и имя его родоначальника, в том числе и его женская форма (Sergia), хотя с середины и второй половины X в. допускаются и иные имена, в основном германского происхождения (Liutfredus, Henricus, Adalbertus, Ingelrada, Hubertus)¹⁸²⁹.

Семейство *Magister Militum* в IX–XI вв. не знало выраженных пристрастий к тем или иным именам, хотя преобладают имена Лев (Leo; его носил родоначальник семейства), Андрей (Andreas) и Петр (Petrus). В двух ответвлениях торгового семейства де Марини наибольшую популярность имели имена Мариний (Marinius) и Виталий (Vitalis) – последнее, скорее всего, в честь популярного местного святого. Наконец, в консульском семействе de Ponte Augusti дважды встречается Аполлинарий; в этом роду, где встречаются довольно нетипичные для именного фонда Равенны имена (такие, как Трибун), также закрепляется имя Деусдедит¹⁸³⁰. Имена Анастасий и Константин встречаются в двух консульских семействах, восходящих к Константину Blancus (893) и

¹⁸²⁷ Benericetti 2002, № 91 (a. 957).

¹⁸²⁸ Benericetti 2006, № 16 (a. 855).

¹⁸²⁹ Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 198–201.

¹⁸³⁰ Benericetti 2002, № 115 (a. 964), 119 (a. 965).

Константину de Amoneta (901), которых Дж. Буцци (возможно, безосновательно) связывает с родом *Magister Militum*¹⁸³¹.

Знать и духовные учреждения. В непростых отношениях с сильными и властными архиепископами местная светская знать придерживалась различных «стратегий выживания». Знатные семейства стремились контролировать все уровни церковной иерархии, начиная с архиепископского престола. И им это удавалось – вплоть до 1-й четверти X в., когда архиепископом стал Петр, выходец из Болоньи. Но утверждение на престоле «своего» архиепископа, становящегося крупным игроком на политической сцене, как это было в IX в., автоматически не гарантировало его лояльности. Агнелл с горечью вспоминает о своей дружбе с Георгием, которая прервалась после избрания того на престол понтификов Равенны (834–846). Аналогичные стратегии воспроизводились и в локальных сообществах суфраганных диоцезов Романьи, в частности, Форли, где местные епископы располагали обширной собственностью в окрестностях города¹⁸³². Известно, что в конце X в. епископом диоцеза был Уберт (955–998), брат графа Ламберта, владевший землями в округах Форли, Комакьо и Дечимано.

Получение отпрысками знатных семейств диаконата и ключевых постов в архиепископских фискальных институциях и духовных корпорациях (например, нотариальной должности) облегчало им доступ к аренде церковных имуществ, позволяло им контролировать патримонии духовных учреждений, возможно, также распоряжаться доходами формально независимых от архиепископии монастырей и церквей. Неудивительно, что такая стратегия встречается в регионе повсеместно.

Например, согласно одному из эксцерптов «Баварского кодекса», относящемуся к периоду 847–850 гг., к семейной группе дукса Озимо Иоанна и его супруги примыкает некий диакон Стефан¹⁸³³. Весьма вероятно, что эти люди состояли в родстве друг с другом. Семейная группа экс-трибуна Деусдедита,

¹⁸³¹ *Buzzi G.* Per la storia di Ravenna e di Roma... P. 205–206.

¹⁸³² *Fantuzzi* 1804, № 8 (a. 962).

¹⁸³³ *BER*, № 125.

арендовавшего архиепископскую землю в Римини где-то между 818 и 834 гг., помимо некоего Виталиана, включала также диакона Петроакса. Налицо стратегия (просуществовавшая в регионе до XVIII в.), при которой один или двое братьев следовали военно-чиновничьей карьере, а третий – духовной, что, возможно, немало облегчило доступ к эмфитевтической аренде.

Такой стратегии – проникновения в структуры архиепископской курии или суфраганных епископств – продолжали придерживаться представители всех страт господствующего класса региона на протяжении IX–X вв., включая неравенские сообщества. Например, архидиакон фавентийской церкви Доминик дарит архиепископии в 883 г. земли с согласия своего отца, гастальда Иоанна¹⁸³⁴. В 900 г. сыном землевладельца Берарда был клирик и архиепископский нотариус Лев, «аббат» церкви св. Георгия, который распоряжается ее имуществом с согласия своего отца¹⁸³⁵. Сыном «сиятельнейшего консула» Петра был диакон (на 965 г.) феррарской церкви Григорий, получающий в аренду от местного епископа Мартина приход *in vico Variano*¹⁸³⁶. Анноблировавшееся торговое семейство Марини также преследовало сходную стратегию¹⁸³⁷.

В этих условиях контроль над церквями и монастырями со стороны местной знати, нередко замещающей и должности в архиепископских структурах, был еще одним важным политическим приобретением и действенным рычагом влияния в локальных сообществах, за которые, несомненно, шли торги и из-за которых разворачивались конфликты. Боролись как за равенские церкви, контролировавшиеся крупнейшими семействами, так и за пригородные и сельские церкви, базилики и капеллы в различных имениях и приходах Романьи, более доступные для местной (в т.ч. неравенской) элиты. И им было за что бороться. Равенна была буквально насыщена городскими и пригородными церквями и монастырями. В XII в., по некоторым подсчетам, их было уже более сотни¹⁸³⁸.

¹⁸³⁴ Benericetti 2006, № 35 (a. 883).

¹⁸³⁵ Benericetti 1999, № 1 (a. 900).

¹⁸³⁶ Benericetti 2002, № 118 (a. 965).

¹⁸³⁷ Benericetti 2002a, № 206 (a. 978).

¹⁸³⁸ Vasina A. Romagna medievale. P. 200.

В VIII–IX вв. в регионе получает распространение общеевропейский феномен строительства частных церквей, т.н. *Eigenkirche*. Они строились, в первую очередь, крупной знатью, например, графами Гуидами, но были вполне доступны и консульским семействам. В X в. некий Павел *Rastaneus* отстроил в своем доме капеллу св. Спасителя, к которой были приписаны земли нескольких *fundi* в пригороде Равенны. Часовня вместе с принадлежащими ей имуществами была пожалована священнику Иоанну, но в 981 г. семейство Павла, сына покойного, арендует эти имущества обратно, видимо, для поддержания доходности ее земель и реставрации зданий. Взамен священник обязуется подносить семье Павла символические дары на Пасху, и, что немаловажно, читать молитвы за спасение души усопшего отца и других покойных родственников¹⁸³⁹.

Сдача в аренду земли и недвижимости местных церквей (в обход прямых отношений с архиепископами) локальной элите способствовала складыванию клиентских связей как на местах, в провинциальных районах Романьи, так и в самой Равенне. Например, в 1012 г. некто Доминик *de Vonio* с супругой, возможно, связанные с ремесленной средой (их соседом является сапожник Боницо *de Vonio*, скорее всего, кровный родственник Доминика), переарендуют городскую недвижимость у Уварина, священника Равеннской церкви и препозита базилики св. Агнессы и мучеников на условиях, что Уварин должен во всем оказывать им покровительство и защищать от посягательств других лиц, не требуя при этом ничего сверх установленной платы¹⁸⁴⁰.

Примеров реализации такой стратегии в источниках множество. Повсеместное и полномерное развитие она получает в середине - второй половине X в., в момент укрепления позиций равеннской аристократии и феодализации Романьи под эгидой Священной Римской империи, скорее всего, в условиях конкуренции с другими аристократическими линиями города, где не последнюю роль мог решать архиепископский патронаж.

¹⁸³⁹ Benericetti 2010, № 339 (a. 981) = Fantuzzi 1802, № 20 (a. 981).

¹⁸⁴⁰ Benericetti 2003, № 33 (a. 1012).

Например, отцом Иоанна, субдиакона и «аббата» церкви св. Георгия *fuori porta Artemedore* в субурбии Равенны, на момент 955 г. был дукс Иоанн. Имея в распоряжении небольшую пригородную недвижимость, субдиакон сдавал ее в аренду одному табеллиону с согласия и одобрения своего отца¹⁸⁴¹. Спустя девять лет, не позднее 964 г., «аббатство» этой же церкви получает клирик и архиепископский нотариус Сергей, сын дукса Адельберта de Sergius, по всей видимости, происходящего из линияжа герцогов Сергиев. Теперь клиентами-эмфитевтами церкви становятся именитые семейства «сиятельнейшего консула» Деуседита и герцога Павла из рода Траверсариа. Получив в распоряжение две *traversis* пашенной земли неподалеку от городских ворот *Artemeduli*, они становятся соседями владений герцога Ромуальда¹⁸⁴². Через восемь лет, в 972 г., этот же «аббат» Сергей, теперь в чине субдиакона, продлевает аренду земельных наделов в имении *Casaliccio* группе съемщиков-эмфитевтов неясного статуса в приходе св. Лауренция в округе Форли.

Семейство Сергиев сохранило за собой эту церковь и в начале следующего века, причем статус ее настоятеля заметно вырос. В 1015 г. ее «аббатом» был уже архидиакон Равеннской церкви Сергей¹⁸⁴³, занимавший довольно высокое положение в местной церковной иерархии (скорее всего, уже другое лицо): в судебном протоколе 1016 г. его подпись следует сразу же за подписями архиепископа Равенны и суфраганных епископов Романьи и соседних областей¹⁸⁴⁴.

Аренда имущества у церковей открывала возможности для установления или упрочения социальных связей между знатными семействами. Служила она и урегулированию непростых конфликтов. Определенным компромиссом между тремя партиями – Церковью и двумя знатными семействами – можно считать дарение, сделанное архиепископом Онестом в 976 г. Согласно ему архидиакон Иоанн, скорее всего, отпрыск Сергиев/Ромуальдов, получает в пожизненное

¹⁸⁴¹ Benericetti 1999, № 81 (a. 955).

¹⁸⁴² Benericetti 2002, № 115 (a. 964).

¹⁸⁴³ Benericetti 2003, № 38 (a. 1015).

¹⁸⁴⁴ *Ibidem*, № 40 (a. 1016).

владение церковь (monasterium) св. Стефана in Fundamenta; после его смерти его место должен был занять Маринаций, клирик и архиепископский нотариус, сын Деуседита из консульского рода de Ponte Augusti¹⁸⁴⁵.

Такую стратегию наиболее успешно реализовывал род герцогов Траверсариа, по-видимому, в острой конкуренции с представителями других влиятельных семейств города. Еще в 953 г. «аббатом» равеннской церкви св. Иоанна и Барбациана был Онест, сын судьи-датива Иоанна¹⁸⁴⁶, но на 983 г. должность «аббата» этой церкви уже занимал субдиакон Павел, сын герцога Павла Траверсариа, и, вероятно, он же не позднее того же 983 г. стал «аббатом» другой равеннской церкви (monasterium) – св. Киприана¹⁸⁴⁷. Некто Григорий, на момент 987–991 г. – субдиакон, был братом графа Аларда, а «аббатом» церкви св. Марии, эмфитевта крупного монастыря св. Аполлинария Нуово, в 983 г. был Уберт, другой сын графа Аларда¹⁸⁴⁸. Наконец, «аббатом» церкви св. Марии in *Xenodochio* являлся в 976 г. клирик и архиепископский нотариус Герард, сын Герарда ex genere ducis¹⁸⁴⁹, удерживавший эту должность как минимум до 988 г.¹⁸⁵⁰ и, по всей видимости, связанный какими-то отношениями с родом Траверсариа. Обе церкви в последние десятилетия 980-х гг. установили отношения с влиятельными семействами из Феррары, в округе которой располагали земельной собственностью: эмфитевтами церкви св. Марии in *Xenodochio* стала родственная группа эмфитевтов, в числе которой – Бернанд, диакон феррарской церкви, сын городского судьи Урса, его родич (gener) Эверард, консул, со своими двумя братьями и сестрой. Эта группа, получив в распоряжение церковь (capella) в имении Cornito, доставшейся Бернанду, стала, таким образом, влиятельным локальным семейством, утвердившим свое местное экономическое и политическое господство через отношения с равеннской знатью, опосредованной арендой церковных имуществ. В 1005 г. супруги Иоанн и

¹⁸⁴⁵ Benericetti 2002a, № 191 (a. 976).

¹⁸⁴⁶ CDP, № 5 (a. 953).

¹⁸⁴⁷ Benericetti 2002a, № 229 (a. 983), CDP, № 15 (a. 983).

¹⁸⁴⁸ Benericetti 2002a, № 250 (a. 987–991), Federici, № 10 (a. 983)

¹⁸⁴⁹ CDP, № 12 (a. 976).

¹⁸⁵⁰ Ibidem, № 19 (a. 988?).

Белиарда снимают у Ацио, клирика, нотариа и аббата равеннской церкви св. Андрея, четвертую часть от четырех имений, в одном из которых находилась церковь (*ecclesia/basilica*) св. Андрея, возможно, построенная на средства собственника¹⁸⁵¹.

Монастыри. Пожалуй, наиболее значимыми для равеннской знати были отношения с монастырями. Монастырская жизнь Равенны византийского периода нам практически неизвестна из-за нехватки надежных источников. По мнению А. Гийу, в городе насчитывалось не более четырех монастырей «греческого обряда», история которых воссоздана в ряде специальных исследований¹⁸⁵². Нам практически не известны точные даты организации монастырей на базе тех или иных церквей города. Только от одного из них – монастыря св. Марии *in Cosmedin* – до нас дошла грамота второй половины VIII в., подтверждающая наличие там монашеского общежития. Если верить рассказу Дж. Росси, этот монастырь играл значительную роль в церковно-политической жизни города середины VIII в.

К X в. число монастырей в Равенне возрастает. Не исключено, что это связано с медленным укреплением позиций местной знати. П. Новара полагает, что к этому времени в городе функционировало четыре полноценных монастыря (св. Аполлинария в Классисе, св. Марии *in Palaciolo*, св. Марии *in Cereseo* и св. Мартина *post Ecclesiam Maiorem*) и множество мелких церквей и базилик (например, Сан-Витале)¹⁸⁵³. Не позднее 955 г. в источниках появляется еще три монашеских обители.

По мнению Ж.-М. Сантера, монастыри «греческого обряда» пережили крах Экзархата, но постепенно приходили в упадок. Как минимум три таких монастыря, известных нам по источникам VIII–IX вв., вероятно, прекратили свое

¹⁸⁵¹ Benericetti 2003, № 24 (a. 1005).

¹⁸⁵² См. библиографию и критику гипотезы А. Гийу: *Sansterre J.-M. Monaci e monasteri greci a Ravenna // Storia di Ravenna. Vol. II. 2. Dall'età bizantina all'età ottoniana. Ecclesiologia, cultura e arte. Ravenna, 1992. P. 323–329.*

¹⁸⁵³ *Novara P. Giovanni Vincenzo arcivescovo nella Ravenna della fine del X secolo // Giovanni di Besate (san Giovanni Vincenzo) arcivescovo di Ravenna ed eremita / A cura di G. Oruoli e Paola Novara. 2010. P. 27.*

существование к X в. или были преобразованы в соответствии с бенедиктинским уставом. Такова, по всей видимости, судьба восходящего к византийской эпохе монастыря св. Феодора *q(ui) v(ocatur) Greco*, расположенного неподалеку от монастыря св. Аполлинария Нуово. Вероятно, своему названию место обязано тем, что здесь дольше всего служили греческие монахи или священнослужители. Сама церковь функционировала как минимум до 1007 г.¹⁸⁵⁴, однако наличие там монастыря не доказано. Неизвестна и судьба земельных владений этих учреждений, хотя *monasterium* св. Феодора продолжал владеть некоторыми *fundi* в Дечимано, достаточными, чтобы сдавать их в эфитевтическую аренду.

Нужно понимать, что под *monasteria* в источниках VIII–XI вв. часто подразумеваются не только и не столько монашеские общежития (чаще всего они называются *congregatio*), сколько различные культовые сооружения, в частности, городские (включая придомные) и пригородные, в том числе приходские церкви, частные часовни-усыпальницы, а также часовни, находившиеся в управлении секулярного клира¹⁸⁵⁵. Неосторожная интерпретация термина *monasterium* сыграла злую шутку с А. Гийу, который разглядел монастырь в церкви св. Марии *ad Blachernas*. Там некогда служил «аббатом» историк Агнелл, купивший церковь у архиепископа Мартина за 200 золотых солидов. То же самое касается и некоторых других *monasteria*, таких, как св. Лаврентия в Цезарее и св. Феодора, где присутствие монахов, по мнению Ж.-М. Сантера, не доказано¹⁸⁵⁶.

Во времена Агнелла *monasteria* называли любые городские или сельские культовые сооружения¹⁸⁵⁷, которые фигурируют в источниках под терминами *ecclesia*, *oratorium*¹⁸⁵⁸, *basilica*, *capella*¹⁸⁵⁹. Сам Агнелл использует этот термин в

¹⁸⁵⁴ Benericetti 2003, № 27 (a. 1007) = Fantuzzi 1801, №. 40 (a. 1007). P. 390 = Fantuzzi 1803, № 16 (a. 1007). P. 162.

¹⁸⁵⁵ Benericetti 2002, № 103 (a. 960), 114 (a. 964).

¹⁸⁵⁶ *Sansterre J.-M.* Monaci e monasteri greci a Ravenna. P. 326.

¹⁸⁵⁷ Agnellus. P. 213: *Monasteria vero in ciuitate Classis, quae lateribus fontique ecclesia Petriana iuncta sunt, sancti Mathei apostolic et Iacobi, ipse tesellis ornari sunt.* Подробнее об этимологии слова *monasterium* в сочинении Агнелла см. *Deliyannis D. M.* The Book of Pontiffs of the Church of Ravenna. P. 330–331.

¹⁸⁵⁸ Benericetti 1999, № 52 (a. 944).

максимально широком смысле, подразумевая под ним *ecclesia* и *basilica*, зачастую – всего лишь пристройку к более крупной церкви¹⁸⁶⁰. Примером может служить жизнеописание св. Флоренция, в котором утверждается, что этот епископ был похоронен в *monasterium* св. Петрониллы, который примыкал к стенам более крупной церкви Апостолов, названной Агнеллом *ecclesia*¹⁸⁶¹. В другом месте Агнелл говорит, что *monasterium* св. Иакова располагался внутри баптистерия церкви¹⁸⁶². В этой связи интересно заметить, что в сфальсифицированной «привилегии» Валентиниана III, с которой Агнелл был хорошо знаком, термин *monasterium*, тем не менее, употреблен в прямой связи с наличием там монахов¹⁸⁶³.

В одной дарственной второй половины IX в. новооснованный монастырь как социальная и юридическая единица называется *congregatio monachorum regularis*, в то время как пожалованная ему в собственность церковь с примыкающим к ней садом названа *monasterium*¹⁸⁶⁴. В сходном значении термин употребляется и в актах папской канцелярии¹⁸⁶⁵, в том числе и в позднейшее время. В папской привилегии 1169 г., касающейся Равеннской церкви, многие церкви фигурируют в качестве *monasteria*¹⁸⁶⁶.

¹⁸⁵⁹ Benericetti 2002a, № 222 (a. 981): *capella nostra cui vocabulum est Sancti Mercurialis cum omnibus rebus et possessionibus suis ab ipas capella pertinentibus, fundata in curte nostra de Casamurata, territorio Ravenne in Decimo.*

¹⁸⁶⁰ *Deliyannis D. M. The Book of Pontiffs...* P. 331–332.

¹⁸⁶¹ Agnellus. P. 168: *Sepultus est hic sanctus vir in monasterio sanctae Petronillae, haerens muris ecclesiae apostolorum.* Ср.: *Ibidem.* P. 187: *sepultus est in monasterio sanctorum Gervasii et Protasii, iuxta praedictam ecclesiam.*

¹⁸⁶² *Ibidem.* P. 291.

¹⁸⁶³ Marini, № 57: *omniumque monasteriorum sub ejus dispositione rejaentium et in eis servientium monachorum.*

¹⁸⁶⁴ Benericetti 2006, № 29 (850–877): *offerro atque perpetualiter fore mansurum decrevimus monasterium ad tuum honorem constructum cum clausam condam vine et orto iusta se posito, quod monasterium ad Memoriam Regis et a Farum vocatur, nam ceteras res sibi pertinentes volumes atque futuris temporibus mansura esse iubemus in monasterio Sancti Georgii martiris, que non longe ab ipso monastero constructum esse videtur.*

¹⁸⁶⁵ Benericetti 2006, № 9 (a. 819): *monasterio vero Sancti primi martyris Stephani qui sic nominatur Fundamenta et reiacet iuxta Palatjum cum omnibus eidem pertinentibus religiosus monachis omnia veneranda oracula vel monasteria et ceteros venerandos locos sub parochia existens sanctitati vestrae.*

¹⁸⁶⁶ Fantuzzi 1802, № 73 (a. 1169). Подобная путаница существовала вплоть до XIII в.

Некоторые из них, как, например, *monasteria*, основанные во владениях графини Ингельрады в Римини и Равенне и пожалованные землями и прочим имуществом своей основательницей, являются типичными *Eigenklöster*¹⁸⁶⁷. Иные из таких церквей могли занимать лишь скромное частное здание вплоть до одного-единственного верхнего этажа¹⁸⁶⁸ и арендоваться духовными и даже светскими лицами. Они имели собственных «аббатов» (сам Агнелл был «аббатом» *monasterium* св. Варфоломея, унаследовав это место от своего родственника, диакона Сергия)¹⁸⁶⁹. В целом, архиепископия располагала рычагами давления на таких мелких церковных собственников. Так можно объяснить включение документов, касающихся земельных сделок этих церквей, в состав архиепископского архива. Архиепископы могли распоряжаться собственностью церквей, в частности, сдавая ее в эмфитевтическую¹⁸⁷⁰ или либеллярную аренду¹⁸⁷¹.

В Романье, в отличие от соседней Эмилии, где находились такие влиятельные монастыри, как Боббио (осн. в 612 г.) и Нонантола (осн. в 752 г.), не сложилось сети монастырей, которые играли бы альтернативную по отношению к городу экономическую и социально-политическую роль. Одним из самых первых известных нам монастырей Романьи была женская обитель св. Иоанна Крестителя

¹⁸⁶⁷ Benericetti 2006, № 54 (a. 896): *item postremo et habere et retinere et possidere me fateor domum integram ubi manere videor situm in civitate Ravenne qui vocatur Ferrato, cum monasterio Sancte semperque Virginis Dei Genetricis Mariae, a nobis fundato et edificato, cum omnibus rebus et possessionibus... cum sale et familiaricis seu et curte et orto eidem monasterio pertinentibus.*

¹⁸⁶⁸ Benericetti 2002a, № 274 (a. 998): *rem iuris predicto monasterii vestro, idest ipsum suprascripto sanctum ac venerabilem monasterium cui vocabula est Sancti Mercuriali et Gratis seo Apollinaris cum tjmiterio suo tjtra se et iusta se et sala una in integro qui est suprascripto monasterio cum curticella retro se et cum porcione puteo etc; Fantuzzi 1801, № 68 (a. 992) = Benericetti 2010, № 329 (a. 932): Liutuardus .. presbiter et abbas monasterij Sancti Salvatoris Domini nostril Jesu Xpisti qui est fundatum in superior domum qui fuit de quondam Vitaliana celestas deo dicata. Здесь церковь, по всей видимости, была заложена по воле постригшейся в монахини хозяйки этого дома. CDP, № 4 (a. 939): *monasterium sv. Марии располагался на верхнем этаже дома (in superior domi q.v. imperialis et xenodochio), ранее являвшегося приютом.**

¹⁸⁶⁹ Pizarro J. M. *Writing Ravenna*. P. 1–2.

¹⁸⁷⁰ Benericetti 2002a, № 241 (a. 988): *que iam nominate fundora iuris monasterii Sancti Andree apostoli qui vocatur ad Fossam Putridam, quod a vistris detinetis manibus.*

¹⁸⁷¹ *Ibidem*, № 251 (a. 991): *libellario nomine concedistis nobis rem iuris monasterii vestri Sanctorum M[artirum] Marci et Marcelli seu Felicule, scitum iuxta parietem Sancti Apollinaris in Classe, quod a vestris detinetis manibus.*

ad Navicula, впервые фигурирующая в папирусе, датируемом приблизительно 700 г.¹⁸⁷² Вероятно, хотя и не доказано, присутствие там монахинь греческого происхождения. Другой ранней обителью был монастырь св. Илария Галеатского, чья история восходит к 754 г. Расположенный в Галеате (нынешняя провинция Форли-Чезена), он был одним из центров почитания святого монаха, жившего в конце V и начале VI вв. Известно, что один из его аббатов, некто Ancauso, до своей смерти в 759 г. был епископом Форли-Мополи¹⁸⁷³. К северу от Комакьо находился бенедиктинский монастырь св. Марии (аббатство Помпоза), основанный предположительно в начале IX в. Он входил в папский патримоний и, согласно императорскому диплому 981 г., имел в собственности соляные промыслы в Комакьо¹⁸⁷⁴. В течение XI в. он был важным центром монашеского обновления.

Следует упомянуть также монастырь св. Марии *in Cosmedin*. В 767 г. он получил значительные владения (более 11 *fundi*) в округе Faventino *actio Corniliense* в результате благочестивого дарения некой знатной вдовы Евдокии¹⁸⁷⁵. Его принадлежность греческому обряду косвенно подтверждается как греческими именами традентов и свидетелей заключения сделки, принадлежавших, скорее всего, греко-восточной диаспоре, так и красноречивым титулом *erguminus* (т. е. игумен), которым назвал себя аббат монастыря Анастасий¹⁸⁷⁶. Вероятно, в X в. он уже не функционировал.

Монастырь св. Аполлинария в Классисе впервые упоминается в надписи на левой стене одноименной базилики, датируемой 731 г. Он находился в управлении архиепископа и обладал земельными владениями во всех округах и регионах Экзархата – от Адрии (Венето) до Анконы. Однако, судя по имперскому диплому 972 г., в X в. он находился в упадке; из-за переделов земель и

¹⁸⁷² Benericetti 2006, № 1 (a. 700).

¹⁸⁷³ Ibidem, № 3 (a. 759).

¹⁸⁷⁴ CDP, № 14 (a. 981): et omnes salinas, quae in Comaclo eidem monasterio pertinentes tam infra castrum, quam extra.

¹⁸⁷⁵ Benericetti 2006, № 4 (a. 767).

¹⁸⁷⁶ Ibidem: vos s(uprascript)us Anestasi(us) presb(ite)r et ergumin(us).

эмфитевтических пожалований его доходы резко упали¹⁸⁷⁷. В 1138 г. он был реформирован по камальдунийскому правилу благодаря реформе, родоначальником которой выступил св. Ромуальд, монах и аббат этого монастыря, живший в 953/954–1027 гг. В 1138–1515 гг. им управляли монахи камальдунийского ордена¹⁸⁷⁸.

Еще один важный монастырь – св. Марии *in Palaciolo* – был основан архиепископом в 850 или 877 г. (в зависимости от датировки соответствующего документа)¹⁸⁷⁹ на одноименном острове, омываемом морем, который вместе с церковью (*monasterium*) был уступлен в собственность монастырю. Сама церковь св. Марии существовала еще во времена Агнелла, как минимум в 40-е гг. IX в. Он располагался недалеко (в 8 км) от Равенны, и архиепископ оставлял здесь за собой право избрания аббата. В 947 г. он получил в дар собственность от семейства датива Константина, женатого на дочери герцога Траверсариа¹⁸⁸⁰. Судя по всему, он разрабатывал соляные пруды на побережье¹⁸⁸¹ и имел земельные владения в округах Форли¹⁸⁸², Римини¹⁸⁸³ и Феррары¹⁸⁸⁴, а также недвижимость в Равенне. К XII в. монастырь пришел в упадок и был реорганизован.

В 894 г. архиепископ Равенны Доминик пожаловал монастырю св. Меркуриалия в Форли три имения неподалеку от Форлиμποполи. Однако экспансия этого важного городского монастыря начнется гораздо позже, с рубежа XI–XII вв.

Среди монастырей Равенны интересующей нас эпохи лучше всех обеспечена источниками группа из трех женских равеннских монастырей (св. Андрея, св. Марии *ad Cereseo*, св. Мартина *post Ecclesiam Maiorem*). Монастырь св. Марии *ad Cereseo* стал впервые известным с 896 г., а в X в. он уже управлялся

¹⁸⁷⁷ Benericetti 2010, № 351 (a. 972): nostrorum decessorum temporibus tam per cambicionem quam per emphiteosim ita in dissipatione positus fuit.

¹⁸⁷⁸ *Polverari A. Regesti Senigaliensi. P. XXV.*

¹⁸⁷⁹ М. Фантуцци датирует документ 858 г. (Fantuzzi 1802, № 4).

¹⁸⁸⁰ Benericetti 2010, № 331 (a. 947) = Fantuzzi 1801, № 20 (a. 947).

¹⁸⁸¹ Fantuzzi 1801, № 43 (a. 965); Benericetti 2010, № 343 (a. 987).

¹⁸⁸² Fantuzzi 1801, № 70 (a. 997).

¹⁸⁸³ Benericetti 2010, № 337 (a. 970).

¹⁸⁸⁴ *Ibidem*, № 333 (a. 955).

двумя аббатисами, что может свидетельствовать о его возросшей социально-политической роли в городе, которая потребовала дублирования полномочий¹⁸⁸⁵. Монастырь располагал многочисленными земельными владениями в округах Имолы, Фаэнцы, *Faventino acto Corniliense*, Форли, Форлимпополи и Чезены, а также в регионе Дечимано. По всей видимости, он имел тесные связи с женским монастырем св. Андрея, известным не ранее 1000 г., и другим женским монастырем св. Мартина *post Ecclesiam Maiorem* (в качестве арендодателя появляется в документах не ранее 942 г.), который имел не столь обширный, но не менее рассеянный патримоний, рассредоточенный по округам Дечимано, Форли, Фаэнцы, *Faventino acto Corniliense* и Фано¹⁸⁸⁶. Монастыри св. Марии и св. Мартина были подчинены монастырю св. Андрея не позднее 1014 г., когда аббатиса Halvasa в частной сделке представляет уже оба монастыря¹⁸⁸⁷.

Монастырь св. Севера в Классисе (*infra murum dudum civitate Classis*), в будущем, в XII–XIII вв., престижная и влиятельная духовная корпорация, впервые упоминается в документах с 969–970 гг., однако монастырь там был учрежден значительно раньше, скорее всего, в течение IX в. Среди его монахов был дукс Сергей, отец св. Ромуальда. Наконец, монастырь св. Аполлинария *qui vocatur Novo* в качестве монашеского общежития впервые фигурирует в источниках с 973 г., когда он получает в дар от герцога-графа Петра обширные владения в округах Форли, Чезены и Дечимано на условиях установления там бенедиктинского правила¹⁸⁸⁸. Еще одна бенедиктинская обитель возникла на рубеже X–XI вв. на базе церкви Сан-Джованни-Эванджелиста¹⁸⁸⁹.

Относительно умеренный рост монастырской собственности обеспечивался дарениями и завещаниями крупных светских собственников¹⁸⁹⁰, а также

¹⁸⁸⁵ Benericetti 2010, № 306 (a. 975): ad nobis Berlinda et Sergia Deo dicatae abbatissae monasterii Sancte semperque Virginis Dei Genetricis Mari qui vocatu a Cereso.

¹⁸⁸⁶ Muzzioli, № 9 (a. 949), 11 (a. 950), 12 (a. 950), 14 (a. 953), 23 (a. 964), 24 (a. 964), 26 (a. 975), 28 (a. 975), 32 (a. 978), 33 (a. 978), 34 (a. 978), 35 (a. 979), 36 (a. 979).

¹⁸⁸⁷ Fantuzzi 1801, № 82 (a. 1014): Halvasa religiosa abbatissa monasterii S. Andree Apostoli q.v. Maioris, et monasterii S. Martini q. dicitur post Ecclesia.

¹⁸⁸⁸ Federici, № 2 (a. 973).

¹⁸⁸⁹ Benericetti 2011, № 573 (a. 1003).

¹⁸⁹⁰ Muzzioli, № 12 (a. 950), 16 (a. 957).

пожалованиями архиепископа. Одним из факторов упрочения своего влияния становился контроль со стороны крупнейших монастырей над некоторыми городскими церквями и часовнями, где они обязаны были проводить службы, привлекая паству и обеспечивая приток благочестивых пожертвований. Этой же цели служила сеть провинциальных культовых центров – церквей и часовен, располагавшихся в пределах владений этих корпораций.

Монастыри располагали как объектами городской недвижимости, так и некоторым земельным фондом, рассредоточенным по имениям-fundi во всех округах Экзархата, который мог сдаваться на тех или иных условиях в аренду колонам и эмфитевтам. Однако размеры собственности и степень политического влияния монастырей в VIII–X вв. были несопоставимы с крупными монастырскими комплексами соседних областей Италии. Показательно, что среди тридцати духовных иерархов, принимавших участие в равеннском синоде 955 г., названы настоятели всего четырех монастырей¹⁸⁹¹, причем о двух монастырях – св. Иоанна, апостола и евангелиста, и св. Лаврентия в Цезарее – мы впервые узнаем именно из этого документа.

Кроме того, монастыри в той или иной степени находились под контролем архиепископии. На судебном процессе 838 г. интересы монастыря св. Аполлинария, чьи имущества были захвачены одним из феодалов Адрии, представлял сам архиепископ со своим адвокатом¹⁸⁹². Знаменателен и другой эпизод. В 957 г. монастырь св. Марии *at Cereseo* получил в дар от вдовы судьи *fundus Rotita* с условием, что сделка вступает в силу после смерти традента¹⁸⁹³. В 978 г. архидиакон и камерарий Иоанн, высокопоставленное лицо в архиепископских структурах, сдает этот *fundus* данному монастырю в вечнонаследственную аренду и одновременно получает с него часть причитающейся ренты, оформленной в виде квитанции¹⁸⁹⁴.

¹⁸⁹¹ Benericetti 1999, № 86 (а. 955).

¹⁸⁹² Benericetti 2006, № 11 (а. 838).

¹⁸⁹³ Muzzioli, № 16 (а. 957).

¹⁸⁹⁴ *Ibidem*, № 5 (а. 942), 30 (а. 978, 3 января), 31 (а. 978, 3 января).

Тем не менее, со 2-й половины X в. императоры, гарантируя своими привилегиями иммунитет и собственность многих монастырей, использовали их как инструмент в противодействии публичной власти архиепископов, что, несомненно, до определенной степени гарантировало их имущественные права и повышало политический статус. В 981 г. такую привилегию от Оттона II получает Бенедетта, аббатиса монастыря св. Марии *in Cereseo*, в соответствии с которой подтверждаются собственнические права монастыря в округах Чезены и Форлимпополи¹⁸⁹⁵. Вскоре, в 983 г., под опеку (*mundiburdium*) короля Оттона III был взят и монастырь св. Марии *in Palaciolo*¹⁸⁹⁶. Еще один монастырь – Сан-Витале, где наличие конгрегации монахов фиксируется в некоторых документах X в., по итогам императорского диплома от 999 г. получает в собственность небольшую городскую недвижимость¹⁸⁹⁷. Таким образом, монастыри, будучи естественными союзниками местной знати, стремившейся к обособлению от архиепископии, оказались мощным инструментом в руках аристократии в ее противостоянии с архиепископами.

Одним из основных механизмов достижения монастырского патронажа является дарение или завещание имущества в пользу духовной корпорации. Такие акты во многом носили личный характер, поскольку имущество отчуждалось в пользу настоятеля, с которым у дарителей, по-видимому, имелись тесные контакты вплоть до кровнородственных связей. Кроме того, траденты могли получить собственность обратно на условиях эмфитевзиса, что, несомненно, было выгодно бывшим собственникам, стремившимся в условиях политической нестабильности обезопасить тем самым свое имущество. Вероятно, монастыри, в свою очередь, сами добивались покровительства светской знати, обеспечивая себя союзниками в непростых взаимоотношениях с архиепископией, властно распоряжавшейся их имуществами и доходами. В этой связи обращают на себя

¹⁸⁹⁵ Muzzioli, № 37 (a. 981).

¹⁸⁹⁶ *Ottonis II et III diplomata* / Ed. Th. Sickel. Hannover, 1893 (MGH DD O II / DD O III). Nr. 314 (a. 983). P. 370–371 = Benericetti 2010, № 341 (a. 983).

¹⁸⁹⁷ *Ibidem*, Nr. 308 (a. 999). P. 734–735. О конгрегации монахов см.: Benericetti 1999, № 26 (a. 915).

внимание дарения *more salario*, продукт развития (со 2-й половины VIII в.) дарений с сохранением *узифрукта*. Выросшие из римско-правовых отношений и приближающиеся к *usus*, они тем более интересны, что заложили правовую основу для особого типа отношений собственности, приближающейся к условной.

Эта эпоха сближения и взаимовыгодного сотрудничества, если не полного слияния, подспудно подтачивавшего позиции архиепископов, открывается в источниках актом 700 г., который является хронологически первой дарственной, составленной в пользу церковной корпорации. Речь идет об относительно скромном дарении домостиком Атталианом трех унций одного из *fundi* в пользу монастыря св. Иоанна Крестителя *ad Navicula*. С этого момента, по всей видимости, следует вести отсчет документально засвидетельствованным тесным контактам землевладельцев и военно-служилой аристократии с монастырями. Следует сказать, что монашество в IX–XI вв. было явлением элиты и комплектовалось, главным образом, из представителей правящих и имущих классов. Одну дарственную грамоту, датируемую 850–877 годами, подписал некий «сиятельнейший муж» Петр, «монах и сын Ромуальда»; среди прочих свидетелей в грамоте фигурируют также табеллион, трибун и консул, что, скорее всего, отражает его социальное окружение¹⁸⁹⁸. Примеры св. Ромуальда, отпрыска герцогского рода, равным образом как и его отца, герцога Сергия, в определенный момент своей жизни удалившегося в монастырь св. Севера, также могут служить иллюстрацией социальной природы равеннского монашества докоммунального периода.

Как я уже говорил, большинство монашеских общежитий создавалось на базе существующих базилик и церквей, расположенных в черте городских стен или в непосредственной близости от укреплений. Скорее всего, все они в разной степени контролировались светскими элитами в силу того, что их настоятелями и монахами нередко являлись отпрыски местной аристократии. В середине X в. кровной родственницей Сергии, аббатисы монастыря св. Марии *ad Ceriseo*, была аристократка Мария, *dudum ducarissa* и вдова дукса Деусдедита из рода *Magister*

¹⁸⁹⁸ Benericetti 2006, № 30 (a. 850–877).

Militum, а впоследствии – духовное лицо¹⁸⁹⁹. Сергия, в свою очередь, происходила из знатного семейства герцогов Сергиев и Ромуальдов, тесно связанных с Церковью¹⁹⁰⁰. В многоплановые отношения с этим монастырем, опосредованные арендой церковных имуществ, в течение X в. оказались втянуты представители всех слоев правящего класса города, в том числе почти все наиболее влиятельные семейства Равенны, среди которых – герцогские роды Сергиев, Ромуальдов и Magistri Militum, а также торговое семейство de Marini.

Что касается характера отношений церковных арендаторов с монастырями, обращает на себя внимание то, что с середины X в. в арендах имуществ церквей и монастырей начинает фигурировать «благочестивый» взнос (calciario), совершаемый в присутствии свидетелей путем передачи какого-либо символического, но дорогостоящего предмета, например, лошади, плаща, богослужебной книги¹⁹⁰¹ или эквивалентной ему достаточно крупной суммой денег и гарантирующего вступление во владельческие права арендатора. Этот взнос встречается и в либеллярных контрактах, заключаемых с монастырскими корпорациями и отдельными церквями. В одной грамоте указано, что взнос предназначен для поддержания или приобретения лампы¹⁹⁰².

Практически во всех случаях этот взнос был довольно высок. Согласно одному договору от 955 г., знатная чета уплачивает два денария за аренду шестой части от двух имений в округе Форли (таким образом целый fundus обошелся бы им в один солид), в то время как calciario, предназначенный для «нужд и реставрации» церкви-арендодателя¹⁹⁰³, составил шесть солидов (или 72 денария). Другой пример: группа эмфитевтов арендует в 970 г. землю в округе Форли за pensio в три денария в год, в то время как calciario составил 15 солидов, или 180

¹⁸⁹⁹ Muzzioli, № 5 (a. 942).

¹⁹⁰⁰ О генеалогии рода см.: *Buzzi G. Per la storia di Ravenna e di Roma...* P. 198.

¹⁹⁰¹ Benericetti 1999, № 62 (a. 949): cotto uno ottimo; Benericetti 1999, № 81 (a. 955): mantellos quatuor pro solidos viginti; Muzzioli, № 19 (a. 959): libro unum quod est umiliare pro solidos octo.

¹⁹⁰² Muzzioli, № 13 (a. 951): at ipso monasterium luminariam faciendum; Fantuzzi 1801, № 68 (a. 992): et pro calcearie, et restavracione, et luminarij, adque incensum ipsius vestro supradicto monasterio dedimus.

¹⁹⁰³ Benericetti 1999, № 80 (a. 955): pro hutilitatem et restauratjonem ipsius sancti monasterii vestri.

денариев¹⁹⁰⁴. Таким образом, единовременная выплата составляет сумму, которые эмфитевты выплачивали бы в течение целого поколения. Наконец, консул, арендующий в 997 г. земли в имении Arturiano у монастыря св. Марии *in Palaciolo*, уплачивает с них два квартария зерна, в то же время *calciario* составил одну либру, или 20 серебряных солидов¹⁹⁰⁵. Это подчеркивает как значимость установленных связей, к которым контрагенты относились очень серьезно, так и личный характер отношений эмфитевты с монастырями.

Таблица 31. Эмфитевты монастырей св. Марии *ad Cereseo* и св. Мартина *post Ecclesiam Maiorem* в IX-X вв.

Дата	Имя	Объект	Социальный статус
896	Иоанн с сыном	6/12 loco Campetella	Консул
942	Супруги Виталий и Анна, 6 детей	f. Vuxitulo	Вилик
949	Супруги [...], Христодул	10/12 f. Galliano	Domna, magnifica femina
950	Мария	6/12 f. Floriano 3/12 f. Balneolo	Монахиня, дочь консула, вдова консула и трибуна Петра
950	Супруги Доминик и Гизельперга	1 унция и 3 скрупулы f. Iacunati	?
951	Супруги Иоанн и Мария с детьми, супруги Ромуальд и Анна с детьми	Земли в f. Cipulini, Casa Galandi	Клариссимы. Из семейства дуксов Сергиев
953	Супруги Иоанн и Анна	½ от различных парцелл в 2 fundi	Vir nobilis
959	Супруги Мариний и Доминиция	3/12 f. Funianula Minore	Капитулярий торговцев, magnificus vir
962	Супруги Эддульф и Амека	Земли в f. Casanise, Casalino, Bibanello	Vir magnificus
964	Супруги Сергей и Колумба	f. Sampruniano	Vir clarissimus
964	Группа братьев и сестер, включая священника Льва	1/8 f. Galiano de Subto	?
978	Супруги Родуальд и Мария	Парцеллы в f. Versiniaca	Gloriosissimus magister militum
978	Мартин с сыном Теусио	Земли в 7 fundi	—
979	Ардуин с дочерьми	4 торнатуры виноградника, 13 торнатур пахотной земли в f.	?

¹⁹⁰⁴ Benericetti 2002, № 152 (а. 970).

¹⁹⁰⁵ Benericetti 2003, № 345 (а. 997).

		Versiniaca	
979	Супруги Иоанн и Адельберга	9 торнатур виноградника, 12 торнатур пахотной земли в f. Versiniaca	?

Таблица 32. Эмфитевты монастыря св. Марии *in Palaciolo*

Дата	Имя	Объект	Социальный статус
965	Супруги Иоанн de Мага и Урса с сыном Домиником	Участок земли для строительства соляного пруда	Из торговой среды
970	Родульф с супругой Ингельрадой	1/2 от трех соседних имений	Графы
981*	Братья Иоанн и Гумперто, супруги Теутјо и Ингица с ее братьями	2 fundi	Консортерия поселенцев с зависимыми людьми (homines)
984	Братья Одельрик и Павел, сыновья Петронии	Виноградник в Равенне	Из консульской среды
987	Супруги Петр и Люпицина	Соляной пруд	Из консульской среды
997*	Адельберт, сын Ромуальда, с супругой Анной	Земли в f. Artusiano	Консул
999	Герард, его брат Гуидо племянник Эрард и Лигарда, вдова брата Герарда	1/2 fundus Armentaria и 3/12 другого fundus Vinioli	–

* на условиях пакта

«Инкастелламенто». Важнейшей стратегией укоренения власти знати был контроль над укреплениями и локальными культовыми центрами. Установление контроля над культовыми местами – базиликами и часовнями – было более доступной стратегией, в том числе и для низших слоев знати. Так, в 976 г. две знатных семьи арендуют, в числе прочего, «землю св. Виталия» вместе с одноименной церковью в округе Сенигаллии. Как правило, все эти объекты сооружались в регионе внутри или в непосредственной близости от землевладельческих комплексов (*curtes, massae*). Другими желанными объектами были укрепления. Дж. Веспиньяни насчитал в регионе 13 замков до 1000 г., но, скорее всего, их было гораздо больше. Некоторые из них имели несомненно византийское происхождение, некоторые строились заново. Но замки не вырастали просто так. Его возведение было прежде всего политическим актом,

звеном долгосрочной стратегии, реализуемой в пространстве компромисса и конфликта между ключевыми политическими силами региона. В условиях внутриклассового компромисса между архиепископской курией и городской знатью, державшегося до 2-й половины X в., феномен инкастелламенто как социально-экономическое явление, связанное с формированием «замковой аристократии» и реорганизацией социального пространства и структуры поселений, получил ограниченное распространение. Но и после интеграции Романьи в политический организм империи Оттонов строительство замков и контроль над укреплениями были предметом острых и затяжных конфликтов между Церковью и региональными светскими элитами, и не всегда эти конфликты решались в пользу последних. Еще очень долгое время владельческие права на те или иные укрепления будут противоречивыми и запутанными. Конфликты замораживались и разгорались вновь. Интересно в этом отношении завещание Гуго, графа Бертиноро, составленное в 1039 г. Согласно его воле, он восстанавливает законность прав епископа Сарсины на половину замка на горе Сасси, которую, по его же словам, он «держит незаконно» (*unjuste teneo*), а также полностью возвращает монастырю св. Троицы замок на горе *Frasconis*¹⁹⁰⁶.

Надо сказать, что в этом противостоянии архиепископы не были пассивной стороной. Замки в регионе могли служить опорными пунктами самой архиепископской курии для противодействия местной знати, а позднее и городским коммуна. В папской булле 998 г. в перечне архиепископских владений в пограничье Пезаро, Римини и Монтефельтро названы замки *Ligabiccì*, *Galiola*, *Granariola*, *Montecorbino*, *Crucis*¹⁹⁰⁷. Возможно, некоторые из них выполняли хозяйственные и административные функции. *Castello Montelliano*, располагавшийся в округе Римини, служил в 60-х гг. X в. пунктом доставки сельскохозяйственной продукции¹⁹⁰⁸. Интересен либеллярный договор 957 г., где

¹⁹⁰⁶ Fantuzzi 1802b, № 27 (a. 1039).

¹⁹⁰⁷ Benericetti 2002a, № 275 (a. 998).

¹⁹⁰⁸ Benericetti 2002, № 139 (a. 968).

пунктом доставки вина для колонов указан *castrum Rivassiano*, находящийся в округе Чезены, в пределах владений церкви св. Захария и Иоанна Крестителя¹⁹⁰⁹.

Иные *castra* также могли служить приходскими центрами. Например, приход св. Марии в округе Фаэнцы располагался в *castro Rontano*¹⁹¹⁰. Другой приход св. Марии находился *in castro Cipariano*¹⁹¹¹. В округе Имолы одна из приходских церквей находилась в *castrum Tusiniano*, а из акта 953 г. узнаем о расположении имолийского прихода св. Марии *in castro qui vocatur Tiberiacus*¹⁹¹². Названия обеих крепостей упоминаются, наряду с городскими топонимами Романьи, в булле Льва VIII, что, несомненно, говорит об их важном стратегическом значении. Весьма вероятно, что *castrum Tiberiacus* восходит к византийскому укреплению: он упоминается в римской «Книге понтификов» в связи с договором папы Стефана II с лангобардским королем Дезидерием¹⁹¹³. В местечке *Castro Novo* локализуется приход св. Марии в районе Форлимпополи, а о его заселении постоянными обитателями, по меньшей мере, в 80-90-х годах X в. свидетельствуют данные антропонимии¹⁹¹⁴. Очень интересна ситуация с находящимся в собственности монастыря св. Марии *at Cereseo castellum de Taibano*¹⁹¹⁵, расположенном в фавентийском округе. Впервые он упоминается в императорском дипломе 981 г., но уже в 991 г. один из либеллярных контрактов был составлен в *villa Taibano*, в приходе св. Прокула¹⁹¹⁶. Таким образом, не позднее 991 г. рядом с замком выросло небольшое поселение. Итак, *castrum*, являясь укрепленным пространством, возможно, крепостью византийского времени, и не являясь альтернативным по отношению к *civitas* центром

¹⁹⁰⁹ CDP, № 7 (a. 957): *et ipso terratico de vino diebus vite tue supradicto abbas aducere tibi debeamus usque in castrum vestrum qui vocatur Rivassian et ad tuis subcessoribus fulvere debeamus inibi apud locum usque dum carrus domnica venerit eam exinde tolendo.*

¹⁹¹⁰ Benericetti 2002, № 174 (a. 973): *territorio Faventino, plebe Sancte Marie in Castro Rontano.*

¹⁹¹¹ Muzzioli, № 26 (a. 975).

¹⁹¹² CDP, № 5 (a. 953): *qui est positus in fundo qui vocatur monte Fraprietorum castri qui vocatur Tiberiacis.*

¹⁹¹³ *Liber Pontificalis*. T. 1. P. 455: *id est Faventias cum castro Tiberiaco seu Gabellum et universum ducatum Ferrariae in integro.*

¹⁹¹⁴ Benericetti 2002a, № 265 (a. 994–995): среди присутствовавших на *placitum* в *Castrum Cesubeum* (округ Форлимпополи) указан *Liutjus q.v. de Castro Novo.*

¹⁹¹⁵ Muzzioli, № 37 (a. 981).

¹⁹¹⁶ *Ibidem*, № 44 (a. 991): *territorio Faventino, in villa qui vocatur Taibano.*

организации пространства, мог притягивать земледельческое население и служить приходским центром.

Наконец, обладание замком не было прерогативой крупных церковных и светских землевладельцев. В 991 г. группа крестьян арендует участок земли на территории *castrum Suripule* в пределах Чезены для сооружения там жилища с обязательством охранять и оберегать сам замок¹⁹¹⁷ – в дальнейшем из него вырастет бург. Вероятно, в том же смысле следует понимать сообщение о том, что в феррарском округе в 970 г. группа ариманнов проживала в *castrum Ficariole*¹⁹¹⁸.

Основы «инкастелламенто» частично могли закладываться и на базе существующей сети унаследованных от Экзархата укреплений. Тем не менее, О. Р. Бородин полагает, что значение византийских *castra* постепенно снижалось в связи с общей иррегуляризацией византийской армии. По его мнению, уже к началу VIII в. они уже не имели постоянных гарнизонов¹⁹¹⁹. Возможно, что многие из них к середине VIII в. и вовсе были разрушены. В послевизантийское время за некоторые укрепления развернулась борьба между крупнейшими политическими силами региона. При этом некоторые замки были отстроены «с нуля». Что представляли собой *castra* в эту эпоху, сказать сложно. В соседней по отношению к Романье «территории» Болоньи во 2-й половине X в. находилась *massa Ronke (Ponte)*, по всей видимости, образованная в результате масштабных распашек в этой зоне. Не позднее 972 г. она включала, помимо прочего, *rogium*, очевидно, естественное возвышение, на котором была сооружена башня¹⁹²⁰. Похожая конструкция описана в грамоте 970 г.; топонимические совпадения

¹⁹¹⁷ Benericetti 2002a, № 249 (a. 991): *verum eciam concedistis nobis unum spatium terre in integro ad mansionem faciendam infra castrum Suripule, cum introit et exohito suo... habendum, tenendum, mansionem inibi construendam et ipsum castellum et laborandum, custodiendum, vigilandum et defensandum.*

¹⁹¹⁸ Benericetti 2002, № 151 (a. 970): *seu et arimanni qui abitant in castro Ficariole ad infra ipsa plebe Sancte Marie que vocatur Trenta.*

¹⁹¹⁹ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. С. 84.

¹⁹²⁰ Benericetti 2002, № 167 (a. 972): *massa que dicitur Ronke qui et Ponte vocatur, cum tumbis et pogium ubi turrem edificata esse videtur, cum terris, campis, pratis ... fissis et tumbis.*

(Caballis, Ponte) наводят на мысль о тождественности этих объектов¹⁹²¹. Если это так, то castrum представлял собой всего лишь башню (turre), возведенную на возвышенности (argere) под названием Pogioli (топоним, скорее всего, образован от постлатинского неологизма «rogium»). Главная башня (turre maior) расположенного на горе Castrum Cesubeum, приходского центра¹⁹²² и будущего крупного поселения Бертиноро, в 995 г. оказалась способной вместить большое количество знатных людей, прибывших сюда на placitum¹⁹²³.

Один из первых «частных» castra региона, судя по всему, находился во владениях риминийского дукса Мартина, отца будущего супруга графини Ингельрады. Речь идет о castrum Конке, получившим название по одноименной реке. Вероятно, он мог служить военным форпостом дукса, проживавшего, скорее всего, в городе Римини, но утверждать это сказать нельзя. Принадлежность замка в источниках деликатно обойдена молчанием. Факт наличия замка, расположенного в пределах владений этого семейства, можно датировать приблизительно серединой IX в.¹⁹²⁴ О его прежнем стратегическом значении (он располагался южнее Римини, в зоне Каттолика, контролируя участок Адриатического побережья) говорит наличие воинских наделов в округе крепости. К сожалению, точно датированное сообщение об этом замке содержится лишь в дипломе Оттона I от 969 г., составленном «in Romania prope castellum quod dicitur Conca»¹⁹²⁵. Не позднее 996 г. (а скорее всего – гораздо раньше) он стал приходским центром¹⁹²⁶.

Первое надежное упоминание частного замка относится лишь к самому концу IX в. В 896 г. графиня Ингельрада, супруга Мартина, в числе прочего

¹⁹²¹ CDP, № 10 (a. 970): idest omnem medietatem in integrum desuper totum locum in integrum, qui vocatur Li Cabali, cum medietatem in integrum de argere qui vocatur Pogioli, ubi castrum hedificatum est.

¹⁹²² Muzzioli, № 17 (a. 958): plebe Sancte Marie in monte Castro Cesubeo; Federici, № 2 (a. 973).

¹⁹²³ Benericetti 2002a, № 265 (a. 994–995).

¹⁹²⁴ BER, № 76: que loca sunt posita territorio castro Conke. Многие топонимы, названные в регесте, упоминаются в грамоте, датируемой серединой IX в. (Benericetti 2006, № 14). BER, № 52: in loco qui dicitur Conke.

¹⁹²⁵ Conradi I. Heinrici I. et Ottonis I. Diplomata / Ed. Th. Sickel. Hannover, 1879–1884. № 374 (a. 969). P. 515.

¹⁹²⁶ Fantuzzi 1804, № 10 (a. 996).

жалует своему сыну *curte Bubiano* с местечком *Petra* в округе Фаэнцы, где расположен безымянный *castellum*¹⁹²⁷. Место, название которого говорит само за себя, равно как и связь с *curtis*, скорее всего, землевладельческим комплексом, представляется неслучайной. С другой стороны, отчуждаемый патримоний Ингельрады рассредоточен не по *castelli*, что характерно для XI в., а по *curtes*, следовательно, *castellum* еще не играл роли административного центра. Такие открытые манифестации территориальной власти, не подкрепленные одобрением и признанием архиепископии, были проявлением борьбы рода Гуидов с архиепископией, которая для этого семейства, по крайней мере, в Романье, закончилась неудачно.

Церковь активно противодействовала частным инициативам по строительству укреплений. Вполне вероятно, что некоторые такие инициативы пресекались, а укрепления разрушались. Таковой могла быть судьба безымянного *castrum* в *fundus Antugnano*, расположенного в округе Чезены и разрушенного не позднее 983 г.¹⁹²⁸ Иногда стороны приходили к компромиссу. В 997 г. землевладелец Геркенфред (*Herkenfredo*) получает от архиепископа Иоанна на условиях пожизненной аренды земли в пределах нескольких приходов округа Форли, среди которых – *curtis Casa Ficaria «cum castro suo inibi edificato»*. Меньше чем через год, в апреле 998 г., посредством акта реинвеституры он возвращает это владение архиепископу. Примечательно, что все прочие арендованные земельные комплексы в этом документе не упомянуты – видимо, конфликт развернулся именно вокруг замка. Этим, однако, конфликт исчерпан не был. Уже в 1001 г., при новом архиепископе Льве, Геркенфреду все-таки удается арендовать эти и другие земли, включая *castrum in curte*, на тех же условиях, что и в 997 г. (пожизненный срок аренды *tantum* (!) за 24 денария в год). На этот раз арендатор считает необходимым уточнить, что замок включает и капеллу св. Иоанна,

¹⁹²⁷ Benericetti 2006, № 54 (a. 896): *excepto curte qui vocatur Bubiano cum ipsa Petra et que ad ipsam curtem Bubianam pertinent, et in ipsa Petra castellum esse videtur.*

¹⁹²⁸ Federici, № 8 (a. 983): *in loco ubi castro fuit.*

отстроенную еще его отцом¹⁹²⁹, из чего следует, что истоки конфликта, скорее всего, восходят к более раннему времени. Иные конфликты могли закончиться и продажей укреплений. Так, в 1016 г. в округе Форлиμποполи группа землевладельцев продает архиепископу Равенны Арнальду замок в местечке под названием Valle de Pondo с примыкающими к нему церковью, вотчинным хозяйством (*domnicate seo et colonicate*) и мельницами.

По всей видимости, в реализации «программы» замкового строительства больше других преуспели осторожные и дальновидные герцоги Траверсариа, не вступавшие в открытые конфронтации с архиепископами. В этом им, видимо, немало помогало родство с архиепископом Онестом (971–983). В последней трети X в. они развернули строительство укреплений в целых трех округах Романьи – Форли, Форлиμποполи и Сарсины.

Во владениях герцога Петра Траверсариа в округе Форлипополи, в приходе св. Доната, уже к 974–975 гг. была создана внушительная материальная инфраструктура. О ней мы узнаем из эмфитевтического договора аренды земель в этом приходе «благородным мужем» Петром, сыном герцога Павла Траверсариа. Этот акт, скорее всего, служил официальной «санкцией» архиепископа Онеста, ставленника «аристократической» партии, в пользу частной инициативы семейства. Согласно договору, Петр арендует цельный (*quoherente se*) территориальный комплекс, включающий как минимум (текст сохранился не полностью) два *fundi* – Albarito и Orzale, два местечка (*loco*) с характерными названиями Monticellus (скорее всего, указание на его возвышенное или горное положение) и Castruciano, а также небольшую гору (*monticello*) под названием Tesello, на которой, как сказано в грамоте, уже «сооружен замок». Это укрепление включает вспомогательную (*inchoata*) башню, возведенную на средства этого герцогского рода, а также три часовни – св. Марии, св. Иоанна Крестителя и св. Сикста, также построенные на средства арендатора¹⁹³⁰. Строительство капелл,

¹⁹²⁹ Benericetti 2003, № 3 (a. 1001): *cum quarta parte de fundo Laurita, quam pater meus fecit in ipsa capella.*

¹⁹³⁰ Benericetti 2002, № 188 (a. 974–975): *loco in integro qui dicitur Monticellus, cum loco qui dicitur Castruciano et cum Monticello qui vocatur Tesello ubi castrum edificatum est, cum [... capellis]*

скорее всего, служило не только личным нуждам хозяев замка: они могли служить и местом притяжения окрестных обитателей. Сам комплекс представлял собой, по всей видимости, хорошо приспособленное для обороны место: с двух сторон его обрамляют реки.

Из этого же документа мы узнаем, что на землях, находящихся в собственности этого рода в более удаленном округе Сарсины, в приходе св. Анастасия, уже построен замок (*castrum*) под названием *Petrella*, соседствующий с *curtis Alta*. Корреляция *curtis* и замка в этом случае информативна, хотя и не указывает напрямую на происхождение замка из вотчинного центра. Это напоминает ситуацию с замком во владениях графини Ингельрады в 896 г., и, как кажется, является характерной особенностью Романьи и, шире, паданской долины¹⁹³¹. П. Туберу удалось выяснить, что в Лации *castra* никогда не создавались на базе ранее существующих вотчинных центров. В дальнейшем формула «*curte cum castro suo*» становится характерным атрибутом крупной собственности светских владетелей XI в.¹⁹³²

Наконец, в приходе св. Анастасия Петр арендует местечко *Salectaria* (название указывает на то, что, по всей видимости, это низинное место, заросшее ивняком) с расположенными там *fundi*, *casalia* и *apendicibus*. Это местечко, граничащее, с двух сторон, с *alia Salectaria* и ручьями, с других сторон – дорогой, ведущей к замку и церковной *massa Monte Cavallo*, находится, скорее всего, на переднем фронте аграрной колонизации. Санкционируя аренду, архиепископы прекрасно осознавали риски появления укрепленных центров. Показательно, что за нарушения обязательств эмпфитевтического договора полагался колоссальный

*Sancte Mariae et Sancti Iohannis Baptiste et Sancti Sisti, quam cum nostris dispendiis edificare fecerimus, et in predicto castrum turrem inchoatam habemus similiter cum nostris dispendiis... [..., a tercio] latere via quae vadit da Vultera ad castrum qui dicitur Petrella et curte qui dicitur Alta, iuris suprascripti petitoris... Топоним Castruciano не обязательно восходит к *castrum*; не исключено его появление от римского имени *Castrucius*.*

¹⁹³¹ *Toubert P. Il sistema curtense... P. 68.*

¹⁹³² *Fantuzzi 1801, № 109 (a. 1057): uti quartam partem integram de curte integra que vocatur Iuvidia una cum quarte parte sua integra de castro suo integro infra [...]; Fantuzzi 1804, № 36 (a. 1215): castrum et curtem Taularia, castrum et curtem Aquaviva... castrum et curtem caput Silicum... castrum et curtem Montis Alti.*

штраф – десять золотых унций. Спустя приблизительно год, в 976 г., этот же аристократ арендует архиепископские земли в другом местности округа Форлимпополи – в приходе св. Марии с говорящим названием *Castro Novo*. Здесь он арендует имение *Ulmito*, известное также как *Monte Cavallo* с расположенной там часовней (*capella*), гору *Bucca Fusici* и другую гору под именем *Arca*. По-видимому, аренда этих гор позволяла Петру создать плацдарм для строительства укреплений – опять-таки в удаленной, далеко не полностью освоенной местности. Эти объекты, согласно арендному договору, окружают, как и в округе Сарсины, два ивняка и *Pila* (скала? плотина?), некая *massa*, *casale Ursoli* с ивняком и несколько имений и держаний. И снова налицо сочетание слабоосвоенных пространств с *massa* и *casale*, объектами, связанными с аграрной колонизацией. Знать явно старалась избежать конфронтации с архиепископами и предпочитала возводить замки в слабоосвоенных местностях на периферии, вдали от Равенны.

Таким образом, складывание в регионе кланов землевладельческой знати, укрепление их имущественных прав протекало в остром и длительном противостоянии с архиепископией, в котором падали и возвышались целые семейства. Эти конфликты осмысливались их участниками в рамках противостояния пропапской и проимперской фракций, однако их внутренним содержанием была острая «борьба за ренту». Процессы концентрации земель, начавшиеся в VIII в. и ускорившиеся к середине X в., прошли через своеобразный рубеж – региональный социально-политический конфликт Равеннской церкви с графами Гуидами, после преодоления которого в 967 г. образование автономных владельческих ячеек на землях архиепископского патримония и складывание феодальной общественной структуры стали необратимыми процессами, несмотря на спорадические локальные конфликты. Главными выгодополучателями новой социально-политической конъюнктуры стали влиятельные и знатные семейства, такие, как родственные кланы Сергиев, *Magister Militum* и, в особенности, Траверсариа, которые к 70-м гг. X в. поставили под свой контроль муниципальные и церковные структуры Романьи и развернули программу

замкового строительства и создания вотчинных комплексов-curtes в складывающейся синьории – «комитате Траверсариа» в округе г. Форли.

Заключение

Социально-экономические и политические процессы, обусловившие сближение византийской северо-восточной Италии с соседними регионами Лангобардского королевства, подготовили почву для растущего сепаратизма Экзархата и, в конечном итоге, сравнительно бескровного краха византийской власти в этой части Апеннинского полуострова в 751 г. Скоротечный коллапс константинопольской администрации в этих регионах Италии был обусловлен зрелостью рентных отношений в регионе, все менее нуждавшихся в централизованной государственной инфраструктуре. Собственно рентные отношения окончательно оттеснили перераспределение налогов и доходов от эксплуатации фиска. Краху Экзархата сопутствовала ускоренная перестройка отношений собственности и распределения земельной ренты, главным выгодополучателем которой стали местные архиепископы, консолидировавшие свой патримоний и укрепившие свою территориальную власть.

Непосредственно после этих событий регион, став автономным социально-политическим образованием, формально входил в состав крупных надрегиональных политических систем – Папского государства, Итальянского королевства и Империи Оттонов. Тем не менее, на всем протяжении изучаемого периода Экзархат сохранял значительную автономию, обусловленную, с одной стороны, внутренней слабостью этих политических образований, с другой стороны, – прочностью позиций архиепископов как прямых наследников экзархов и крупнейших собственников земли, присвоивших себе имущества ликвидированного фиска и широкие публично-правовые полномочия. Процессы социальной и экономической эволюции в этом регионе не прерывались масштабными военно-политическими потрясениями, и влияние тех политических сил, которые формально осуществляли верховную власть над Экзархатом в VIII–X вв., было минимальным.

Регион также не пережил серьезного хозяйственного упадка или распада. Скорее, наблюдалась глубокая, многоплановая и длительная реорганизация общественных отношений, социальной и экономической структуры, основные контуры и векторы которой были намечены еще в VII–VIII вв. Несмотря на уход из Романьи византийских властей, осуществлявших налоговую эксплуатацию подконтрольных территорий, и повсеместное распространение рентных отношений, установившийся здесь социально-политический режим слабо напоминал соседние раннефеодальные политии. Равеннская церковь, располагавшая многочисленными кадрами и большим административным опытом, опередила здесь крупных собственников и землевладельцев в формировании владельческих и потестарных структур, на два столетия установив свое региональное господство. Быстрая монополизация власти архиепископами, осуществленная сразу после выхода региона из орбиты государственного контроля Византии, воспрепятствовала появлению политического вакуума, ускоренной феодализации и дезинтеграции Экзархата. Отражением этой особой политической конфигурации стало сохранением городом (*civitas*) – места резиденции архиепископа (в случае с Равенной) и суфраганских епископов Равеннской церкви – своих важнейших политико-административных и экономических функций, при сравнительной маргинальности негородских политических центров (вотчин, замков и монастырей).

Ввиду особой конфигурации ключевых общественных сил особенности сформировавшегося здесь к IX–X вв. общественного строя не позволяют безоговорочно считать его феодальным. Это была особая модель организации классового общества, в соответствии с которой члены иерархически организованного эксплуататорского класса получают доли «корпоративной собственности», которые регулярно перераспределяются внутри этой корпорации, обнаруживая тенденцию к кристаллизации автономных владельческих ячеек. Этот социально-правовой режим, построенный на римско-правовых началах, конечно, допускал существование «полной» собственности, однако степень прочности собственнических прав знати, также принявшей активное участие в

узурпации имущества фиска и воинских наделов, оставалась нестабильной и зависела от отношений с Церковью, ставшей де факто наследницей равеннских экзархов. Частнособственническая стихия, заложенная в римскоправовой среде, ограничивалась публичной властью архиепископов, которые не допускали усиления реальных владельческих прав семейных сообществ знати, выступающих в качестве эмфитевтов – долгосрочных арендаторов церковных имуществ. Именно поэтому в унаследованных от византийской администрации практиках, таких, как куриальное делопроизводство, восходящее к V–VI вв., или общественные работы (ангарии) следует видеть не столько инерцию византийской традиции, сколько полноценно функционирующую систему, обеспечивающую региональное общественное воспроизводство.

Только в период интеграции региона в «империю Оттонов» начиная с 962 г. появляются характерные для феодального строя владельческие, социальные и потестарные структуры (вассально-ленные отношения, субинфеодация, автономные вотчинные комплексы, феодально-окрашенная лексика [vassus, senior, feo, fidelis, casamentum и т.д.]), в то время как в переходный период 2-й пол. VIII – 1-й пол. X вв. держался компромисс между архиепископией – крупнейшим в регионе земельным собственником, и знатью, представлявшей собой единую корпорацию политически и экономически подчиненных архиепископу землевладельцев. В этом внутриклассовом компромиссе совпали интересы Церкви, стремившейся к созданию клиентских сетей среди имущей и знатной прослойки горожан для реализации своих политических амбиций, и линьяжей военизированной итало-византийской военно-служилой знати. Последние хотя и утверждали себя через сложную систему титулатуры и греко-византийской номенклатуры, отныне видели свой главный источник доходов в земельной ренте, доступ к которой открывала аренда церковных земель.

Правовой основой этого компромисса стала система эмфитевтических контрактов – договоров об аренде крупных и средних долей архиепископского патримония, в соответствии с которыми эмфитевты получали право реализовывать полученную долю имущественных прав через сдачу земли в

субаренду производителям, уплачивая Церкви небольшую, но фиксированную денежную ренту. Являясь договорами долгосрочной аренды земли и других доходных имуществ, они создавали условия для укрепления территориальной власти землевладельческих элит, но правовые ограничения, ставящие эфитевтов в пограничное положение между арендаторами и собственниками земли, автоматически не делали их феодальными сеньорами.

Экономическое развитие региона, опустошенного войнами, эпидемиями и катаклизмами VI–VIII в., было отмечено процессами внутренней колонизации и реорганизации аграрного хинтерлянда Равенны и конечным складыванием особого хозяйственного режима. Конечно, в структуре сельскохозяйственного производства, в той или иной форме, сохранялась средиземноморская модель с преобладанием пшеницы, вина и оливкового масла, сложившаяся еще в римский период, но в то же время аграрное производство, несмотря на сохранение римских хозяйственных практик, мало походило на сельскую экономику римского времени. Сохраняя свой многопрофильный характер, оно интегрировало в себя лесо-выпасные, заболоченные и промысловые зоны как равноправные компоненты. Сельские жители, церковные арендаторы и колоны, были теперь не только, а иногда и не столько земледельцами. Важной частью их доходов являлись продукты скотоводства, промыслового и собирательского хозяйства, охоты, рыболовства. Такое положение было характерно для IX–X вв. и изменилось только в XI–XII вв. под давлением демографического пресса, вынуждавшего прибегать к масштабным расчисткам.

В свете особенностей сложившегося в регионе общественного строя становятся понятными и свойственные ему аграрные отношения. Земельный комплекс Романьи в IX–X вв., по сути, был единым хозяйственным организмом со сходными способами эксплуатации поземельно зависимого населения. Земледельческие зоны бывшего Экзархата были превращены в большую вотчинную систему. Ее объединяла единая инфраструктура и логистическая сеть, сходящаяся в своеобразном вотчинном центре – Равенне. В это время город превращается из коммерческого терминала и второстепенной военно-морской

базы Византии в сравнительно небольшое объединение землевладельцев, связанных, главным образом, с землей и доходами от нее. В 1-й половине X в. оживляется ремесленная и коммерческая активность в Равенне, активизируются некоторые профессиональные объединения (*scolae*), в первую очередь – торговцев, занимавших исключительно высокое социальное положение. Вместе с тем, будучи генетически преемственными позднеримским коллегиям, торгово-ремесленные и прочие профессиональные корпорации оказались органично вписанными в городское землевладение и церковные структуры, а сам их подъем стал возможен благодаря усилиям церковных администраторов по повышению доходности обширного земельного комплекса, способного обеспечить существование неземледельческого населения.

Вотчина Романьи IX–X вв. была гибкой, динамической и функциональной моделью аграрного производства и имела самостоятельное происхождение. К моменту ее складывания (не позднее 50-70-х гг. IX в.) это была сложная и продуманная производственная система, сочетавшая в себе разные формы организации труда, аккумуляции ренты и трудовых ресурсов. Пионером хозяйственной перестройки региона была именно Церковь. Развитие церковной вотчины было ответом на разрыв налаженных хозяйственных связей и регионализацию экономики после утраты стратегически важных доходов Равеннской церкви от своих сицилийских имений. Но ее складывание не предполагало ни сворачивания рыночных связей, ни сколько-нибудь заметной деградации денежного обращения, ни серьезной перекройки аграрного пейзажа. Напротив, она полностью приспособила под свои нужды старую топографическую сеть (*fundus – massa – casale*), основанную на римском аграрном межевании. Старая римская топография стала удобной матрицей перераспределения земли и доходов между духовными учреждениями, сообществами рентополучателей и производителей.

При этом ключевые компоненты этой структуры – домениальные земли и наделы крестьян-держателей – были слабо интегрированы друг в друга. Выявленный тип вотчины очень напоминает «неклассические» модели

вотчинного хозяйства, описанные П. Тубером и, в целом, характерные для северной и средней Италии. Ее особенность заключалась лишь в том, что это была система регионального масштаба, логистические маршруты которой пересекались в Равенне. Вплоть до рубежа IX–X вв. в церковном домене, где, возможно, преобладали лесо-выпасные зоны и угодия, скорее всего, использовался труд рабов, в то время как надельный сектор (*pars massaricia*) был источником вспомогательной рабочей силы и ресурсом, задействованным в создании хлебных и винных резервов, формировавшихся из оброчных платежей в пользу Церкви. Они были особенно значимы для церковного собственника после потери хлебных поставок из Сицилии, захваченной в 827–902 гг. эмиратом Аглабидов.

В условиях депопуляции и острого дефицита рабочих рук реализация собственнических прав Церкви зависела от активного формирования надельного сектора. Он создавался с опорой на наиболее активную, зажиточную и лично свободную часть сельского земледельческого населения. Оно было структурировано в гибкие и инициативные сообщества (консортерии), занятые колонизацией обширных угодий Равеннской церкви. Поэтому методы эксплуатации земледельческого населения, не связанного с собственником узами личной зависимости, были экономическими, а основной правовой формой их сотрудничества был либеллярный договор, оставлявший производителю, слабо втянутому в вотчинное хозяйство, большую хозяйственную самостоятельность. Можно предположить, что в эти столетия социальный статус главного агента общественного производства, лично свободного колона и поселенца (но далеко не обязательно крестьянина) значительно вырос. «Сеньориальная» юрисдикция церковного собственника в большинстве случаев ограничивалась спорными имущественными вопросами.

С первых десятилетий X в. ситуация меняется. В это время в аграрном хинтерлянде равеннского патримония сокращается отработочная рента и сворачивается господский домен. В этом я вижу как оптимизацию хозяйственного управления доменом, так и итоги тектонических сдвигов в отношениях между

Равеннской церковью, с одной стороны, и духовными корпорациями и сообществами светской знати, с другой. Посредством крупных эмфитевтических аренд Церковь делегирует часть собственнических функций по организации производства представителям промежуточных социальных групп, а с 40–50-х гг. X в. – крупной знати. Добиваясь этим оптимизации управления патримонием, особенно в маргинальных, малоосвоенных зонах, и обеспечивая себе тем самым стабильный денежный доход, Церковь в то же время последовательно формировала вокруг себя клиентелу из числа землевладельческой знати.

Базой для формирования иерархизированного класса крупных землевладельцев выступили, главным образом, военно-бюрократические и землевладельческие элиты бывшего Экзархата, а также вливавшиеся в их среду в разное время представители знатных франкских и имперских семейств. Будучи сравнительно немногочисленной прослойкой владетелей, объединенных династической близостью, они до поры до времени реализовывали свои владельческие права не через организацию автономных хозяйствующих ячеек, а через долю с рентных доходов, поступающих с арендованных у Церкви земель. Арендуя у Церкви земельные площади, они получали либо готовую инфраструктуру с трудящимся населением разного статуса, либо реализовывали на новоприобретенных землях модель хозяйствования, во многих чертах схожую с устройством архиепископских имений. Не выступая организаторами производства, они предпочитали жить в городах, поддерживая тесную связь с церковным сеньором. Попытки организации вотчинных комплексов, приватизации публичных полномочий и строительства укреплений, предпринимаемые отдельными, наиболее влиятельными семействами знати, раз за разом пресекались архиепископами, располагавшими рычагами давления на опасных конкурентов (вплоть до приглашения в качестве арбитров надрегиональных властей).

«Стратегии выживания» знати в этот период заключались в проникновении в архиепископские структуры, для которых они поставляли кадры (штат нотариев, управляющих, священство, диаконат), и получении через них контроля над

равенскими и загородными церквями. Имущество этих церквей, сдаваемое в аренду, было средством установления горизонтальных (корпоративных) и клиентских связей, осуществлявшихся в обход интересов верховной власти архиепископов.

Стабилизация экономической конъюнктуры создала внутренние условия для складывания крупного землевладения и его дальнейшего обособления от архиепископского домена. Эти процессы были главным содержанием внутриклассового конфликта, кульминацией которого стало противостояние архиепископа Петра IV с графами Гуидами в 963–967 гг. Его итогом, при формальной победе архиепископии, достигнутой благодаря арбитражу Империи, стала интеграция Романьи в политическую систему империи Оттонов, начавшаяся еще в начале 50-х гг. X в.

Эти события, с одной стороны, юридически подтвердили владельческие права Равеннской церкви, теперь скрепленные буллами и привилегиями пап и императоров, с другой – сдвинули баланс сил в пользу аристократических группировок и связанных с ней духовных корпораций. Этот конфликт, поколебавший хрупкий баланс политических сил, стал своеобразным порогом, после преодоления которого образование автономных владельческих ячеек на землях архиепископского патримония и складывание новой, феодальной общественной структуры, отныне все менее сходящейся на архиепископе, стали необратимыми процессами.

Результатом этих процессов стали масштабные перераспределения архиепископского патримония в 50–80-х гг. X в. в пользу крупной (в т. ч. заальпийской) знати, инвентаризация архиепископских владений и упорядочивание системы владельческих прав, отражением чего стали локальные успехи архиепископии в поземельных конфликтах с крупными региональными землевладельцами. В это время происходит смычка корпоративных и клиентских отношений, а знать, закрепив свои владельческие права на арендуемые у Церкви земли, начинает претендовать на контроль и над проживавшими на ней людьми. Архиепископы, в свою очередь, постепенно устраняются от прямого

сотрудничества с производителями, делегируя соответствующие полномочия крупным эмфитевтам. Несмотря на свою конфликтную природу, этот процесс оказался необратим. В Романье складывается региональный вариант феодального общества, становление которого растянется еще на столетие и приведет в XI–XII вв. к образованию замковой аристократии, сельских синьорий и городских коммун.

Список сокращений

BER – Breviarium Ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro). Secoli VII–X / A cura di G. Rabotti. – Roma : Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 1985. – XCII, 293 p.

ВДИ – «Вестник древней истории».

ВВ – «Византийский временник».

СВ – «Средние века».

AARa – «Archivio Storico Arcivescovile di Ravenna».

Agnellus – Agnelli Ravennatis Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis / Agnellus Ravennatis / Ed. by D. M. Deliyannis. – Turnhout : Brepols Publishers, 2006. – 393 p.

Benericetti 2006 – Le carte ravennati dei secoli ottavo e nono / A cura di R. Benericetti. – Faenza : University Press Bologna, 2006. – XLVII, 188 p.

Benericetti 1999 – Le carte del decimo secolo nell'Archivio arcivescovile di Ravenna. I. 900–957 / A cura di R. Benericetti. – Ravenna : Società di Studi Ravennati, 1999. – XXXVI, 268 p.

Benericetti 2002 – Le carte ravennati del decimo secolo. Archivio arcivescovile. II (aa. 957–976) / A cura di R. Benericetti. – Faenza : University Press Bologna, 2002. – LIV, 313 p.

Benericetti 2002a – Le carte ravennati del decimo secolo. Archivio arcivescovile. III (aa. 976–999) / A cura di R. Benericetti. – Faenza : University Press Bologna, 2002. – XXV, 242 p.

Benericetti 2003 – Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. I (aa. 1001–1024) / A cura di R. Benericetti. – Faenza : University Press Bologna, 2003. – XXXV, 279 p.

Benericetti 2005 – Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. III (aa. 1045–1068) / A cura di R. Benericetti. – Faenza: University Press Bologna, 2005. – 271 p.

Benericetti 2010 – Le carte ravennati del secolo decimo. IV. Archivi minori (monasteri di Sant'Andrea Maggiore, San Vitale e Sant'Apollinare in Classe) / A cura di R. Benericetti. – Faenza : University Press Bologna, 2010. – XXXVII, 255 p.

Benericetti 2011 – Le carte ravennati del secolo undicesimo. VII. Archivi minori (Monasteri di Sant'Apollinare in Classe, San Giovanni Evangelista, Canonica di Santa Maria in Porto) / A cura di R. Benericetti. – Faenza: University Press Bologna, 2011. – CII, 199 p.

BNF – Bibliothèque nationale de France.

CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.

CDP – Federico P. Codex diplomaticus Pomposianus / Idem. Rerum Pomposianarum historia monumentis illustrata / P. Federico. – Romae : Apud Antonium Fulgonium, 1781. – T. I. – P. 397-591.

Ch. Im. – Chartularium Imolense : 2 voll. / Ed. S. Gaddoni, G. Zaccherini. – Imolae : Ex Typis Soc. Typ. Iulii Unganiae, 1912. – Vol. 1. Archivium S. Cassiani (964-1200). – XV, 616 p.

Fantuzzi 1801 – Fantuzzi M. Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti : 6 voll. / M. Fantuzzi. – Venezia : Dalle stampe di F. Andreola, 1801. – T. I. – LII, 456 p.

Fantuzzi 1802 – Fantuzzi M. Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti : 6 voll. / M. Fantuzzi. – Venezia : Dalle stampe di F. Andreola, 1802. – T. II. – LXXII, 526 p.

Fantuzzi 1802a – Fantuzzi M. Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti : 6 voll. / M. Fantuzzi. – Venezia : Dalle stampe di F. Andreola, 1802. – T. III. – XXXIX, 500 p.

Fantuzzi 1802b – Fantuzzi M. Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti : 6 voll. / M. Fantuzzi. – Venezia : Dalle stampe di F. Andreola, 1802. – T. IV. – XXXII, 555 p.

Fantuzzi 1803 – Fantuzzi M. Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti : 6 voll. / M. Fantuzzi. – Venezia : Dalle stampe di F. Andreola, 1803. – T. V. – XLVIII, 554 p.

Fantuzzi 1804 – Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti : 6 voll. / M. Fantuzzi. – Venezia : Dalle stampe di F. Andreola, 1804. – T. VI. – LXVIII, 422 p.

Federici – Regesto di S. Apollinare Nuovo / A cura di V. Federici. – Roma : Ermanno Loescher & Co (W. Regenber), 1907. – XVI, 416 p.

Marini – *Marini G.* I papiri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini. Roma, 1805.

MGH – Monumenta Germaniae Historica.

Capit. – Capitularia regum Francorum.

DD. – Diplomata.

Epp. – Epistolae.

SS. – Scriptorum.

Muzzioli = *Muzzioli G.* Le carte del monastero di S. Andrea Maggiore di Ravenna. I (896–1000). Roma, 1987.

PL = Patrologiae cursus completus. Series Latina / Acc. J. P. Migne.

Ronchini 2010 = Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. II. Aa. 1025–1044 / A cura di M. Ronchini. – Faenza : University Press Bologna, 2010. – LVIII, 306 p.

Tarlazzi = Appendice ai Monumenti Ravennati dei secoli di mezzo del conte Marco Fantuzzi : 2 voll. / A cura del canonico A. Tarlazzi. – Ravenna : Stabilimento tip. di G. Angeletti, 1869. – T. I. – CXIX, 678 p.

Tav. alim. – De Lama P. Tavola alimentare Velejate detta Trajana restituita alla sua vera lezione / P. De Lama. – Parma : Dalla Stamperia Carmignani, 1819. – VII, 189 p.

Tjäder I – Die nichtliterarische lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 : Bd. I-II / Ed. J.-O. Tjäder. – Lund : C.W.K. Gleerup, 1955. – Bd. I. Papyri 1–28. – 522 S.

Tjäder II – Die nichtliterarische lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 : Bd. I-II / Ed. J.-O. Tjäder. – Stockholm : P. Åström, 1982. – Bd. II. Papyri 29–59. – 374 S.

Vesi 1845 = Vesi A. Documenti editi e inediti che servono ad illustrare la storia di Romagna. Vol. 1 / A. Vesi. – Bologna : Dalla Tipografia Delle Muse, 1845. – 495 p.

Библиография

Источники

- 1) Agnelli Ravennatis Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis / Agnellus Ravennatis / Ed. by D. M. Deliyannis. – Turnhout : Brepols Publishers, 2006. – 393 p.
- 2) Agnellus of Ravenna. The Book of Pontiffs of the Church of Ravenna (Medieval Texts in Translation) / Agnellus of Ravenna ; transl. with an introduction and notes by D. M. Deliyannis. – Washington : The Catholic University of America Press, 2004. XIV, 369 p.
- 3) Appendice ai Monumenti Ravennati dei secoli di mezzo del conte Marco Fantuzzi : 2 voll. / A cura del canonico A. Tarlazzi. – Ravenna : Stabilimento tip. di G. Angeletti, 1869. – T. I. – CXIX, 678 p.
- 4) Breviarium Ecclesiae Ravennatis (Codice Bavaro). Secoli VII–X / A cura di G. Rabotti. – Roma : Istituto Storico Italiano per il Medio Evo, 1985. – XCII, 293 p.
- 5) Capitularia Regum Francorum // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio II / Ed. A. Boretius et V. Krause. – Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1897. – T. II. – XXXVI, 726 P.
- 6) Chartularium Imolense : 2 voll. / Ed. S. Gaddoni, G. Zaccherini. – Imolae : Ex Typis Soc. Typ. Iulii Unganiae, 1912. – Vol. 1. Archivium S. Cassiani (964–1200). – XV, 616 p.
- 7) Chronica de Civitate Ravennae // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratori. – Mediolani : Ex Typographia Societatis Palatinæ in Regia Curia, 1725. – T. I, P. II. – P. 574–579.
- 8) Chronica parva Ferrariensis // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratori. – Mediolani : Ex Typographia Societatis Palatinæ in Regia Curia, 1726. – T. VIII. – P. 473–488.
- 9) Codex Carolinus // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Merovingici et Karolini Aevi I / Ed. W. Gundlach. – Berolini : Apud Weidmannos, 1892. – T. III. – P. 469–657.

- 10) Codex traditionum ecclesiae Ravennatensis in papyro scriptus et in Regia Bibliotheca Bavarica asservatus, quem ex autographo descripsit et cum praefatione ac indicibus edidit I.B. Bernhart eiusdem Regiae Bibliothecae custos / Ed. I. B. Bernhart. – Monachii : Typis I. E. Seidel Solisbacensis, 1810. – 160 p.
- 11) Codice bavaro: Codex traditionum Ecclesiae Ravennatis / A cura di E. Baldetti e A. Polverari. Ancona : Deputazione di storia patria per le Marche, 1981. – 137 p.
- 12) Conradi I Henrici I et Ottonis I Diplomata // Monumenta Germaniae Historica. Diplomata regum et imperatorum Germaniae / Ed. Th. Sickel. – Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1879–1884. – T. 1. – XX, 740 p.
- 13) Corporis chartarum Italiae specimen / Ed. L. M. Hartmann. – Roma : Ermanno Loescher & Co (Bretschneider e Regenber), 1902. – X, 20 p.
- 14) Dante Alighieri. La divina commedia / Dante Alighieri / A cura di N. Sapegno. – Firenze : La Nuova Italia, 1985. – Vol. 2. – X, 386 p.
- 15) De imperatoria potestate in urbe Roma libellus // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Tomus III / Ed. G. H. Pertz. – Hannoverae : Impensis Bibliopolii Aulici Hahniani, 1839. – T. V. – P. 719–722.
- 16) De Lama P. Tavola alimentare Velejate detta Trajana restituita alla sua vera lezione / P. De Lama. – Parma : Dalla Stamperia Carmignani, 1819. – VII, 189 p.
- 17) Die Briefe des Petrus Damiani. Teil 2: Nr. 41–90 // Monumenta Germaniae Historica. Die Briefe der deutschen Kaiserzeit 4 / Hrsg. von K. Reindel. – München : Monumenta Germaniae Historica, 1988. – XXXV, 579 S.
- 18) Die nichtliterarische lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 : Bd. I-II / Ed. J.-O. Tjäder. – Lund : C.W.K. Gleerup, 1955. – Bd. I. Papyri 1–28. – 522 S.
- 19) Die nichtliterarische lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 : Bd. I-II / Ed. J.-O. Tjäder. – Stockholm : P. Åström, 1982. – Bd. II. Papyri 29–59. – 374 S.
- 20) Die Schriften der römischen Feldmesser (Gromatici Veteres) / Hrsg. von. F. Blume K. Lachmann, A. Rudorff. – Berlin : Bei Georg Reimer, 1848. – XI, 416 S.
- 21) Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V / Hrsg. von L. Burgmann. – Frankfurt am Main : Löwenklau-Gesellschaft E.V., 1983. – XVII, 282 S.

- 22) Fantuzzi M. Monumenti Ravennati de' secoli di mezzo per la maggior parte inediti : 6 voll. / M. Fantuzzi. – Venezia : Dalle stampe di F. Andreola, 1801–1804. – T. I-VI.
- 23) Federicio P. Rerum Pomposianarum historia monumentis illustrata / P. Federicio. – Romae : Apud Antonium Fulgonium, 1781. – T. I. – XXXII, 654 p.
- 24) Friderici I Diplomata inde ab a. 1168 usque ad a. 1180 // Monumenta Germaniae Historica. Diplomata Regum et Imperatorum Germaniae / Ed. H. Appelt. – Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hanhiani, 1985. – T. X, Pars III. – IX, 584 S.
- 25) Gregorii I Papae registrum epistolarum. T. 1. L. I–VII // Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum T. 1 / Ed. P. Ewald et L. M. Hartmann. – Berolini : Apud Weidmannos, 1891. – VI, 491 p.
- 26) Guillou A. Recueil des inscriptions grecques médiévales d'Italie / A. Guillou. – Rome : École française de Rome, 1996. – X, 257 p.
- 27) Il «Libro Biscia» Di S. Mercuriale di Forlì. Vol. I (aa. 894–1178) // A cura di S. Tagliaferri e B. Gurioli. – Forlì : Cassa dei Risparmi, 1982. – 359 p.
- 28) Il regesto di Farfa compilato da Gregorio di Catino : 5 voll. / A cura di I. Giorgi, U. Balzani. – Vol. II. – Roma : Presso La Società, 1879. – XXI, 251 p.
- 29) Kehr P. Papsturkunden in Pisa, Lucca und Ravenna / P. Kehr // Nachrichten von der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse. – 1897. – Heft 2. – S. 175–216.
- 30) Le carte del decimo secolo nell'Archivio arcivescovile di Ravenna. I. 900–957 / A cura di R. Benericetti. – Ravenna : Società di Studi Ravennati, 1999. – XXXVI, 268 p.
- 31) Le carte del monastero di S. Andrea Maggiore di Ravenna. I (896–1000) / A cura di G. Muzzioli. – Roma : Edizioni di Storia e Letteratura, 1987. – XXVIII, 225 p.
- 32) Le carte ravennati del decimo secolo. Archivio arcivescovile. II (aa. 957–976) / A cura di R. Benericetti. – Faenza : University Press Bologna, 2002. – LIV, 313 p.
- 33) Le carte ravennati del decimo secolo. Archivio arcivescovile. III (aa. 976–999) / A cura di R. Benericetti. – Faenza : University Press Bologna, 2002. – XXV, 242 p.

- 34) *Le carte ravennati dei secoli ottavo e nono / A cura di R. Benericetti.* – Faenza : University Press Bologna, 2006. – XLVII, 188 p.
- 35) *Le carte ravennati del secolo decimo. IV. Archivi minori (monasteri di Sant'Andrea Maggiore, San Vitale e Sant'Apollinare in Classe) / A cura di R. Benericetti.* – Faenza : University Press Bologna, 2010. – XXXVII, 255 p.
- 36) *Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. I (aa. 1001–1024) / A cura di R. Benericetti.* – Faenza : University Press Bologna, 2003. – XXXV, 279 p.
- 37) *Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. II. Aa. 1025–1044 / A cura di M. Ronchini.* – Faenza : University Press Bologna, 2010. – LVIII, 306 p.
- 38) *Le carte ravennati del secolo undicesimo. Archivio arcivescovile. III (aa. 1045–1068) / A cura di R. Benericetti.* – Faenza: University Press Bologna, 2005. – 271 p.
- 39) *Le carte ravennati del secolo undicesimo. VII. Archivi minori (Monasteri di Sant'Apollinare in Classe, San Giovanni Evangelista, Canonica di Santa Maria in Porto) / A cura di R. Benericetti.* – Faenza: University Press Bologna, 2011. – CII, 199 p.
- 40) *Le Liber Pontificalis. Texte, introduction et commentaire par L. Duchesne : 2 vol.* – Paris : Ernest Thorin, 1886. – T. 1. – CCLXII, 536 p.
- 41) *Marini G. I papiri diplomatici raccolti ed illustrati dall'abate Gaetano Marini / G. Marini.* – Roma : Nella Stamperia della Sac. Congr. de Prop. Fide, 1805. – XXXII, 382 p.
- 42) *Nicolai I. Papae epistolae // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Karolini aevi / Ed. E. Perels.* – Berolini : Apud Weidmannos, 1925. – T. VI. – P. 257-690.
- 43) *Ottonis II et III Diplomata // Monumenta Germaniae Historica. Diplomata regum et imperatorum Germaniae / Ed. T. Sickel.* – Hannoverae : Impensis Bibliopolii Hahniani, 1893. – T. II. – 995 S.
- 44) *Petrus Damianus. Vita Sancti Romualdi // Patrologia Latina.* – Vol. CXLIV. – P. 954-1003.
- 45) *Placitum de Rizano // Codice diplomatico Istriano. Vol. 1 / Ed. P. Kandler.* – Trieste : Tipografia del Lloyd Austriaco, 1850. – P. 111–126.

- 46) Publii Flavii Vegeti Renati. Epitoma rei militaris / Publius Flavius Vegetius Renuatus ; Ed. A. Önnersfors. – Stuttgart ; Leipzig: Teubner (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana), 1995. – LXI, 268 p.
- 47) Ravennatis Anonymi Cosmographia et Guidonis Geographica / Ed. M. Pinder et G. Parthey. – Berolini : In Aedibus Friderici Nicolai (G. Parthey), 1860. – XXI, 674 p.
- 48) Regesti Senigaliensi (secc. VII-XII) / A cura di A. Polverari. – Senigallia : Edizioni 2G, 1974. – XXXIII, 179 p.
- 49) Regesto della chiesa di Tivoli / Per cura del P. D. L. Bruzza. – Roma : Tipografia della Pace, 1880. – 185 p.
- 50) Regesto di S. Apollinare Nuovo / A cura di V. Federici. – Roma : Ermanno Loescher & Co (W. Regenber), 1907. – XVI, 416 p.
- 51) Registrum Iohannis VIII papae // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae Karolini aevi / Ed. E. Caspar. – Berolini : Apud Weidmannos, 1928. – T. V. – P. 1–272.
- 52) Rodulfi Glabri Cluniacensis monachi historiarum sui temporis libri quinque / Rodulfus Glaber. – Patrologia Latina. – Vol. CXLII. – P. 612–698.
- 53) Übereinkunft zwischen den Langobarden und den Comacchiesen (715) / L. M. Hartmann // Hartmann L. M. Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens in frühen Mittelalter. Analekten. – Gotha : Friedrich Andreas Perthes, 1904. – S. 123–125.
- 54) Vesi A. Documenti editi e inediti che servono ad illustrare la storia di Romagna. Vol. 1 / A. Vesi. – Bologna : Dalla Tipografia Delle Muse, 1845. – 495 p.

Исследования

- 1) Абрамсон М. Л. Крестьянство в византийских областях Южной Италии (IX–XI вв.) / М. Л. Абрамсон // Византийский временник. – 1953. – Вып. 7. – С. 161–193.
- 2) Абрамсон М. Л. Крестьянские сообщества в Южной Италии в X–XIII вв. / М. Л. Абрамсон // Европа в Средние века : экономика, политика, культура : сб. ст. / отв. ред. З. В. Удальцова. – М. : Наука, 1972. – С. 47–62.

- 3) Абрамсон М. Л. Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI – XI вв.) / М. Л. Абрамсон // Средние века. – 1976. – Вып. 40. – С. 12–28.
- 4) Алаев Л. Б. Проблема сельской общины в классовых обществах / Л. Б. Алаев // Вопросы истории. – 1977. – № 2. – С. 92–110.
- 5) Алаев Л. Б. Опыт типологии средневековых обществ Азии / Л. Б. Алаев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века : сб. ст. / отв. ред. Л. Б. Алаев. – М. : Наука, 1982. – С. 6–60.
- 6) Алаев Л. Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» / Л. Б. Алаев // История и современность. – 2014. – Вып. 2 (20). – С. 46–73.
- 7) Алаев Л. Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе / Л. Б. Алаев. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 480 с.
- 8) Алаев Л. Б. Собственность на землю и власть над населением (к вопросу о различиях Запада и Востока) / Л. Б. Алаев // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – Вып. 2. – С. 30-37.
- 9) Артемова О. Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем) / О. Ю. Артемова. – М. : Смысл, 2009. – 590 с.
- 10) Барг М. А. О природе феодальной собственности / М. А. Барг // Вопросы истории. – 1978. – № 7. – С. 84–104.
- 11) Бессмертный Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII вв. / Ю. Л. Бессмертный. – М. : Наука, 1969. – 361 с.
- 12) Бессмертный Ю. Л. Основные формы феодальной зависимости крестьянства в Европе раннего средневековья и их особенности в западном и средиземноморском регионах / Ю. Л. Бессмертный // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма: сб. ст. / отв. ред. Н. П. Соколов. – Горький: Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – 1975. – Вып. 2. – С. 29–60.

- 13) Бессмертный Ю. Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика / Ю. Л. Бессмертный // Средние века. – 1980. – Вып. 43. – С. 32–52.
- 14) Бессмертный Ю. Л. Формирование феодально-зависимого крестьянства на территории Северной Франции (VI-X вв.) / Ю. Л. Бессмертный // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. – М.: Наука, 1985. – С. 216-245.
- 15) Бибииков М. В. Вопросы земельного права и налогообложения в Византии / М. В. Бибииков // *Ius Antiquum* = Древнее право. – 2016. – № 33 (1). – С. 112-123.
- 16) Бородин О. Р. Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение / О. Р. Бородин // Проблемы истории античности и средних веков : сб. ст. / под ред. Ю. М. Сапрыкина. – М. : Издательство Московского университета, 1981. – С. 49–66.
- 17) Бородин О. Р. Аграрная топография Равеннского экзархата и Пентаполя в раннее Средневековье / О. Р. Бородин // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и Средневековья / под ред. Т. С. Осиповой. – М. : ИВИ, 1985. – С. 60–78.
- 18) Бородин О. Р. Византийская Италия в VI-VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь) / О. Р. Бородин. – Барнаул : День, 1991. – 366 с.
- 19) Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии / О. Р. Бородин. – СПб. : Алетейя, 2001. – 471 с.
- 20) Бородин О. Р. Славяне в Италии и в Истрии в VI-VIII вв. / О. Р. Бородин // Византийский временник. – 1983. – Вып. 44. – С. 48–59.
- 21) Бородин О. Р. Эволюция войска в Византийской Италии в VI–VIII вв. (военно-организационный аспект) / О. Р. Бородин // Византийский временник. – 1986. – Вып. 46. – С. 124–138.
- 22) Бородин О. Р. Средневековые «Книги понтификов» – формирование историографического жанра / О. Р. Бородин // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения : сб. ст. / отв. ред. Л. С. Чиколини. – М. : Наука, 1988. – С. 64–72.

- 23) Браунинг Р. Рабство в Византийской империи (600–1200 гг.) / Р. Браунинг // Византийский временник. – 1958. – Т. 14 (39). – С. 42–43.
- 24) Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т.1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. 2-е изд. / И. Валлерстайн; пер. с англ. Н. Проценко, А. Черняева. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 552 с.
- 25) Введение в специальные исторические дисциплины: Учебное пособие / Т. П. Гусарова, О. В. Дмитриева, И. С. Филиппов и др. – М. : Издательство Московского университета, 1990. – 280 с.
- 26) Вин Ю. Я. Средневековая сельская община как объект концептуального изучения / Ю. Я. Вин // Средние века. – 2017. – Вып. 78 (3). – С. 63–77.
- 27) Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Под ред. А. О. Чубарьяна. – М. : Наука, 2012. – 894 с.
- 28) Габдрахманов П. Ш. Средневековые крестьяне и их семьи. Демографическое исследование французской деревни в VIII-IX вв. (по данным грамот) / П. Ш. Габдрахманов. – М. : Памятники исторической мысли, 1996. – 247 с.
- 29) Гвоздева И. А., Гвоздева Т. Б. Strigatio–scamnatio – этап развития римского земельного права / И. А. Гвоздева, Т. Б. Гвоздева // Современный юрист. – 2015. – № 4 (13). – С. 98–108.
- 30) Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV-VI вв.). Заметки о титулах знати: эгрегий, перфектиссим, клариссим / Р. Гийан // Византийский временник. – 1956. – Вып. 24. – С. 35–48.
- 31) Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века / Н. А. Горская. – М. : Памятники исторической мысли, 2006. – 356 с.
- 32) Грацианский Н. П. Бургундская деревня в X-XII столетиях / Н. П. Грацианский. – М. ; Л. : ОГИЗ – Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 257 с.
- 33) Грацианский Н. П. Система полей у римлян по трактатам землемеров / Н. П. Грацианский // Вестник древней истории. – 1940. – Вып. 1 (10). – С. 52–68.

- 34) Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья / Н. П. Грацианский. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 409 с.
- 35) Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 319 С.
- 36) Гуревич А. Я. Аграрный строй варваров / А. Я. Гуревич // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М. : Наука, 1985. – С. 90–137.
- 37) Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе / А. Я. Гуревич // Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – С. 189–336.
- 38) Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич // Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 17–251.
- 39) Дандамаев М. А. Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н.э. (626–331 гг. до н.э.) / М. А. Дандамаев. – М. : Наука, 1974. – 494 с.
- 40) Данилов А. И. К вопросу о роли светской вотчины в эпоху генезиса феодализма / А. И. Данилов // Средние века. – 1958. – Вып. 12. – С. 118–131.
- 41) Дворецкая И. А. Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI–VIII веков: Спецкурс. – М. : МГПИ, 1982. – 89 с.
- 42) Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV–V веках / Г. Г. Дилигенский. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 304 с.
- 43) Дьяконов И. М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей / И. М. Дьяконов // Вестник древней истории. – 1963. – № 1. – С. 16–34.
- 44) Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности / И. М. Дьяконов // Вестник древней истории. – № 4. – 1973. – С. 3–29.
- 45) Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода / К. К. Зельин, М. К. Трофимова. – М. : Наука, 1969. – 244 с.

- 46) Илюшечкин В. П. О происхождении и эволюции понятия «феодализм» / В. П. Илюшечкин // Народы Азии и Африки. – 1987. – № 6. – С. 72–85.
- 47) Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования) / В. П. Илюшечкин. – М.: Наука, 1990. – 436 с.
- 48) Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община / В. Р. Кабо. – М.: Наука, 1986. – 303 с.
- 49) Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. / А. П. Каждан. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 247 с.
- 50) Каждан А. П. Формирование феодального поместья в Византии X в. / А. П. Каждан // Византийский временник. – 1956. – Т. 11. – С. 98–122.
- 51) Каждан А. П. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII–X вв. / А. П. Каждан // Византийский временник. – 1956. – Т. 10 (35). – С. 48–65.
- 52) Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. Очерки по истории византийского феодализма. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 432 с.
- 53) Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. / А. П. Каждан. – М.: Наука, 1974. – 293 с.
- 54) Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства / М. М. Ковалевский. – М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1898. – Т. 1. – 746 с.
- 55) Корсунский А. Р. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V–X вв. / А. Р. Корсунский // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. – М.: Наука, 1985. – С. 178–216.
- 56) Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. / Е. А. Косминский. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 490 с.

- 57) Котельникова Л. А. Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма / Л. А. Котельникова // Средние века. – 1974. – Вып. 38. – С. 100–115.
- 58) Котельникова Л. А. Положение и классовая борьба зависимого крестьянства в Северной и Средней Италии в XI–XII веках / Л. А. Котельникова // Средние века. – 1955. – Вып. 6. – С. 97–122.
- 59) Котельникова Л. А. Либеллярии в Северной и Средней Италии в VIII–X вв. (к вопросу об образовании зависимого итальянского крестьянства) / Л. А. Котельникова // Средние века. – 1957. – Вып. 10. – С. 81–100.
- 60) Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город IX–XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии) / Л. А. Котельникова. – М. : Наука, 1967. – 365 с.
- 61) Котельникова Л. А. Крестьянская община / Л. А. Котельникова // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. – М. : Наука, 1986. – С. 476–493.
- 62) Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв. / Л. А. Котельникова. – М. : Наука, 1987. – 256 с.
- 63) Кузенков П. В. Христианские хронологические системы: История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции / П. В. Кузенков. – М. : Русский издательский центр, 2015. – 992 с.
- 64) Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье / В. И. Кузищин. – М.: Издательство Московского университета, 1973. – 255 с.
- 65) Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система / В. И. Кузищин. – М. : Издательство МГУ, 1990. – 269 с.
- 66) Курышева М. А. Этно-демографические процессы в Южной Италии периода средневековья: греческое население XI–XIII вв. / М. А. Курышева. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2014. – 271 с.

- 67) Левченко М. В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи / М. В. Левченко // Византийский временник. – 1949. – Вып. II (XXVII). – С. 11–59.
- 68) Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976 – 1081 гг. / Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
- 69) Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т. 23. – 908 с.
- 70) Мильская Л. Т. К вопросу о трактовке проблемы сельской общины в современной историографии ФРГ / Л. Т. Мильская // Средние века. – 1974. – Вып. 38. – С. 61–71.
- 71) Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. / А. И. Неусыхин. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1956. – 421 с.
- 72) Неусыхин А. И. От античности к средневековью / А. И. Неусыхин / История Италии. Том 1 / Под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. – М. : Наука, 1970. – С. 9–71.
- 73) Община в Африке. Проблемы типологии. – М. : Наука, 1978. – 295 с.
- 74) Павловская А. И. Египетская хора в IV в. / А. И. Павловская. – М. : Наука, 1979. – 254 с.
- 75) Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков / И. П. Петрушевский. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1960. – 492 с.
- 76) Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы / Б. Ф. Поршнева. – М. : Наука, 1964. – 520 с.
- 77) Прозоров В. Б. Властные институты, должности и звания в Римской церкви с V в. до конца XVII в. / В. Б. Прозоров // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Т. П. Гусарова. – М. : Книжный дом «Университет», 2011. – С. 280–302.

- 78) Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. — Л. : Наука, 1987. — 177 с.
- 79) Салинз М. Экономика каменного века / М. Салинз. — М. : ОГИ, 1999. — 296 с.
- 80) Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и крестьянская община / Ю. И. Семенов // Становление классов и государства / Отв. ред. А. И. Першиц. — М. : Наука, 1976. — С. 7–87.
- 81) Серовайский Я. Д. Сообщество крестьян-держателей надела в Сен-Жерменском аббатстве (к вопросу о структуре крестьянской семьи во франкской деревне IX в.) / Я. Д. Серовайский // Средние века. — 1985. — Вып. 48. — С. 244–269.
- 82) Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в Средние века / С. Д. Сказкин. — М. : Издательство Московского университета, 1968. — 377 с.
- 83) Смирин В. М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян / В. М. Смирин // Культура Древнего Рима. Т. 2 / Отв. ред. Е. С. Голубцова. — М. : Наука, 1985. — С. 5-79.
- 84) Срединская Н. Б. Эмфитевзис в Ферраре XII-XIV вв. / Н. Б. Срединская // Вспомогательные исторические дисциплины. — 2010. — Вып. 31. — С. 172–183.
- 85) Срединская Н. Б. Отражение понятий права собственности, владения и держания в актах Феррары XIV века / Н. Б. Срединская // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2017. — Т. 8. — № 6 (60).
- 86) Срединская Н. Б. Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. — М. : Индрик, 2017. — 248 с.
- 87) Сюзюмов М. Я. О наемном труде в Византии / М. Я. Сюзюмов // Ученые записки Уральского государственного университета. — 1958. — Вып. 25. — С. 132–142.
- 88) Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии / М. Я. Сюзюмов // Византийский временник. — 1960. — Т. 17 (42). — С. 3–16.

- 89) Удальцова З. В. Италия и Византия в VI веке / З. В. Удальцова. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. – 542 с.
- 90) Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего средневековья. 3-е изд. – М. : Наука, 2016.
- 91) Ферлуга Ј. Византиска управа у Далмацији / Ј. Ферлуга. – Београд : Научно дело, 1957. – 169 с.
- 92) Филиппов И. С. Церковная вотчина в Провансе начала IX в. / И. С. Филиппов // Средние века. – 1980. – Вып. 43. – С. 191–206.
- 93) Филиппов И. С. Земельная рента и проблема феодальной собственности (сравнительно-исторические наблюдения) / И. С. Филиппов // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л. В. Черепнина. – М., 1988. – С. 44–60.
- 94) Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма / И. С. Филиппов. – М. : Скрипторий, 2000. – 800 с.
- 95) Филиппов И.С. Крещение языческим именем и другие парадоксы западноевропейской антропонимии в раннее средневековье // Именослов. Историческая семантика имени. – М. : Индрик, 2010. – С. 88–115.
- 96) Филиппов И. С. Наследие римских землемеров в Средние века / И. С. Филиппов // *Ius Antiquum* = Древнее право. – 2007. – № 1 (19). – С. 235–245.
- 97) Филиппов И. С. Б. Ф. Поршневу и политическая экономия феодализма / И. С. Филиппов // Французский ежегодник. – 2007. – С. 87–129.
- 98) Филиппов И. С. От раба к работнику. История термина *mancipium* и имени *mancip* в Средние века / И. С. Филиппов // Именослов. История языка. История культуры / отв. ред. Ф. Б. Успенский. – СПб. : Алетейя, 2010. – С. 64–99.
- 99) Филиппов И. С. Рецензия на: *Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages* / Edited by W. Brown, M. Costambeys, M. Innes and A. Kostov.

Cambridge: Cambridge University press, 2013 / И. С. Филиппов // Средние века. – 2014. – Вып. 75. – №1–2. – С. 492–497.

100) Филиппов И. С. Размышления о книге Сьюзан Рейнольдс «Феодалы и вассалы» и ее восприятии в современной медиевистике / И. С. Филиппов // Средние века. – 2015. – Т. 76. – №. 3–4. – С. 8–56.

101) Филиппов И. С. Понятие "собственность" в марксизме / И. С. Филиппов. // Социально-экономическая теория Карла Маркса : реактуализация политэкономического наследия (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса / Под ред. С.Д. Бодрунова и А.В. Бузгалина. – М. : Культурная революция, 2018. – С. 211–219.

102) Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории / К. В. Хвостова. – М. : Наука, 1980. – 205 с.

103) Целунов А. Б. Либеллярный контракт в поствизантийской северо-восточной Италии VIII-X вв. / А. Б. Целунов // Средние века. – 2016. – Т. 77. – № 3–4. – С. 144–161.

104) Целунов А. Б. Структура поселений и феномен инкастелламенто в поствизантийской северо-восточной Италии VIII-X веков / А. Б. Целунов // Историческая география. – 2016. – Т. 3. – С. 215–236.

105) Целунов А. Б. Эволюция армии и итало-византийской военно-служилой знати после краха Равеннского экзархата / А. Б. Целунов // Византийский временник. – 2017. – Т. 100. – № 75. – С. 18–32.

106) Целунов А. Б. Общинные отношения в поствизантийских областях северо-восточной Италии IX-X веков / А. Б. Целунов // Средние века. – 2018. – Т. 79. – № 2. – С. 68–85.

107) Целунов А. Б. Торгово-ремесленные ассоциации поствизантийской Равенны в раннее Средневековье / А. Б. Целунов // Клио. – 2018. – № 6 (138). – С. 62–70.

108) Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства / А. В. Чаянов. – М.: Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. – 363 с.

109) Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса / В. П. Шкредов. – М. : Издательство Московского университета, 1973. – 262 с.

- 110) Шкунаев С. В. *Община и общество западных кельтов* / С. В. Шкунаев. – М. : Наука, 1989. – 191 с.
- 111) Штаерман Е. М. *Мораль и религия угнетенных классов Римской империи* / Е. М. Штаерман. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 320 с.
- 112) Штаерман Е. М. *История крестьянства в Древнем Риме* / Е. М. Штаерман. – М. : Наука, 1996. – 200 с.
- 113) Abels R. *The Historiography of a Construct: «Feudalism» and the Medieval Historian* / R. Abels // *History Compass*. – 2009. – Vol. 7. – № 3. – P. 1008–1031.
- 114) Amin S. *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism* / S. Amin; transl. by B. Pierce. – New York : Monthly Review Press, 1976. – 440 p.
- 115) Amadesii J. A. *In Antistitum Ravennatum Chronotaxim ab antiquissimae ejus ecclesiae exordiis ad haec usque tempora perductam disquisitionis perpetuae* / J. A. Amadesius. – Faventiae : ex Typographia Josephi Antonii Archii, 1783. – Т. 2. – 375 p.
- 116) Andreolli B., Montanari M. *L'azienda curtense in Italia. Proprietà della terra e lavoro contadino nei secoli VIII-XI* / B. Andreolli, M. Montanari. – Bologna : CLUEB, 1983. – 236 p.
- 117) Andreolli B. *Le enfiteusi e i livelli del «Breviarium»* / B. Andreolli // *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici. Fasc. 148–149)* – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. – P. 163–177.
- 118) Andreolli B. *Per una semantica storica dello «ius libellarium» nell'alto e nel pieno Medioevo* / B. Andreolli // *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoriano*. – 1980–1981. – Vol. 89. – P. 170–177.
- 119) Augenti A., Mancassola N., Manzelli V. *Il territorio Decimano (Ravenna)* / A. Augenti, N. Mancassola, V. Manzelli // *Scoprire. Scavi del Dipartimento di Archeologia* / A cura di M.T. Guaitoli, N. Marchetti, D. Scagliarini. – Bologna : Ante Quem, 2004. – P. 65–68.
- 120) Augenti A., Cirelli E., Fiorini A., Ravaioli E. *Insedimenti e organizzazione del territorio in Romagna (secoli X-XIV)* / A. Augenti, E. Cirelli, A. Fiorini, E. Ravaioli // *Archeologia Medievale*. – 2010. – Vol. 37. – P. 61–92.

- 121) Augenti A. Archeologia dell'Italia Medievale / A. Augenti. – Bari : Editori Laterza, 2016. 332 p.
- 122) Balbo C. Pensieri sulla storia d'Italia / C. Balbo. – Firenze : Felice Le Monier, 1858. – 589 p.
- 123) Baldetti E. Stratificazioni linguistiche ed organizzazione agraria nel territorio senigalliese dell'alto medioevo: note topografico-storiche / E. Baldetti // Proposte e ricerche. – 1981. – № 6. – P. 47–84.
- 124) Baldetti E. Per una nuova ipotesi sulla conformazione spaziale della Pentapoli / E. Baldetti // Istituzioni e società nell'alto medioevo marchigiano: atti del convegno (Ancona – Osimo – Jesi, 17-20 ottobre 1981). – Ancona : Presso la Deputazione di storia patria per le Marche, 1983. – Vol. II. – P. 779–894.
- 125) Baldetti E. Il moggio altomedievale nelle Marche centrali / E. Baldetti // Proposte e ricerche. – 1984. – Vol. 13. – P. 7–17.
- 126) Baldetti E. La Pentapoli Bizantina d'Italia tra Romania e Langobardia / E. Baldetti // Atti e memorie della Deputazione di Storia Patria per le Marche. – 2003. – Vol. 104. – P. 5–107.
- 127) Banaji J. The Peasantry in the Feudal Mode of Production: Towards an Economic Model / J. Banaji // The Journal of Peasant Studies. – 1976. – Vol. 3. – № 3. – P. 299–320.
- 128) Banaji J. Theory as History. Essays on Modes of Production and Exploitation / J. Banaji. – Leiden ; Boston : BRILL, 2010. – 406 p.
- 129) Barozzi G. A. Descrizione della chiesa di S. Vitale / G. A. Barozzi. – Bologna, 1782.
- 130) Battarra G. A. Pratica agraria distribuita in varj dialoghi. / G. A. Battarra. – Cesena : Biasini, 1782. – T. 1. – 183 p.
- 131) Bellini L. Le saline dell'antico delta padano / L. Bellini. – Ferrara : Libreria Taddei di Lunghini e Bianchini, 1962.
- 132) Benericetti R. Il Pontificale di Ravenna. Studio critico (Biblioteca Cardinale Gaetano Cicognani) / R. Benericetti. – Faenza : Seminario Vescovile Pio XII, 1994. – 206 p.

- 133) Benericetti R. La cronologia dei papi del secolo IX e le carte di Ravenna / R. Benericetti // *Archivium Historicae Pontificiae*. – 1998. – Vol. 36. – P. 49–58.
- 134) Benericetti R. La cronologia di alcuni papi dei secoli VIII-IX secondo le carte ravennati / R. Benericetti // *Archivium Historiae Pontificiae*. – 1999. – Vol. 37. – P. 13–24.
- 135) Benericetti R. L'eremo e la cattedra: vita di san Pier Damiani (Ravenna 1007 – Faenza 1072) / R. Benericetti. – Milano : Ancora, 2007. – 272 p.
- 136) Berktaý H. The Feudalism Debate: The Turkish End – is «tax – vs. rent» Necessarily the Product and Sign of a Modal Difference? / H. Berktaý // *The Journal of Peasant Studies*. – 1987. – Vol. 14. – № 3. – P. 291–333.
- 137) Bertolini O. Gli inizi del governo temporale dei papi sull'Esarcato di Ravenna / O. Bertolini // *Archivio della Società romana di Storia patria*. – 1966. – A. LXXXIX. – P. 25–35.
- 138) Bertolini O. Sergio arcivescovo di Ravenna (744-769) e i papi del suo tempo / O. Bertolini // *Studi Romagnoli*. – 1950. – Vol. I. – P. 43–88.
- 139) Bertolini O. Le prime manifestazioni concrete del potere temporale dei papi nell'esarcato di Ravenna (756-757) / O. Bertolini // Bertolini O. *Scritti scelti di storia medievale* / A cura di O. Banti. – Livorno : Società editrice «Il Telegrafo», 1968. – Vol. 2. – P. 569–612.
- 140) Bocchi F. Note di storia urbanistica ferrarese nell'alto medioevo / F. Bocchi // *Atti e Memorie della Deputazione Provinciale Ferrarese di Storia Patria*. – 1974. – S. III. – Vol. XVIII. – P. 9–88.
- 141) Bocchi F. Ferrara, una città fra due vocazioni: urbanistica e storia da piazzaforte militare a centro commerciale / F. Bocchi // *Insedimenti nel Ferrarese. Dall'età romana alla fondazione della cattedrale*. – Firenze : Centro Di, 1976. – P. 125–152.
- 142) Bocchi F. Sul titolo di «consul» in età alto medievale / F. Bocchi // *Zbornik Radova Vizantoloskog Instituta*. – 1978. – № XVIII. – P. 51–66.
- 143) Bonaini F. Gli archivi delle provincie dell'Emilia e le loro condizioni al finire del 1861 / F. Bonaini. – Firenze : coi tipi di M. Cellini e C., 1861. – 276 p.

- 144) Bowman S. D. *Masters and Lords. Mid-19th Century U.S. Planters and Prussian Junkers* / S. D. Bowman. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. – 357 p.
- 145) Brandi K. *Ravenna und Rom. Neue Beiträge zur Kenntniss der römisch-byzantinischen Urkunde* / K. Brandi // *Archiv für Urkundenforschung*. – 1924. – Bd. 9. – S. 1–38.
- 146) Brenner R. *Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-industrial Europe* / R. Brenner // *Past and Present*. – 1976. – № 70. – P. 30–75.
- 147) Brown T. S. *Gentlemen and Officers. Imperial Administration and Aristocratic power in Byzantine Italy. A.D. 554-800* / T. S. Brown. – London : British School at Rome, 1984. – XVI, 288 p.
- 148) Brown T. S. *Romanitas and Campanilismo: Agnellus of Ravenna's View of the Past* / T. S. Brown // *The Inheritance of Historiography 300-900* / Ed. C. Holdsworth, T.P. Wiseman. – Exeter : University of Exeter Press, 1986. – P. 107–114.
- 149) Brown T. S. *The church of Ravenna and the Imperial Administration in the Seventh Century* / T. S. Brown // *The English Historical Review*. – 1979. – Vol. 94. – № 370. – P. 1–28.
- 150) Brown T. S. *L'aristocrazia di Ravenna da Giustiniano a Carlo Magno* / T. S. Brown // *Felix Ravenna*. – 1986. – № CXXXI/CXXXII. – P. 91–98.
- 151) Brown T. S., Christie J. N. *Was there a Byzantine model of settlement in Italy?* / T. S. Brown, J. N. Christie // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age*. – 1989. – T. 101. – №. 2. – P. 377–399.
- 152) Brunterc'h J. P. *Habitat et pouvoir à Ravenne au Xe siècle* / J. P. Brunterc'h // *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte*. – 2002. – Band 29/1. – S. 57–85.
- 153) Buonamici G. *Metropolitana di Ravenna, co' disegni dell'antica Basilica, del Museo Arcivescovile, e della Rotonda fuori delle mura della città: 2 vol.* / G. Buonamici. – Bologna: nella stamperia di Lelio Dalla Volpe, 1748-1754. – Vol 1–2.
- 154) Buzzi G. *Per la cronologia di alcuni pontefici dei secoli X-XI* / G. Buzzi // *Archivio della R. Società Romana di Storia Patria*. – 1912. – Vol. 35. – P. 611–622.

- 155) Buzzi G. Le curie arcivescovile e cittadina di Ravenna / G. Buzzi // *Bullettino dell'Istituto Storico Italiano*. – 1915. – Vol. 35. – P. 7–189.
- 156) Buzzi G. Ricerche per la storia di Ravenna e di Roma dall'850 al 1118 / G. Buzzi // *Archivio della R. Società Romana di Storia Patria*. – 1915. – Vol. 38. – P. 107–215.
- 157) Cahen C. L'évolution de l'iqṭā du IXe au XIIIe siècle: contribution à une histoire comparée des sociétés médiévales / C. Cahen // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. – 1953. – 8e année. – N° 1. – P. 25–52.
- 158) Calisse C. Il governo dei bizantini in Italia / C. Calisse // *Rivista Storica Italiana*. – 1885. – Vol. XI. – P. 265–335.
- 159) Calisse C. Le associazioni in Italia avanti le origini del comune / C. Calisse // *Rivista internazionale di scienze sociali e discipline ausiliarie*. – 1898. – Vol. 18. – Fasc. 72. – P. 505–521.
- 160) Campana A. Decimo, Decimano, Dismano. Ricerche di topografia romana e medioevale della pianura romagnola / A. Campana // *Emilia Romagna*. – 1941. – N^o I. – P. 1–38.
- 161) Carbonetti C. V. Il sistema documentario romano tra VII e XI secolo: prassi, forme, tipologia della documentazione private / C. V. Carbonetti // *L'héritage byzantine en Italie (VIIIe – XIIIe siècle)*. I. La fabrique documentaire / ed. J.-M. Martin, A. Peters-Custot, V. Prigent. – Roma : École française de Rome, 2011. – P. 87–115.
- 162) Carile A. Katholika/Catholica/La Catolga / A. Carile // *Cattolica/katholica. Un arsenale dell'Esarcato* / Ed. A. Carile, M. L. De Nicolo. – Milano : Oemme, 1988. – P. 7–23.
- 163) Carile A. Terre militari, funzioni e titoli bizantini nel «Breviarium» / A. Carile // *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici*. Fasc. 148-149). – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. – P. 81–94.
- 164) Carile A. La società ravennate dall'Esarcato agli Ottoni / A. Carile // *Storia di Ravenna*. Vol. II. Dall'età bizantina all'età ottoniana. T. 2. Ecclesiologia, cultura e arte / A cura di A. Carile. – Venezia : Marsilio Editori, 1992. – P. 379–404.
- 165) Carrari V. *Istoria di Romagna* : Vol. I–II / A cura di U. Zaccarini. – Ravenna : Libreria Antiquaria Tonini, 2007–2009.

- 166) Casini T. Sulla costituzione ecclesiastica del Bolognese, I. L'elenco nonantolano del 1366 / T. Casini // Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per le Province di Romagna. – 1916. – Ser. IV. – Vol. VI. – P. 94–134.
- 167) Castagnetti A. Continuità e discontinuità nella terminologia e nella realtà organizzativa agraria: «fundus» e «casale» nei documenti ravennati altomedievali / A. Castagnetti // Medioevo rurale. Sulle tracce della civiltà contadina / A cura di V. Fumagalli e G. Rossetti. – Bologna : Il Mulino, 1980. – P. 201–219.
- 168) Castagnetti A. L'organizzazione del territorio rurale nel Medioevo. Circostrizioni ecclesiastiche e civili nella «Langobardia» e nella «Romania» / A. Castagnetti. – Bologna : Pàtron, 1982. – 374 p.
- 169) Castagnetti A. Organizzazioni del territorio rurale dall'età romana al medioevo nella «Romania» e nella «Langobardia», particolarmente nel Modenese / A. Castagnetti // Misurare la terra: centuriazione e coloni nel mondo romano. – Modena : Franco Cosimo Panini, 1984. – P. 59–65.
- 170) Castagnetti A. Aziende e rapporti di produzione nelle campagne emiliane e romagnole dall'altomedioevo all'età comunale / A. Castagnetti // Per una storia dell'Emilia Romagna. – Ancona : Società editrice Il Lavoro Editoriale, 1985. – P. 240–247.
- 171) Castagnetti A. Arimanni in «Romania» fra conti e signori / A. Castagnetti. – Verona : Libreria Universitaria Editrice, 1988. – 125 p.
- 172) Castagnetti A. La società ferrarese (secoli XI-XIII) / A. Castagnetti. – Verona : Libreria Universitaria Editrice, 1991. – 143 p.
- 173) Castagnetti A. Le strutture fondiarie ed agrarie / A. Castagnetti // Storia di Ravenna. Vol. II. Dall'età bizantina all'età ottoniana. T. 1. Territorio, economia e società / A cura di A. Carile. – Venezia : Marsilio Editori, 1991. – P. 55–72.
- 174) Castagnetti A. Feudalità e società comunale. II. Capitanei a Milano e a Ravenna fra XI e XII secolo / A. Castagnetti // La signoria rurale in Italia nel Medioevo. Atti del II Convegno di studi (Pisa, 6-7 novembre 1998). – Pisa : Edizioni ETS, 2006. – P. 117–215.

- 175) Castagnetti A. Arimanni in «Langobardia» e in «Romania» dall'età carolingia all'età comunale / A. Castagnetti. – Verona : Libreria Universitaria Editrice, 1996. – 314 p.
- 176) Cavalazzi M., Abballe M., Benato A., De Felicibus M. Archeologia dei passaggi in Bassa Romagna. Il progetto «Bassa Romandiola» (2009-2013) / M. Cavalazzi, M. Abballe, A. Benato, M. De Felicibus // Storiografia e Archeologia nella «Romandiola». Tradizione e nuove ricerche sul territorio. Atti del Convegno. – Lugo, 2012. – P. 129–175.
- 177) Chouquer G. Les centuriations de Romagne orientale. Étude morphologique / G. Chouquer // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. – 1981. – Vol. 93. – №. 2. – P. 823–868.
- 178) Ciampini G. Vetera monimenta: in quibus præcipue musiva opera sacrarum, profanarumque ædium structura, ac nonnulli antiqui ritus, dissertationibus, iconibusque illustrantur. T. 1-2 // G. Ciampini. – Romae : ex Typographia Bernabò, 1690-99.
- 179) Cirelli E., Augenti A., Mancassola N., Manzelli V. Archeologia medievale a Ravenna: un progetto per la città e per il territorio / E. Cirelli, A. Augenti, N. Mancassola, V. Manzelli // Atti del III Congresso Nazionale di Archeologia Medievale. – Salerno: All'Insegna del Giglio, 2003. – P. 271–278.
- 180) Cirelli E. Ravenna : archeologia di una città / E. Cirelli. – Firenze : All'Insegna del Giglio, 2008. – 286 p.
- 181) Cirelli E. Ravenna. Rise of a Late Antique capital / E. Cirelli // Debating urbanism. Within and beyond the walls A.D. 300-700. Proceedings of a Conference Held at the University of Leicester, 15th November 2008. – Leicester : School of Archaeology & Ancient History, 2008. – P. 239–265.
- 182) Claramotio S. Caesenae historia / S. Claramotio. – Caesenae : ex typographie Caroli de Neris, 1641. – 887 p.
- 183) Cohn H. Die Stellung des byzantinischen Statthalter in Ober- und Mittelitalien (540-751) : Inaugural-Dissertation / H. Cohn. – Berlin : Emil Zeidler, 1889. – 123 S.

- 184) Comet G. *Les céréales du Bas-Empire au Moyen Age* / G. Comet // *The making of Feudal agricultures?* / Ed. M. Barceló, F. Sigaut. – Leiden ; Boston : Brill, 2004. – P. 131–177.
- 185) Cortonesi A., Pasquali G., Piccinni G. *Uomini e campagne nell'Italia medievale* / A. Cortonesi, G. Pasquali, G. Piccinni. – Bari : Laterza, 2000. – 298 p.
- 186) Cosentino S. *Il ceto dei viri honesti (hoi aidesimoi andres) nell'Italia tardoantica e bizantina* / S. Cosentino // *Bizantinistica. Rivista di Studi Bizantini e Slavi*. – 1999. – Vol. 1. – P. 13–50.
- 187) Cosentino S. *Aspetti dell'economia di Bologna tra l'VIII e l'IX secolo* / S. Cosentino // *Bologna e il secolo XI. Storia, cultura, economia, istituzioni, diritto* / A cura di G. Leo e F. Roversi Monaco. – Bologna : Bononia University Press, 2011. – P. 485–548.
- 188) Cosentino S. *Antroponimia, politica e società nell'Esarcato in età bizantina e post-bizantina* / S. Cosentino // *L'héritage byzantin en Italie (VIIIe–XIIe siècle). II. Les cadres juridiques et sociaux et les institutions publiques* / Ed. J.-M. Martin, A. Peters-Custot, V. Prigent. – Roma : École française de Rome, 2012. – P. 173–185.
- 189) Cosentino S. *Potere e autorità nell'Esarcato in età post-bizantina* / S. Cosentino // *L'héritage byzantin en Italie (VIIIe–XIIe siècle). II. Les cadres juridiques et sociaux et les institutions publiques* / Ed. J.-M. Martin, A. Peters-Custot, V. Prigent. – Roma : École française de Rome, 2012. – P. 279–295.
- 190) Cosentino S. *Banking in Early Byzantine Ravenna* / S. Cosentino // *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*. – 2014. – № 28 (2). – P. 243–255.
- 191) Cosentino S. *Ricchezza e investimento della chiesa di Ravenna tra la tarda antichità e l'alto medioevo* / S. Cosentino // *From one sea to another. Trading places in the European and Mediterranean early Middle ages. Proceedings of the International Conference (Comacchio, 27-29 marzo 2009)* / ed. S. Gelichi, R. Hodges. – Turnhout : Brepols, 2012. – P. 417–439.
- 192) Cosentino S. *Tipologie, uomini e oggetti della mercatura ravennate tra la tarda Antichità e gli Ottoni* / S. Cosentino // *L'héritage byzantin en Italie (VIIIe - XIIe siècle)*.

- IV. Habitat et structure agraire / Ed. Ed. J.-M. Martin, A. Peters-Custot, V. Prigent. – Roma : Ecole Française de Rome, 2017. – P. 343–362.
- 193) Crosara F. Le «scole» ravennati dell’alto Medio Evo e la Carta Piscatoria del 943 / F. Crosara // Archivio giuridico. – 1949. – Vol. 137. – Fasc. 1 (6. s., vol. 6–7, fasc. 1).
- 194) Curradi C. I conti Guidi nel secolo X / C. Curradi // Studi Romagnoli. – 1977. – № 28. – P. 17–64.
- 195) Curradi C. Pievi del territorio riminese nei documenti fino al mille / C. Curradi. – Rimini : Luise, 1984. – 367 p.
- 196) Dall’Aglia P. L. Centuriazione e geografica fisica / P. L. Dall’Aglia // Agri centuriati. An international journal of landscape archeology. – 2009. – № 6. – P. 279–299.
- 197) Davies W. Community Definition and Community Formation in the Early Middle Ages – Some Questions / W. Davies // People and Space in the Middle Ages, 300-1300 / Ed. W. Davies, G. Halsall, A. Reynolds. – Turnhout : Brepols, 2006. P. 1–12.
- 198) Deichmann F. W. Ravenna. Hauptstadt des spätantiken Abendlandes / F. W. Deichmann. – Wiesbaden : Franz Steiner, 1969–1989. – Bd. 1–3.
- 199) Deliyannis D. M. Ravenna in Late Antiquity / D. M. Deliyannis. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 464 p.
- 200) Delogu P. L’ambiente altomedievale come tema storiografico / P. Delogu // Agricoltura e ambiente attraverso l’età romana e l’Alto Medioevo. Atti della Giornata di Studio per il 50 Anniversario della «Rivista di storia dell’agricoltura» / A cura di P. Nanni. – Firenze : Le Lettere, 2011. – P. 67–109.
- 201) De Lorenzi P. Storia del notariato ravennate : 2 vol. / P. De Lorenzi. – Ravenna : Arti Grafiche, 1962. – Vol. 1 : L’organizzazione del notariato. – IV, 254 p.
- 202) Description historique de l’Italie en forme de Dictionnaire : 2 voll. – Avignon : Chez Chambeau, Impr. Libr. près le College, 1790. – Vol. 2. – 404 p.
- 203) Desiderii Spreti historici Ravennatis. De amplitudine, vastatione et instauratione urbis Ravennae libri III / Desiderius Spretus. – Venetiis : Ex Typographia Guerraea, 1588. – VIII, 72 p.

- 204) Devroey J.-P. Puissants et misérables. Système social et monde paysan dans l'Europe des Francs (VIe-IXe siècles) / J.-P. Devroey. – Bruxelles : Académie royale de Belgique, 2006. – 727 p.
- 205) Devroey J.-P. Ordering, measuring and counting: Carolingian rule, cultural capital and the economical performance in Western Europe (750-900). Manuscript draft / J.-P. Devroey. – 2009. – Режим доступа:
<https://dipot.ulb.ac.be/dspace/bitstream/2013/124981/1/Ordering-measuring.doc>
- 206) Diehl C. Etudes sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne (568-751) / C. Diehl. – Paris : Ernest Thorin, 1888. – XIX, 421 p.
- 207) Di Girolamo C. Il Bosco nel medioevo / C. Di Girolamo // Studi Storici. – 1990. – A. 31., № 3. – P. 809–813.
- 208) Dobb M. Studies in the Development of Capitalism / M. Dobb. – 4th impression. – London: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1950. – IX, 396 p.
- 209) Duby G. Guerriers et paysans, VII–XII siècle. Premier essor de l'économie européenne / G. Duby. – Paris : Gallimard, 1973. – 308 p.
- 210) Du Cange, Ch.-D. Glossarium mediae et infimae latinitatis / Ch.-D. Du Cange ; ed. G. A. L. Henschel. – Parisiis : Instituti Regii Franciae Typographi, 1842. – T. 2. – 968 p.
- 211) Endres R. Das Kirchengut im Bistum Lucca vom 8 bis 10 Jahrhundert / R. Endres // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. – 1918. – Bd. 14. – S. 240–292.
- 212) Ercolani L. Vocabolario romagnolo-italiano / L. Ercolani. – Ravenna : Monte di Ravenna, 1960. – XIV, 513 p.
- 213) Everett N. Lay documents and archives in early medieval Spain and Italy, c. 400-700 / N. Everett // Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages / Ed. W. Brown, M. Costambeys, M. Innes, A. Kostov. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 63–94.
- 214) Fabri G. Le sagre memorie di Ravenna antica. Parte prima / G. Fabri. – In Venetia : Per Francesco Valuasense, 1664. – 591 p.

- 215) Fabri G. *Ravenna Ricercata* ovvero compendio istorico delle cose più notabili dell'Antica Città di Ravenna / G. Fabri. – Bologna : Per Gio. Recaldini, 1678. – 247 p.
- 216) Faith R. *Social Theory and Agrarian Practice in Early Medieval England: The Land without Polyptyques* / R. Faith // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. – 2012. – № 90. – P. 299-314.
- 217) Fasoli G. *Il dominio territoriale degli arcivescovi di Ravenna tra l'VIII e l'XI secolo* / G. Fasoli // *I poteri temporali dei vescovi in Italia e Germania nel Medioevo* / A cura di C. G. Mor e H. Schmidinger. – Bologna : Il Mulino, 1979. – P. 87–140.
- 218) Fasoli G. *La Pentapoli fra il Papato e l'Impero nell'alto Medio Evo* / G. Fasoli // *Atti e memorie della Deputazione di storia patria per le Marche*. – 1981. – Vol. 86. – P. 55–88.
- 219) Feller L. *Précaires et livelli: les transferts patrimoniaux ad tempus en Italie* / L. Feller // *Les transferts patrimoniaux en Europe occidentale, VIIIe-Xe siècle (I)*. Actes de la table ronde de Rome (6, 7 et 8 mai 1999) / Ed. R. Le Jan. – Rome : École Française de Rome, 1999. – P. 725–746.
- 220) Filippov I. S. *The Notion of Feudalism in Russian Historiography* / I. S. Filippov // *El temps i l'espai del Feudalisme. Reunió científica VI Curs d'Estiu. Comtat d'Urgell* (Balaguer, 11, 12 i 13 de juliol de 2001). – Lleida : Pagès editors, 2004. – P. 149–165.
- 221) Filippov I. S. *La naissance du servage russe. Un survol de l'historiographie contemporaine* / I. S. Filippov // *Nouveaux servages et société en Europe (XIIIe-XXe siècle)*. Actes du colloque de Besançon, 4-6 octobre 2007 / Ed. N. Carrier. – Caen : Pu De Rennes, 2010. – P. 333–382.
- 222) Filippov I. S. *Vulgata versus Vetus Latina: the Choices of Caesarius of Arles* / I. S. Filippov // *Medieval Translator*. – 2016. – T. 16. – P. 315–328.
- 223) Fiori F. *Epigrafi greche dell'Italia Bizantina (VII-XI secolo)* / F. Fiori. – Bologna : CLUEB, 2008. – 316 p.
- 224) Fiori F. *Tracce della presenza bizantina nella toponomastica dei territori dell'esarcato e della pentapoli* / F. Fiori // *Archeologia e storia di un territorio di confine* / A cura di C. R. Montebelli. – Roma : L'Erma di Bretschneider, 2008. – P. 85–98.

- 225) Fischer A. Die Wiederinstandsetzung des Codex Traditionum ecclesiae Ravennatis der Bayerischen Staatsbibliothek Muenchen (CIm 44). Ein Fall neuartiger Papyrus-Konservierung. Mit Werkzeichnungen von Karl Jaeckel und einem Arbeitsbericht von Rolf Ibscher / A. Fischer // Zeitschrift fuer Bibliothekswesen und Bibliographie. – 1958. – Vol. 5., Heft 4. – S. 291–305.
- 226) Franchini V. Il titolo di «consul» in Ravenna a traverso l'alto medio evo / V. Franchini // Bullettino della società filologica Romana. – 1908. – № 11. – P. 31–44.
- 227) Fried M. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology / M. Fried. – New York : Random House, 1967. – XII, 270 p.
- 228) Fumagalli V. La tipologia dei contratti d'affitto con coltivatori al confine tra Langobardia e Romania (secoli IX–X) / V. Fumagalli // Studi Romagnoli. – 1974. – Vol. 25. – P. 205–214.
- 229) Fumagalli V. Terra e società nell'Italia Padana. I secoli IX e X / V. Fumagalli. – Torino : Einaudi, 1976. – IX, 216 p.
- 230) Fumagalli V. Introduzione del feudalesimo e sviluppo dell'economia curtense nell'Italia settentrionale / V. Fumagalli // Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (Xe-XIIIe siècles). Actes du colloque de Rome (10-13 octobre 1978). – Rome : École Française de Rome, 1980. – P. 313–325.
- 231) Fumagalli V. Langobardia e Romania : l'occupazione del suolo nella Pentapoli altomedievale / V. Fumagalli // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici. Fasc. 148-149) – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. – P. 95–107.
- 232) Ganshof F. L. Was ist das Lehnswesen? / F. L. Ganshof. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975. – 213 S.
- 233) Gay J. L'Italie Meridionale et l'Empire Byzantin depuis l'avènement de Basile 1er jusqu'à la prise de Bari par les Normands (867–1071) / J. Gay. – Paris : Albert Fontemoing, 1904. — XXVI, 638 p.
- 234) Ghignoli A. Note intorno all'origine di uno ius libellarium / A. Ghignoli // Archivio storico italiano. – 1998. – № 577, Disp. III (luglio-settembre). – P. 413–447.

- 235) Ginanni F. Istorìa civile e naturale delle Pinete ravennati / F. Ginanni. – Roma : Nella Stamperia di Generoso Salomoni, 1774. – 478 p.
- 236) Gli archivi come fonti della storia di Ravenna. Regesto dei documenti / A cura di B. Cavarra, G. Gardini, G. B. Parente, G. Vespignani // Storia di Ravenna. Vol. II. Dall'età bizantina all'età ottoniana. T. 1. Territorio, economia e società / A cura di A. Carile. – Venezia : Marsilio Editori, 1991. – P. 401–547.
- 237) Gloria A. Del volgare illustre dal secolo VII fino a Dante: studj storici / A. Gloria. – Venezia : Tipografia di G. Antonelli, 1880. – 136 p.
- 238) Goetz H.-W. Serfdom and the beginnings of a «seigneurial system» in the Carolingian period: a survey of evidence / H.-W. Goetz // Early Medieval Europe. – 1993. – № 2 (1). – P. 29–51.
- 239) Gorini G. Aspetti e problemi di numismatica nel «Breviarium» / G. Gorini // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici. Fasc. 148-149). – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. – P. 63–69.
- 240) Goubert P. Byzance avant l'Islam. T. II: Byzance et l'Occident sous les successeurs de Justinien; 2, Rome, Byzance et Carthage / P. Goubert. – Paris : A et J. Picard, 1965. – 267 p.
- 241) Guastazzi G. M. Storia della Basilica di Classe / G. M. Guastazzi. – Ravenna : Roveri, 1775.
- 242) Guidi G. Ragguaglio delle monete, dei pesi e delle misure attualmente in uso negli stati italiani e nelle principali piazze commercianti d'Europa / G. Guidi – Firenze : Felice Le Monier e C., 1839. – 248 p.
- 243) Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire byzantin au VIIe siècle: l'exemple de l'exarchat et de la Pentapole d'Italie (Istituto storico italiano per Alto Medio Evo. Studi storici. Fasc. 75–76) / Guillou A. – Roma : Palazzo Borromini, 1969. – 348 p.
- 244) Guillou A. La nuova edizione del Codice Bavaro / A. Guillou // Bullettino dell'Istituto storico italiano per il medioevo e Archivio muratoriano. – 1986. – Vol. 92 (a. 1985/86). – P. 355–365.

- 245) Haldon J. *The State and the Tributary Mode of Production* / J. Haldon. – London ; New York : Verso, 1993. – X, 339 p.
- 246) Halsall G. *From Roman fundus to Early Medieval grand domaine: Crucial Ruptures between Antiquity and the Middle Ages* / G. Halsall // *Revue belge de Philologie et d'Historie*. – 2012. – № 90. – P. 273–298.
- 247) Hamerow H. *Early Medieval Settlements. The Archaeology of Rural Communities in North-West Europe 400-900*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2002. – 225 p.
- 248) Hartmann L. M. *Untersuchungen zur Geschichte der Byzantinischen Verwaltung im Italien (540-750)* / L. M. Hartmann. – Leipzig : Hirzel, 1889. – 182 S.
- 249) Hartmann L. M. *Geschichte Italiens im Mittelalter. II Band, 1. Hälfte. Römer und Langobarden bis zur Theilung Italiens* / L. M. Hartmann. – Gotha : Friedrich Andreas Perthes, 1900. – 280 S.
- 250) Hartmann L. M. *Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Analekten* / L. M. Hartmann. – Gotha : Friedrich Andreas Perthes, 1904. – 131 S.
- 251) Haubrichs W. *The Early Medieval Naming-world of Ravenna, eastern Romagna and the Pentapolis* / W. Haubrichs // *Ravenna: its Role in Earlier Medieval Change and Exchange* / ed. J. Herrin and J. Nelson. London : Institute of Historical Research, 2016. – P. 257–297.
- 252) Heidrich I. *Ravenna unter Erzbischof Wibert (1073–1100). Untersuchungen zur Stellung des Erzbischofs und Gegenpapstes Clemens III. in seiner Metropole* / I. Heidrich. – Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1984. – 220 S.
- 253) Herlihy D. *The History of the Rural Signory in Italy, 751–1200* / D. Herlihy // *Agricultural History*. – 1959. – Vol. 33 (2). – P. 58–71.
- 254) Herlihy D. *Medieval households* / D. Herlihy. – London ; Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1985. – VII, 227 p.
- 255) Hilton R. *Bond Men made Free. Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381* / R. Hilton. – 2^d edition. – London ; New York : Taylor & Francis Group, 2003. – XV, 241 p.

- 256) Hirschfeld B. Die Gesta municipalia in römischer und frühgermanischer Zeit : Inaugural-Dissertation / B. Hirschfeld. – Marburg, 1904. – 90 S.
- 257) Hutton A. Ravenna: A Study / A. Hutton. – London ; Toronto : J. M. Dent & Sons Ltd.; New York : E. P. Dutton & Co., 1913. – XII, 300 p.
- 258) Iorga N. Bizanț după Bizanț / N. Iorga. – București: Editura enciclopedică română, 1972. – 300 p.
- 259) Jones A. H. M. The Later Roman Empire 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Vol. II / A. H. M. Jones. – Oxford : Basil Blackwell, 1964. – VI, 545 p.
- 260) Jones P. J. The Malatesta of Rimini and the Papal State / P. J. Jones. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – IX, 372 p.
- 261) Kay C. Comparative Development of the European Manorial System and the Latin American hacienda system / C. Kay // The Journal of Peasant Studies. – 1974. – Vol. 2. – № 1. – P. 69–98.
- 262) Kay P. Rome's Economic Revolution / P. Kay. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – XIV, 384 p.
- 263) Klewitz H. W. Namengebung und Sippenbewusstsein in den deutschen Königsfamilien des 10. bis 12. Jahrhunderts. Grundfragen historischer Genealogie / H. W. Klewitz // Archiv für Urkundenforschung. – 1944. – Bd. 18. – S. 23–37.
- 264) Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom / P. Kolchin. – Cambridge (Mass.) ; London : Harvard University Press, 1987. – XIV, 517 p.
- 265) Kula W. An Economic Theory of the Feudal System : Towards a Model of the Polish Economy, 1500–1800 / W. Kula ; transl. by L. Garner. – London : Verso, 1976. – 191 p.
- 266) Lanzoni F. Una epistola del Patriarca Fozio a Giovanni arcivescovo di Ravenna / F. Lanzoni // Atti e memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le provincie di Romagna. – 1919. – Ser. IV. – Vol. IX. – P. 137–142.
- 267) Lazard S. De quelques attestations anciennes trouvées dans des documents ravennates / S. Lazard // Revue de linguistique romane. – 1973. – Vol. 37. – Cah. 147–148. – P. 398–418.

- 268) Lazard S. «Studio onomastico del Breviarium» / S. Lazard // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici. Fasc. 148–149) – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. – P. 33–61.
- 269) Lazard S. Les byzantinismes lexicaux de l'Exarchat de Ravenne et de la Pentapole / S. Lazard // Byzantion. – 1986. – Vol. 56. – P. 354–426.
- 270) Lazzari T. «Comitato» senza città: Bologna e l'aristocrazia del territorio nei secoli IX–XI / T. Lazzari. – Torino : Paravia, 1998. – 315 p.
- 271) Lécivain C. Le partage oncial du fundus romain / C. Lécivain // Mélanges d'archéologie et d'histoire. – 1885. – T. 5. – P. 15–24.
- 272) Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde Franc (VIIe–Xe siècle). Essai d'anthropologie sociale / R. Le Jan. – Paris : Publications de la Sorbonne, 1995. – 571 p.
- 273) Leicht P. S. Studi sulla proprietà fondiaria nel Medio Evo. I. La Curtis e il feudo nell'Italia Superiore fino al secolo XIII / P.-S. Leicht. – Verona ; Padova : Fratelli Drucker, 1903. – 171 p.
- 274) Leicht P. S. Livellario nomine. Osservazioni su alcune carte amiatine del secolo nono / P. S. Leicht // Studi senesi in onore di Luigi Moriani. – Torino : Bocca, 1906. – Vol. 2. – P. 283–351.
- 275) Leicht P. S. Ricerche sulle associazioni professionali in Italia dal secolo V all' XI / P. S. Leicht // Rendiconti della R. Accademia nazionale dei Lincei. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. – 1936. – S. 6a. – Vol. XII. – P. 193–241.
- 276) Lepore G., Cirelli E. Il territorio di Valconca tra tarda antichità e alto medioevo / G. Lepore, E. Cirelli // Morciano in Romagna. Forum Vetus. Luogo, comunità, pratica dello scambio / A cura di M. L. De Nicolò. – Rimini : Villa Verucchio, 2014. – P. 14–31.
- 277) Luzzatto G. I servi nelle grandi proprietà ecclesiastiche italiane dei secoli IX e X / G. Luzzatto. – Pisa : Spoerri, 1910. – 190 p.
- 278) Maffei S. Historia diplomatica che serve d'introduzione all'arte critica in tal materia / S. Maffei. – Mantova : Per Alberto Tumermani, 1727. – XXII, 338 p.

- 279) Maioli M. G. Il territorio Decimano alla luce degli ultimi rinvenimenti / M. G. Maioli // Orme nei campi. Archeologia a sud di Ravenna. Atti della Giornata di Studi (S. Pietro in Campiano, Ravenna, 2 aprile 2006) / A cura di M. Ficara, V. Manzelli. – Firenze : All'insegna del Giglio, 2008. P. 37–50.
- 280) Magnani E. Du don aux églises au don pour le salut de l'âme en Occident (IVe-XIe siècle) : le paradigme eucharistique / E. Magnani // Pratiques de l'eucharistie dans les Églises d'Orient et d'Occident (Antiquité et Moyen Âge). Actes du séminaire tenu à Paris, Institut catholique (1997–2004). Vol. II. Les réceptions / Ed. N. Bériou, B. Caseau, D. Rigaux. – Paris : Institut d'Études Augustiniennes (Diffusion Brepols), 2009. – P. 1021–1042.
- 281) Mancassola N. La gestione delle campagne tra Langobardia e Romania in età carolingia e postcarolingia. La struttura delle aziende fondiarie in Emilia e Romagna : tesi di dottorato / N. Mancassola. – Bologna, 2005. – 251 p.
- 282) Mancassola N. L'evoluzione dell'insediamento rurale nella pianura a sud di Ravenna (IV–XI secolo) / N. Mancassola // Forme del popolamento rurale nell'Europa Medievale: l'apporto dell'archeologia / A cura di P. Galetti. – Bologna : CLUEB, 2006. – P. 33–52.
- 283) Mancassola N. L'azienda curtense tra Langobardia e Romania. Rapporti di lavoro e patti colonici dall'età carolingia al Mille / N. Mancassola. – Bologna : CLUEB, 2008. – VIII, 274 p.
- 284) Mancassola N. Le forme del popolamento rurale nel territorio Decimano dalla caduta dell'Impero Romano all'anno Mille / N. Mancassola // Orme nei campi. Archeologia a sud di Ravenna. Atti della Giornata di Studi (S. Pietro in Campiano, Ravenna, 2 aprile 2006) / A cura di M. Ficara, V. Manzelli. – Firenze : All'insegna del Giglio, 2008. P. 89–103.
- 285) Mancassola N. La Valconca nell'Alto Medioevo: rapporti di lavoro e strutture produttive (X secolo) / N. Mancassola // Gli scavi di S. Pietro in Cotto e il territorio della Valconca dall'età romana al medioevo / A cura di E. Cirelli. – Rimini : Panozzo Editore, 2014. – P. 251–257.

- 286) Marazzi F. I «Patrimonia Sanctae Romanae Ecclesiae» nel Lazio (secoli IV-X). Struttura amministrativa e prassi gestionale / F. Marazzi. – Roma Palazzo Borromini, 1998. – XI, 339 p.
- 287) Martin J.-M. L'«incastellamento»: mutation de l'habitat dans l'Italie du Xe siècle / J.-M. Martin // Occident et Orient au Xe siècle. Actes du IXe Congrès Internationale de la Société des Historiens Médiévistes (Dijon, 2–4 Juin 1978). Paris : Les Belles Lettres, 1979. – P. 235–249.
- 288) Martin J.-M. Byzance et l'Italie méridionale / J.-M. Martin. – Paris : Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2014. – XX, 628 p.
- 289) Marzano A. Roman Villas in Central Italy: A Social and Economic History / A. Marzano. – Leiden ; Boston : Brill, 2007. – XV, 823 p.
- 290) Mascanzoni L. Romagna Romandiola. Le istituzioni religiose nella storia del territorio / L. Mascanzoni // Rivista di storia della Chiesa in Italia. – 2005. – Vol. 59. – № 1. – P. 87–101.
- 291) McCormick M. Origins of the European Economy: Communications and Commerce AD 300–900 / M. McCormick. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 1130 p.
- 292) Meyer-Lübke W. Romanisches Etymologisches Wörterbuch / W. Meyer-Lübke. – Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1911. – XXIII, 1092 S.
- 293) Mickwitz G. Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. Eine Studie in spätantiker und mittelalterlicher Wirtschaftsgeschichte / G. Mickwitz. – Helsingfors : Akademische Buchhandlung ; Leipzig : Harassowitz, 1936. – 250 p.
- 294) Mittarelli J. B. Annales Camaldulenses Ordinis Sancti Benedicti. T. 5 / J. B. Mittarelli. – Venetiis : Ære Monasterii Sancti Michaelis de Muriano, 1760. — XVIII, 699 cols.
- 295) Modzelewski K. Barbarzyńska Europa / K. Modzelewski. – Warszawa : ISKRY, 2004. – 517 s.

- 296) Mommsen T. Die Bewirthschaftung der Kirchengüter unter Papst Gregor I / T. Mommsen // Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. – 1893. – Bd. 1. – H. 1. – S. 43–59.
- 297) Montanari M. Campagne medievali. Strutture produttive, rapporti di lavoro, sistemi alimentari / M. Montanari. – Torino : Einaudi, 1984. – 223 p.
- 298) Montanari M. Il paesaggio rurale della Pentapoli nell'alto medioevo. Osservazioni suggerite dal «Breviarium» e della documentazione coeva / M. Montanari // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici. Fasc. 148-149) – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. P. 145–162.
- 299) Montanari M. Estructuras familiares y formas de explotación agraria. Un caso italiano : Romagna, siglos XI-XIV / M. Montanari // Studia Histórica. – 1987. – Vol. 5. – № 2. – P. 7–15.
- 300) Montanari M. Contadini e città tra «Langobardia» e «Romania» / M. Montanari. – Firenze : Salimbeni, 1988.
- 301) Montanari M. Campagne e contadini nell'Italia bizantina (Esarcato e Pentapoli) / M. Montanari // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age. – 1989. – Vol. 101. – P. 597–607.
- 302) Montanari M. Contadini di Romagna nel Medioevo / M. Montanari. – Bologna : CLUEB, 1994. – 160 p.
- 303) Mundó A. M. Un document de Ravenna del segle X a Barcelona / A. M. Mundó // Medievalia. – 1990. – Vol. 9. – P. 169–177.
- 304) Muratori L. A. Antiquitates Italicae Medii Aevi. T. III / L. A. Muratori. – Mediolani : Ex Typographia Societatis Palatinae, 1740. – 1242 cols.
- 305) Muratori L. A. Antiquitates Italicae Medii Aevi. T. VI / L. A. Muratori. – Mediolani : Ex Typographia Societatis Palatinae, 1742. – 1242 cols.
- 306) Novara P. Giovanni Vincenzo arcivescovo nella Ravenna della fine del X secolo / P. Novara // Giovanni di Besate (san Giovanni Vincenzo) arcivescovo di Ravenna ed eremita / A cura di G. Oruoli e Paola Novara. – Ravenna : Fernandel, 2010. – P. 19-28.

- 307) Oikonomidès N. Fiscalité et exemption fiscale à Byzance (IXe–XIe s.) / N. Oikonomidès. – Athènes : Fondation nationale de la recherche scientifique. Institut de recherches byzantines, 1996. – 319 p.
- 308) Orselli A. M. Santità militare e culto dei santi militari nell'impero dei Romani (secoli VI-X) / A. M. Orselli. – Bologna : Lo scarabeo, 1993. – 62 p.
- 309) Palmieri A. Le carte giudiziarie ed i documenti privati ravennati dei secoli di mezzo / A. Palmieri // Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia Patria per la Romagna. – 1901. – Ser. III. – Vol. XIX. – P. 394–416.
- 310) Palmieri A. Un probabile confine dell'Esarcato di Ravenna nell'Appennino bolognese (Montovolo - Vimignano) / A. Palmieri // Atti e Memorie della R. Deputazione di storia patria per le province di Romagna. – 1913. – Ser. IV. – Vol. 3. – P. 38–88.
- 311) Pasolini G. L'opera sull'esarcato di G.P. Ferretti, vescovo di Lavello, e le sue vicende / G. Pasolini // Atti e memorie della R. Deputazione di storia patria per le province di Romagna. – 1922. – Ser. IV. – Vol. XII. – P. 101–119.
- 312) Pasolini S. Lustrì Ravennati dall'anno seicento doppo l'universal diluvio sino all'anno 1713. Parte VI / S. Pasolini. – Ravenna : Appresso Bernardino e Fratelli de' Pezzi Stampatori Arcivescovali, 1689. – 254 p.
- 313) Pasquali G. La vitivinicoltura in Romagna nell'alto medioevo / G. Pasquali // Studi Romagnoli. – 1974. – Vol. 25. – P. 215–234.
- 314) Pasquali G. Strutture fondiari, insediamenti e paesaggio agrario nei territori di Lugo, Fusignano e Cotignola (secc. X–XII) / G. Pasquali // Studi Romagnoli. – 1978. – Vol. XXIX. – P. 277–303.
- 315) Pasquali G. Le forme dell'organizzazione del territorio rurale nella Pentapoli altomedievale / G. Pasquali // Atti e memorie della Deputazione di Storia Patria per le Marche. – 1981. – № 86. – P. 647–682.
- 316) Pasquali G. Agricoltura e società rurale in Romagna nel Medioevo / G. Pasquali. – Bologna : Pàtron, 1984. – 288 p.

- 317) Pasquali G. Dal «magnum forestum» di Liutprando ai pievati del Duecento: l'enigma del territorio «Faventino acto Corneliense» / G. Pasquali. – Bologna : CLUEB, 1993. – 90 p.
- 318) Pasquali G. Gli insediamenti rurali minori: pievi, fondi, masse, castelli e corti / G. Pasquali // Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici. Fasc. 148–149) – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. P. 125-144.
- 319) Pasquali G. Una signoria rurale assente o silente? Il caso anomalo dalla Romagna / G. Pasquali // La signoria rurale nel medioevo italiano. Vol. 1 / A cura di A. Spicciani, C. Violante. – Pisa : Edizioni ETS, 1997. – P. 63–80.
- 320) Pasquali G. Sistemi di produzione agraria e aziende curtensi nell'Italia altomedievale / G. Pasquali. – Bologna : CLUEB, 2008.
- 321) Patitucci S. U. Il «castrum Ferrariae» / S. U. Patitucci // Insediamenti nel Ferrarese. Dall'età romana alla fondazione della cattedrale. – Firenze : Centro Di, 1976. – P. 153-158.
- 322) Percival J. Seignerial Aspects of Late Roman Estate Management / J. Percival // The English Historical Review. – 1969. – Vol. 84. – № 332. – P. 449–473.
- 323) Percival J. P. Ital. 3 and Roman Estate Management / J. Percival // Hommages à Marcel Renard. Vol. 2 / ed. J. Bibauw. – Bruxelles : Latomus, 1969. – P. 607–615.
- 324) Pivano S. I contratti agrari in Italia nell'alto Medio evo / S. Pivano. – Torino : Unione Tipografico Editrice, 1904. – XV, 338 p.
- 325) Pivano S. Precarie e livelli / S. Pivano. – Torino : G. Giappichelli, 1962. –
- 326) Pizarro J. M. Writing Ravenna. The Liber Pontificalis of Andreas Agnellus / J. M. Pizarro. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1995. – X, 213 p.
- 327) Placucci M. Usi e pregiudizj de' contadini della Romagna / M. Placucci. – Palermo : Luigi Pedone Lauriel, 1885. – XIX, 215 p.
- 328) Polverari A. Una Bulgaria nella Pentapoli. Longobardi, bulgari e slavini / A. Polverari. – Senigallia : Ed. Pierfederici, 1969. – 40 p.

- 329) Rabotti G. L'Archivio Arcivescovile di Ravenna e la tradizione delle istituzioni tra Tardo Antico e Medio Evo / G. Rabotti // Ravenna capitale. Società, diritto e istituzioni nei papiri ravennati (V-VIII secolo). Ravenna, 2010. P. 1-10. –
 Режим доступа : http://www.ravenna-capitale.it/images/atticonvegni/Rabotti_Ravenna_2010.pdf
- 330) Rabotti G. Osservazioni sullo svolgimento del notariato a Ravenna fra XI e XII secolo / G. Rabotti // La memoria delle chiese. Cancellerie vescovili e culture notarili nell'Italia centro-settentrionale (secoli X-XIII) / A cura di P. Cancian. – Torino : Scriptorium, 1995. – P. 113–130.
- 331) Racine P. Associations de marchands et associations de métiers en Italie de 600 à 1200 / P. Racine // Gilden und Zünfte / ed. B. Schwineköper. – Sigmaringen : Thorbecke Verlag, 1985. – S. 127–149.
- 332) Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted / S. Reynolds. – Oxford : Clarendon Press, 1994. – XI, 544 p.
- 333) Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900-1300 / S. Reynolds. – 2d edition. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – LXXV, 387 p.
- 334) Ricci C. Raccolte artistiche di Ravenna / C. Ricci. – Bergamo : Istituto Italiano d'Arti Grafiche, 1905. – 199 p., 174 ill.
- 335) Rinaldi R. Le origini dei Guidi nelle terre di Romagna (secoli IX-X) / R. Rinaldi // Formazione e strutture dei ceti dominanti nel Medioevo: marchesi, conti e visconti nel Regno italico (secc. IX-XII). Atti del secondo convegno di Pisa (3-4 dicembre 1993). II. – Roma : Palazzo Borromini, 1996. – P. 211–240.
- 336) Rinaldi R. I Longobardi e i Franchi / R. Rinaldi // Storia dell'Emilia-Romagna. Vol. 1. Dalle origini al Seicento / A cura di M. Montanari, M. Ridolfi e R. Zangheri. – Bari : Editori Laterza, 1999. – P. 64–74.
- 337) Rio A. Slavery after Rome, 500-1100 / A. Rio. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – XI, 285 p.
- 338) Rohlfs G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. 3. Sintassi e formazione delle parole / G. Rohlfs ; traduzione di T. Franceschi e M. Caciagli Fancelli. – Torino : Giulio Einaudi editore, 1969. – XL, 575 p.

- 339) Rosetti E. *La Romagna: geografia e storia* / E. Rosetti. – Milano : Ulrico Hoepli, 1894. – 810 p.
- 340) Rubeus H. *Historiarum Ravennatum libri decem* / H. Rubeus. – Venetiis : ex typographia Guerraea, 1589. – 900 p.
- 341) Ruggini L. *Economia e società nell'«Italia annonaria». Rapporti fra agricoltura e commercio dal IV al VI secolo d. C.* / L. Ruggini. – Milano : Giuffrè, 1961. – VIII, 716 p.
- 342) Salazar I. S. *Las transformaciones de la fiscalidad en el territorio de Rávena entre los siglos V y VIII* / I. S. Salazar // *Between taxation and rent. Fiscal problems from Late Antiquity to Early Middle Ages* / ed. P. C. Díaz, I. M. Viso. – Bari : Edipuglia, 2011. – P. 107-146.
- 343) Sansterre J.-M. *Monaci e monasteri greci a Ravenna* / J.-M. Sansterre // *Storia di Ravenna. Vol. II. 2. Dall'età bizantina all'età ottoniana. T. 2. Ecclesiologia, cultura e arte* / A cura di A. Carile. – Venezia : Marsilio Editori, 1992. – P. 323–329.
- 344) Santoni F. *Notarius civitatis. Rileggendo le fonti tra VI e XI secolo* / F. Santoni // *Civis/Civitas. Cittadinanza politico-instituzionale e identità socio-culturale da Roma alla prima età moderna* / A cura di C. Tristano, S. Allegria. – Roma : Thesan & Turan, 2009. – P. 205–223.
- 345) Santoro Bianchi S. *Dinamica del popolamento ed evoluzione delle strutture territoriali nel Riminese dalla preistoria alla tarda antichità* / S. Santoro Bianchi // *Rivista di Archeologia*. – 2004. – № 3. – P. – 23–40.
- 346) Saracco Previdi E. *Le «Massae» del territorio senigalliese nel Medioevo (secc. VIII-XII)* / E. Saracco Previdi // *Scritti storici in memoria di Enzo Piscitelli* / A cura di R. Paci. – Padova : Antenore, 1982. – P. 3–22.
- 347) Sarris P. *The Origins of the Manorial Economy: New Insights from Late Antiquity* / P. Sarris // *English Historical Review*. – 2004. – Vol. 119. – № 481. – P. 279–311.
- 348) Sarti N. *Una nuova testimonianza per una secolare contesa: la Massa Firminiana e le curie di Ravenna e Ferrara in un documento legale del XII secolo* / N. Sarti // *A Ennio Cortese ; scritti promossi da Domenico Maffei* / A cura di I. Birocchi, M.

Caravale, E. Conte, U. Petronio. – Roma : Il Cigno Galileo Galilei, 2001. – T. 3. – P. 210–225.

349) Sassi M. Castelli in Romagna. L'incastellamento tra X e XII secolo nelle provincie romagnole e nel Montefeltro / M. Sassi. – Cesena : Il Ponte Vecchio, 2005. – 192 p.

350) Savigni R. I papi e Ravenna. Dalla caduta dell'esarcato alla fine del secolo X / R. Savigni // Storia di Ravenna. Vol. II. dall'età bizantina all'età ottoniana. T. 2. Ecclesiologia, cultura e arte / A cura di A. Carile. – Venezia : Marsilio Editori, 1992. – P. 331–368.

351) Savigny F.-K. von. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter / F.-K. von Savigny. – 2. Aufgabe. – Heidelberg : Mohr, 1834. – 1. Band. – XVI, 486 S.

352) Savigny H. von. Ueber die Unzialeintheilung der römischen Fundi / H. von Savigny // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin. Aus den Jahren 1814–1815. – Berlin : in der Realschul Buchhandlung, 1818. – S. 55–61.

353) Schmidt H. I. Die Kirche von Ravenna im Frühmittelalter (540–967). Ein Beitrag zur Geschichte des Verhältnisses von Kirche und Staat / H. I. Schmidt // Historisches Jahrbuch. – 1913. – Bd. 34. – S. 729–780.

354) Schoolman E. M. Rediscovering Sainthood in Italy. Hagiography and the Late Antique Past in Medieval Ravenna / E. M. Schoolman. – New York : Palgrave Macmillan, 2016. – XXVI, 202 p.

355) Schupfer F. Precarie e livelli nei documenti e nelle leggi dell'alto medio evo / F. Schupfer // Rivista italiana per le scienze giuridiche. – 1905. – Vol. XL. – Fasc. 1-3.

356) Schwarz G. Die Besetzung der Bistümer Reichsitaliens unter den Sächsischen und Salischen Kaisern mit den Listen der Bischöfe. 951–1122 / G. Schwarz. – Berlin. – Leipzig : B. G. Teubner, 1913. – VIII, 338 S.

357) Schwarzmaier H. Lucca und das Reich bis zum Ende des 11. Jahrhunderts: Studien zur Sozialstruktur einer Herzogstadt in der Toskana / H. Schwarzmaier. – Tübingen : Max Niemeyer, 1972. – XVIII, 448 p.

- 358) Settia A. L'incastellamento in Romagna - Montefeltro e le concordanze «padane» / A. Settia // Studi Montefeltrani. – 2007. – Vol. XXIX. – P. 7–18.
- 359) Settia A. Castelli e «Tombe» di Romagna. Possibilità e cautele / A. Settia // Castelli e fortificazioni del Riminese / A cura di E. Tosi Brandi. – Bologna : CLUEB, 2008. – P. 17–25.
- 360) Spearing E. The patrimony of the Roman church in the time of Gregory the Great / E. Spearing. – Cambridge : Cambridge University Press, 1918. – XIX, 147 p.
- 361) Spreti C. Notizie spettanti all'antichissima Scuola de' Pescatori in oggi denominata Casa Matha / C. Spreti. – Ravenna : Tipografia di A. Roveri e figli, 1820. – 294 p.
- 362) Stein E. Beiträge zur Geschichte von Ravenna in spätrömischer und byzantinischer Zeit / E. Stein // Klio. – 1920. – № 16. – S. 40–71.
- 363) Steinhoff M. W. Origins and Development of the Notariate at Ravenna (Sixth through Thirteenth Centuries) / M. W. Steinhoff. – Dissertation. – New York, 1976. – 232 p.
- 364) Strocchi A. Serie cronologica storico-critica dei vescovi Faventini / A. Strocchi. – Faenza : Tipografia Montanari e Marabini, 1841. – 308 p.
- 365) Tabacco G. Il feudalesimo / G. Tabacco // Storia delle idee politiche, economiche e sociali / A cura di L. Firpo, O. Capitani [et al.] – Torino : Unione Tipografico-Editrice Torinese, 1983. – Vol. II. – T. 2. – P. 55–115.
- 366) Tamassia N. Reliquie di un decreto giustiniano a favore della Chiesa ravennate / N. Tamassia // Atti e Memorie della R. Deputazione di storia patria per le province di Romagna. – 1898. – Ser. III. – Vol. 16. – P. 1–6.
- 367) Tamassia N. L'enfiteusi ecclesiastica ravennate e un racconto di Agnello / N. Tamassia // Atti e memorie della R. Deputazione di Storia Patria per le Province di Romagna. – 1920. – Ser. IV. – Vol. 10. – P. 109–121.
- 368) Tarlazzi A. Memorie sacre di Ravenna scritte dal sacerdote Antonio Tarlazzi in continuazione di quelle pubblicate dal canonico Girolamo Fabbri / A. Tarlazzi. – Ravenna : nella Tip. del Ven. Seminario Arciv., 1852. – 664 p.

- 369) The Cambridge Economic History. Vol. 1 : The Agrarian Life of the Middle Ages / Ed. M. M. Postan and H. J. Habakkuk. – 2d edition. – Cambridge : Cambridge University Press, 1966. – XVI, 845 p.
- 370) The New Cambridge Medieval History. Vol. III: c. 900 – c. 1024 / Ed. T. Reuter. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – XXVI, 811 p.
- 371) Theisen F. Studien zur Emphyteuse in ausgewählten italienischen Regionen des 12. Jahrhunderts: Verrechtlichung des Alltags? / F. Theisen. – Frankfurt am Main : Klostermann, 2003. – XIV, 514 p.
- 372) Tirone L. Les grands traits de la culture et de l'économie de la vigne en Emilie-Romagne / L. Tirone // Méditerranée. Nouvelle série. – 1971. – № 5. – P. 501–557.
- 373) Tomai T. Historia di Ravenna / T. Tomai. – Ravenna : Appresso Francesco Tebaldini da Osimo, 1580. – 214 p.
- 374) Tonini L. Della storia sacra e civile riminese. Vol. II. Rimini dal principio dell'era volgare all'anno 1200 / L. Tonini. – Rimini : Tipi Malvolti ed Ercolani, 1856. – XXXIX, 654 p.
- 375) Torre A. Considerazioni sulla storiografia di Ravenna medievale / A. Torre // Atti e Memorie della Deputazione di Storia Patria per la Romagna. N.S. – 1951. – Vol. II. – P. 97–108.
- 376) Torricelli M. P. Centri plebani e strutture insediative nella Romagna medievale / M. P. Torricelli. – Bologna : CLUEB, 1989. – 64 p.
- 377) Toubert P. Il sistema curtense: la produzione e lo scambio interno in Italia nei secoli VIII, IX e X / P. Toubert // Storia d'Italia. Annali 6: Economia naturale, economia monetaria / A cura di R. Romano e U. Tucci. – Torino : Einaudi, 1983. P. 5–63.
- 378) Treadgold W. The Military Lands and the Imperial Estates in the Middle Byzantine Empire / W. Treadgold // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 7, Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. – 1983. – P. 619–631.

- 379) Uggeri S. P. Testimonianze archeologiche del «Castrum Comiaculum». Relazione preliminare degli scavi 1975 / S. Uggeri // *Archeologia medievale*. – 1976. – Vol. III. – P. 283–291.
- 380) Uhlirz M. Die Restitution des Exarchates Ravenna durch die Ottonen / M. Uhlirz // *Mitteilungen der österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. – 1936. – Bd. 50. – S. 1–34.
- 381) Varanini G. M. Ecclesiastici e storiografia locale in età moderna (prima approssimazione). Scritture storiche «civili» di ecclesiastici (XVI–XVII sec.) / G. M. Varanini // *Storiografia e identità dei centri minori italiani tra la fine del medioevo e l'Ottocento (Atti del XIII Convegno di studi)* / A cura di G. M. Varanini. – Firenze : Firenze University Press, 2013. – P. 4–28.
- 382) Vasina A. Possessi ecclesiastici ravennati nella Pentapoli durante il medioevo / A. Vasina // *Studi romagnoli*. – 1967. – Vol. 18. – P. 333–367.
- 383) Vasina A. Romagna medievale / A. Vasina. – Ravenna : Edizioni A. Longo, 1970. – 360 p.
- 384) Vasina A. La Romagna Estense. Genesi e sviluppo dal Medioevo all'Età Moderna / A. Vasina // *Studi Romagnoli*. – 1970. – № 21. – P. 47–68.
- 385) Vasina A. Lineamenti culturali dell'Emilia Romagna. Antiquaria, erudizione, storiografia dal XIV al XVIII secolo / A. Vasina. – Ravenna : Longo, 1978. – 204 p.
- 386) Vasina A. Note sulla storia dei castelli romagnoli e sull'insediamento di Castrocaro nel Medioevo / A. Vasina // *Studi Romagnoli*. – 1981. – Vol. XXXI. – P. 175–189.
- 387) Vasina A. Il Breviarium nella storia della chiesa ravennate / A. Vasina // *Ricerche e studi sul «Breviarium Ecclesiae Ravennatis» (Codice Bavaro) (Studi Storici. Fasc. 148–149)* – Roma : Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1985. – P. 9–32.
- 388) Vasina A. Ravenna e la Romagna nella politica di Federico II / A. Vasina // *Friedrich II. Tagung des Deutschen Historischen Instituts in Rom im Gedenkjahr 1994* / hg. von A. Esch, N. Kamp. – Tübingen : Max Niemeyer, 1996. – S. 404–424.

- 389) Vasina A. Le pievi dell'Esarcato ravennate fra società civile ed ecclesiale / A. Vasina // *Mediterraneo, Mezzogiorno, Europa. Studi in onore di Cosimo Damiano Fonseca* / A cura di G. Andenna, H. Houben. – Bari : Adda, 2004. – P. 1069–1080.
- 390) Vecchiazzani M. *Historia di Forlimpopoli con varie revolutioni dell'altre città di Romagna. Parte prima* / M. Vecchiazzani. – Rimini : Il Simbeni, 1647.
- 391) Vera D. *Massa fundorum. Forme della grande proprietà e poteri della città in Italia fra Costantino e Gregorio Magno* / D. Vera // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. – 1999. – T. 111. – № 2. – P. 991–1025.
- 392) Verhulst A. *La genèse du régime domanial classique en France au haut moyen âge* / A. Verhulst // *Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto Medioevo. Atti (dal 22 al 28 aprile 1965) (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo 13)*. – Spoleto : Fondazione CISAM, 1966. – P. 135–160.
- 393) Verhulst A. *The Carolingian Economy* / A. Verhulst. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 160 p.
- 394) Vesi A. *Storia di Romagna dal principio dell'era volgare ai giorni nostri* / A. Vesi. – Bologna : pei tipi delle Muse, 1845. – T. 1. – 522 p.
- 395) Vespignani G. *La Romània italiana dall'Esarcato al Patrimonium. Il Codex Parisinus (BNP, N.A.L. 2573). Testimone della formazione di società locali nei secoli IX e X* / G. Vespignani. – Spoleto : Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2001. – X, 219 p.
- 396) Vespignani G. *Bibliografia dell'Italia bizantina (secc. VI–XI). Storia, società, istituzioni. Parte I* / G. Vespignani // *Reti Medievali - Rivista*. – 2009. – № 10. – P. 1–49.
- 397) Volpe G. *Aziende agrarie medievali* / G. Volpe // *Storia dell'economia italiana. T. 1* / A cura di C. M. Cipolla. – Torino : Einaudi, 1959. – P. 29–50.
- 398) Werner. K. F. *Liens de parenté et noms de personne. Un problème historique et méthodologique* / K. F. Werner // *Collection de l'Ecole Française de Rome*. – 1977. – T. 30. – P. 13–18, 25–34, 442–444.
- 399) Wickham C. *Early Medieval Italy: Central Power and Local Society, 400–1000* / C. Wickham. – Totowa, New Jersey: Barnes & Noble Books, 1981. – 238 p.

- 400) Wickham C. *The Other Transition: From the Ancient World to Feudalism* / C. Wickham // *Past and Present*. – 1984. – Vol. 103. – № 1. – P. 3–36.
- 401) Wickham C. *The Uniqueness of the East* / C. Wickham // *The Journal of Peasant Studies*. – 1985. – Vol. 12. – № 2-3. – P. 166–196.
- 402) Wickham C. *Land disputes and their social framework in Lombard-Carolingian Italy, 700-900* / C. Wickham // *The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe* / Ed. W. Davies, P. Fouracre. – Cambridge. – New York : Cambridge University Press, 1986. – P. 105–125.
- 403) Wickham C. *Problems of Comparing Rural Societies in Early Medieval Western Europe* / C. Wickham // *Transactions of the Royal Historical Society*. – 1992. – Vol. 2. – P. 221–246.
- 404) Wickham C. *Comunità e clientele nella Toscana del XII secolo. Le origini del comune rurale nella Piana di Lucca* / C. Wickham. – Roma : Viella, 1995. – 287 p.
- 405) Wickham C. *Le forme del feudalesimo* / C. Wickham // *Il feudalesimo dell'alto Medioevo (Atti della XLVII Settimana di studio del Centro italiano di Studi sull'Alto Medioevo)*. – Spoleto : Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2000. – P. 15–45.
- 406) Wickham C. *Framing the Early Middle Ages: Europe and Mediterranean 400-800* / C. Wickham. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – XXVIII, 990 p.
- 407) Wickham C. *Productive Forces and the Economic Logic of the Feudal Mode of Production* / C. Wickham // *Historical Materialism*. – 2008. – № 16. – P. 3–22.
- 408) Wickham C. *Rethinking the Structure of the Early Medieval Economy* / C. Wickham // *The long Morning of early Medieval Europe* / Ed. J. R. Davis, M. McCormick. – Aldershot : Ashgate, 2008. P. 19–31.
- 409) Wickham C. *Rural Society in Carolingian Europe* // *The New Cambridge Medieval History. Vol. II.: c. 700 – c. 900* / Ed. R. McKitterick. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – P. 510–553.
- 410) Wickham C. *Medieval Rome. Stability and Crisis of a City, 900–1150* / C. Wickham. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – XXVIII, 501 p.
- 411) Zaccarini U. *La carta piscatoria Ravennate del 943* / U. Zaccarini. – Ravenna : Società degli uomini della Casa Matha, 1993. – 1 f.

412) Zirardini A. Degli antichi edifizj profane di Ravenna libri due / A. Zirardini. – Faenza : Presso l'Archi Impressor Camerale, e del S. Ufizio, 1762. – XVIII, 312.

Приложение 1. Неиталийское население Романьи в IX–X вв.

Франкское и заальпийское население

Имя	Дата	Происхождение	Социальный статус
Angelrada/Ingelrada	888-889	франк	Графиня, супруга риминийского дукса Мартина
Adelengo q.v. Acio	896	франк	Неясен. Свидетель при заключении сделки Ингельрадой
Adam	909	франк	Inlustris vir, клиент Ингельрады
Pipino	920	франк (?)	Церковный эмфитевта
Adalo q.v. Acius	948	алеманн	Знатный монастырский либеллярый
Aca(ca)deo f. Guinigisi	948	алеманн	Vir magnificus
Esmido	950	франк	Nobilis vir. Крупный церковный эмфитевта
Ermenaldus	927-971	франк	Крупный церковный эмфитевта
Vualingo f. q. Tedmarii	981	франк	Церковный эмфитевта

Лангобардское население

Имя	Дата	Социальный статус
Hugo	955-960	Золотых дел мастер, vir clarissimus
Atjo f. Leo	955	Vir clarissimus
Arialdo	957	Неясен (предположительно, высокий)
Rodaldo q.v. Roizo		Неясен (предположительно, высокий)
Adelbertus Amelricus Lambertus	969	Братья, эмфитевты-арендаторы соляных прудов в Комаккьо
Offitja	969	Их мать
Hermenulfus Paulus q.v. Aucello Lupo de Viciliano	927-971	Эмфитевты в Сенигаллии

Прочие этнические группы

Имя	Дата	Происхождение	Социальный статус
Maria	944	славянка	Незнатная (simplex femina) съемщица жилья в Равенне
Dominica	944	славянка	Ее дочь
Iohannes f. Petri q.vocab. Greco	965	грек (?)	Знатный эмфитевта из Равенны
Idelenda f.q.	965	гречанка (?)	Clarissima femina. Его супруга

Romanatj			
Helia f. q. Iusto	967	иудей	Церковный эмфитевта из Анконы

Приложение 2. Перевод *Carta Piscatoria* (943 г.).

Документ № 1. *Carta Piscatoria* (943 г.).

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Во второй год хранимого Богом понтификата Марина¹⁹³³, верховного понтифика и папы на священнейшем престоле святого Петра, в семнадцатый год правления благочестивейшего короля господина (*domno*) Гуго и тринадцатый год [правления] господина Лотаря, также короля и сына его, в двенадцатый день месяца апреля первого индикта, Равенна. [Тебе], Петру¹⁹³⁴, священнейшему архиепископу святой католической церкви Равенны, святому господину, блаженнейшему заслугами, и апостольскому отцу отцов, от братьев Иоанна по прозвищу Цакула и Деметрия, Льва по прозвищу Скамперто, братьев Доминика и Урса, Стефана, Доминика де Меркуриа, Онеста, Льва по прозвищу Боницо, другого Льва, Петра, а также всех наших совладельцев (*consortes*) из объединения (*scola*) рыбаков на реке Бадарено, а также наших сыновей и внуков, которые пожелают оставаться в этом объединении (*scola*) для занятия рыболовством.

Легок путь для тех, кто всякий раз желает добиться милости от святой вашей Равеннской церкви, когда это не наносит ущерба ее правам, и всегда мы вверяем это вашему апостольскому достоинству (*apostolatus*), дабы под вашим управлением преумножалось, а не преуменьшалось имущество вашей Церкви, возглавляемой Господом. Потому, уверенные в благосклонности вашего апостольского достоинства, смиренно просим, дабы [вы дали нам] разрешение ловить рыбу на реке под названием Бадарено, протекающей от местечка Пенсалардо вплоть до моря, которое было ранее предоставлено вашими предшественниками нашим родителям и предкам, входившим в вышеуказанное объединение, на условиях пакта (*per pactum conveniente statutis*). Мы просим,

¹⁹³³ Марин II, папа римский в 942–946 гг.

¹⁹³⁴ Петр IV, равеннский архиепископ в 927–971 гг.

чтобы вы предоставили нам [это разрешение] на условиях эмфитевзиса, при условии, что ранее [имущество] не сдавалось в эмфитевзис, а также ввиду того, что мы правильно и справедливо подали вам прошение, и имущество не находится в держании других лиц (*et ab aliis minime detinetur*); а именно нам, вышеназванным братьям Иоанну по прозвищу Цакула и Деметрию, Льву по прозвищу Скамперто, братьям Доминику и Урсу, Стефану, Доминику де Меркуриа, Онесту, Льву по прозвищу Боницо, другому Льву, Петру, а также нашим сыновьям и внукам, которые пожелают оставаться в этом объединении для занятия рыболовством, пока Божественное величие позволит пребывать нам под своим светом.

Торжественно обещаем, что, как и прежде, мы должны отдавать святой вашей Равеннской церкви для нужд ее, вашего превосходительства и ваших наследников, а также вашим министериялам часть каждого улова с Бадарено, где мы, по обычаю, привыкли рыбачить, а именно, сороковую часть каждого рода рыбы, которую мы там поймем, либо самой рыбой, либо сороковой частью [ее стоимости] в денариях, за исключением тех случаев, когда мы, наши дети или внуки поймут осетра или *adalum*¹⁹³⁵ длиной более четырех футов (*pedes*) – тогда мы не вправе продавать его никоим образом без уведомления и вашего желания. И если мы уведомим вас или ваших наследников о пойманном осетре или *adalum*, и вы не пожелаете купить его по цене, признанной между нами справедливой, мы получаем разрешение продать [эту рыбу] там, где мы пожелаем, с уплатой вам вышеназванной доли (*iustitia domnica*). Все это мы, наши сыновья, внуки и совладельцы должны хранить и выполнять без какого-либо подлога и обмана. И если вдруг (и лучше бы этого избежать) мы будем обвинены в подлоге какого-нибудь из вышеназванных [условий], мы должны будем безотлагательно предоставить вам гарантию посредством клятвы. И не имеете вы разрешения передать или сдать в залог этот эмфитевтический договор или вышеназванный участок реки (*aqua*) какому-либо лицу ни по какому соглашению или предлогу.

¹⁹³⁵ Крупная рыба из семейства осетровых, встречающаяся в памятниках городского права Равенны XIV в.

Если же мы осмелимся сделать это или не исполнить вышенаписанное, мы, наши дети и внуки из объединения рыбаков обязуемся уплатить святой вашей Равеннской церкви по две унции золота с человека. И после нашей кончины, когда того пожелает Господь, весь вышеназванный участок реки (aqua) вернется под власть святой вашей Равеннской церкви, чьей собственностью она является.

Этот эмфитевзис, составленный по нашей просьбе Георгием, нотарием святой Равеннской церкви, в котором мы поставили свои подписи или оставили святой крест, а также подписались свидетели, привлеченные нами, мы, на условии договора и взаимного обязательства (*sub stipulatione et sponsione*), передаем на будущее хранение в архив святой Равеннской церкви в вышеуказанный день и месяц первого индикта. Равенна.

Документ № 2. Либеллярная аренда 971 г. в районе Комаккьо

Божьей милостью архиепископ Онест, слуга слуг Божьих, предоставь [нам], вилику Петру, называемому Де Урсоне Веккло, а также Григорию по прозвищу Де Бланда, Льву де Профекта, Меркурию де Церавалья, Наталу де Профекта, Иоанну де Грегорио Науто, Иоанну Кантамиссе, Мартину Карозо, Льву де Урсоне де Грегорио Науто, Петру, зятю (*genero*) Урсы Кариманны, Аполлинарию, каждому в собственный надел (*porcione*), а также нашим детям на условиях либеллы имущество святой вашей Равеннской церкви, а именно рыболовное угодье (*piscaria*) целиком под названием Аугуста, с каналами, выпасными, охотничьими и птицеловными угодьями и со всем, что ему принадлежит, в округе Комаккьо. На границах [угодья], с одной стороны – Перео, с другой – Падоренум (Бадарено?), с третьей – Маргарите, с четвертой – Вирджинезе и Падо Ветере¹⁹³⁶, собственность святой вашей Равеннской церкви. На условиях владения, держания, ловли рыбы, мелкой дичи и птиц, охраны и всяческого улучшения [участка] в течение 29 лет с возможностью продления [договора] при условии уплаты причитающегося платежа (*sanatione domnica*); [эту аренду] мы сможем

¹⁹³⁶ Pado Vetere и Padorenium — реки близ Комаккьо. Остальные объекты (Margarite, Pereo), возможно, также являются гидронимами.

получить из собственности святой вашей Равеннской церкви в день января-месяца.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В пятый год хранимого Богом понтификата Бенедикта, верховного понтифика и папы на священнейшем престоле святого Петра, а также в десятый год правления в Италии избранного Богом миролюбивого великого императора господина Оттона, в пятнадцатый день января-месяца пятого индикта, Равенна. Таким образом, согласно господскому распоряжению, мы обязуемся уплачивать вам и вашим наследникам в каждый индикт 20 серебряных денариев без какого-либо предлога или отсрочки, которые мы обязуемся доставлять в Равенну в вашу резиденцию. Также мы должны принимать актора, вилика или министра святой вашей Равеннской церкви и оказывать им прием со всей честью и смиренностью. И мы, вышеуказанные колонны, не имеем дозволения дарить, продавать или передавать эту либеллу или вышеуказанное угодье другому лицу или благочестивому месту¹⁹³⁷ ни по какому соглашению или предлогу, если только не возникнет необходимость [разделить имущество] между нами, [нашими] братьями и совладельцами. И должны мы выполнять все, что написано выше. Если же с нашей стороны будет замыслено что-либо против этого либеллярного договора до окончания срока его действия, мы будем должны уплатить святой вашей Равеннской церкви, перед началом тяжбы и подачи судебного иска, штраф в размере шести золотых унций, и после его уплаты этот договор будет оставаться в силе.

Это прошение было составлено по нашей просьбе Деусдедитом, нотарием святой вашей Равеннской церкви, и в нем мы поставили символы святого креста, в вышеуказанные день, месяц и пятый индикт. Равенна.

¹⁹³⁷ Имеются в виду духовные корпорации — церкви и монастыри.